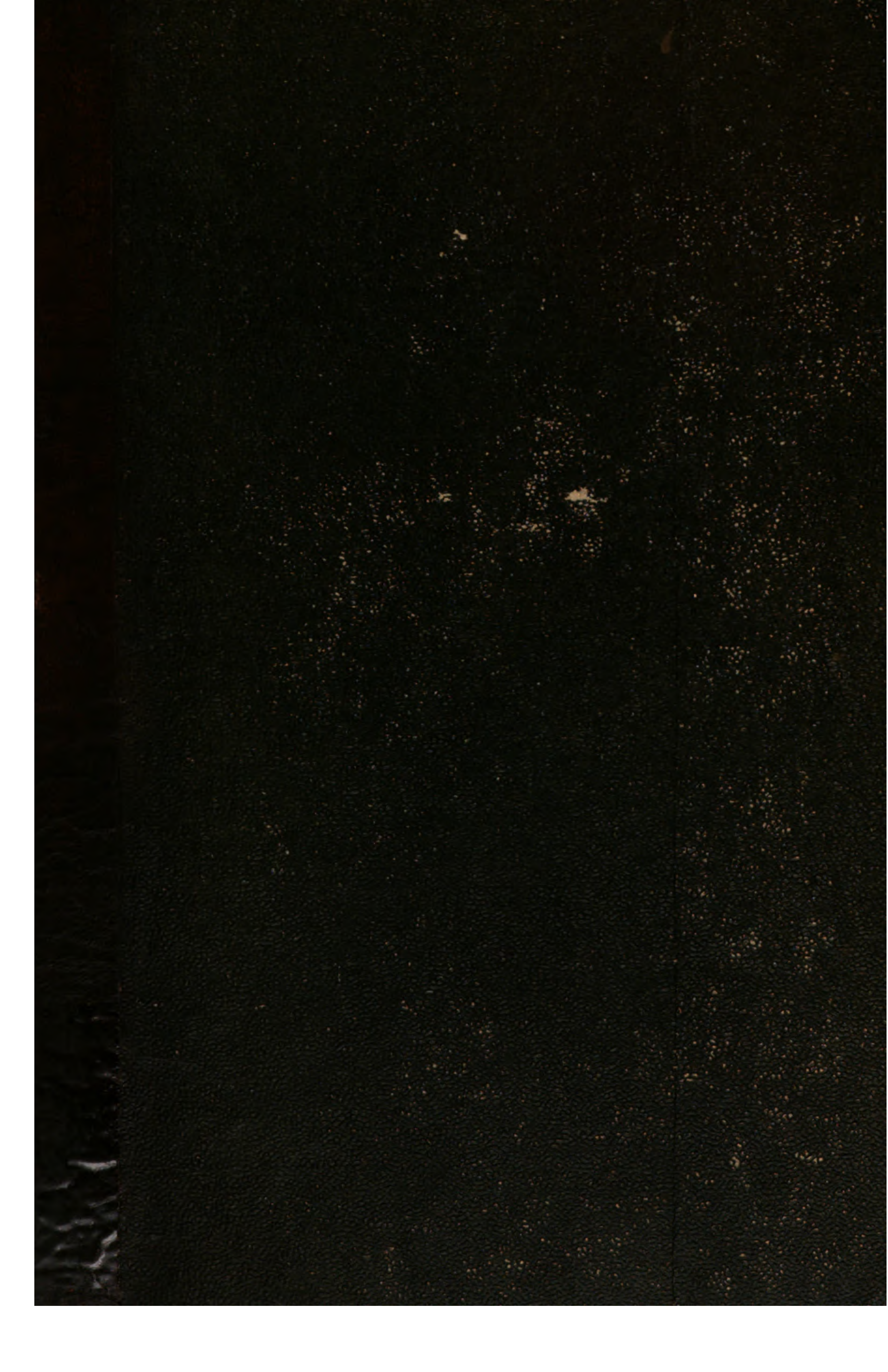
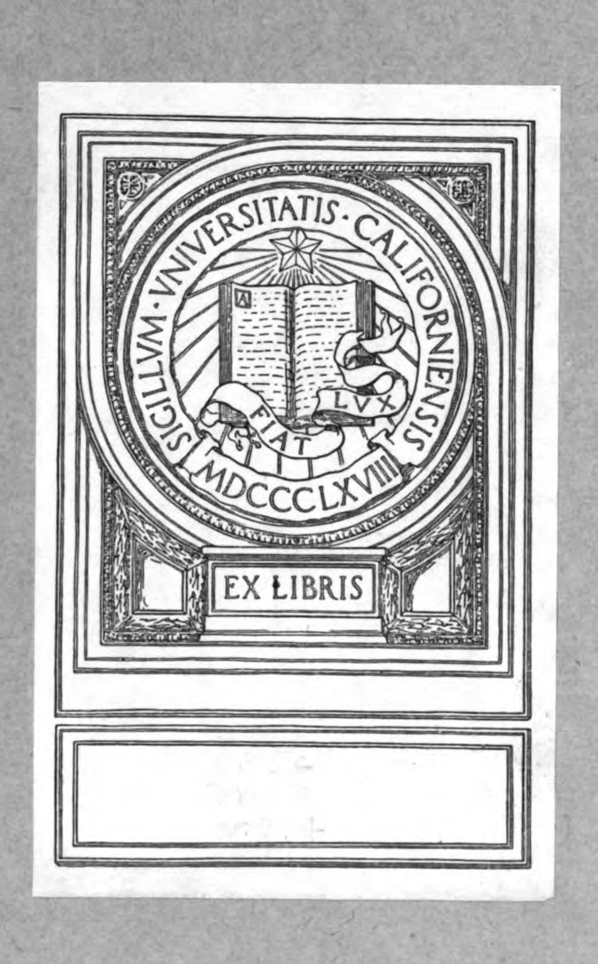

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ IX-й. № 4-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская. 43).
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ IX-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

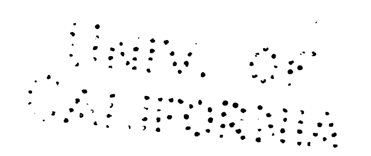
Дозволено цензурою 27-го марта 1900 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Астрономическія обсерваторіи и главнѣйшія задачи наблюдательной астрономіи.

(Историческій очеркъ).

Начало астрономіи относится къ самой глубокой древности. Никто не можетъ указать для него опредѣленной даты. Чуть ни при первыхъ шагахъ культуры, когда человѣкъ кочевалъ съ своими стадами, онъ былъ уже въ нѣкоторомъ родѣ астрономомъ. Безоблачное, красивое небо благодатнаго юга не могло не привлекать его взоровъ. Онъ любовался имъ, съ нимъ соединялъ онъ свои религіозныя вѣрованія, скоро научился онъ и пользоваться имъ для счисленія времени. Систематическія наблюденія движенія небеснаго свода являются необходимостью, астрономическія знанія ростутъ вмѣстѣ съ культурой. Сама жизнь толкаетъ впередъ только-что зарождающуюся науку о небѣ. Наблюденія производятся просто невооруженнымъ глазомъ, естественной обсерваторіей служитъ широкое поле, какой-нибудь пригорокъ или преддверіе храма.

У египтянъ, занимавшихся земледѣліемъ, астрономія стоитъ уже сравнительно довольно высоко. Жизнь обусловливается здѣсь урожаемъ. Урожай находится въ зависимости отъ разлитій плодороднаго Нила, регулируемыхъ смѣнами временъ года, о приближеніи которыхъ можно судить по положенію звѣздъ.

Первымъ вспомогательнымъ средствомъ для наблюденій древнихъ является плоскость горизонта: наблюдаютъ восходъ и заходъ свѣтилъ.— Но уже за 2170 лѣтъ до Р. Хр. въ Египтѣ стояли пирамиды, которыя, повидимому, служили для наблюденія прохожденій черезъ меридіанъ. По особому каналу, спускающемуся съ сѣверной стороны пирамиды проникаютъ внутрь, въ самое святилище, лучи Полярной звѣзды того времени (α Draconis). Другое отверстіе смотритъ на югъ. Черезъ него ровно въ полночь, въ день осенняго равноденствія видны *Плеяды*— эта маленькая группка звѣздъ, которую народъ нашъ зоветъ *Стожарами*.

Египетскій календарь, находившійся въ полномъ согласіи съ небесными явленіями, представляетъ удивительное произведеніе, дѣлаю-

щее честь остроумію жрецовъ, придумавшихъ его, и подтверждающее высокое развитіе наблюдательной астрономіи въ древнемъ Египтѣ.

Еще раньше, можетъ быть, развилась астрономія въ Китаѣ. Есть подозрѣніе, что тамъ болѣе или менѣе правильно наблюдались звѣзды еще за 3400 л. до Р. Хр. Несомнѣнно, что подобныя наблюденія велись за 2500 л. Въ 2296 г. описана комета—первая, о которой имѣются свѣдѣнія; въ 2241 г. замѣчена новая яркая звѣзда, которая горѣла нѣкоторое время и пропала. Китайцы очень интересовались лунными и солнечными затменіями и, повидимому, пытались предсказывать ихъ. Разсказываютъ, что въ 2198 г. два астронома Хи и Хо были даже казнены за то, что не предупредили о затменіи, вызвавшемъ волненіе въ народѣ.

Наблюденія китайцевъ главнымъ образомъ распространяются на явленія необычайныя, эффектныя, но имъ не чужды были и измѣренія. Они пользуются древнимъ приборомъ *гномономъ* для опредѣленія наклонности пути солнечнаго (такъ называемой эклиптики) къ экватору. Гномонъ—это просто шестъ, вертикально поставленный. Въ солнечный день онъ отбрасываетъ тѣнь. Чѣмъ выше поднимается солнце, тѣмъ тѣнь короче; въ полдень она кратчайшая—это укажетъ направленіе полуденной линіи, точки юга и сѣвера, а слѣдовательно востока и запада. Измѣряя длину тѣни и зная высоту гномона, изъ вычисленій получимъ высоту солнца надъ горизонтомъ въ градусахъ. Разность высотъ солнца въ полдень весенняго и осенняго солнцестояній дастъ уголъ, вдвое большій наклонности эклиптики.

Сравнительно мы мало знаемъ объ астрономіи индусовъ, но и по тѣмъ источникамъ, которые уже разработаны, видно, что она въ глубокой древности стояла на высокой степени развитія и превосходила китайскую въ теоретическомъ отношеніи. Изъ наблюденій, занесенныхъ въ индійскія письмена, стоитъ отмѣтить покрытія луной Плеядъ и планетъ, равно какъ и различныя соединенія послѣднихъ. Интересно, что описывая покрытіе Юпитера или Меркурія луной, индусы не говорили, что планета появляется изъ-за луны, а что луна рождаетъ ее.

Индійская астрономія имѣетъ несомнѣнную связь съ ассирійской и вавилонской, здѣсь мы находимъ и зачатки средневѣковой астрологіи. Великіе повелители древняго востока ничего не предпринимали безъ предсказаній придворныхъ астрологовъ, которые слѣдили за движеніями планетъ и луны съ высоты спеціальныхъ обсерваторій.

Кромѣ необходимости какъ-нибудь оріентироваться во времени, создать какой-нибудь календарь, который регулировалъ бы образъ жизни народа, развивающаяся мало-по-малу культура выдвинула и другой факторъ, обусловливающій быстрые успѣхи астрономіи—это именно мореплаваніе. Морякъ долженъ быть знакомъ съ небомъ, потому что только по звѣздамъ онъ можетъ направлять корабль свой въ открытомъ морѣ. Онъ долженъ умѣть по движенію небеснаго свода находить

стороны свѣта и какъ-нибудь опредѣлять время восхода и захода различныхъ созвѣздій.

Знаменитые своими смѣлыми, далекими плаваніями финикіяне переносятъ астрономическія знанія восточныхъ народовъ и Египта въ Грецію, но они не находятъ здѣсь подходящей для себя почвы. Несвойственно греку заниматься объективными наблюденіями, разъ нѣтъ уже непосредственнаго толчка къ этому, онъ предпочитаетъ строить философскія системы по умозрѣнію или отдыхаетъ на поэтическихъ созданіяхъ своей миѳологіи, усѣявшихъ небо богами и героями.

Правда, начало наиболѣе точной астрономіи положено греками, но только уже позднѣе, въ III вѣкѣ до Р. Хр. и развивается она не въ самой Греціи, а въ Александріи.

Эратосѳенъ—одинъ изъ выдающихся членовъ александрійской академіи дѣлаетъ первую попытку опредѣлить форму и размѣры земли по разности высотъ одного и того же свѣтила, наблюдаемаго въ Сіенѣ (теперь Ассуанъ) и въ Александріи, и по разстоянію между этими пунктами, его остроумнѣйшій коллега Аристархъ геометрическимъ путемъ опредѣляетъ разстояніе солнца отъ земли.

Во второмъ вѣкѣ на островѣ Родосѣ работаетъ Гиппархъ, поддерживающій дѣятельныя сношенія съ Александріей и одно время наблюдавшій тамъ. Онъ называется «отцомъ астрономіи»—астрономіи научной, основанной на наблюденіяхъ, а не на умозрѣніи. Онъ опредѣлилъ элементы солнечнаго пути, составилъ первыя солнечныя таблицы, изслѣдовалъ движеніе луны и, пользуясь наблюденіями жившихъ до него александрійскихъ астрономовъ Аристилла и Тимохариса, сдѣлалъ удивительное открытіе смѣщенія равноденственныхъ точекъ; онъ ввелъ тригонометрію въ сферическую астрономію и составилъ по своимъ наблюденіямъ первый звѣздный каталогъ. Нѣтъ равнаго ему наблюдателя въ древнемъ мірѣ.

Мѣстомъ наблюденія для александрійскихъ астрономовъ служилъ знаменитый музей (академія), сыгравшій такую огромную роль для развитія и другихъ отраслей знанія.

На терассѣ зданія, возвышающагося надъ спящимъ городомъ расположился наблюдатель. Его сосредоточенное лицо обращено къ небу. Но не мечты свои повѣряетъ онъ звѣздамъ и не гадаетъ онъ по положенію ихъ, нѣтъ онъ измѣряетъ взаимныя ихъ разстоянія на сферѣ небесной. Смѣется грекъ надъ прежними наблюдателями, оцѣнивавшими разстоянія звѣздъ на небѣ въ линейныхъ единицахъ, потому что онѣ являются впечатлѣніями субъективными, во многихъ случаяхъ совершенно непримиримыми, онъ понимаетъ, что и оцѣнка по діаметрамъ луны не особенно точна. Послѣдователь Эвклида придумалъ инструментъ—простой и наивный, пожалуй, для нашего времени, но вѣрный въ своей математической идеѣ и дающій точные сравнительно съ прежними результаты.

Я имѣю въ виду такъ называемую *параллактическую линейку*, изобрѣтеніе которой приписываютъ Птоломею,—преемнику Гиппарха, извѣстному своей системой міра, продержавшейся семнадцать столѣтій, и знаменитымъ «Альмагестомъ»—первымъ учебникомъ астрономіи, въ которомъ онъ описалъ наблюденія и открытія своего великаго учителя.

Эратосѳенъ изобрѣлъ меридіанный кругъ. Гиппархъ усовершенствовалъ его конструкцію, такъ что могъ опредѣлять имъ высоту солнца въ каждый полдень. Наблюденія въ меридіанѣ онъ считаетъ болѣе удобными, чѣмъ въ горизонтѣ, но скоро находитъ, что нѣтъ основанія ограничиваться меридіаномъ и строитъ *астролябію*—инструментъ, съ помощью котораго оказывается возможнымъ наблюдать солнце, луну, планеты, неподвижныя звѣзды при всякомъ ихъ положеніи на небесномъ сводѣ. Подобному инструменту обязаны мы открытіемъ прецессіи, т.-е. предваренія равноденствія,—явленія, состоящаго въ томъ, что точка весенняго равноденствія движется навстрѣчу солнцу по эклиптикѣ на небольшой уголъ въ 50″ въ годъ, что равносильно каченію земной оси по поверхности нѣкотораго конуса, причемъ полюсъ міра описываетъ на небѣ окружность около нѣкотораго центра круглымъ числомъ въ 26.000 лѣтъ, подходя въ различныя эпохи къ различнымъ созвѣздіямъ. Теперь полюсъ стоитъ близъ главной звѣзды въ созвѣздіи Малой Медвѣдицы (α Ursae minoris) — эта звѣзда и называется *Полярной*. Полюсъ все болѣе и болѣе къ ней приближается, но черезъ 200 лѣтъ онъ начнетъ отходить, въ 4100 году онъ приблизится къ γ Цефея, которая и будетъ называться тогда Полярной, черезъ 12.000 лѣтъ онъ будетъ у α Лиры. За 2700 до Р. Хр., наоборотъ, полюсъ находился близъ α Дракона.

За блестящей александрійской эпохой наступаетъ затишье въ исторіи астрономіи на цѣлыя 1½ тысячи лѣтъ. Правда, у арабовъ астрономія въ почетѣ. Она удостоена вниманія и покровительства самихъ халифовъ. Аль-Мамунъ въ началѣ IX-го вѣка строитъ близъ Багдада обсерваторію и иногда наблюдаетъ на ней вмѣстѣ съ своими астрономами; въ 827 году онъ организуетъ геодезическія измѣренія для опредѣленія размѣровъ земли. Дамаскъ имѣетъ свою обсерваторію.

Принцъ Альбатегвій, жившій съ половины IX вѣка по 928 г., считается однимъ изъ выдающихся астрономовъ, онъ много наблюдалъ въ Арактѣ (Месопотаміи) и Дамаскѣ, и искусно вычислялъ, извѣстенъ нѣкоторыми теоретическими открытіями.

Абуль-Вефа, родомъ персъ, спеціально интересуется движеніемъ планетъ, которыя онъ впервые прослѣдилъ во всѣхъ частяхъ ихъ орбитъ, онъ директорствуетъ на новой обсерваторіи, которую эмиръ Сарафъ-эдъ-Даула воздвигъ для этой цѣли въ саду своего дворца въ Багдадѣ.

Ибнъ-Юніусъ (ум. 1018) строитъ обсерваторію близъ Каира на горѣ Мокатпанъ.

Въ XIII в. появляются также у персовъ въ Самаркандѣ, Бухарѣ и Нишарурѣ университеты съ хорошими обсерваторіями, на которыхъ, кромѣ планетныхъ таблицъ, составляется звѣздный каталогъ на основаніи большого ряда наблюденій и т. п., но вездѣ на этихъ обсерваторіяхъ употребляются тѣ же инструменты, что у грековъ. Арабы измѣняютъ только нѣсколько методы наблюденія и конструкцію инструментовъ въ зависимости отъ огромныхъ размѣровъ, которые они придаютъ имъ для большей точности результатовъ. Вмѣсто круга они употребляютъ квадрантъ, т.-е. $^1/_4$ окружности, или секторъ еще меньшаго угла. Такой квадрантъ, съ радіусомъ, напримѣръ, въ 58 футовъ, стоитъ въ меридіанѣ. Когда свѣтило проходитъ черезъ эту плоскость, отмѣчается время, а высоту получаютъ, отсчитывая положеніе діоптровъ, направленныхъ на свѣтило по дугѣ квадранта, раздѣленной благодаря большому радіусу на довольно мелкія угловыя части.

Тѣ же инструменты въ общемъ и на западѣ. Къ нимъ надо прибавить только еще часы съ гирями, несравненно болѣе точные, чѣмъ прежніе—песочные и водяные.

Въ 1576 году одинъ датчанинъ Тихо-Браге воздвигаетъ на островѣ Хвенѣ, подаренномъ ему съ спеціальною цѣлью датскимъ королемъ Фридрихомъ II, громадную обсерваторію, которую онъ назвалъ «Ураніебургъ»—крѣпость неба. Это дѣйствительно крѣпость съ высокими стѣнами, громадными башнями. Обсерваторія обставлена богато. Правда, на ней все тѣ же параллактическія линейки, астролябіи, секстанты, стѣнные квадранты... но они построены болѣе тщательно, даютъ болѣе точные результаты, а самъ хозяинъ наблюдаетъ на нихъ много и искусно. Его наблюденія составляютъ эпоху въ исторіи астрономіи, потому что Кеплеръ, воспользовавшись ими, открылъ свои знаменитые законы движенія планетъ.

Александрійскіе греки могли опредѣлять положеніе свѣтила на небѣ только съ точностью до долей градуса, въ лучшемъ случаѣ до 10′, а инструменты Тихо-Браге давали отсчеты до 10″, такъ что его наблюденія, во всякомъ случаѣ не имѣли ошибокъ, большихъ 1 минуты, въ исключительныхъ случаяхъ 2′, это удивительная точность, какой можно было достигнуть при наблюденіяхъ невооруженнымъ глазомъ.

Когда была изобрѣтена астрономическая труба, скоро догадались присоединить ее и къ измѣрительнымъ инструментамъ. Точность измѣреній значительно поднялась. Техника въ изготовленіи раздѣленныхъ квадрантовъ, а потомъ круговъ быстро прогрессируетъ, къ нимъ присоединяются вспомогательныя части, обусловливающія еще болѣе точные отсчеты: ноніусы и микроскопы съ микрометрами. Вмѣстѣ съ тѣмъ открыты были средства компенсаціи въ часахъ, появляются хорошіе регуляторы и хронометры.

Я не намѣренъ здѣсь дать полной картины послѣдовательнаго развитія инструментовъ, служившихъ для наблюденій свѣтилъ въ мери-

діанѣ, я перейду прямо къ послѣднему типу такъ называемыхъ меридіанныхъ круговъ, къ новѣйшей конструкціи великихъ художниковъ братьевъ Репсольдовъ въ Гамбургѣ.

Въ плоскости меридіана движется труба, допускающая довольно сильныя увеличенія. Она можетъ быть поставлена на какую угодно высоту, положенія ея отсчитывается на боковыхъ раздѣленныхъ кругахъ съ помощью четырехъ микроскоповъ. Круги не велики, но дѣленія на нихъ—чудо совершенства, ихъ всего на каждомъ кругѣ 10800, они такъ нѣжны, такъ тѣсны, что совсѣмъ почти не различимы глазомъ. Подъ микроскопомъ промежутокъ между дѣленіями кажется уже довольно большимъ, а микрометръ позволяетъ опредѣлить съ нѣкоторой степенью вѣроятности даже тысячныя доли его.

Большое вниманіе обращено на горизонтальную ось, вокругъ которой вращается труба. Концы ея—цилиндры идеальной формы, размѣры которыхъ одинаковы до сотыхъ долей миллиметра. Все приспособлено, чтобы оградить инструментъ отъ посторонняго вліянія. Онъ лежитъ на каменныхъ столбахъ, глубоко ушедшихъ подъ полъ, послѣдній не прикасается къ нимъ. Вокругъ инструмента можно свободно ходить—ни одно движеніе не передается ему. Микроскопы установлены на массивныхъ чугунныхъ барабанахъ, привинченныхъ къ столбу. Они стоятъ неподвижно, а кругъ съ дѣленіями, вращающійся вмѣстѣ съ трубой, подходитъ различными своими частями подъ ихъ объективы. Они имѣютъ значительную длину, чтобы наблюдатель не вліялъ на расширеніе круга теплотой своего собственнаго тѣла. Въ старыхъ обсерваторіяхъ, типичнымъ примѣромъ которыхъ можетъ служить обсерваторія нѣмецкаго университета въ Прагѣ, помѣщающаяся въ старой іезуитской коллегіи *Climentinum*, подобные инструменты ставились на второмъ и на третьемъ этажахъ (поближе къ небу) и, понятно, откликались на всѣ сотрясенія зданія. Самое помѣщеніе обыкновенно имѣло толстыя стѣны и очень узкіе прорѣзы, что обусловливало значительную разницу въ температурахъ зала и наружной; вслѣдствіе этого, всегда является токъ воздуха, изображеніе звѣзды въ трубѣ непокойно, размыто, наблюденія—неточны. Теперь измѣрительные приборы спущены прямо на почву, они, какъ сказано выше, располагаются на столбахъ, совсѣмъ не имѣющихъ связи съ окружающей обстановкой. Стѣны зала тонки,—деревянныя или желѣзныя съ наружнымъ щитомъ, люки широкіе. Они открываются за нѣсколько часовъ до наблюденій, чтобы наружная и внутренняя температуры сравнялись. Если на дворѣ морозъ 20°, то столько же и внутри, но наблюдатель не смущается этимъ. Онъ остается у инструмента нѣсколько часовъ—4, 6 и болѣе—въ безпрерывной работѣ Его уши открыты, руки тоже безъ перчатокъ, чтобы имѣть возможность, руководствуясь осязаніемъ, сообщить трубѣ самыя малыя перемѣщенія.

Вотъ приближается моментъ, когда интересующая его звѣзда подхо-

дить къ меридіану. Онъ располагаетъ трубу на извѣстной высотѣ и садится или ложится на движущійся подъ ней на рельсахъ стулъ. По близъ стоящимъ астрономическимъ часамъ начинаетъ считать онъ мѣрные секундные удары: «разъ, два, три, четыре, пять...» Вотъ звѣзда показалась въ полѣ зрѣнія трубы; повинуясь суточному движенію небеснаго свода, она плавно подходитъ все ближе и ближе къ центру. Наблюдатель весь превращается во вниманіе. Онъ не чувствуетъ болѣе ни холода, ни вѣтра, рвущаго наверху люки... «Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...» Вотъ звѣзда приближается къ первой изъ вертикальныхъ нитей, которыя натянуты въ полѣ зрѣнія. «Двадцать пять», говоритъ про себя наблюдатель, когда она совсѣмъ у нити, «двадцать шесть», когда она уже по другую отъ нея сторону. Опытнымъ взоромъ астрономъ оцѣниваетъ части, на которыя нить раздѣляетъ секундный интервалъ звѣзднаго пути, и записываетъ въ своемъ журналѣ, положимъ, 25,8. Но онъ не бросилъ при этомъ счета. Эти двѣ операціи,—оцѣнка десятыхъ долей секунды и запись не должны его сбить. Онъ продолжаетъ считать и у второй нити запишетъ—34,6 и т. д.

Когда звѣзда у средней нити, онъ ловкимъ движеніемъ особаго ключа сразу ставитъ трубу такъ, чтобы звѣзда была точно на серединѣ между двумя горизонтальными нитями.

Моменты прохожденія черезъ нити, какъ до, такъ и послѣ средней, приводятся вычисленіями къ одному—получается точное время прохожденія черезъ середину поля. Отсчетъ по четыремъ микроскопамъ на кругѣ даетъ положеніе трубы, т.-е. высоту звѣзды, и этихъ двухъ величинъ достаточно, чтобы опредѣлить положеніе свѣтила на небѣ. Конечно, должны быть введены еще кое-какія поправки: нужно причитать наклоненіе оси инструмента, отступленіе той плоскости, въ которой движется ось трубы, отъ плоскости меридіана, вліяніе рефракціи, измѣняющейся съ измѣненіемъ показаній барометра и термометра. Нужно знать и постоянныя ошибки инструмента. Со времени Бесселя астрономъ не полагается на искусство мастера, приготовившаго инструментъ. Какъ бы ни была знаменита фирма, какіе бы точные инструменты она ни выпускала, астрономъ, прежде всего, принимается за изслѣдованіе инструмента, съ которымъ начинаетъ работать. Онъ изслѣдуетъ форму цапфовъ, т.-е. концовъ горизонтальной оси, винтъ микрометра, уровень... измѣряетъ разстояніе между штрихами на кругѣ и пр. На это идутъ у него мѣсяцы, годы. На годы растягиваются и наблюденія. Какъ это скучно! Какая же это астрономія—это техника,—скажите вы, читатель. О да! У астронома много черной работы, но не одна она. Какъ виртуозъ не оставитъ на насъ впечатлѣнія одной своей техникой, какъ бы ни были удивительны его пассажи, но обладая чуткой, отзывчивой душой, онъ съ этими средствами заставитъ стонать и плакать свои аккорды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь зрительный залъ, такъ и астрономъ можетъ извлечь изъ своихъ наблюденій богатые

результаты только тогда, когда обладаетъ достаточнымъ знаніемъ и извѣстнымъ запасомъ идей. Вотъ почему мы не допускаемъ до наблюденій людей, не отдавшихъ себя спеціально астрономіи, хотя бы они и способны были хорошо освоиться съ технической стороной наблюденій. Черная работа сравнительно и мало тяготитъ астронома. Если онъ ясно представляетъ свою задачу, если онъ понимаетъ, куда идетъ, куда стремится, то для него всѣ цифры живутъ и самая работа веселитъ. Весьма часто остроумный изслѣдователь дѣлаетъ по своимъ наблюденіямъ и неожиданныя открытія. Такъ, изъ меридіанныхъ наблюденій была открыта нутація—явленіе, состоящее въ томъ, что полюсъ міра, описывая на небѣ окружность, какъ мы говорили, идетъ зигзагами съ періодомъ въ 18½ лѣтъ, что обусловливается вліяніемъ луны, положеніе орбиты которой подвержено колебаніямъ съ тѣмъ же періодомъ, открыта была также аберрація, вслѣдствіе которой звѣзда за годъ опишетъ на небесномъ сводѣ небольшой эллипсъ размѣрами въ нѣсколько секундъ дуги, замѣчены были неправильности въ движеніи планеты Урана, повлекшія за собой открытіе новой планеты Нептуна, равно какъ и неправильности въ перемѣщеніяхъ Сиріуса и Проціона, указавшія на существованіе около нихъ спутниковъ, за послѣдніе годы дѣйствительно усмотрѣнныхъ въ сильныя трубы.

Меридіаннымъ кругомъ, главнымъ образомъ, пользуются для опредѣленія положенія звѣздъ—основныхъ точекъ, которыя служатъ для точнаго вычисленія орбитъ тѣлъ движущихся: кометъ и планетъ. Изъ меридіанныхъ наблюденій обнаружены и такъ называемыя собственныя движенія самихъ звѣздъ. Звѣзды называются неподвижными только въ условномъ смыслѣ въ отличіе отъ планетъ и луны, имѣющихъ сравнительно быстрыя движенія, но онѣ также не сохраняютъ постояннаго положенія на сферѣ небесной. Кромѣ измѣненій въ положеніи, обусловливаемыхъ прецессіей, нутаціей, аберраціей, многія изъ нихъ обнаруживаютъ небольшія смѣщенія въ нѣсколько долей секунды дуги въ годъ. Часть этихъ смѣщеній—кажущаяся, она является отраженіемъ движенія нашей солнечной системы, которая, какъ оказывается, несется по направленію къ созвѣздію Геркулеса со скоростью нѣсколькихъ верстъ въ секунду, но часть принадлежитъ и собственнымъ движеніямъ звѣздъ въ міровомъ пространствѣ. Болѣе точныя изслѣдованія движенія солнечной системы, опредѣленія того центра, около котораго оно совершается, а также выясненія собственныхъ движеній звѣздъ—задача будущаго.

Въ настоящее время въ большомъ распространеніи регистрирные приборы, такъ называемые *хронографы*, которые позволяютъ опредѣлить моменты прохожденія звѣзды черезъ нити въ общемъ, съ значительно большей точностью, чѣмъ по слуху.

Еще большее усовершенствованіе представляетъ регистрирный микрометръ братьевъ Репсольдовъ, только что начинающій входить въ употребленіе. Расхожденія отдѣльныхъ, отмѣченныхъ на приборѣ мо-

ментовъ, когда они сводятся къ одному, не превосходятъ здѣсь нѣсколькихъ сотыхъ долей секунды.

Значительно уменьшаются и такъ называемыя *личныя ошибки* (личныя уравненія) наблюдателей. Дѣло въ томъ, что никто не можетъ отмѣтить наблюдаемыя явленія абсолютно точно. Но помимо случайныхъ ошибокъ, одинъ наблюдатель, въ силу физіологическихъ особенностей своихъ органовъ, слышитъ *всегда* позднѣе, чѣмъ другой и всякій разъ позднѣе на одну и ту же дробь секунды, при подачѣ сигналовъ клавишей онъ также ударитъ раньше или позднѣе, чѣмъ другой, и всегда разойдется съ нимъ на одинъ и тотъ же интервалъ. При наблюденіяхъ относительныхъ, эти личныя ошибки наблюдателей не имѣютъ значенія, потому что онѣ приблизительно одинаковы какъ для опредѣляемой звѣзды, такъ и для фундаментальной, относительно которой ищется положеніе первой, но для абсолютныхъ опредѣленій устраненіе личнаго уравненія существенно важно.

Съ изобрѣтеніемъ трубы начинается еще новая отрасль астрономіи, которой не знали совсѣмъ прежде, это—изученіе физическаго строенія небесныхъ тѣлъ. Галилей, по наблюденіямъ въ свою трубу, разсказалъ міру, что на солнцѣ есть пятна, а на лунѣ горы, онъ наблюдалъ фазы Венеры, видѣлъ спутниковъ Юпитера и ихъ движенія. Вотъ сложная система, какъ бы модель нашей солнечной, по новымъ, живымъ воззрѣніямъ Коперника. Но вслѣдъ за первыми, поражающими умъ и воображеніе открытіями наступаетъ надолго затишье. Причина этому въ огромномъ недостаткѣ первыхъ трубъ, дававшихъ изображенія окрашенныя. Приходилось дѣлать трубы слишкомъ длинными при незначительномъ діаметрѣ.

Правда, въ половинѣ прошлаго столѣтія англійскому оптику Доллонду удалось избавиться отъ окраски. Составляя объективъ изъ двухъ линзъ разнаго сорта стекла, такъ называемаго флинтгласа и кронгласа, онъ приготовилъ нѣсколько прекрасныхъ трубъ, которыя, при малыхъ размѣрахъ, давали чистыя изображенія, но успѣхъ Доллонда во многомъ обусловливался случайностью—ему посчастливилось на одномъ стеклянномъ заводѣ найти однородную массу флинтгласа. Когда этотъ запасъ стекла вышелъ, другой хорошей массы онъ получить не умѣлъ, и всѣ позднѣйшія трубы выходили у него хуже. Поэтому все болѣе и болѣе распространяются такъ называемыя рефлекторы—трубы, объективомъ у которыхъ служитъ зеркало, отражающее, а не преломляющее лучи и дающее изображенія безъ окраски.

Къ началу текущаго столѣтія рефлекторы достигаютъ большого распространенія, главнымъ образомъ, благодаря удивительнымъ открытіямъ В. Гершеля. Своими гигантскими телескопами онъ проникъ въ самыя глубины мірового пространства, показавши намъ сложныя звѣздныя системы, нѣжныя туманности; онъ открылъ планету Урана, двухъ его спутниковъ, изслѣдовалъ строеніе звѣзднаго неба.

Но наряду съ достоинствами рефлекторы имѣютъ и свои недостатки. Они слишкомъ громоздки, управлять ими неудобно. Вслѣдствіе гнутія и неравномѣрнаго расширенія зеркала отъ температуры изображенія часто искажаются, а главное, самое зеркало недолговѣчно. Оно скоро тускнѣетъ. И зеркалъ Гершеля болѣе не существуетъ. Напрасно пытался Гершель вновь отполировать потускнѣвшее зеркало своего 40-футоваго телескопа. Гигантъ не могъ болѣе служить.

Вотъ почему усовершенствованные рефракторы мюнхенскаго оптика Фраунгофера, нашедшаго способы отливать хорошее стекло и шлифовать большіе объективы, дающіе чистыя изображенія, были привѣтствованы всѣмъ міромъ. Знаменитый дерптскій рефракторъ начинаетъ собой плеяду прекрасныхъ и удобныхъ трубъ, достигшихъ въ настоящее время гигантскихъ размѣровъ.

Но какъ ни велики успѣхи техники въ изготовленіи рефракторовъ, и теперь еще отливка и шлифовка большого объектива представляетъ цѣлое событіе. Для примѣра я разскажу исторію заказа 30-ти-дюймоваго пулковскаго объектива.

Когда возникла мысль о пріобрѣтеніи большого рефрактора для Пулковской обсерваторіи (1878 г.), который превзошелъ бы своими размѣрами всѣ существовавшіе, рѣшили сначала поручить изготовленіе объектива Сигмунду Мерцу — преемнику искусства знаменитаго Фраунгофера.

Размѣры объектива были опредѣлены въ 30 дюймовъ въ діаметрѣ. Но заводъ Мерца не былъ приспособленъ къ отливкѣ такихъ большихъ массъ стекла и онъ не бралъ на себя финансоваго риска, сопряженнаго съ заказомъ.

Между тѣмъ, пока велись переговоры, О. Струве, директоръ Пулковской обсерваторіи, получаетъ отъ американскихъ ученыхъ Ньюкомба въ Вашингтонѣ и Дрепера въ Нью-Іоркѣ приглашеніе, прежде чѣмъ окончательно на чемъ-нибудь остановиться въ столь значительномъ предпріятіи, пріѣхать въ Америку и познакомиться лично съ высокими достоинствами новаго 26-ти-дюймоваго объектива въ Вашингтонѣ работы Альвана Кларка съ сыновьями, которымъ въ 1877 году было сдѣлано удивительное открытіе спутниковъ Марса. Они думали, что Кларки съ успѣхомъ могли бы отшлифовать объективъ и для Пулкова, причемъ сдѣлали бы это на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ европейскіе художники, въ виду только что съ успѣхомъ выполненнаго опыта.

О. Струве нашелъ доводы своихъ коллегъ въ пользу порученія заказа Альвану Кларку вполнѣ основательными и вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Германомъ отправляется въ Америку.

Въ Августѣ 1879 г. вступили они на американскую почву и прежде всего направились въ Вашингтонъ для того, чтобы познакомиться съ знаменитымъ рефракторомъ, а 1-го сентября заключенъ былъ въ Кембриджѣ формальный контрактъ съ Кларкомъ, по которому послѣдній

обязался за 33.000 долларовъ отшлифовать для Пулковской обсерваторіи 30-ти-дюймовый объективъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ послѣ того, какъ будутъ добыты подходящія стеклянныя массы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія этого контракта Альванъ Кларкъ—сынъ выѣзжаетъ въ Европу. Кларки умѣютъ только шлифовать стекла, но отлить большую однородную массу могутъ только два завода: въ Англіи Шансъ и во Франціи—Фейль.

У Шанса Кларкъ нашелъ готовую массу кронгласа. Оставалось размягчить ее, чтобы потомъ придать ей форму линзы. Флинтгласъ заказанъ былъ у Фейля.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вдругъ получается извѣстіе, что кронгласъ во время размягченія треснулъ. Пришлось отливать новую массу. Этотъ заказъ былъ также переданъ Фейлю.

Только черезъ годъ удалось получить флинтгласъ, а отливка кронгласа затянулась на два года.

Когда флингласовая масса была доставлена Кларку, онъ нашелъ ее превосходной. Прекраснаго качества—прозрачной и однородной, оказалась и кронгласовая линза, несмотря на цѣлую кучку воздушныхъ пузырьковъ на одной ея поверхности (пузырьки эти не вліяютъ на дѣйствіе объектива), но она не имѣла достаточной толщины. Во избѣжаніе вреднаго гнутія, которое могло бы происходить при тонкихъ краяхъ, Кларкъ не рѣшился шлифовать ее съ такимъ фокуснымъ разстояніемъ, какъ предполагалось прежде. Начинаются переговоры объ удлиненіи трубы съ 40 до 45 футовъ. Это тоже не праздный вопросъ. Всѣ приготовленія и условія относительно монтировки инструмента и постройки башни для его помѣщенія были разсчитаны на фокусное разстояніе въ 40 футовъ, сообразно чему были распредѣлены и денежныя средства. Сначала О. Струве даже рѣшительно отказался отъ измѣненія проекта. Но соображенія, что на отливку новой большой и достаточно толстой массы кронгласа потребуется еще нѣсколько лѣтъ, и сомнѣніе, что при тогдашнемъ состояніи техники художникамъ вообще удалась бы эта операція, заставили его хлопотать объ ассигновкѣ дополнительныхъ суммъ и разрѣшить Кларку шлифовку съ предложеннымъ ему фокуснымъ разстояніемъ. Это было въ декабрѣ 1881 года, а годъ спустя, 1-го января 1883 года Кларкъ телеграммой извѣстилъ О. Струве, что шлифовка объектива окончена.

Предстояла новая поѣздка въ Америку. О. Струве отправляется опять вмѣстѣ съ сыномъ Германомъ для спеціальнаго изслѣдованія и пріема новаго объектива. Потомъ слѣдуютъ хлопоты по перевозкѣ драгоцѣнности. Профессора Пикерингъ и Тровбриджъ любезно приняли на себя надзоръ за цѣлесообразной упаковкой объектива и осторожной доставкой его на бортъ шедшаго изъ Бостона парохода. Тамъ принялъ его г. Лундинъ, искусный помощникъ г-дъ Кларкъ, которому было поручено сопровождать объективъ до Пулкова.

15-го іюня (ст. ст.) объективъ прибылъ въ Кронштадтъ, откуда немедленно на паровомъ баркасѣ перевезенъ въ Петергофъ. Изъ Петергофа по мягкимъ дорогамъ въ рессорномъ экипажѣ онъ шагомъ былъ доставленъ утромъ 16-го іюня въ Пулково.

Кронгласъ для 36-ти-дюймоваго объектива Ликской обсерваторіи отливался 19 разъ. Объективъ стоилъ 100.000 руб. на наши деньги.

Самый большой изъ дѣйствующихъ объективовъ въ настоящее время—*сорокадюймовый* на обсерваторіи Іеркса близъ Чикаго.

Нельзя не упомянуть здѣсь, что за послѣдніе годы заводъ Цейсса въ маленькомъ германскомъ городкѣ Іенѣ началъ шлифовать удивительные объекты новой конструкціи г. Паули. Даже при небольшихъ размѣрахъ они даютъ на рѣдкость ясныя, отчетливыя изображенія, совершенно свободныя даже отъ признаковъ какой-либо окраски.

Труба служитъ астроному для изслѣдованія деталей и окраски различныхъ частей наблюдаемаго объекта, но однимъ разсматриваніемъ онъ не удовлетворяется. Ему все интересно положить на числа, все надо измѣрить. Поэтому-то всякая труба обыкновенно и снабжается особымъ измѣрительнымъ приборомъ, такъ называемымъ микрометромъ.

Изъ микрометровъ самый употребительный филярный. Въ полѣ зрѣнія трубы расположено три нити: двѣ, напримѣръ, вертикальны, третья горизонтальна. Одна изъ вертикальныхъ нитей неподвижна, другая можетъ быть отодвинута отъ нея на различныя разстоянія. Направимъ трубу такъ, чтобы неподвижная нить коснулась одного края лунной горки, передвинемъ другую на другой край и мы измѣрилъ въ извѣстныхъ единицъ діаметръ горки. Но, конечно, труба должна быть такъ прочно поставлена, чтобы она ни на волосокъ не дрогнула во время измѣренія, чтобы неподвижная нить осталась на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы ее поставили.

Установка (монтировка) рефрактора тоже важная сторона дѣла и стоитъ она дорого. Въ то время какъ въ меридіанномъ кругѣ труба движется только въ меридіанѣ, а наблюдатель ждетъ, когда звѣзда придетъ въ полѣ, а черезъ двѣ минуты потомъ, когда она пройдетъ, онъ уже болѣе не интересуется ею, наставляя трубу на другую—въ рефракторѣ, наоборотъ, наблюдаемый объектъ стараются удержать въ полѣ зрѣнія возможно дольше, чтобы разсмотрѣть его хорошенько. Здѣсь труба должна перемѣщаться за звѣздой, она должна вращаться, такимъ образомъ, вокругъ оси, параллельной оси міра. Самое движеніе большихъ трубъ производится часовымъ механизмомъ, регулированнымъ согласно со вращеніемъ небеснаго свода.

Чтобы имѣть возможность поставить трубу на предметъ, который невидимъ невооруженнымъ глазомъ, невидимъ и въ трубу-искатель, сюда присоединены раздѣленные круги. Они позволяютъ повернуть трубу въ ту или другую сторону на опредѣленное число градусовъ и минутъ, указанное въ астрономическихъ таблицахъ.

Когда большая труба направлена на свѣтило, стоящее высоко на небѣ, ея окуляръ близко къ полу, наоборотъ—при наблюденіи свѣтила у горизонта приходится окулярную часть трубы слишкомъ поднимать. Отсюда высокія и сложныя лѣстницы въ различныхъ ярусахъ большой башни. Американцы устроились удобнѣе: въ Ликской обсерваторіи подъ 36-ти-дюймовымъ рефракторомъ, а теперь у Іеркса подъ 40-дюймовымъ самъ полъ поднимается и опускается гидравлическимъ давленіемъ по желанію наблюдателя, такъ что всегда приходится пользоваться одной только небольшой и удобной лѣстницей. Подобное приспособленіе имѣется также въ Европѣ на частной обсерваторіи общества «Уранія» въ Берлинѣ.

Темная, поздняя ночь. На черномъ небѣ сверкаютъ звѣзды. Большой городъ спитъ; по крайней мѣрѣ на его окраинахъ давно уже тихо. Только на дворѣ одного дома въ глухомъ переулкѣ замѣтно нѣкоторое движеніе. Тамъ высится какое-то странное зданіе—какой-то огромный куполъ съ широкимъ прорѣзомъ. Въ черной пропасти, зіяющей оттуда, пробѣгаютъ непонятныя тѣни... Вдругъ все зданіе вздрогнуло, немного заскрипѣло и двинулось.—Это обсерваторія... Астрономъ на своей ночной вахтѣ. Онъ покончилъ измѣреніе интересовавшей его двойной звѣзды, полуоткрылъ свой фонарь и хочетъ въ остатокъ ночи посмотрѣть еще Юпитера, за часъ поднявшагося на востокѣ. Его труба можетъ быть направлена на какое угодно мѣсто неба и въ соотвѣтствіе съ этимъ верхняя часть башни поворачивается кругомъ на всѣ 360°. Она поставлена на катки и съ помощью зубчатой передачи нѣсколькихъ колесъ движется прямо отъ руки довольно легко. При особенно большой башнѣ, какъ, напримѣръ, у 40-дюймоваго рефрактора Іеркса, вращеніе производится электрическими моторами, а въ Ниццѣ извѣстный инженеръ Эйфель устроилъ изящную пловучую башню. Онъ сдѣлалъ кругомъ на стѣнахъ нижней части башни бассейнъ, наполнилъ его незамерзающимъ при обыкновенныхъ холодахъ растворомъ солей и опустилъ въ жидкость тяжелый куполъ, который, урегулированный еще катками, легко слушается руки наблюдателя.

Въ стремленіи уравнять температуру помѣщенія, гдѣ стоитъ труба, съ температурой наружной и предоставить наблюдателю болѣе удобное положеніе, что, конечно, имѣетъ больше значенія на точность результатовъ, французскій астрономъ Леви предложилъ остроумную конструкцію ломанной трубы, такъ называемой *Equatorial coudé*. Одна часть ея неподвижна, она направлена по оси міра, другая вращается около нея, будучи направлена на опредѣленное свѣтило. Лучи отъ послѣдняго, принятыя объективомъ, отражаются рядомъ зеркалъ постоянно въ одномъ направленіи къ окуляру, находящемуся въ верхнемъ концѣ неподвижной части. Труба закрывается домикомъ, который во время наблюденія совсѣмъ сдвигается, такъ что инструментъ весь оказывается подъ открытымъ небомъ, но наблюдатель остается въ теплой комнатѣ и смотритъ въ окуляръ, не измѣняя своего удобнаго положенія

въ креслѣ. При построеніи этой трубы было высказано много недовѣрія чистотѣ и яркости изображеній, но оно оказалось неосновательнымъ. Удивительный по точности и красотѣ лунный фотографическій атласъ Loewy и Puisseux, превосходящій даже прекрасный Ликскій атласъ, составляется по снимкамъ, полученнымъ такой трубой на Парижской обсерваторіи.

Интересный приборъ построилъ директоръ Московской обсерваторіи проф. Цераскій. Онъ разрѣзалъ объективъ на двѣ половинки, сдвинулъ ихъ нѣсколько по тому діаметру, по которому былъ сдѣланъ разрѣзъ, и опять спаялъ. Каждая половинка даетъ свое самостоятельное изображеніе. Сдвиженіе половинокъ таково, что при наведеніи на солнцѣ въ тотъ періодъ, когда оно находится на наиболѣе близкомъ отъ земли разстояніи, получаются два диска, прикасающіеся другъ къ другу. При удаленіи отъ солнца видимые размѣры его уменьшаются, и два изображенія въ приборѣ проф. Цераскаго расходятся на разстояніе, въ два раза превосходящее сокращеніе радіуса диска. Всегда вдвойнѣ окажется и вообще всякое измѣненіе радіуса солнца. Приборъ проф. Цераскаго такимъ образомъ является наиболѣе простымъ и чувствительнымъ для рѣшенія интереснаго вопроса объ измѣненіяхъ радіуса солнца, если таковыя существуютъ.

Меридіанный кругъ и рефракторъ являются основными инструментами, давно уже съ успѣхомъ примѣняющимися въ астрономической практикѣ. Но за послѣдніе сорокъ лѣтъ все болѣе и болѣе развивается также астрофотографія и астроспектроскопія, обогатившая насъ массой интересныхъ и важныхъ результатовъ.

Главнѣйшая особенность фотографической пластинки заключается въ способности суммировать дѣйствіе свѣтовыхъ лучей. Благодаря этому только, намъ стали извѣстны слабыя туманности, недоступныя даже гигантскимъ трубамъ, хвосты телескопическихъ кометъ, имѣющіе такое громадное значеніе для теоріи, открыто много астероидовъ, изслѣдовано нѣсколько звѣздныхъ скопленій и пр.

Чтобы лучи отъ фотографируемой части неба попадали во время длинной экспозиціи всегда на одно мѣсто пластинки, труба должна слѣдовать за вращеніемъ небеснаго свода; но какъ бы ни былъ хорошъ часовой механизмъ, положиться на него нельзя—всегда долженъ быть контроль. Поэтому фотографическій рефракторъ представляетъ собой двойную трубу. Два объектива заключены въ одну оправу, подъ однимъ фотографическая камера, подъ другимъ окуляръ. Поставивши трубу на звѣзду, наблюдатель все время смотритъ въ окуляръ. Въ полѣ зрѣнія его стоитъ тотъ же предметъ, который фотографируется рядомъ въ камерѣ. Особымъ ключемъ астрономъ правитъ трубой, не давая ей ни на волосокъ уйти впередъ или отступить отъ небеснаго свода.

Не вдаваясь въ подробности примѣненія спектроскопа, я напомню здѣсь, что съ помощью его раскрытъ химическій составъ атмосферы

солнца и далекихъ звѣздъ, наблюдаются протуберансы—эти огненные фонтаны раскаленныхъ газовъ, бьющіе съ поверхности солнца, изслѣдуются движенія свѣтилъ по лучу зрѣнія. Особенно важные результаты получены за послѣднее время, когда спектры звѣздъ, въ общемъ очень слабые, начали фотографировать. Тогда были, между прочимъ, открыты удивительныя системы двойныхъ звѣздъ, такія тѣсныя, которыхъ раздѣлить мы никогда не сумѣемъ, ни въ какіе громадные телескопы. Спектроскопъ не только показалъ намъ ихъ, но онъ позволилъ выяснить характеръ ихъ движеній, размѣры орбитъ, отношеніе массъ компонентовъ и пр.

Упомянемъ наконецъ еще о фотометрахъ, — приборахъ, служащихъ для опредѣленія яркости свѣтилъ и ея измѣненій, которыя имѣютъ большой интересъ, какъ непосредственно сами по себѣ, такъ и въ связи съ другими результатами физической астрономіи.

Выше я сдѣлалъ уже намекъ на то, что обсерваторіи строятся на окраинахъ города. Это дѣлается во избѣжаніе шума, пыли, загрязняющей воздухъ и портящей изображенія, а также яркаго освѣщенія, которымъ отличаются центры большихъ городовъ. Если обсерваторія не имѣетъ непосредственной связи съ университетомъ, то ее вовсе предпочитаютъ вынести за городъ: такъ, Пулковская находится въ 17 верстахъ отъ Петербурга, Потсдамская, астрофизическая, въ 25 километрахъ отъ Берлина. За послѣднее время все болѣе и болѣе проявляется стремленіе на горы. Ликская обсерваторія построена на горѣ Гамильтонѣ, на высотѣ 1.400 метровъ, отдѣленіе знаменитой обсерваторіи Гарвардскаго колледжа въ горахъ Перу—въ Арекинѣ, новая обсерваторія въ Гейдельбергѣ — въ Кёнигштулѣ, на высотѣ 600 метровъ и пр.

Выгода для наблюденій отъ этого несомнѣнная. Но для самихъ астрономовъ жизнь на горахъ, конечно, уже не такъ удобна, вслѣдствіе удаленія отъ умственныхъ центровъ, а часто и благодаря суровости климата. Обитатели Ликской обсерваторіи, напримѣръ, подолгу бываютъ отрѣзаны непогодой отъ всего міра.

Нѣкоторыя обсерваторіи построены на снѣжныхъ вершинахъ съ спеціальной цѣлью, какъ, напр., обсерваторія на Монбланѣ и обсерваторія на Этнѣ, работы которой находятся въ непосредственной связи съ работами находящейся внизу Катанской обсерваторіи.

Чтобы сдѣлать заключительный общій обзоръ сказаннаго о современныхъ наблюденіяхъ, удобно обратиться къ нашей Пулковской обсерваторіи, дѣятельность которой за послѣдніе годы обнимаетъ всѣ главнѣйшія задачи наблюдательной астрономіи. Главное зданіе этой обсерваторіи построено знаменитымъ В. Струве еще въ 1839 г., но до сихъ поръ въ достаточной степени удовлетворяетъ требованіемъ науки. Посрединѣ башня, въ которой стоитъ 14-дюймовый рефракторъ Мерца съ новой монтировкой Репсольдовъ—онъ употребляется, главнымъ образомъ, теперь

для микрометрическихъ измѣреній положеній кометъ, малыхъ планетъ и отчасти двойныхъ звѣздъ. Въ средней восточной башнѣ стоитъ фотографическій рефракторъ работы Репсольдовъ—на немъ фотографируются различныя части неба для уясненія разстояній звѣздъ отъ насъ, движеній спутниковъ около планетъ, звѣздныя кучи, туманности и пр. Въ западной находится старый инструментъ особой конструкціи, такъ называемый геліометръ. Между западной и средней башнями—меридіанный залъ. Тамъ стоитъ меридіанный кругъ. На противоположной сторонѣ между средней и восточной башнями два зала съ инструментами, родственными меридіанному кругу, но подѣлившими между собой задачи послѣдняго. На одномъ изъ этихъ инструментовъ опредѣляется только время прохожденія звѣздъ черезъ меридіанъ, на другомъ соотвѣтственныя высоты. Результаты, получаемые ими, чрезвычайно точны; они считаются лучшими во всемъ свѣтѣ. При составленіи, такъ называемаго Фундаментальнаго каталога,—каталога наиболѣе яркихъ звѣздъ, служащихъ основаніемъ при опредѣленіи положеній другихъ звѣздъ,—имъ было дано преобладающее передъ всѣми значеніе. Сзади стоитъ башни большого рефрактора, поставленнаго въ 1885 году. Прежде онъ служилъ также для микрометрическихъ измѣреній. Германомъ Струве были сдѣланы удивительныя поточности измѣренія системы спутниковъ Сатурна, спутниковъ Нептуна и двойныхъ звѣздъ, теперь на немъ, главнымъ образомъ работаетъ со спектрографомъ астрофизикъ Бѣлопольскій, открывшій, нѣсколько интересныхъ тѣсныхъ двойныхъ звѣздъ и прослѣдившій движеніе въ этихъ системахъ, онъ изслѣдуетъ вращеніе солнца по зонамъ и пр. Къ главному зданію примыкаетъ сзади отдѣленіе съ инструментомъ для опредѣленія колебанія земной оси и аберраціи, есть нѣсколько отдѣльныхъ башенекъ, въ одной изъ которыхъ стоитъ фотометръ. Послѣднимъ покойный астрономъ Линдеманъ сдѣлалъ много опредѣленій яркости звѣздъ. Наконецъ невдалекѣ тутъ есть еще небольшая обсерваторія Главнаго Штаба, предназначенная для обученія офицеровъ-геодезистовъ подъ руководствомъ профессора изъ числа пулковскихъ астрономовъ.

Соображая, какихъ громадныхъ денегъ стоятъ астрономическія обсерваторіи и не видя непосредственной практической пользы отъ нихъ, пожалуй, кто-нибудь спроситъ, да имѣетъ ли астрономія право разсчитывать на такую поддержку правительства и щедрое вниманіе частныхъ лицъ. Я рѣшаюсь сказать прямо: «имѣетъ». Отрѣшаясь даже совершенно отъ практическихъ выгодъ, которыя приносятъ намъ астрономическія свѣдѣнія, регулирующія наше счисленіе времени и необходимыя при построеніи картъ, а также оріентировкѣ на морѣ въ далекихъ плаваніяхъ, опуская все это, останавливаясь только на идеальной сторонѣ великой науки, мы должны быть благодарны ей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ съ помощью ея вырабатывается наше представленіе о вселенной! Земля уже давно не въ центрѣ, эта маленькая планетка вращается вмѣстѣ съ другими около громаднаго солнца, горячаго, ки-

пящаго, въ атмосферѣ котораго въ парахъ плаваетъ желѣзо и другіе тяжелые металлы, но и оно не стоитъ, а со всѣмъ кортежемъ несется въ міровомъ пространствѣ, вѣроятно вращаясь около какого-нибудь новаго центра, вокругъ котораго движутся и многія тысячи изъ безконечнаго числа звѣздъ. А эти звѣзды тоже солнца, одни только что возникающія, другія уже потухающія, есть и потухшія. Нѣкоторыя группируются въ большія скопленія, тамъ стелется пелена туманностей, первобытная матерія, изъ которой, быть можетъ, возгорятся новые міры. Астрономія наноситъ ударъ за ударомъ пустому самолюбію, тщеславію человѣка. Онъ не имѣетъ теперь даже того утѣшенія, что наша солнечная система представляетъ собой, по крайней мѣрѣ, прототипъ для всѣхъ другихъ, что жизнь послѣднихъ пойдетъ такъ, какъ для нашей. Есть теоретическія изслѣдованія, которыя показываютъ, что наша солнечная система является скорѣе исключеніемъ, что однородный туманъ, вращаясь около нѣкотораго центра, при сгущеніи, не будетъ отдѣлять небольшія планетки, въ милліонъ разъ меньшія, чѣмъ центральное солнце, а раздѣлится на двѣ части, только немного отличающіяся другъ отъ друга по величинѣ. И дѣйствительно, на небѣ все болѣе и болѣе открываютъ такъ называемыхъ двойныхъ звѣздъ.

Астрономія показала намъ также однообразіе состава матеріи во вселенной и раскрыла общность законовъ ея. Это глубокое философское значеніе науки даетъ ей право на вниманіе, а интересъ къ ея результатамъ обусловливается живой потребностью нашего духа, который хочетъ «знать». Стремленіе къ знанію для него такъ же необходимо, какъ пища для тѣла, и въ этомъ смыслѣ астрономія является наукой жизненной, какъ всякая, если только не больше, соціальная, нормирующая отношенія въ живомъ обществѣ.

Не пожалѣемъ мы о тѣхъ тысячахъ, которыя пошли на устройство обсерваторій, а пожелаемъ только, чтобы онѣ помогли побольше вырвать тайнъ у природы, уяснить общіе законы, господствующіе во вселенной.

К. Покровскій.

КЪ ВЕСНѢ.

I.

Погоди!

Какъ сквозь туманное оконце
Улыбка милой въ ранній часъ,—
Изъ мглы морозной нынче солнце
Украдкой глянуло на насъ.

И что-то манитъ, и тревожитъ,
И гонитъ сумракъ зимнихъ сновъ...
И сердце больше ждать не можетъ
Тепла, и свѣта, и цвѣтовъ!..

О, разгорайся ярче, солнце,
Скорѣй на небо выходи!..
Оно жъ, какъ милая въ оконце,
Мигаетъ: выйду—погоди!

II.

Скоро.

Какъ мертвыя волны,
Повсюду бѣлѣютъ снѣга;
Подъ ними безмолвны
Ручьи, и холмы, и луга.
Какъ черная сѣтка,
Безжизненно роща сквозитъ,
И солнышко рѣдко
Съ туманнаго неба глядитъ...

Но чудное что-то
Струится въ звенящей дали;
Тревожна дремота
Закутанной въ саванъ земли...
И только коснется
Къ ней трепетъ волшебной струи,—
Природа проснется
Для пѣсенъ, цвѣтовъ и любви...

А. Колтоновскій.

КАБАТЧИКЪ ГЕЙМАНЪ.

Стукъ въ запертую дверь кабака становился всѣ рѣже, неувѣреннѣе и, наконецъ, совсѣмъ затихъ.

Супруги Гейманъ тоскливо прислушались, переглянулись долгимъ томительнымъ взглядомъ, и какъ бы боясь докончить не высказанную взоромъ мысль, какъ бы боясь, что слово, кипѣвшее на сердцѣ и томившее языкъ, сорвавшись, совсѣмъ добьетъ ихъ, опять углубились въ прерванную стукомъ работу, не проронивъ ни слова.

Было 12 часовъ ночи 31-го декабря 189... года, канунъ введенія водочной монополіи. Большой залъ кабака, закрытый со всѣхъ сторонъ сырыми стѣнами и удлиненный фантастическими тѣнями опрокинутыхъ на спину столовъ и сложенныхъ въ горку стульевъ, мрачно выглядывалъ въ печальномъ освѣщеніи догоравшей висячей лампы. Изъ грязнаго пола и стѣнъ поднимались и насыщали острый сивушный воздухъ кабака тяжелыя чесночныя испаренія, смѣшанныя съ какой-то пронизывающей сыростью. Въ казанкѣ догорала зола, и слышно было, какъ въ его трубахъ гулялъ вѣтеръ. Напротивъ выходныхъ дверей стояла стойка, на которой валялись старыя пробки, черствые кусочки солдатскаго хлѣба, сухія маслины, перемѣшанныя съ тутъ же разсыпанной толстой солью, и ломтики просоленныхъ огурцовъ. Сзади стойки помѣщался такъ называемый буфетъ, теперь опустошенный, на которомъ задавала пиръ шайка таракановъ, расположившись на заржавѣломъ, безъ ручки, ножѣ. Буфетъ и стойку замыкали козлы, на которыхъ стояли двѣ пустыя бочки, безъ крановъ, старые, отжившіе свидѣтели бывшаго здѣсь вѣчно праздника веселья и многихъ тайнъ кабацкой жизни. На полу въ безпорядкѣ валялись побросанные и разставленные штофы, бутылки, рюмки, тарелки, ящики отъ пива, исписанныя счетами бумажки и какая-то, не сразу опредѣлявшаяся куча хлама изъ картузовъ, сапоговъ, пиджаковъ и всякаго другого тряпья.

И по среди всѣхъ этихъ обломковъ вчерашней жизни, какъ дополненіе къ картинѣ разрушенія, двѣ копошащіяся фигуры стараго порядка, кабатчики супруги, сортировавшіе молча и сосредоточенно погубленное добро, за которое еще можно было кое-

что выручить. Тихо и важно шла работа. Аниска Гейманъ, полный человѣкъ, но замѣтно осунувшійся, съ картузомъ на головѣ, козырекъ котораго почти лежалъ на его добродушныхъ глазахъ, теперь помертвѣвшихъ отъ отчаянія, связывалъ длинной веревкой столы и стулья, поминутно крехтя и сопя отъ натуги, а Маня, жена его, разложивъ на другомъ концѣ кабака, на полу грязную простыню, сваливала въ одну кучу рюмки и картузы, и пиджаки, и тарелки, лазая нъ колѣняхъ, чтобы достать ту или другую вещь. И ея лицо осунулось и испещрилось тѣми линіями, которыя говорятъ о свѣжемъ нагрянувшемъ горѣ. Она лазила, вскакивала, присаживалась, погруженная въ одну только мысль сдѣлать хорошо, по-хозяйски, то, что нужно было сдѣлать. Аниска же ни о чемъ не думалъ и только страдалъ. Онъ страдалъ, связывая веревками стулья, страдалъ, когда глядѣлъ на работу Мани, страдалъ отъ каждаго движенія своего, отъ каждаго шага, потому что все это клонилось къ одному, къ разрушенію его гнѣзда.

Впродолженіи полугода оффиціально даннаго срока, онъ ежедневно давалъ себѣ слово предпринять что-нибудь для защиты отъ грозившей бѣды, но до того былъ убитъ, испуганъ, растерянъ, что до послѣдняго дня не переставалъ метаться, не умѣя ничего сообразить, и только чувствовалъ, что пришелъ ему конецъ. Маня, растерявшаяся не меньше его, приходила въ отчаяніе отъ его разговоровъ, распросовъ, которые мучили и пугали ея забитую голову, не знавшую ни на что толковаго отвѣта. Знакомые ихъ, тѣ же кабатчики, приходили, совѣтовались, толковали обо всемъ въ мірѣ, перебирали тысячи исторій, но расходились ни съ чѣмъ, ибо въ началѣ даже не предвидѣлось какимъ такимъ дѣломъ, ремесломъ, торговлей ли или чѣмъ-нибудь другимъ можно начать заниматься, когда нѣтъ ни въ чемъ опыта, знанія, понимапія чего-либо другого, что не есть водка, шкаликъ, патентъ, закуска. И результатомъ отъ этихъ собраній была еще большая смута и ужасъ и какое-то безнадежное одервенѣніе. Аниска со всѣми соглашался, не спорилъ, находясь въ остолбенѣніи, и только кивалъ утвердительно головой, когда говорили о лавкахъ табачныхъ, бакалейныхъ, галантерейныхъ, готоваго платья и Богъ знаетъ еще о чемъ; когда настаивали, что хорошо было бы, если бы авторъ проекта водочной монополіи сгорѣлъ и бумаги этого проекта сгорѣли, но сердцемъ онъ чувствовалъ, что все это не то, что наступилъ конецъ, конецъ, конецъ.

Между тѣмъ время не стояло и наступило наконецъ 31 декабря. Аниска забился, какъ птица, раненая во время полета, и всѣ его дѣйствія въ этотъ ужасный день вплоть до его ухода изъ кабака навсегда, только по виду походили на что-то разум-

ное, но въ сущности онъ падалъ, какъ и та подстрѣленная птица, безсознательно, можетъ быть, еще пытаясь что-то сообразить, но съ несомнѣннымъ и не уничтожимымъ чувствомъ боли.

Было уже два часа ночи, когда усталые супруги окончили работу. Аниска, прежде чѣмъ потушить коптившую лампу и замѣнить ее свѣчей, которую носилъ въ карманѣ пиджака, еще разъ тревожно обѣжалъ всѣ углы кабака, мысленно простился со всѣмъ прошлымъ и, не найдя ничего стоющаго вниманія, подхватилъ съ помощью Мани приготовленный изъ всякой всячины узелъ, отворилъ дверь и вышелъ на улицу. Маня на минуту оставила узелъ, повѣсила замокъ на дверь и по привычкѣ прислушалась, не остался ли кто въ кабакѣ. Поймавъ себя на этомъ, она пожала плечами и съ сердцемъ взялась за тюкъ. Аниска движеніемъ живота подтянулъ штаны и съ какимъ-то стыдомъ, точно онъ былъ виновникомъ введенія монополіи, взялся за другой конецъ и задумчиво заковылялъ за ней.

И такъ какъ они пошли, раскачиваясь и мѣшая другъ другу. Было холодно и сухой снѣгъ глухо вздыхалъ подъ ногами однообразно и безстрастно. На улицѣ было тихо и мертвенно свѣтло, и сонный рядъ домовъ, сдавливавшій желаемый сердцемъ просторъ, пугалъ воображеніе своей важной молчаливостью и, казалось, таинственно переговаривался съ синимъ бархатнымъ небомъ о грядущемъ. Звѣзды беззаботно переливались гдѣ-то вдалекѣ, равнодушныя къ скорбной землѣ, и облитыя серебряными лучами луны, иногда перелетали съ мѣста на мѣсто, оставляя на небѣ мгновенную, точно проведенную мѣломъ дугу. Гдѣ-то сторожъ билъ въ колотушку и казалось, что это аистъ лопочетъ, готовый тронуться въ дальній путь. И странно, и чудно пронесся этотъ звукъ въ холодномъ, неподвижномъ воздухѣ заснувшей улицы.

Аниска, лѣниво поддерживая узелъ, не раскрывалъ рта, глядѣлъ кругомъ себя, и все казалось ему какимъ-то новымъ, впервые увидѣннымъ. Согнувшаяся на бокъ подъ тяжестью фигура Мани, низенькая, худенькая, завернутая въ шаль, смѣшно раскачивалась въ поискахъ за равновѣсіемъ, и онъ думалъ, глядя на нее, что монополія хуже сгибаетъ и никогда отъ нея нельзя подняться.

— Иди скорѣе,—прервала Маня его размышленія,—а то я упаду. Я уже не въ силахъ тащить.

Она на мгновеніе остановилась, чтобы передохнуть. Больное скверное сердце било, какъ молотъ, въ ея тщедушную грудь, а въ затылкѣ ломало, точно кто-то раздавливалъ позвонки. Когда они опять пошли, Аниска попробовалъ заговорить о дѣлахъ. Но на поворотѣ ихъ встрѣтилъ городовой съ поста Андрей и оста-

новилъ. Супруги замолчали, а Маня, покосившись на мужа, прошептала:

— Его еще не хватало теперь,

Андрей поздоровался и, какъ старый знакомый, сталъ разсказывать Анискѣ о томъ, что этой ночью была облава въ ночлежкѣ и открыли бѣглаго каторжника. Маня толкнула Аниску, чтобы онъ шелъ домой, но тотъ, чувствуя потребность поговорить о своихъ дѣлахъ съ свѣжимъ человѣкомъ, отослалъ ее, увѣряя, что сейчасъ придетъ. Потомъ, когда она ушла, они сѣли вдвоемъ у чьихъ-то воротъ на лавочкѣ и, заговоривъ о монополіи, закурили: Аниска папироску, а Андрей трубку.

Вечеръ былъ суровый и холодный. Съ моря дулъ рѣзкій вѣтеръ и падалъ хлесткій, мелкій, какъ соль, снѣгъ. У Аниски казанокъ и трубы, выходившіе въ чей-то чужой дворъ, черезъ заднюю стѣну, раскалились до красна. На казанкѣ кипѣлъ, нарочно брошенный для очистки воздуха, кусочекъ сахара. Аниска, стоя посреди комнаты и держа малюсенькаго Шайку на рукахъ, съ нетерпѣніемъ слушалъ что-то говорившую Маню. Исаакъ, старшій мальчикъ Геймана, сидѣлъ у окна и вырѣзывалъ корову изъ газетной бумаги и каждый разъ озабоченно вскидывалъ глазами то на отца, то на мать, и въ глазахъ его виднѣлась тревога и страхъ. На деревянной большой кровати Сонька съ Шлемкой играли въ камешки, а немного поотдаль отъ нихъ, раскраснѣвшись отъ теплоты, спала самая маленькая—Роза. Около матери пріютился Абрамчикъ и дергалъ ее за юбку, требуя чего-то однообразнымъ хнычущимъ голосомъ.

— Не лети,—повторила Маня, не обращая вниманія на Абрамчика.—Одинъ есть никто. Еще есть, слава Богу, люди, еще есть большой свѣтъ и свѣтъ еще не упалъ. Смотрѣть на то, что другіе убиты и плачутъ! Я еще не потеряла надежду. У насъ есть 300 рублей, и ты только крикни и у тебя будетъ сто дѣлъ. Возьми уже его отъ меня, я сегодня останусь безъ сердца!

— Сахаръ, сахаръ, сахаръ!—хныкалъ Абрамчикъ.

— Хорошо,—согласился Аниска,—будетъ сто дѣлъ. Развѣ я не знаю, что на свѣтѣ много дѣлъ? Я не пальцемъ сдѣланъ. Хорошо, но есть одинъ,—такъ онъ сапожникъ, другой портной,—ты уйдешь отъ нея, Абрамчикъ? ну уйди же, я тебѣ говорю; ты не можешь отогнать его, Маня; ударь его такъ, чтобы отъ него отпалъ кусокъ руки—я говорю, одинъ банкиръ, другой купецъ. Что же я? Чѣмъ я занимался? Чему меня учили? Въ какомъ дѣлѣ я работалъ? Такъ о чемъ же ты говоришь? Ты уйдешь, Абрамчикъ?

— Сахаръ, сахаръ,—однообразно жужжалъ мальчикъ.

— Абрамчика ты таки переспоришь!—воскликнула Маня.

Аниска хотѣлъ было посадить Шайку на кровать, но тотъ заревѣлъ благимъ матомъ и уцѣпился руками за его жилетку.

— Что, ты еще хочешь?—разсердился Аниска;—такой скверный мальчикъ. Ну сиди уже у меня, только не кричи. Не кричи же, собака. Вотъ я тебя черезъ окно во дворъ выкину. Не кричи же. Вы идете тамъ, городовой? Ну, не нужно, Шайка уже замолчалъ, онъ уже хорошій, очень хорошій мальчикъ.

— Э, что ты мнѣ разсказываешь,—возразила Маня и вдругъ, не вытерпѣвъ, отбросила отъ себя Абрамчика.

Абрамчикъ какъ будто этого ждалъ. Онъ бросился на землю и сталъ орать и топать ногами, какъ бѣшеный, и сейчасъ же весь посинѣлъ.

— Ну, ну, колоти его самъ,—разсердилась Маня,—надѣлилъ ты меня разбойникомъ...

— Исакъ,—раскричался Аниска,—вытащи его, сейчасъ же вытащи его, или я его убью. Замолчи, воръ, чортъ, нечистый...

Онъ подбѣжалъ къ катавшемуся по полу мальчику и два раза съ наслажденіемъ ударилъ его носкомъ своего башмака въ бокъ.

— Если бы они хоть умерли, и то было бы легче!—прокричалъ онъ.

— Только ногами нужно бить!—возмутилась Маня. — А, пусть у того ноги отсохнутъ, кто бьетъ ногами ребенка. У твоего отца тебя такъ учили. Разбойникъ!..

Она подошла съ Исакомъ къ ребенку и дала ему сахару. Исакъ заботливо и нѣжно поднялъ его съ пола и, что-то шепча на ухо, повелъ въ сосѣднюю комнату.

— Э, что ты мнѣ разсказываешь,—повторила Маня черезъ нѣсколько минутъ,—если есть деньги, то ничего знать не нужно. У насъ вѣдь есть 300 рублей. Вѣдь 300 рублей—это милліонъ денегъ. На нихъ можно даже 3 лавки открыть. Вотъ, напримѣръ, первое: лавка со сладостями. Что нужно для этого? Варить медъ. Снимемъ помѣщеніе, сдѣлаемъ красивую выставку, купимъ орѣхи, миндаль, халву. Потомъ еще одну такую лавку откроемъ. Потомъ третью такую лавку откроемъ, потомъ четвертую... Смотри-ка, Аниска, какъ у меня руки расчесались. Нужно будетъ уже опять къ Басѣ пойти. Каждый разъ у меня на новомъ мѣстѣ чешется. Отъ меня уже скоро ничего не останется.

— Когда ты уже умѣешь медъ варить,—возразилъ Аниска, укачивая засыпавшаго Шайку,—то я могу совершенно сѣсть на стулъ. Я могу уже пойти плясать по улицамъ отъ радости. Съ тобой только съ ума сойти можно!

— Не нравится тебѣ, такъ можно что-нибудь другое. Купи

баржу. Только купи и мы разбогатѣемъ. Будешь уголь перевозить, песокъ, камни, доски, воловъ... Посмотри-ка, Исакъ, что это Сонька расплакалась?

— Баржу, баржу,—передразнилъ Аниска, укладывая осторожно Шайку на кровать,—тише Сонька, ты его разбудишь.— У тебя голова министра. Почему ты уже лучше могилу не выдумала? Я имѣлъ баржу, я видѣлъ когда-нибудь баржу, я знаю, съ чѣмъ это кушаютъ?

— Ну, покупай старое желѣзо! Только я должна выдумывать. Что я—Богъ? Все тебѣ не нравится. Ты у своего отца лучше слышалъ? Видѣла ты такого помѣщика... Тебѣ нужно было бы другую жену имѣть, такъ тебѣ бы уже все нравилось. Ну, знаешь что̀? Поѣдемъ въ Турцію. Тамъ мы опять кабакъ откроемъ и конецъ.

— Можетъ быть, ты бы уже перестала говорить, Маня. Вѣдь съ тобой нужно имѣть желѣзное сердце. Я даже не знаю, что тебѣ отвѣтить. Что же? Мы будемъ разговаривать; ты скажешь одно, я—другое, и изъ этого ничего не выйдетъ. Оставь меня хоть немного въ покоѣ. Въ головѣ у меня уже такъ шумитъ, будто тамъ сто мухъ сидитъ. Пусть мы немного помолчимъ.

— Хорошо, хорошо,—обидчиво возразила Маня,—я знаю, что тебѣ ни слова нельзя сказать. Что это первый разъ? Ты всегда былъ такимъ и покойная мать твоя не любила тебя за то. Отчего ты не спрашиваешь, шумитъ ли у меня въ головѣ? Такая, такая больная. Сосѣдки меня больше жалѣютъ, чѣмъ ты. Какую болѣзнь я не имѣю? Сердце больное, нога хромая, больная и такая чесотка, что я изъ желѣза, если выдерживаю. И столько больныхъ дѣтей на моихъ рукахъ. А я вовсе не жалуюсь. Оставь ты меня уже лучше въ покоѣ. Дѣти, идите спать. Исакъ, раздѣнь ихъ.

Она со слезами отвернулась, а Аниска почесалъ затылокъ, молча усѣлся на мѣстѣ Исака, и машинально сталъ рѣзать ножницами газетную бумагу.

— Ты уже накормила дѣтей?—наконецъ произнесъ онъ.

— Пусть это тебя не трогаетъ,—отвѣтила Маня, не повернувъ головы.—Добрый ты сдѣлался. Лучше бы жену свою пожалѣлъ!

— Что ты говоришь, Маня,—онъ бросилъ ножницы,—развѣ я тебя не жалѣю, что ты только говоришь? Ну, не сердись уже. Знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Уложи дѣтей спать и пойдемъ къ Азрилю. Можетъ быть, мы тамъ что-нибудь узнаемъ новаго...

— Иди самъ къ Азрилю!

— Нѣтъ, нѣтъ, Маня, я не пойду одинъ. Зачѣмъ намъ скучать весь вечеръ? Пойдемъ къ людямъ, поговоримъ, послушаемъ. Пойдемъ, Маня!

Маня вспомнила, какая пріятная жена у Азриля, и рѣшила согласиться.

— Помоги же Исаку раздѣть дѣтей, а я ихъ уложу.

И они втроемъ начали хлопотать. Черезъ полчаса дѣти уже спали. Аниска и Маня одѣлись и, наказавъ Исаку, чтобы онъ присматривалъ за дѣтьмя и былъ остороженъ съ лампой, отправились.

Аниску всрѣтилъ самъ Азриль, устроилъ его за мужскимъ столомъ, Маню провелъ въ другую комнату, гдѣ сидѣли женщины. Въ мужскомъ отдѣленіи стоялъ шумъ отъ голосовъ, а воздухъ и теплота были невыносимы. За столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ и нѣкоторые изъ нихъ были ему знакомы. Сидѣли, какъ попало, кто въ шапкѣ, кто въ пальто и вообще не церемонились. Какъ только Аниска усѣлся, его перехватилъ кабатчикъ Нухимъ, испуганное, худенькое существо, и сейчасъ же сталъ шептать ему о разныхъ ужасахъ, происходившихъ съ кабатчиками. Выходило такъ, что кабатчики убили всякую торговлю. Они бросались къ лавкамъ и разоряли себя и коренныхъ лавочниковъ; они бросались къ хлѣбу и разорялись, разоряя другихъ. Конкуренція горѣла въ городѣ и сжигала всякаго, кто начиналъ дѣло. И получалась такая картина ужаса и горя, что, казалось, городъ обратился въ кладбище и люди мертвыми падали на улицахъ, какъ во время эпидеміи.

Нухимъ все шепталъ, каждый разъ смачивая большой и указательный палецъ слюной, точно онъ собирался сдавать карты, и больной глазъ его слезился отъ волненія. Аниска внимательно слушалъ, но чей-то громкій голосъ каждый разъ заглушалъ шепотъ. Раздосадованный, но и заинтересованный, онъ, наконецъ, оглянулся и узналъ Мотю „шойхета“. Загнувъ рукава, такъ что видна была крѣпкая обросшая кисть руки, Мотя, съ круто спускавшимся носомъ, загороженнымъ отъ рта парою густыхъ сѣдоватыхъ усовъ, ораторствовалъ, увѣренный, что говоритъ то самое, что нужно и что есть сама мудрость. Его могучія плечи высокаго человѣка безпрестанно двигались, поддерживая огромную голову съ низко выстриженными волосами, оставленными пучками у висковъ. Онъ легко раздражался и тогда лицо его скашивалось на бокъ, какъ бы отъ невыносимой боли, а лобъ покрывался неисчислимыми морщинами и такими глубокими, что въ нихъ спрятались бы пальцы ребенка.

— Вотъ вы скажите,—обращался онъ поочередно ко всѣмъ глазами, словно передъ нимъ сидѣли мудрецы, а не простые кабатчики,—гдѣ тутъ есть смыслъ, и я вамъ дамъ себя въ куски изрѣзать.

Онъ краснорѣчиво помолчалъ, внимательно разсматривая крош-

ки хлѣба, которыя перебирала его рука, и, достигнувъ эффекта своимъ молчаніемъ, продолжалъ:

— Гдѣ смыслъ,—гаркнулъ онъ громче, морща свой удивительный лобъ, вдругъ обвисшій толстыми желваками изъ собранной кожи,—въ созданіи монополіи для трезвости народа? И, наконецъ, что означаетъ? Одно изъ двухъ: или вы хотите, чтобы онъ былъ трезвъ, уничтожьте водку, но уничтожьте и чтобы 5 капель не нашлось во всей Россіи. Или вы хотите, чтобы онъ пилъ, не говорите о трезвости и не отнимайте у людей хлѣба.

— Хорошо,—пробурчалъ кто-то,—очень хорошо!

— Оставимъ трезвость,—грозно оглянулъ онъ слушателей и искривилъ лицо.—Подойдемъ къ этому дѣлу съ другой стороны, но держите въ умѣ трезвость, ибо она намъ еще нужна будетъ. Я вамъ пока скажу, что тутъ политика, но это еще мое дѣло, и погодите. Мы выйдемъ, какъ масло на водѣ.

Слушатели передохнули, откашлялись, отфыркались, предчувствуя что-то очень вкусное. Чахоточный бакалейщикъ, зять Азриля, хотѣлъ что-то вставить, но Мотя, какъ орелъ наблюдавшій за всѣми, поймалъ его въ тотъ моментъ, когда онъ собирался раскрыть ротъ, и, скорчивъ лицо, точно ему вырывали зубъ, проговорилъ умоляюще, но съ нетерпѣніемъ.

— Прошу васъ, прошу васъ, сидите тихо. Вы вѣдь еще не выслушали. Подождите, я вамъ что-нибудь скажу сейчасъ.

Всѣ глаза устремились на Мотю, цѣпко державшаго бакелейщика за воротъ.

— Мой отецъ,—началъ онъ,—когда я женился и долженъ былъ перейти жить къ тестю, на прощаніе далъ мнѣ одинъ совѣтъ, который я поклялся всегда исполнять. Сынъ мой, сказалъ онъ мнѣ, я сдѣлалъ для тебя все, что долженъ сдѣлать отецъ и это я не считаю заслугой. Всякій отецъ дѣлаетъ то же самое. Но одно я долженъ дать тебѣ, что не всякій сынъ получаетъ, и это послужитъ тебѣ хорошо въ жизни. Когда ты выйдешь отъ меня, то всю жизнь старайся помнить, что я далъ тебѣ здоровое сердце и не порть его никогда на пустыя препирательства. Въ жизни будетъ довольно настоящихъ огорченій для этого.

Вся компанія засмѣялась, а онъ, отпустивъ воротъ бакалейщика, поглядѣлъ на слушателей съ плутовской улыбкой въ глазахъ.

— О чемъ же я говорилъ?—началъ онъ опять, когда всѣ успокоились, но замѣтивъ раскрывшійся ротъ Азриля, быстро самъ отвѣтилъ:

— Да, такъ мы подойдемъ къ дѣлу съ другой стороны. Если,—рѣзко началъ онъ отчеканивать,—какой-нибудь человѣкъ почему-либо захочетъ лишить себя жизни на моихъ глазахъ, отвѣчайте, могу ли я помѣшать ему? Вы скажете, да, и я тоже это скажу. По-

дождите же, спрашивается, какъ? Если,—запѣлъ онъ, закрывая глаза и выдѣлывая удивительныя штуки рукой въ воздухѣ,—онъ, напримѣръ, захочетъ броситься въ воду, я схвачу его за руку и буду съ нимъ бороться до тѣхъ поръ, пока у него перекипитъ въ душѣ, а можетъ быть я позову городового и тотъ отправитъ его въ полицію. Если, напримѣръ, онъ захочетъ застрѣлиться, я силой отниму у него пистолетъ и, конечно, осторожно, чтобы онъ не выстрѣлилъ въ меня.

Онъ обождалъ, пока тутъ засмѣялись, и продолжалъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Ну, а если я имѣю аптеку и онъ придетъ просить у меня яда, что я тогда сдѣлаю? Я сдѣлаю все, чтобы отговорить его. Но если это не поможетъ, а? Тогда,—торжественно закончилъ онъ,—чтобы не допустить его пойти къ другому, который, можетъ быть, дастъ ему ядъ, я отпущу самую маленькую капельку и разбавлю ее въ большой водѣ. Слушайте же, тутъ весь умъ лежитъ. Ко мнѣ приходитъ человѣкъ и говоритъ: дай мнѣ водку. Водка—ядъ, я согласенъ. Что же мнѣ дѣлать? Отказать,—но онъ пойдетъ къ другому и напьется здѣсь или тамъ. Тогда я даю ему ядъ въ большой водѣ. И тутъ мы стоимъ уже у трезвости. Всѣ кабатчики впродолженіи многихъ лѣтъ отучали понемногу человѣка отъ крѣпкаго яда и они дѣлали трезвость. Но гдѣ же, я спрашиваю, тутъ трезвость, тутъ, когда я даю ему самый крѣпкій ядъ и беру за это съ него дороже?

Слушатели вздохнули отъ облегченія и каждый произнесъ что-то одобрительное. Только одинъ изъ нихъ, Давыдка громко сказалъ:

— Вотъ оттого и отняли, что мѣшали водку съ водой. Когда пьяница напьется, ему водка не нужна и у него могутъ остаться деньги на что-нибудь другое. Но если ему даютъ слабую водку, онъ все пропиваетъ. И ничего не ѣстъ.

Всѣ встрепенулись и ожидали, что скажетъ Мотя. Но онъ, поднявъ голову, уже обвивалъ бархатнымъ кошачьимъ взглядомъ его коротенькую фигурку.

— Хорошо! Вы слышали, что онъ сказалъ, хорошо слышали? Правъ, совершенно правъ! Разсказываютъ, что нѣкогда жило на свѣтѣ двое сватовъ. Одинъ изъ нихъ былъ умный, а другой придурковатый и со скверной головой. Вели они всѣ дѣла свои вмѣстѣ и у каждаго была своя роль. Умный дѣйствовалъ, а придурковатый во всемъ ему поддакивалъ. Хорошо. Однажды нужно было сосватать горбатую, хромую, но очень богатую невѣсту одному бѣдному, но ученому мальчику. Пошли оба свата къ отцу жениха и стали сватать. „Есть ли у нея деньги?"—спросилъ отецъ. „Конечно есть",—отвѣтилъ умный. „Вотъ столько", — поддержалъ

придурковатый и разнялъ руки, будто хотѣлъ обхватить самую большую кассу въ мірѣ. „Хорошо,—сказалъ отецъ,—а красива ли она?“ „Ничего себѣ,—скромно отвѣтилъ умный,—только у нея чуть-чуть талія не въ порядкѣ“. „Какое немножко,—подхватилъ придурковатый,—у нея вотъ такой горбъ“. И онъ всталъ и поднялъ руки такъ высоко надъ головой, точно онъ большаго горба не видалъ въ своей жизни.

Мотя замолчалъ и, откинувшись назадъ, изогнулъ спину, какъ котъ, собравшійся прыгнуть.

Маленькіе, блестящіе глазки быстро забѣгали по лицамъ восхищенныхъ слушателей и, остановившись на злополучномъ Давыдкѣ, вдругъ засверкали страннымъ металлическимъ блескомъ.

Томительный мигъ прошелъ и онъ опять смотрѣлъ ласково, обливая бархатомъ чуть-чуть близорукихъ глазъ притихшую компанію.

— Отвѣчайте же,—надулъ онъ опять желваки и поставивъ передъ сабой растопыренную пятерню, точно онъ къ ней и обращался,—много воды вы подлили въ бочку? Если „тамъ“ говорятъ, что вы продавали слабую водку, то на это можно еще отвѣтить, но вамъ, какъ тому свату, мало: вотъ такой горбъ у нея.

Всѣ весело разсмѣялись, а Давыдка спрятался за спину Аниски.

А Мотя продолжалъ пѣвучимъ голосомъ:

— Въ чемъ же тутъ дѣло? Вотъ тутъ мы подходимъ къ политикѣ, но не сейчасъ еще. Не надо намъ, говорятъ они себѣ, имѣть 2000 или 3000 посредниковъ для продажи водки, когда мы сами можемъ ими быть. Вы, говорятъ они, брали за ведро у народа по 10 руб., а мы возьмемъ только 6 или 7, а остальное остается у пьяницы.

Онъ закачался, запѣлъ и, извиваясь, какъ змѣя передъ слушателями, показывая одни только бѣлки, задвигалъ самымъ удивительнымъ образомъ пятерней.

— Такъ первое,—пѣлъ онъ,—вышла трезвость. А второе,—играла пятерня, взрывая воздухъ,—вышло деньги. А третье—третье это политика.

Онъ опять остановился, показавъ зрачки, заботливо смелъ рукой со скатерти, опять нагнулся и, точно готовясь подать самое вкусное блюдо, пожевалъ губами, какъ кроликъ, и, ни къ кому не обращаясь, спросилъ:

— Что же это за политика? Это,—вѣщимъ голосомъ загремѣлъ онъ,—указаніе на востокъ. Не на трезвость, не на монополію смотрите, а на востокъ... Наступаетъ конецъ нашимъ странствованіямъ во второй пустынѣ. Мы отъ Палестины шли впродолженіи долгихъ вѣковъ вокругъ свѣта и, наконецъ, подходимъ

уже туда, откуда вышли. Долгая и трудная была дорога, но конецъ и ей наступилъ, какъ наступаетъ всему. Почему мы очутились почти всѣ въ Россіи? Развѣ это не читается, какъ въ открытой книгѣ? Потому, что мы отсюда ближе къ нашей родинѣ и здѣсь нашъ послѣдній постой. Пусть отнимаютъ у насъ кабаки,—я же скажу: мало, больше нужно прижать. Пусть отнимутъ вѣсъ, мѣру, пусть еще уменьшатъ черту осѣдлости—я все скажу мало; но пусть начнутъ насъ гнать, рѣзать,—я скажу хорошо. Когда вода въ Красномъ морѣ разошлась и дала намъ бѣжать изъ Египта, это было хорошо. Но развѣ еще не лучше было то, что вода у начала сошлась, когда многіе еще были въ рединѣ? Развѣ мы тогда же не хотѣли вернуться въ рабство, развѣ мы не роптали въ пустынѣ? Намъ нужно было тронуться изъ Египта въ путь и пусть тысячи погибли, но мы пошли, а не вернулись, ибо намъ во что бы то ни стало нужно было пойти.

Новое направленіе разговора, которое никто не ждалъ, странно подѣйствовало на слушателей. Всѣ какъ бы чего-то еще ждали и въ комнатѣ наступила страшная тишина. Люди какъ будто не узнавали другъ друга и удивлялись, какъ это они кабатчики, ростовщики, лавочники могутъ невольно исполнять какую-то предначертанную идею. Настроеніе это разрушилъ женскій полный голосъ, который доносился изъ сосѣдней комнаты.

— Снится мнѣ, что я пеку хлѣбъ, и хлѣбъ вышелъ такой большой, высокій, легкій, и я все говорю себѣ: „Боже мой, какой это хорошій, рѣдкій хлѣбъ“. Вдругъ съ потолка сталъ спускаться огромный паукъ и черный, черный какъ уголь...

Мужчины выслушали голосъ и очарованіе въ мигъ разсѣялось. Наступилъ какой-то безпредметный страхъ, отъ котораго у каждаго возникали мрачныя мысли.

— Вы не слыхали,—запищалъ чахоточный бакалейщикъ, ни къ кому не обращаясь,—вѣдь идутъ уже слухи, что отнимутъ у насъ вѣсъ и мѣру.

Давыдка опять вмѣшался и началъ доказывать торопливо Нухиму, брызгая на него слюной, что это невозможно, но что пшеницу навѣрно отнимутъ у евреевъ. А потомъ всѣ заговорили разомъ и образовался такой шумъ, что ничего уже нельзя было разобрать. Мотя опять пытался заговорить, но его никто не слушалъ. Страхъ дѣлалъ свое дѣло и каждый кричалъ, точно его уже держали за горло. Азриль уговаривалъ Аниску, ничего толкомъ не понявшаго, чтобы онъ непремѣнно, непремѣнно держалъ деньги наготовѣ и что онъ, Азриль, давно что-то такое подозрѣвалъ, но „вѣдь вы знаете Аниска, у меня цѣлая куча дѣтей и я уже вынужденъ буду утонуть, если Богъ мнѣ не поможетъ“. Давыдка, стоя на коротенькихъ ножкахъ и покрытый отъ воз-

бужденія потомъ, отчего его лицо казалось изрытымъ оспой, совѣтовалъ черезъ столъ кабатчику Мордкѣ, все время не раскрывавшему рта, чтобы тотъ открылъ трактиръ, потому что горячая вода ничего не стоитъ, а за нее онъ будетъ брать по 8 коп. съ чайника. Бакалейщикъ своимъ тонкимъ проваливающимся голосомъ, увѣренный, что изъ-за шума не будетъ слышенъ, кричалъ что-то Мотѣ, стараясь по скверной привычкѣ поймать его за бороду и обернуть кольцомъ вокругъ своего указательнаго пальца. Но тотъ быстро увернулся и бакалейщикъ, отчаявшись вызвать его вниманіе, набросился на ошалѣлаго Аниску и быстро цапнувъ его за жесткую бородку не выпускалъ уже ее изъ рукъ и что-то началъ доказывать. А Аниска, постыдившись отнять ее, глупо глядѣлъ въ черные глаза своего мучителя.

— Я говорилъ,—пищалъ онъ, каждый разъ теряя голосъ,—моему тестю, что нужно бѣжать въ Америку. Тогда еще были деньги. Теперь...

Онъ побагровѣлъ и оборвавшись не могъ уже выдавить изъ себя звука. Раздался его кашель, жесткій, старательный и онъ весь согнулся, точно собирался поднять что-то съ пола. Аниска воспользовался замѣшательствомъ бакалейщика и отошелъ отъ него. Но его остановилъ Давыдка и сейчасъ же разсказалъ ему, что на его плечахъ, кромѣ семьи, еще сидятъ тесть и теща и что ему остается только одѣть петлю на шею.

Шумъ становился все громче, и казалось, что рожденныя только что мысли и высказанныя вслухъ, какъ камни обрушились на головы этихъ людей. Сдѣлалось еще жарче, а сгустившійся воздухъ точно закупоривалъ легкія.

Аниска первый поднялся, позвалъ Маню и сталъ прощаться. Но на улицѣ онъ все еще слышалъ крикъ и это тутъ, въ темнотѣ, казалось еще болѣе страшнымъ.

А Маня, идя подлѣ него, фантазировала о новомъ дѣлѣ, которое она задумала, разговаривая съ женой Азриля.

— Знаешь что, откроемъ молочную. Мы купимъ пять коровъ; я буду смотрѣть за ними и у насъ будутъ молочные обѣды. Абрамчику нужно молоко, какъ жизнь. А Соничкѣ думаешь не нужно? Старая Бася говоритъ, что молоко и болѣзнь два врага. И я тоже немного поправлюсь. Посмотри-ка, какъ я высохла вся. Я не имѣю въ себѣ здоровой кости. Тутъ ломитъ, а тутъ чешется, а сердце у меня просто разрывается отъ стука. Ну, а нога? По смотри-ка, какъ я хромаю. Я уже скоро на Басю буду похожа. Хоть бы здоровье было. Азрилю хорошо: у него жена, такъ радость посмотрѣть. Одной косточки ты у меня не найдешь, и мы всѣ больные. Слава Богу, что ты хоть здоровъ. Такъ я говорю, купимъ коровъ будемъ и продавать молоко. Увидишь, какъ мы разбогатѣемъ!

Аниска уныло молчалъ. Снѣгъ падалъ уже крупными, крѣпкими хлопьями, а большая круглая туча, точно злой черный коршунъ, все ниже опускалась надъ городомъ и безшумно засыпала дома, улицы, деревья и всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ ни крова, ни семьи.

И снѣгъ шелъ, и люди шли, и тоска шла, и было скверно отъ трудныхъ мыслей и сѣраго, грязнаго неба, съ угрозой стоявшаго надъ землей.

Въ Нижней улицѣ, гдѣ нѣкогда находился кабакъ Аниски, съ издавна пріютилась табачная лавочка. Она приходилась какъ разъ противъ кабака, такъ что все происходившее тамъ было видно какъ на ладони Эли, табачнику. Когда стихало отъ ѣзды, толкотни, гама, Аниска любилъ переговариваться съ Эли черезъ улицу. Аниска говорилъ громко, гулко, приставивъ въ видѣ рупора развернутый кулакъ ко рту, а Эли отвѣчалъ ужасно высокимъ голосомъ, который поражалъ чрезвычайной своей ѣдкостью и сардоничностью. Сосѣди жили между собой дружно и дружба ихъ выражалось самымъ трогательнымъ образомъ. Аниска, точно заведенная машина, въ каждую пятницу приносилъ Эли полъ-кварты водки, которую тотъ сдабривалъ сахаромъ и крѣпкимъ настоемъ изъ чая, а Эли дарилъ ему контрабандный табакъ едва терпимаго качества.

Въ свободное время они навѣщали другъ друга и съ годами ихъ отношенія перешли въ тѣсную дружбу. Въ послѣдній годъ они сблизились съ однимъ чудакомъ—Акштейномъ и немного времени спустя, когда узнали его ближе, сошлись съ нимъ окончательно.

Феликсъ Акштейнъ былъ торговецъ мѣшками и странный донельзя человѣкъ, ревниво скрывавшій свою интимную жизнь. Презирая свое занятіе (и вообще всякое занятіе), которымъ занимался изъ матеріальной необходимости, онъ имѣлъ пристрастіе къ образованію, которое тѣмъ болѣе плѣняло его, чѣмъ меньше онъ разбирался въ немъ. Образованіе значило у него французскій языкъ и онъ тысячи разъ начиналъ изучать Марго, но дальше 36 перевода никогда не пошелъ. Потомъ онъ задался цѣлью изучить словарь Брокгауза и Ефрона, но и здѣсь потерпѣлъ крушеніе. Читалъ Пушкина, Шекспира, Некрасова, Достоевскаго, толкуя ихъ своеобразно и иногда остроумно, и презиралъ всѣхъ, кто занимался торговлей, ремесломъ. Въ разговорѣ былъ вычуренъ и употреблялъ почти всегда невпопадъ стихи изъ любимыхъ авторовъ и думалъ при этомъ, что мечетъ бисеръ предъ свиньями. А еще онъ питалъ страсть къ сопилкѣ, на которой выдѣлывалъ одни только головоломнѣйшія рулады, доставлявшія ему чисто порочное наслажденіе.

Нѣсколько времени спустя послѣ посѣщенія Аниской Азриля друзья собрались по обыкновенію у табачника. Акштейнъ приказалъ принести три бутылки пива, и когда оно было принесено, Эли разставилъ бутылки на столикѣ, досталъ стаканы и налилъ каждому порцію. Потомъ онъ усѣлся за прилавкомъ, потеръ между лопатками, гдѣ у него вѣчно чесался застарѣлый лишай, и пріятели чокнулись.

Эли никогда не могъ выпить пива, чтобы не провести нѣсколько мизантропическихъ параллелей.

Такъ и было на этотъ разъ.

— Знаете ли вы, друзья мои,—раздался его высокій сардоническій голосъ,—который это разъ, что мы пьемъ пиво, что на землѣ рождается новое поколѣніе, или, наконецъ, который разъ, что со дня сотворенія міра восходитъ солнце на небѣ? Знаете ли вы, друзья мои? Увы, и я не знаю. Но, можетъ быть, вы знаете, когда мы въ первый разъ прикоснулись устами къ пиву, или когда родилось первое поколѣніе, или, наконецъ, когда солнце въ первый разъ взошло на востокѣ? Нѣтъ! Увы и я не знаю. Ахъ, друзья мои, поколѣнія—это ячмень, брошенный на дно огромной бочки, которое есть земля, а крышка ея небо, и ячмень этотъ бродитъ отъ солнца, чтобы сдѣлаться прекраснымъ пивомъ, а потомъ попасть въ большой животъ земли, какъ это пиво въ нашъ. Итакъ, друзья мои, выпьемъ, забудемъ несчастную землю, забудемъ зло, которое такъ же щедро разсыпано на нашемъ пути, какъ пшеница въ курятникѣ богатаго хозяина, и заткнемъ уши, чтобы хоть на минуту не слышать стоновъ и глупыхъ разговоровъ. Что вы говорите, Аниска? Э, э, что-то прыгаютъ ваши губы. Смотрите въ стаканъ, смотрите въ стаканъ! Развѣ Богъ открылъ свои уши? За ваше здоровье, друзья...

Онъ сдѣлалъ какой-то мизантропическій жестъ и опрокинулъ стаканъ въ ротъ. На минутку наступило торжественное молчаніе и всѣ ожидали, когда Эли вернется къ дѣйствительности изъ своего мизантропическаго высока.

Осушивъ стаканъ, Эли снова наполнилъ его, не забывъ и друзей, и продѣлалъ это съ такимъ печальнымъ лицомъ, словно онъ наливалъ смертельный напитокъ.

— Пейте еще, друзья мои,—печально напомнилъ онъ,—жизнь летитъ и никогда не ждетъ кнута, и скоро, скоро мы будемъ мертвыми, каждый въ той грязной ямѣ, которая назначена ему судьбой. Пейте, потому что камень на могилѣ крѣпко наляжетъ на насъ и раздавитъ уста, еще умѣющіе теперь пить это пиво. Что вы скажете, Акштейнъ? Ну, говорите, говорите, теперь вашъ языкъ сто евреевъ не удержатъ.

— Когда это было?—началъ Акштейнъ, повторяя вопросъ

Эли и обращаясь къ потолку.—Это было,—отвѣтилъ онъ немедленно,—когда покойный король нашъ побѣдилъ Фортинбраса. И только скажите вы,—довѣрчиво обратился онъ вдругъ къ табачнику,—Эли, помните ли вы, гдѣ это покойный король побѣдилъ Фортинбраса? Не помните? При Гамлетѣ, при Гамлетѣ, невѣжественный человѣкъ. Надо исторію изучать, Эли, а не адъ! Развѣ вы были когда-нибудь въ аду? Нѣтъ, вы не были, и я васъ за это не обвиняю. Но если бы вы тамъ побывали, то только тогда, только тогда я могъ бы про васъ сказать словами одного человѣка, у котораго вы и всѣ мы недостойны вычистить башмаки:

Жилъ на свѣтѣ тараканъ,
Тараканъ отъ дѣтства,
И попалъ потомъ въ стаканъ,
Полный мухоѣдства.

— А теперь Эли, вы только простой тараканъ и я не понимаю, куда вы суетесь? Вы самый обыкновенный, немного мрачный тараканъ, и это совсѣмъ не великая заслуга для человѣка. Вамъ нечего гордиться, Эли, хотя я только иногда понимаю васъ, но не постигаю, не постигаю, Эли.

И онъ развелъ руками, словно не понимая, какъ это нельзя постичь такого таракана, какъ Эли.

— Но,—продолжалъ онъ, подмигивая глазомъ выходной двери, гдѣ еще дрожалъ задѣтый мимоходомъ Эли колокольчикъ,—но сокрушайся сердце, коли языкъ мой говорить не смѣетъ, то-есть это значитъ,—съ готовностью пояснилъ онъ ночи, не ласково глядѣвшей въ окно лавочки,—я, можетъ быть, еще мрачнѣе могъ бы смотрѣть на жизнь, но вы, Эли, слишкомъ невѣжественны, и я не хочу быть вашимъ товарищемъ. И такъ, Эли, выпьемъ за Фортинбраса, Эли, который теперь побѣдилъ покойнаго короля.

Аниска, слегка охмелѣвшій послѣ третьяго стакана, чувствовалъ себя очень, очень грустно. Теперь ему хотѣлось ласковаго, добраго сердца, которому онъ бы могъ открыть всѣ тайники своей души, ему хотѣлось бы сочувственныхъ словъ, которыя вызвали бы слезы изъ его опустошеннаго сердца; хотѣлось бы сдѣлаться вдругъ такимъ маленькимъ, жалкимъ, чтобы всякій его гладилъ и утѣшалъ, какъ ребенка.

— Эли,—произнесъ онъ голосомъ, точно давно надорвавшимся отъ рыданія,—Феликсъ, друзья мои, всѣ вы говорите вѣроятно правду, но чѣмъ, чѣмъ, я васъ спрашиваю, это меня облегчаетъ? У меня все-таки больная, очень больная жена, 6 маленькихъ больныхъ дѣтей и всего 300 рублей. Я таки здоровъ, какъ быкъ здоровъ, но вѣдь у меня все-таки больная жена и 6 маленькихъ больныхъ дѣтей и всего 300 рублей. Развѣ я могу рѣзать отъ себя куски и продавать ихъ, какъ свѣжее мясо? Ахъ, если бы

вы могли посмотрѣть на мой мозгъ, то увидѣли бы, какой онъ уже больной, измученный. Я думаю, думаю и все-таки у меня больная, очень больная жена и 6 маленькихъ больныхъ дѣтей и всего-всего 300 рублей. Это какъ стѣнка передо мной. Маня полѣзла бы на первую крышу, чтобы что-нибудь дѣлать. Маня бы на деревѣ взялась торговать, но я вѣдь не Маня. Я вѣдь долженъ давать хлѣбъ моей семьѣ. Посмотришь на Абрамчика—сердце болитъ, теперь ужъ онъ что-то хромать началъ, а я не знаю почему, на Сонечку посмотришь, на Шаечку посмотришь, куда ни посмотришь—и изъ сердца выливаются потоки крови. Больные, больные, бѣдные и больше ничего. Ахъ, Богъ, что онъ себѣ тамъ думаетъ на небѣ?

Эли, забравшись къ лопаткамъ, долго не выходилъ изъ мудрой задумчивости, а Акштейнъ, поискавши въ головѣ стишокъ, который подходилъ бы къ настоящему положенію, продекламировалъ:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

— Да, Аниска, сегодня вы въ станѣ погибающихъ и я очень, очень жалѣю васъ. Большую ошибку далъ вашъ отецъ, не сдѣлавъ изъ васъ ремесленника. Вообще,—задумчиво закончилъ онъ, можетъ быть, намекая на свое прошлое,—отцы въ старое время были очень глупы.

Что-то стиснуло его сердце отъ негодованія, въ головѣ молніей что-то пронеслось и онъ почти выкрикнулъ:

Плюньте въ лицо ему, честные люди,
Это отецъ развращающій дочь!

Потомъ онъ отвернулся и со слезами на глазахъ сталъ глядѣть въ оконныя стекла, которыя, казалось, были отполированы чернымъ лакомъ.

— Бываетъ несчастіе,—оправился Аниска, — такъ хоть что-нибудь есть, какая-нибудь опора, что-нибудь, что-нибудь. Десять лѣтъ я и Маня работали, какъ въ аду, а что намъ осталось—300 рублей! А развѣ могло остаться больше? Я работалъ только на складчика. Всѣ кабатчики работали на складчика. Посмотрите-ка на Лейбовича, у котораго я покупалъ водку, повредила ему монополія? Посмотрите еще на складчиковъ. Они почти первые богачи въ городѣ, а всѣ кабатчики нищими остались. Я работалъ, какъ вѣрная собака, отъ 4 часовъ утра до 12 часовъ ночи, но если бы я землю копалъ, у меня за 10 лѣтъ больше бы осталось. А теперь, Эли, что будетъ съ моей больной Маней, съ дѣтьми. Куда мнѣ пойти, за что взяться? Я вамъ говорю, Эли, что если бы разверзлась земля и поглотила меня съ женой и

дѣтьми, то я бы благословлялъ и благодарилъ Бога. Вотъ Маня ожидаетъ меня теперь, нашелъ ли я дѣло. Какое дѣло, скажите мнѣ, развѣ я одинъ въ городѣ? Кто мнѣ дастъ дѣло, когда всѣ хотятъ ѣсть? А дома холодно, всѣ голодные и больные. больные, и Маня ожидаетъ меня, какъ ожидаютъ Мессію.

Онъ опустилъ голову, чувствуя, что не въ силахъ выдержать душившихъ его рыданій.

— Аниска,—началъ Эли, выходя изъ задумчивости.—вы можете утѣшиться тѣмъ, что все идетъ къ погибели въ этомъ мірѣ. Вѣдь все должно имѣть конецъ. Въ эту самую минуту, когда вы напрасно ломаете себѣ голову, многихъ везутъ на кладбище, гдѣ ожидаетъ ихъ скверная глубокая яма, въ эту самую минуту многіе испускаютъ дыханіе, многіе голодаютъ, съ ума сходятъ и въ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы отчего-нибудь не страдалъ. Это, Аниска, большое утѣшеніе, если вообще есть утѣшеніе въ жизни. Но,—продолжалъ онъ саркастически,—въ маленькихъ городахъ есть тоже кабатчики и отъ нихъ исходитъ такой стонъ, что я удивляюсь, какъ мы не слышимъ его здѣсь. И вотъ стонъ этихъ кабатчиковъ, Аниска, долженъ быть для васъ уже настоящимъ утѣшеніемъ, потому что если я иногда молюсь кому-нибудь, то прошу только о томъ, что когда я буду умирать, то пусть совершу это не въ одиночествѣ. Я прошу о томъ, чтобы немного даже, но хоть одинъ человѣкъ умеръ вмѣстѣ со мной, дабы я не долженъ былъ послѣ смерти сознавать одинъ свой ужасъ и искать въ этихъ безконечныхъ семи небесахъ ада, куда я, навѣрное, долженъ буду попасть, ибо товарищи по несчастію—великое облегченіе.

Глаза Эли углубились и онъ, казалось, искалъ въ черномъ стеклѣ дверей то мѣсто на небѣ, гдѣ нѣкогда въ такую же черную ночь будетъ искать свое вѣчное пребываніе.

— Такъ, такъ,—кивалъ Аниска головой,—такъ, но вѣдь все-таки нужно хлѣбъ отыскать, а сколько я не ищу, его нѣтъ, нѣтъ въ городѣ. Эли, знаете ли вы, что значитъ хлѣбъ, хлѣбъ, когда тутъ же возлѣ васъ больная жена, больныя, золотушныя, хилыя дѣти и всего, всего 300 рублей, которыхъ, лучше умереть, чѣмъ затронуть. А изъ маленькихъ денегъ, Эли, хлѣбъ не растетъ. Около маленькихъ денегъ нужно какъ въ аду работать, чтобы изъ нихъ выросъ хлѣбъ...

И погромче насъ были витіи,
Но не сдѣлали пользы перомъ,—

продекламировалъ вдругъ Акштейнъ, барабаня пальцами по стеклу.

— Аниска, — произнесъ Эли какимъ-то тончайшимъ голосомъ,—ваши слова могли бы даже камень тронуть, а я всего,

*

всего только прахъ. Допустимъ, что вы правы и ваша больная Маня и ваши дѣти, ибо всякая семья когда-нибудь бываетъ права. Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать. Я хотѣлъ сказать, что когда желудокъ хочетъ ѣсть, то весь свѣтъ становится такимъ же большимъ, какъ двухкопеечная булка, нашпигованная иголками. Вы понимаете меня, Аниска. Нѣтъ? Ну, это не для вашей головы. Нужно не только свое несчастіе видѣть, Аниска. Нѣтъ, не поняли? Ну, это все равно, вамъ даже не здорово это понять. Такъ я говорю, что вамъ нужно помочь. Въ молодости, когда у меня не было лишая, у меня былъ хорошій мозгъ, и крѣпкія, какъ желѣзо, ноги. Аниска,—закончилъ онъ вдругъ сардонически,—или я не буду Эли, или я вамъ найду дѣло!

— Эли, — внезапно поднялся, сильно взволнованный Акштейнъ,—хотя я презираю „дѣло", потому что „дѣло" погружаетъ существо человѣка въ низкую грязь, но порывъ вашей души тронулъ, сильно тронулъ меня. Я васъ кругомъ, кругомъ понялъ, Эли, кругомъ, кругомъ. Вы хотя, по моему, невѣжественный человѣкъ, Эли, вычурный и съ претензіями человѣкъ, но сегодня я отъ васъ услышалъ настоящее слово. О, если бы наши отцы были такими, если бы и у нихъ бывали порывы, то не мѣшками, Эли, клянусь, не мѣшками я бы торговалъ, а былъ бы теперь гдѣ-нибудь учителемъ ли, врачемъ ли, но честнымъ, честнымъ труженикомъ, который не долженъ насильно плевать ежеминутно въ свою совѣсть, чтобы набарышничать лишнюю копейку, а дѣлаетъ скромно и чисто свое дѣло. Вамъ же, Аниска, я скажу словами великаго человѣка, передъ которымъ я такъ благоговѣю:

Либералка иль жоржзандка—
Все равно—теперь ликуй:
Ты съ приданнымъ гувернантка,
Плюй на все и торжествуй!

Онъ выпилъ пива, сложилъ руки на груди и долго еще лицо его подергивалось отъ волненія.

— У васъ будетъ дѣло, Аниска,—повторилъ Эли,—сегодня, завтра, черезъ мѣсяцъ, но оно будетъ. Пейте пиво.

Друзья посидѣли еще нѣсколько времени и не возобновляли разговора. Потомъ первымъ вышелъ Аниска и сейчасъ же словно провалился во тьмѣ. За нимъ вскорѣ вышелъ Акштейнъ. Эли сталъ запирать дверь на ночь и звонъ встревоженнаго колокольчика долго преслѣдовалъ Феликса. Онъ зажалъ уши, чтобы не слышать его и нѣсколько времени подвигался, какъ автоматъ. Холодный, морской вѣтеръ забрался подъ его сорочку и ласкалъ своей свѣжестью. Было темно и башмаки его отчетливо стучали по камнямъ тротуара. Но тишина улицы и запахъ плѣсени, несшейся отъ старыхъ стѣнъ домовъ, наводили на него ту холодную тоску,

которую онъ испытывалъ, когда купаясь погружался въ воду и не чувствовалъ надъ собой никакого міра, кромѣ моря, которое куда-то бѣжало поверхъ его спины. Онъ пошелъ быстрѣе, бормоча про себя:

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, въ глубинѣ Россіи,—
Тамъ вѣковая тишина.

Потомъ, когда онъ пришелъ домой, то, не зажигая свѣчи, не раздѣваясь, онъ отыскалъ сопилку и залился странными жалобными звуками, которые терзали и ласкали его сердце и напоминали плачъ существа, которое хочетъ что-то сказать, пожалѣться, душу раскрыть, но, не имѣя словъ, умѣетъ только выть этими странными, раздирающими сердце звуками...

Дни тянулись за днями и не приносили съ собой ничего новаго. Эли съ одной стороны, Аниска съ другой, не щадя силъ, бѣгали ежедневно осматривать все, что имъ предлагали, но всѣ ихъ усилія пропадали даромъ. То просили много денегъ, то предлагаемое дѣло оказывалось аферой, мизернымъ или просто миѳомъ, то перебивали конкуренты, и съ каждымъ днемъ становилось все очевиднѣе, что ужасное только впереди. Маня отъ огорченія начала часто прихварывать. У нея распухъ животъ, распухли ноги, и какъ ни дороги были 300 рублей, все же пришлось затронуть ихъ, чтобы лечить ее. Въ свою очередь недовольство между супругами становилось, по мѣрѣ того, какъ отодвигалась надежда, все острѣе, а озлобленіе и горе вымещалось на дѣтяхъ, которыя почему-то всегда всѣму мѣшали: жизни, ѣдѣ, разговорамъ. И такъ скверно, гадко и однообразно тянулись дни за днями.

Однажды Аниска, потерпѣвъ, по обыкновенію, неудачу, возвращался домой. Онъ шелъ усталый, печальный и весь міръ казался ему темнымъ и мрачнымъ, какъ его душа. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то положилъ руку на его плечо. Онъ испуганно оглянулся и увидѣлъ передъ собой улыбающееся лицо Моти „шойхета“. За нимъ стоялъ чахоточный бакалейщикъ съ своими странными, высоко поднятыми плечами и все горѣвшими черными глазами.

— Вотъ какъ,—выговорилъ Мотя, вмѣсто привѣтствія,—и вы здѣсь. Что вы тутъ дѣлаете?

Аниска лѣниво отвѣтилъ:

— Ничего, а вы?

— Я,—разсмѣялся Мотя,—я ищу вчерашній день!

Аниска поднялъ ногу, чтобы двинуться дальше, но Мотя удержалъ его за руку и тотъ безпомощно потоптался на мѣстѣ.

— Куда вы летите?—искривилъ онъ, по обыкновенію, свое лицо и прибавилъ, обращаясь къ бакалейщику:—Евреи только летятъ: что, зачѣмъ, иди человѣкъ спокойно, кто гонится за тобой? Летитъ!

Онъ сдѣлалъ шагъ и, не давая никому раскрыть рта, продолжалъ:

— Это слово „летятъ“ напоминаетъ мнѣ одну исторію, которая, положимъ, не имѣетъ отношенія къ намъ, но какъ всякая умная исторія, можетъ чему-нибудь насъ выучить. Однажды у окна сидѣли мужъ съ женой и смотрѣли на небо. Почему они смотрѣли на небо, а не на сосѣдній домъ, не на улицу, это особенный вопросъ и мы когда-нибудь къ нему вернемся. Оставимъ же это въ сторонѣ и будемъ держаться нашей дороги.

Большимъ и указательнымъ пальцемъ онъ вытеръ углы губъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился. Аниска и бакалейщикъ тоже шагнули и остановились.

— Такъ будемъ держаться нашей дороги,—не спѣша продолжалъ Мотя,— какъ бываетъ,—на небѣ случается облако, ласточка, ну галка, орелъ, а бываетъ, что и ничего не случается. Но на ихъ несчастье какъ разъ въ эту минуту, когда они смотрѣли, показались гуси и числомъ ихъ было девять. Когда гуси улетѣли, мужъ говоритъ женѣ: „Смотри-ка, не лучше ли было, если бы эти девять гусей были нашими, а не летѣли чортъ знаетъ куда?“—„Какое,—говоритъ она,—девять, ты хочешь сказать семь“.—„Девять, я говорю тебѣ,—разсердился мужъ,—что же я считать не умѣю“.—„Семь“,—возразила жена.—„Девять“,—крикнулъ мужъ. Спорили, спорили, наконецъ, мужъ не выдержалъ и сталъ ее колотить. „Девять“,—кричитъ онъ, поднимая кулаки.—„Семь“,—отвѣчаетъ она, но уже безъ голоса. Наконецъ, увидѣвъ, что ничего не помогаетъ, онъ убилъ ее. „Ну,—думаетъ онъ,—теперь уже будетъ девять“. Потомъ онъ подошелъ къ покойницѣ и сталъ ее оплакивать: „Дура, ты дура,—началъ онъ,—нужно было тебѣ настаивать, нужно было тебѣ умереть такъ рано! Когда я сосчиталъ, что пролетѣло девять“... — „Семь“, — крикнула покойница и опять повалилась мертвой.

Аниска натянуто разсмѣялся, а бакалейщикъ даже закашлялся отъ хохота, согнувшись для этой операціи почти до колѣнъ.

— Ну, такъ что же?—наконецъ, спросилъ Аниска.

— Я вѣдь вамъ сказалъ, что васъ это не касается. Но одна капля ума и вы увидите въ этой исторіи интересный примѣръ. Развѣ эта жена не похожа, какъ двѣ капли воды, на нашихъ евреевъ? Въ городѣ, и не только въ немъ, а въ маленькихъ городахъ идетъ такой плачъ, что можно отъ него съ ума сойти. Развѣ тѣ, которые плачутъ о кабакахъ, не похожи на эту глу-

жую жену, которая хотѣла, чтобы было только семь? А безъ кабаковъ развѣ нельзя жить на свѣтѣ? Что монополія убила людей, то даже вотъ эта собака, что бѣжитъ, повѣритъ, но эта самая собака не повѣритъ, чтобы люди не могли жить безъ кабака. Къ чему эти слезы, этотъ плачъ, кого онъ разжалобитъ, чему онъ поможетъ? Будьте евреями, не ропщите, ищите выхода!..

Голосъ его зазвенѣлъ, какъ бы отъ восторга.

— Можетъ быть, въ этомъ начало вашего исхода,—продолжалъ онъ,—вѣдь есть же одна капля, которая переполняетъ сосудъ! Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Мучьте, топчите, давите насъ, не давайте намъ вздохнуть, сгоняйте насъ въ одну кучу, чтобы мы были ближе другъ къ другу. Человѣкъ любитъ кнутъ, а мы, евреи, держимся только благодаря ему.

На лбу у него повисли желваки, а рука заметалась, какъ раненая змѣя. Чахоточный опять раскашлялся своимъ ужаснымъ кашлемъ и его безкровное, костяное лицо посинѣло отъ натуги.

Мотя прислушался къ бакалейщику, но видно было, что его мысли витаютъ гдѣ-то далеко отъ этого мѣста. Казалось, онъ видитъ предъ собой эту кучу загнанныхъ евреевъ, которымъ онъ сейчасъ начертаетъ планъ исхода.

— Мы,—продолжалъ Мотя,—принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ добро есть зло, а зло есть добро. Пусть, сохрани Богъ, начнутъ насъ жалѣть, то мы погибнемъ отъ перваго до послѣдняго, ибо самый худшій врагъ нашъ—это покой. Весь секретъ нашей долгой жизни, это то, что нигдѣ и никогда намъ не давали жить. Весь умъ, весь вкусъ нашей исторіи лежитъ въ этомъ. Кнутъ вездѣ сѣкъ наши плечи, вездѣ онъ будилъ насъ, сбивалъ въ кучу и гналъ все дальше и дальше. Онъ былъ нашимъ спасителемъ, нашимъ Мессіею, котораго мы ждали, искали, не понимая, что Богъ съ перваго дня нашихъ бѣдствій далъ намъ его, какъ вѣрнаго стража для нашего сохраненія. Но еще лучше нашей исторіи бѣдствій, это наше высокое назначеніе. Мы, евреи, нація священниковъ, которымъ было дано разнести по всему міру мысль объ единомъ Богѣ, ученіе свѣта и добра, и мы это велѣніе уже совершили. Единаго Бога призналъ весь міръ, и больше намъ здѣсь нечего дѣлать. Теперь наступаетъ время вернуться домой послѣ большой войны, и мы вернемся, какъ побѣдители. И я говорю, не плачьте, оглянитесь назадъ, весь страшный путь пройденъ: скоро мы будемъ у себя!..

Онъ опять пошелъ, задыхаясь отъ волненія, не обращая вниманія, идутъ ли за нимъ его слушатели, весь поглощенный своей высокой идеей.

— Есть между нашими евреями такіе,—продолжалъ онъ,—которые отрицаютъ и наше назначеніе, и нашу удивительную

исторію, которые отрицаютъ самого Бога. О, скажите мнѣ, можно ли, глядя на этотъ большой міръ, начиная съ самой маленькой песчинки его и кончая этимъ небомъ, на которомъ мелькаютъ милліоны прекраснѣйшихъ звѣздъ, можно ли допустить мысль, что не было преднамѣренной мысли или какого-нибудь плана въ этой удивительной гармоніи, гдѣ каждое такъ хорошо сидитъ на своемъ мѣстѣ, имѣетъ свое назначеніе и ничто не способно на одинъ мигъ измѣнить свой ходъ? Если взять большой листъ бумаги и опрокинуть на него бутылку съ чернилами, что вы получите? Вы получите черное большое пятно. Не станете ли вы удивляться, если случайно, вмѣсто пятна, получится какая-нибудь буква? Но что вы подумаете, если вамъ разскажутъ, что эти чернила пролились такъ, что вмѣсто пятна вышли буквы, буквы эти удивительно сомкнулись въ слова, слова связались въ предложенія, а предложенія дали хорошія разумныя мысли? Повѣрите ли вы, что это само собой сдѣлалось? Что же тогда сказать объ этомъ безконечномъ мірѣ, который такъ правильно устроенъ въ своихъ частяхъ и въ которомъ вы находите ежедневно бездну поучительнаго, предъ которымъ мысли на бумагѣ меньше, чѣмъ лепетъ ребенка. О, вы скажете, что это созданіе отца нашей жизни, великаго всемогущаго Бога, того, кто предвѣченъ, кто есть вездѣ и нигдѣ, единаго царя вселенной.

— Такъ, хорошо,—кивая головой, бормоталъ чахоточный,—теперь я вижу, что долженъ былъ получить чахотку. Потому что, если бы не я, не другой заболѣвалъ ей, тогда кто бы заболѣвалъ? Чахотка должна существовать и кто нибудь долженъ ее получить. Ну, хорошо, я получилъ, но „тамъ“ уже, хорошо знаютъ, почему и для чего и отчего именно я, а не другой. Продолжайте, Мотя, съ каждымъ днемъ я становлюсь все умнѣе. Мнѣ только жалко, что я васъ предъ смертью узналъ.

— Каждая вещь,—продолжалъ Мотя, искривившись,—должна имѣть свой хорошій конецъ. Смотрите не на начало, не на середину, а только на конецъ. Не смотрите на то, что вамъ теперь плохо или хорошо, потому что не это важно, а большой конецъ. Что вы, человѣкъ, другой человѣкъ? Ничего, пылинка, немножко золы. Главное, это ходъ Божьей воли, которая совершается въ тысячелѣтія и чрезъ милліоны людей. Сколько лѣтъ тому назадъ мы попали въ плѣнъ? Кому это нужно было, почему столько людей погибло? Теперь и я, и вы, и всякій знаетъ почему. Мы знаемъ теперь, почему мы мучились, почему мы перебѣгали изъ одного мѣста въ другое, почему насъ сжигали, рѣзали, убивали: это было нужно, чтобы выполнилась Божья воля. Итакъ, я теперь говорю. Наступаютъ опять тяжелыя времена, они будутъ еще хуже и я даже не могу охватить умомъ, какъ

велики будутъ наши страданія. Но помните, что самыя трудныя усилія родильница совершаетъ тогда, когда ребенокъ идетъ уже на свѣтъ. Укрѣпитесь хорошо на ногахъ, согните въ послѣдній разъ ваши спины и задавите крикъ на вашихъ устахъ. Скоро мы будемъ у себя!

Онъ замолчалъ, укрѣпился на ногахъ, согнулъ свои могучія плечи и, какъ бы задерживая крикъ, радостно глядѣлъ куда-то своими близорукими глазами, гдѣ ему виднѣлась осуществленная мечта.

У Аниски, какъ и въ первый разъ, завертѣлось и помутилось въ головѣ. Исчезъ кабакъ, исчезла Маня, дѣти, ежедневныя заботы, и была предъ глазами большая бойня, гдѣ палачи рѣзали евреевъ, евреевъ, евреевъ. И онъ испугался, и убѣжалъ, чтобы не видѣть этихъ картинъ, не слышать этого голоса, который словно благословлялъ его несчастіе.

— Я еще зайду къ вамъ,—бормоталъ онъ чахоточному дрожа,—я еще зайду къ вамъ. Кланяйтесь Азрилю.

— Еще одно тяжелое усиліе, — повторялъ бакалейщикъ,—и мы будемъ у себя.

Мотя медленно разогнулся и не спѣша продолжалъ свой путь.

Наконецъ морозы прекратились. Снѣгъ растаялъ, улицы покрылись грязью, съ деревьевъ сошла ледяная кора и отовсюду съ неба, съ крышъ, съ домовъ, съ уличныхъ фонарей, съ телеграфныхъ проволокъ, съ вѣтвей деревьевъ полилась какая-то мутная, жирная вода. Солнце не показывалось, а вмѣсто неба была какая-то сѣрая мгла, закопченная дымомъ отъ печныхъ трубъ. Нижняя улица, лежавшая у моря, почти потонула въ густомъ туманѣ и во всѣхъ домикахъ по цѣлымъ днямъ горѣли огни. Первымъ пострадавшимъ отъ оттепели былъ Аниска. Стѣны подвальнаго этажа, въ которомъ онъ жилъ, были пропитаны неистребимой сыростью, отъ которой его спасали только одни морозы. Даже лѣто не приносило облегченія. Со стѣнъ, точно отъ мокраго лишая, безпрестанно текло, и вода эта была вонючая, какъ и камни, по которымъ она текла. Но самое тяжелое время наступало въ концѣ марта. Почти всегда переходъ отъ зимы къ веснѣ оплачивался Аниской какимъ-нибудь болѣе хилымъ или болѣзненнымъ ребенкомъ. То же самое происходило у сосѣдей Аниски, жившихъ при такихъ же условіяхъ. И когда начинались кори, оспы, скарлатины, крупы и всякія другія немощи, то маленькихъ людей косило съ одного края Нижней улицы до другого.

У Аниски первымъ заболѣлъ Абрамчикъ, игравшій наканунѣ во дворѣ съ ребенкомъ сосѣдки Бейлы—модистки, слегшимъ на слѣдующій день отъ дифтерита. Съ Абрамчикомъ въ вѣчно темной

и тѣсной комнаткѣ обыкновенно спалъ Шайка, малюсенькій, на аршинъ отъ полу, ужасно худенькій мальчикъ, съ открытыми большими глазами, какіе бываютъ у куколъ. Шайка мучился всю ночь, потому что въ горлѣ у него какъ будто лежало что-то острое и каждый разъ, когда онъ глоталъ, больно рѣзало. Первую половину ночи ему было очень холодно и онъ все жался къ Абрамчику, который былъ теплый, какъ печка. А когда утромъ онъ проснулся, ему было уже такъ жарко, что онъ бы голымъ выбѣжалъ во дворъ. И Абрамчикъ пылалъ. Съ нимъ тоже произошло что-то странное ночью. Казалось ему, что онъ лѣзъ на тотъ самый домъ, что стоитъ всегда на горѣ надъ Нижней улицей. Такой страшный домъ со шпицомъ на верхушкѣ, куда обыкновенно садятся голуби. И этотъ шпицъ его всю жизнь интересовалъ. И вотъ онъ, наконецъ, лѣзетъ по стѣнкѣ башни къ этому шпицу, куда обыкновенно садятся голуби. И все лѣзетъ онъ и мучится и пыхтитъ, чтобы добраться до него, а шпицъ тоже лѣзетъ, но гораздо скорѣе, чѣмъ онъ. „Скоро уже у неба будемъ", думаетъ онъ, и все тяжелѣе становится ему подниматься и потъ льется съ него, какъ вода. „Передохну", думаетъ Абрамчикъ. И только онъ остановился, какъ его обступили большія черныя мухи, которыя лѣтомъ такъ громко жужжатъ на стеклѣ и стали кусать въ горлѣ. Такъ, какъ-то прошли въ ротъ и стали кусать. И онъ началъ кричать „мухи, мухи" и ему казалось, что мухи означаютъ домъ, что̀ стоитъ всегда на горѣ. А потомъ его кто-то душилъ, потомъ за нимъ гнался дворникъ, котораго онъ какъ чорта боялся, и опять шпицъ, шпицъ, мальчикъ Бейлы и жарко, жарко, какъ будто его бросили въ печку, гдѣ въ пятницу утромъ сосѣдки хлѣбъ пекутъ.

Это утро было скверное утро. Горѣла лампа на старинномъ, еще отъ бабушки Мани комодѣ и плохо освѣщала комнату. Безпорядокъ былъ вездѣ, такъ какъ Аниска и Маня только что встали. На столѣ безъ скатерти лежали остатки вчерашняго ужина, засохшія корки хлѣба, шелуха отъ лука, глиняный чайничекъ и грязные стаканы. Постельное бѣлье на кровати тоже было грязное и на немъ валялись какая-то юбка яркихъ, но полинявшихъ цвѣтовъ, зимній красный шарфъ Аниски и Сонька со Шлемкой. Маня, неумытая, съ подвязанной щекой, стояла подлѣ казанка и разводила огонь, чтобы сварить чай. Аниска въ чулкахъ, безъ жилетки, мотался по комнатѣ, то заходилъ на цыпочкахъ къ Абрамчику, что-то говорилъ тамъ, возвращался и машинально перекладывалъ свою жилетку съ одного мѣста на другое.

— Горятъ?—шепотомъ спросила Маня, снимая чайникъ съ вскипѣвшей водой.

— Можешь уже посмотрѣть. Эта зима насъ всѣхъ въ землю загонитъ.

— На, выпей чай и дай дѣтямъ. Хоть бы эти не заболѣли. Въ комнатѣ есть вода? Я забыла вчера приготовить. Я имъ холодную воду приложу къ головкамъ. Пошли Исаака. Разбуди и Шлемку, а то у него чая потомъ не будетъ!

Она взялась за щеку и, сдѣлавъ страдальческое лицо, пошла къ больнымъ, а Аниска разбудилъ Шлемку и остальныхъ дѣтей, взялъ Розу на руку и сталъ разливать чай въ грязные стаканы.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулась Маня съ Исакомъ. Аниска налилъ имъ чаю и спросилъ:

— Ну, что они тамъ дѣлаютъ?

— Горятъ, какъ огонь,—отвѣтила Маня, задыхаясь,—начинается уже хорошая весна. Только въ прошломъ году похоронили Лейбочку передъ Пасхой.

У нея заслезились глаза, а Аниска махнулъ рукой, какъ бы отталкивая тяжелое воспоминаніе.

— Ты знаешь,—прибавила Маня,—вѣдь мальчикъ Бейлы уже готовъ!

— Уже!—воскликнулъ онъ,—кто тебѣ сказалъ?

— Ну, выйди и ты услышишь. Такой плачъ, такой плачъ. Сегодня я уже пойду за Басей. Что я еще буду ждать. Дѣти такъ не выздоровѣютъ. И у меня былъ такой нехорошій сонъ, что сердце мое плачетъ, плачетъ. Бабушка сегодня пришла ко мнѣ. Она мнѣ не снилась уже 10 лѣтъ, и сегодня я ее увидѣла. Она подошла вотъ къ этому окну и постучала. Я вышла и увидѣла ее черезъ стекло.

„Что вы тутъ дѣлаете, баба?“ спросила я ее. Ты думаешь, что она,—пусть ей будетъ свѣтлый рай на томъ свѣтѣ,—мнѣ отвѣтила? Нѣтъ! Только она меня увидѣла, она вынула изъ-подъ шали вотъ такой большой камень и ударила имъ стекло—вотъ это стекло. И я сейчасъ же сдѣлалась мертвая отъ страха. „Баба, баба,—крикнула я ей,—за что вы сломали у меня стекло? Баба, у вашей внучки вамъ нужно было разбить стекло, ей такъ хорошо, вашей внучкѣ, столько у нея милліоновъ въ сундукѣ, такая она здоровая, баба“. Э, она даже на меня не посмотрѣла и убѣжала. Что ты скажешь? Я уже поѣду на кладбище переспросить ее. Я пошлю свѣчи въ синагогу. Вѣдь это смерть въ домѣ, если такой сонъ.

— Пустыя дѣла,—возразилъ Аниска,—тебѣ все снится. Отчего мнѣ не снится? Ну, поѣзжай на кладбище. Кто это тамъ?

Возившійся у щеколды, наконецъ, отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

— А!—выговорилъ Аниска,—это Эли. Зайдите уже.

— Подождите немного, я вытру ноги. Я мокрый какъ утопленникъ.

— Ничего, ничего, зайдите, вы высушитесь у печки. Будете пить чай? Маня налей имъ стаканъ чаю.

Эли все-таки вошелъ не раньше, пока не вытеръ хорошо ногъ

— Что это у васъ такъ тихо?—началъ онъ, по обыкновенію почесавъ лопатки.—Гдѣ Абрамчикъ? Гдѣ мой Шаечка?

— Что вы скажете на наше новое несчастье, — отвѣтила Маня,—дѣти уже третій день больны. Вотъ они лежатъ тамъ и горятъ. Этотъ мѣсяцъ убиваетъ насъ всегда. Въ этотъ мѣсяцъ Лейбочка умеръ, а раньше Хаимка умеръ. Я совсѣмъ не знаю, за что Богъ меня такъ наказываетъ?

— Ну, Бога оставьте въ покоѣ, — саркастически возразилъ Эли.—У него мало дѣлъ на головѣ и безъ васъ. Гдѣ они лежатъ?

— Вотъ тамъ,—отвѣтилъ Аниска.—Идите тихо, чтобы ихъ не разбудить.

Эли вышелъ и за нимъ пошла Маня.

— Пей же Шлемка,—обратился Аниска къ ребенку, одѣтому въ одной рубашкѣ,—потомъ тебя одѣнутъ. Ну пей, пей. Исакъ, убери со стола. Смотри-ка, что тутъ дѣлается. Выкрути немного лампу.

— Раньше я Соньку одѣну, — отвѣтилъ мальчикъ. — Еще Шлемку нужно одѣть, еще много дѣлъ есть,—озабоченно прибавилъ онъ.—А потомъ я за Басей пойду.

— Иди уже на кровать, Шлемка. Исакъ перенеси Соньку. Что вы скажете, Эли?

— Я знаю—отвѣчалъ Эли, усаживаясь.—Вымажьте ихъ уксусомъ и накройте периной. Они будутъ потѣть и, можетъ быть, поправятся. А лучше позовите доктора.

— Мнѣ не нужно доктора,—возразила Маня,—они только убиваютъ дѣтей. У меня есть одна такая Бася, вы не знаете Басю хромую, такъ она лучше, чѣмъ сто докторовъ знаетъ.

— Пейте чай,—перебилъ Аниска,—онъ уже скоро холодный будетъ. Что ты стоишь, Исакъ. Одѣнь дѣтей.

— Я, кажется, пришелъ съ хорошей вѣстью,—началъ Эли, не притрогиваясь къ стакану,—и боюсь, что сдѣлаю вамъ хорошее дѣло.

— Ну, правда?—загорѣлась Маня.

— Не спѣшите, вы всегда любите выхватить. Хорошее дѣло, вы вѣдь знаете, теперь такъ же легко найти, какъ свѣжую, но таки свѣжую грушу. Однако случается. Человѣкъ вѣдь долженъ когда-нибудь умереть, ну такъ онъ и умеръ. Тоже хорошая исторія. Но сказать вамъ, что это меня очень сильно тронуло—то я не хочу солгать. Умереть вѣдь нужно и наконецъ кому нужна эта славная жизнь. Такъ объ этомъ нечего говорить.

Онъ полѣзъ куда-то очень далеко къ лопаткѣ и старался попасть въ мѣсто, которое его рука не могла достать.

— Нечего говорить и о вдовѣ,—возился онъ за спиной,— которую я даже не хочу назвать несчастной. Что же, развѣ она думала, что мужъ ея будетъ вѣчно жить? Вѣдь онъ долженъ былъ умереть, что бы она себѣ ни думала. Такъ вы уже имѣете два. Теперь, что касается ея дѣтей, то они имѣютъ большого Бога. Положимъ, Богъ-таки глухой, но кто думаетъ, что онъ не глухой, пусть молится ему. А дѣти такія вѣрующія и будутъ такъ крѣпко молиться, что, можетъ быть, Богъ ихъ услышитъ. Такъ со всѣхъ сторонъ выходитъ, что это дѣло для васъ, а не для нихъ. Или они думали, что до прихода Мессіи они будутъ лавку держать. Я знаю, что если кто-нибудь имѣлъ лавку 10 лѣтъ, то это черезъ голову довольно.

— Что же это за лавка?—робко спросила Маня, забывъ уже о больныхъ дѣтяхъ.

— Что это за лавка?—перепросилъ онъ, наконецъ, добравшись до мѣста, гдѣ у него чесалось,- это лавка и больше ничего. Развѣ можетъ быть лавка, чтобы она не была лавкой? Это лавка. Но если вы хотите знать, Аниска, чѣмъ тамъ торгуютъ, то я могу вамъ сейчасъ же разсказать. Тамъ не торгуютъ ни табакомъ, ни посудой, ни платьемъ, ни хлѣбомъ. Это башмачная лавка.

— Хорошее дѣло,—задыхаясь поддержала Маня.—Башмаки. Развѣ можно жить безъ башмаковъ? Вотъ теперь, Эли, я только подумала, что никто не ходитъ безъ башмаковъ. Смотри ка, Аниска, есть столько людей на свѣтѣ и хоть бы одинъ ходилъ босой. Послѣдній нищій вѣдь нуждается въ башмакахъ. Это какъ хлѣбъ. Ты видѣлъ, чтобъ кто-нибудь жилъ безъ хлѣба? Я вамъ говорю, Эли, что то, что вы бѣдны,—это отъ Бога, но ваша голова,— пусть я уже такой годъ имѣю хорошій. Что это сердце у меня такъ начало сильно биться. Вы не знаете, Эли, почему я теряю дыханіе?

— Вы хотѣли развѣ всегда имѣть дыханіе? — возразилъ Эли.—Вы меня хорошо спросили. Развѣ всегда можетъ что-нибудь быть? Конецъ вѣдь долженъ откуда-нибудь взяться. Вы имѣете дѣло съ дыханьемъ, а я съ лишаемъ. Развѣ я жалуюсь? Я вѣдь долженъ отчего нибудь кончиться, пусть будетъ лишай. Могла быть голова, дыханье, нога, ну а есть лишай. Вотъ теперь онъ уже большой, какъ эта половина стола. Такъ я о немъ думаю? Пусть идетъ себѣ своимъ ходомъ. Вѣдь я не могу быть всегда здоровымъ, а конецъ, все равно, долженъ придти.

— Я бы навѣрно взялъ эту лавку,—вмѣшался Аниска,— пусть будетъ тихо Сонька,—но скажите, Эли, это дѣло для меня?

Подумайте, Эли, что я сдѣлаю, если потеряю мои деньги. А, Эли?—Шлемка, молчи Шлемка, я не могу говорить изъ-за тебя. Собака, гдѣ собака, укуси его.—Я знаю, Эли, что такое башмакъ? Вѣдь это для меня новая тора.—Маня, посмотри къ дѣтямъ, кажется, Шаечка плачетъ.—Маня на все готова, а Эли? Закрой ей ротъ Исакъ, а то я ее задушу. Ты замолчишь, Сонька.

— Аниска,—отвѣтилъ Эли,—что черезчуръ, то лишнее. Можно развѣ все взвѣсить или предвидѣть? Нужно быть осторожнымъ, и я не велю вамъ бросаться съ закрытыми глазами. Мы пойдемъ, осмотримъ, узнаемъ у сосѣдей, какъ покойный торговалъ, еще разъ осмотримъ, двадцать разъ осмотримъ. Но конецъ, Аниска, долженъ же быть. Не сегодня, такъ завтра, а дѣло вы вѣдь хотите? Большого счастья я не предвижу, но, можетъ быть, хлѣбъ вы будете имѣть. Можетъ быть, и не будете имѣть, я знаю? Но я думаю, что это не плохое дѣло...

Его прервалъ крикъ Мани, вбѣжавшей въ комнату.

— Абрамчикъ кончается!—кричала она, ломая руки,—скорѣй, скорѣй...

— Что ты говоришь?—вскочилъ Аниска.—Бѣги же куда-нибудь,—нѣтъ я побѣгу! Эли, что дѣлать? Исакъ, одѣнь Шлемку. Молчи, Сонька, молчи. Пойдемъ, Эли, нѣтъ ты, Маня...

Онъ побѣжалъ въ сосѣднюю комнату, а за нимъ съ плачемъ Маня. Эли на минуту бросился къ дѣтямъ, ревѣвшимъ во всю мочь отъ страха.

— Тише, дѣточки, тише,—умолялъ онъ ихъ,—вы хорошія, хорошія дѣти. Вотъ я вамъ коробочки, принесу, много, много коробочекъ. Исакъ, посмотри за ними!

И онъ побѣжалъ въ комнату, гдѣ лежали больные. Аниска, стоя подлѣ кровати, съ тоской глядѣлъ на Абрамчика, который уже посинѣлъ. Шайка присѣлъ и что-то безсвязно бормоталъ, глядя на землю.

— Ахъ, Эли, Эли!—вырвалось у Аниски,—ну что, что вы скажете? Гдѣ ваша помощь? Евреи, друзья, помогите! Ахъ, каждый годъ, почти каждый годъ одно и то же. Больные, больные, и бѣдные. Ахъ, Эли, Эли...

— Не кричи, не кричи, Аниска!—шикнула Маня.—Посмотри ка на него. Абрамчикъ, Абрамчикъ! Аниска у меня сердце лопнетъ. Абрамчикъ, ты не узнаешь меня? Это вѣдь я, я. Шаечка, дорогія, дорогія дѣти мои. Богъ мой, добрый, дорогой Богъ...

— Ну, плачьте, плачьте,—тихо шепталъ Эли,—вы должны плакать, но что тутъ Богъ!? Аниска, Маня, развѣ не лучше умереть теперь, пока онъ не выпилъ все горе, что даетъ жизнь. Жить въ нищетѣ, безъ помощи, какъ живете вы, жить въ горѣ, въ мукахъ, какъ живутъ всѣ большія тысячи евреевъ, ахъ, Аниска,

Маня, лучше смерть теперь, чѣмъ выростi. Плачьте,—возвышалъ онъ голосъ,—плачьте несчастные люди, эти слезы ваши слезы и ихъ никто у васъ отнять не можетъ. Плачьте глазами и только половиной сердца и пусть другая радуется, что будетъ меньше однимъ евреемъ не свѣтѣ, меньше одной клячей, которая, надорвавшись, умретъ гдѣ-нибудь, наплодивъ еще клячъ, которыхъ ожидаетъ та же судьба. Плачьте, плачьте, и я съ вами буду плакать вмѣстѣ и молить этого глухого Бога, чтобы онъ наконецъ помогъ вамъ и этимъ большимъ измученнымъ тысячамъ и каждому еврею, гдѣ бы онъ ни жилъ на землѣ!

Малютка тяжело хрипѣлъ. Казалось, что своими вздрагивающими руками онъ боролся съ какой-то злой силой, крѣпко насѣвшей на его горло. А Шайка все смотрѣлъ на землю и бормоталъ что-то о холодѣ, Абрамчикѣ, о Сонькѣ и раскачивался тѣломъ, какъ молящiйся старикъ.

Аниска плакалъ на груди у Эли, а Маня, припавъ на колѣни у постели, задыхаясь, всхлипывала.

— Сыночекъ мой, Абрамчикъ, одинъ разъ посмотри на меня, одинъ только разъ, ахъ, пусть бы я была на твоемъ мѣстѣ...

— Эли, Эли,—шепталъ Аниска.—Эли, вы еще не заглянули глубоко въ мое несчастье. Эли, и она больна, и долго ли она еще прохвораетъ? Эли, бѣдные, бѣдные, больные и никого на свѣтѣ!..

— Уже!—вскрикнула вдругъ Маня.—Умеръ. Аниска, Эли, ахъ, мое сердце...

И она какъ-то сразу опустилась на полъ, словно подрѣзанная. Аниска, не позрѣвая еще правды, бросился къ ней и, повернувъ лицо къ Эли, началъ опять говорить ему что-то о бѣдныхъ, больныхъ людяхъ, у которыхъ никого, никого на свѣтѣ. Были тутъ уже и всѣ дѣти и они плакали, окруживъ мать, и тереби ее нетерпѣливо рученками; прибѣжала и Бася хромая, приведенная Исакомъ, явились и сосѣди, и всѣ эти разговоры, слезы, плачъ слились въ одинъ общiй стонъ.

А на дворѣ было темно, сыро и скверно, и мелкiй дождь отчетливо, словно чьи-то шаги, стучалъ по крышамъ. Или, можетъ быть, это были шаги спѣшившихъ на помощь друзей?

Семенъ Юшкевичъ.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ.

(Опытъ характеристики).

Статья H. Schoen.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Рѣдко высказывались столь различныя сужденія о какомъ-либо ученомъ до и послѣ его смерти, какъ это было съ Ренаномъ. Тѣ же самыя черты характера, которыя въ Ренанѣ выше всего цѣнятъ извѣстные критики, наиболѣе горячо порицаются другими писателями. Одни восхваляютъ въ немъ неугасимую любовь къ истинѣ [1]), его божественно радостный оптимизмъ, его тонкую, чисто-галльскую иронію [2]), его скептицизмъ въ духѣ новѣйшаго времени, его пламенное стремленіе къ идеалу [3]), наивное безпристрастіе его взгляда, его ревностное усердіе къ наукѣ [4]), наконецъ, его глубоко-религіозную натуру [5]). Другіе упрекаютъ Ренана въ томъ, что онъ искалъ истину не изъ чистосердечной любви къ ней, но лишь изъ любопытства [6]); порицаютъ его брюзгливый пессимизмъ, его аристократически-презрительный дилеттантизмъ [7]), его безнадежный скептицизмъ, его грубо-реалистическій позитивизмъ, партійность его сужденій [8]), неопредѣленность его религіознаго чувства,

---

1) См. замѣчательную статью Отто Пфлейдера въ «Deutsche Rundschau», и Юліуса Роденберга, XIX, тетрадь 4-я, январь 1893 г., 17—18, стр. 32.

2) Вся французская пресса почти единогласно; объ этомъ сказано также уже въ 1867 г. въ берлинской «Реформѣ» («Reform»), нумеръ отъ 18 апрѣля.

3) См. статью Мориса Барреса (Maurice Barrès), въ «Фигаро» отъ 4 октября 1892 года.

4) См. газету «Temps» отъ 4 октября 1892 г.

5) См. превосходныя работы о Ренанѣ Густава Карпелеса (G. Karpeles) въ журналѣ «Magazin für Literatur»: 61-й годъ изданія №№ 42 и 43 отъ 15 и 22 октября 1892 г.

6) См. статью Эдмонда Шерера въ журн. «Mélanges de critique religieuse», Парижъ и Женева 1860 г., стр. 593.

7) См. «Göttinger Gel. Anz.» отъ 5 августа 1863 г.

8) См. особенно рѣзкую критику Кеймса въ «Аугсбургской газетѣ» («Augsburger Zeitung») отъ 15, 16 и 17 сентября 1863 г.

«недостатокъ яснаго убѣжденія относительно законовъ и цѣлей религіознаго развитія человѣчества».

Въ чемъ заключается причина этихъ столь различныхъ, столь противоположныхъ сужденій? Это первый вопросъ, возникающій передъ тѣмъ, кто хочетъ критически разбирать произведенія Ренана. Но вопросъ этотъ не единственный. Проблемъ возникаетъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ подробнѣе разсматриваются личность Ренана, его духъ, его историческія сочиненія.

Немногіе изъ новѣйшихъ писателей оказывали при своей жизни большее, чѣмъ Ренанъ, вліяніе на своихъ современниковъ. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ былъ въ модѣ умѣренный скептицизмъ Ренана подъ названіемъ *«ренанизма»*, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти этотъ дилеттантизмъ, повидимому, уже устарѣлъ. Никогда ни одного французскаго ученаго не прославляли во Франціи такъ, какъ Ренана,— и однако Ренанъ не основалъ прочной школы.

Вліяніе Тэна будетъ замѣчаться еще многіе годы: его изслѣдованіе охватило всѣ, поясняющія исторію, науки. Вліяніе Ренана, напротивъ того, уже такъ много уменьшилось, что можно задать себѣ вопросъ: что̀ останется отъ его вліянія лѣтъ черезъ двадцать?

Въ чемъ же заключается тайна столь большого, но и столь кратковременнаго вліянія? Какъ могла быть возможна такая рѣдкая популярность человѣка, который съ аристократически-надменнымъ самосознаніемъ возвышался надъ массою обыкновенныхъ людей? Почему произошло такое быстрое паденіе послѣ столь прославленной жизни? Откуда эти знаки высокихъ почестей и эти враждебныя чувства — по отношенію къ человѣку, который никогда не отдавалъ своего пера къ услугамъ религіозныхъ или политическихъ партій, который работалъ въ очень ограниченной области и не хотѣлъ идти «ни къ какой иной цѣли, какъ только къ точному познанію истины? [1]).

Теперь, когда прошли времена перваго энтузіазма, равно какъ и годы партійной полемики, будетъ легче, быть можетъ, рѣшить нѣкоторыя изъ этихъ проблемъ и обозрѣть всю совокупность твореній Ренана съ тѣмъ, чтобы оцѣнить этого великаго ученаго какъ филолога, какъ историка, какъ философа.

Авторъ нижеслѣдующихъ страницъ много лѣтъ былъ слушателемъ Ренана. Не легко дѣлать оцѣнку произведеній такого учителя, не прослушавъ его лекцій въ «Collège de France». Часто эти послѣднія бросали новый свѣтъ на его теоріи; часто взгляды писателя въ устномъ изложеніи выражались яснѣе и удобопонятнѣе, чѣмъ въ его книгахъ. Его слушатели въ Парижѣ были, такъ сказать, свидѣтелями генезиса его книгъ. Они присутствовали при изслѣдованіяхъ, одни результаты

---

[1]) См. введеніе въ сочиненіе Ренана «Etudes de l'histore religieuse», 1-е изданіе 1856 г. *Прим. автора.*

которыхъ узнавала читающая публика. Правда, слушавшій Ренана впервые въ «Collège de France» иностранецъ сначала нѣсколько разочаровывался въ немъ: ожидая изложенія столь же блестящаго, сколько остроумнаго, онъ слышалъ рѣчи совсѣмъ необработанныя, даже нѣсколько небрежно составленныя; медленно слѣдовало слово за словомъ; часто встрѣчались повторенія. Однако, какое богатство мыслей! какое обиліе мѣткихъ замѣчаній! Немного было профессоровъ, умѣвшихъ интереснѣе излагать трудные научные вопросы. И уже навѣрное, не было ни одного ученаго, который сильнѣе дѣйствовалъ бы на слушателей. Одинъ за другимъ открывались новые взгляды на исторію христіанства, на исторію народа Израильскаго.

Поэтому первымъ чувствомъ къ Ренану въ каждомъ его слушателѣ должно быть чувство благодарности за испытанное умственное возбужденіе. Чѣмъ неудовлетворительнѣе кажется мнѣ методъ великаго ученаго, чѣмъ болѣе выводовъ его я отвергаю, тѣмъ менѣе права имѣю я забывать, какъ многимъ я ему обязанъ въ положительныхъ знаніяхъ, въ отдѣльныхъ сужденіяхъ, въ психологически-соціальныхъ наблюденіяхъ. Если я отваживаюсь, все-таки, критиковать взгляды учителя, то вѣдь я дѣлаю только то, что дѣлалъ онъ самъ относительно своихъ учителей.

I.

Личность Ренана.

Личность Ренана тѣсно связана съ его историческими и критическими сочиненіями. Ни одинъ писатель-историкъ не вкладывалъ въ свои книги болѣе своихъ собственныхъ мыслей, чѣмъ Ренанъ. «Каждый человѣкъ», справедливо пишетъ Эдуардъ Родъ [1]): «носитъ въ себѣ разукрашенный образъ (une image embellie) себя самого, своего «*я*», недостатки котораго онъ уменьшаетъ въ своемъ воображеніи, добродѣтели котораго онъ въ душѣ усиливаетъ, представляетъ болѣе совершенными то «*я*», какимъ онъ хотѣлъ бы быть. Это идеальное «*я*» необходимо бываетъ нормой, по которой человѣкъ разбирается въ окружающемъ мірѣ и составляетъ сужденія о другихъ людяхъ. Такое свое «*я*» Ренанъ изображалъ въ своихъ сочиненіяхъ... Сакія Муни, Маркъ Аврелій, Францискъ Ассизскій, Спиноза суть у него только его внутреннее, разукрашенное, идеализированное «*я*» (son moi intérieur, corrigé, idéalisé), и, не смотря на то, что онъ научно, добросовѣстно изслѣдовалъ документы, эти образцы онъ созидалъ болѣе изъ

---

[1]) Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Les idées morales du temps présent» 3-е изд., Парижъ, 1892 г., гл. I «Эрнестъ Ренанъ, 1848—1890 г.», стр. 31 и 32. Эд. Родъ, нынѣ профессоръ литературы въ Женевѣ, былъ сначала ученикомъ Золя, но нѣсколько лѣтъ назадъ пересталъ писать реалистическіе романы, не утративъ своей первоначальной способности къ наблюденію.

глубины своего существа (de son propre fond), нежели изъ объективной исторіи».

Мы увидимъ, насколько вѣрно это сужденіе и насколько герои Ренана походятъ на собственную личность автора.

Я не собираюсь здѣсь писать біографію великаго ученаго; но вслѣдствіе полнаго сходства духа его героевъ съ его собственнымъ міросозерцаніемъ невозможно разбирать сочиненія Ренана, не зная его характера.

По увлекательно и драматично написаннымъ «Воспоминаніямъ дѣтства и юности» [1]) мы можемъ ознакомиться съ характеромъ Ренана, хотя бы по немногимъ собственнымъ его признаніямъ. Онъ разсказываетъ, какъ унаслѣдовалъ отъ своей матери тотъ свѣтлый здравый смыслъ, ту гасконскую иронію, которыми характеризуются всѣ его сочиненія. Вліянію бретонской крови своего отца онъ приписываетъ мистически религіозное чувство, романтическую мечтательность, которыя его никогда не покидали вполнѣ, даже и въ часы сомнѣнія. Смѣшеніемъ обѣихъ этихъ чертъ характера, изъ которыхъ преобладаетъ то одна, то другая, объясняется намъ міровозрѣніе Ренана. Это покажетъ также, почему столь различно судили объ этомъ ученомъ.

Уже съ раннихъ лѣтъ Ренанъ предназначался къ духовному званію, которому, какъ казалось, наиболѣе соотвѣтствовалъ католическій идеалъ его юности. Богословіе ввело его въ область науки. Въ сущности онъ всегда оставался богословомъ, хотя и не создалъ никакой догматической системы. Внутреннее влеченіе возвращало его постоянно къ психологическимъ и религіознымъ проблемамъ. Въ этомъ сказывалось, впрочемъ, и вліяніе его воспитанія священниками въ большой семинаріи св. Сюльпиція («St. Sulpice») еще болѣе, чѣмъ его личная склонность къ религіознымъ вопросамъ. Эта священническая семинарія постепенно создала Ренана такимъ, какимъ онъ былъ. Она изощрила его умъ упражненіемъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ и преніяхъ, такъ что умъ этотъ сдѣлался «острымъ какъ отточенная сталь» [2]) Этой семинаріи Ренанъ былъ обязанъ своимъ классическимъ образованіемъ и особенно полнымъ знаніемъ латинскаго языка,—знаніемъ, какого онъ не получилъ бы ни въ одномъ изъ французскихъ «lycées» (гимназій) того времени. Въ семинаріи происходила и та «трагическая борьба разума съ прежней вѣрой» [3]), та борьба честной совѣсти съ внѣшними и свѣтскими предразсудками, изъ которой Ренанъ вышелъ побѣдителемъ и которая оказала рѣшающее вліяніе какъ на его нравственный характеръ, такъ и на всю его жизнь.

---

[1]) «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», Эрнеста Ренана, 22-е изданіе, Парижъ 1893 года.

[2]) «Souvenirs d'enfance el de jeunesse», стр. 303: «Ce n'est pas ma faute si mes maîtres m'avaient enseigné la logique, et, par leurs argumentations impitoyables, avaient fait de mon esprit *un tranchant d'acier*».

[3]) Idem., стр. 297: «cette grande lutte engagée entre ma raison et mes croyances».

Трогательно-драматически изображаетъ Ренанъ этотъ внутренній кризисъ, который онъ любилъ называть «нафтали» (Naphthali) изъ древне-еврейскаго выраженія «я боролся въ божьихъ борьбахъ» («Naphtoulé Elohim niphtalti»). «Свобода,—пишетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ дѣтства и юности»—которой другіе люди достигаютъ однимъ единственнымъ усиліемъ, была для меня медленно пріобрѣтенною собственностью. Мнѣ нужно было шесть лѣтъ напряженнаго труда для того, чтобы замѣтить, что мои духовные учители не были непогрѣшимы. При крушеніи вѣры, которую человѣкъ сдѣлалъ центромъ своей жизни, онъ охотнѣе хватается за самое невѣроятное средство спасенія, чѣмъ уступаетъ, какъ утраченное, все, что любилъ».

«Каждый день отпадало по члену моего символа вѣры. Сила, которой я не могъ преодолѣть, потрясала вѣру, бывшую основаніемъ моей жизни и моего земного счастья», такъ писалъ онъ 29-го марта 1844 г. своему вѣрному другу Франциску Ліару (Liart): «о другъ мой, какъ жестокомучительны эти ощущенія (que ces sensations sont cruelles). Человѣческія средства помощи нисколько не помогаютъ въ такихъ болѣзняхъ: только Богъ можетъ ихъ излѣчить, «manu mitissima et suavissima portractans vulnera mea [1])», какъ говоритъ св. Августинъ. Иногда пробуждается «Angelus Satanae qui me cholaphizet...». А черезъ годъ Ренанъ пишетъ тому же другу, уже при смерти больному: «Какъ часто я уже чувствовалъ желаніе, чтобы человѣкъ появлялся на свѣтъ совершенно свободнымъ или безъ всякой свободы. О немъ менѣе слѣдовало бы сожалѣть, если бы онъ рождался какъ растеніе, безъ способности къ перемѣщенію, прикрѣпленнымъ къ почвѣ, которая должна питать его. Съ этимъ же клочкомъ свободы (ce lambeau de liberté) человѣкъ достаточно силенъ для сопротивленія и, напротивъ того, слишкомъ слабъ для дѣйствія.... Ахъ! Боже мой! Боже мой! почему Ты оставилъ меня? Какъ согласовать все это съ господствомъ одного Отца? Въ этомъ заключаются тайны, мой другъ! Счастливъ, кто можетъ ихъ постигнуть хотя бы только умозрительно!» [2]).

Наконецъ Ренанъ призналъ, что не можетъ согласовать свои новыя мнѣнія съ догматами католической церкви. Филологія, историческія событія привели его къ этому убѣжденію еще болѣе, чѣмъ философскія и отвлеченныя умозаключенія. «Временами я жалѣю, что не родился въ странѣ, гдѣ оковы правовѣрія были бы не столь тѣсны, какъ въ католическихъ странахъ, ибо при всемъ этомъ я хочу быть христіаниномъ, но *не могу быть правовѣрнымъ*. Когда я вижу, что называютъ себя христіанами мыслители столь свободные и смѣлые, какъ Гердеръ, Кантъ и Фихте, тогда для меня было бы радостью быть христіаниномъ въ такомъ родѣ. Но возможно ли это для меня въ католи-

---

[1]) «Мягкой и нѣжной рукой касаясь ранъ моихъ».

[2]) «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 309 и 310.

цизмѣ? Подъ такимъ желѣзнымъ затворомъ? Кто положитъ основаніе раціональному христіанству среди насъ? Признаюсь, я думаю, что нашелъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей истинную, подходящую для насъ форму христіанства. Если бы я могъ дожить до того дня, когда это христіанство приметъ форму религіи, удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ нашего времени! Если бы я самъ могъ содѣйствовать этому великому дѣлу! Что меня приводитъ въ отчаяніе, это то, что для того, чтобы быть въ состояніи содѣйствовать этому въ полной мѣрѣ, я, быть можетъ, долженъ буду когда-нибудь сдѣлаться священникомъ, а священникомъ сдѣлаться я не могу безъ грѣховнаго лицемѣрія... Иногда мнѣ удавалось быть одновременно католикомъ и раціоналистомъ; все же *священникомъ* быть не могу: священниками становятся *не на мгновеніе,* ими становятся *навсегда»* [1]). Внутренняя борьба кончилась выходомъ изъ семинаріи. Юноша пожертвовалъ блестящей карьерой. Полное мрачныхъ предчувствій, стояло передъ нимъ будущее. Неутомимымъ трудомъ долженъ былъ онъ завоевывать себѣ независимое положеніе. Но честная совѣсть побѣдила: онъ могъ смѣло открытыми глазами смотрѣть на свѣтъ.

Такъ Ренанъ постепенно переходилъ отъ католической вѣры къ сомнѣнію, отъ догматики къ критикѣ.

Отъ семинаріи у него остается то симпатичное пониманіе чувственной стороны религіи, котрое мы будемъ постоянно встрѣчать въ его историческихъ сочиненіяхъ. Если въ немъ и нѣтъ вѣры въ тотъ моментъ, когда онъ пишетъ, то все же эта вѣра въ немъ была прежде. «Для того, чтобы написать исторію религіи,—говоритъ Ренанъ въ своей «Жизни Іисуса»—необходимо, во-первыхъ, въ прошломъ имѣть въ себѣ вѣру по этой религіи; но, во-вторыхъ, необходимо, чтобы въ настоящемъ такой безусловной вѣры въ авторѣ уже не было, ибо безусловную вѣру нельзя согласовать съ исторіей». Оба эти условія были исполнены у Ренана. Онъ, по крайней мѣрѣ, сохранилъ любовь къ предмету своихъ разсужденій. Такая восторженно-религіозная любовь останется характеристической чертой Ренана. То, что онъ называлъ «радостью религіознаго возбужденія» (le plaisir de l'émotion religieuse) сдѣлалось его высшимъ удовольствіемъ.

Не смотря на эту мистическую черту характера, Ренаномъ всегда болѣе руководила *положительная* сторона его натуры: уже въ юности вниманіе его направлялось къ точнымъ наукамъ; въ семинаріи онъ ужасается передъ ихъ результатами. Послѣ сдѣланнаго имъ рѣшительнаго шага онъ знакомится съ молодымъ естествоиспытателемъ Бертело (Berthelot). Пиша свои «Воспоминанія дѣтства и юности», онъ сожалѣлъ, что судьба не направила его, какъ Бертело, къ изученію

[1]) Письмо отъ 6 сентября 1845 г. къ его духовному наставнику (Directeur de conscience) въ семинаріи. *Прим. автора.*

естественныхъ наукъ: онъ сдѣлалъ бы, думаетъ онъ, главнѣйшія открытія Дарвина, основныя идеи котораго были у него уже по выходѣ изъ семинаріи въ формѣ неясныхъ предчувствій [1]).

Эта все увеличивающаяся любовь къ реальному окажетъ значительное вліяніе на научный методъ Ренана. Она будетъ главной причиной той эволюціи въ немъ, которую мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ; этимъ стремленіемъ къ познанію реальнаго объяснится существующее въ философіи Ренана противорѣчіе между позитивно-матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ и мистически-религіознымъ чувствомъ. При такой склонности къ реальному Ренанъ обладалъ самымъ тонкимъ пониманіемъ жизни человѣка и народовъ. Католическіе священники во Франціи—наилучшіе психологи: они знаютъ, какъ можно играть на клавишахъ человѣческой души. Ренанъ никогда не забывалъ этого изученнаго имъ въ семинаріи «St. Sulpice» искусства; отсюда масса психологическихъ замѣчаній во всѣхъ сочиненіяхъ Ренана, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ объясняетъ трудную филологическую задачу. Взглядъ его, повидимому, былъ особенно проницательнымъ относительно темныхъ сторонъ человѣческой природы; часто онъ говорилъ о человѣческихъ недостаткахъ, охотно бичевалъ народныя суевѣрія; въ его улыбкѣ было нѣчто ироническое. Повидимому, Ренанъ всегда относился къ народной массѣ съ аристократическимъ презрѣніемъ; быть можетъ, поэтому могли упрекать его нѣкоторые критики въ томъ, что онъ сдѣлался подъ старость «брюзгливымъ пессимистомъ» [2]). Конечно, возможно выбрать у каждаго писателя нѣсколько замѣчаній, звучащихъ, на первый вггядъ, пессимистически, но, въ сущности, выражающихъ преобладающее въ извѣстный моментъ настроеніе духа [3]). Основная же черта Ренана есть именно противоположность пессимизму, — и это объяснитъ намъ его жизнерадостную, ясную философію. Жизнь представляется ему «увлекательною прогулкою»; вѣкъ въ которомъ онъ жилъ, онъ считалъ «занимательнѣйшимъ изъ всѣхъ вѣковъ». «Жизнь, дарованная мнѣ безъ моего желанія, была для меня благодѣяніемъ»... «Если бы я могъ измѣнить что-либо въ моей жизни, я все оставилъ бы, какъ было»... «Я не думаю, что существуетъ на свѣтѣ много людей болѣе счастливыхъ, нежели былъ счастливъ я». «Я любилъ міръ... Мое душевное спокойствіе—полное... Въ природѣ и обществѣ я встрѣтилъ чрезвычайную любезность».

Это не есть языкъ новѣйшаго пессимиста, и это душевное спокойствіе, это довольство сохранялось у Ренана неизмѣнно до старости.

Что сообщало ему эту ясность духа, несмотря на его въ послѣд-

---

[1]) См. «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 263.

[2]) См. статью о Ренанѣ Г. Карпелеса въ журналѣ «Magazin für Litteratur», годъ изданія 61, нумеръ 42.

[3]) См. «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», вступленіе стр. XIII и XIV. и стр. 362, 373, 374, 377 и 378.

ніе годы недостаточно хорошее здоровье,—это была его неутомимая охота къ труду: въ послѣдніе годы жизни онъ все еще работалъ иногда по 12—14 часовъ въ день. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что долженъ поспѣшить; еще не было окончено печатаніе четвертаго тома его «Исторіи народа Израильскаго», какъ онъ уже посылалъ издателю пятый томъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ Ренанъ руководился естестественною потребностью просвѣщенія, познанія истины [1]). Онъ самъ часто говоритъ объ этой своей «потребности», о своемъ «страстномъ желаніи познать истину», о своемъ «инстинктивномъ стремленіи» къ полному (adéquat) познанію вещей.

«Что у меня всегда было,—воскликнулъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на «кельтическомъ банкетѣ» въ мѣстѣ его рожденія, городѣ Трегіэ, въ Бретани,—это—любовь къ истинѣ, на моей могилѣ слѣдовало бы написать: «Veritatem dilexit». Да, я любилъ истину, искалъ ее, слѣдовалъ за нею, не обращая вниманія на жертвы, которыхъ она отъ меня требовала; повинуясь ей, я разорвалъ узы, тѣснѣе всего меня связывавшія... У меня есть убѣжденіе, что я поступалъ хорошо».

Но не слѣдуетъ забывать, что это слово *истина* въ книгахъ Ренана часто имѣетъ смыслъ, отличный отъ обыкновеннаго значенія этого слова. Я долженъ признаться, что мнѣ всегда казалось страннымъ это слово въ сочиненіяхъ и на лекціяхъ Ренана. Когда мы говоримъ объ истинѣ или слушаемъ, какъ о ней говорятъ, мы привыкли думать о неизмѣнной, всегда остающейся одною и тою же идеѣ, которой все должно подчиняться. Она—цѣль нашихъ изслѣдованій; она внѣ насъ и отъ насъ независима. Но у Ренана это не такъ. Въ его сочиненіяхъ подъ истиною, повидимому, нужно понимать то христіанство, то науку, Божество, то ту его собственную идею, которую составилъ себѣ авторъ о Божествѣ. Это—истина, зависимая отъ духа автора, ее ищущаго; она измѣняется согласно тому, какъ измѣняется идея автора о Божествѣ.

Поэтому оказалось возможнымъ прославлять неугасаемую любовь Ренана къ истинѣ и въ то же время обвинять его въ томъ, что онъ покинулъ истину.

Эволюція Ренана (см. ниже § II) объяснитъ намъ эти различныя значенія слова «истина».

Но разъ мы признаемъ, что смыслъ слова «истина» у Ренана измѣняется, его любовь къ «истинѣ» можетъ обозначать для насъ только ту радость, какую находилъ онъ въ своей работѣ; а, безъ сомнѣнія, этотъ великій французскій ученый никогда не ощущалъ недостатка въ такомъ чувствѣ.

Мы видимъ, какая сложная натура былъ Ренанъ. «Во всѣхъ почти

---

[1]) См. мой некрологъ Ренана въ газетѣ «Post» отъ 12 октября 1892 г.

насъ обитаютъ по двѣ души (presque tous nous sommes doubles)»,—пишетъ онъ въ своемъ предисловіи къ «Souvenirs d'enfance et de jeunesse». Великій французскій художникъ Леонъ Бонна (Léon Bonnat) два года тому назадъ съумѣлъ передать эти контрасты въ одномъ изображеніи знаменитаго профессора. Великій историкъ народа израильскаго представленъ въ его ученомъ кабинетѣ. Онъ сидитъ въ своемъ большомъ желтомъ кожаномъ креслѣ; голова наклонена немного впередъ; на черномъ старомодномъ сюртукѣ профессора ярко выдѣляется красный офицерскій бантикъ Почетнаго Легіона; изъ оттѣненныхъ густыми бровями глазъ сіяетъ тихая улыбка: это—гордое чувство ученаго, который послѣ безконечной работы спокойно и бодро просматриваетъ близкое къ концу сочиненіе; это—поэтическій огонь художника слова, пишущаго исторію «не такъ, какъ она была, но такъ, какъ она могла бы быть» [1]). Всѣ контрасты ясно выступаютъ на тонкихъ чертахъ лица великаго писателя: съ одной стороны, спокойствіе духа человѣка, который самъ всегда жилъ чисто и добродѣтельно, съ другой—проповѣдникъ легкой морали, который въ послѣдніе свои годы ободрялъ молодежь, совѣтуя наслаждаться жизнью. Съ одной стороны, взглядъ друга людей, довольнаго самимъ собою и міромъ, съ другой—та скептическая иронія, которая не снисходитъ до участія въ человѣческомъ бѣдствіи.

Какъ часто на лекціяхъ Ренана по исторіи замѣчалась эта его тонкая, слегка презрительная усмѣшка скептика. Спокойно и съ ироніей посматривалъ ученый на многочисленныхъ слушателей, желавшихъ хотя бы одинъ только разъ видѣть черты лица всемірно-извѣстнаго Ренана. Многіе приходили только одинъ разъ, иные оставались только пять или десять минутъ: они видѣли великаго писателя и этимъ вполнѣ удовлетворялись. «Продолжайте,—казалось, говорилъ Ренанъ своимъ любопытнымъ почитателямъ:—вѣдь вы мнѣ вовсе не мѣшаете», и онъ предлагалъ вниманію прекрасныхъ слушательницъ, уставившихся на него широко-открытыми глазами, нѣсколько строчекъ древне-еврейскаго текста! Или онъ подсмѣивался надъ человѣческимъ легковѣріемъ, сдѣлавшимъ изъ священниковъ повелителей, изъ явленій природы—чудеса...

Такимъ образомъ Ренанъ былъ, можетъ быть, самою многостороннею личностью своего вѣка. Его характеръ, образованіе, вліянія, которымъ онъ подвергался, объяснятъ намъ его методъ, его историческія и филологическія сочиненія, философію и мораль.

II.

Методъ и эволюція Ренана.

Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что методъ Ренана послѣ того, происшедшаго въ немъ, рѣшительнаго кризиса, который я оха-

[1]) Введеніе въ «Histoire du peuple d'Israël», I.

рактеризовалъ въ предъидущей главѣ этой статьи, оставался всегда неизмѣннымъ. Большинство критиковъ удовольствовались разъясненіемъ рѣшительнаго перехода Ренана отъ католицизма къ независимой наукѣ по его «Воспоминаніямъ дѣтства и юности» [1]). Однако, эта эволюція не завершилась окончательно еще долго по выходѣ изъ семинаріи; эволюція совершалась медленно. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, найти большую противоположность, чѣмъ та, которая бросается намъ въ глаза при сравненіи первыхъ статей Ренана съ его послѣдними сочиненіями. Диссертація «Будущее науки» [2]) и «Философскіе діалоги» или «Feuilles détachées» настолько же отличаются одно отъ другого, насколько періодъ мечтаній и самыхъ радужныхъ надеждъ автора, какимъ былъ 1848 годъ, отличается отъ періода его ослабленія и разочарованій, какимъ былъ годъ 1890. Это—полный переходъ отъ догматизма къ привѣтливому, благодушному скептицизму. «Является вопросъ, какъ могъ выйти изъ молодого доктринера поэтъ, который вкладываетъ въ уста своего героя Просперо столь блестящія рѣчи о непрочности добродѣтели,—изъ доктринера, который хотя и порвалъ отношенія съ церковью, но который, совсѣмъ какъ ученикъ Гизо, говорилъ о «непоколебимомъ основаніи..., на которомъ человѣкъ до самой смерти будетъ находить прочную точку опоры». Одинъ кажется тоскующимъ по аббатству Телема (Thelême), гдѣ бы онъ могъ вмѣшаться въ веселыя игры мальчиковъ и дѣвочекъ, другой совсѣмъ просто говоритъ своимъ современникамъ: «добро есть добро, зло есть зло» [3]).

Едва ли возможно точнѣе отмѣтить оба полюса эволюціи Ренана. Я хотѣлъ бы теперь обозначить, по крайней мѣрѣ, главныя стадіи этой эволюціи.

Уже въ свое учебное время Ренанъ медленно переходилъ отъ догматизма къ критицизму. Нѣмецкая литература, особенно критика Библіи и научный методъ этой критики производили на него сильное впечатлѣніе [4]). «Эта Германія,—пишетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ дѣтства и юности»,—восхищаетъ меня... Необходимость насколько возможно расширить мое изученіе семитическаго толкованія Священ-

[1]) Отсюда противорѣчивые отзывы прессы. Однако, одинъ изъ нѣмецкихъ ченыхъ, Отто Пфлейдереръ, догадывался и объ окончательний эволюціи Ренана («Deutsche Rundschau», Jan. 1893. S. 32: «Sollten wir annehmen...». Если бы этотъ берлинскій профессоръ слушалъ и зналъ долгое время самого Ренана, онъ, навѣрное, ту эволюцію Ренана, которую онъ «не осмѣливается критически разбирать» («nicht zu beurtheilen wagt»...), охарактеризовалъ бы по своему обыкновенію ясно и остроумно. См. также изъ французскихъ ученыхъ Эд. Рода «Les idées morales du temps présent», стр. 12 и 13.

[2]) «L'avenir de la Science»,—написано вскорѣ по выходѣ Ренана изъ семинаріи и только спустя полъ-вѣка издано.

[3]) См. статью Эд. Рода «Les idées morales du temps présent», стр. 11 и 12.

[4]) «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», добавленіе въ 22-мъ изданіи, стр. 385: «Oui, cette Allemagne me ravit...»

наго Писанія заставила меня изучать нѣмецкую литературу. Въ этой литературѣ позналъ я новый геній, совершенно отличный отъ нашего духа семнадцатаго столѣтія. Я удивлялся этому генію тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе прозрѣвалъ его до его предѣловъ. Особенный духъ, свойственный Германіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣтій, поразилъ меня; мнѣ казалось, что я вступаю въ храмъ. Здѣсь, наконецъ, было то, что я искалъ: *примиреніе религіознаго духа съ критическимъ* [1]... Я часто сожалѣю, что я не протестантъ: тогда я могъ бы быть философомъ, не переставая быть христіаниномъ... Я не могъ рѣшиться совсѣмъ оставить великую традицію религіи, которою я жилъ до той поры. Я мечталъ о будущихъ реформахъ, когда философія христіанства, освобожденнаго отъ шелухи суевѣрія и притомъ сохраняющаго свою нравственную силу (именно въ этомъ заключалась моя мечта!), оставалась бы великою школою и руководительницею человѣчества. Прочитанныя мною нѣмецкія сочиненія внушили мнѣ эти мысли; Гердеръ былъ тотъ нѣмецкій писатель, съ сочиненіями котораго я ознакомился лучше, чѣмъ съ сочиненіями другихъ писателей. Его широкіе взгляды приводили меня въ восхищеніе, и часто я говорилъ себѣ съ живымъ сожалѣніемъ: увы! вотъ я не могу думать, какъ Гердеръ, и оставаться въ то же время христіанскимъ проповѣдникомъ» [2]).

Выражая это желаніе быть протестантомъ, молодой богословъ уже высказалъ свое отвращеніе къ семинарскому методу слѣпого подчиненія догматамъ церкви.

Въ тотъ моментъ, когда Ренанъ, имѣя отъ роду двадцать три года, по причинѣ сомнѣній совѣсти покидаетъ большую семинарію, онъ твердо убѣжденъ, что не могъ бы больше склоняться подъ авторитетомъ католической церкви. Мужественно, какъ воинъ, вступаетъ онъ въ борьбу и упрекаетъ католическую церковь въ униженіи высшаго блага, въ низкой оцѣнкѣ человѣческаго достоинства; онъ думаетъ, что церковь «нанесла дѣйствительный вредъ человѣчеству (fait un tort réel a l'humanité) тѣмъ, что она учила людей пренебрегать дѣйствительнымъ существованіемъ по сравненію его съ будущимъ блаженствомъ».

«Цѣль человѣчества,—говоритъ онъ въ диссертаціи «Будущее науки»,—есть не блаженное состояніе, но интеллектуальное и моральное совершенство. Великій Боже! на этомъ, конечно, можно успокоиться, если для достиженія совершенства нужно проходить черезъ безконечное» [3]).

Въ этомъ 1848 году Ренанъ еще думаетъ, что нравственность сама по себѣ имѣетъ достоинство и представляетъ положительный объектъ! Онъ опровергаетъ скептическихъ философовъ, которые не хотятъ вѣ-

---

[1]) «Souvenirs...», стр. 291 и 292: «la conciliation d'un esprit hautement religieux avec l'esprit critique...»

[2]) «Souvenirs...», стр. 311.

[3]) См. критику Эд. Рода (E. Rod, loc. cit. S. 13 f.).

рить въ прекрасное творенiе современной науки, въ божественную цѣль человѣчества, въ человѣческое достоинство, въ Бога и въ разумъ. Потеря прежней вѣры привела его къ нѣкоторой меланхолiи: онъ сѣтуетъ на свое сомнѣнiе и сожалѣетъ, что уже не можетъ найти прежняго покоя, прежняго непоколебимаго довѣрiя. «Богъ,—восклицаетъ онъ,—оставилъ меня; безъ Бога мiръ пустъ, печаленъ, бѣденъ добродѣтелями».

Мы видимъ, что въ этомъ юношескомъ произведенiи Ренана описывается лишь продолженiе той драмы въ его душѣ, первый актъ которой имѣлъ мѣсто въ семинарiи. Какъ тогда нѣмецкiе ученые толкователи Священнаго Писанiя, такъ теперь французскiе энциклопедисты производятъ на него сильное впечатлѣнiе, въ особенности Руссо; поэзiя, мечтательность, направленная къ природѣ, и мистически-эстетическiй спиритуализмъ этого послѣдняго овладѣваютъ душой молодого ученаго. Онъ восхваляетъ тихую деревенскую жизнь и еще болѣе восторгается живописно-грозными красотами дикой природы; онъ увлекается первоначальной исторiей человѣчества: «Священные вѣка, колыбель рода человѣческаго, кто будетъ въ состоянiи васъ понять О правда, искренность жизни. Онъ удивляется французской революцiи, плоды которой, какъ онъ полагаетъ, еще не созрѣли. Его душа открыта всѣмъ вѣянiямъ времени. Въ его писанiяхъ эхомъ отзывается все, что скрытно носится въ воздухѣ: «онъ насквозь пропитанъ окружающей его атмосферой», сказано въ одной рецензiи объ его книгѣ «Будущее науки». Ренанъ склоненъ къ соцiализму, какъ тогда понимали это ученiе. Ему знакомы сочиненiя Фурье, онъ читалъ Сенъ-Симона; онъ убѣжденъ, что сенсимонизмъ могъ бы сдѣлаться «оригинальною философiею Францiи» въ девятнадцатомъ столѣтiи, если бы, по несчастiю, эта философiя не утратила своего надлежащаго пути. Воспитанiе, образованiе народа—это было, по его понятiю въ то время, высшею цѣлью морали и политики. Но основою духа Ренана въ этомъ перiодѣ была непоколебимая вѣра въ постоянную эволюцiю религiозныхъ догматовъ и въ непрерывающiеся успѣхи науки. «Да, наступитъ день, когда человѣчество будетъ уже не *вѣровать*, но *знать*... наступитъ день, когда ему будетъ извѣстна область метафизики и морали, какъ извѣстенъ мiръ физическiй». Однако, немного лѣтъ спустя въ блестящемъ, написанномъ для журнала «Revue dss deux Mondes», произведенiи «Поэзiя кельтическихъ расъ» исчезаетъ это убѣжденiе; появляется уже тотъ эстетически-скептическiй дилеттантизмъ, какимъ позже характеризуется Ренанъ. Ученый начинаетъ работать для журналовъ и газетъ, т. е. для «большой» (по количеству, разумѣется) публики. Возбуждать интересы становится, повидимому, главной цѣлью его сочиненiй. Онъ отстранился отъ христiанства своей юности, въ чистой наукѣ онъ искалъ удовлетворенiя для своего внутренняго влеченiя къ истинѣ—и здѣсь также обманулся. Его религiозная вѣра рушилась; его жажда знанiя не

была удовлетворена. «Онъ былъ», пишетъ Родъ,—недоволенъ самимъ собою, недоволенъ міромъ. [1]).

И вдругъ онъ чувствуетъ, что христіанство, основы котораго онъ старался пошатнуть критикой, снова привлекаетъ его, что влеченіе это ново и непреодолимо. Первоначальное христіанство плѣняетъ его. Онъ находитъ въ религіи эстетическое наслажденіе. Что нельзя доказать научно, то можетъ имѣть *значеніе эстетически-символическое*; во что уже не вѣруютъ, то все же можно любить: любовь возможна безъ вѣры. Можно призывать—не зная кого; можно благоговѣть передъ Божествомъ, не зная его; можно благодарить, не видя подателя: «я благодарю, не зная хорошо—кого (sans savoir au juste qui je dois remercier, pourtant je remercie)» [2]); можно выдумать для себя вѣчную жизнь, рай, Бога; можно говорить объ этомъ ипридавать своимъ вымысламъ имена, излюбленныя суевѣрной толпой. Можно, употребляя любимое выраженіе Ренана, «выдумать свой романъ въ безконечномъ» [3]) Медленно построить такой «романъ въ безконечномъ» становится дѣломъ Ренана: надъ этимъ трудился онъ въ своихъ статьяхъ, въ историческихъ сочиненіяхъ о происхожденіи христіанства и народа израильскаго, въ метафизическихъ діалогахъ и философскихъ драмахъ, въ «Essais» и «Mélanges», въ академическихъ рѣчахъ и лекціяхъ. Это былъ самый широко-плодовитый періодъ дѣятельности великаго ученаго; однако мы увидимъ, что научное значеніе большей части его трудовъ понижается, когда методъ его отдаляется отъ чисто—научнаго критицизма. Какъ разрывъ съ догматизмомъ есть рѣшительный моментъ перваго періода духовной жизни Ренана, такъ переходъ отъ критицизма къ эстетически-гипотетическому способу воззрѣнія кажется мнѣ вторымъ актомъ этой эволюціи Ренана.

Какія же были побудительныя причины къ этому второму переходу?

Французскій критикъ, цитаты изъ статей котораго мы уже приводили, Э. Родъ хочетъ смотрѣть на путешествіе въ Палестину, какъ на существенно важный моментъ и главную причину этой перемѣны въ Ренанѣ. Нельзя сомнѣваться, что это путешествіе оказало значительное вліяніе на душу Ренана.

Послѣ того какъ критика, казалось, разрушила все, чѣмъ поддерживалось мистическое благочестіе въ семинаріи, въ Святой Землѣ Ренанъ нашелъ многочисленныя воспоминанія, показавшіяся его поэтической душѣ новымъ откровеніемъ. «Палестина овладѣваетъ имъ»,—говоритъ не безъ основанія Эд. Родъ,—среди развалинъ, свидѣтельствую-

---

1) Въ книгѣ Рода, изъ которой мы заимствуемъ многія указанія, глава II

2) См. «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 375.

3) См. интересныя вступленія къ «Vie de Jésus» и къ 1-му тому «Histoire du peuple d'Israël»; напр., въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Введеніе, стр. XXV.

Прим. автора.

щихъ о ярости магометанъ, путешественникъ находитъ повсюду слѣды древней роскоши и величія: гранатовыя и фиговыя деревья пробуждаютъ въ его душѣ воспоминаніе о «галилейской идилліи». Геннисаретское озеро является поэту такимъ, какъ его изобразилъ Іосифъ, какимъ оно было во времена чудесной ловли рыбы, подобнымъ земному раю. Тамъ же Ренанъ обрѣтаетъ вновь школы, секты, идиллическое христіанство первыхъ вѣковъ; чувствомъ его овладѣваетъ божественная идиллія жизни Спасителя, ему представляется новый Мессія, «Мессія, присутствующій на свадебныхъ празднествахъ, призывающій какъ добраго Закхея, такъ и куртизанку»... Увлеченный картиной, которую представляетъ утомленному критикой изслѣдователю его поэтическая фантазія, Ренанъ забываетъ всѣхъ комментаторовъ жизни Іисуса, всѣхъ ученыхъ толкователей Священнаго Писанія, которые изъ вѣка въ вѣкъ отъ суроваго Павла до угрюмаго Кальвина, толковали мысли Христа. Душа Ренана дѣлается галилейской, простой, какъ души рыбарей на Геннисаретскомъ озерѣ. Какъ нѣкогда апостолы, какъ мытари, какъ Марія Магдалина, онъ отдается обаянію высокой прелести Мессіи. Какъ они, прислушивается Ренанъ къ голосу, къ Его божественнымъ словамъ. Онъ снова видитъ Его: исторія Спасителя становится для него похожей на чудесный сонъ; эта исторія выступаетъ передъ нимъ изъ мрака прошлаго въ видѣ ученія, которое является на землѣ торжествомъ всего добраго и сладостнаго, царствомъ благоговѣнія въ духѣ и истинѣ».

Я тѣмъ менѣе склоненъ отрицать такое рѣшающее вліяніе путешествія въ Палестину, что поэтическая натура Ренана сколько я знаю, была чрезвычайно воспріимчива ко всѣмъ красотамъ Востока. Однако рядомъ съ этимъ я долженъ поставить не менѣе важную причину, на которую бо̀льшая часть критиковъ обращали недостаточно вниманія: Ренанъ началъ писать для «большой» публики, узкій кругъ ученыхъ его уже не удовлетворялъ. «Что его испортило,—не безъ основанія говорилъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ Ад. Гарнакъ (Ad. Harnack),—это тотъ фактъ, что онъ писалъ для бульвара».

Никто не зналъ и не описывалъ эту опасность лучше самого Ренана. «Публика,—говоритъ онъ,—*большой губитель*: она соблазняетъ писателя впадать въ такія ошибки, въ которыхъ онъ послѣ долженъ раскаиваться. Такъ правящая буржуазія прежде громко рукоплескала актеру; но вслѣдъ за тѣмъ она изгоняла его изъ лона церкви». «Забавляй меня,—хотя-бы цѣною ада (Damne toi, pourvu que tu m'amuses!). Часто именно это чувство бываетъ скрыто въ самыхъ лестныхъ похвалахъ публики. Большею частью мы имѣемъ успѣхъ *благодаря нашимъ недостаткамъ* (on réussit surtout par ses défauts)! Когда я бываю очень доволенъ самимъ собою, меня похвалятъ десять человѣкъ. Когда я вступаю на опасный путь, на которомъ *колеблется моя лите-*

ратурная добросовѣстность и дрожитъ рука, тогда кричатъ тысячи и тысячи: «продолжай» [1]).

Какъ тонко это замѣчаніе! Съ какою точностью приложимо оно къ сочиненіямъ Ренана во второмъ періодѣ его жизни! «Своими ошибками люди достигаютъ успѣха»,—не относится ли это точно также къ «Жизни Іисуса», къ «Исторіи народа Израильскаго»? Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ чисто научной дѣятельности Ренанъ замѣтилъ очень скоро, что писатели преимущественно стараются «облечься въ народный костюмъ», что они, вмѣсто того, чтобы служить исключительно только истинѣ, прежде всего стремятся *нравиться публикѣ*: «*не понравиться* массѣ—величайшее изъ несчастій (le plus grand des malheurs) [2]), пишетъ вскорѣ послѣ вышеприведенныхъ разсужденій этотъ ученый.

Такъ прилагаются всѣ старанія къ тому, чтобы удовлетворить желаніямъ и потребностямъ современнаго поколѣнія.

Но этотъ новый методъ есть лишь послѣдствіе той эволюціи, вторую ступень которой мы только что отмѣтили.

Искусство удовлетворять вкусамъ «большой» публики Ренанъ постигъ какъ никакой другой писатель. Онъ зналъ тѣ требованія, какія французскій народъ предъявляетъ къ ученому. Въ то время, когда, повидимому, романъ вытѣсняетъ всѣ иныя формы литературныхъ произведеній,—Ренанъ придалъ форму романа своимъ повѣствованіямъ о жизни Іисуса Христа, объ исторіи апостоловъ, объ исторіи развитія народа израильскаго. Въ тѣ годы, когда большинство ученыхъ отдалялось отъ ортодоксальнаго католицизма, онъ проповѣдывалъ раціональную, освобожденную отъ всѣхъ догматовъ религію. Своимъ жаднымъ до наслажденій современникамъ онъ доставлялъ удовольствіе религіознаго возбужденія чувствъ. Поколѣніе, которое само называетъ себя нервно больнымъ, онъ училъ анализировать свою болѣзнь и находитъ въ этомъ удовольствіе. «Наслаждаться жизнью, пока еще молоды—это быть можетъ, послѣднее слово мудрости, нравственности, религіи и къ этому все сводится»,—такова была мораль его послѣдней рѣчи въ «ассоціаціи студентовъ». Ренанъ приспособился къ окружающему его поколѣнію «декадентовъ» (décadents) и болѣе того,—онъ содѣйствовалъ распространенію духовной болѣзни, которою страдаютъ новѣйшіе писатели романовъ. Тотъ умѣренный скептицизмъ, который французы называютъ *ренанизмомъ*, существовалъ уже до Ренана. Однако остроуміе геніальнаго профессора много способствовало распространенію среди молодежи этого нравственнаго недуга (névrosée morale).

Особенно же удовлетворялъ Ренанъ требованіямъ французской публики формой своей литературы: у него была врожденная способ-

---

[1]) Публичныя чтенія объ исторіи догматовъ (Dogmengeschichte) въ Берлинѣ, въ лѣтній семестръ 1891 г.

[2]) См. «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 352, 353 и 203.

ность придавать своимъ литературнымъ произведеніямъ увлекательную, поэтическую внѣшность; къ тому же, слогъ его былъ плодомъ долговременнаго труда. Прежде, чѣмъ отдавать рукопись для печатанія, онъ считалъ своей обязанностью нѣсколько разъ поправлять и снова переправлять ее; даже послѣдній пробный листъ всегда бывалъ испещренъ подскабливаніями. Хотя на его публичныхъ чтеніяхъ, какъ и въ его личномъ обхожденіи, рѣчь свою онъ говорилъ съ видимымъ усиліемъ, почти нескладно, но при всемъ томъ въ книгахъ Ренана нельзя найти никакихъ слѣдовъ такой небрежности: каждое слово внимательно обдумано. Что касается способности находить наилучшую литературную форму, то, начиная съ его докторской диссертаціи «Averroës et l'Averrhoisme» до послѣднихъ его произведеній включительно (особенно, если включить небольшую статью 1889 года «Изслѣдованіе философской совѣсти» L'examen de conscience philosophique)— нельзя не отмѣтить постоянно-возрастающаго прогресса: языкъ уже ясный, выразительный, гармоничный, переходитъ въ истинную поэзію.

Такъ, литературная форма сама по себѣ все болѣе и болѣе улучшается. Эстетическая цѣль, повидимому, замѣняетъ чисто научныя намѣренія: передъ драматическимъ интересомъ интересъ историческій отступаетъ на задній планъ.

Однако этотъ переходъ отъ критицизма къ эстетическому дилеттантизму не составляетъ еще конца эволюціи нашего ученаго. Если разъ мыслитель сомнѣвается въ возможности познать истинное и въ успѣхѣ науки, онъ почти необходимо долженъ перейти къ скептицизму. Къ этому вела Ренана внутренняя логика; это и есть естественное окончаніе его эволюціи.

Соотвѣтственно добродушной, немного презрительной ироніи Ренана этотъ его скептицизмъ долженъ былъ оказаться благодушнымъ и веселымъ. Въ этомъ третьемъ періодѣ своей жизни нашъ ученый, кажется, легко готовъ отказаться отъ возможности достигнуть истины самой по себѣ. Было бы заблужденіемъ думать, что спокойствіе его послѣднихъ минутъ нарушалось важнымъ вопросомъ о смерти или о будущей жизни: для него всякая истина была относительна. Вопросы, надъ которыми мучатся другіе богословы, Ренанъ разсматривалъ, какъ остроумную игру: интеллигентный человѣкъ можетъ нѣкоторое время развлекаться попытками рѣшать такіе вопросы, но тревожиться ради этого онъ не станетъ; это онъ предоставляетъ религіозному фанатику или достойному сожалѣнія глупцу. Сознавая, что никогда не найдетъ опредѣленнаго рѣшенія, истинный философъ, т. е. ученикъ Ренана— не будетъ огорчать жизни такими вопросами. Что утверждаютъ—не имѣютъ права утверждать слишкомъ положительно, что отрицаютъ— не смѣютъ отрицать слишкомъ сильно: ибо во всякой истинѣ можетъ заключаться заблужденіе и въ каждомъ заблужденіи можетъ быть сокрыта истина. Такимъ образомъ разрѣшается вѣрить всему,—даже

вѣровать въ религіозныя истины, но безъ фанатизма, безъ мечтательности, такъ, чтобы каждый видѣлъ, что вѣрующій твердо убѣжденъ въ относительности тѣхъ истинъ, въ которыя вѣруетъ.

Это—тотъ періодъ, въ которомъ появилась большая часть такъ называемыхъ «философскихъ драмъ»: «Caliban», «L'eau de Jouvence» («Источникъ молодости»), «Le prêtre de Nemi», «L'Abbesse de Jouassè» (эта послѣдняя драма произвела большой шумъ); затѣмъ многіе фельетоны въ газетѣ «Temps» [1]), въ которыхъ затрогиваются метафизическіе вопросы со скептицизмомъ, возмущающимъ религіозное чувство. Человѣкъ, всѣмъ пожертвовавшій для того, чтобы оставаться честнымъ, перестаетъ быть вѣрнымъ самому себѣ: онъ оставляетъ путь, по которому такъ бодро шелъ впередъ; онъ увѣряетъ, что все ненадежно, даже ничтожно; онъ какъ будто насмѣхается надъ тою любовью къ истинѣ, которая руководила имъ въ прежніе годы; онъ осмѣиваетъ все доброе такъ же, какъ и злое; по его теперешнему мнѣнію «весьма возможно, что наилучшую житейскую мудрость нашли прожигатели жизни (libertins)», «празднику вселенной недоставало бы кое чего, если бы міръ былъ населенъ только фанатическими иконоборцами и тупоумно-добродѣтельными людьми (la fête de l'univers manquerait de quelque chose si le monde n'était peuplé que de fanatiques iconoclastes et de lourdauds vertueux»).

Итакъ, фривольный скепсисъ—таковъ конецъ эволюціи этого великаго изслѣдователя, та пропасть, въ которую рушился его методъ.

Какъ могъ ученый и чистосердечный человѣкъ придти къ столь печальному концу? Гдѣ именно въ методѣ Ренана заключается та основная ошибка, по причинѣ которой этотъ мыслитель все болѣе и болѣе отклонялся отъ правильнаго пути? На мой взглядъ, Ренанъ вступилъ на ложный путь въ тотъ моментъ, когда пересталъ искать истину ради ея самой, но продолжалъ искать ее уже побуждаемый къ этому только тѣмъ своимъ личнымъ удовольствіемъ, какое онъ находилъ въ этомъ исканіи; въ тотъ моментъ, когда чисто-эстетическое удовольствіе изслѣдователя начало побуждать его къ работѣ, какъ прежде побуждало научное стремленіе.

Изъ всѣхъ критиковъ, прославляющихъ или осуждающихъ великаго ученаго [2]) только одинъ, мнѣ кажется, правильно понялъ это—профессоръ А. Сабатье (A. Sabatier), пишущій въ журналѣ «Journal de Genève».

Не нѣмецкая критика Штрауса или Гегеля сбила Ренана съ правильнаго пути; не потому ослабѣлъ онъ въ научномъ изслѣдованіи,

---

[1]) Желающій критически разбирать Ренана не долженъ игнорировать эти фельетоны, ибо именно въ нихъ проявляется полное сомнѣніе третьяго періода.

[2]) Эти статья была написана около года спустя послѣ смерти Ренана; поэтому здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь объ отзывахъ критики въ теченіе перваго года послѣ смерти Ренана. *Прим. переводчика.*

что хотѣлъ все *провѣрять*, что *сомнѣвался*; нелицемѣрная критика тѣмъ менѣе заслуживаетъ осужденія, что трудно душѣ богослова избѣжать въ извѣстные часы чистосердечнаго сомнѣнія. Развѣ у Канта,Шлейермахера, Гегеля и недавно у Ричля не было религіозныхъ кризисовъ?

Научное значеніе Ренана понизилось въ тотъ моментъ, когда онъ легкомысленно утратилъ твердую вѣру, когда онъ призналъ, что не можетъ дойти до истины, необходимой ему и его ближнимъ. Какъ мыслитель, онъ погрѣшилъ противъ достоинства науки, когда страстное стремленіе къ истинѣ было вытѣснено изъ его души эгоистическимъ удовольствіемъ—удовлетворять личное любопытство. Онъ погрѣшилъ противъ себя самого, когда, суетно играя въ отыскиваніе истины, успокоился на томъ, что онъ, все-равно, не могъ бы дойти до познанія истины.

Тогда въ немъ личное удовлетвореніе и ироническая усмѣшка замѣнили прежнюю любовь къ истинѣ. Тогда интеллектуальный эпикуреизмъ и безнадежный скептицизмъ проникли въ великую душу Ренана.

Религіозная основа въ Ренанѣ не была достаточно прочною для того, чтобы онъ могъ преодолѣть кризисъ сомнѣнія. Поэтому серьезный трудъ и чистосердечная критика привели его къ столь печальному и столь легкомысленному дилеттантизму. Поэтому такой большой талантъ покончилъ на столь тщеславномъ довольствѣ самимъ собою.

«Этотъ легкомысленный оптимизмъ,—пишетъ профессоръ Сабатье,—при столь глубокой нравственной неудовлетворенности и столь безутѣшномъ пессимизмѣ—будетъ по справедливости самымъ тяжкимъ осужденіемъ этого ученаго» [1]).

Мы видимъ, какъ далекъ предѣлъ, до котораго дошелъ Ренанъ, отъ его исходнаго пункта. Эту эволюцію намъ никогда не слѣдуетъ забывать, когда мы хотимъ разсматривать французскаго писателя какъ филолога, какъ историка, какъ философа. Ею объяснится для насъ не одно разнорѣчіе въ теоріяхъ Ренана.

III.

Ренанъ, какъ филологъ.

Ренанъ началъ свою необыкновенно широкую дѣятельность съ языковѣдѣнія. Филологія также и впослѣдствіи легла въ основу всего его творчества, хотя его труды въ этой области никогда не пользовались

---

1) „Journal de Genève" отъ 9 октября 1892 г., статья Сабатье „Les pièges de la vie intellectuelle".

такой извѣстностью среди широкой публики, какъ его историческія произведенія.

Уже въ молодости онъ проявлялъ особую склонность къ древнимъ языкамъ. «Я рожденъ быть филологомъ, j'étais philologue d'instinct», восклицаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]). Любимыми писателями мальчика были Геродотъ и Ѳукидидъ, Ливій и особенно Тацитъ: у послѣдняго онъ находилъ то соединеніе исторіи съ искусствомъ, какимъ впослѣдствіи отличались его собственныя произведенія. Вскорѣ онъ увлекается богатствомъ еврейской поэзіи, съ которою познакомилъ его выдающійся оріенталистъ, аббатъ Le Hir [2]).

Новые языки служили для Ренана только средствомъ познакомиться съ новѣйшими изслѣдованіями о древнихъ діалектахъ. По-нѣмецки онъ говорилъ не очень бѣгло, хотя уже въ 1850 году былъ въ Берлинѣ; но онъ довольно легко читалъ на нѣмецкомъ языкѣ, что требовалось для изученія сочиненій по филологіи и теологіи; при этомъ онъ нерѣдко жаловался на ихъ «неуклюжій и тяжеловѣсный стиль».

Спеціальностью Ренана были семитскія нарѣчія. По-арабски онъ говорилъ превосходно, такъ что арабы Синайскаго полуострова съ восторгомъ слушали его толкованія древне-арабскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ знаніи халдейскаго и еврейскаго языковъ съ нимъ могли спорить только немногіе изъ раввиновъ. Вся его дѣятельность въ этой области была въ высшей степени плодотворна.

Его открытія въ области археологіи Востока, и особенно касающіяся финикійскихъ древностей, составляютъ несравненно болѣе цѣнный вкладъ въ науку, чѣмъ его религіозно-психологическіе романы. Первыя открыли передъ нимъ двери Collége de France. Его «Исторія семитскихъ нарѣчій» [3]) имѣетъ гораздо бо̀льшую научную цѣнность, чѣмъ всѣ его философскія драмы. Мы осмѣливаемся утверждать, что своимъ *Corpus inscriptionum semiticarum* [4]) Ренанъ сдѣлалъ для науки гораздо больше, чѣмъ прославленной «Жизнью Іисуса».

Правда, онъ не одинъ является авторомъ этого солиднаго произведенія, но онъ сдѣлалъ такъ много, что далъ своимъ ученикамъ полную возможность довести до конца этотъ трудъ.

Corpus inscriptionum semiticarum найдетъ себѣ должную оцѣнку и въ глазахъ будущихъ поколѣній, такъ какъ это произведеніе послужитъ для позднѣйшихъ ученыхъ твердымъ основаніемъ, на которомъ они возведутъ дальнѣйшія построенія.

---

[1]) «Souvenirs d'enfance», стр. 288.

[2]) Одинъ изъ первыхъ ученыхъ, примѣнившій во Франціи сравнительное языковѣдѣніе къ изученію семитскихъ нарѣчій. См. о немъ «Воспоминанія» Ренана, стр. 287 «Его изложеніе еврейской грамматики и сопоставленіе ея съ другими семитскими нарѣчіями—замѣчательно. Если Богъ дастъ ему еще десять лѣтъ жизни, мы будемъ въ состояніи сопоставить его съ величайшими учеными Германіи».

[3]) «Histoire générale et système comparé des langues sémitiques», 1855, 2 изд. 1858.

[4]) Собраніе семитскихъ надписей.

Особенно крупную услугу оказалъ Ренанъ своимъ землякамъ въ качествѣ профессора филологіи. Онъ превосходно излагалъ грамматику восточныхъ языковъ. Онъ мастерски сравнивалъ между собою особенности различныхъ семитскихъ нарѣчій. Чтобы обучить простому, наивному, дѣтскому языку, ученый изслѣдователь самъ дѣлается наивнымъ; ему достаточно одного слова, чтобы обнаружить цѣлый міръ идей, изслѣдованіемъ одного корня онъ бросаетъ новый свѣтъ на рѣшеніе сложной филологической проблемы. Простой синтаксисъ семитовъ становится картиной всего міросозерцанія восточныхъ народовъ. И все это дѣлалось наглядными, все оживлялось, благодаря сопоставленіямъ съ современными явленіями. Грамматика переходила въ сравнительную филологію, а филологія возвышались до высшей философіи языка.

Филологія скоро привела нашего ученаго къ изслѣдованію «о *происхожденіи языка*» [1]. Въ то время, когда появилось сочиненіе Ренана, во Франціи господствовали два противоположныхъ взгляда на происхожденіе языка. Одна теорія видѣла въ языкѣ искусственное изобрѣтеніе человѣческаго ума. Этотъ взглядъ господствовалъ въ XVIII столѣтіи у большинства энциклопедистовъ. По другой теоріи человѣческая рѣчь является сверхчувственнымъ божественнымъ откровеніемъ: само Божество научило первыхъ людей связывать извѣстные звуки съ соотвѣтствующими понятіями. Это послѣднее положеніе, представителемъ котораго былъ Бональдъ, было встрѣчено большимъ сочувствіемъ въ серединѣ нашего столѣтія.

Ренанъ несогласенъ съ обоими взглядами. Успѣхи филологіи, говоритъ онъ, противорѣчатъ первой гипотезѣ, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія показали, что продолжительная эволюція вовсе не приводитъ къ развитію языковъ, что, наоборотъ, языкъ тѣмъ богаче, чѣмъ далѣе восходимъ мы къ началу его исторіи. Такъ же мало объясняетъ происхожденіе языковъ гипотеза де-Бональда: ученые открыли нѣсколько совершенно самостоятельныхъ системъ языковъ, которыя такъ же мало можно подвести подъ одинъ первоначальный типъ, какъ и различныя человѣческія расы. Гипотезой де-Бональда не объясняется ни наличность различныхъ семействъ или типовъ языка, ни присущій человѣку инстинктивный, органическій характеръ человѣческой рѣчи.

Ренанъ, наоборотъ, утверждаетъ, что языкъ неотдѣлимъ отъ совокупности всѣхъ характерныхъ особенностей расы. Онъ такъ же присущъ человѣку, какъ и мышленіе. Человѣкъ обладаетъ врожденной способностью выражать свои мысли помощью звуковъ. Мысль и звукъ нераздѣльны между собой. Это—первичный историческій фактъ, выше котораго восходить нельзя.

Если и эта теорія не даетъ полнаго рѣшенія трудной проблемы, то, по крайней мѣрѣ, автору ея принадлежитъ заслуга ясной и правильной

[1]) De l'Origine du Langage, 1848, 2 изд. 1858.

постановки ея, а также доказательство несостоятельности прежнихъ гипотезъ. Въ то время большой шагъ впередъ составляла уже одна попытка рѣшить вопросъ не апріорно, а на основаніи психологическихъ и историческихъ данныхъ.

Немаловажную услугу французскому языку оказалъ Ренанъ также своими *переводами*.

Французы, какъ извѣстно, не имѣютъ своей національной библіи. Ортодоксальный переводъ ея содержитъ больше ошибокъ, чѣмъ главъ, и, несмотря на многочисленныя исправленія, отличается почти варварскимъ языкомъ [1]). Среди позднѣйшихъ переводовъ, появившихся главнымъ образомъ изъ Швейцаріи [2]), ни одинъ не сдѣлался, такъ сказать, національнымъ. Ничто такъ не повредило дѣлу реформаціи, какъ этотъ фактъ.

Что касается языка и формы, трудно найти человѣка болѣе способнаго перевести Ветхій Завѣтъ на французскій языкъ, чѣмъ былъ Эрнестъ Ренанъ. Его переводы книги Іова [3]), Пѣсни Пѣсней [4]) и Экклесіаста [5]) отличаются силою, смѣлостью и чистотой языка, какихъ нѣтъ въ правильной передачѣ Reuss'а. Если бы Ренанъ вмѣстѣ съ талантомъ переводчика обладалъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ Лютера, онъ, конечно, далъ бы своему народу недостающую ему французскую библію.

Къ сожалѣнію, Ренанъ скоро отказался почти совершенно отъ этой задачи. Онъ промѣнялъ эту «не видную, но благодарную для науки роль» [6]) на другую, которая обѣщала ему большій внѣшній успѣхъ и большую популярность, чѣмъ роль простого переводчика. Филологъ посвятилъ себя исторіи.

IV.

Ренанъ, какъ историкъ.

Ренана, какъ филолога, оцѣнилъ только ученый міръ. Въ широкой публикѣ его чисто филологическіе труды и его теорія о происхожденіи языка—почти неизвѣстны. Онъ прославился и пріобрѣлъ популярность исключительно въ качествѣ *историка*.

---

1) Почти во всѣхъ церквахъ все еще принятъ крайне неудовлетворительный переводъ J. F. Osterwald. édition revue et corrigée.

2) Лучшимъ считается переводъ L. Segond, Женева, 1879. Новый Завѣтъ переведенъ швейцарцемъ H. Olhamare (1879), и недавно парижскимъ профессоромъ E. Stapeer. Послѣдній переводъ представляетъ первую попытку изложить провѣренный критикой, научный текстъ съ варіантами на изящномъ и ясномъ, чисто французскомъ языкѣ.

3) Le livre de Job. traduit de l'hebreu avec une étude sur le plan, l'âge et le caractère du poëme, 1859.

4) Le Cantique des Cantiques.

5) L'Ecclésiaste, avec une étude sur l'âge et le caractère du livre.

6) Введеніе въ «Etudes d'histoire religieuse», 1856.

Въ этомъ отношеніи, мы, вѣроятно, должны будемъ разойтись съ мнѣніемъ большинства во Франціи.

Безусловно, Ренанъ создалъ своеобразный способъ историческаго повѣствованія. Современникъ Ранке, Моммзена и другихъ, которые положили начало чисто объективному, основанному исключительно на историческихъ документахъ, изложенію исторіи, онъ придерживался искусственнаго изложенія историческихъ фактовъ въ «желательномъ» освѣщеніи.

Правда, онъ не первый во Франціи пытается такимъ образомъ «прикрашивать» исторію. До него *Александръ Дюма* примѣнилъ этотъ методъ къ эпохѣ Людовика XIV, а греческіе и римскіе историки были какъ извѣстно, настоящими художниками въ этомъ отношеніи. Но никто еще не отважился примѣнить этотъ методъ къ Священной исторіи.

Это сдѣлалъ Ренанъ. Онъ поставилъ себѣ задачей дать *интересный* разсказъ на основаніи имѣющихся документовъ.

«Изученіе прошедшаго доставляетъ высшее наслажденіе (la première jouissance) и высшій интересъ (la plus noble curiosité) для человѣка»· [1])

Чтобы удовлетворить стремленію къ этому «наслажденію» и этотъ «интересъ» своихъ современниковъ, Ренанъ предпринялъ изложеніе исторіи христіанства.

Всѣ его крупныя историческія произведенія можно было бы соединить подъ однимъ заглавіемъ: «Подготовленіе, происхожденіе и побѣда христіанства». Пятый томъ «Исторіи Израиля» доведенъ до появленія Мессіи, а въ седьмомъ томѣ, который начинается «Жизнью Іисуса», описана гибель античной культуры.

Какимъ же методомъ пользуется авторъ въ изложеніи этихъ историческихъ событій, составляющихъ всю основу новѣйшей цивилизаціи?

Прежде всего онъ желаетъ, какъ онъ самъ говоритъ, призвать на помощь «психологію и филологію» [2]) для того, чтобы разсѣять густой туманъ, окружающій подготовленіе и происхожденіе христіанства. Это значитъ, что тамъ, гдѣ у него подъ руками нѣтъ подходящаго текста, онъ будетъ писать исторію такъ, «какъ она могла бы происходить», какъ онъ ее себѣ *представляетъ*. Если же подъ руками находятся два различныхъ текста, то онъ выберетъ тотъ изъ нихъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру его героевъ, т. е. тому представленію, какое имѣетъ авторъ о своихъ герояхъ.

Эти герои всегда обладаютъ тѣми или иными свойствами современнаго человѣка. Неоднократно, къ великому удовольствію парижской публики, они сравниваются съ героями новѣйшей исторіи. Мои-

---

[1]) «Histoire du peuple d'Israël», т. I, 7 изд. Вст., стр. XXV.

[2]) «Hist» d'Israël, I. Вст., стр. X.

сей—это «вождь, подобный Абдъ-эль-Кадеру» [1]) Царь Саулъ сравнивается съ Наполеономъ Бонапарте. [2]) Миспа—это израильскій Вашингтонъ. Давидъ сдѣланъ предводителемъ бандитовъ, и ему приданы всѣ качества современнаго кондотьера. Ко всему этому онъ обладаетъ «искусствомъ пользоваться всѣми преступленіями, не совершая самъ ни одного изъ нихъ» [3]).

Того же метода держится авторъ и въ «Исторіи христіанства», которая есть не что иное, какъ продолженіе «Исторіи Израиля».

Кромѣ того, историческіе герои Ренана почти всегда обладаютъ нѣкоторыми чертами самого автора. Даже въ историческихъ произведеніяхъ у него проявляется это возвеличеніе своего *я*, на которое было указано въ началѣ нашей работы. Одинъ ученикъ знаменитаго академика сообщилъ мнѣ однажды, почему въ «Исторіи Израиля» царь Давидъ вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, начинаетъ страдать тучностью: со времени своего вступленія въ «Collège de France» авторъ страдалъ именно этою болѣзнью.

И все это, повидимому, подтверждается текстами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта: Ренанъ умѣетъ искусно вырвать изъ общей связи одинъ стихъ, умолчавъ о содержаніи всѣхъ остальныхъ.

Часто ему достаточно одного факта, чтобы выставить общее положеніе. Такимъ способомъ обобщенія отличаются всѣ историческія произведенія Ренана. Напр., Синай считается въ книгѣ Бытія священной горой Бога: этого нашему историку достаточно, чтобы разсказать цѣлую исторію религіознаго значенія этой горы до прохожденія израильтянъ. Далѣе, мы узнаемъ изъ «Исторіи Израиля» Ренана, что «пустыня монотеистична». Такихъ абсолютныхъ утвержденій у него много. Можетъ быть, они-то и способствовали широкому распространенію его книгъ, такъ какъ современная публика любитъ парадоксы.

Иногда нѣсколько научныхъ замѣчаній придаютъ этимъ утвержденіямъ ложный видъ истины. Если же присмотрѣться ближе къ его выводамъ, они окажутся поверхностными или неправильными. Такъ, въ сочиненіяхъ Ренана неоднократно повторяется [4]), что «монотеизмъ есть существенный аттрибутъ семитскихъ народностей» на томъ основаніи, что три великихъ монотеистическихъ религіи—іудейство, христіанство, магометанство—развились исключительно среди этихъ народовъ. Заключеніе, повидимому, логично. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи фактовъ оказывается, что всѣ эти три религіи въ сущности

---

[1]) «Hist.» d'Isr., стр. 220,

[2]) «Ibidem», стр. 415.

[3]) Ibidem, гл. XVI.

[4]) См. «Histoire générale et système comparée des langues sémtiques», 2 изд. стр. 9 и 418; «Histoire du peuple d'Israël, т. I; сравни также: «Nouvelles considérations sur le caractère général des peuples sémitiques et en particulier sur leur tendance au monothéisme». Парижъ 1859.

сводятся къ одной, такъ какъ іудейство есть только предшественникъ христіанства, отъ котораго, въ свою очередь, произошелъ исламъ. Далѣе, исторія и особенно Ветхій Завѣтъ указываютъ намъ, что всѣ семиты, за исключеніемъ евреевъ, были язычники, т. е. поклонники слѣпыхъ силъ природы, и оставались ими до перехода въ христіанство или магометанство. Что же остается отъ заключенія Ренана?

Итакъ, обращеніе Ренана съ историческими документами въ высшей степени произвольно. Его толкованіе Библіи состоитъ не изъ выводовъ, а скорѣе изъ вставокъ въ нее. Гдѣ, напр., онъ вычиталъ, что царь Саулъ былъ эпилептикъ [1]).

Но все это только частности. Ренанъ придаетъ мало значенія отдѣльнымъ фактамъ. Гораздо выше ставитъ онъ общее міровоззрѣніе историка. Онъ твердо убѣжденъ, что руководящая идея его «Исторіи христіанства» правильна.

«Даже если бы я выставилъ неправильныя гипотезы, касающіяся отдѣльныхъ пунктовъ, тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что въ общемъ я правильно понялъ ту задачу, какую завершилъ, т. е. міровая душа, въ лицѣ народа израильскаго» [2]).

Но также и здѣсь философія Ренана, божественная міровая душа, стоитъ впереди историческаго изслѣдованія. Что, если и эта руководящая идея окажется ложной?

И развѣ возможно построить «правильное общее представленіе» на основаніи недостовѣрныхъ или невѣрныхъ фактовъ?

Но Ренанъ и не утверждаетъ, что онъ передаетъ историческія событія такъ, «какъ они были». Его цѣль—написать историческій романъ изъ эпохи возникновенія христіанства. Положимъ. Но, въ такомъ случаѣ, въ его произведеніяхъ не должно быть безчисленныхъ противорѣчій, встрѣчающихся у него на каждомъ шагу, благодаря тому, что авторъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ. Въ такомъ случаѣ, психологъ не долженъ навязывать «религіозному генію», для котораго «полный идеализмъ есть величайшее правило нравственной жизни» [3]), лицемѣрнаго притворства, игранія роли, которое есть не что иное, какъ «благочестивый обманъ».

Можетъ ли то, что Ренанъ называетъ «благочестивымъ обманомъ» (une fraude pieuse), согласоваться съ «нравственно чистымъ» характеромъ, о которомъ самъ біографъ утверждаетъ, что онъ создалъ «небеса чистыхъ душъ»?

Историкъ, имѣя въ виду только одну истину, можетъ позволить себѣ привести изъ различныхъ источниковъ противорѣчивые факты. Онъ постарается выяснить всѣ противорѣчія; иногда, не найдя объясне-

[1]) «Hist d'Israël», гл. XV.
[2]) «Hist. d'Israël», гл. XV.
[3]) «Vie de Jésus», 15 изд., стр. 461; въ 12 первыхъ изданіяхъ стр. 445.

нія, онъ только констатируетъ ихъ. Но романисту, который беретъ изъ источниковъ только то, что ему годится, который по мѣрѣ надобности измѣняетъ факты или передаетъ ихъ такъ, какъ они представляются его фантазіи, романисту не дозволяется вносить въ свое изложеніе противорѣчій [1]).

Итакъ, Ренанъ, какъ историкъ, не можетъ насъ удовлетворить. Несмотря на удивительную прелесть изложенія и прекрасныя описанія природы, несмотря на остроумныя замѣчанія и тонкую психологію, совершенство языка и блестящій стиль—историкъ стоитъ ниже филолога.

V.

Ренанъ, какъ философъ.

Кто знакомъ съ методомъ и эволюціей Ренана, тотъ не удивится, что талантливый филологъ и знаменитый историкъ не создалъ положительной философской системы. Много говорятъ о философіи Ренана, но я напрасно искалъ у его критиковъ и въ его собственныхъ произведеніяхъ яснаго, систематическаго изложенія его философскихъ взглядовъ.

Ренанъ самъ взглянулъ бы со свойственной ему добродушно-иронической улыбкой на всякую попытку изложить «его философію».

Между тѣмъ, почти во всѣхъ его произведеніяхъ, историческихъ и литературныхъ, разбросаны отдѣльныя замѣчанія, на основаніи которыхъ, если ихъ собрать и сопоставить, получится довольно ясный очеркъ его философскихъ воззрѣній.

Безъ сомнѣнія, и здѣсь мы найдемъ массу противорѣчій, что при дилеттантствѣ Ренана неизбѣжно. Понятіе Ренана о мірѣ, о человѣчествѣ должно было подчиниться той эволюціи, на какую было указано во второй главѣ.

Въ самыхъ общихъ чертахъ философію послѣдняго періода его жизни можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. (Кромѣ вышеупомянутыхъ введеній къ историческимъ трудамъ, источниками служатъ: «Essais de Morale et de Critique»,Mélanges d'Histoire et de Voyages», Questions contemporaines, Dialogues philosophiques и всѣ такъ называемыя «философскія драмы»).

Какъ и подобаетъ благодушному характеру Ренана, основной чертой его философіи является добродушный *оптимизмъ*. Ренанъ такъ же, какъ и Лейбницъ, хотя и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ онъ, полагалъ, что мы живемъ въ наилучшемъ изъ міровъ и что справедливость состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать излишествъ во всемъ, даже въ удовольствіяхъ «Хорошее расположеніе духа, говоритъ онъ самъ въ заключеніи къ

---

[1]) См. превосходную критику Krüger'а въ «Annales de Bibliographie théologique» за 1888 г.

своимъ «Воспоминаніямъ» [1]), «которое лишь съ трудомъ нарушается и является послѣдствіемъ полнаго нравственнаго здоровья... привело меня къ *спокойной философіи*, находящей себѣ выраженіе то въ *благодарномъ оптимизмѣ*, то въ *веселой ироніи*». Казалось, онъ вѣрилъ, что природа окружила его подушками, чтобы никакіе встрѣчные толчки его не безпокоили.

Ренанъ неоднократно касался метафизическихъ проблемъ христіанской философіи и теологіи, понятій о Божествѣ, чудѣ, откровеніи, но ни разу не далъ себѣ труда какъ слѣдуетъ обосновать ихъ. Въ первомъ періодѣ своей научной дѣятельности онъ изучалъ критику Канта и Фихте; особенно импонировала ему система Гегеля. «Самымъ характернымъ признакомъ XIX столѣтія, пишетъ онъ въ своей книгѣ «Аверроесъ и аверроизмъ»,—является замѣна *догматическаго* метода *историческимъ* во всѣхъ сферахъ человѣческой мысли. И дѣйствительно, исторія есть необходимая, единственно научная форма для всего, что живетъ и развивается... языковѣдѣніе есть исторія языковъ, научная литература есть исторія литературъ; философія есть исторія философскихъ системъ. Точно также и наука о человѣческомъ мышленіи есть исторія мысли. Въ глазахъ изслѣдователя сознаніе такъ же *формируется* у всего человѣчества, какъ и у отдѣльнаго индивидуума (la conscience *se fait* dans l'humanité comme dans l'individu): оно имѣетъ свою исторію. Большой прогрессъ критики состоялъ въ замѣнѣ категоріи *бытія* категоріей *возникновенія*, незыблемой *неподвижности*—*движеніемъ*. Прежде все разсматривалось, какъ *бытіе*, теперь всюду обращено вниманіе на *возникновеніе*».

Гдѣ, какъ не въ сочиненіяхъ Гегеля, вычиталъ все это Ренанъ въ 1852 году?

Но какъ ни изучалъ и какъ ни преклонялся Ренанъ передъ Гегелемъ, онъ никогда не могъ вполнѣ усвоить его философію абсолютнаго. Въ послѣднемъ періодѣ своей жизни онъ сдѣлался ученикомъ Огюста Конта, и до самой смерти раздѣлялъ его любовь къ положительному знанію и ненависть къ трансцендентальной метафизикѣ.

Онъ рано потерялъ вѣру въ сверхъестественное, въ чудо въ библейскомъ смыслѣ этого слова, въ Провидѣніе, которое управляетъ міромъ, считаясь съ законами природы, и вмѣшивается въ земныя дѣла ко благу своихъ дѣтей. И прежде всего онъ сталъ изгонять элементъ чудеснаго изъ религіи. Онъ училъ, что нѣтъ ничего, что̀ могло бы доказать существованіе высшаго свободнаго существа (la providence individuelle, comme on l'entendait autrefois, n'a jamais été prouvée par un fait caractéristique) [2]). Наконецъ, понятіе *Божества* онъ замѣняетъ

[1]) Souvenirs, стр. 374.

[2]) «Souvenirs», стр. 372.

понятіемъ *божественнаго*, и это свое воззрѣніе выдаетъ за взглядъ Христа [1]).

«*Высокое понятіе Божества* (или une haute notion de la divinité, которымъ онъ не былъ обязанъ іудейству, и которое является, повидимому созданіемъ (une création) его великой души, было, такъ сказать, ядромъ (le germe) всего Его существа.. Въ настоящее время *деизмъ* и *пантеизмъ* составляютъ оба полюса теологіи. Жалкія умствованія схоластики, сухой умъ Декарта, глубокое безвѣріе XVIII столѣтія умалили Бога, унизили его... въ новѣйшемъ раціонализмѣ они убили всякое живое сознаніе бытія Божія... Если Богъ имѣетъ объективное существованіе внѣ насъ, то всякій человѣкъ, представляющій себѣ возможнымъ личное общеніе съ Богомъ, есть *духовидецъ*; а такъ какъ естественныя науки учатъ, что *всякое сверхчувственное видѣніе есть иллюзія*, то поэтому логически является невозможнымъ понять вѣру прошлыхъ вѣковъ... Были ли люди, имѣвшіе высшее представленіе о Божествѣ,—Сакіа-Муни, Платонъ, Францискъ Ассизскій, Августинъ — деисты или пантеисты? Подобный вопросъ не имѣетъ смысла. Физическія и метафизическія доказательства бытія Божія были бы совершенно неубѣдительны для этихъ великихъ людей. *Они чувствовали божественное въ себѣ самихъ*».

Ясно, что подобныя воззрѣнія граничатъ съ пантеизмомъ и ведутъ къ крайнему субъективизму.

Если Богъ не есть болѣе цѣль религіознаго исканія, объективно существующее лицо, къ которому вѣрующіе могутъ обращаться, значитъ, Онъ есть не что иное, какъ продуктъ нашего собственнаго сознанія, исключительно намъ самимъ присущее понятіе [2]). Едва ли возможно выразить это яснѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ренанъ въ своей рѣчи въ Гаагѣ на торжествѣ по случаю 200-лѣтія со дня смерти Спинозы: «Пока въ человѣческихъ сердцахъ бьются фибры, отзывающіеся на все истинное, справедливое и честное, пока невинно-чистая душа не отдастъ своей чистоты за самую жизнь, пока у истины найдутся друзья, чтобы пожертвовать своимъ покоемъ знанію, друзья добра, чтобы посвятить себя полезнымъ и святымъ подвигамъ милосердія, женскія сердца, чтобы любить все доброе, прекрасное и чистое, художники, чтобы въ звукахъ, краскахъ передавать вдохновенныя слова—до тѣхъ поръ, милостивые государи, *Богъ будетъ жить въ насъ*. Только въ тотъ день, когда эгоизмъ, пошлость, безсердечіе, равнодушіе къ знанію, презрѣніе человѣческихъ правъ, забвеніе всего великаго и благород-

---

[1]) Vie de «Jésus», 15 изд. стр. 77, въ 12-ти первыхъ стр. 74.

[2]) Интересно сравнить эту мысль Ренана съ нѣкоторыми положеніями Ричля «Вещь сама по себѣ чисто формальное понятіе безъ всякаго содержанія». «Theologie und Metaphysik», стр. 20, во 2 изд. Ср. «Rechtfertigung und Versöhnungen» III стр. 21. Превосходное возраженіе O. Flügel'я Ричлю могутъ быть примѣнены и къ Ренану («A. Ritschls philosophische und theologische Ansichten», 2 изд. стр. 29 и слѣд.).

наго овладѣютъ міромъ—въ тотъ день не будетъ болѣе Бога среди человѣчества. Но прочь отъ насъ такія мысли! Наши порывы, наши страданія, даже самыя наши ошибки и сумасбродства являются доказательствомъ живущаго въ насъ идеала. Да, есть еще въ жизни божественное начало! *Богъ еще живетъ въ насъ*, мм. гг., Богъ живетъ въ насъ! Est Deus in nobis!»

И несмотря на все это, Ренанъ увѣряетъ, что онъ не имѣлъ въ виду опровергнуть религію. Онъ ясно это выразилъ во введеніи къ появившемуся 20 лѣтъ тому назадъ популярному изданію «Жизни Іисуса».

«Я не стану въ двадцатый разъ опровергать упрекъ въ томъ, что я приношу вредъ религіи. Я думаю, что я служу ей... Народъ по своему религіозенъ». Такъ же высказывается онъ и въ вышеприведенной рѣчи въ Гаагѣ: «Да, религія вѣчна. Она отвѣчаетъ первой потребности какъ первобытнаго, такъ и культурнаго человѣка. Она можетъ исчезнуть только вмѣстѣ съ самимъ человѣчествомъ, или, скорѣе, ея исчезновеніе указало бы на возвращеніе выродившагося человѣчества къ тому низшему состоянію, изъ какого оно вышло. Но при всемъ этомъ, никакая догма, никакой культъ, никакая формула вѣры не могутъ въ наши дни вполнѣ удовлетворить религіозному чувству. Въ настоящее время слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующіе два, на видъ противорѣчивыхъ положенія: Горе тому, кто утверждаетъ, что время религіи миновало! Но горе также и тому, кто воображаетъ, будто можно старымъ формуламъ вѣры сообщить ту силу, какую онѣ имѣли когда опирались на непоколебленный еще догматизмъ».

Трудно объяснить, какимъ образомъ такія торжественныя утвержденія вяжутся съ присущимъ Ренану субъективнымъ скептицизмомъ; для меня, по крайней мѣрѣ, мало сказать, что въ лицѣ великаго ученаго мы имѣемъ соединеніе Вольтера со Спинозой. Вопросъ остается попрежнему: какъ возможно въ одномъ и томъ же умѣ соединеніе такихъ противорѣчивыхъ воззрѣній?

На мой взглядъ, это объясняется исключительно теоріей Ренана объ эстетически-религіозныхъ истинахъ, которую я изложилъ при описаніи метода нашего писателя. Подобно тому, какъ можно разсказать религіозную легенду, не вѣря въ ея достовѣрность, подобно тому, какъ намъ доставляетъ наслажденіе изящное стихотвореніе или прекрасная музыка, такимъ же точно образомъ можно доставить себѣ «удовольствіе религіознаго чувства», не вѣря въ объективную реальность религіознаго объекта. Это мистическое углубленіе въ чувственную сторону религіи было единственное, что осталось у Ренана отъ глубокой вѣры его юности: оно замѣнило ему всю полноту навсегда утраченной имъ религіи его отцовъ.

Во всякомъ случаѣ, затруднительно представить себѣ подобное душевное состояніе. Но если принять во вниманіе, какъ современные

теологи, которые называютъ себя еще и философами, основываютъ всю христіанскую догматику, т.-е. научную теологію, исключительно на относительномъ сужденіи (Werturteilen), тогда возможность подобнаго метода мышленія станетъ до извѣстной степени понятной.

Но само собой разумѣется, что подобная эстетическая точка зрѣнія не можетъ имѣть никакого научно-философскаго значенія.

Тѣ же колебанія, что въ ученіи о Богѣ, можно замѣтить и въ сужденіяхъ Ренана о человѣческой *свободѣ*. И въ этомъ случаѣ легко можно указать противорѣчивыя положенія. Въ послѣдній періодъ своей жизни Ренанъ, повидимому, все болѣе склоняется къ детерминизму Спинозы, и тѣмъ не менѣе онъ дѣйствуетъ такъ, какъ если бы онъ признавалъ свободную волю, и тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ молодежи о значеніи человѣческой свободы.

Мы видѣли, какъ Ренанъ уже во время религіознаго кризиса, который привелъ его отъ догматизма къ критическому взгляду на религію, жаловался на «ничтожную долю свободы», разрушающую человѣческое счастіе. «Моя философія, — пишетъ онъ позднѣе въ своихъ «Воспоминаніяхъ дѣтства» (стр. 372),—не можетъ признать дѣйствія особой воли въ управленіи міромъ»... «Мы можемъ разрушать планы Провидѣнія... мы почти безсильны, когда дѣло идетъ объ исполненіи его цѣлей. Quid habes, quod non accepisti?» [1]). Въ другой главѣ Ренанъ, бросая взглядъ на свои юношескіе годы, восклицаетъ: «Судьба еще ребенкомъ приковала меня къ моему призванію... Когда я оставилъ Бретань, моя жизнь была уже начертана... я былъ *предназначенъ* къ тому, что я теперь изъ себя представляю» [2]). Итакъ, нелогичный детерминизмъ завершилъ философію Ренана.

Въ сочиненіяхъ Ренана къ этой оптимистически-детерминистской философіи присоединяется *аристократическая мораль* ученика Горація. Не нужно переходить мѣру, не нужно наслаждаться слишкомъ долго или слишкомъ часто, потому что всякое излишество, всякое продолжительное наслажденіе скоро исчерпываетъ источникъ удовольствія. На міръ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на «восхитительную прогулку» [3]), какъ на интересное зрѣлище: «міръ есть адская или божественная комедія, своеобразный хороводъ, въ которомъ передъ глазами зрителя добро и зло, отвратительное и прекрасное смѣняютъ другъ друга...» [4]). Истинный философъ постарается помнить только о пріятныхъ ощущеніяхъ и съ помощью предусмотрительности и мудрости оградить себя отъ непріятныхъ. «Страданіе унижаетъ, обезличиваетъ человѣка, за-

---

[1]) Что у тебя есть, чего бы ты не получилъ извнѣ?

[2]) «Souvenir d'Enfance», стр. 73.

[3]) Ibidem, стр. 378.

[4]) «Vie de Jésus». Введеніе къ 13-му изд., стр. 21 — 22; этого мѣста нѣтъ въ 12-ти первыхъ изданіяхъ.

ставляетъ его роптать (la douleur abaisse, humilie, porte à blasphémer)» [1]). Любовью и смѣлостью можно всегда изъ дурного сдѣлать хорошее и изъ ничтожнаго—великое. «Ахъ, мм. гг., какъ прекрасенъ человѣкъ!» Но куда же дѣвался грѣхъ? «Грѣхъ,—ахъ Боже мой, я думаю его отвергнуть». «Что могутъ значить мелкія пятна, которыя можно замѣтить на бѣлоснѣжной одеждѣ человѣчества?» [2]). Если мы хотимъ имѣть правильное сужденіе о человѣчествѣ, мы должны принять въ разсчетъ тысячу стремленій, тысячу неустанныхъ попытокъ осуществить истину, добро, красоту. Только суровый умъ можетъ жаловаться на непостоянство всего земного; правда, все суета, какъ говоритъ пророкъ; но эта суета сладостна и пріятна, не нужно только цѣнить ее слишкомъ высоко.

Каждому очевидно, что такая мораль не имѣетъ никакого практическаго значенія. Ей недостаетъ побудительной силы кантовскаго категорическаго императива. Она не можетъ имѣть воспитательнаго значенія для человѣчества. Она никогда не дастъ необходимаго утѣшенія народу. Но что за дѣло до всего этого автору? Онъ раздѣлилъ, какъ кажется, людей на двѣ главныя категоріи: на мудрецовъ и всѣхъ остальныхъ. Онъ пишетъ для первыхъ. Остальные для него безразличны: какое до нихъ дѣло философамъ? Они не могутъ задержать развитія человѣчества.

Мы видимъ въ воззрѣніяхъ Ренана постоянныя противорѣчія; тѣ же противорѣчія мы отмѣтили въ самомъ характерѣ знаменитаго писателя.

Все его міросозерцаніе есть міросозерцаніе переходнаго періода. Его дѣло было *возбудить извѣстные вопросы*. Онъ много *разрушалъ* и очень мало создалъ положительнаго.

Въ этомъ, быть можетъ, скрывается причина его громаднаго, но быстро ослабѣвающаго вліянія. Это даетъ право его искреннимъ, но самостоятельнымъ послѣдователямъ попытаться стать выше дилеттантства своего учителя.

---

[1]) «Souvenirs», стр, 376.

[2]) См. интересную статью Rod, откуда я заимствовалъ нѣсколько замѣчаній: Les idées morales, стр. 29—31.

ПРЕДѢЛЪ СКОРБИ.

(Повѣсть изъ жизни прокаженныхъ).

Вацлава Сѣрошевскаго.

Съ польскаго. Переводъ автора

I.

На дальнемъ сѣверѣ есть глухія, таинственныя мѣста, о которыхъ туземцы говорятъ неохотно, на вопросы отвѣчаютъ уклончиво.

— Кто тамъ былъ? Туда развѣ вѣтеръ залетаетъ или перелетныя птицы садятся! Тамъ все вода!—говорятъ они.

Дѣйствительно, тамъ все вода. Тамъ царство озеръ.

Вездѣ мерцаютъ ихъ блѣдные, блестящіе лики, а надъ ними виситъ небо блѣдное отъ ихъ отраженій. Среди голубыхъ пространствъ причудливо вьются жилы болотистой, размокшей земли, кое-гдѣ выростаютъ лѣса и кустарники, рѣдкіе, точно ворсинки на щупальцахъ морскихъ чудовищъ. Только тамъ, гдѣ чуть подымаются небольшіе бугры, являются болѣе крупныя и здоровыя деревья. Кое-гдѣ небольшая рѣчушка соединяетъ два водоема и своимъ журчаніемъ нарушаетъ однообразіе стоячихъ водъ. Глазъ теряется въ жемчужныхъ, бѣлесыхъ даляхъ, гдѣ чернѣютъ слабо намѣченные темные острова, полуостровки и сизые далекіе мысы тщедушныхъ береговъ.

Страна эта—владѣніе безпредѣльной печали!

Печаль эту создаетъ, конечно, не обиліе воды, а характеръ ея береговъ. Воды тамошнія поражаютъ не въ бурю, когда ходятъ по нимъ крупныя волны, не въ ясныя дни, когда ихъ тихо уснувшія зеркала нѣжно ласкаетъ солнце, и онѣ жадно слѣдятъ за бѣгущими надъ ними облаками; не въ лунную ночь, когда свѣтъ мѣсяца кладетъ на нихъ дрожащую дорожку и тысячи звѣздъ проникаютъ лучами въ ихъ черную глубь,—воды здѣшнія больше всего трогаютъ своимъ видомъ въ обычные, сѣрые, слегка вѣтренные дни, когда, разбитыя на мелкую, пологую рябь онѣ съ мягкимъ шумомъ ласкаютъ окружающія ихъ противныя болота. Нѣтъ у нихъ красивыхъ береговъ, нѣтъ утесовъ, обрывовъ, нѣтъ скалъ и гранитовъ. И онѣ кажутся благодарными даже

этимъ отбросамъ земли, словно понимаютъ, что еслибъ ихъ не стало, лазоревые водоемы опорожнились бы, потекли бы въ океанъ, для всѣхъ одинаково горкій и равнодушный. И онѣ жмутся къ болотамъ, вбирая ихъ муть, плещутся въ грязныхъ, измятыхъ мхахъ. Мертвенно-сѣрая гладь водъ ничего тогда не отражаетъ. Сѣть некрасивыхъ морщинъ и ржавой пѣны плыветъ по нимъ съ вѣтромъ и только въ говорѣ волнъ слышится безутѣшная грусть.

Такъ живутъ тамошнія озера.

Зимою все умираетъ, все исчезаетъ подъ толстыми покровами льда и снѣга; все превращается въ молчаливую, бѣло-мраморную усыпальницу, накрытую студенымъ небомъ. Рѣдкіе, заиндѣвѣлые лѣса точно паутина чуть отмѣчаютъ на снѣгахъ свой кружевной узоръ; густой, неподвижный воздухъ давитъ все съ силой твердаго хрусталя. Солнце всходитъ безъ блеска и сейчасъ же закатывается. Длинныя ночи—внизу мрачныя и туманныя, вверху сіяютъ фосфорическимъ блескомъ. Эти ночи царятъ тогда надъ землею. Ничто не нарушаетъ глубокой тишины, развѣ гулъ трескающейся отъ холода почвы, подобно грому, прокатится судорожно по окрестностямъ—и больше ни звука. Тихо, слышно, какъ шелестятъ летящія къ землѣ звѣздочки инея, и холодно,—такъ холодно, что путникъ почти радъ безлюдію, радъ, что никто кромѣ него не страдаетъ отъ этой невыносимой стужи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ зимы, необычное для этой мѣстности явленіе нарушило спокойствіе пустыни. Нарта, запряженная парой оленей, и два человѣка сплошь зашитые въ мѣха, пробирались съ большимъ скрипомъ и сопѣніемъ по обледенѣлому пространству. Люди вязли нерѣдко по колѣни въ сугробахъ снѣга, паръ ихъ дыханія съ шипѣніемъ вылеталъ изъ-подъ мѣховыхъ капоровъ. Онъ соединялся съ паромъ, окружающимъ вспотѣвшихъ оленей, и образовалъ кругомъ каравана бѣлое облако, которое осѣдало въ видѣ чешуекъ снѣга на одеждѣ и упряжи, таяло за ними въ воздухѣ, подобно струямъ бѣлаго дыма. Мужчина шелъ впереди съ возжей въ рукахъ, упираясь въ снѣгъ длиннымъ, какъ посохъ, прутомъ. По временамъ онъ внимательно осматривалъ лѣсъ или вглядывался въ даль, гдѣ бѣлизна озеръ сливалась съ блѣднымъ небомъ. Женщина плелась за нимъ, не обращая ни на что вниманія. Ошейникъ изъ бѣличихъ хвостовъ совершенно закрывалъ ей глаза и лицо. Она руководилась въ движеніяхъ исключительно слухомъ, рѣзкими звуками движущейся впереди ея нарты. Когда вдругъ олени остановились, она немедленно сдернула мѣховое покрывало и взглянула вопросительно на провожатаго. Свернутые въ сторону олени стояли поперегъ дороги. Вожатый съ открытымъ лицомъ, красный и испуганный, указывалъ прутомъ на прогалину въ кустахъ.

— Прошелъ... Видишь?!—шепталъ онъ.

Женщина поспѣшно вытерла ладонью обледенѣлыя рѣсницы.

На снѣгу тутъ же впереди былъ протоптанъ свѣжій человѣческій слѣдъ. Онъ шелъ изъ лѣсу и направлялся тропой, которой ѣхали они.

— Должно быть уже близко! Подожди, крикну!—замѣтилъ мужчина и сталъ хрипло голосить:

— Аху!.. ху... гуу!

Женщина нѣсколько погодя, присоединила къ его зову свой слабый голосъ. Оба путника принадлежали къ мѣстному якутскому племени.

— Уху!.. ху!.. Гууу!..

Послѣ нѣсколькихъ возгласовъ они умолкли и прислушались. Но въ неподвижномъ воздухѣ, въ которомъ только что голоса ихъ гудѣли подобно набату, царила тяжелая тишина.

— Должно быть не здѣсь!.. Или, можетъ быть, померли!?—сказалъ мужчина.

— Нѣтъ, Петручанъ! *Они* долго живутъ!..—отвѣтила дрожащимъ голосомъ женщина.—Поѣзжай дальше!

Петручанъ подозрительно взглянулъ на дорогу и заколебался, затѣмъ схватилъ оленей и повелъ, стараясь держаться возможно дальше отъ таинственныхъ слѣдовъ. Женщина уже не закрывала лица, хотя жестокій морозъ больно щипалъ ей щеки, лобъ и носъ. Ея черные тусклые глаза грустно глядѣли на слѣды, возбуждающіе такой ужасъ въ ея товарищѣ. Сердце ея билось учащенно, спертое, неровное дыханіе мѣшало идти.

— Господи!.. Даже этотъ уродъ боится!..

Они прошли еще нѣсколько сотъ шаговъ. Опять Петручанъ остановилъ оленей. На этотъ разъ онъ сдѣлалъ это до того стремительно, что животныя задними ногами повскакивали на тальниковыя облучки нартъ. Самъ якутъ высоко подпрыгнулъ, поднялъ вверхъ руки, поджалъ колѣни, какъ будто порывался улетѣть немедленно отъ замѣченнаго на дорогѣ предмета. Мѣховое покрывало его капора совсѣмъ отстегнулось и изъ мѣховой оторочки выглянуло противное лицо—плоское, прыщеватое, съ провалившимся носомъ и маленькими гноящимися глазками. Якутъ былъ смертельно блѣденъ, крупныя капли пота выступили на его верхней губѣ.

— Анка!.. Смотри... Видѣла?!.. Кровь...—шепталъ онъ упавшимъ голосомъ.—Нѣтъ, дальше не поѣду! Ни за что не поѣду... Пусть лопнутъ глаза мои, если поѣду... Кровь...

Дѣйствительно, тотъ, кто до нихъ прошелъ здѣсь, истекалъ кровью. Она образовала вдоль слѣдовъ ровную нить большихъ и мелкихъ алыхъ крапинокъ съ желтымъ ободкомъ. Анка съ ужасомъ глядѣла на эти знаки страданія.

— Мужчина или женщина?—спросила она.

Петручанъ заглянулъ внутрь одного изъ ножныхъ отпечатковъ.

— Кто его знаетъ? Кажись, женщина...

— Голубчикъ, милый Петручанъ, поѣзжай еще немного. Крикнемъ сначала, а затѣмъ поѣдемъ. Хорошо?

— Крикнуть—крикну, но не поѣду. Зачѣмъ я долженъ пропадать? *Они* нуждаются, *они* должны искать. Мы оставимъ здѣсь вещи и пищу. Пусть они придутъ, пусть возьмутъ! На морозѣ ничего не сдѣлается клади. Никто ничего у нихъ не тронетъ... Развѣ лисица...

Онъ задумался на мгновеніе, но скоро вернулся къ прежнему рѣшенію.

— Нѣтъ, не поѣду... ни за что не поѣду! Скажу обществу, что кровь была. Нѣтъ такого закона, чтобы ходить людямъ, гдѣ кровь прокаженныхъ. Вѣдь отъ одного ихъ вида, сказываютъ, захворать можно... *Госпожа* *) не шутитъ!

— Тогда я никого не увижу!—вскрикнула Анка.

— И лучше!.. Зачѣмъ тебѣ? *Онъ* все равно, что умеръ. Ты теперь на меня смотрѣть должна. У меня, правда, нога мало-мало не хватаетъ, но у него вѣрно совсѣмъ нѣтъ на лицѣ тѣла, однѣ кости...

— Петручанъ, Петручанъ, ты обѣщалъ!.. Одинъ разъ... единственный разъ!.. Когда увижу *его* безъ тѣла на лицѣ, то, можетъ быть, забуду его!.. Перестанетъ *онъ* во снѣ мучить меня, ходить ко мнѣ... Вѣдь шаманъ говорилъ, что лучше всего посмотрѣть!.. Я хочу успокоиться, жить какъ другіе люди... Тогда я, можетъ быть, привыкну и... и тебя полюблю...

Петручанъ отрицательно трясъ головою.

— Крикнуть—крикну, а не поѣду... Нѣтъ такого закона, чтобы ѣздить. Всякому жизнь дорога! Еслибъ не кровь, поѣхалъ бы... да—кровь! Отъ одного запаха человѣкъ захворать можетъ... Тогда ты не пошла бы за мною туда... ой нѣтъ... не ври!.. Уху... гу... гу... оха!

Они прокричали нѣсколько разъ изо всей мочи и, сдвинувъ съ ушей капоры, ждали, не отзовется ли кто. Спустя немного изъ-за кружева бѣлыхъ лѣсовъ, изъ морознаго тумана долетѣли къ нимъ жалобные звуки, похожіе на вой голодныхъ собакъ...

— Слышишь, есть!.. Зовутъ!..—вскрикнула Анка и бросилась бѣжать. Петручанъ поймалъ ее за рукавъ.

— Куда? Съ ума ты сошла?.! Чуть было не наступила на кровь...

— Пусти... пусти... Я сейчасъ... я издали. Только взгляну... Ты останься здѣсь... Вернись... сейчасъ...

Она вырвалась у него изъ рукъ и побѣжала по сугробамъ снѣга. Капоръ совсѣмъ сдвинулся у ней на затылокъ и лютый морозъ жегъ открытое лицо; густой, насыщенный снѣговой пылью воздухъ хлынулъ ей широко въ открытый отъ волненія ротъ. Минутами ей казалось, что она упадетъ, что земля куда-то далеко уходитъ изъ-подъ ея ногъ.

Тѣмъ не менѣе она все бѣжала, толкаемая невѣдомой ей силой. Сердце ея судорожно сжималось и болѣло, глаза ничего не видѣли, уши не слышали, она не замѣчала, что Петручанъ бѣжитъ слѣдомъ

*) Проказа, по образному выраженію якутовъ.

вмѣстѣ съ оленями и нартой. Наконецъ, она увидѣла вдали юрту, до верху заметенную заносами снѣга, а передъ ней нѣсколько черныхъ человѣческихъ фигуръ. Онѣ вдругъ разомъ стали на колѣни и протянули къ ней руки. Впереди стоялъ ея мужъ.

Она окончательно забыла обо всемъ и бросилась къ нему.

— Анка!.. Да что ты!?. Постой!.. Остановись! Сумашедшая баба, что ты дѣлаешь?.. Подожди, подумай...—останавливалъ ее Петручанъ, тщетно стараясь нагнать.

Чѣмъ ближе слышала она за собою его погоню, тѣмъ быстрѣе бѣжала. Ея приближеніе, въ свою очередь, вызвало переполохъ въ кучкѣ несчастныхъ. Первая шарахнулась въ испугѣ маленькая, почти голая дѣвочка; за ней попятился исхудалый кощей съ длинными волосами и движеніями тунгузскаго охотника, далѣе живой скелетъ, лицо котораго представляло сплошную язву, поднялся съ колѣнъ... Только *онъ* оставался неподвиженъ и хотя глядѣлъ на нее, но, казалось, не видѣлъ. У него, она сейчасъ же замѣтила, было все то же доброе, немного сонное лицо и тѣ же грустные глаза.

Анка подскочила къ нему и схватила его за руку.

— Ты... живъ... дышишь, Грегорéй?! И лицо у тебя есть... Они налгали... И губы есть... все какъ раньше... Я знала... Я останусь... я не хочу... Кикъ они мучили меня... прогоняли... Точно я была прокаженная... Всѣ... всѣ... Безносый и тотъ... Петручанъ... нѣтъ... нѣтъ!.. —бормотала она безсвязно.

— И ты значитъ заболѣла?!.—прохрипѣлъ живой скелетъ, касаясь ея плеча.

Анка оглянулась и въ ужасѣ шарахнулась прочь отъ протянутой къ ней безъ пальцевъ руки. Она замѣтила чудовищное лицо, на которомъ блестѣли оскаленные зубы, и сознаніе быстро вернулось къ ней.

— Зачѣмъ ты меня трогалъ? Ты знаешь, что нельзя! Я здоровая!.. Что случилось?!.

Мертвецъ разсмѣялся. Въ то же время худая, высокая женщина, лучше другихъ одѣтая, которая до сихъ поръ угрюмо наблюдала изъ дверей, выскочила неожиданно изъ юрты и промчалась мимо Анки.

— Стой!.. Куда?!. Не смѣй!.. Раньше вещи оставь!.. Я знаю, общество послало... Оставь или я вымажу кровью всю твою безносую морду... проклятый воръ!..—кричала она.

Всѣ оглянулись за ней. Петручанъ, который уже поворотилъ нарту въ обратный путь, заколебался, затѣмъ поспѣшно сталъ сбрасывать съ саней кладь, мѣшки, посуду, постель. Опорожнивъ нарту, онъ пригнулъ на нее и ускакалъ во всю прыть. Женщина и не думала гнаться за нимъ; она засмѣялась, наклонилась надъ брошеннымъ «добромъ» и принялась рыться въ немъ. Тамъ было много больше того, что послало «общество», такъ какъ Петручанъ въ испугѣ сбросилъ не только Анки, но и свои собственныя вещи. Прокаженные собрались кругомъ «богатствъ», раз-

сматривали ихъ, дѣлили и дѣлали по поводу нихъ замѣчанія. На ихъ озвѣрѣлыхъ, истрадавшихся лицахъ засіяли неожиданно мягкіе, человѣческіе проблески.

— А все-таки помнятъ! Есть еще на свѣтѣ добрые люди—якуты...— проговорилъ длинноволосый мужчина съ ухватками тунгуза.—Да да!.. Даже, о тебѣ, Бытерхай, вспомнили!.. Смотри, какую послали тебѣ рубаху?.. Совсѣмъ хорошую послали рубаху...—добавилъ онъ, поднимая на воздухъ небольшую ситцевую рубашенку.

Маленькая, подвижная какъ обезьянка, дѣвочка подбѣжала къ нему.

— Отдай!.. Мое!..— вскрикнула вдругъ высокая женщина и выхватила платье изъ рукъ мужчины.

— Откуда ты знаешь, что твое? Развѣ тамъ написано?!. Вѣдь не родить тебѣ сразу такого большого, какъ эта рубашка, дитяти!..—отвѣтилъ онъ ей съ кривой усмѣшкой.

Женщина гнѣвно взглянула на него, но не выпустила своей добычи изъ тонкихъ хищныхъ пальцевъ.

II.

Красный свѣтъ горѣвшаго на очагѣ огня неровными вспышками освѣщалъ темную, убогую внутренность юрты. Фигуры больныхъ, столпившихся кругомъ шестка, отбрасывали на косыя стѣны юрты большія уродливыя тѣни. Люди отъ скуки собрались всѣ вмѣстѣ наблюдать за варкой ужина. Въ большомъ желѣзномъ котлѣ, подвѣшенномъ надъ пламенемъ, тихо пузырилась и вскипала вода. Ея обѣщающее шипѣніе вызвало изъ дальнихъ угловъ даже Салбана и Кутуяхсытъ.

— Еще шевелитесь вы, проклятые гнилушки! Смерть найти васъ не можетъ... или не хочетъ? Кто ее знаетъ? Только ѣду зря изводите...— насмѣхалась надъ ними высокая женщина, та самая, что раньше присвоила себѣ рубашку Бытерхай.

— Не грѣши, Мергень... замолчи!.. Найдетъ она и тебя...

— Пусть находитъ!.. Не боюсь я ея... Не сладко жить среди васъ...

— Намучитъ она тебя... не проститъ, не бось!.. Руки, ноги объѣстъ.. Перестанешь другихъ обижать... покоришься... не бось!..—простонала Кутуяхсытъ.

— Раньше того умру, ждать не стану,—отрѣзала Мергень.

— Спѣсива ты больно!.. Не хорошо! Ей! Пожалуй, что раньше человѣческое сердце тебѣ понадобится, — вставилъ длинноволосый мужчина, котораго изъ-за неуклюжихъ движеній и медленной рѣчи, прозвали въ насмѣшку еще «на міру» Теченіемъ. Онъ знаменательно взглянулъ на необычайно толстую талію женщины. Та покраснѣла, гнѣвно сверкнула глазами, но не отвѣтила. Ея вниманіе поглощено было всецѣло уловленіемъ шопота, который долеталъ съ дальняго, утопавшаго во мракѣ конца избы.

— ...Негдѣ было дѣться!.. Когда увезли тебя, братъ сейчасъ же забралъ скотъ, а меня выгналъ. Говорилъ, что если ты, то и я должна заболѣть, что онъ боится. Другіе тоже бояться стали. Если кто и принялъ, то не на долго, на день, на два... Самую что ни на есть худшую работу заставляли меня дѣлать, въ худшемъ углу спать приказывали, съ особой посуды ѣсть... Я хозяйка, я госпожа—съ собаками, случалось, ѣдала... Мѣста на землѣ для меня не находилось... Тѣ, что раньше не разъ пользовались отъ нашихъ щедротъ, стали поносить меня хуже своей обуви... Богачъ Семенъ дольше другихъ держалъ меня въ коровницахъ. Не кормилъ, не одѣвалъ, но не гналъ—и за это спасибо... Работала я у него, а жила подаяніемъ, побираючись. Но и Семенъ прогналъ меня, тогда я подала жалобу въ судъ на брата за отнятый скотъ... «Не нуждаюсь въ гордячкахъ-работницахъ, сказалъ онъ, Сосѣди возненавидятъ меня за нихъ!» И вотъ я очутилась безъ угла, безъ крова надъ головой!.. Братъ все мутилъ, разспускалъ сплетни, разсказывалъ небылицы, говорилъ, что ты черезъ меня захворалъ, что онъ, братъ твой, будетъ кормить тебя вѣчно, что ты съ нимъ сдѣлалъ уговоръ... доказывалъ, что уже выслалъ тебѣ много. Наконецъ, общественное собраніе собралось, уважило мои слезы и присудило отдать мнѣ половину... Онъ сказалъ, что пошлетъ эту половину прямо тебѣ, что онъ уже послалъ... Развѣ онъ послалъ тебѣ что-нибудь? Насилу добилась, что далъ мнѣ нѣсколько штукъ!

Грегорій молчалъ.

— Я знала, что онъ все вретъ, но что могла подѣлать я... Отъ васъ вѣдь дыханіе на тотъ свѣтъ не проходитъ! А онъ доказывалъ и общество соглашалось, что я одна безъ мужика не управлюсь, что скотъ пропадетъ... И приказали общественники, чтобы братъ взялъ половину и тебя кормилъ...

— Какже! Жди!..—проворчалъ Грегорей —А куды дѣлся твой скотъ? Вѣдь половину, говоришь, отдали?!

— Безъ земли, безъ работника, безъ сѣна, что могла подѣлать, я, одинокая женщина?!. Петручанъ пріютилъ меня...

Анка умолкла; грудь ея тяжело подымалась.

— Этотъ безносый...

— Этотъ... Противный, дурной...

— Онъ любилъ тебя?

Женщина продолжала волноваться; слезы тихо струились по ея щекамъ.

— Дѣться было негдѣ!.. Смерть ходила за мной...Все опротивѣло... Грусть, тоска точно тѣни всюду вились за мной... Я никакъ не могла забыть тебя... Не могла забыть, какъ познакомились мы!.. Слезы наполнили мои внутренности... Я желала во что бы то ни стало еще разъ увидѣть тебя... хоть издали, хоть на мгновеніе... Случилось иначе... Я не жалѣю... я съ тобою... Вездѣ умирать надо и смерть вездѣ оди-

накова... Ты долго еще можешь прожить здоровый и мы можемъ еще натѣшиться съ собою... А тамъ—умремъ вмѣстѣ... Все равно я не могла забыть тебя, тоска сосала мое сердце и толкала мои ноги къ тебѣ...

— Какже!.. Вѣрь ей!..—прошипѣла неожиданно Мергень. — Кто сюда, въ нашъ адъ, охотой придетъ?! Заболѣла она и люди прогнали ее!.. Только я, я одна среди васъ здорова-здоровехонька гибну... Помните вы—я сейчасъ, какъ пришла, въ самомъ началѣ показывала вамъ мое тѣло свѣжее, молодое, безъ пятнышка, безъ прыщика... Помните вы... За что, проклятые, страдаю я съ вами? Опорочили вы меня вашимъ дыханіемъ, осквернили кровью вашей!.. Закрытъ для меня міръ!.. Да поглотитъ васъ за то жгучій огонь раньше предѣла жизни!.. Пусть громъ бьетъ непрерывно въ язвы ваши!...

— Изъ-за чего ты опять взбѣсилась, Мергень!? — простоналъ Салбанъ.—Развѣ мы затащили тебя сюда?.. Вѣдь собственный твой мужъ привезъ тебя къ намъ и связанную бросилъ... Еслибъ мы тогда не нашли и не развязали тебя, комары бы тебя съѣли или съ голоду ты погибла бы...

— Пусть бы тогда погибла я лучше, чѣмъ такъ... ходить безъ души!

— Всѣ вѣдь мы только тѣни людей!—вздохнулъ «Теченіе».

— Да зачѣмъ эта сюда пришла добровольно? Зачѣмъ?! Обижать насъ, объѣдать насъ?! Снимемъ-те съ нея мы, прокаженные, одежду, вымажемъ ее сокомъ своимъ, пусть, поскорѣе узнаетъ муки наши,— кричала выходя изъ себя женщина. Она вскочила съ своего мѣста и направилась къ супругамъ. Присутствующіе видимо оробѣли. Анка, блѣдная, дрожащая, обхватила руками свое платье. Мергень остановилась передъ ней и разсмѣялась.

— Что? боишься?! Вотъ я какая! Помни... Не разъ, вѣрно, ты слышала обо мнѣ отъ якутовъ... Слышала?.. Такъ вотъ помни!..

— Слышала,—шепнула Анка.—Я знаю, что тебя обидѣли люди и что ты мстишь имъ, разносишь заразу...

— Нѣтъ!.. Погоди! Придетъ время... Теперь я еще, слава Богу, здорова!.. Да, обидѣли меня они, обидѣли!.. Ухъ, какъ обидѣли!.. Вѣдь и я была добра, тиха и всё у меня было...

— Выкипитъ!.. Смотрите готово, бѣжитъ!..—воскликнула Бытерхай и показала рукою на котелъ.

Общее вниманіе направилось въ эту сторону и женщины занялись приготовленіемъ къ ужину. Вскорѣ больные размѣстились у стола кругомъ большой деревянной чашки и стали оттуда по очереди черпать похлебку. Только Салбанъ и Кутуяхсытъ ѣли особо изъ маленькихъ чашекъ; ихъ израненныя губы не выносили горячей пищи и мѣшали имъ поспѣвать за другими.

— Дай Богъ здоровья Петручану, что пріѣхалъ! Опять пришлось бы намъ голодать!.. Вчера съѣли послѣднюю рыбицу,—сказалъ Теченіе, тщательно облизывая ложку.

— Не вижу, чѣмъ онъ лучше другихъ? Общество послало... Поѣхалъ онъ, потому что его заставили... Очередь!—замѣтилъ нехотя Грегорѣй.

— Скажи, жена твоя?..—вставила Мергень и сердито взглянула на Анку.

— Ты ее не слушай, Анка, а разскажи лучше, что новаго на свѣтѣ?—обратился къ ней Салбанъ.

Начались подробные разспросы и разсказы о рыбной ловлѣ, о неурожаѣ сѣна, о голодѣ, угрожающемъ весною общинѣ. Прокаженные слушали напряженно; все это близко касалось и ихъ. Дальше пошли болѣе частныя сообщенія о знакомыхъ, о родныхъ, кто женился, кто умеръ, у кого родилась дочь, сынъ.

— Муччилла женился. Взялъ женщину худую, черную, а далъ за нее десять штукъ скота...

— Кому же далъ, вѣдь она сирота?

— Князю далъ. Извѣстно—у всякой женщины есть цѣна и калымъ... Нельзя!.. Только много далъ!..

— Вотъ видишь, Грегорѣй! Мужикамъ всё въ пользу! Даже среди прокаженныхъ имъ барышъ!.. За женщинъ не платятъ, даромъ пользуются...—разсмѣялась Мергень.

Анка пристально взглянула на нее, она уже поднялась, чтобы собрать и помыть посуду. Она грубо выхватила чашку изъ рукъ Бытерхай, которая прилежно вылизывала ее, гдѣ только могла достать языкомъ.

— Посуду продырявишь, обжора! Давай!..

Ребенокъ съёжился и протянулъ впередъ свои худыя, какъ плети ручонки, болѣзненно согнувшіяся подъ тяжестью чашки.

Изъ новостей высшаго порядка самое большое впечатлѣніе произвелъ разсказъ «о барынѣ, что пріѣхала изъ дальняго юга, въ сто лошадей...»

— Особыя для нея дороги въ тайгѣ прорубали, особые мосты на рѣчкахъ строили, по старымъ она ѣздить не могла... Такая большая она барыня!.. Отъ самой царицы ѣхала, вездѣ побывать должна была, всё осмотрѣть должна была... Только сюда къ намъ попасть не могла. Изъ-за болотъ, говорятъ, да комары ее больно искусали... Вотъ и вернулась... Всё спрашивала больныхъ про травы для лѣченія...

— Какое лѣченіе... Извѣстно—смерть наше лѣченіе!—простонали согласно супруги Салбанъ.

— Изъ-за этихъ то травъ задумали господа выстроить домъ съ желѣзными ставнями...

— Караулку!—поправилъ Теченіе.

— Туда доктора всѣхъ больныхъ соберутъ лѣчить со всего края...

— Мцы!.. мцы!..—причмокнули слушатели.—Гдѣ же имъ такой домъ выстроить... Насъ много!.. Къ примѣру: здѣсь насъ семеро, въ Борскомъ улусѣ тоже есть, въ восточныхъ земляхъ, въ сѣверныхъ улу-

сахъ тоже есть... Извѣстно: гдѣ рыба, тамъ и прокаженные! А вѣдь половина якутской земли питается рыбой!.. Какъ же такъ? Всѣхъ что-ли посадятъ!.. Кто изъ якутовъ знаетъ, что съ нимъ будетъ черезъ годъ?.. Вѣдь и мы были когда-то здоровы и веселы?.. Никто изъ насъ не зналъ, что внутри его ядъ сидитъ...

— Развѣ царь прикажетъ по поводу этой травы? Тогда другое дѣло! Но чѣмъ же виноваты мы, чѣмъ мы виноваты?..—повторяли больные.

— Пусть бы насъ лучше сразу убили! Зачѣмъ жить, если нужно сидѣть въ оградѣ, въ домѣ съ желѣзными ставнями. Свѣта не видно, звука не слышно!.. И зима, и весна, сказываютъ, тогда одинаковы. Ни сѣтей ставить, ни птицъ ловить, ни растеній собирать... Теперь мы все-таки хоть немного, какъ другіе... какъ люди... а это вѣдь всякому лестно... Тогда—ничего! Что дадутъ они намъ?.. Ничего не дадутъ!.. Ничего дать они не могутъ... У самихъ не всегда есть... Теперь человѣкъ собственнымъ промысломъ можетъ дополнить, тогда... желѣзные ставни кругомъ...

— Навѣрно исправникъ выдумалъ, чтобы только людей обижать...— вспылилъ Теченіе.

— Молчи, молчи... Не болтай попусту!..—остановилъ его Грегорѣй.

— Что сдѣлаютъ мнѣ?. Эхъ? Пусть придутъ, пусть приведутъ свое войско...

— Мы имъ всѣмъ рожи кровью вымажемъ!—разсмѣялась Мергень... Пусть всѣ болѣютъ! Тогда и намъ будетъ лучше, тогда всѣ сравняются!..

Теченіе замолчалъ и косо взглянулъ на нее.

— Совсѣмъ я не желаю, чтобы всѣ были, какъ мы... Я не такой!.. Пусть живутъ, на здоровье имъ, пусть веселятся, пусть имъ Богъ даетъ! Авось и насъ не забудутъ!.. Развѣ раны меньше у меня болѣть станутъ, когда онѣ у другихъ откроются?.. Нѣтъ!.. Но и насъ въ острогъ, думаю, садить не за что. Развѣ мы виноваты?.. За что въ гробъ людей живьемъ заколачивать!..

— Вѣрно!.. Согласны!.. Пусть имъ Богъ дастъ, пусть живутъ, но и мы хотимъ умереть по положенію...—согласились присутствующіе.

Затѣмъ всѣ разбрелись по угламъ. Анка развязала свои узелки и принялась что-то шить и прикраивать для мужа. Мергень тоже работала иглой; Салбаны тихонько стонали, а Теченіе чинилъ у огня сѣти и хриплымъ голосомъ разсказывалъ Бытерхай сказку:

«Говорятъ, въ одно утро низенькая старушка «съ пятью коровами» пошла на хорошее поле искать коровъ. Съ широкаго поля взяла съ корнемъ цвѣтокъ съ пятью отростками, не сломавши ни корешка, ни одной вѣтви, и положила на подушку. Потомъ вышла, сѣла доить коровъ. Сидитъ она, слышитъ: вдругъ зазвенѣли бубенчики-колокольчики, ножницы упали со стукомъ. Бросилась старушка, разлила молоко, прибѣжала домой, видитъ: лежитъ трава травою. Снова вышла,

сѣла доить коровъ. Опять зазвенѣли бубенчики - колокольчики, опять упали ножницы. Опять пролила молоко. Посмотрѣла: на лѣвой сторонѣ дома сидитъ дѣвушка. Глаза что два свѣтлыхъ камня, брови какъ два черныхъ соболя протянули лапки другъ къ другу. Ротъ изъ складнаго серебра, носъ изъ кованнаго серебра. Когда говоритъ, на лицѣ будто бабочка летаетъ, когда глотаетъ, въ горлѣ будто пролетаетъ ласточка. Сквозь бѣлое платье сквозитъ лунное тѣло, сквозь прозрачное платье сквозитъ тѣло любимое.

«Послѣ того сынъ Похвальнаго Господина Кровяного Глаза, Харджитъ-Бергенъ пошелъ на промыселъ въ темный лѣсъ. Сидитъ сѣрая бѣлка на кудрявой лѣсинѣ около дома низенькой старушки съ пятью коровами. Нашелъ здѣсь бѣлку, сталъ стрѣлять; съ темнаго утра ни разу не попадаетъ; наступилъ закатъ солнца. Въ это время стрѣла упала въ трубу. «Старуха, возьми стрѣлу, отдай мнѣ»! говоритъ онъ; не получаетъ отвѣта. Задымилась кровь въ его носу, зарумянилась кровь въ щекахъ, забѣгала кровь во лбу; пришла съ боку сердитая мысль, пришла съ затылка хвастливая мысль; влетѣлъ онъ въ домъ. Влетѣвъ, увидалъ эту дѣвушку, увидалъ—обмеръ. Потомъ ожилъ, влюбился; вышелъ, побѣжалъ, на лошадь пригнулъ и во весь опоръ прилетѣлъ домой. «Родители мои! говоритъ, у низенькой старушки. съ пятью коровами такая хорошенькая дѣвушка! Возьмите эту дѣвушку и дайте мнѣ!» Тутъ отецъ послалъ людей на девяти коняхъ; во весь опоръ поѣхали; влетѣли къ низенькой старушкѣ съ пятью коровами. Всѣ они пали безъ чувствъ отъ красоты той дѣвушки. Очнулись, вышли вонъ, одинъ самый лучшій человѣкъ остался. «Низенькая старушка съ пятью коровами, говоритъ онъ, — дай эту дѣвушку сыну Похвальнаго Господина Кровяного Глаза!»...

Теченіе оборвалъ разсказъ и задумался. Женщины уже вносили въ избу постели, днемъ провѣтривавшіяся на морозѣ.

— Знаешь, дитя мое, Бытерхай! Иди спать! Раны мои сегодня что-то болятъ, не охота говорить... Должно быть, будетъ завтра перемѣна: непогода или оттепель!?.

Бытерхай послушно поднялась и направилась въ уголъ, гдѣ спала вмѣстѣ съ Теченіемъ. Тотъ долго сидѣлъ у камина, осматривалъ и обмывалъ теплой водой изувѣченныя ноги. Усталый, измученный онъ уснулъ немедленно, чуть доплелся къ постели.

— Ты спишь, Теченіе?!. Не спи, милый, не спи!.. Ты ничего не слышишь?!—будила его долго спустя Бытерхай.—Теченіе, добрый мой господинъ, проснись!.. Я боюсь!..

— А что?..—съ просоня спрашивалъ Теченіе.—Что случилось?!

— Гремитъ, сильно гремитъ!

— Пусть гремитъ!... Ледъ на озерахъ къ перемѣнѣ лопается!

— Нѣтъ!.. Не такъ гремитъ!.. Это вѣрно идетъ та барыня въ сто лошадей, что хочетъ насъ посадить за желѣзныя ставни...

— Пусть ѣдетъ! Спи!.. Не бось, уйдемъ!

— И меня возьмешь съ собою? Мой милый, серебренькій... мой добрый...

— Возьму, возьму... Только спи!

III.

Зимою сообщеніе больныхъ съ внѣшнимъ міромъ почти прекращалось. Недостатокъ одежды и упадокъ силъ удерживали ихъ дома. Небо, снѣга, солнце они видѣли только тогда, когда принуждены были выйти, чтобы принести дровъ изъ собранной лѣтомъ кучи топлива, захватить льда или снѣга на воду или провѣтрить свое платье и постели. Исполняли это обыкновенно болѣе здоровые: Грегорѣй, Анка, Теченіе, иногда Мергень. Все время они проводили въ темной затхлой юртѣ, и почти не было у нихъ другихъ впечатлѣніи кромѣ голода и мученій проказы, которая точно многоголовый червь ползала въ ихъ внутренностяхъ, въѣдалась въ мышцы, обвивалась кругомъ костей. Стоны болѣе или менѣе громкіе и ужасные все время носились въ темномъ отравленномъ воздухѣ юрты.

Зима стояла попрежнему суровая и холодная. Между тѣмъ, запасъ дровъ близился къ концу. Это заставляло ихъ скупиться въ отопленіи. Огонекъ чуть тлѣлъ въ обширномъ каминѣ юрты. Часто мятель почти тушила его, вбрасывая сквозь трубу вороха снѣговой пыли и струи холоднаго воздуха. Больные сильно страдали отъ холода и сырости. Сквозь щели въ стѣнахъ невыносимо дуло и морозъ торжествующе просовывалъ въ ихъ жилище свои хищные когти.

— Ахъ, Теченіе!.. Теченіе!.. Скверно осмотрѣлъ ты по осени избу... Теперь и дровъ много идетъ, и холодъ насъ мучитъ!

— Эхъ!.. Самъ страдаю! Вы забыли, что подъ конецъ работъ нарывы выскочили у меня на ладоняхъ... Никакъ не могъ...

— Вѣрно!.. мы все забыли... Всякій о себѣ только думаетъ!.. Больной человѣкъ похожъ на вонючаго пса!.. Ухъ, какъ холодно!.. Суставы ноютъ, жилы тянетъ... Смерть моя что ли идетъ?—стонала Кутуяхсытъ, протягивая изнуренныя руки къ чуть-чуть мерцающему огню.

— Не согрѣть-ли тебѣ воды, старуха?—мягко спросила ее Анка.

— Опять дрова жечь!.. Кто пойдетъ за ними нонѣ въ обледенѣлую тайгу? Топоромъ не сможешь, такъ зубами откусывать что-ли станешь! Не ты ли, красавица Анка, пойдешь? Бѣлыя у тебя правда зубы... Такъ попробуй... Что?!. Большая ты барыня чужимъ распоряжаться!.. Не смѣть попусту изводить дровъ...—кричала Мергень.

Ея лицо окруженное вихрями черныхъ спутанныхъ волосъ, явилось на минуту изъ темнаго угла, откуда она въ послѣднее время почти не выходила.

— Господи, что теперь дѣлается на свѣтѣ, у людей?!.—стоналъ Салбанъ.—Вѣдь сегодня праздникъ, масляница...

— Ходятъ якуты, гостятъ! Въ юртахъ смѣхъ и пѣсни... Огни горятъ... Пахнетъ топленымъ масломъ, мясомъ... Все веселые, все сытые... пѣсни поютъ, загадываютъ загадки... Свадьбы играютъ...

— Помнишь, Грегорѣй, какъ разъ годъ тому назадъ взялъ ты меня отъ родителей. Новую выстроилъ по осени юрту. Хорошо было намъ тепло, чисто... Помнишь, пришли соcѣди, стали мы ворожить... заставили шило показывать судьбу и вдругъ оно тебѣ черную показало дорогу... Никто не повѣрилъ.—Такой ты былъ тогда бойкій, крѣпкій, къ работѣ охочій... А теперь: оба мы здѣсь!.. Развѣялось богатство наше, точно дымъ, прошла молодость наша!..—шептала мужу Анка.

— Правда. Когда я домъ строилъ, не думалъ, что останется онъ пустымъ, что потухнетъ огонь мой... Я думалъ, что наполнится жилище говоромъ и смѣхомъ дѣтей... Теперь черная туча закрыла намъ міръ! Часто думаю, стоитъ ли жить, не лучше ли умереть?—отвѣтилъ Грегорѣй.

Анка вздрогнула.

— Слушай, тогда я осталась бы здѣсь совсѣмъ одна! Нѣтъ, нѣтъ!.. Мы можемъ еще долго жить. Смерть и старость вездѣ одинаковы, въ проказѣ ли, въ здоровьи ли! Старость та же проказа. Тоже человѣкъ живъ да не живетъ. Не думай худо, прошу тебя...—шептала молодая женщина.

Она умоляюще взглянула въ лицо мужа еще здоровое, но уже испещренное сине-багровыми пятнами. Грегорѣй ничего не отвѣтилъ, обычное, сонное равнодушіе его охватило.

Потрескиваніе огня и стоны Салбана мѣрно чередовались, точно тиканіе маятника. Въ углу Бытерхай тихо, не громче сверчка, говорила на ухо Теченію:

— Разскажи, Теченіе, какъ это бываетъ праздникъ? Что въ праздникъ дѣлаютъ люди? Отчего они тогда смѣются? Разскажи что-нибудь. Такъ скучно сегодня! Всѣ молчатъ! Только сердце стучитъ...

— Замолчи, дурочка! Отчего тебѣ тяжко и скучно? Развѣ видѣла другое? Намъ скучно, потому что всякій свое вспоминаетъ!.. Разные есть праздники: есть праздники, когда не работаютъ, одѣваются и ѣдятъ какъ всегда. Есть праздники побольше, когда одѣваются немного лучше и ѣдятъ лучше. Наконецъ, есть такіе большіе праздники, когда всѣ одѣваются въ свои лучшія платья и ѣдятъ какъ на свадьбѣ, сколько влѣзетъ, до сытости... Тогда всѣмъ весело...

— Такъ, знаешь, не надѣть ли мнѣ сегодня платокъ, который ты, Теченіе, подарилъ мнѣ намедни?!

— Э, не стоитъ! Сегодня не такой большой праздникъ. Платокъ ты спрячь на Пасху или на Миколу Вешняго... Сегодня праздникъ такъ себѣ... Иди ко мнѣ!

Рыбакъ нѣжно прикрылъ полою своего рванаго кафтана голыя плечики ребенка.

— Скверно поступила Мергень, что отняла у тебя рубашку...

— И не говори!.. Сейчасъ у меня слезы изъ глазъ текутъ, какъ вспомню! Никогда, никогда еще у меня не было рубушки... Анка сказала, что она когда-нибудь сошьетъ мнѣ рубашку... Я говорю: когда-нибудь... Я знаю, что теперь нельзя. Анка хорошая! Она зачѣмъ сюда пришла?

— Такъ, пришла по ошибкѣ, по глупости пришла... Теперь она останется поневолѣ, вернуться она уже не можетъ... Кто сюда разъ попалъ, не возвращается... Мы проклятые, Бытерхай!

— Проклятые?! Кто же насъ проклялъ?

— Да такъ! Летаетъ по воздуху, въ водѣ плаваетъ, въ ѣдѣ сидитъ такая проказа. Человѣкъ съѣстъ ее и готовъ. Онъ веселъ, играетъ, шутитъ, не знаетъ, что она уже въ немъ... Весело умѣютъ играть, якуты. Въ юртѣ тѣсно для веселья. Морозъ на дворѣ трещитъ. Выбѣгутъ дѣвушки и парни на дворъ, станутъ ловить другъ друга. Кто кого поймаетъ, тотъ того поцѣлуетъ... Это называется «играть съ закрытыми глазами», потому что когда цѣлуются, то глаза закрываютъ. Или пригонятъ во дворъ табунъ лошадей... А то пляшутъ... Берутся за руки мужчины и женщины, кружатся, пѣсни поютъ и тоже тогда при смѣнкѣ цѣлуются...

— Зачѣмъ они все цѣлуются?

— Дурочка, ты еще маленькая! Выростешь, узнаешь...

— Не хочу узнавать! Тебя только одного цѣловать буду! Салбанъ и Кутуяхсытъ скверно пахнутъ!.. Мергень я боюсь; Грегорѣй и Анка не глядятъ даже на меня... Тебя только люблю, ты одинъ добрый!..

— Эхъ!.. Не болтай! Къ тому времени буду я вѣрно не лучше Салбана... Подожди, авось и тебѣ пошлетъ Богъ какого-нибудь не совсѣмъ стараго человѣка!

— Онъ выстрѣлитъ, стрѣла влетитъ въ трубу. Онъ войдетъ. Увидитъ меня, упадетъ въ обморокъ, затѣмъ придетъ въ себя, влюбится, выскочитъ, сядетъ на лошадь, помчится къ родителямъ и скажетъ имъ,— начала Бытерхай извѣстную ей сказку.

Теченіе разсмѣялся.

— Хорошо все помнишь, дѣвка!

— Такъ помню, такъ помню... Глаза закрою, все сейчасъ вижу!

— Эй, люди! Не устроимъ ли мы себѣ праздникъ?—предложилъ неожиданно Теченіе, онъ поднялся со скамьи и сталъ у огня.

— Да, да! Устроимъ и мы праздникъ!.. Ужасно скучно сегодня... Растопимъ огонь побольше... Хорошо?! Что? Согласны?!—поддержала его Анка.

— Подбрось дровъ!—крикнулъ Теченіе.

— Я такъ всегда говорю, что грѣхъ намъ, прокаженнымъ, о завтрашнемъ днѣ думать!..—вздохнулъ Салбанъ.—Богъ не пожелалъ, чтобы мы о будущемъ думали, отнялъ у насъ здоровье...

— Какъ же! какъ же! Еще что? Съума вы посходили!? Одни вы, что ли? Столько зимы впереди... ни дровъ, ни ѣды, а они праздники выдумываютъ... Думаете, общество пошлетъ вамъ подмогу? Ждите... какъ же!..—набросилась на ихъ предложеніе Мергень.

Она съ трудомъ двигалась, и никто ея не боялся теперь и не слушалъ.

Праздникъ состоялся. Прокаженные вволю согрѣлись у щедро растопленнаго огня, съ наслажденіемъ выкупали въ жаркомъ воздухѣ свои изъязвленные бока. Удовольствіе наполнило ихъ воспаленные глаза слезами умиленія, застывшіе члены вновь пріобрѣли прежнюю гибкость. Рыбы они сварили цѣлую гору.

— Богъ и намъ посылаетъ иногда облегченіе,—шептала Кутуяхсытъ.

Обильная трапеза ихъ опьянила и скоро всѣ глубоко заснули. На нѣкоторое время замолкли даже стоны.

На разсвѣтѣ пронзительный крикъ нарушилъ неожиданно тишину.

Грегорѣй, который первый проснулся, схватилъ Анку за руку.

— Это ты?.. Что такое?!

Другіе тоже подняли головы.

— Что такое?

Стоны, но иные, не ихъ стоны, стоны, полные силы, призыва и борьбы, неслись съ темнаго угла Мергень.

— Анка, ты пойди къ ней!..—проговорилъ дрожащимъ голосомъ Грегорѣй.

Якутка поспѣшно одѣлась, растопила огонь и исчезла въ темномъ углу. Крики на мгновеніе умолкли, затѣмъ раздались съ прежней силой. Испуганная Бытерхай крѣпко схватила за руку Теченіе.

— Теченіе, я боюсь... Такъ боюсь... Кричитъ... А теперь и другое кричитъ... Теченіе, сжалься, милый, скажи слово! Вѣдь это ребенокъ кричитъ?.. Маленькій ребенокъ... Анка вынесла его и грѣетъ у огня... Онъ пищитъ... Жалобно пищитъ... Развѣ и его люди прогнали съ того свѣта? Онъ такъ пищитъ, Теченіе, слышишь?..

— Эхей! Теченіе, помоги! Скорѣе согрѣй воды въ котлѣ!..—говорила торопливо Анка.

— Парень или дѣвка?—спросилъ Теченіе.

— Парень! Твой что ли?..

Теченіе отрицательно покачалъ головой.

— Вовсе жирный парень! Лучше, что парень—будетъ работникъ!—добавилъ онъ.

Анка обмывала у камина новорожденнаго, поливая его изо рта водою. Родильница тихо стонала.

— Анка... иди сюда!—звала она.—Парень или дѣвка? Парень!.. Хорошо. На кого похожъ, ты замѣтила? Понеси, покажи ему! Ему теперь даже не любопытно... Бѣдныя мы, женщины, Анка! Вездѣ тоже!..

Нѣтъ угла, гдѣ бы спрятаться могли мы предъ судьбой!.. Что же онъ молчитъ, Анка? Не взглянетъ даже!.. Ты теперь у него, молодая, свѣжая... Будешь для него работать и страдать... Не вѣрь ему, Анка! Не вѣрь никому... Себѣ только вѣрь, потому, по правдѣ, себѣ только человѣкъ хорошо желаетъ... Былъ у меня любимый мужъ... Взялъ меня изъ дому молоденькую, холеную... Работала я ради него, изъ кожи лѣзла, старалась, любила... Дѣтей у насъ не было... Чѣмъ же я виновата? Богъ не давалъ! А вотъ онъ возненавидѣлъ меня за это... «Останусь, говоритъ, черезъ тебя точно обгорѣлый столбъ, точно пень безъ вѣтвей... Потухнетъ огонь мой, опустѣетъ земля моя!..» Развѣ я была виновата?! Вѣдь Богъ не давалъ... Возненавидѣлъ онъ меня... Нашелъ себѣ другую, а меня сталъ бить, мучить, морить голодомъ... Когда я не умерла, онъ отвезъ меня сюда, въ этотъ живой гробъ, откуда никто не возвращается къ жизни... Вѣдь онъ могъ меня просто прогнать, да боялся—потребую у него свой скотъ, что родные заступятся за меня, и ему не позволятъ вторично жениться... вотъ и вывезъ сюда, откуда никто не возвращается...

Она горько и долго плакала.

— Дай младенца! Ты уже его спеленала?—спросила она, наконецъ, немного успокоившись.

— Сейчасъ дамъ его тебѣ, только раньше брошу на огонь жертву. Мы не ждали, что это случится сегодня ночью и не приготовили ничего. Теченіе, сходи, дружище, въ амбаръ, принеси лучшую рыбу,— нужно поблагодарить за новое дыханіе... Да захвати по пути мой турсучекъ, остался тамъ еще кусочекъ масла... спрятала я его для тебя, Мергень...

Теченіе почесалъ затылокъ.

— По правдѣ, такъ долженъ бы идти Грегорей!—проворчалъ онъ, но надѣлъ обутки и вышелъ въ сѣни. Слышно было, какъ онъ тамъ возился въ темнотѣ, стучалъ дверьми и посудой. Наконецъ, вернулся, окруженный облакомъ морознаго тумана.

— Ухъ! Какая стужа!.. Холодъ... Снѣгъ валитъ!.. Непогода мететъ, чьи-то грѣхи заметаетъ!

— Почтенный рыжебородый Старикъ, Господинъ Нашъ Огонь—очагъ! Покровитель скота! Воспитатель и защита дѣтей нашихъ... пріими ласковымъ сердцемъ нашу убогую чистосердечную жертву и въ будущемъ не оставь насъ милостью своей, дари, посылай намъ скотъ многій и пестрый, мохнатыхъ жеребятъ, мальчиковъ туго-пальцыхъ, способныхъ натягивать лукъ, и румяныхъ дѣвушекъ съ молочными грудями...—молилась Анка, бросая въ огонь куски жирной рыбы.

— Любитъ старикъ! Охъ, любитъ!—замѣтилъ Теченіе, благодушно кивая головою на сгорающую съ шипѣніемъ жертву.

— Всю рыбу вы ему отдали... всю рыбу...—проговорилъ жалобно Салбанъ, но жена быстро заткнула ему ротъ обернутой въ тряпки рукою.

— Не грѣши, не болтай зря!

— Зачѣмъ намъ косматые жеребята, пестрый скотъ?.. Что бы мы съ ними подѣлали? Гробъ бы намъ слѣдовало просить, доски на гробъ... Вотъ это я понимаю, а рыбу съѣсть бы слѣдовало...—не унимался сердитый старикъ.

Анка, между тѣмъ, растопила масло въ крошечной кострюлечкѣ, вылила его на блюдечко и поднесла къ губамъ Мергень, лежавшей въ полузабытьи.

— На, пей, женщина!

Больная, не открывая глазъ, стала жадно глотать возбуждающій, ароматный напитокъ. Затѣмъ подняла вѣки и вперила удивленный взоръ въ Анку.

— Уйди!.. Зачѣмъ?!. Говорю тебѣ уйди!..—проговорила она глухо и оттолкнула ея руку вмѣстѣ съ блюдечкомъ.

Анка взяла младенца и ушла отъ нея. Однако, она не вернулась къ мужу, который неподвижно лежалъ на своей постели и спалъ или притворялся, что спитъ. Она усѣлась на пустой скамьѣ. Дитя безпокойно двигалось на ея колѣняхъ, она сквозь слезы глядѣла на пустую, темную внутренность юрты, на постели кругомъ подъ стѣнами, гдѣ въ полуснѣ чуть двигались и стонали живые мертвецы...

— Современемъ и я стану такой... Господи, пожалѣй меня грѣшную, дай скорую безболѣзненную смерть!..

Мысль, что ей некуда отсюда уйти, что міръ навсегда закрытъ для нея, что она вѣчная раба этихъ людей, казалась ей просто чудовищной. Мужество покидало ее, воля слабѣла подобно тому, какъ гнется подъ напоромъ вѣтра истлѣвшее внутри дерево. Не лучше ли умереть сейчасъ, раздумывала она, забывая доводы, которые приводила Григорью. Она вѣдь никому не нужна! Только мѣшаетъ... другимъ!..

Она уже съ меньшимъ отвращеніемъ вспоминала безносаго Петручана, который любилъ ее и былъ совершенно одинокъ!.. Ей казалось, что она ошиблась, неисправимо ошиблась въ выборѣ... Горькія слезы потекли у нея ручьемъ изъ глазъ.

— Господи, за что ты такъ наказываешь меня?

Плачъ облегчилъ ее; она ослабѣла и вздремнула. Но она все не могла подойти къ мужу и просидѣла всю ночь въ тревожной дремотѣ.

Дневной свѣтъ заглянулъ внутрь юрты сквозь ледяныя окна и озарилъ сѣрымъ, мертвеннымъ свѣтомъ грязный полъ съ лужами грязной воды и скамьи, прикрытыя рваными лохмотьями. Анка уже ничего не видѣла, не слышала шума мятели, врывающейся сквозь отверстіе камина, не замѣчала стоновъ просыпающихся товарищей, не вняла даже зову Грегорья, который надумался, наконецъ, и сталъ просить ее вернуться. Она сладко спала съ младенцемъ на колѣняхъ; нѣжная улыбка свѣтилась на ея мѣдномъ лицѣ, хотя слезы все еще дрожали на длинныхъ рѣсницахъ.

IV.

— Слышишь, старуха?... Сегодня ночью у меня отвалились два послѣдніе пальца. Будешь меня теперь кормить точно малаго ребенка...— стоналъ Салбанъ.

— Ну, такъ что-жъ? Буду!.. Развѣ я не дѣлала этого до сихъ поръ? Твои пальцы не велика потеря... чуть висѣли! Не тужи, старина,—утѣшала его Кутуяхсытъ.

— И то правда! А все-таки жалко... Досадно какъ-то смотрѣть, что они валяются на землѣ... Брось ихъ старуха въ огонь...

— Угару надѣлаете да и огонь оскверните... Не шутите съ огнемъ...—проворчалъ Грегорѣй.

— О руки мои, руки сильные — прощайте! Теперь я ужъ совсѣмъ какъ пень, опаленный молніей! Помнишь, Кутуяхсытъ, какъ мы носили сѣно бывало на нашемъ островѣ. Кто бы тогда подумалъ, что я умру здѣсь? Мой прокосъ былъ самый широкій въ окрестности. Помнишь, старуха... Сосѣди приходили къ намъ, разсказывали новости... Затѣмъ пришла ночь кромѣшная, и окружила насъ, и не прекратилась, не просвѣтила ни-ни... Двѣ дочери было, двухъ сыновей мы воспитали, а развѣ знаемъ, что съ ними... Сначала они ходили... Хотя издали глаза наши видѣли ихъ... Теперь, давно уже, никто не ходитъ, и мы не знаемъ даже, живутъ ли они, размножаются или погибаютъ... Пусть ихъ!..

— Не проклинай, старикъ!—удержала его Кутуяхсытъ.

— Если по человѣчески ѣсть, такъ ѣды осталось на два дня, а если не по человѣчески ѣсть, такъ не знаю... Одинъ Богъ знаетъ...— торжественно проговорилъ Теченіе, являясь на порогѣ юрты съ посудой въ рукахъ. Анка шла сзади за нимъ.

— Крохи остались!—добавила она.

— Какъ крохи? На два дня?.. Какъ же это?

— А зима стоитъ, какъ стояла...—загалдѣли присутствующіе.

— Это къ лучшему!.. Авось общество пошлетъ еще сколь-нибудь до распутицы...

— Какъ же—жди! Анка сказывала, у самихъ пустые амбары.

— Если нѣтъ, такъ что и толковать...

— Не сходить ли Анкѣ?!

— Убьютъ меня! Боюсь, не пойду!..—отказывалась молодая женщина, встряхивая головой.

Прокаженные столпились въ раздумьи кругомъ камина. Мерцающее зарево огня освѣтило ихъ страшныя лица съ сине-багровыми подтеками, съ рубцами зажившихъ ранъ и свѣже-открытыми язвами. Сквозь дыры лохмотьевъ виднѣлись темные и истощенные члены. Пламя ласкало ихъ, согрѣвало ихъ измученныя тѣла, вносило въ уставшія души крохи странной надежды на что-то. Больные жались къ огню, всѣмъ

существомъ старались возможно больше впитать въ себя свѣта и тепла, а дровъ тоже не хватало и вскорѣ долженъ былъ наступить холодъ и мракъ.

— Какъ же порѣшимъ, люди?—спросилъ Теченіе.

— Будемъ ждать... Что же другое можемъ мы дѣлать? Надо готовиться...—отвѣтилъ мрачно Грегорѣй и голосъ его вдругъ измѣнился, прозвучалъ хрипло и глухо. Всѣ взглянули въ его сторону.

— Уже въ горло къ тебѣ пробралась, Грегорѣй. Не ждетъ она, не смотритъ!—засмѣялась Мергень...—Боюсь, что Анка не достаточно захватила съ собою трепья...

Грегорѣй не отвѣчалъ. Въ его мутныхъ, красныхъ глазахъ вспыхивали и потухали безпокойные огоньки. По временамъ ему казалось, что все кругомъ куда-то проваливается, что тьма потопляетъ весь міръ и что сквозь открывшіяся, какъ ему казалось, по всему его тѣлу язвы пробирается внутрь его жгучій огонь. Онъ думалъ, что продержится много дольше, что болѣзнь пощадитъ его, между тѣмъ она оказалась такъ близко! Онъ поднялся и направился къ своей постелѣ.

— Уходишь, Грегорѣй? Кто же будетъ дрова носить? Вѣдь рѣшили ждать!.. Потому что, если не ждать, то, что мы можемъ дѣлать... А если ждать, такъ дрова надо въ избу нести...—доказывалъ Теченіе.

Грегорѣй продолжалъ молчать. Все для него поблѣднѣло въ сравненіи со сдѣланнымъ имъ только что открытіемъ.

— Пусть будетъ, что будетъ!..

Теченіе нѣкоторое время размышлялъ, какъ ему поступить въ виду явнаго равнодушія всѣхъ.

— Хорошо! — пробормоталъ онъ и рѣшительно надѣлъ на голову шапку.—Гдѣ мои рукавицы?

Бытерхай подала ему комочки тряпья, замѣнявшія рукавицы. Теченіе сердито надвинулъ ихъ на руки и все тѣмъ же рѣшительно-обиженнымъ шагомъ заковылялъ къ дверямъ. Анка пошла за нимъ. Они стали вдвоемъ носить въ юрту топливо. Мергень издали наблюдала за ними, но и не думала пошевелиться.

— Ты хоть помогла бы намъ! Вѣдь ты здорова!—не выдержавъ, сказалъ ей Теченіе.

— Чего еще?.. Позови свою Бытерхайку... Она тоже здорова!..

— Дитя маленькое она, слабое...

— Знаемъ, какое дитя... Работать дитя, а что ты, старый чортъ, съ ней выдѣлываешь, того никто не знаетъ!

— И не стыдно тебѣ, злая женщина?

— Стыдно?! Что ты сказалъ? Что ты сказалъ? Повтори! Ты хорошъ?!. Безмозглый дуракъ!.. Да гдѣ здѣсь хорошіе?.. Да зачѣмъ они здѣсь? Хорошій это здоровый, это богатый, сильный... Хорошій человѣкъ никого просить не станетъ, онъ самъ все найдетъ, онъ самъ себѣ господинъ, не такъ какъ вы, проклятая проказа! Я найду, когда

мнѣ понадобится... Я-то хорошая!.. Я не прокаженная... Меня Богъ не отмѣтилъ, какъ васъ... Изводить бы васъ, проклятыхъ, а не помогать бы вамъ, нужно... Да!.. Еслибъ васъ не было здѣсь и меня бы не было... И зачѣмъ васъ только щадятъ? Зачѣмъ жалѣютъ?..

Брань и проклятья полились рѣкою. Никто не возражалъ ей, не прекословилъ. Тогда Мергень схватила съ гнѣвомъ ребенка, прижала къ груди и зашипѣла:

— На, соси, идолъ! Авось выростетъ изъ тебя изувѣръ и заплатишь всѣмъ имъ за мои муки!..

Теченіе съ Анкой разъ за разомъ постукивали дверьми, таская подобно муравьямъ бревна въ избу. Бытерхай пугливо побѣжала за ними.

Потоки солнечнаго свѣта, яркаго отъ бѣлизны снѣговъ, ослѣпили ее. Мгновеніе она стояла въ ихъ ореолѣ, неподвижная, нагая, точно мѣдный истуканчикъ, тоненькая точно былиночка. Природная граціозность дѣвочки вполнѣ окупала недостатки ея костюма. Анка взглянула на нее и улыбнулась. Несмотря на собственное страданіе, она не могла равнодушно переносить вида этихъ маленькихъ худенькихъ ручекъ и ножекъ.

— Тебѣ чего... Иди въ избу... Замерзнешь...

— Мергень сказала... Я помочь хочу... Хоть одно бревно мнѣ дайте...

— Иди, иди... Вотъ твое бревно! — засмѣялся благодушно Теченіе и подалъ ей самое маленькое изъ попавшихся ему полѣньевъ.

— А все таки хорошо, что дѣвка пришла... Есть у нея совѣсть!..— добавилъ онъ, когда двери за ребенкомъ закрылись.

Анка вздохнула.

— Что съ нами будетъ?

— Эхъ! Не тужи!.. Рано еще тужить... Не впервые... Вѣдь и тамъ, на міру, теперь голодъ, и дѣться передъ нимъ некуда... Не тужи! Отъ заботы хуже человѣкъ тощаетъ! Думать слѣдуетъ, но вѣдь все всегда дѣлается не по думкѣ, наоборотъ. Вотъ и я думалъ, что Грегорей будетъ мнѣ товарищъ, а онъ вотъ... Слѣдовало ему идти, свѣдовало идти съ нами. Ты ему задай головомойку... Пусть живетъ, какъ люди, пока живется, а то такъ сразу осѣлъ!.. Незьзя такъ!.. Нехорошо!—добавилъ онъ мягко.

Губы Анки дрогнули.

— Что же я подѣлаю!.. Не дитя онъ маленькое!.. Бѣдная моя голевушка, и зачѣмъ я только живу на свѣтѣ...

— Знаешь, Анка, я тебѣ что посовѣтую?.. Я тебѣ вотъ что скажу: ты пожалуйся князю, что скотъ у тебя незаконно отняли, потребуй, чтобы его вернули... Все-таки со скотомъ будетъ намъ лучше... Сердцу будетъ лучше. А то теперь человѣкъ одинъ, не за что ему ухватиться... Вольный онъ. А тогда и сѣно косить нужно, и поить и кормить... Мы бы съ Грегорьемъ ловко еще могла сѣно косить... Право!.. Ты не смотри, что у меня ноги больные...

— Да какъ пожаловаться мнѣ... Вѣдь князь далеко!

— Скажи тому, что привезетъ пищу. Кода-нибудь привезутъ же они пищу...

Анка призадумалась; въ ея потускнѣвшихъ глазахъ опять заигралъ лучъ надежды. Она стала выспрашивать у Теченія кой-какія подробности о мѣстности, сѣнокосахъ, водѣ... Такъ разговаривая, они проработали все время, пока силы окончательно не оставили ихъ.

Прокаженные сварили послѣдній ужинъ и легли «пережидать»... Каждый изъ нихъ прикрылъ себя возможно плотно одѣяломъ и принадлежащимъ ему платьемъ и затѣмъ попробовалъ заснуть. Анка подѣлилась раньше того своими мечтами съ мужемъ, но тотъ встрѣтилъ ихъ довольно равнодушно.

— Да, да... Увидимъ.

Въ затихшей юртѣ раздавались только по временамъ жалобные стоны Салбана. Тотъ и лежать даже не могъ спокойно. Онъ упирался затылкомъ въ спинку кровати и такъ полу-сидя проводилъ все время. Стоны его то слабѣли, то учащались. Кутуяхсытъ, не меньше его страдавшая, все-таки нѣтъ, нѣтъ подымалась, чтобы подать ему пить или обмыть теплой водой заплывшія раны. Тогда больной затихалъ на мгновеніе и шепталъ старухѣ забытыя слова признательности. Никто другой къ нему не приближался. Даже Теченіе съ ужасомъ отворачивался отъ картины ожидающихъ и его современемъ мученій.

Все время никто не выходилъ на дворъ. Они въ началѣ еще крѣпко приперли двери полѣномъ. Дни они узнавали по лучамъ солнца, которые, пробираясь въ ихъ ихъ юрту сквозь ледяныя окна, отбрасывали на земляномъ полу радужныя пятна. Ночи узнавали по лунному свѣту, который вмѣсто солнца слегка серебрилъ внутренность ихъ всегда темной избы. Ежедневно они съѣдали немного оставшейся пищи съ большой подмѣсью древесной заболони, стружекъ, обрѣзковъ кожи. Наконецъ, и этого не стало. Они жили, но сознаніе ихъ уже помутилось, голодныя грезы и дѣйствительность смѣшались въ одинъ дикій кошмаръ. Только въ углу Мергень не прекращалось движеніе и по временамъ тамъ плакалъ-плакалъ младенецъ. Остальные казалось совсѣмъ ослабѣли. Тѣмъ не менѣе, когда ночью на дворѣ послышался неожиданно протяжный вой, всѣ подняли головы.

— Слышали?.. Пріѣхали... Зовутъ!..

Они жадно прислушивались, не повторятся ли звуки. Теченіе подползъ къ дверямъ и открылъ ихъ. Столбъ луннаго свѣта ворвался въ юрту на облакахъ морознаго тумана. Вой раздался совсѣмъ близко.

— Волки!—шепнулъ якутъ и захлопнулъ поспѣшно двери.

Опять надолго воцарилась тишина въ юртѣ, нарушаемая только стонами Салбана и плачемъ младенца. Наконецъ, Салбанъ замолкъ.

— Эй, Теченіе, вставай!.. Салбанъ умеръ... Надо его вынести,— крикнула спустя нѣкоторое время Мергень.

[redacted]

Никто ей не отвѣтилъ. Даже Теченіе притворялся, что ничего не слышитъ или дѣйствительно уже не слышалъ. Никто не пошевелился. Мергень, которая до того времени старательно избѣгала всякаго движенія, выскочила изъ своего угла, растопила огонь и направилась къ рыбаку.

— Вставай!

Она дернула его за плечо, за волосы, но якутъ не шевелился.

— Дѣйствительно, помирать собираются!.. Нужно будетъ мнѣ самой потрудиться. . Совсѣмъ старикъ воздухъ отравитъ!

Она сбросила остатокъ платья и нагая, страшная, съ обвисшими исхудалыми руками и волосами, въ безпорядкѣ разсыпанными по плечамъ, подошла къ трупу шагомъ разсерженной волчицы. Она взглянула ему въ лицо и вздрогнула, но мужество сейчасъ же вернулось къ ней, въ глазахъ замелькали даже гнѣвъ и ненависть.

— И мнѣ придется вотъ такъ умирать!..

Толчкомъ ноги она сбросила тѣло на полъ и попробовала потащить его къ двери, но члены за которые она ухватилась обрывались. Тогда она отыскала въ кучѣ хвороста два толстые сука и помощью ихъ стала подталкивать мертвеца къ дверямъ. Высокій порогъ задержалъ ее, дверная тяга бросила ей въ лицо весь удушливый запахъ трупа. Голова закружилась у ней, она отошла на мгновеніе къ огню и взлѣзла на шестокъ, чтобы отогрѣть иззябшія колѣни.

— Теченіе!.. Грегорѣй!... Встаньте, проклятые отбросы, помогите мнѣ выбросить вашего родителя... Я одна не справлюсь, да и моя ли это обязанность?

Никто не отвѣтилъ. Мергень собралась съ силами, завязала носъ и ротъ платкомъ, схватила тѣло въ охабку и попробовала перевалить его чрезъ порогъ. Сдѣлать это было не легко, безформенное, мягкое туловище Салбана то и дѣло выскользало у нея изъ рукъ, или задѣвало за косякъ повисшими членами.

— Теперь навѣрно уже заболѣю,—раздумывала Мергень, чувствуя на груди влажное прикосновеніе трупа. Потоки морознаго воздуха, насыщеннаго луннымъ сіяніемъ, лились на нее сквозь открытыя двери точно свѣтлый ледяной водопадъ, руки ея коченѣли и она съ трудомъ управилась съ задачей. Затѣмъ двери быстро захлопнулись и она бросилась поскорѣе къ огню, дрожа отъ волненія и холода.

— Помоюсь, а то умру отъ одного запаха!

Она положила кусокъ льда въ котелокъ, растаяла его и умылась. Затѣмъ она принялась безпокойно блуждать по юртѣ въ поискахъ пищи. Ребенокъ ея жалобно пищалъ. Она, между тѣмъ, осмотрѣла по пути платье Анки и взяла, что было получше. Затѣмъ она перебрала лохмотья Теченія и присвоила себѣ его ножъ. Около Грегорья она остановилась въ раздумьи, но не тронула его. Наконецъ, она вернулась къ огню, который совершенно почти выгоралъ и слабо мерцалъ. Дитя

*

все плакало. Мѣрное, сдавленное дыханіе спящихъ производило впечатлѣніе отдаленнаго хода мимо идущихъ людей. На мгновеніе Мергень почудилось, что дѣйствительно гдѣ-то далеко мимо нихъ пробирается таборъ пастуховъ. Она открыла двери и прислушалась. Вдали виднѣлись все тѣ же непорочно бѣлые снѣга, облитые луннымъ свѣтомъ, надъ ними рѣяли тишина и сумракъ ночи, а у ногъ Мергень—сейчасъ же за порогомъ—лежалъ жалко свернувшійся трупъ Салбана. Мергень вернулась въ избу и растопила большой огонь. Образъ далекихъ юртъ, гдѣ спятъ счастливые сытые люди въ теплѣ и въ чистотѣ, гдѣ пахнетъ жизнью и здоровьемъ, преслѣдовалъ ее неотступно.

— Пойду!—прошептала она.—Пойду!.. Пусть убьютъ!...

Она сорвала со спящаго Грегорья заячій кафтанъ Анки, схватила лисью шапку послѣдней, подвѣшенную на гвоздѣ въ изголовьи. Грегорѣй проснулся и поднялъ голову. Взоры ихъ встрѣтились.

— Тебѣ чего?—спросилъ мужчина глухимъ голосомъ.

— Чего?... Жизни... Любви твоей, глупый мужиченко!—разсмѣялась женщина.

Она подвязала ножъ у пояса, взяла въ руки дорожный посохъ и вышла. Двери гулко хлопнули за ней. Огонь, вздутый сквознякомъ, выбросилъ изъ камина искры пламя и клубы дыма въ юрту.

— Ушла? — спросила — Анка. — И я бы пошла, да силъ нѣту!..

— Платье твое унесла, проклятая!—замѣтилъ Грегорѣй.—Слушай, Анка, не взять ли къ намъ дитя... слышишь, какъ плачетъ, еще замерзнетъ...

— Не встану, не смогу... силъ нѣтъ!..

Грегорѣй не настаивалъ, но супруги долго не могли уснуть, все прислушиваясь къ тихому плачу ребенка.

Мергень прямо направилась въ тайгу. Она держалась той же тропы, по которой тогда пріѣхала Анка, такъ какъ въ той сторонѣ ближе всего находились жилые дома. Мракъ и отсутствіе дороги не мѣшали ей. Мѣстная уроженка, она знала прекрасно окрестности, а окрѣпшій уже на снѣгахъ весенній «настъ» позволялъ идти по ихъ поверхности точно по гладкому льду. Она не разъ уже раньше предпринимала подобные набѣги, гонимая неудержимой тоской и ненавистью къ обидѣвшимъ ее людямъ. Иногда ей удавалось украсть тамъ что-нибудь, подобрать оставленную на дворѣ одежду или дорожную суму; лѣтомъ она осматривала сѣти сосѣдей и уводила лодки... Она отличалась силой и мужествомъ. Шла она бойко, не останавливалась и все постукивала впереди себя по снѣгамъ посохомъ, чтобы избѣжать недостаточно отвердѣвшихъ подъ «настомъ» сугробовъ. Она торопилась пройти пустыню, пока голодъ и холодъ не обезсилятъ окончательно ея тощаго тѣла.

— Худо!.. Не дойду, однако, на этотъ разъ!..—думала она, когда послѣ часу съ лишнимъ напряженной ходьбы, ея ноги стали гнуться и

мысли путаться. Она съ трудомъ преодолѣла себя, смочила снѣгомъ высохшія губы и двинулась дальше. Вскорѣ далекій лай собакъ ободрилъ ее.

— Еще немного... Еще смогу! Проснулись уже люди или нѣтъ? Вотъ что важно! Если проснулись, войду прямо въ юрту... Пусть со мной дѣлаютъ, что хотятъ...

Холодный потъ облилъ ее, когда она стала размышлять, что могутъ съ ней сдѣлать остервенѣлые отъ испуга люди.

Въ мутной снѣговой дали неясно обрисовались очертанія засыпанныхъ снѣгомъ юртъ. Жильцы ихъ еще спали. Огонь не свѣтился въ ледяныхъ окошечкахъ и дымъ чуть струился изъ трубъ. Поодаль чернѣли меньшія строенія, амбары и скотники. Мергень замедлила шаги. Собаки съ лаемъ бросились къ ней, но она остановила ихъ якутскимъ окрикомъ. Они знали ее, дружили съ ней и теперь подошли къ ней, виляя хвостами въ ожиданіи обычной подачки. Мергень быстро проскользнула мимо дома и собакъ въ скотный хлѣвъ. Когда она открыла его двери, ее обдалъ острый запахъ навоза, столь милый всякому якуту. Мергень вошла тише тѣни, содрагаясь отъ страстнаго волненія. Мгновеніе она стояла неподвижно и слушала. Кто-то спалъ въ хлѣву. Его мѣрное дыханіе внятно пробивалось сквозь вздохи и сопѣніе жующихъ жвачку животныхъ. Неизвѣстный продолжалъ крѣпко спать, и Мергень протянула жадно впередъ руки. Пальцы ея коснулись мохнатой, теплой спины. Тогда она скользнула ладонями вдоль тѣла поискала вымя и прикурнула на колѣняхъ подъ брюхо животнаго. Вымя было полно молока. Якутка почти легла подъ вздутымъ животомъ скотины, охватила его руками и прильнула судорожно губами къ соскамъ. Сладостная нѣга и теплота разлилась по всему тѣлу несчастной; она почувствовала, какъ ея собственныя груди, такъ долго остававшіяся пустыми, наливаются молокомъ и кровью съ каждымъ новымъ глоткомъ.

— Кто тутъ?!. Кто здѣсь?!.—окрикнулъ ее испуганный женскій голосъ, когда она уже обратно подкрадывались къ дверямъ.

Хищница успѣла выскочить въ самый разъ; изъ трубы юрты во дворѣ вылеталъ густой, искристый багровый дымъ и внутри гудѣли голоса. Мергень выбѣжала изъ воротъ веселая, добрая, раздумывая, залаютъ ли на нее собаки или нѣтъ, и что подумаетъ про ночное посѣщеніе караулившая скотъ работница?

По утру дома собравшіеся кругомъ огня прокаженные встрѣтили ее радостными восклицаніями.

— Ты вернулась и, можетъ быть, что-нибудь принесла?!.

Мергень встряхнула отрицательно головой и взяла ребенка у нянчившей его Анки.

— Ничего не нашла... Завтра!..

Но и на слѣдующій день она не нашла ничего.

Вернулась она поздно, уже днемъ, съ простреленной ногой.

Больные не рѣшились ее разспрашивать. Мрачная съ судорожно стиснутыми зубами, она безъ посторонней помощи осмотрѣла и перевязала свою рану. Ночью случился съ ней бредъ и лихорадка. Ея стоны скоро перешли въ дикое, похожее на вой, пѣніе, которому немедленно завторили волки, ѣвущіе на дворѣ трупъ Салбана. И этотъ страшный хоръ уже не замолкалъ, только то крѣпчалъ, то слабѣлъ временами. Однообразіе его нарушали лишь восклицанія больной, проклятія, звѣроподобные звуки, ржаніе и взвизгиваніе... Прокаженные перестали вѣрить, что это голосить женщина... Во мракѣ юрты вдругъ замелькали всѣ злые боги, повелители голода, мора и страданій... Младенецъ умеръ...

. . . .

Набѣги Мергень не остались, однако, безъ послѣдствій.

Нѣсколько дней спустя больные услышали зовъ снаружи и поплелись къ выходу.

— Не подходи... Стой!..—заревѣлъ якутъ, когда они открыли двери. Онъ угражающе выставилъ впередъ свое копье—пальму.

— Я вамъ привезъ ѣду... общество послало... До весны должно вамъ хватить... Больше не будетъ!.. Сами голодаемъ... Для Теченія я привезъ сѣти, пусть рыбу ловитъ... Сами вы себѣ должны ѣду промышлять, не всѣ вѣдь вы помираете.

— Сѣти всегда старые, никуда не годные,—жаловался Теченіе.

— Даромъ даемъ, жалѣючи даемъ!.. Бери, что есть... А пусть эта чартова дочь, колдунья Мергень, не шляется, скажите ей, что убьемъ ее, какъ собаку... Нѣтъ такого закона, чтобы моръ по свѣту разносить.

— Не пустимъ ее больше, она ранена, она болѣетъ!.. Будьте увѣрены,—кричали восторженно нищіе...

— Послушай... не уходи...—начала говоритъ слабымъ голосомъ Анка.—Послушай... попроси князя... скажи ему, что жалуюсь я, что Петручанъ... обманулъ меня... нѣтъ... не обманулъ, а по ошибкѣ забылъ отдать мнѣ мой скотъ... Пусть отдастъ также мои вещи.

— Говори громче!—издали прокричалъ якутъ.

— Да не... могу... Подойди ближе... не бойся, я еще здорова...

— А!.. эты ты, Анка!.. Бѣдняжка, зачѣмъ ты ушла сюда?

— Ничего не подѣлаешь!.. Значить—судьба! Скажи князю, пусть прикажетъ отдать мнѣ скотъ и вещи... они мои... у Петручана...

— Пусть прикажеть, а то сами пойдемъ за ними...

— Не смѣйте!.. Живьемъ васъ изжаримъ, запремъ въ пустую юрту и сожжемъ... Вотъ подлецы!..—ругался якутъ.

— Всѣхъ отравимъ, всѣмъ ядъ привьемъ!..—воскликнула бѣшенно Мергень, не осмѣливаясь, однако, выглянуть за двери.

— Что она? Съ ума сошла!?. Вотъ баба-то звѣрь!!.—заговорилъ вдругъ спокойно пріѣжій.—Вы думаете, намъ васъ не жаль?.. Жаль, еще какъ,

да сами нуждаемся теперь и голодаемъ... Дневной свѣтъ меркнетъ, когда человѣкъ живыми глазами посмотритъ на ваши мученія, но что же мы можемъ подѣлать? Даемъ, сколько въ состояніи дать! И князю я согласенъ сказать, а только вы ужъ насъ пощадите, не трогайтесь съ мѣста, сидите въ вашемъ углу...

— Иди съ Богомъ! Будьте счастливы, живите, богатѣйте и не забывайте насъ, среди послѣднихъ послѣднѣйшихъ, среди несчастныхъ несчастнѣйшихъ!..—кричали вслѣдъ ему прокаженные.

V.

Кратковременны здѣсь весна, лѣто и осень—кратковременны и скоротечны. Они пролетаютъ здѣсь въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи. Особенно весна полна необычнаго шума, движенія, рокота бѣгущихъ потоковъ, пѣнія и говора перелетныхъ птицъ, живительныхъ дуновеній южнаго вѣтра. Земля, точно въ упоеніи, при несмолкаемыхъ возгласахъ радости и нѣги, спѣшитъ сбросить съ себя снѣговые покровы. Съ поразительной быстротой таютъ снѣга, рвутся, слетаютъ, обнажаются черныя вспухшія груди бугровъ, скользкія покатости обрывовъ, мысы и острова. Всплываютъ изъ подъ снѣга черные лѣса, напоенные теплой влажностью и ароматомъ древесной смолы. Тамъ и сямъ блестятъ голубые заливы живой воды. Тучи пернатыхъ гостей, бѣлыхъ какъ снѣгъ лебедей, сѣрыхъ утокъ и гусей, мелкихъ и безчисленныхъ, точно пчелиные рои, куликовъ, плавунчиковъ, полевыхъ пѣтушковъ садятся на прогалинахъ, плещутся въ водѣ, гогочутъ, шныряютъ въ прошлогоднихъ пожухлыхъ аирахъ. Разнообразные голоса ихъ тонутъ въ общемъ гомонѣ жизни, какъ звуки отдѣльныхъ инструментовъ въ музыкѣ оркестра. Онъ гремитъ непрерывно въ лучахъ незаходящаго солнца, никто не спитъ, не отдыхаетъ; всѣ торопятся вволю насладиться тепломъ, любовью, движеніемъ... всѣ точно боятся, глядя на скованныя еще льдами озера, что вотъ-вотъ вернется только что исчезнувшая зима. Проснулись, наконецъ, все еще дремлющіе, крупные водоемы. Въ нихъ собралось уже достаточно воды, поднялись ихъ ледяные щиты и заколебались. Кругомъ, вдоль береговъ образовались широкіе «заберегиʼ», въ которыхъ волны, вздымаясь, крошили и объѣдали постоянно края оставшихся льдовъ. Рыбы весело заплескались въ просторныхъ полыньяхъ. Нерѣдко послѣ жаркаго дня, когда заря клала на черныя спокойныя воды свой алый отблескъ, въ столбахъ свѣта можно было замѣтить ряды неподвижныхъ черныхъ точекъ, это огромныя рыбы высунули наружу кончики мордъ и лѣниво отдыхали въ теплой водѣ. Ихъ жабры, уставшіе дышать въ зимнихъ, тинистыхъ омутахъ, жадно втягивали теперь съ влагой пахучій свѣжій воздухъ. Днемъ рыбьи круги постоянно мутили воду.

Теченіе смолилъ на берегу лодку. Онъ прилежно водилъ горячимъ

желѣзомъ по швамъ, предварительно усыпаннымъ толченой лиственной смолой. Легкій вѣтерокъ далеко кругомъ разносилъ вмѣстѣ съ синимъ дымомъ пріятный ароматъ горящаго янтаря. У огня сидѣла Бытерхай съ вѣнкомъ желтыхъ полярныхъ анемоновъ на черныхъ кудряхъ. Другого платья на ней не было. Она упиралась локтями въ согнутыя колѣни, а на ладони положила головку и внимательно слушала пѣсенку рыбака мягко звучащую на фонѣ мощнаго весенняго хора:

Изъ праваго ворота выходила красота—душа,
Ея русая коса ниже пояса была...
Ой, ой! Дунай... Дунай-даюшка ты мой!
Къ ней все въ гости пріѣзжали разбогатые купцы,
Разбогатые купцы, все донскіе казаки...
Ой, ой! Дунай! Дунай-даюшка ты мой!..!
Продаешься ли, красотка, за серебряны рубли?
Милый твой лежитъ покойный во широкомъ во-пуху...
Ой, ой!.. Дунай... Дунай-даюшка ты мой!

— Ты это какъ поешь, Теченіе?

— А что? Нравится тебѣ?.. Это «губернская» пѣсенка, русская пѣсенка! И-и-і... Сколько тамъ чудесъ?! Церквей сколько, домовъ, людей. Охъ-сіэ! Ходилъ я туда и не разъ... Ты, дѣвка, не думай, что я всегда такой безногій... Нѣтъ, и я былъ проворенъ, и меня любили женщины...

— Голосъ пѣсенки шибко хорошъ! Переведи ее, Теченіе!..

Рыбакъ терпѣливо перевелъ слова по-якутски.

— Что она продастъ имъ, Теченіе?

— Себя продастъ. Тамъ такъ и сказано, что себя.

— И чтоже: они съѣдятъ ее?

Теченіе засмѣялся.

— Дурочка ты! Выростешь, узнаешь!..

— Какъ узнаю, если отсюда не выйду?

— И то правда. Не выйдешъ отсюда. Отсюда никто не выходитъ...

Дитя и рыбакъ невольно взглянули на тотъ берегъ озера, гдѣ надъ далекимъ лѣсомъ вился чуть замѣтный сизый дымокъ.

— Эхъ!.. Погоди... Есть у тебя еще время впереди, дѣвка!.. Не тужи, говорю тебѣ. Еще тебѣ, можетъ быть, Богъ кого пошлетъ... А теперь помоги мнѣ стащить лодку на воду и поплывемъ забрасывать сѣти...

Изъ праваго ворота выходила красота...

Запѣлъ онъ, но сейчасъ же спохватился.

— Тссть!.. Тихонько надо двигаться. Ты садись сзади и, помни, не шевелись. И меня утопишь, и сама утонешь...

Легкая лодочка ласточкой помчалась по спокойной водѣ. Рыбакъ описалъ большую дугу, повернулъ ее и сталъ выбрасывать сѣти. Бытерхай свѣсила голову на край суденышка и наблюдала, какъ дрожитъ, колеблется, ломается въ водѣ ея отраженіе, какъ мутнѣютъ въ набѣгавшей волнѣ желтыя анемоны вѣнка. Теченіе составилъ весьма хитрый

планъ. Онъ отрѣзалъ сѣтями отступленіе назадъ рыбѣ, грѣющейся у береговъ. Затѣмъ онъ сталъ ее пугать, разсчитывая, что въ суматохѣ она не замѣтитъ западни. Разсчеты его вполнѣ оправдались. И когда рыбакъ съ большимъ шумомъ плавалъ по ометанному мѣсту, берестяные поплавки сѣтей то и дѣло ныряли въ воду, которая сильно рябилась и бурлила подъ ними. Уловъ оказался сверхъ ожиданія обильнымъ. Вскорѣ дно лодки загудѣло подъ ударами вынутой изъ воды рыбы. Большія щуки широко раскрывали зубастыя пасти, силясь что-нибудь укусить передъ смертью. Но Бытерхой и не думала класть туда палецъ. Плоскія, серебристыя «бранатки», съ карими глазами, подскакивали всѣмъ тѣломъ сразу, точно подбрасываемыя въ рѣшетѣ серебряные рубли. Теченіе одну изъ нихъ удержалъ дольше въ рукахъ.

— Смотри, Бытерхай! Эта рыба, какъ мы... Отъ этой рыбы болѣзнь наша...—сказалъ онъ, протягивая къ дѣвочкѣ рыбу съ странно распухшей головой, покрытой шрамами и ссадинами, напоминающими проказу. Чудовище вяло трепыхалось въ пальцахъ ребенка и злобно глядѣло ему въ лицо мутными, скверными глазами.

— Я пущу ее, Теченіе... Мнѣ жаль ее...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Не отпускай!.. Ее нужно на берегъ, да такъ въ землѣ зарыть...

— Мнѣ жаль ее, она какъ мы!..—шептала дѣвочка.

— Да, да... Это отъ нихъ мы гибнемъ. Такую рыбу человѣкъ съѣстъ, даже не знаетъ, что врага съѣлъ. У нихъ въ началѣ, какъ и у людей, не замѣтно, маленькія только подъ чешуей пятна... Зарыть ее надо въ землю живьемъ, чтобы, Боже упаси, капля крови не упала нигдѣ, чтобы ядъ не отравилъ цвѣтка или ягоды... Даже изъ-подъ земли онъ вылѣзетъ, черви вынесутъ его наружу, птицы растащутъ во всѣ стороны... Лучше бы сжечь, но огонь не любитъ скверноты, сердится, мститъ...

Такъ разговаривая, они плыли къ берегу. Луна взошла и, подмѣшивая свое серебро къ красному зареву заката, освѣщала имъ дорогу. Дальше за ними въ сумеркахъ колыхались розовыя отъ зари льдины, а еще дальше синѣли дымчатыя дали береговъ. Когда рыбаки вышли на землю и взглянули съ бугра на окрестности, они увидѣли кругомъ тысячи такихъ блестящихъ водоемовъ, красныхъ отъ заката, серебристыхъ отъ льдовъ и луннаго свѣта, чуть прикрытыхъ, точно рѣсницами, зеленоватыми побѣгами рѣдкой тайги. Якутъ направился съ дѣвочкой прямо къ юртѣ, сквозь открытыя двери которой виднѣлся весело пылающій огонь. Руки ихъ были полны добычи, а сердце — радости. У порога ихъ встрѣтила Мергень, которая вышла позвать ихъ ужинать.

— Съ промысломъ!..—привѣтствовали ихъ громко остальные.

Ихъ окружили и стали осматривать рыбу.

— Пожалуй, хорошій будетъ годъ!..—замѣтилъ Грегорій.

— Да вотъ, если бы рѣчку перегородить, Грегорей... Запаслись бы мы рыбой на всю зиму...

— Кости болятъ у меня... Вода холодная... — отвѣтилъ задумчиво якутъ.

— Въ воду незачѣмъ входить глубоко... Тамъ городьба уже раньше стояла и остался даже одинъ столбъ...

— Еще свалюсь внизъ... Руки у меня совсѣмъ ослабѣли!.. Тамъ глубоко, я плавать не умѣю...

— Дѣйствительно, еще упадетъ!..—согласилась Анка.

— Да вѣдь и я пойду... У меня ноги хуже его, а я не боюсь... Обо всемъ такъ судить можно, но тогда заживо сгнить остается... Тогда человѣкъ раньше силъ своихъ умретъ...

— Что тутъ долго разсуждать! Грегорей долженъ пойти... Это его работа, мужская обязанность... Если ты, Течевіе, пойдешь, то и онъ долженъ пойти!..—вскричала Мергень.—Иначе не дадимъ ѣсть ни ему, ни Анкѣ. Она здоровая, она сюда по собственной волѣ пришла... Ѣду общество только больнымъ поставляетъ, нечего объѣдать ихъ...

Грегорей молчалъ.

— Пойду я одна съ Течевіемъ...—сказала робко Анка.

— Иди, иди!.. Тамъ кругомъ кусты густые!—разсмѣялась Мергень.

— А можетъ быть, и ты пойдешь съ нами?..—чистосердечно спросилъ Течевіе у Мергень.

— Какъ же!? А дома кто останется... присмотрѣть Кутуяхсытъ?—проворчала якутка.

— Не надо! не надо...—простонала старуха... Идите всѣ, копите пищу... Мнѣ только утромъ оставьте немного ѣды, воды заготовьте и ступайте... всѣ ступайте!..

— Такъ пойдешь съ нами, Мергень?—Вотъ ловко! Ты вѣдь крѣпкая, удалая...—обратился къ якуткѣ льстиво Течевіе.

— Посмотримъ!..—отвѣтила та мрачно.

На другой день по утру, во время завтрака она предложила мужчинамъ съ дружеской улыбкой:

— Вотъ какъ сдѣлаемъ: пусть Течевіе съ Анкой отправляются рѣчку городить, а мы съ Грегорьемъ нарѣжемъ, наготовимъ тальнику и станемъ плести «морды»... «Мордъ» у насъ нѣтъ, а безъ нихъ не зачѣмъ городьбу городить...

— Правда, а только мы морды думали вечерами доспѣть. Что за работа для двоихъ мужчинъ двѣ морды сплести?!

Грегорій тоже вдругъ заупрямился.

— Пойду да пойду!—повторялъ онъ упрямо.—Колья вамъ таскать стану... Лишь бы могъ я на мостикѣ удержаться... все стану дѣлать...

Мергень не сказала больше ни слова, только ложку сердито бросила на столъ и отошла въ свой уголъ. Она, разумѣется, не пошла съ ними и никто не смѣлъ объ этомъ ей напомнить.

— А что? Побоялся!..—шепнулъ Анкѣ съ улыбкой Теченіе и кивнулъ головою въ сторону Грегорья, который съ топоромъ на плечѣ шелъ впереди ихъ. — Побоялся!.. Говорю тебѣ... Онъ знаетъ, что я лютъ до бабъ, лютѣе татарина... Право!

— Разсказывай!..—смѣялась Анка, довольная и необычно веселая.

Они миновали уже ближайшій къ юртѣ «кочкарникъ» и вошли въ тальниковыя рощи, безлистныя, но уже покрытыя кистями серебристыхъ сережекъ. Бытерхай шла въ концѣ кортежа и все время пѣла, какъ птичка; она не пропустила ни одной лужи, чтобы не взглянуть въ нее на себя, не полюбоваться платкомъ, который набросила ей Анка на плечи отъ комаровъ, вмѣсто рубашки. Утки, которыя уже разбились на пары и разсѣялись по кустамъ и камышнику вить гнѣзда, то и дѣло вспорхивали у нихъ изъ-подъ ногъ; бѣлыя, чуть пестрѣющія къ веснѣ куропатки съ карканьемъ взлетали на вершины лиственницъ. Теплый вѣтерокъ дулъ имъ въ лицо, гналъ по небу бѣлыя тучи, качалъ деревьями и сгонялъ прочь преслѣдующихъ ихъ комаровъ... Рыжыя прошлогоднія травы тоскливо шумѣли, точно жаловались, что приходится имъ умирать именно теперь, когда все кругомъ вновь зеленѣетъ. Нѣжная, блѣдная зелень, точно золотистый туманъ окутывала освѣщенные солнцемъ лѣса, ложилась тонкой пеленой на грязно-желтые луга, отражалась въ чистой, стремительной рѣчушкѣ вмѣстѣ съ коричневыми пнями и сизыми вѣтвями нависшихъ надъ ней деревьевъ, вмѣстѣ съ голубымъ небомъ надъ ними. Глубокія струи воды съ мѣрнымъ рокотомъ неслись изъ озера въ озеро.

Рыбаки остановились на берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ большой черный столбъ торчалъ изъ воды; теченіе колебало имъ и темное его отраженіе странно дрожало и мерцало на водѣ, точно стремилось оторваться и уплыть съ бѣгущими мимо волнами. Стаи молодыхъ рыбокъ съ видимымъ интересомъ кружились недалеко отъ этого страшнаго пугала и бросались бѣжать лишь только въ его поведеніи происходила малѣйшая перемѣна.

— Здѣсь перегородимъ, здѣсь самое узкое и самое неглубокое мѣсто!..

Бытерхай развела огонь. Взрослые принялись вырубать бревна и стаскивать ихъ къ берегу. Затѣмъ они построили маленькій плотъ и при его помощи вбили первый столбъ. На немъ они укрѣпили въ видѣ мостика два древесныхъ пня, вбили слѣдующій столбъ, устроили мостикъ дальше и такъ, шагъ за шагомъ, подвигались постепенно къ серединѣ протока. Анка съ ужасомъ глядѣла, какъ дрожатъ подъ ихъ тяжестью неокрѣпшіе еще лѣса, какъ быстрина напираетъ на столбы, вырываетъ у людей изъ рукъ погруженные въ нее бревна, поворачиваетъ ихъ поперегъ и угрожаетъ ежеминутно опрокинуть въ воду и работающихъ, и ихъ работу.

— Господи!.. Берегитесь, не упадите...—шептала въ ужасѣ Анка.

— Не болтай!.. Только пугаешь... Мы и такъ едва стоимъ...— шутилъ Теченіе, вгоняя изо всей силы новый столбъ въ дно. Грегорéй держалъ балку, Теченіе колотилъ ее толстымъ полѣномъ, а вода внизу съ шипѣніемъ завивала пѣнистыя змѣйки кругомъ новаго врага ея быстрины. Къ вечеру рыбаки едва добрались съ работою до половины русла и вернулись домой усталые и голодные. Уже издали они замѣтили отсутствіе огня на каминѣ, дымъ не струился изъ трубы въ достаточномъ обиліи и въ окнахъ не было видно свѣта.

— Не сварила, должно, быть ужина, проклятая баба!..— бѣсился Теченіе.

Въ темной юртѣ царила глубокая тишина. Кутуяхсытъ проснулась только тогда, когда они растопили огонь.

— Съ голоду я уснула...—объяснила имъ старуха.—Мергень все унесла. Взяла лучшій котелъ, топоръ, ножъ, вещи собрала въ узелъ и пошла... Спрашиваю ее: куда? Молчитъ, точно не человѣкъ говоритъ къ ней... Лучшій котелъ, топоръ, ножъ, вещи собрала въ узелъ и всю пищу... Говорю ей, молчитъ; точно не человѣкъ...—повторяла обиженно старуха.

— Ножъ, топоръ, самый лучшій котелъ...—бормоталъ изумленно Теченіе. Онъ бѣгло осматривалъ оставшіяся хозяйскія принадлежности.

— Охъ-сіэ! Да вѣдь она взяла и мою сѣть, лучшую сѣть... Пожалуй, что и лодку увела...—добавилъ онъ испуганно и выскочилъ вонъ изъ юрты; другіе послѣдовали за нимъ.

— Ну и дьяволъ!.. Пусть ее не минуетъ гибель!.. Язви ее проказа въ самое сердце. Взяла все!

— Оставила насъ, все равно, безъ рукъ... Завтра въ ротъ положить нечего будетъ... Сѣти-то на озерѣ, а она лодку. Побей ее громъ!..—горячился рыбакъ.

Онъ сейчасъ же хотѣлъ строить плотъ и отправляться за сѣтями, но Грегорей остановилъ его.

— Навѣрно взяла ихъ... Только попусту ночь промаешься... Язва она, извѣстно!.. Ну ее къ черту!..

— Можетъ, и лучше, что ушла... Спокойнѣе будетъ... Если намъ вернутъ скотъ, все выйдетъ хорошо... Богъ милостивъ, не дастъ погибнуть намъ неповинно,—утѣшала ихъ Анка.

— Какъ же? Вернутъ тебѣ!.. Развѣ сама пойдешь за нимъ... Кто тамъ торопится?!. Да и что подѣлаемъ мы безъ лодки, безъ сѣтей??— не унимался Теченіе.

— Все-таки лучше будетъ, спокойнѣе... Завтра, Богъ дастъ, городьбу кончимъ, добывать станемъ,—повторяла Анка.

— Скоро комаръ пойдетъ, а у насъ нѣтъ ни крошки запасовъ! — замѣтилъ мрачно Грегорей.

— ...Взяла лучшій котелокъ, ножъ, топоръ, вещи собрала въ

узелъ... Говорю ей: куда? — разсказывала въ десятый разъ Кутуяксытъ.

Бытерхай шныряла по угламъ, разыскивая, не оставила ли тамъ невзначай Мергень отнятой у нея рубашки.

VI.

Ночью, если на небѣ нѣтъ облаковъ, обильныя испаренія здѣшнихъ озеръ отъ соприкосновенія съ остатками льда сгущаются въ сѣдую мглу. Она покрываетъ окрестности сплошнымъ бѣлымъ пушистымъ ковромъ. На поверхности ея, точно барашекъ, вьются отдѣльныя струйки. Снизу просвѣчиваютъ темныя пятна бугровъ, мысовъ, перешейковъ. Лѣса пробиваются сквозь мглу и чернѣютъ верхушками надъ ней въ видѣ странныхъ воздушныхъ островов.

Вездѣ тишина и бѣлизна зимы, но въ то же время тепло, мягко и трепетно чутко. По временамъ подтаявшая снизу льдина шлепнется съ грохотомъ въ воду, разорветъ острой вершиной пелену тумана и на мгновеніе блеснетъ изъ подъ нея снизу черная съ просѣдью рябь озера. Стая утокъ проплыветъ съ кваканьемъ на утреннія пажити, беззпечная подъ туманной, молочной броней. Выше въ чистомъ воздухѣ пусто; не видно орловъ и коршуновъ, не пищатъ ястреба, чайки дремлютъ еще въ гнѣздахъ, защищая яйца отъ холодной росы. На блѣдномъ небѣ мерцаютъ блѣдныя звѣзды, и только съ каждымъ мгновеніемъ растетъ и крѣпнетъ румяная заря. Цвѣта ея густѣютъ и все шире разливаются по небу, все ярче и глубже окрашиваютъ колышущіеся туманы. Весь горизонтъ напоенъ огненнымъ ихъ блескомъ. Наконецъ, оттуда, гдѣ кроется восходящее солнце, брызнулъ далеко на небо золотой лучъ. Звѣзды потухли. Легкій вѣтерокъ побѣжалъ мелкой волною по мгламъ. Къ первому лучу присоединился второй, третій... цѣлый столбъ лучей—золотыхъ, ослѣпительныхъ, быстрыхъ, а за ними взошло солнце. Туманы порѣдѣли, озера начали блестѣть, всплыли кругомъ нихъ весенніе блѣдно-зеленые берега. Вѣтерокъ погналъ льды изъ края въ край по волнамъ. Они плыли, колыхались, звонко постукивали другъ о друга, а солнце зажигало пламенныя искры въ ихъ мокрыхъ граняхъ.

Такъ восходитъ здѣсь солнце ежедневно, пока льды не стаютъ въ конецъ.

Обыкновенно прокаженные не выходили изъ юрты въ туманъ. Сырость болѣзненно дѣйствовала на ихъ ослабѣвшее тѣло. Но на этотъ разъ любопытство взяло верхъ и Теченіе ушелъ до всхода солнца, на рѣчку, осмотрѣть съ вечера поставленную въ городьбѣ «морду». Неотлучная Бытерхай сопутствовала ему. Сонные, кислые они брели среди тумана по старымъ слѣдамъ... Слабые голоса просыпающагося дня долетали къ нимъ съ озеръ и тайги.

— Скажи, Теченіе, что будетъ, если мы столько поймаемъ рыбы, что не подъ силу окажется снести ее намъ?!—шептала тихонько дрожащая отъ холода Бытерхай.

— Не болтай! Промышленникъ никогда такъ не долженъ сказывать!.. Пусть только Богъ дастъ, а какъ-нибудь справимся...

— Страшно въ туманѣ... Все будто кто-то сбоку стоитъ... Ей-Богу стоитъ!.. Теченіе, милый, я боюсь, я не пойду... Дай мнѣ руку... коснись меня... хоть дай мнѣ палецъ...

Рыбакъ добродушно протянулъ назадъ руку и подалъ дѣвочкѣ указательный палецъ. Тропинка была на столько узка, что рядомъ они по ней идти не могли.

— Теченіе, скажи правду: стоитъ тамъ что-нибудь или нѣтъ?!

— Ну тебя!.. Сказалъ: не стоитъ!

— Зато ходитъ! Слышишь, какъ трещитъ? Господи!.. Это, должно быть, самъ чортъ хохочетъ... Господи! что будетъ съ нами?!

— Молчи!.. Не поминай недоброе... Это гагара хохочетъ... Впрочемъ, правда твоя, что-то трещитъ!..

Они остановились. Рѣчка была уже недалеко, ея однообразный шумъ явственно долеталъ къ нимъ. Теченіе замеръ и прислушался; Бытерхай прильнула неподвижно къ его ногѣ.

— Что?.. Что слышно?...

— Ходитъ... Кто-то ходитъ по мостикамъ. Слышишь, какъ стучатъ жерди?!

Дѣвочка закрыла глаза и присѣла къ землѣ. Она буквально отъ страха превратилась въ льдинку. Рыбакъ продолжалъ внимательно слушать. Взоръ его мало-по-малу сталъ различать въ туманѣ болѣе темную грань земли и силуэты деревьевъ, склонившихся надъ свѣтлой, воздушной пропастью рѣчки.

— Вотъ она, вотъ тутъ рѣчка!..—шепнулъ онъ.

Туманъ въ этой пропасти непрерывно колебался, точно дергали его снизу струи бѣгущей воды. Рѣже пролетали болѣе крѣпкія, воздушныя теченія и рвали сплошную туманную занавѣсь, образуя въ ней окна и прорѣхи. Одинъ изъ такихъ порывовъ на мигъ обнажилъ столбы и мостики городьбы. На нихъ дѣйствительно стояла темная, низко склонившаяся фигура. Въ то же время опять скрипнули мостики, раздался всплескъ воды и сопѣніе.

— Медвѣдь!..—пробормоталъ испуганный якутъ. Бытерхай затряслась и вскочила.

— Тише!.. Молчи!.. Съѣстъ насъ!

Вначалѣ медленно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, они попятились назадъ и побѣжали.

— Только бы туманъ не сдуло вѣтромъ... Торопись, дѣвка!..—шепталъ Теченіе на бѣгущую впереди него дѣвочку.

— Медвѣдь! — вскричалъ онъ, врываясь въ юрту. — И ловко мы

удрали!.. Я и не думалъ, что мои ноги въ состояніи такъ быстро шевелиться!?

— Гдѣ вы *его* встрѣтили?

— Конечно, «морду» нашу онъ осматривалъ, захотѣлъ рыбы поѣсть!.. Стоитъ на мостикѣ, черный большущій, какъ туча, и мастеритъ себѣ! Только бы столбовъ не вывернулъ...

— Что столбы?! Разъ *онъ* узналъ дорогу, не скоро оставитъ насъ... Разъ рыбы поѣлъ,—все пропало!..—сѣтовалъ Грегорей.

— Пропали наши труды!..—заголосили Анка и Кутуяхсытъ.

— Теперь онъ будетъ караулить... Чего добраго, и къ намъ въ амбаръ еще навѣдается... Теперь онъ голоденъ... Кореньевъ нѣтъ, ягодъ нѣтъ, утята еще не вылупились, куропатки и зайцы ушли въ камни... Будетъ онъ нашу рыбу караулить... «Морду» въ воду броситъ и будетъ ее осматривать... Доля наша проклятая!..—согласно причитали якуты.

Въ большомъ страхѣ они просидѣли весь день въ юртѣ, поддерживая большой на каминѣ огонь. Бытерхай частенько выходила за порогъ и возвращалась съ радостнымъ сообщеніемъ:

— Не идетъ, не слышно!..

— Только бы не съѣлъ онъ Мергень! Развѣ трудно медвѣдю съѣсть одинокую женщину,—замѣтила со вздохомъ Кутуяхсытъ.

— Зачѣмъ убѣжала? А все-таки жалко, хорошая изъ нея вышла бы хозяйка,—отвѣтилъ Теченіе.

— Ничего ей онъ не сдѣлаетъ!.. Ночью будетъ баба жечь огонь, а днемъ онъ не придетъ... У Мергень есть лодка, сѣти, у нея все на озерѣ, на материкѣ это совсѣмъ не то...

— Да!.. Еслибъ у насъ была лодка, мы бы тоже могли пробраться по рѣчкѣ, посмотрѣть издали... Хотя *онъ* и плаваетъ, а уйти отъ него на ладьѣ можно. А что Грегорѣй, что зря сидѣть? сами себѣ сшили бы мы тунгусскую «берестянку»? Что ты на это скажешь? А?!

— Корья-то откуда возьмемъ?.. Лучше пусть Анка пойдетъ къ князю, все разскажетъ. О скотѣ тоже могла бы она похлопотать по пути... Не убьютъ ее вѣдь, а такъ всѣ мы помремъ.

Анка тоскливо взглянула на мужа и промолчала.

На завтра подъ давленіемъ голода, мужчины преодолѣли страхъ и двинулись въ поиски за пищей.

— Смотри, гдѣ пристроилась вѣдьма!—сказалъ Теченіе, указывая на крошечный островокъ среди Большого озера.—Хорошо выбрала. Кругомъ все видно... Вездѣ близко, а достать ее нельзя! Подожди, проклятая, ужъ рано или поздно, а отниму я у тебя мои сѣти... Не даромъ я всю зиму глаза на нихъ изводилъ, починялъ! Ужъ я ихъ найду... только лодку бы мнѣ.

Грегорѣй не отвѣчалъ; онъ долго и внимательно глядѣлъ на зеленый крошечный кружокъ земли, брошенный одиноко среди голу-

баго, водяного простора. Солнце золотило кудрявую листву острова и воду кругомъ него; надъ вершинами деревьевъ вился сизый дымокъ. Онъ-то и выдалъ Мергень.

— Да, хорошо выбрала!.. Комаровъ мало, всюду близко... Пусть сидитъ!.. А мы достанемъ коровъ и намъ тоже будетъ не дурно. Анка пойдетъ. Я ужъ знаю, она пойдетъ. Сѣно будемъ косить... Развѣ намъ теперь худо безъ ссоръ, безъ ругани?.. Тихо, спокойно... Не люблю, когда бабы ругаются, все чего-то ждешь, все опасаешься... Пусть она сидитъ себѣ на островѣ... Съ Богомъ!..—разсуждалъ всю дорогу Грегорій.

Промышленники вернулись съ довольно обильной добычей. Они нашли нѣсколько утиныхъ гнѣздъ и хотя яйца были уже съ зародышами, но и это—«слава Богу»—пища!

Дня черезъ два они до того набрались смѣлости, что рѣшили провѣдать «городьбу». Они отправились послѣ завтрака. Теченіе вооружился старой сковородой и барабанилъ въ нее все время. Грегорѣй размахивалъ пылающей головней. Оба они неистово ревѣли. Теченіе шелъ впереди, но высказывалъ мало довѣрія къ товарищу; онъ частенько оглядывался назадъ; Грегорѣй отвертывался, пряча отъ него поблѣднѣвшее лицо и глаза.

— Сознайся, Грегорѣй! Бросишь меня, если *онъ* выскочитъ? — не-утерпѣлъ и спросилъ наконецъ рыбакъ.

— Охъ, должно быть, брошу!—сознался Грегорѣй.—Сердце сидитъ у меня въ глоткѣ...

— Тогда *онъ* съѣстъ меня... Куда дѣнусь я на моихъ ослабшихъ ногахъ... Даже на дерево не взлѣзть мнѣ... Знаешь, не пойдемъ лучше, а подожгёмъ лѣсъ!

Сырой, весенній лѣсъ не хотѣлъ горѣть.

— Пусть будетъ, что̀ будетъ! — мужественно рѣшилъ тогда Теченіе. — Пойдемъ, Грегорѣй, все равно, какъ умереть, умремъ вѣдь съ голоду!

Они опять принялись шумѣть, двигались они тихо, но вскорѣ очутились надъ рѣчкой. Здѣсь все осталось по прежнему. Солнце золотило зеленоватыя струи, въ которыхъ отражались живописно нависшія надъ ними ивы и ольхи. Черные мостики городьбы бросали сверху на воду трепетныя тѣни, кругомъ столбовъ вились обычныя змѣйки теченія. Якуты чутко прислушивались, не трещитъ ли гдѣ, но когда все кругомъ оказалось спокойно и неподвижно, они быстро развели огонь и принялись осматривать изгородь. Та оказалась попорченной, а «морда» совсѣмъ исчезла.

— Проклятая людоѣдка! Смотри, ножомъ порѣзала! Что она съ нами хочетъ сдѣлать?! — вскрикнулъ неожиданно Теченіе, который первый подошелъ къ мосткамъ.

— Что же ты говорилъ, что медвѣдь!? Что же ты говорилъ? Что ты думалъ, пустая башка, людей голодомъ морилъ!...—вспылилъ Грегорѣй.

Теченіе поглаживалъ въ смущеніи подбородокъ.

— Черное было, большущее казалось... Никогда въ туманъ не пойду на промыселъ...—шепнулъ онъ.—Смотри, смотри: вотъ гдѣ она, наша морда! Застряла въ тальникахъ. Людоѣдка отпустила ее съ водой... рыбы даже не взяла... Смотри, плаваетъ гнилая внутри морды... О дьяволъ! Лишь бы намъ напакостить! И чего ей надо?... А городьбы-таки не могла сломать!.. Хорошо мы ее доспѣли!.. Только одно прясло вырвало... Должно быть, я тогда помѣшалъ ей... испугалась.

— Какъ же! Сбросилъ бы ты ее однако въ воду, какъ она эту морду, не пожалѣлъ бы!..—насмѣхался надъ нимъ Грегорѣй.

— Эхъ! Однако подумалъ бы я... Лошадь-баба! Молодецъ-баба! А только... все таки... стоялъ бы я однако на берегу да кричалъ! — отвѣтилъ весело Теченіе, къ которому съ исчезновеніемъ опасности вернулось хорошее расположеніе духа.

Якуты вынули изъ воды «морду», исправили поврежденія и поставили ее на мѣсто. Затѣмъ легли у огня и стали ждать добычи.

— Столько напраснаго труда!—ворчалъ Теченіе.—Эта баба, точно слова въ загадкѣ... Думаешь, она—то, а она—другое!.. Какъ быть, не знаешь! Одно полагаю, Мергень изъ за меня на эту «морду» сердится... Какъ думаешь Грегорѣй?

Грегорѣй насупился.

Вскорѣ нѣсколько щукъ попало въ ловушку. Рыбаки рѣшили, что Теченіе снесетъ добычу домой, а Грегорѣй останется караулить «городьбу».

— Пошли мнѣ съ Анкой постель и посуду...—кричалъ оставшійся вслѣдъ ковыляющему по дорожкѣ товарищу.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Универсальные магазины и базары, какъ явленіе новѣйшаго торговаго оборота.

(экономичкскій этюдъ).

Наряду съ поразительно быстрымъ процессомъ концентраціи предпріятій въ области промышленности, послѣдніе годы характеризуются аналогичнымъ процессомъ въ торговлѣ. Именно, появляются и умножаются въ числѣ особыя предпріятія, носящія названіе «универсальныхъ магазиновъ» и «базаровъ» (Grossbazare, Waarenhäuser, grands magasins, department stores). Вмѣстѣ съ развитіемъ этой формы предпріятій—среди заинтересованнаго класса мелкихъ купцовъ Германіи, Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странъ Западной Европы, возникло противъ нея цѣлое движеніе, мотивирующее свой походъ опасностью новой экономической организаціи для существованія всего мелкаго и средняго купечества.

Что же представляютъ собою эти универсальные магазины? Тѣ, кто бывали въ Парижѣ, Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ Европы, видѣли, конечно, грандіозные дома въ пять, шесть и болѣе этажей, занятые большими магазинами для розничной торговли, съ многочисленными отдѣленіями по родамъ товаровъ, съ заманчивыми выставками въ витринахъ, съ роскошной обстановкой и пр. Къ числу извѣстнѣйшихъ предпріятій этого рода относится въ Парижѣ магазинъ «Au Bon Marché», принадлежащій коммандитному товариществу на акціяхъ, который ведетъ торговлю предметами дамскаго туалета и роскоши.

Уже въ 1872 году годовой оборотъ его составлялъ 9,25 милліоновъ рублей, а въ 1898 г. онъ дошелъ до суммы въ 66 мил. руб. Этотъ магазинъ имѣетъ въ настоящее время 4.000 служащихъ, $7^1/_2$ мил. руб. основного капитала, 8,14 мил. руб. резервнаго капитала и получаетъ ежегодно чистой прибыли около 3,7 мил. руб. Другой аналогичный магазинъ Louvre, основанный въ 1855 г. и превращенный въ 1890 г. въ акціонерную компанію съ капиталомъ въ 8,1 мил. руб., имѣетъ годовой оборотъ въ 53,6 мил. руб. (въ 1898 году). Наконецъ, магазинъ «Printemps», коммандитное товарищество на акціяхъ съ основнымъ капиталомъ въ 13 мил. руб., имѣетъ годовой оборотъ свыше 22 мил.

и чистый доходъ около 740.000 руб. Существуютъ въ Парижѣ и другіе крупные магазины того же рода, какъ «Samaritaine», «La Belle Jardinière» и пр. Въ Берлинѣ наибольшее вниманіе публики и самыя ожесточенныя нападки мелкихъ торговцевъ возбуждаетъ торговый домъ Wertheim на Leipzigerstrasse, занимающій огромный домъ въ 6 этажей и имѣющій самыя разнообразныя отдѣленія, начиная отъ дамскихъ нарядовъ и галантерейныхъ товаровъ и кончая часами, игрушками и книгами. Этотъ магазинъ быстро развиваетъ свои операціи; его оборотъ поднялся съ 2,76 мил. руб. въ 1895 г. до 13,8 мил. руб. въ 1898 г. Въ томъ же родѣ другіе универсальные магазины Берлина, Jandorf C⁰, «Kaiser-Bazar», начавшій свою дѣятельность въ 1891 г. съ 4-хъ-милліоннымъ капиталомъ, но обанкротившійся черезъ $1^1/_2$ года, и т. д.

Въ Лондонѣ весьма извѣстенъ торговый домъ Whiteley съ 5.000 служащихъ и годовымъ оборотомъ въ 21 мил. руб. (въ 1898 году), въ Филадельфіи существуетъ магазинъ Waunemaker съ 3.800 служащихъ и оборотомъ въ 14,3 мил. руб. за 1898 годъ, въ Чикаго—Marshall Field съ оборотомъ въ $30^1/_2$ мил. руб., Steward съ 1.500 служащихъ и оборотомъ въ 55 мил. руб., Siegel, Cooper and C⁰ съ оборотомъ въ 34,2 мил., въ Ліонѣ—«Les Deux Passages» и «Le Grand Bazar» и пр., и пр. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для характеристики какъ существа, такъ и размѣровъ разсматриваемыхъ предпріятій. Въ заключеніе укажемъ еще на существующій въ Москвѣ универсальный магазинъ Мюръ и Мерилизъ, организованный по тому же принципу сосредоточенія въ одномъ большомъ помѣщеніи разнообразнѣйшихъ отраслей торговли—обуви, готоваго платья, матерій, игрушекъ, писчебумажныхъ и канцелярскихъ принадлежностей, домашней утвари, галантерейныхъ товаровъ, мебели, часовъ, электрическихъ принадлежностей, посуды и пр.

Итакъ, универсальные магазины, о которыхъ идетъ рѣчь, характеризуются слѣдующими признаками: это частно-капиталистическія торговыя предпріятія съ милліонными капиталами и милліонными оборотами; область ихъ дѣятельности—розничная торговля, распространяющаяся на многія отрасли одновременно; въ однихъ случаяхъ число отраслей и, слѣдовательно, число отдѣленій бываетъ меньше, ограничиваясь только сферой дамскихъ нарядовъ и украшеній, въ другихъ—торговля принимаетъ болѣе широкіе размѣры, удовлетворяя всѣмъ главнымъ потребностямъ обывателя, за исключеніемъ пищи, отопленія и освѣщенія. Частно-капиталистическій характеръ универсальныхъ магазиновъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ крупныхъ магазиновъ, принадлежащихъ потребительнымъ обществамъ. Если нѣкоторыя изъ этихъ обществъ, особенно тѣ, которыя имѣютъ задачей снабженіе нужными товарами чиновниковъ и военныхъ (напр., потребительная ассоціація гражданскихъ чиновниковъ, кооперативное общество арміи и флота, кооперативное общество

*

гражданскихъ чиновниковъ и др. въ Англіи, нѣмецкій офицерскій союзъ, торговый домъ нѣмецкихъ чиновниковъ въ Германіи, военное потребительное общество въ Италіи и т. д.), принимаютъ колоссальные размѣры, занимаютъ большіе собственные дома въ 6—7 этажей, имѣютъ по нѣскольку десятковъ отдѣленій (до фотографическихъ ателье включительно, какъ въ англійскомъ обществѣ гражданскихъ чиновниковъ), то это сходство въ размѣрахъ отнюдь не даетъ права отождествлять эти организаціи общественнаго характера съ частными предпріятіями перваго рода *).

Чѣмъ вызывается появленіе и быстрое развитіе крупныхъ торговыхъ заведеній для розничной торговли? Объясненіе этому слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ общемъ экономическомъ принципѣ большей выгодности крупныхъ предпріятій по сравненію съ мелкими.

Прежде всего, всякое значительное торговое предпріятіе дѣлаетъ экономію на помѣщеніи, на оборудованіи инвентаремъ, на расходахъ по освѣщенію, отопленію и общему управленію. Извѣстный статистикъ Foville привелъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Economiste français» слѣдующее любопытное сопоставленіе расходовъ крупнаго и мелкаго торговаго предпріятія:

	Крупное предпріятіе съ годовымъ оборотомъ въ 36,5 мил. франк.	Мелкое предпріятіе съ годовымъ оборотомъ въ 36.000 франк.
Наемъ помѣщенія.......	400.000 фр.	4.000 фр.
Отопленіе,освѣщеніе и пр.	200.000 »	1.000 »
Прямые налоги	100.000 »	500 »
Жалованіе служащимъ ..	2.000.000 »	2.000 »
Конторскіе расходы, рекламы и пр.........	500.00 »	500 »
Итого.........	3.200.000 фр.	8 000 фр.
	или 8,8 % годового оборота.	21,9 % годового оборота.

Изъ этой таблицы видно, что большой магазинъ несетъ относительно въ 2½ раза меньшую тяжесть издержекъ и вслѣдствіе этого можетъ ограничиваться надбавкой на цѣны товаровъ гораздо меньшаго процента, чѣмъ маленькій магазинъ. Предполагая даже, что условія закупки товаровъ для обоихъ предпріятій одинаковы, мы видимъ, что первый магазинъ можетъ продавать дешевле второго на 13,1%; если затѣмъ присчитать, какъ это дѣлаетъ Foville, еще 6% на вложенный капиталъ и чистую прибыль (въ первомъ предпріятіи 9.000.000+900.000 фр., во второмъ—1.000+6.000 фр.), то разница въ величинѣ процента, набавляемаго на продаваемый товаръ, будетъ еще значительнѣе; она составитъ разницу 13,7% и 41,1%, т.-е. 27,4%.

Крупнѣйшій универсальный магазинъ Wertheim'a въ Берлинѣ,

*) Эту ошибку дѣлаетъ V. Mataja въ своей книгѣ: «Grossmagazine und Kleinhandel».

имѣющій оборотъ около 14 мил. руб., вытѣсняетъ 600 магазиновъ среднихъ размѣровъ съ оборотомъ въ 23.000 руб. каждый. По разсчетамъ компетентныхъ изслѣдователей, сумма всѣхъ расходовъ для такого средняго магазина на помѣщеніе, жалованье служащимъ, на объявленія и пр. составляетъ въ среднемъ 4.600 руб., т.-е. для 600 предпріятій 2.760.000 руб.,: между тѣмъ сумма расходовъ по веденію магазина Wertheim'а равняется всего 1.840.000 руб., меньше на цѣлую треть, на каковую и могутъ быть въ немъ понижены (при прочихъ равныхъ условіяхъ) цѣны продаваемыхъ товаровъ противъ мелкихъ торговцевъ.

Другой важный моментъ, дающій большимъ магазинамъ возможность продавать товары дешевле противъ мелкихъ, состоитъ въ закупкѣ ими товаровъ отъ производителей съ гораздо болѣе крупной скидкой въ цѣнѣ. Понятно, что фабрикантъ или оптовый коммерсантъ, получившій отъ универсальнаго магазина значительный заказъ, можетъ вслѣдствіе одновременнаго производства или доставки массы товара уступить его за болѣе дешевую цѣну. Приведемъ изъ практики магазиновъ - базаровъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Германскій союзъ оптовыхъ торговцевъ гуттаперчевыми издѣліями при продажѣ товаровъ на сумму до 200 мар. не дѣлаетъ никакой скидки; при продажѣ на 200—500 мар. онъ даетъ $2^1/_2$% уступки, при продажѣ на 500—1000 мар.—$7^1/_2$%, при продажѣ до 2.000 мар. дѣлаетъ скидку въ 10%, при продажѣ до 10.000 мар.—$15^1/_2$%, на 20.000 мар.—$17^1/_2$%. И такъ, благодаря возможности купить сразу гуттаперчевыхъ товаровъ на 20.000 мар., крупный магазинъ выгадываетъ по сравненію съ мелкимъ отъ 15 до $17^1/_2$% и на столько же можетъ продавать дешевле. Другой примѣръ касается ликеровъ, которые покупаются универсальными магазинами Берлина по 26 мар. за 25 бутылокъ, между тѣмъ какъ оптовая цѣна ихъ для прочихъ торговцевъ равна $32^1/_2$ мар. Наконецъ, можно указать на то, что торговый домъ Wertheim забираетъ товаровъ у Либиховской фабрики ежегодно на 500.000 мар., благодаря чему получаетъ скидку на 4% больше остальныхъ заказчиковъ и имѣетъ возможность продавать мясной экстрактъ по 6 мар. 75 пфен. за 1 фунтъ вмѣсто повсемѣстныхъ 6 мар. 95 пфен.

При огромныхъ оборотахъ разсматриваемые магазины могутъ организовать дѣло закупокъ такъ, какъ это невозможно для мелкихъ торговцевъ. Они сами заказываютъ производителямъ то, что имъ нужно, по своимъ образцамъ, узорамъ и пр. Они заводятъ своихъ агентовъ на отдаленныхъ рынкахъ, напр., парижскіе grands magasins имѣютъ особыхъ представителей на Востокѣ для закупки азіатскихъ ковровъ, которые, благодаря этому, доставляются потребителямъ лучшаго качества и дешевле.

Далѣе, удешевленіе товаровъ, продаваемыхъ универсальными магазинами и базарами, обусловливается экономіей въ рабочихъ силахъ.

Въ небольшихъ и среднихъ магазинахъ приходится держать извѣстное количество приказчиковъ и служащихъ, соотвѣтственно помѣщенію и ассортиментамъ товаровъ. Между тѣмъ, при скромныхъ оборотахъ торговли трудъ этихъ лицъ далеко не вполнѣ использовывается; занятые часть дня, они бездѣйствуютъ или почти бездѣйствуютъ остальное время. Наоборотъ, въ крупныхъ предпріятіяхъ весь рабочій день служащихъ занятъ производительнымъ образомъ, вслѣдствіе чего ни одинъ часъ ихъ пребыванія въ магазинѣ не пропадаетъ даромъ; отсюда сбереженіе въ расходахъ на рабочую силу, составляющее довольно замѣтную сумму.

Наконецъ, быстрота торговыхъ оборотовъ крупныхъ магазиновъ также позволяетъ набавлять на продаваемые товары меньшій процентъ. Это обстоятельство станетъ вполнѣ яснымъ изъ слѣдующаго примѣра. Если мы представимъ себѣ оборотный торговый капиталъ (для простоты отбросимъ существованіе основного капитала) предпріятія въ 100.000 руб., то при медленномъ оборотѣ его одинъ разъ въ годъ купецъ долженъ набавить на 100.000 рублей, составляющихъ цѣнность закупленныхъ товаровъ, положимъ, 40%, изъ которыхъ половина составляетъ издержки, а другая половина—чистую торговую прибыль. Если же этотъ самый капиталъ обернется два раза въ годъ, то та же самая сумма на издержки и прибыль получится, если на капиталъ будетъ сдѣлана надбавка въ 20%; при троекратномъ оборотѣ эта надбавка понизится до $13^1/_2$% и т. д. Въ универсальныхъ магазинахъ оборотъ отличается особенной живостью, быстротой и, главное, непрерывностью; напр.. весной главная часть оборотнаго капитала направляется на закупку лѣтнихъ туалетовъ, лѣтнихъ шляпъ, купальныхъ принадлежностей, вещей для дачъ и пр.; когда сезонъ этихъ вещей прошелъ и деньги выручены обратно, они обращаются на пріобрѣтеніе товаровъ осенняго сезона—письменныхъ и школьныхъ принадлежностей, осеннихъ нарядовъ, затѣмъ слѣдуютъ зимнія платья и шубы, рождественскій товаръ, дѣтскія игрушки и т. д. Однимъ словомъ, капиталъ не лежитъ безъ движенія ни одну минуту, а въ теченіе всего года переходитъ изъ одной отрасли торговли въ другую. Съ быстротой этого оборота тѣсно связано указанное пониженіе надбавки, слѣдовательно, болѣе низкія цѣны продаваемыхъ товаровъ.

Всѣ приведенныя обстоятельства даютъ крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ розничной торговли *несомнѣнную возможность* болѣе дешевой продажи своихъ товаровъ. Это признаютъ даже такіе противники универсальныхъ магазиновъ, какъ Эрфуртъ, П. Денъ и др. Всегда ли эта возможность осуществляется въ дѣйствительности, зависитъ отъ цѣлаго ряда условій: отъ силы конкуренціи и отъ степени монопольнаго положенія крупнаго магазина, отъ силы стремленія къ болѣе быстрому обороту капитала, отъ характера продаваемыхъ товаровъ и пр. Можно утверждать, что универсальные магазины и базары

продаютъ въ общемъ дешевле противъ мелкихъ и среднихъ торговыхъ предпріятій. Это положеніе, которое каждому легко провѣрить на личномъ опытѣ, подтверждается и свидѣтельствами торговыхъ организацій; такъ, напр., торговая палата въ Барменѣ указываетъ на бо́льшую дешевизну товаровъ въ магазинахъ-базарахъ *), торговая палата во Франкфуртѣ-на-Одерѣ говоритъ о продажѣ товаровъ универсальнымъ магазиномъ за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ мелкими магазинами **).

Мы разсмотрѣли тѣ условія, которыя даютъ универсальнымъ магазинамъ экономическій перевѣсъ въ силу ихъ бо́льшихъ размѣровъ. Это вытѣсненіе мелкихъ предпріятій крупными обнаруживается въ торговлѣ такъ же, какъ въ промышленности. Весьма поучительныя данныя въ этомъ отношеніи представляютъ намъ двѣ германскія переписи занятій 1882 и 1895 гг.

	Общее число торговыхъ предпріятій		Увеличеніе
	въ 1882 г.	въ 1895 г.	въ %.
Предпріятія работаютъ силами семьи	293.399	350.572	19,5
Предпріятія съ числомъ служащихъ до 10 чел.	154.023	274.104	77,8
Предпріятія съ числомъ служащихъ отъ 11 до 50 чел.	5.073	10.023	97,5
Предпріятія съ числомъ служащихъ отъ 51 до 200 чел.	224	475	112,0
Предпріятія съ числомъ служащихъ свыше 200 чел.	6	35	483,3

Мы видимъ, что число торговыхъ предпріятій увеличилось во всѣхъ группахъ. Однако, чѣмъ крупнѣе предпріятія, тѣмъ интенсивнѣе былъ ихъ ростъ; значительнѣе всѣхъ умножилась послѣдняя группа предпріятій, имѣющихъ болѣе 200 служащихъ (на 483%). Итакъ, крупные магазины завоевываютъ все болѣе видное мѣсто среди прочихъ торговыхъ предпріятій и составляютъ все бо́льшій процентъ общаго ихъ числа. Этотъ процессъ есть результатъ экономическаго стремленія къ уменьшенію затраты человѣческихъ силъ и проявленіе тенденціи всей экономической жизни къ концентраціи и централизаціи. Справедливо замѣчаетъ Rathgen, что «развитіе торговли есть вѣчная борьба о сокращеніи цѣпи между производителями и потребителями и выбрасываніе сдѣлавшихся излишними посредническихъ членовъ, которые безъ нужды удорожаютъ товары» ***).

Мелочная и мелкая розничная торговля давно уже перестала, по

---

*) «Die Lage des Kleinhandels in Deutschland. Ergebnisse der Erhebungen», herausgegeben von der Handelskammer zu Hannover. I Band, стр. 5.

**) Ibidem, стр. 30.

***) *Rathgen,* «Entwickelung des Handels», «Schmollers Jahrbücher», 1892, стр. 204.

справедливому убѣжденію многихъ ученыхъ, удовлетворять требованію экономіи силъ. Едва ли гдѣ такъ много растрачивается непроизводительно и безплодно человѣческаго труда, какъ въ этой сферѣ дѣятельности. До сихъ поръ масса лицъ, обладающихъ небольшими капиталами, предпочитаетъ вкладывать ихъ въ устройство мелкихъ торговыхъ предпріятій, соблазняясь легкостью торговаго труда, независимостью положенія и пр. Благодаря этому и продолжается ростъ мелкихъ магазиновъ безъ наемныхъ служащихъ или съ небольшимъ числомъ ихъ.

Можно было бы привести множество примѣровъ въ доказательство того, что, благодаря легкости основанія мелкой торговли, благодаря отсутствію явной необходимости спеціальныхъ знаній, число мелкихъ торговыхъ заведеній во многихъ случаяхъ растетъ несоотвѣтственно потребности въ нихъ. Масса такихъ торговцевъ ведетъ свои дѣла, кое-какъ перебиваясь и съ трудомъ поддерживая свое экономическое существованіе, тогда какъ въ другой сферѣ экономической дѣятельности они могли бы явиться необходимыми и производительными работниками. Такъ какъ кругъ покупателей этихъ лавокъ незначителенъ и часто случаенъ, оборотъ медленъ, такъ какъ, наконецъ, продавцы значительную часть времени проводятъ праздно въ ожиданіи немногихъ кліентовъ, то товары должны нести на себѣ всю тяжесть этихъ обстоятельствъ; цѣны на нихъ возвышаются противъ закупочныхъ на 50, 100 и болѣе процентовъ. По разсчетамъ Жида, если даже взять минимумъ надбавки въ розничныхъ магазинахъ, окажется, что въ числѣ 25 милліардовъ франковъ оборота внутренней розничной торговли Франціи потребители платятъ въ пользу торговцевъ около 8 милліардовъ, т. е. вдвое больше суммы всѣхъ государственныхъ налоговъ. По вычисленію Bayersdörffer'а, Германія уплачиваетъ однимъ розничнымъ торговцамъ кофе за ихъ услугу посредничества въ этомъ товарѣ свыше 10 милліоновъ марокъ. Въ недавно опубликованномъ ганноверской торговой камерой изслѣдованіи положенія мелкой торговли отмѣчается весьма значительный процентъ надбавки въ розничныхъ магазинахъ. Въ *Hammeln*'ѣ обычная надбавка для галантерейныхъ и мануфактурныхъ товаровъ составляетъ отъ 10 до 33%, для модныхъ товаровъ—еще выше. По изслѣдованію розничной торговли Ахена, произведенной проф. van der Borght'омъ, для большей части товаровъ вздорожаніе противъ оптовыхъ цѣнъ составляетъ свыше 20%, въ частности для половины всѣхъ товаровъ болѣе 25%, для одной пятой—до 30%, для одной шестой до—40%; прибавка къ цѣнѣ каменнаго угля равняется 120%, къ цѣнѣ риса—34%, арроурута—300%, миндаля—95%, чая—31½%, уксуса —50%, ваксы—56% и т. д. *). Къ сожалѣнію, не существуетъ опубликованныхъ данныхъ о томъ, какой процентъ прибавляютъ универсальные магазины къ стоимости закупленныхъ това-

---

*) *Van der Borght.* «Der Einfluss des Zwischenhandels auf die Preise».

ровъ, и потому мы лишены возможности точно опредѣлить степень удешевленія товаровъ съ ихъ стороны. Вообще же это удешевленіе, какъ сказано выше, несомнѣнно.

Единственное экономическое соображеніе въ пользу мелкихъ торговцевъ то, что они сохраняютъ близость къ потребителямъ. Послѣдніе, имѣя надобность въ небольшихъ покупкахъ, обращаются къ лавочникамъ своего околотка и удовлетворяютъ свои потребности безъ большой потери времени. Однако, если это соображеніе имѣетъ нѣкоторое значеніе при покупкѣ предметовъ первой необходимости хлѣба, мяса, колоніальныхъ товаровъ, для игольно-галантерейныхъ товаровъ и т. п., то въ отношеніи массы другихъ товаровъ, пріобрѣтеніе которыхъ составляетъ серьезный вопросъ для потребителя, это соображеніе отпадаетъ. Здѣсь покупатель охотно сдѣлаетъ длинный конецъ по городу лишь бы купить товаръ получше и подешевле. Но даже и въ дѣлѣ снабженія населенія предметами первой необходимости, широко практикуемая система доставки на домъ можетъ совершенно оттѣснить мелкія торговыя предпріятія на задній планъ; такъ обстоитъ дѣло, напр., въ Лондонѣ. Въ виду указанныхъ явленій въ сферѣ мелкой торговли, развитіе крупныхъ розничныхъ магазиновъ заслуживаетъ вниманія, какъ средство устраненія излишнихъ и ненужныхъ мелкихъ предпріятій и средство оздоровленія ненормальностей розничной торговли.

При выясненіи роли универсальныхъ магазиновъ нельзя обойти молчаніемъ цѣлаго ряда, на первый взглядъ, мелкихъ преимуществъ и удобствъ для покупателей, совокупность которыхъ дѣлаетъ ихъ излюбленнымъ мѣстомъ закупокъ для публики. Прежде всего, эти крупные магазины даютъ покупателямъ огромный выборъ въ сортахъ и категоріяхъ товаровъ, возможный въ нихъ, благодаря величинѣ сбыта и невозможный для небольшого магазина съ ограниченнымъ кругомъ покупателей. Единственное отступленіе отъ этого порядка встрѣчается въ тѣхъ базарахъ, которые разсчитаны на мелкую небогатую публику, которые устроены, напр., въ рабочихъ кварталахъ и въ силу этого не предполагаютъ спроса на дорогіе сорта. Другое удобство заключается въ возможности закупки разнообразнѣйшихъ товаровъ въ различныхъ отдѣленіяхъ одного и того же магазина; этимъ путемъ сберегается для покупателей время хожденія по нѣсколькимъ лавкамъ. Благодаря выставленнымъ на товарахъ опредѣленнымъ цѣнамъ (prix fixe), благодаря широко распространяемымъ каталогамъ и прейсъ-курантамъ, нерѣдко въ видѣ толстыхъ книгъ съ иллюстраціями, благодаря частымъ объявленіямъ въ газетахъ, публика въ универсальныхъ магазинахъ оказывается освѣдомленной о цѣнахъ, качествѣ и сортахъ товаровъ, можетъ лучше оріентироваться въ своихъ требованіяхъ и лучше удовлетворить своимъ вкусамъ. Сюда присоединяется стремленіе универсальныхъ магазиновъ дать публикѣ всѣ возможныя удобства: устраиваются буфеты, читальные залы, мѣста для свереженія покупокъ, подъемныя

машины. Продавцамъ вмѣняется въ безусловную обязанность вѣжливость, предупредительность и внимательность къ покупателямъ и ихъ требованіямъ. Большое удобство для публики заключается въ организаціи почти всѣми универсальными магазинами безплатной доставки купленныхъ предметовъ на домъ и высылки товаровъ почтой или желѣзной дорогой въ другіе города по прейсъ-курантамъ и образцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается правило обратнаго пріема купленныхъ вещей въ случаѣ, если онѣ не понравятся или окажутся не подходящими покупателю, съ возвратомъ денегъ. Затѣмъ при большомъ оборотѣ и широкомъ кругѣ кліентовъ магазины могутъ устраивать выгодныя распродажи товаровъ, случайно пріобрѣтенныхъ по дешевой цѣнѣ, или оставшихся отъ сезона и покупаемыхъ менѣе взыскательной на моду частью публики. Наконецъ, универсальные магазины устанавливаютъ твердый принципъ продажи исключительно за наличныя деньги, чѣмъ вступаютъ въ борьбу съ широко распространеннымъ (особенно въ Германіи) вреднымъ обыкновеніемъ мелкихъ торговцевъ оказывать своимъ кліентамъ кредитъ и тѣмъ давать имъ поводъ расширять свои покупки выше средствъ.

Всѣмъ этимъ выгодамъ покупателей въ универсальныхъ магазинахъ сторонники мелкой торговли противопоставляютъ только одинъ пунктъ— бо̀льшее приноровленіе мелкихъ магазиновъ къ индивидуальнымъ вкусамъ и требованіямъ публики. Утверждаютъ, что мелкія предпріятія, заинтересованныя въ сохраненіи круга своихъ мѣстныхъ кліентовъ, обращаютъ больше вниманія на ихъ желанія, пріобрѣтаютъ товары тѣхъ сортовъ, которые ими требуются, внимательнѣе относятся къ посѣтителямъ и т. п. При правильной постановкѣ дѣла въ крупномъ магазинѣ выборъ сортовъ и категорій товаровъ будетъ всегда шире и лучше уже въ силу большого оборота; что же касается внимательности продавцевъ, то это зависитъ отъ того, насколько за этимъ слѣдитъ управленіе и какъ подобранъ составъ приказчиковъ.

Въ области отношеній къ служащимъ универсальные магазины стоятъ, по признанію многихъ изслѣдователей, выше мелкихъ торговыхъ заведеній, хотя и здѣсь встрѣчаются голоса, говорящіе о неудовлетворительномъ положеніи приказчиковъ. Несомнѣнно, что крупныя предпріятія могутъ безъ ущерба для себя осуществлять для служащихъ такія условія, какія недоступны или затруднительны въ маленькомъ дѣлѣ. Возьмемъ, напр., одинъ изъ важнѣйшихъ для рабочаго люда вопросовъ — продолжительность рабочаго дня. Универсальные магазины имѣютъ очень широкій кругъ покупателей, который стекается къ нимъ спеціально для закупокъ въ наиболѣе оживленную часть дня. Для такихъ предпріятій держать двери открытыми до глубокой ночи и ждать случайныхъ, немногочисленныхъ покупателей не только не выгодно, но прямо убыточно. Большіе расходы по освѣщенію и пр. не окупаются малымъ оборотомъ поздняго вечера. Вотъ почему почти всѣ крупные

магазины закрываются сравнительно рано — въ 6, 7, рѣдко даже въ 8 часовъ вечера; другими словами, рабочій день ихъ служащихъ не превышаетъ 10—12 часовъ. Этотъ порядокъ какъ разъ противорѣчитъ обыкновеніямъ мелкихъ купцовъ, которые стараются вести торговлю какъ можно дольше—до 10, 11, 12 часовъ ночи, въ надеждѣ залучить хотя немногихъ позднихъ покупателей. По новѣйшей статистикѣ германскаго бюро труда оказалось, что четвертая часть всѣхъ розничныхъ торговыхъ заведеній имѣла въ 1892 г. рабочій день *свыше 15 часовъ*, другая четверть имѣла рабочій день въ 13—15 часовъ, причемъ было констатировано, что чѣмъ меньше заведеніе, тѣмъ длиннѣе его рабочій день; наоборотъ, въ заведеніяхъ, имѣющихъ 10 и болѣе служащихъ, господствующимъ типомъ былъ 12-ти-часовой день. По сообщенію торговой палаты во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, къ вѣдѣнію которой относится 17 окрестныхъ городовъ и 120 мѣстечекъ, обычная продолжительность рабочаго дня въ колоніальныхъ магазинахъ составляетъ отъ 13 до 17 часовъ. Кромѣ, того въ воскресные и праздничные дни универсальные магазины и базары закрыты совершенно, что даетъ цѣлый свободный день въ недѣлю для служащихъ; мелкіе торговцы и здѣсь по большей части стараются воспользоваться разрѣшеніемъ открывать лавки въ воскресенье на нѣсколько часовъ. Итакъ, въ отношеніи рабочаго дня приказчики въ универсальныхъ магазинахъ поставлены въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ служащіе мелкихъ. Точно такъ же и заработная плата служащихъ обыкновенно бываетъ въ первыхъ выше, чѣмъ во вторыхъ. Универсальные магазины, имѣя милліонный оборотъ и большой доходъ, не останавливаются передъ нѣсколько бо́льшими расходами на заработную плату, чтобы этимъ привлечь лучшій подборъ приказчиковъ и болѣе привязать ихъ къ предпріятію. Если обратимся, напр., къ Парижу, то, по даннымъ «Annuaire statistique de la France», заработокъ приказчика (commis, employés de magasin) составляетъ въ среднемъ около 1.200 франковъ, колеблясь между 1.000 и 1.800 фр., заработокъ приказчицы (dames de comptoir) равенъ 800 фр., колеблясь между 600 и 1.500 фр. Между тѣмъ въ «Au Bon Marché» въ томъ же году средняя годовая плата для мужского и женскаго персонала служащихъ составляла 1.687 фр. По даннымъ, представленнымъ на Бреславльскомъ съѣздѣ союза соціальной политики осенью 1899 года, минимумъ мѣсячнаго заработка взрослыхъ служащихъ въ самомъ крупномъ магазинѣ—базарѣ Германіи—составляетъ 95 марокъ; кромѣ того, каждый служащій имѣетъ въ теченіе года право на мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ способные и дѣльные служащіе универсальныхъ магазиновъ имѣютъ возможность постепеннаго повышенія въ своемъ положеніи. Начавъ съ простого приказчика, они переходятъ на должность главнаго приказчика отдѣленія, затѣмъ помощника завѣдующаго отдѣленіемъ, завѣдующаго и т. д., доходя постепенно до мѣстъ съ

окладомъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Въ большихъ магазинахъ встрѣчаются такія вспомогательныя учрежденія, которыя совершенно отсутствуютъ въ мелкихъ предпріятіяхъ: пенсіонныя и вспомогательныя кассы, больничныя кассы, буфеты и столовыя для служащихъ и т. п. Правда, организація ихъ находится еще въ зачаточномъ состояніи и далеко не повсемѣстна. Но уже то обстоятельство, что въ предпріятіи сосредоточены сотни и тысячи трудящихся лицъ, даетъ твердый фундаментъ для устройства и развитія такихъ учрежденій. Это же соединеніе массы торговыхъ служащихъ въ одномъ магазинѣ служитъ къ ихъ объединенію, къ увеличенію ихъ соціальнаго вѣса и упроченію ихъ экономическаго положенія. Пока это объединеніе не достигнуто, возможны иногда случаи и невыгодныхъ условій для служащихъ универсальныхъ магазиновъ; такъ, торговый домъ Wertheim до послѣдняго времени включалъ въ договоръ съ приказчиками пунктъ, по которому они не имѣли права въ теченіе года послѣ ухода изъ магазина поступать въ другіе универсальные магазины Берлина. Чѣмъ больше будутъ сплачиваться многочисленные служащіе, тѣмъ менѣе будутъ возможны такіе случаи.

Указавъ на экономическія преимущества, которыя даютъ универсальнымъ магазинамъ перевѣсъ надъ мелкими предпріятіями, и отмѣтивъ другіе выгодные моменты ихъ для покупателей и служащихъ *), мы не можемъ обойти молчаніемъ отрицательныхъ сторонъ, встрѣчающихся въ заведеніяхъ этого рода. Прежде всего, нѣкоторые универсальные магазины практикуютъ иногда пріемы такъ называемой недобросовѣстной конкуренціи. Для привлеченія публики они выставляютъ въ окнахъ предметы съ обозначеніемъ необычайно низкихъ цѣнъ (Lockartikel); эти цѣны назначаются даже ниже стоимости пріобрѣтенія, чтобы возбудить въ публикѣ увѣренность найти въ магазинѣ и прочіе товары на столь же выгодныхъ условіяхъ. Конечно, убытокъ отъ продажи этихъ Lockartikel возмѣщается повышеніемъ цѣны другихъ товаровъ; иногда же продавцы стараются всѣми силами убѣдить покупателей пріобрѣсти другіе, болѣе цѣнные сорта того же товара. Въ нѣкоторыхъ базарахъ Германіи установлены даже штрафы для тѣхъ приказчиковъ, которые отпустятъ въ теченіе дня болѣе опредѣленнаго количества товаровъ съ ненормально низкой оцѣнкой, не съумѣвъ убѣдить посѣтителей купить болѣе дорогіе. Впрочемъ, указывая на этотъ не совсѣмъ чистый пріемъ базаровъ, слѣдуетъ отмѣтить широкое его распространеніе и въ другихъ магазинахъ; торговая палата въ Барменѣ, напр., констатируетъ его существованіе среди мануфактурныхъ торговцевъ города; тоже встрѣчается въ сигарной тро-

*) «Базары и универсальные магазины, по Mataja («Grossmagazine und Kleinhandel», стр. 81), соотвѣтствуютъ общему интересу постольку, поскольку являются высшей формой предпріятій, поскольку лучше и дешевле удовлетворяютъ потребностямъ населенія и выполняютъ торговую функцію съ меньшей затратой силъ».

говлѣ Гейдельберга, въ мануфактурной торговлѣ Гамельна, въ магазинѣ Гофхорна и др. *). На минусъ универсальныхъ магазиновъ ихъ противники ставятъ и другіе пріемы привлеченія покупателей, практикуемые, нѣкоторыми изъ нихъ, напримѣръ, устройство концертовъ, даровое фотографированіе лицъ, купившихъ товаровъ не менѣе опредѣленной суммы, предоставленіе публикѣ читальнаго зала съ газетами и журналами, предоставленіе даромъ прохладительныхъ напитковъ и т. п. Однако подобные пріемы, невысокаго нравственнаго достоинства сами по себѣ, не могутъ быть отнесены къ разряду дѣйствій недобросовѣстной конкуренціи, предполагающей всегда какой-нибудь обманъ покупателя продавцемъ въ отношеніи цѣны, качества, происхожденія товара или въ отношеніи другихъ конкурентовъ по торговлѣ.

Мы уже пришли къ заключенію, что развитіе универсальныхъ магазиновъ соотвѣтствуетъ общей тенденціи экономическаго процесса, именно тенденціи къ концентраціи и росту предпріятій и въ общемъ, кромѣ случаевъ злоупотребленій и недобросовѣстной конкуренціи, отвѣчаетъ интересамъ массы населенія. Эти соображенія не имѣютъ, конечно, убѣдительной силы для мелкаго и средняго торговаго класса, который видитъ себя вытѣсняемымъ изъ прежняго положенія побѣдоносною конкуренціей крупныхъ бозаровъ. Какъ только основывается на улицѣ универсальный магазинъ, говоритъ Денъ, начинается банкротство и исчезновеніе окрестныхъ торговцевъ; это обстоятельство сейчасъ же чувствуется и домовладѣльцами, доходъ которыхъ уменьшается отъ пустующихъ лавокъ и магазиновъ. Въ силу этого обстоятельства всюду, гдѣ универсальные магазины и базары начинаютъ пріобрѣтать нѣкоторое значеніе и вліяніе на экономическую жизнь, противъ нихъ поднимается ожесточеннѣйшая агитація со стороны заинтересованныхъ классовъ общества. Такая агитація велась въ недавнее время французскими лавочниками, которые основали даже для борьбы особую «синдикальную лигу защиты интересовъ труда, промышленности и торговли», насчитывавшую до 33.000 членовъ и издававшую журналъ «La Revendication». Въ настоящую минуту кампанія начата нѣмецкимъ купечествомъ. За послѣдніе два года многочисленныя общественныя собранія и торговыя организаціи Германіи обсуждали вопросъ объ универсальныхъ магазинахъ и высказывались за рѣшительныя мѣры противъ нихъ. Напримѣръ, въ Штутгартѣ собраніе торговцевъ постановило весной 1899 года просить вюртембергское правительство о введеніи болѣе высокой нормы промысловаго обложенія для универсальныхъ магазиновъ. Общее собраніе центральнаго союза германскихъ купцовъ лѣтомъ 1899 года рѣшило просить прусское правительство о выработкѣ проекта прогрессивнаго на-

*) «Die Lage des Kleinhandels» I. стр. 4—5, 37, 39, 49, 70.

лога на оборотъ (Umsatzsteuer) для универсальныхъ магазиновъ, базаровъ, офицерскихъ, чиновническихъ и др. потребительныхъ обществъ и филіальныхъ отдѣленій, сообразно числу отраслей торговли и величинѣ оборота. Конгрессъ союза католическихъ торговыхъ обществъ Германіи, собравшійся лѣтомъ 1899 года, постановилъ слѣдующую резолюцію: «Крупные универсальные магазины, экспортные дома и ихъ филіальныя отдѣленія должны подлежать прогрессивному обложенію ихъ валовыхъ оборотовъ; доходъ отъ этого налога долженъ поступать въ пользу общины, которая употребляетъ его на облегченіе положенія мелкихъ и среднихъ торговыхъ предпріятій». Восьмое общее собраніе союза нѣмецкихъ промышленныхъ ферейновъ сдѣлало въ концѣ 1899 года слѣдующее постановленіе: «Развитіе базаровъ идетъ за послѣднее время непрерывно впередъ, чѣмъ подвергаетъ серьезной опасности существованіе многочисленнаго и имѣющаго безусловное право на существованіе средняго промышленнаго и торговаго класса; вслѣдствіе этого собраніе считаетъ настоятельно необходимымъ принятіе быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ этой опасности. Весьма желательнымъ является надлежащее обложеніе универсальныхъ магазиновъ, которое создало бы справедливое уравненіе положенія и предупредило бы слишкомъ быстрое и безмѣрное увеличеніе этихъ предпріятій; самымъ лучшимъ налогомъ собраніе считаетъ прогрессивный налогъ на оборотъ». Наконецъ, въ іюлѣ 1899 года былъ основанъ въ Лейпцигѣ «Германскій союзъ торговли и промышленности», который охватилъ собой 35 профессіональныхъ союзовъ съ 6.500 членовъ; цѣль союза—бороться съ непорядками въ торговлѣ и промышленности и защищать интересы купцовъ и промышленниковъ; въ частности онъ ставитъ своей задачей защищать своихъ членовъ отъ недобросовѣстной конкуренціи, отъ универсальныхъ магазиновъ, базаровъ и потребительныхъ обществъ. Въ связи съ этимъ движеніемъ создалась довольно значительная литература въ видѣ статей въ газетахъ и журналахъ и спеціальныхъ книгъ и брошюръ. Наконецъ, на вопли торговаго класса откликнулось и законодательство, начавшее свою работу противъ универсальныхъ магазиновъ. Разсматривая итоги законодательной дѣятельности европейскихъ государствъ по этому вопросу, мы все время должны помнить, что она исходитъ изъ интересовъ той части купеческаго класса, которая чувствуетъ себя въ опасности отъ новой формы торговыхъ мредпріятій *).

Среди мѣръ, рекомендуемыхъ заинтересованными лицами для борьбы съ универсальными магазинами, первое мѣсто занимаетъ спеціальный на нихъ налогъ. Это обложеніе предлагалось и предлагается въ разныхъ формахъ: въ видѣ налога по числу отдѣленій, по величинѣ по-

*) Въ Германіи это законодательство опирается на консервативную партію и антисемитовъ, отчасти на націоналъ-либераловъ.

мѣщеній, по числу служащихъ и особенно въ видѣ прогрессивнаго налога на валовой оборотъ магазина. Первый шагъ въ дѣлѣ спеціальнаго обложенія крупно-капиталистическихъ розничныхъ магазиновъ былъ сдѣланъ Франціей. По закону 17 іюля 1889 года, существовавшій ранѣе патентный налогъ съ каждаго служащаго въ торговыхъ предпріятіяхъ былъ удвоенъ для магазиновъ, въ которыхъ было отъ 200 до 1.000 служащихъ, и утроенъ для магазиновъ, имѣвшихъ болѣе 1.000 служащихъ. Вслѣдствіе этого налоговая тяжесть большихъ магазиновъ значительно возросла: «Au Bon Marché» сталъ платить 424.000 фр. вмѣсто 261.000 фр., «Louvre»—433.000 фр. вмѣсто 278.000, «Printemps»—117.000 фр. вмѣсто 96.000, «La belle Jardinière»—94.000 вмѣсто 77.000, «La Samaritaine»—62.000 вмѣсто 46.000 (итого 1.130.000 фр. вмѣсто прежнихъ 758.000). Вскорѣ послѣ этого, 11 августа 1890 г., былъ изданъ новый законъ, который призналъ большими магазинами (grands magasins) всѣ тѣ, которые имѣютъ болѣе 100 служащихъ, причемъ платежъ за каждаго служащаго былъ повышенъ до 50 франковъ, а пропорціональный налогъ съ арендной платы за помѣщеніе былъ установленъ вмѣсто $^1/_{10}$ въ $^1/_8$. Такимъ образомъ перечисленные только что магазины стали платить 392.000 фр., 410.000 фр., 138.000 фр., 110.000 фр. и 70.000 фр.; другими словами: для наиболѣе крупныхъ предпріятій произошло облегченіе налоговаго бремени, а для менѣе крупныхъ — усиленіе его. Повышеніе этого обложенія пошло еще дальше и приняло позднѣе прогрессивный характеръ; такъ, патентный налогъ со служащихъ возростаетъ по мѣрѣ увеличенія ихъ числа въ предпріятіи и составляетъ для высшей группы съ числомъ служащихъ болѣе 2.000 человѣкъ 225 франковъ съ каждаго; пропорціональный налогъ съ арендной платы колеблется между $^1/_{20}$ и $^1/_5$, сообразно числу служащихъ; наконецъ, установлены спеціальные налоги на отдѣльныя отрасли торговли, которые колеблются для Парижа между 300 и 6.000 фр. При такихъ условіяхъ «Au Bon Marché» долженъ платить около 933.000 франковъ (въ 1896 году); аналогично этому поднялось обложеніе и другихъ магазиновъ. Впрочемъ, на этомъ—желанія заинтересованныхъ лицъ не остановились. Они доказываютъ, что «Au Bon Marché» вытѣсняетъ собой около 6.400 мелкихъ предпріятій съ оборотомъ въ среднемъ по 25.000 фр.; такъ какъ каждое такое предпріятіе платитъ промысловаго налога по 600 фр., а всѣ вмѣстѣ, слѣдовательно, 3,8 милліоновъ франковъ, то, по крайней мѣрѣ, въ размѣрѣ этой суммы долженъ быть обложенъ и «Au Bon Marché».

Тожественное движеніе возникло въ Германіи, гдѣ торговцы обрушились не только на универсальные магазины, но и на потребительныя общества, какъ на вредныя и опасныя для нихъ организаціи. Подъ вліяніемъ агитаціи мелкаго и средняго купечества, въ рядѣ нѣмецкихъ государствъ приняты или пока еще вырабатываются проекты спеціальнаго обложенія названныхъ предпріятій. Въ Саксоніи законъ 12 мая

1896 г. далъ право общинамъ облагать особымъ налогомъ на валовой оборотъ крупныя капиталистическія предпріятія розничной торговли и ихъ филіальныя отдѣленія, причемъ максимумъ этого налога допускается въ 2%. Слѣдуетъ замѣтить, что самые большіе города, какъ Дрезденъ *), Лейпцигъ, Хемницъ, не воспользовались этимъ правомъ изъ опасенія подвергнуть тяжести налога и такія крупныя торговыя предпріятія, которыя не относятся къ типу базаровъ. Налогъ былъ введенъ только въ нѣкоторыхъ мелкихъ городахъ, напримѣръ, въ Rötha для магазиновъ съ оборотомъ отъ 20.000 марокъ, въ Burgstädt и Markraustädt для магазиновъ съ оборотомъ отъ 50.000 марокъ, Leisnig, Waldheim, Grossenhain—съ оборотомъ отъ 100.000 марокъ и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Въ Пруссіи министръ финансовъ, циркуляромъ отъ 21 іюня 1897 г., предложилъ городскимъ думамъ обложить крупныя торговыя предпріятія дополнительнымъ общиннымъ налогомъ сообразно размѣру помѣщенія и числу служащихъ. Немногіе города послѣдовали этому предложенію.

Въ февралѣ 1899 года прусское правительство выработало общій проектъ спеціальнаго обложенія предпріятій, охватывающихъ нѣсколько отраслей торговли и имѣющихъ болѣе 25 служащихъ или занимающихъ помѣщеніе не ниже установленной арендной платы.

Наконецъ, въ Баваріи 27 февраля 1899 г. былъ принятъ ландтагомъ спеціальный налогъ на предпріятія, которыя имѣютъ превышающіе обыкновенную норму размѣры, именно универсальные магазины, базары, экспортныя торговыя предпріятія, въ размѣрѣ ½ — 3% съ валового оборота; особому обложенію подлежатъ филіальныя отдѣленія. Что касается Гамбурга и Брауншвейга, то здѣсь аналогичные проекты налоговъ были отклонены.

Въ данномъ финансовомъ вопросѣ есть одна сторона дѣла, которая заслуживаетъ вниманія. Изъ очерка экономическихъ преимуществъ большихъ магазиновъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что они, дѣлая милліонные обороты, получаютъ и милліонные доходы. Эти крупныя предпріятія являются несравненно болѣе платежеспособными субъектами обложенія, чѣмъ соотвѣтственное число мелкихъ. Вполнѣ справедливо взимать съ нихъ подоходный налогъ, прогрессивно увеличивающійся по мѣрѣ роста размѣра и доходности предпріятія. Но, конечно, прогрессивный подоходный налогъ не долженъ падать исключительно на одни базары и универсальные магазины, якобы вредные для экономической жизни, а вообще на всѣ крупно-капиталистическія

*) Въ Дрезденѣ проектировалось обложеніе магазиновъ съ оборотомъ отъ 20.000 мар. въ прогрессивно возростающемъ размѣрѣ отъ 0,2 до 2%, а филіальныя отдѣленія съ оборотомъ отъ 10.000 мар. по 2% съ суммы оборота. Этотъ проектъ былъ однако отклоненъ думой.

предпріятія съ большими доходами. Весьма любопытно указаніе Губера, что магазинъ «Au Bon Marché», заплатившій въ 1896 г. 933.000 фр., долженъ былъ бы нести въ Пруссіи при подоходномъ налогѣ платежъ въ 1,6 милліоновъ франковъ. Такая постановка дѣла совершенно упраздняетъ вопросъ о спеціальномъ обложеніи большихъ магазиновъ, какъ о спеціально-политической мѣрѣ, тѣмъ болѣе, что само французское правительство послѣ 10 лѣтъ опытовъ съ такими налогами пришло къ убѣжденію, высказанному недавно въ парламентѣ, что это обложеніе, даже значительно усиленное въ послѣдніе годы, не привело къ сокращенію конкуренціи большихъ магазиновъ. Къ тому же отрицательному заключенію приводитъ и финансовое соображеніе о возможности переложенія значительной части этихъ спеціальныхъ налоговъ на покупателей, поставщиковъ и даже на служащихъ.

Итакъ, мы допускаемъ возможность прогрессивнаго обложенія доходовъ универсальныхъ магазиновъ и базаровъ, какъ формы крупнокапиталистическихъ предпріятій, приносящихъ колоссальные барыши, но подъ непремѣннымъ условіемъ распространенія этого подоходнаго налога на всѣ вообще крупные доходы, будутъ ли они происходить отъ промышленной дѣятельности, или отъ владѣнія процентными бумагами, или отъ земельной собственности, или отъ торговли; въ то же время вполнѣ отрицаемъ цѣлесообразность борьбы государства противъ новой формы торговыхъ предпріятій на финансовой почвѣ. Нельзя не согласиться въ данномъ случаѣ съ Губеромъ, который говоритъ: «Государство не въ состояніи противодѣйствовать общему ходу экономическаго развитія и расширенію крупныхъ предпріятій; единственное, что можетъ сдѣлать государственная власть, это облегчить страданія переходнаго періода» *).

Другія предположенія заинтересованныхъ лицъ, направленныя на поддержаніе позиціи мелкой торговли, относятся къ области средствъ самопомощи. Послѣдней ставится задача—укрѣпить положеніе этой торговли такъ, чтобы она была въ состояніи конкурировать съ большими магазинами. Такъ какъ мелкія лавки оказываются въ невыгодномъ положеніи при закупкахъ небольшими партіями, то предлагается устройство союзовъ и товариществъ для общей закупки товаровъ крупными партіями. Съ другой стороны крупные магазины оказываются въ выгодѣ при пользованіи большимъ помѣщеніемъ. Для того, чтобы воспользоваться той же выгодой, рекомендуется устройство коллективныхъ магазиновъ (Sortiments-Waarenhäuser), распадающихся на массу отдѣленій въ рукахъ отдѣльныхъ торговцевъ; расходы на помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе, прислугу и пр. распредѣляются между всѣми участниками такого магазина пропорціонально ихъ оборотамъ. Тотъ

*) *Huber*, «Waarenhaus und Kleinhandel», стр. 22.

же принципъ ассоціаціи можетъ быть примѣненъ и при снабженіи мелкихъ торговцевъ болѣе выгоднымъ и доступнымъ кредитомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ предположеній получили практическое осуществленіе еще раньше,—когда вопросъ объ универсальныхъ магазинахъ не пріобрѣлъ современной остроты,—напр. закупочныя и кредитныя товарищества. Другія средства начинаютъ примѣняться въ настоящее время; въ Гамбургѣ, напр., въ мартѣ 1899 года 70 купцовъ составили товарищество для веденія общей торговли (Waarenhaus) въ одномъ большомъ помѣщеніи для различныхъ отраслей съ основнымъ капиломъ въ 6 мил. мар.

Врядъ ли, впрочемъ, всѣ эти попытки приведутъ къ цѣли преодолѣнія крупныхъ магазиновъ. Какъ мы уже не разъ говорили, универсальные магазины являются продуктомъ современныхъ экономических условій. Борьба противъ нихъ есть лишь проявленіе классовыхъ интересовъ мелкаго и средняго купечества и отнюдь не отвѣчаетъ интересамъ массы населенія.

Проф. М. Соболевъ.

ДУМА.

Не той бѣды боюсь, что вихремъ налетитъ,
И—какъ березку—мигомъ изломаетъ.
Смерть тѣла моего—души не осквернитъ,
Зари грядущаго враждой не запятнаетъ.

* * *

Упало дерево, но цѣлъ его нарядъ,—
Сраженное красою зеленѣетъ...
Погибъ пловецъ, но дѣлъ свершенныхъ рядъ
Богатой жатвою созрѣетъ.

* * *

Нѣтъ! Той бѣды боюсь, что тихо подойдетъ:
Не стукнетъ, не ударитъ громомъ,
Но—какъ ненастный день—надъ тусклымъ небосклономъ
Сплошною тучею повиснетъ... и замретъ.

* * *

Порывы тщетные я въ сердцѣ схороню...
Померкнетъ все, что въ юности свѣтило...
Стоитъ березка, сохнетъ на корню...
Ахъ, лучше бы грозой тебя сразило!..

Ал. Богдановъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго **С. А. Гулишамбаровой.**

(*Продолженіе* *).

XIX.

Члены семьи Гилари спускались внизъ къ завтраку обыкновенно, когда имъ было удобно. Если Маттъ бывалъ дома, первыми являлись мать его и онъ самъ; затѣмъ приходилъ отецъ, Луиза бывала послѣдней. Они получали «Извѣстія» подобно многимъ другимъ, потому что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, газета эта отличалась полнотою; но они получали и «Обозрѣніе» изъ чувства самоуваженія. Въ то утро, когда дѣло Нортвика получило огласку, Маттъ послалъ за всѣми другими газетами. Онъ просмотрѣлъ ихъ и переговорилъ обо всемъ съ матерью, прежде чѣмъ отецъ его присоединился къ нимъ въ девять часовъ.

Во многихъ газетахъ были иллюстраціи: портреты Нортвика, виды его дома въ Бостонѣ и его дома въ Гатборо; виды компанейскаго завода въ Повкуассэтѣ; видъ крушенія поѣзда въ Уэлуотэрѣ. Но Гилари страшно огорчилъ блестящій отчетъ Пиннэя. Всѣ газеты были ужасны, но «Извѣстія» просто омерзительны. Однако, въ сущности, поведеніе газетъ заслуживало не больше порицанія, чѣмъ поведеніе директоровъ компаніи, которые передали это дѣло въ руки сыскной полиціи и привели въ дѣйствіе механизмъ гласности. И тѣ, и другіе не переступали въ своихъ дѣйствіяхъ за предѣлы своихъ правъ; и тѣ, и другіе исполняли оффиціальную обязанность.

Гилари, помимо желанія, былъ вынужденъ стать по отношенію къ Нортвику въ положеніе почти его защитника; онъ сильно страдалъ отъ фальшивости этого положенія, потому что никто болѣе его не презиралъ людей такого сорта, какъ Нортвикъ. Но когда вамъ при-

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

ходится страдать даже изъ-за мошенника, у васъ является нѣкоторое снисхожденіе къ нему. Всѣ эти удары обрушились на его возраставшее сочувствіе къ «бѣднягѣ», какъ онъ его называлъ.

Онъ просмотрѣлъ различные отчеты въ разныхъ газетахъ съ небольшими передышками и почувствовалъ себя совершенно разбитымъ.

— По крайней мѣрѣ, гора съ плечъ долой, другъ мой,—сказала его жена, замѣтившая окончательный результатъ его страданій и видѣвшая, какъ онъ остановился ошеломленный послѣдней газетой которую уронилъ на полъ.—Вотъ въ чемъ утѣшеніе.

— Можно ли это назвать утѣшеніемъ?—сухо спросилъ онъ.

— Ну да, я считаю это утѣшеніемъ. Неопредѣленное положеніе кончилось и ты можешь теперь снова прійти въ себя.

— Кажется, тутъ есть что-то.

Онъ не спускалъ глазъ съ Матта или, вѣрнѣе, съ «Обозрѣнія», которое закрывало Матта.

— Что тамъ такое, Маттъ?—спросилъ онъ.

— Ужъ лучше прочту вслухъ, — отвѣчалъ Маттъ.—Мнѣ кажется, это необыкновенно хорошо. Какъ бы мнѣ хотѣлось узнать, кто это написалъ!

— Я думаю, ты можешь и послѣ заняться своими догадками! — нетерпѣливо отвѣчалъ отецъ, и Маттъ началъ читать.

Будь Гилари въ иномъ настроеніи, едва ли онъ согласился бы съ тезисами статьи; нѣкоторые изъ ихъ выводовъ были таковы, что онъ рѣшительно отказался бы признать ихъ; но общій ихъ характеръ отличался такой гуманностью, такой сдержанностью, такой свѣтлостью взглядовъ, что Гилари во время чтенія статьи воспылалъ личною благодарностью къ автору ея за то, что̀ онъ назвалъ «простою благопристойностью».

— Это чрезвычайно интересная статья, — сказалъ онъ, раздѣляя желаніе Матта узнать, кто написалъ ее, какъ это бываетъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ.

— Хорошо было бы, — сказала миссисъ Гилари, — припрятать всѣ остальныя газеты отъ этихъ бѣдняжекъ.

Она намекала на дочерей Нортвика и прибавила:

— Если онѣ должны узнать о случившемся, снисходительнѣе этого нельзя разсказать.

— Вотъ и я думаю то же, мама, — сказалъ Маттъ. — Но, къ несчастью, имъ невозможно будетъ остановиться только на этой передачѣ фактовъ. Горе разразится надъ ними въ безобразной формѣ, какъ вообще всѣ наши напасти. Не знаю, такъ ли ужъ дурны всѣ остальныя газеты...

— *Не* дурны!—воскликнулъ его отецъ.

— Нѣтъ. Онѣ не жестоки къ нему, исключая того, что онѣ справедливы къ нему. Несомнѣнно, онѣ являются вѣрнымъ отголоскомъ мнѣ-

ній и чувствъ средняго большинства по этому вопросу. Съ такими фактами имъ приходится считаться всю жизнь и онѣ приглядѣлись къ нимъ. Но мнѣ хотѣлось бы узнать, кто написалъ эту статью въ «Обозрѣніи», я бы желалъ поблагодарить автора ея.

— Вопросъ теперь въ томъ,—сказала миссисъ Гилари, — что можемъ мы сдѣлать для нихъ? Увѣренъ ли ты, Маттъ, что далъ имъ ясно понять, что мы будемъ рады ихъ видѣть у себя, *что* бы ни случилось?

— Луиза и я, мы оба старались это сдѣлать,—отвѣчалъ ея сынъ,—когда мы были у нихъ вмѣстѣ. А когда я передавалъ имъ о своей поѣздкѣ въ Уэлуотэръ, я нѣсколько разъ повторилъ имъ нашу просьбу.

— Хорошо,—сказала миссисъ Гилари.—Я рада, что мы сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ. Сначала я сомнѣвалась, благоразумно ли было съ твоей стороны брать съ собою къ нимъ Луизу; но теперь я довольна, что все такъ хорошо обошлось. И я довольна, что отецъ твой поступилъ хорошо, давъ этому несчастному человѣку отсрочку, которую онъ употребилъ во зло.

— О, да,—сказалъ Маттъ.—Это было отлично. И я ужасно радъ, что онъ такъ легко отдѣлался. Если онъ еще живъ, я радъ, что онъ выпутался изъ бѣды.

Гилари, хранившій молчаніе, горестно отдавшись угрызеніямъ и сомнѣніямъ самаго разнообразнаго свойства, разразился теперь потокомъ словъ.

— А я считаю твою болтовню отвратительною нелѣпостью, Маттъ. Я и не думалъ давать Нортвику эту отсрочку для того, чтобы онъ улизнулъ отъ послѣдствій своихъ мошенническихъ продѣлокъ. Почему это онъ не долженъ быть за нихъ наказанъ?

— Потому, что это не принесетъ ни малѣйшей пользы ни ему и никому другому. Наказаніе не исправило бы его, оно не исправило бы ничего. Нортвикъ самъ по себѣ не зло; онъ только симптомъ зла. Ты можешь устранить симптомъ, но этимъ ты не уничтожишь зла. Болѣзнью пораженъ весь организмъ общественнаго строя, какъ предполагаетъ авторъ статьи въ «Обозрѣніи».

— Я въ ней не нахожу никакихъ такихъ предположеній,—сердито возразилъ его отецъ.—По твоей теоріи слѣдовало бы подыскать извиненіе негодяйству каждаго мошенника, заслуживающаго висѣлицы. Ужъ если говорить объ искорененіи зла въ обществѣ, то развѣ не слѣдуетъ начать съ каждаго человѣка въ отдѣльности? Повторяю тебѣ, для Нортвика и для плутовъ ему подобныхъ было бы весьма полезно отсидѣть свой срокъ въ острогѣ.

Споръ ожесточенно продолжался нѣкоторое время; обѣ стороны не отступали ни на іоту отъ своей аргументаціи. Миссисъ Гилари слушала съ нетерпѣніемъ, которое женщины испытываютъ, когда совершенно отсутствуетъ личная причина несогласія, единственно суще-

ственная причина. Маттъ зашелъ, наконецъ, въ такія отвлеченности, что сказалъ отцу:

— Итакъ, ты утверждаешь, насколько я понимаю, что если А хорошенько наказать за его грѣхи, то В останется добродѣтельнымъ при тѣхъ же условіяхъ и при тѣхъ же искушеніяхъ, противъ которыхъ А не въ силахъ былъ устоять.

Тутъ мать его попробовала вмѣшаться въ ихъ споръ. Ей были мало понятны метафизическія тонкости вопроса; она чувствовала только, что Маттъ приперъ, какъ говорится, къ стѣнѣ своего отца, который любилъ его безъ памяти, и поведеніе сына показалось ей неприличнымъ. Притомъ же, когда случается что-нибудь дурное, женщина всегда желаетъ, чтобы кто-нибудь былъ наказанъ. Всѣ женщины консервативны въ этомъ отношеніи, и миссисъ Гилари рѣшилась положить конецъ разговору между ея сыномъ и мужемъ, такъ какъ чувствовала, что Маттъ неправъ вдвойнѣ.

Но при первыхъ же ея словахъ мужъ бѣшено крикнулъ на нее:

— Не перебивай, Сара!—А затѣмъ загремѣлъ на Матта:—Пойми же, что мнѣ нѣтъ дѣла до отдѣльной личности въ данномъ случаѣ! Пойми, что выгода, необходимость заставляютъ общество наказывать А за его грѣхи безъ малѣйшаго отношенія къ В, и что меня касается, я не оставлю камня на камнѣ, пока мы не сыщемъ Нортвика, живого или мертваго. Если только онъ живъ, я употреблю всѣ усилія, чтобы привлечь его къ суду; онъ будетъ уличенъ и наказанъ.

Слова эти онъ прокричалъ во все горло и такъ стукнулъ по обѣденному столу, что чайныя ложечки зазвенѣли въ чашкахъ и миссисъ Гилари съ трудомъ разслышала, что ей докладывалъ Патрикъ, остановившись въ дверяхъ.

— Повидать мистера Гилари? Какая-то барыня? Гдѣ ея карточка?

— Она не захотѣла сказать своего имени, ма'амъ; она сказала, что не хочетъ войти, ма'амъ. Она хотѣла повидать мистера Гилари на одну минуту въ пріемной.

Гилари наклонился впередъ, чтобы вторично хлопнуть кулакомъ по столу, но женѣ удалось остановить его повтореніемъ порученія Патрика.

— Я къ ней не выйду,—отрѣзалъ онъ.—Должно быть, какая-нибудь репортерша. Онѣ тоже примостились къ нашей квашнѣ. Пойми,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Матту,—общественныя требованія къ тебѣ, какъ къ гражданину, какъ къ общественному дѣятелю, уничтожаютъ всѣ твои сантиментальныя обязательства къ В, какъ къ брату. Боже мой! да развѣ С не братъ мой то же, какъ и вся остальная азбука? Если А обокрадетъ остальныя буквы, пусть В получитъ урокъ изъ того оздоровляющаго факта, что плутни А привели его въ тюрьму.

— Ахъ, я допускаю, что было бы лучше, если бы разные А страдали за свои грѣхи; но я сомнѣваюсь, чтобы наказаніе, налагаемое на

человѣка противъ его воли, было истиннымъ для него страданіемъ. Если бы человѣкъ этотъ пришелъ добровольно и согласился вынести наказаніе, которому онъ подвергалъ себя своими проступками, это было бы полезно для него и для всякаго другого; въ такомъ поступкѣ было бы много значенія. Но вѣдь онъ убѣжалъ.

— А поэтому его надобно оставить въ покоѣ! Ты судишь, какъ тотъ констэбль, Догберри, въ шекспировской пьесѣ «Много шуму изъ-за пустяковъ»! Ты уличилъ бы вора, давъ ему возможность улизнуть.

— Мнѣ кажется, что именно это сдѣлалъ ты, отецъ. И по моему ты поступилъ хорошо, какъ я уже тебѣ говорилъ.

— Что *я* сдѣлалъ?—загремѣлъ Гилари.—Нѣтъ, сударь, ничего подобнаго я не дѣлалъ! Я далъ ему возможность стать честнымъ человѣкомъ...

— Другъ мой,—перебила миссисъ Гилари,—пойди же, отпусти эту женщину, по крайней мѣрѣ. Или позволь мнѣ это сдѣлать.

Гилари швырнулъ свою салфетку и весь красный отъ спора обвелъ присутствующихъ пылающимъ взоромъ. Не сознавая вполнѣ, что дѣлаетъ, онъ бросился вонъ изъ комнаты.

Не успѣла жена его сказать Матту:

— Тебѣ не слѣдовало бы заводить споръ съ отцомъ, Маттъ; вѣдь ты видишь, въ какую кашу онъ попалъ...

Какъ они услыхали его голосъ:

— Господи! Мое бѣдное дитя!

Они не знали, что онъ вскрикнулъ отъ ужаса при видѣ Сюзэтты Нортвикъ, которая встрѣтила его въ пріемной вопросомъ:

— Что это они написали о моемъ отцѣ, мистеръ Гилари?

— О вашемъ отцѣ, дорогая?

Онъ взялъ ея руки, которыя она протянула ему, и старался придумать, что бы такое сказать ей, нѣжное и ободряющее. Она отняла ихъ и крѣпко сложила вмѣстѣ.

— Правда ли это?

Онъ позволилъ себѣ притвориться не понимающимъ значенія ея словъ. Онъ не могъ сдѣлать иначе.

— Ну, мы надѣемся... мы надѣемся, что это неправда! Ничего другого еще не узнали о томъ, былъ ли онъ во время этого несчастія. Развѣ Маттъ...

— Я не о *томъ*. Это хуже, чѣмъ то. Это другое... что говорятъ газеты... что онъ былъ растратчикъ... безчестный. Правда ли *это*?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Ничего подобнаго, голубушка!

Гилари долженъ былъ отвѣтить ей это. Онъ чувствовалъ, что было бы жестоко сказать что-нибудь другое; всякій другой отвѣтъ былъ немыслимъ.

— Эти газеты... будь онѣ прокляты!.. вѣдь вы знаете, онѣ всегда такъ... Вамъ не надо мучить себя тѣмъ, что говорится въ газетахъ.

— Но почему же онѣ заговорили о моемъ отцѣ въ такое время, когда онъ... Что все это значитъ, мистеръ Гилари? Я не вѣрю газетамъ, поэтому я и пришла къ вамъ... какъ только могла, пораньше утромъ. Я знала, что вы мнѣ скажете правду. Вы знали моего отца съ такихъ давнихъ поръ, вы знали, какой онъ славный! Я... Вы знаете, онъ никогда не сдѣлалъ никому дурного... онъ не могъ поступить дурно!

— Разумѣется, разумѣется! —согласился Гилари.—Вы отлично сдѣлали, что пришли ко мнѣ... отлично. Какъ... какъ здоровье вашей сестры? Вы останетесь у насъ... Луиза еще не сходила внизъ... вы будете завтракать съ нею. Миссисъ Гилари за столомъ. Пойдемте къ намъ. Она можетъ васъ увѣрить... Маттъ вполнѣ убѣжденъ, что не надобно приходить въ отчаяніе относительно... Онъ...

Гилари безцѣльно суетился, произнося эти отрывочныя и неопредѣленныя фразы, а теперь старался заставить ее выйти изъ комнаты впереди себя. Но она опустилась на стулъ и онъ долженъ былъ остаться.

— Я хочу, чтобы вы мнѣ сказали, мистеръ Гилари, есть ли малѣйшее основаніе у газетъ говорить то, что въ нихъ напечатано сегодня утромъ?

— Какъ, основаніе? Дорогое дитя мое...

— Были ли какія-нибудь непріятности между моимъ отцомъ и его компаньонами?

— Ну... всегда между компаньонами возникаютъ сомнѣнія.

— Есть ли какое-нибудь сомнѣніе относительно счетовъ моего отца... его честности?

— Люди сомнѣваются во всемъ въ наше время, когда такъ много... требуется довѣрія въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Отъ времени до времени бываютъ разслѣдованія.

— А былъ ли какой-нибудь поводъ подозрѣвать моего отца? Подозрѣваетъ ли кто-нибудь его?

Гилари обвелъ комнату блуждающимъ взглядомъ; онъ не могъ смотрѣть въ лицо молодой дѣвушки.

— Мнѣ кажется, нѣкоторые изъ насъ... нѣкоторые изъ директоровъ... усомнились...

— А *вы*?

— Моя милая дѣвочка... мое бѣдное дитя! Вы не можете понять этого. Но я скажу вамъ искренно, что послѣ этого просмотра... когда вопросъ былъ отданъ на обсужденіе совѣта, я счелъ себя въ правѣ настаивать на томъ, чтобы отцу вашему дали время уладить все это. Онъ сказалъ, что можетъ это сдѣлать. И мы условились дать ему эту возможность.

Гилари сказалъ эти слова изъ состраданія къ молодой дѣвушкѣ; онъ былъ искренно пристыженъ тѣмъ видомъ великодушія, который слова его придавали его роли въ этомъ дѣлѣ.

— Сплошь и рядомъ,—продолжалъ онъ,—люди въ положеніи довѣренныхъ лицъ пользуются деньгами, которыя у нихъ на храненіи, а затѣмъ возвращаютъ ихъ; это случается ежедневно и никакого вреда тутъ не предполагается, и ничего дурного въ этомъ нѣтъ... пока... пока рискъ не окончится неудачей. Такія дѣла мы видимъ на каждомъ шагу.

Гилари чувствовалъ, что теперь онъ выпутается изъ затруднительнаго положенія, хотя зналъ, что говоритъ весьма безнравственныя вещи; но вѣдь онъ говорилъ ихъ не для того, чтобы развратить эту несчастную дѣвочку, сидѣвшую передъ нимъ; онъ старался только утѣшить ее, облегчить ея горе.

— Все это дѣло очень хорошо передано въ «Обозрѣніи». Читали вы его? Вы должны прочитать эту газету и не обращать вниманія на то, что говорится въ другихъ. Дайте, я васъ проведу къ миссисъ Гилари... у насъ имѣется эта газета...

Сюзэтта встала.

— Итакъ, нѣкоторые директора думаютъ, что мой отецъ взялъ деньги товарищества, какъ напечатано въ газетахъ?

— То, что они думаютъ, не имѣетъ никакого значенія относительно...

— А *вы* думаете?

— Какъ сказать... Я не думаю, что онъ хотѣлъ... Онъ надѣялся, конечно, вернуть ихъ. Ему было дано время для этого.

Гилари запнулся, затѣмъ подумалъ, что лучше прямо сказать.

— Но несомнѣнно онъ употреблялъ капиталы товарищества на свои личныя предпріятія.

— Это все,—сказала молодая дѣвушка. Теперь она вышла изъ комнаты. Гилари слѣдовалъ за нею. Съ невыразимымъ облегченіемъ увидалъ онъ Луизу, спускавшуюся по лѣстницѣ внизъ.

— Неужели Сю!—воскликнула она, быстро сбѣгая со ступеней. Она обвила руками шею своего друга.

— О Сю, Сю!—произнесла она голосомъ, которымъ обыкновенно женщина показываетъ другой женщинѣ, что понимаетъ ее и вполнѣ сочувствуетъ ей.

Сюзэтта холодно высвободилась изъ ея объятій.

— Пусти меня, Луиза.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты не уйдешь! Я хочу, чтобы ты... ты должна остаться теперь у насъ. Я знаю, Маттъ совсѣмъ не вѣритъ этому ужасному отчету.

— Если даже въ немъ правда, теперь мнѣ все равно. Другой отчетъ— развѣ ты не знаешь?—напечатанъ въ газетѣ сегодня утромъ.

Луиза старалась принять недоумѣвающій видъ; Сюзэтта на мгновеніе остановилась, а затѣмъ сказала:

— И твой отецъ сказалъ, что мой отецъ воръ.

— Ахъ, папа!—зарыдала Луиза.

Это было ужасно несправедливо и неблагодарно со стороны ихъ обѣихъ и у Гилари вырвался крикъ скорби и протеста. Сюзэтта убѣжала отъ Луизы и, прежде чѣмъ онъ могъ помѣшать ея намѣренію, стрѣлою пронеслась мимо него къ выходной двери и исчезла за нею.

XX.

Горе, превратившееся въ позоръ въ глазахъ постороннихъ людей, оставалось горемъ для дѣтей Нортвика. Отецъ ихъ не возвращался, не подавалъ никакихъ признаковъ существованія и онѣ попрежнему стали думать, что онъ умеръ. Но, оплакивая его, какъ умершаго, онѣ безусловно отвергали всякую мысль о его виновности. Любовь ихъ произвела то трогательное чудо, которое возможно вызвать въ женскихъ сердцахъ, она укрѣпила ихъ вѣру въ его честность, и вѣру это не могло поколебать никакое доказательство его безчестности.

Даже если бы онѣ и повѣрили всѣмъ тѣмъ вещамъ, въ которыхъ его обличали эти газеты, и тогда онѣ не могли бы осудить его дѣйствія, какъ осуждали другіе, чужіе люди. Но вѣдь, будучи женщинами, онѣ не умѣли дѣлать тонкія различія, которыя допускаются мужчинами въ кодексѣ торговой нравственности. А будучи дочерьми Нортвика, онѣ знали, что онъ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ, если бы это было дурно. Отецъ ихъ занималъ чужія деньги, имѣя въ виду расплатиться, а затѣмъ потерялъ свои собственныя и не могъ заплатить своихъ долговъ. Вотъ и все.

Совершенно несходныя по характеру, сестры были вполнѣ согласны между собою въ этомъ отношеніи и обѣ одинаково считали чѣмъ-то въ родѣ измѣны его памяти всякое измѣненіе въ образѣ жизни, которое явилось бы, такъ сказать, поощреніемъ взводимыхъ на него обвиненій. Но онѣ почувствовали нѣкоторое облегченіе, въ особенности Сюзетта, которая вела расходы, когда измѣненія пришли сами собой и пышный штатъ ихъ прислуги распался, вслѣдствіе ея недовольства или страха за будущее. Въ концѣ концовъ у нихъ остались только Элбриджъ Ньютонъ да его жена. Ей теперь рѣшительно нечего было дѣлать, какъ только тосковать по своемъ умершемъ ребенкѣ, и она охотно приходила готовить кушанье и убирать комнаты. А мужъ ея смотрѣлъ за лошадьми и домашнимъ скотомъ, какъ умѣлъ, ухаживалъ за печами и наблюдалъ за оранжерейными растеніями, чтобы они не перемерзли. Онъ вставалъ рано, ложился поздно. У него не было подобострастной «холопской» вѣрности къ Нортвикамъ; но онъ, по его собственному объясненію, былъ имъ преданъ за то, что они всегда хорошо обращались съ нимъ, и онъ не любилъ дѣлать свое дѣло спустя рукава.

Дни шли за днями, недѣли проходили за недѣлями, а сестры продолжали жить въ одиночествѣ, которому ихъ предоставили сосѣди изъ

сострадания, сдержанности или пренебреженія. Аделина принимала мистера Уэда всякій разъ, какъ онъ заходилъ къ сестрамъ; онъ считалъ своею обязанностью и своимъ исключительнымъ правомъ приносить утѣшеніе повсюду, гдѣ была скорбь. Но Сюзетта не видалась съ нимъ. Она посылала ему признательныя привѣтствія, когда онъ бывалъ у нихъ, и всякій разъ поручала сестрѣ сказать ему, что въ слѣдующій разъ надѣется съ нимъ увидѣться.

Одна изъ гатборскихъ дамъ, миссисъ Мунгеръ, жившая въ здѣшнихъ мѣстахъ круглый годъ, проникла въ библіотеку, полагая по своему разумѣнію, что поступаетъ такъ, какъ обязаны были бы поступить въ отношеніи къ ней ея сосѣди; но ей не удалось повидать ни одну изъ сестеръ. Ей пришлось удовольствоваться настоятельнымъ подговариваніемъ миссисъ Мореллъ, жены доктора, присоединиться къ ней для вторичнаго покушенія нарушить ихъ покой. Но у миссисъ Мореллъ составилось мнѣніе о личности и характерѣ Сюзэтты враждебное импульсу материнскаго состраданія, которое она почувствовала бы ко всякой другой молодой дѣвушкѣ въ этомъ положеніи. Миссисъ Герришъ, жена главнаго купца въ Гатборо, который удостоился чести пріѣхать изъ Бостона въ одномъ поѣздѣ съ Нортвикомъ въ тотъ самый день, когда состоялось собраніе директоровъ, была бы пожалуй, не прочь присоединиться къ мисиссъ Мунгеръ, но мужъ рѣшительнѣйшимъ образомъ запретилъ ей это. Онъ стоялъ горой за честность и состоятельность Нортвика противъ цѣлой деревни; тогда какъ всѣ и каждый обвиняли его въ бѣгствѣ, едва стало извѣстно изъ газетъ, что онъ находился въ числѣ погибшихъ во время пожара въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ, одинъ Герришъ упрямо отказывался повѣрить этому. Исторія растратъ свалилась на него словно ударъ грома при ясномъ небѣ; онъ чувствовалъ себя опозореннымъ передъ своими согражданами, а къ Нортвику сталъ питать злобу за то, что онъ такъ ловко обошелъ его. Герришъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ наложенія запрещенія на имущество, оставшееся послѣ растратчика, и, очевидно, сдѣлавшееся теперь собственностью его кредиторовъ. Другіе обыватели Гатборо, тѣ самые, что такъ охотно заподозрили Нортвика, питали къ нему въ глубинѣ души преступное чувство снисхожденія. Иные думали, что онъ отправился представить свои счеты въ другіе суды; другіе — что онъ жилъ въ бѣдности и изгнаніи, что было уже для него достаточнымъ наказаніемъ. Но Герришъ требовалъ отъ закона примѣрной, потрясающей расправы съ виновнымъ. Онъ честилъ полкуассэтскихъ директоровъ, обзывая ихъ сборищемъ людишекъ, лишенныхъ всякаго патріотическаго чувства, за то, что они дали Нортвику уйти изъ своихъ рукъ, живому или мертвому.

— Почему не вышвырнутъ его семьи изъ этого дома и не передадутъ его въ руки пайщиковъ, которыхъ онъ обокралъ?—спросилъ разъ утромъ Герришъ у случайно собравшихся въ его лавкѣ мѣстныхъ зѣвакъ.—Сдается мнѣ, этотъ Гилари, въ Бостонѣ, покрывалъ его и...

держалъ его руку съ самаго начала... и обѣлялъ его. А почему? не знаю. Будь я однимъ изъ повкуассэтскихъ пайщиковъ, я бы ему показалъ себя. Первымъ дѣломъ я бы освѣдомился, почему семья Нортвика продолжаетъ жить въ моемъ домѣ послѣ того, какъ онъ ограбилъ меня, захватилъ въ свои руки все, что лежало плохо.

Адвокатъ Путнэй былъ тутъ же. Онъ переложилъ табакъ, бывшій у него за щекою, за другую щеку и привелъ въ порядокъ свои маленькія, крѣпкія челюсти.

— Послушай, Билли, я скажу тебѣ, почему. Да потому, что и домъ, и ферма, и все недвижимое имущество принадлежатъ семьѣ Нортвика, а вовсе не кредиторамъ Нортвика.

Слушатели расхохотались, а Путнэй продолжалъ:

— Объ этомъ вопросѣ братъ Нортвикъ позаботился давнымъ-давно, какъ мнѣ кажется. Мнѣ кажется, онъ это сдѣлалъ еще въ тѣ времена, когда ты впервые выразилъ желаніе, чтобы его статую поставили наверху солдатскаго монумента.

— Никогда не выражалъ я такого пошлаго желанія!—сердито огрызнулся мистеръ Герришъ.

Періодъ запоя миновалъ для Путнэя и онъ находился въ полномъ упоеніи своимъ презрѣніемъ къ Герришу, которое могло превратиться въ глубокое уваженіе въ его пьяные дни. Ему самому было хорошо извѣстно это ненормальное переходное состояніе его души, вслѣдствіе котораго онъ становился отъявленнымъ консерваторомъ по всѣмъ вопросамъ и ревностнымъ другомъ стараго порядка вещей; онъ говаривалъ, что не зналъ худшаго состоянія при существующихъ условіяхъ.

Итакъ онъ продолжалъ:

— Неужели? Ну, а я думаю, что статуя эта была бы куда приличнѣе поставленной тамъ дѣвки въ клоунской одеждѣ.

Всѣ засмѣялись. Зубоскальство Путнэя насчетъ Побѣды, украшавшей солдатскій монументъ, всякій разъ, какъ онъ говорилъ о немъ, принимало различную форму.

— Это показало бы наглядно, для чего въ сущности умерли эти бѣдные молодцы: а для того, чтобы у насъ было все больше и больше Нортвиковъ, цѣлая нортвиковская система вещей. Что скажешь объ этомъ, пріятель Билли? Ты видишь, лично мнѣ нельзя быть слишкомъ суровымъ къ Нортвикамъ, такъ какъ я считаю этихъ господъ необходимой частью нашей системы управленія. Что сталось бы съ законами и судами, не будь у насъ плутовъ и мошенниковъ? Намъ *необходимы* Нортвики. Жаль только, что у Нортвиковъ бываютъ семьи; но я не осуждаю Нортвиковъ за то, что они принимаютъ мѣры противъ того злосчастнаго дня, когда Нортвикизму пришелъ бы конецъ. Я радъ, что этихъ женщинъ нельзя лишить крова; я уважаю отцовскую любовь и предусмотрительность Дж. Мильтона, укрѣпившаго законнымъ порядкомъ это имѣніе за ними.

— Удерживать за собою его съ ихъ стороны просто-на-просто грабежъ и разбой!—сказалъ Герришъ.

— О нѣтъ, ты глубоко ошибаешься, Билли. Это законъ. Ты бы долженъ уважать законъ и права собственности. Ты, пожалуй, пожелаешь, чтобы статчики сожгли до тла здѣшнюю башмачную лавку, какъ только у насъ поднимется кавардакъ. Ты становишься возмутительно-краснымъ, Билли.

Слова Путнэя подняли Герриша на смѣхъ. Но нѣсколько человѣкъ изъ собравшихся и масса людей въ Гатборо, включая большинство женщинъ, стояли за энергическія мѣры наказанія по дѣлу Нортвика. Почтенныя гатборскія матроны считали нелѣпымъ, что этихъ дѣвушекъ оставляютъ въ покоѣ, позволяя имъ жить, словно ничего не случилось, въ домѣ, который слѣдовало бы конфисковать за преступленія ихъ отца въ пользу его жертвъ, тогда какъ многое множество честныхъ людей не знали, куда голову преклонить въ эту ночь, не знали, откуда достать себѣ кусокъ хлѣба. Въ дѣйствительности жаловались на такую несправедливость не бездомные и не голодные; даже не тѣ, кто перебивался поденной работой въ гатборскихъ лавкахъ, говорили такія вещи. У людей этихъ было слишкомъ много дѣла, а затѣмъ они слишкомъ уставали, чтобы задумываться надъ этимъ, и слухи о злыхъ дѣлахъ Нортвика заглушались въ грохотѣ машинъ.

Толки и пересуды о его позорныхъ дѣяніяхъ наполняли тѣсныя, хорошо нагрѣтыя гостиныя почтенныхъ гражданъ, позади окошекъ, откуда въ теченіе такого долгаго времени они съ завистью смотрѣли на Нортвиковъ, разъѣзжавшихъ въ каретахъ и саняхъ; досужія и добропорядочныя женщины разбирали по косточкамъ эти позорныя дѣянія и за ущербъ нанесенный Нортвикомъ его кредиторамъ, призывали небесные громы на его дочерей—вѣдь эти гордячки всегда важничали и не удостоивали своимъ разговоромъ добрыхъ людей. Такія женщины не могли понять, почему товарищество Понкуассэтскихъ заводовъ не выгнало безъ дальнѣйшихъ околичностей этихъ дѣвушекъ изъ дому, быть можетъ, имъ даже не было извѣстно, почему товарищество не имѣло права сдѣлать это. Когда же всѣ эти женщины узнали, что семейство предсѣдателя товарищества продолжало поддерживать дружескія сношенія съ дочерьми Нортвика, въ ихъ умѣ зародились сомнѣнія, обратившіяся весьма скоро въ положительную увѣренность, что эти Гилари получили свою долю въ награбленной добычѣ. Всѣ эти женщины не были жестокими и въ дѣйствительности едва ли имъ было бы пріятно увидѣть дочерей Нортвика въ нуждѣ, если бы дѣло дошло до этого. Но онѣ жаждали возмездія, уготованнаго злымъ, и не боялись «судить» и «отмѣривать» самою полною мѣрою.

Въ болѣе свободной атмосферѣ уличной жизни, лавокъ и конторъ мужья ихъ выказывали гораздо меньше рвенія. Въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, что одинъ только Герришъ усердствовалъ съ этой стороны.

Когда миновало первое возбужденіе, а послѣдовательныя сенсаціонныя сотрясенія, сообщаемыя газетами, мало-по-малу улеглись, на гатборскихъ представителей сильнаго пола нашла полоса какой-то безропотной покорности, которую можно признать или не признать за доказательство всеобщей деморализаціи. Безцеремонное обращеніе Нортвика съ чужими капиталами встревожило ихъ, но нельзя было сказать, чтобы оно изумило кого-нибудь; этого слѣдовало ожидать отъ человѣка въ положеніи Нортвика; это случалось ежедневно гдѣ-нибудь, и наступилъ день, когда это должно было случиться здѣсь. Они не знали изреченія («великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ Его»), но тѣмъ не менѣе они были фаталистами. Они восприняли совершившійся фактъ и, обсудивъ, что бѣдствіе это въ сущности не коснулось ихъ лично, многіе изъ нихъ стали относиться къ нему вполнѣ равнодушно, даже съ оттѣнкомъ шутливости. Имъ не было ни малѣйшаго дѣла до всего этого сонмища бостонскихъ тузовъ, капиталами которыхъ Нортвикъ воспользовался для своихъ рискованныхъ биржевыхъ операцій: вѣдь банкъ въ Гатборо не разорился отъ этого и трудовой людъ не потерялъ своихъ вкладовъ. Они могли смотрѣть на это дѣло безстрастнымъ окомъ и въ ихъ душѣ смутно жило убѣжденіе, что каждый членъ Понкуассэтскаго товарищества сдѣлалъ бы то же, что̀ и Нортвикъ, представься удобный случай. Кромѣ того, ихъ ужасно занималъ вопросъ, дѣйствительно ли Нортвикъ погибъ во время желѣзнодорожной катастрофы, или съигралъ ловкую штуку и нынѣ мирно пребываетъ гдѣ-нибудь въ «Пріютѣ Бродягъ», какъ называлъ Путнэй Канадскую область.

XXI.

Хотя Гилари, начиная искъ противъ Нортвика, дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по необходимости, онъ не могъ отдѣлаться отъ ощущенія, будто онъ умышленно навлекалъ гоненіе на этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужасно было предавать суду того, кто — пока не было доказано противное—уже предсталъ со своими грѣхами передъ судилище Того, Кто судитъ скорѣе желанія и помышленія, чѣмъ поступки. Но процессъ долженъ былъ пойти своимъ чередомъ, а Гилари долженъ былъ возбудить искъ. Обо всемъ этомъ переговорили въ семействѣ Гилари, гдѣ его жалѣли и прощали ему въ силу любви, которая дѣлаетъ насъ простыми и искренними, несмотря на личины, въ которыя мы рядимся передъ свѣтомъ. Его жена и его дѣти знали всю его доброту и что̀ онъ выстрадалъ въ этомъ дѣлѣ съ самаго начала, стараясь повести его какъ можно снисходительнѣе. Если онъ заговаривалъ объ этомъ, было рѣшено съ общаго согласія, что Маттъ не станетъ раздражать его своими теоретическими воззрѣніями, а когда Гилари хранилъ молчаніе, никто не долженъ былъ упоминать объ этомъ.

Гилари сознавалъ всю особенную затруднительность своего положенія и сознавалъ это тѣмъ яснѣе, что совѣсть его не позволяла ему увильнуть отъ своего долга. Онъ употребилъ свое вліяніе, значеніе своего добраго имени и своей коммерческой безупречности для обузданія крутыхъ мѣръ совѣта относительно Нортвика, когда мошенничество его обнаружилось, и теперь былъ вдвойнѣ обязанъ удовлетворить желаніямъ директоровъ—начать дѣло судебнымъ порядкомъ. Большинство изъ нихъ были увѣрены, что Нортвикъ и не думалъ умирать; тѣ же, кто не питалъ такой полной увѣренности, во всякомъ случаѣ считалъ общественнымъ долгомъ преданіе его суду, и всѣ единогласно рѣшили, что Гилари подастъ въ судъ требуемую жалобу.

Итакъ, у Гилари не оставалось иного выбора и ему приходилось покориться. Другой на его мѣстѣ, быть можетъ, отказался бы отъ должности, но онъ не считалъ себя въ правѣ поступить такимъ образомъ, сознавая свою отвѣтственность въ бѣгствѣ Нортвика.

Онъ поставилъ себѣ въ не меньшую обязанность узнать, какой ущербъ можетъ произойти отъ этого для дочерей Нортвика, и пробовалъ предложить имъ денегъ взаймы. Но Сюзэтта отвѣтила ему отъ имени обѣихъ, что отецъ передъ отъѣздомъ оставилъ имъ извѣстную сумму. Гилари могъ только послать Луизу для объясненія, почему онъ долженъ былъ явиться формально въ судѣ по этому дѣлу. Онъ уполномочилъ Луизу вложить столько горячности, сколько она пожелаетъ, въ оправданіе его сожалѣній и въ совѣтъ его, чтобы онѣ переговорили съ какимъ-нибудь адвокатомъ. Такой образъ дѣйствій не вязался съ коммерческой нравственностью; если бы о немъ узнали добрые люди, его навѣрно подвергли бы самой строгой критикѣ; но, обращаясь къ суду своей собственной совѣсти, Гилари чувствовалъ въ себѣ силу всегда послать своихъ строгихъ критиковъ къ чорту въ такомъ дѣлѣ, какъ это.

Луизѣ показалось сперва, что Сюзетта не хотѣла отдѣлить ея отца отъ его оффиціальнаго положенія, не хотѣла вполнѣ оцѣнить его снисхожденія. Она говорила о дѣйствіяхъ *своего* отца, какъ о чемъ-то, стоящемъ выше подозрѣній и сомнѣній, къ чему онъ былъ вынужденъ своими врагами, которыхъ онъ пристыдилъ бы очень скоро, будь онъ живъ. Ей и Аделинѣ было рѣшительно все равно, что бы ни дѣлали; отецъ ихъ находился теперь внѣ людской злобы и когда-нибудь имя его очистится отъ взводимыхъ на него обвиненій. Аделина прибавила, что онѣ будутъ жить тамъ, гдѣ онъ ихъ оставилъ. Это былъ ихъ домъ и никто не можетъ отнять его у нихъ.

Луиза, движимая чувствомъ состраданія, соглашалась со всѣмъ. Ей казалось, что Сюзэттѣ слѣдовало бы выслушать съ большей сердечностью сожалѣнія ея отца. Но она вспомнила, что Сюзэтта была всегда очень сдержана въ выраженіи своихъ чувствъ, и не стала ее осуждать. Она замѣтила запущеніе, которое уже коснулось дома Норт-

вика; отчаяніе сестеръ выражалось во всемъ домашнемъ обиходѣ. Сестры не плакали, зато Луиза выплакала всѣ глаза надъ ихъ заброшенностью и ея слезы смягчили, наконецъ, несчастныхъ дѣвушекъ, возбудивъ въ ихъ душѣ что-то въ родѣ жалости къ самимъ себѣ. Онѣ пригласили Луизу остаться къ завтраку; ей очень не хотѣлось, но она подумала, что ей слѣдуетъ остаться. Завтракъ былъ плохо приготовленъ и очень скудно сервированъ; Луизѣ вообразилось, что онѣ начали морить себя голодомъ, и она чуть не расплакалась надъ своей чашкой чаю. Прислуживавшая имъ женщина имѣла такой зловѣщій, мрачный видъ; она двигалась взадъ и впередъ, неподвижно устремивъ глаза въ одну точку, плотно сжавъ губы и отъ нея несло слабымъ запахомъ конюшни. Это была миссисъ Ньютонъ; она впустила Луизу въ домъ; другой прислуги молодая дѣвушка не видала.

Сюзэтта ничего не сказала о ихъ планахъ на будущее время, а Луизѣ не хотѣлось разспрашивать ее объ этомъ. Луизѣ казалось, что ее приняли подъ флагомъ перемирія и что между ними откровенная бесѣда была неумѣстна. Обѣ сестры, повидимому, держали себя съ нею въ оборонительномъ положеніи. Но когда она встала, чтобы уйти, Сюзэтта надѣла шляпу и жакетку и выразила желаніе пройтись съ нею до воротъ аллеи, навстрѣчу Симпсону, который долженъ былъ пріѣхать за Луизою, чтобы отвезти ее на вокзалъ.

Былъ ясный мартовскій день; солнце стояло высоко на фонѣ голубого неба, а сойки хвастливо перекликались на вѣтвяхъ елей. Морозъ еще не покинулъ землю, но по тѣнистой дорогѣ было сухо.

Онѣ держались разговора о погодѣ; но вдругъ Сюзэтта сказала неожиданно:

— Разумѣется, Луиза, твой отецъ долженъ сдѣлать то, что отъ него требуютъ, противъ... папы. Я это понимаю.

— Охъ, Сю...

— Не надо! Передай ему, пожалуйста, что я не такъ глупа, чтобы не понять этого.

— Я увѣрена,—отважилась Луиза,—онъ сдѣлаетъ все, чтобы помочь вамъ обѣимъ!

Сюзэтта пропустила мимо ушей это выраженіе искренняго чувства.

— Мы не вѣримъ, чтобы папа сдѣлалъ что-нибудь дурное или что-нибудь такое, въ чемъ бы не могъ оправдаться, если бы онъ былъ живъ. Мы не позволимъ отнять у насъ его имущество, если только сможемъ это сдѣлать.

— Разумѣется, нѣтъ! Я увѣрена, и папа не захочетъ, чтобы вы позволили имъ это.

— Это значило бы признать, что они были правы, а мы *никогда* этого не признаемъ. Но я не виню твоего отца и мнѣ хочется, чтобы ты ему сказала это.

Луиза порывисто остановилась и поцѣловала Сюзэтту. Ея любящему

оптимизму представилось въ эту минуту, что отнынѣ конецъ всѣмъ огорченіямъ. Она никогда хорошенько не могла взять въ толкъ, чтобы дѣло это было до такой степени непоправимо дурно. Ей оно представлялось въ родѣ недоразумѣнія, которое можно было вполнѣ разъяснить, если бы люди согласились выслушать одинъ другого.

Сю высвободилась изъ ея объятій и сказала, отвернувшись въ сторону отъ своего друга:

— Это былъ тяжелый ударъ. Онъ умеръ; а намъ даже не довелось увидѣть его лежащимъ въ гробу.

— Ахъ, быть можетъ,—прорыдала Луиза,—онъ *не* умиралъ! Такъ много людей думаетъ, что онъ не...

Сюзэтта отскочила отъ нея—суровая, глубоко оскорбленная.

— Неужели ты думаешь, что онъ оставилъ бы насъ безъ единаго слова... безъ малѣйшей вѣсти, если бы онъ былъ живъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не могъ быть такъ жестокъ! Я этого не думала! Онъ умеръ и я всегда буду говорить такъ.

Она продолжала идти молча, но у воротъ Сюзэтта, въ свою очередь, крѣпко обняла Луизу. Слезы стояли въ ея глазахъ, когда она сказала:

— Я бы хотѣла послать мой любящій привѣтъ твоей мамѣ... если ей будетъ это пріятно.

— Будетъ ли ей пріятно!

— И сказать твоему брату, что я никогда не забуду того, что онъ сдѣлалъ для насъ.

— Онъ никогда не забудетъ, что ты позволила ему сдѣлать это,—отвѣтила Луиза, горячо признательная за ея ласку.—Ему ужасно хотѣлось пріѣхать со мною, но онъ боялся показаться навязчивымъ.

— Навязчивымъ! Твой *братъ*!

Сю произнесла эти слова, словно Маттъ принадлежалъ къ существамъ какого-то высшаго порядка.

Страстность чувства, которою звучалъ ея голосъ, вызвалъ у Луизы новый потокъ слезъ.

— Маттъ хорошій. Я передамъ ему твои слова. Ему будетъ пріятно ихъ услышать.

Онѣ смотрѣли на дорогу, но Симпсона было еще не видать.

— Не жди, Сю,—умоляла Луиза.—Пожалуйста, уходи! Ты въ конецъ разстроишь свое здоровье.

— Нѣтъ, я хочу побыть съ тобою, пока пріѣдетъ твой экипажъ,—отвѣчала Сюзэтта. И онѣ минуту молча стояли рядомъ. Затѣмъ Луиза сказала:

— У Матта новая слабость: юноша, который пишетъ въ газетахъ...

— Въ газетахъ!—повторила Сю съ выраженіемъ отвращенія.

— О, но вѣдь онъ совсѣмъ не то, что другіе,—спѣшила объяснить Луиза.—Такой красавецъ, и такой интересный... блѣдный, больной. Онъ непремѣнно будетъ поэтомъ, но пока ему приходится быть репор-

теромъ. Онъ ужасно уменъ; но Маттъ говоритъ, что онъ страшно бѣденъ и ему пришлось испытать такъ много тяжелаго въ жизни. Теперь, кажется, ему больше не потребуется интервьюировать... онъ интервьюировалъ папу, въ первый разъ; а бѣдный папа обращался съ нимъ ужасно рѣзко, а потомъ ему было очень жаль. Ему дадутъ какое-то другое занятіе въ газетахъ; не знаю, какъ это называется. Матту понравилось то, что онъ написалъ о... о твоихъ... огорченіяхъ, Сю.

— Гдѣ это было?—спросила Сю.—Всѣ статьи были гнусно фальшивы и жестоки.

— Его статья не была жестокою. Она напечатана въ «Обозрѣніи».

— А, теперь помню. Но онъ сказалъ, что папа взялъ деньги,— неумолимо возразила Сю.

— Неужели? Мнѣ казалось, онъ только сказалъ: *если* онъ взялъ ихъ. Я не вѣрю, чтобы онъ сказалъ еще что нибудь. Матту не понравилась-бы такъ сильно статья, напиши онъ это. Еслибъ ты знала, какой онъ больной. Но онъ ужасно уменъ.

Экипажъ показался на подъемѣ дороги, и Симпсонъ бѣшено погналъ лошадей. Онъ всегда это дѣлалъ на виду у публики. Луиза снова обвила руками своего друга.

— Позволь мнѣ вернуться и остаться съ тобою, Сю! Или поѣдемъ со мной, ты и миссъ Нортвикъ. Мы всѣ будемъ такъ рады вамъ, мнѣ невыносимо больно оставлять тебя здѣсь одну. Мнѣ кажется это ужаснымъ.

— Правда твоя. Но легче переносить этотъ ужасъ здѣсь, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Когда-нибудь вся эта ложь разъяснится и тогда мы будемъ довольны, что перенесли свое горе тамъ, гдѣ онъ оставилъ насъ. Мы уже рѣшили, Аделина и я, что намъ дѣлать. Мы попробуемъ сдать въ наймы домъ съ мебелью на лѣто, а сами поселимся вотъ въ этомъ домикѣ.

Луиза оглянулась на мызу у воротъ аллеи и сказала, что это будетъ великолѣпно.

— Здѣсь еще до сихъ поръ никто не жилъ,—продолжала Сюзэтта.— А зимою мы снова можемъ перебраться въ нашъ домъ.

Эта мысль также показалась Луизѣ превосходной, и она разсталась со своимъ другомъ болѣе успокоенная, чѣмъ могла себѣ вообразить, когда онѣ свидѣлись. Она принесла съ собою домой это чувство душевнаго подъема и съумѣла, въ пересказѣ своихъ впечатлѣній, представить Сю почти въ цвѣтущемъ состояніи и вполнѣ готовую уступить, если не покориться всему, что товарищество заставитъ Гилари сдѣлать. Въ ея воображеніи отецъ ея, такъ неохотно принявшійся за это дѣло, являлся въ нѣкоторомъ родѣ союзникомъ Нортвиковъ и ее огорчило, что ему, повидимому, не доставило удовольствія одобреніе Сю. Впрочемъ, въ общемъ онъ остался доволенъ всѣмъ, что она передала отъ

его имени сестрамъ, хотя положеніе дѣла далеко не казалось ему въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, какъ Матту. Луиза передала своему брату слова Сю, по поводу его нежеланія быть навязчивымъ и прибавила, что теперь онъ можетъ поѣхать повидаться съ ней.

XXII.

День или два спустя, Маттъ отправился въ Гатборо. Онъ засталъ Уэда у себя въ церкви и, не теряя времени, спросилъ у него:

— Уэдъ, что подѣлываетъ миссъ Нортвикъ? Бывалъ ли ты у нихъ за послѣднее время?

Уэдъ отвѣчалъ ему, что почти не видалъ старшей миссъ Нортвикъ, а съ Сюзэттой совсѣмъ не встрѣчался.

— Не знаю, зачѣмъ спросилъ я тебя объ этомъ,—сказалъ Маттъ,—вѣдь мнѣ все это извѣстно черезъ Луизу: она была у нихъ недавно и онѣ сказали ей. Въ дѣйствительности меня интересуетъ другое. Не знаешь ли ты, въ какомъ положеніи эта любовная исторія съ Джекомъ Уилмингтономъ? Не было ли съ его стороны попытки увидѣться съ нею послѣ того, какъ раскрылось это печальное дѣло съ ея отцомъ?

По обыкновенію, они совсѣмъ позабыли объ Аделинѣ Нортвикъ.

— Я вполнѣ увѣренъ, что не было,—сказалъ Уэдъ,—хотя за другого отвѣчать трудно.

— Значитъ, тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній!

Маттъ отошелъ къ одному изъ готическихъ оконъ студіи Уэда и сталъ глядѣть на улицу. Потомъ, вернувшись къ своему другу, сказалъ:

— Если онъ когда-нибудь серьезно любилъ ее, я думаю, онъ старался бы повидаться съ ней въ такое время, не правда ли?

— Не могу себѣ представить, почему онъ этого не дѣлаетъ. Я никогда не считалъ его пошлякомъ.

— Я тоже не считалъ его такимъ.

— Онъ бы такъ и поступилъ, если только... если только эта женщина не воспользовалась какимъ-нибудь обстоятельствомъ, которое даетъ ей власть надъ нимъ.

— Онъ показалъ себя, по меньшей мѣрѣ, настоящей тряпкой. Но я не считаю его негодяемъ... А что думаютъ здѣсь въ деревнѣ?

— Одни думаютъ всевозможныя безобразія, а другіе считаютъ всю эту исторію сущими пустяками... Здѣшняя публика привыкла смотрѣть сквозь пальцы на такихъ особъ, какъ миссисъ Уилмингтонъ или мистеръ Нортвикъ.

— Я не собираюсь съ ней ссориться по этому поводу,—молвилъ Маттъ съ невозмутимою ясностью философа, которую легко можно было принять за иронію при маломъ знакомствѣ съ нимъ.—Книга, изъ которой мы заимствовали свои религіозные принципы, учитъ насъ снисходительно судить о нашихъ ближнихъ.

— Она вовсе не учитъ насъ циническому индифферентизму,—замѣтилъ Уэдъ.

— Быть можетъ, ты ошибочно объясняешь побужденія здѣшняго общества.

— Не знаю. Иногда мнѣ просто страшно думать, какъ глубока наша нравственная испорченность въ извѣстныхъ направленіяхъ.

Маттъ не послѣдовалъ за притягательной силой, которая заключалась въ теоретическомъ изслѣдованіи этихъ вопросовъ для нихъ обоихъ. Онъ сказалъ, вернувшись неожиданно на личную почву бесѣды:

— Итакъ, по твоему мнѣнію, Уилмингтона не слѣдуетъ болѣе принимать въ соображеніе по отношенію къ ней?

— По отношенію къ миссъ Сю Нортвикъ? Не знаю, вполнѣ ли я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать, долгъ каждаго изъ насъ... твой или мой... пойти къ этому человѣку и спросить у него: что онъ на самомъ дѣлѣ думаетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ чувствуетъ? Я не хочу сказать этимъ, что надо просить его придти къ ней. Это было бы недостойно ея. Но, быть можетъ, онъ остается въ тѣни изъ ложнаго чувства деликатности, раскаянія, тогда какъ ему бы можно было объяснить, что его право, его привилегія стать для нея теперь всѣмъ, чѣмъ мужчина можетъ быть для женщины, и несравненно больше, чѣмъ какой бы то ни было мужчина можетъ надѣяться быть для счастливой женщины... Что ты скажешь объ этомъ? Вѣдь онъ могъ бы стать для нея оплотомъ, защитой, опорой, словомъ, всѣмъ?

Уэдъ сомнительно покачалъ головой.

— Это было бы безполезно. Уилмингтонъ отлично понимаетъ, что такая дѣвушка никогда не позволитъ ему быть для нея ничѣмъ теперь, когда онъ пренебрегъ ея любовью прежде. Если бы даже онъ былъ все еще влюбленъ въ нее—въ чемъ я сомнѣваюсь—и тогда онъ не могъ бы этого сдѣлать.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, ты правъ,—сказалъ Маттъ. Послѣ небольшой паузы онъ прибавилъ:

— Ну, такъ я самъ долженъ пойти къ ней.

— Ты самъ долженъ пойти? Что ты хочешь сказать?—спросилъ Уэдъ.

— Кто-нибудь долженъ постараться объяснить имъ, каково ихъ настоящее положеніе. Не думаю, чтобы Луиза съумѣла сдѣлать это; мнѣ кажется, она и сама не знала, насколько судебное слѣдствіе затронетъ ихъ интересы. Я думаю, лучше мнѣ пойти и разъяснить имъ это дѣло начисто.

— Я думаю, въ такомъ объясненіи мало пріятнаго.

— Твоя правда,—сказалъ Маттъ,—я не жду ничего пріятнаго. Но я вывелъ изъ того, что мнѣ сказала Луиза, что *она* желала бы меня видѣть, и я думаю, мнѣ бы слѣдовало пойти къ ней.

Онъ высказалъ свою увѣренность въ вопросительной формѣ и Уэдъ искренно согласился съ нимъ.

— Ну, разумѣется. У тебя нѣтъ другого выбора.

Маттъ ушелъ отъ него съ лицомъ, дышавшимъ бодростью, если не надеждою.

Онъ увидалъ Сюзэтту изъ аллеѣ, въ костюмѣ для гулянья. Она шла ему навстрѣчу своей величавой, царственной походкой. При видѣ его она вздрогнула и затѣмъ почти побѣжала къ нему.

— Ахъ! это вы!—сказала она и отступила немного назадъ, а затѣмъ порывистымъ движеніемъ протянула ему свою руку.

Онъ взялъ эту руку въ обѣ свои и быстро заговорилъ:

— Вы идете куда-нибудь? Здоровы ли вы? Дома ли ваша сестра? Пожалуйста, не позволяйте мнѣ васъ задерживать! Можно ли мнѣ пойти съ вами?

Она печально улыбнулась.

— Я прохаживаюсь только здѣсь, въ аллеѣ. Что подѣлываетъ Луиза? Хорошо ли она доѣхала до дому? Какая она славная, что пріѣхала сюда? Не веселое здѣсь мѣсто для гулянья?

— О, миссъ Нортвикъ! Какая вы добрая, что повидались съ нею. И насъ очень обрадовало... утѣшило... что вы не сердитесь ни на кого изъ *насъ* за то, что должно произойти. Я надѣюсь, вы не думаете, что я злоупотребилъ вашею добротою, придя къ вамъ!

— О, нѣтъ!

— Я только что былъ у Уэда.

Маттъ чувствовалъ, что покраснѣлъ.

— Но мнѣ какъ-то неловко, что я васъ увидѣлъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вамъ поневолѣ приходилось принять меня!

— Я гуляю здѣсь каждый день утромъ,—уклончиво возразила она.— Мнѣ негдѣ гулять въ другомъ мѣстѣ. Я никогда не выхожу изъ этой аллеи. Аделина ходитъ иногда на деревню. А я не могу никого видѣть.

— Знаю,—сказалъ Маттъ съ нѣжнымъ сочувствіемъ. У него закружилась голова отъ внезапнаго желанія схватить ее въ объятія и укрыть ее отъ стыда и горя, терзавшихъ ея душу. Глаза ея выражали печаль и въ немъ сердце заныло отъ жалости. Онъ увидалъ—чего ранѣе не замѣчалъ—что глаза ея удивительно напоминали глаза ея отца.—Бѣдный Уэдъ!—продолжалъ онъ, не сознавая хорошенько, что говоритъ,—онъ говорилъ мнѣ... ему было очень грустно, что онъ не могъ васъ видѣть... сдѣлать что-нибудь...

— Зачѣмъ? Никто не можетъ ничего сдѣлать для насъ. Мы должны нести наше бремя. Но намъ не для чего увеличивать его тяжесть, встрѣчаясь съ людьми, которые думаютъ, что... что мой отецъ поступилъ дурно!

Маттъ почти задыхался. Онъ понялъ, что она соглашалась нести свой крестъ только подъ условіемъ непризнанія своего позора. Быть можетъ, по своей натурѣ она не могла воспринять этого факта и ей не требовалось большихъ усилій, чтобы создать теорію невиновности

своего отца; быть можетъ, всякое другое предположеніе было для нея немыслимо и очевидныя доказательства не имѣли никакого значенія для дѣйствительности, какъ она ее представляла себѣ.

— Отраднѣе всего для насъ, что никто изъ *васъ* не вѣритъ этому а вѣдь вашъ отецъ зналъ моего отца лучше, чѣмъ всякій другой. Боюсь, я не съумѣла объяснить Луизѣ, какъ сильно я это чувствую и Аделина тоже. Намъ трудно было высказать ей это; казалось, будто мы благодаримъ васъ за что-то, а между тѣмъ, это только должное моему отцу. Но мы обѣ глубоко чувствуемъ это, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы вашъ отецъ зналъ это. Я не осуждаю его за то, что намѣренъ сдѣлать. Судъ необходимъ для доказательства невиновности моего отца. Я была очень несправедлива къ вашему отцу въ тотъ первый день, когда мнѣ показалось, что онъ думаетъ такія ужасныя вещи о папѣ. Мы глубоко цѣнимъ его доброту, но мы не хотимъ брать себѣ защитника на судѣ.

Маттъ былъ поставленъ втупикъ. Что могъ онъ сказать на такое дикое смѣшеніе дѣльной правды и безъисходнаго заблужденія? Онъ не зналъ, съ чего начать, чтобы открыть ей глаза. Онъ не находилъ возможнымъ произнести хоть одно слово, не оскорбляя ея любви, ея гордости.

Она заговорила торопливо, идя быстрымъ шагомъ, словно спѣша за стремительнымъ наплывомъ своихъ волненій.

— Мы не боимся, только бы имя нашего отца, который былъ всегда такъ безупречно-честенъ и такъ добръ ко всѣмъ, было очищено, а тѣ, кто его такъ гнусно обвинялъ, были наказаны по заслугамъ.

Она составила себѣ до такой степени ложное представленіе о положеніи и о характерѣ предстоявшаго процесса, что было бы невозможно объяснить ей все. Но онъ не могъ оставить ее въ ея заблужденіи и сдѣлалъ наконецъ попытку «просвѣтить» ее немного.

— Мнѣ кажется, отецъ мой хорошо сдѣлалъ, посовѣтовавъ вамъ обратиться къ адвокату. На судѣ рѣчь будетъ не о честности вашего отца, а о его состоятельности. Процессъ будетъ противъ его недвижимаго имущества. Надо позаботиться о томъ, чтобы вамъ самимъ не пришлось пострадать.

Она остановилась.

— Что намъ въ имуществѣ, если его доброе имя не будетъ очищено?

— Боюсь... боюсь,—настаивалъ Маттъ,—что вы меня не вполнѣ понимаете.

— Если отецъ мой не имѣлъ намѣренія удержать чужія деньги, то процессъ покажетъ это,—возразила молодая дѣвушка.

— Но адвокатъ... Право, вамъ надо бы обратиться къ адвокату!.. адвокатъ могъ бы объяснить вамъ всю судебную процедуру... Искъ будетъ не противъ вашего отца, а противъ *васъ*.

— Противъ насъ? Что же, говорятъ, *мы* сдѣлали?

— Ничего! ничего! Но могутъ взять здѣсь все, что принадлежало вашему отцу... все, что у васъ здѣсь есть, для удовлетворенія его кредиторовъ. Вопроса о его неправотѣ не станутъ касаться. Не знаю, право, но вамъ бы слѣдовало взять адвоката, который защищалъ бы ваши права въ этомъ дѣлѣ.

— Если противъ насъ не заявлено никакихъ претензій, то намъ ничего не могутъ сдѣлать!

— Могутъ взять все, что только было у вашего отца, для уплаты его долговъ.

— Ну и пусть ихъ возьмутъ,—сказала молодая дѣвушка.—Если бы онъ былъ живъ, онъ бы выплатилъ свои долги. Мы не можемъ допустить, чтобы онъ сдѣлалъ что-либо для насъ, чего бы должно было стыдиться; чтобы онъ умышленно обидѣлъ кого-либо.

Маттъ видѣлъ, что главный вопросъ для нея заключался въ открытомъ признаніи невиновности ея отца. Онъ не зналъ, является ли эта потребность ея души слѣдствіемъ гордой воли или выраженіемъ дѣйствительной увѣренности. Онъ зналъ только одно: онъ не желалъ оскорблять или мучить ее; пусть та святыня, которой не должна касаться человѣческая рука, остается во власти той таинственной силы, которую мы называемъ Провидѣніемъ. Вѣроятно, это тревожное состояніе выдало его мысли, потому что, взглянувъ ему въ лицо, она остановилась.

— Вы не думаете, что я права, мистеръ Гилари?

— Да, да!—началъ Маттъ. Онъ хотѣлъ сказать ей, что она права во всемъ, но подумалъ, что для него такая же святыня его правда, какъ для нея ея самообманъ. Поэтому онъ сказалъ:

— Я не имѣю права судить вашего отца. Ни въ какомъ случаѣ не желаю я дѣлать это. Конечно, я не думаю, чтобы онъ хотѣлъ нанести кому-нибудь ущербъ, если бы это зависѣло отъ его доброй воли.

— Благодарю васъ!—вскричала молодая дѣвушка.—Я вовсе не о томъ васъ спросила. Я *знаю*, каковы были намѣренія моего отца, и не нуждаюсь ни въ какихъ новыхъ увѣреніяхъ. Мнѣ жаль, что я обезпокоила васъ всѣми этими чуждыми для васъ вопросами. Большое вамъ спасибо за вашъ добрый совѣтъ.

— Ахъ, не принимайте моихъ словъ такимъ образомъ!—вырвалось у него просто съ мольбою.—Я такъ горячо хочу быть вамъ полезнымъ... полезнымъ, какъ только можетъ быть лучшій другъ. Но я вижу, что оскорбилъ васъ. Не принимайте моихъ словъ въ дурную сторону. Вы бы никогда не приняли такъ моего намѣренія, если бы знали его! Если бы самое худшее, что говорятъ о вашемъ отцѣ, было въ десять разъ хуже, и тогда мои намѣренія не измѣнились бы и...

— Благодарю! благодарю!—сердито отвѣчала она.—Мнѣ кажется, мы говоримъ на разныхъ языкахъ, мистеръ Гилари. Было бы безполезно продолжать нашу бесѣду. Мнѣ кажется, я должна съ вами проститься. Сестра ждетъ меня.

Она слегка кивнула ему головой, а онъ стоялъ въ сторонѣ, приподнявъ шляпу. Она стремительно прошла мимо него, а онъ продолжалъ стоять неподвижно, глядя ей въ слѣдъ послѣ того, какъ она исчезла за поворотомъ аллеи. Внезапно она появилась снова и быстро подошла къ нему.

— Я хотѣла сказать вамъ,—что бы вы ни думали и ни говорили,— я никогда не забуду того, что вы сдѣлали, и всегда буду благодарна за это.

Она бросила ему эти слова надменно, словно вызовъ, затѣмъ понеслась вихремъ прочь отъ него и скоро снова скрылась изъ виду.

XXIII.

Вечеромъ, въ концѣ скуднаго обѣда, какимъ онѣ питались въ эти дни, Аделина обратилась къ сестрѣ съ слѣдующими словами:

— Элбриджъ говоритъ, что сѣно скоро выйдетъ совсѣмъ. Надо рѣшить, что намъ дѣлать со всѣми этими лошадьми; не морить же ихъ голодомъ. Да и о коровахъ тоже надо подумать. Ихъ нечѣмъ кормить.

— Достанемъ немного денегъ и купимъ имъ корму—вяло отвѣчала Сюзэтта. Аделина замѣтила по глазамъ ея, что она плакала; Аделина не спросила о причинѣ этихъ слезъ,—каждая изъ нихъ знала, почему плакала другая.

— Мнѣ все-таки страшно,—сказала старшая сестра.—Деньги уходятъ, какъ вода, не знаю, что съ нами будетъ скоро. Мнѣ кажется, намъ бы слѣдовало продать кое-какой домашній скотъ.

— Намъ нельзя этого сдѣлать. Вѣдь мы не знаемъ, нашъ онъ или нѣтъ.

— А чей же?

— Можетъ быть, скотъ принадлежитъ кредиторамъ. Надо подождать, пока процессъ кончится.

Аделина ничего не отвѣчала. Достаточно у нихъ было споровъ изъ-за этого процесса, въ которомъ обѣ ровно ничего не смыслили. Аделина всегда была того мнѣнія, что слѣдуетъ переговорить объ этомъ съ адвокатомъ; но Сюзетта ни за что не хотѣла. Даже когда въ это утро разсыльный принесъ и передалъ имъ какую-то бумагу, которую онъ назвалъ «запрещеніемъ», онѣ не рѣшили между собою этого вопроса. Во-первыхъ, онѣ не знали, къ кому обратиться. У Нортвика имѣлся адвокатъ въ Бостонѣ; но онѣ жили въ невѣдѣніи, подобно большинству женщинъ, относительно такихъ дѣлъ и не знали его имени.

Теперь же Аделина рѣшилась дѣйствовать по своему собственному разумѣнію, но она скрыла свои намѣренія отъ Сюзэтты, думая, что Сюзэттѣ они не понравятся. Сестра ея ушла послѣ обѣда къ себѣ въ комнату. Тогда Аделина одѣлась и тихонько ушла изъ дому. Она захватила съ собою бумагу, оставленную разсыльнымъ, и крѣпостной

актъ на недвижимое имущество, переданный ей отцомъ вскорѣ послѣ смерти ея матери, когда Сю была еще маленькой дѣвочкой. Онъ сказалъ ей, что актъ этотъ былъ оффиціальный документъ и она должна бережно хранить его. Съ тѣхъ поръ она всегда хранила его въ сундукѣ, гдѣ лежали ея старинныя кружева и часы ея матери, ни разу не заведенные со дня ея смерти.

Аделина не боялась вечерняго мрака, идя по дорогѣ и по пустыннымъ деревенскимъ улицамъ. Но когда она позвонила у дверей адвоката Путнэя, сердце въ ней забило такую тревогу, что ей казалось, будто оно готово выскочить изъ груди ея. Она пошла къ нему, потому что всегда слыхала, что, несмотря на свои періодическія выпивки, онъ былъ самый искусный адвокатъ въ Гатборо. Она была увѣрена, что онъ лучше всякаго другого съумѣетъ защитить ихъ права. Въ то же время ей хотѣлось, чтобы «судъ былъ правый», хотя бы имъ пришлось пострадать; пришла она къ Путнэю отчасти оттого, что ей было извѣстно его нерасположеніе къ ея отцу и она разсуждала, что такой человѣкъ будетъ менѣе способенъ посовѣтовать ей что-либо неправильное въ ея интересахъ, чѣмъ болѣе дружественная личность.

Путнэй самъ пошелъ отворить двери, что онъ дѣлалъ по вечерамъ, когда бывалъ дома. Онъ едва могъ удержаться отъ выраженія своего изумленія при видѣ миссъ Нортвикъ.

— Могу я зайти... зайти... зайти... къ вамъ на минуту,—проговорила она, заикаясь,—по... по одному... судебному дѣлу?

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ Путнэй съ видомъ серьезной вѣжливости.—Не угодно ли вамъ пожаловать?

Онъ провелъ ее въ гостиную, гдѣ читалъ, когда она позвонила, и подалъ ей кресло; а затѣмъ заперъ дверь въ гостиную и ждалъ, чтобы она дала ему бумаги, которыя шелестили въ ея нервно зажатой рукѣ.

— Мнѣ надо показать вамъ прежде вотъ эту,—сказала она, подавая ему приказъ о наложеніи запрещенія на ихъ имущество.—Ее оставилъ утромъ разсыльный и мы не знаемъ, что это значитъ.

— Это значитъ,—объяснилъ Путнэй,—что кредиторы вашего отца возбудили искъ противъ его имущества и наложили на него запрещеніе, такъ что вы не можете ни продать его, ни передать какимъ-нибудь инымъ путемъ въ другія руки. Если судъ признаетъ его несостоятельнымъ, то все, что̀ ему принадлежитъ, должно пойти на уплату его долговъ.

— Что же намъ дѣлать? Мы не въ состояніи покупать кормъ для такой массы коровъ и лошадей и имъ придется голодать,—воскликнула Аделина, чуть не плача.

— Я думаю, не долго,—сказалъ Путнэй.—Судъ пришлетъ кого-нибудь для надзора за имѣніемъ, а затѣмъ всѣ эти коровы и лошади поступятъ къ вѣдѣніе кредиторовъ.

— А насъ они выгонятъ вонъ? Могутъ ли они отнять у насъ домъ?

Это нашъ домъ.. мой и моей сестры... Вотъ документы, которые отецъ мой передалъ мнѣ много лѣтъ тому назадъ. Онъ сказалъ, что это оффиціальные акты.

Голосъ ея сталъ пронзительнымъ отъ душившихъ ее слезъ.

Путнэй взялъ документы и пробѣжалъ нотаріальную запись на оборотѣ ихъ, прежде чѣмъ занялся ихъ чтеніемъ. Аделинѣ казалось, что онъ читалъ ихъ ужасно медленно, ее томили мучительные страхи, пока онъ не вернулъ ихъ ей обратно.

— Земля и домъ, и всѣ постройки принадлежатъ вамъ и вашей сестрѣ, миссъ Нортвикъ, и кредиторы вашего отца не могутъ ихъ коснуться.

Слезы такъ и покатились изъ глазъ Аделины; она безсильно откинулась на спинку кресла и безмолвныя крупныя слезы текли по ея измученному лицу. Послѣ небольшой паузы Путнэй мягко сказалъ:

— Это все, что вы желали спросить у меня?

— Все,—отвѣчала Аделина и принялась машинально собирать свои бумаги. Онъ помогъ ей.

— Сколько должна я заплатить?—спросила она. Въ голосѣ ея слышалась тревога, которую она напрасно старалась скрыть.

— Ровно ничего. Я не оказалъ вамъ никакой юридической услуги. Почти всякій, кому бы вы ни показали эти бумаги, могъ дать вамъ тѣ же свѣдѣнія, что и я.

Она пыталась пролепетать слова признательности и протеста, пока онъ отворялъ ей двери.

— Какъ! вы однѣ?—удивился онъ, когда они вышли на крыльцо.

— Да. Я совсѣмъ не боюсь...

— Я провожу васъ домой.

Путнэй досталъ свою шляпу съ вѣшалки и накинулъ на себя поношенное пальто, болтавшееся подъ вѣшалкой.

Аделина пробовала отказаться, но была не въ силахъ это сдѣлать. Она вся дрожала и, казалось, вотъ-вотъ упадетъ. Она взяла его руку и, спотыкаясь на каждомъ шагу, плелась возлѣ него въ спокойной тиши ранней весенней ночи.

— Миссъ Нортвикъ,—сказалъ онъ, спустя немного,—мнѣ бы хотѣлось дать вамъ маленькій совѣтъ.

— Ну?—кротко произнесла она дрожащимъ голосомъ.

— Никому не позволяйте вводить васъ въ издержки, чтобъ оспаривать у кредиторовъ этотъ искъ. Это было бы вполнѣ безполезно. Вашъ отецъ запутался по уши...

— Онъ былъ несчастливъ, но онъ не сдѣлалъ ничего дурного,—съ нервною торопливостью вставила Аделина.

— Рѣчь не о томъ,—возразилъ Путнэй съ улыбкою, которую онъ могъ себѣ позволить подъ покровомъ ночной тьмы.—Но онъ задолжалъ

огромную массу денегъ и кредиторамъ его, безъ сомнѣнія, легко будетъ доказать свои права на все его имущество, исключая недвижимаго.

— Сестра моя не хотѣла и слышать объ этомъ искѣ. Мы намѣревались оставить его идти своимъ чередомъ.

— Это самое лучшее въ вашемъ дѣлѣ,—одобрилъ Путнэй.

— Но мнѣ хотѣлось узнать, могутъ ли они отнять у насъ домъ и землю.

— Хорошо. Могу васъ увѣрить, они не имѣютъ права коснуться ни дома, ни земли. Если у васъ явится какое-нибудь сомнѣніе, приходите ко мнѣ опять... Когда вамъ будетъ угодно.

— Я непремѣнно приду, мистеръ Путнэй,—смиренно отвѣчала старая дѣвушка. Она позволила ему проводить себя домой, по аллеѣ, пока они не подошли совсѣмъ близко къ дому. Тутъ она выдернула свою руку изъ подъ его руки и поблагодарила его съ трогательнымъ тихимъ смѣшкомъ.

— Не знаю, что скажетъ Сюзэтта, если узнаетъ, что я обратилась къ вамъ за совѣтомъ,—сказала она, какъ бы прося его этими словами не выдавать ея тайны.

— Ваше дѣло сказать ей объ этомъ или нѣтъ,—степенно отвѣчалъ Путнэй.—Но для васъ самихъ было лучше дѣйствовать заодно. Вамъ понадобятся всѣ ваши соединенныя усилія въ этомъ дѣлѣ.

— Ахъ, я скажу ей,—молвила Аделина.—Я не жалѣю объ этомъ и вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, мистеръ Путнэй.

— Ну, я очень радъ этому,—отвѣтилъ Путнэй, словно это было милостью съ ея стороны.

Когда онъ вернулся домой; жена его спросила:

— Куда это ты запропастился, Ральфъ?

— О, я только немножко пріударилъ за Аделиной Нортвикъ «во мракѣ ночномъ».

— Ральфъ, что за вздоръ ты болтаешь?

Онъ разсказалъ ей. Обоихъ трогала и забавляла неожиданная перемѣна ихъ отношеній къ Нортвикамъ.

— Просто уму непостижимо, какъ это ей вздумалось обратиться за совѣтомъ именно къ тебѣ въ такую тяжелую минуту!

— Н-да,—сказалъ Путнэй. Но, вѣдь, ты же знаешь, Эллэнъ, я всегда былъ большимъ пріятелемъ Нортвика.

— Ральфъ!

— Ахъ, я бы могъ провести всю свою жизнь, обличая его, какъ воплощеніе испорченности нравовъ и кару нашей общины, но я всегда *любилъ* его, Элленъ. Да, я очень любилъ Джона Мильтона, ожидая, что онъ окажется первокласснымъ мошенникомъ, чтобы понять, какъ *сильно* я его любилъ. Я не сомнѣваюсь, очутись онъ снова среди насъ, въ привлекательномъ одѣяніи обитателей здѣшней тюрьмы, я сталъ бы закадычнымъ другомъ брата Нортвика.

XXIV.

Причины, заставившія Аделину обратиться въ затрудненіи къ Путнею, помогли ей убѣдить и Сюзетту. Въ настоящемъ крайне-стѣсненномъ положеніи, которое все болѣе и болѣе обострялось, сестры были рады послѣдовать его совѣту; обѣ онѣ были увѣрены, что, подавая его, Путнэй дѣйствовалъ сообразно съ требованіями закона и справедливости, безъ всякаго личнаго отношенія къ нимъ. Эта мысль утѣшала ихъ и онѣ смѣло полагались на его слова, какъ на слова честнаго и искренняго врага. Онѣ вспомнили, что въ послѣдній вечеръ, проведенный вмѣстѣ съ ними, отецъ ихъ говорилъ о Путнэѣ, извиняя его несчастную слабость и восхищаясь его даровитостью. Теперь онѣ не дѣлали ни одного шагу безъ его совѣта. Онѣ покинули большой домъ, прежде чѣмъ кредиторы вступили во владѣніе движимымъ имуществомъ Нортвика, и поселились въ маленькомъ домикѣ, построенномъ для привратника у воротъ въ аллею. Онѣ омеблировали свое новое жилище, перенеся сюда тѣ немногія вещи, которыя могли считать безусловно своими изъ ихъ прежней обстановки, и докупивъ остальныя на наличныя деньги, которыя остались у Сюзетты въ банкѣ на ея имя. Онѣ оставили все цѣнное въ покинутомъ ими домѣ, даже всѣ свои дорогія платья, наряды и брилліанты. Онѣ предпочли поступить такимъ образомъ и Путнэй одобрилъ ихъ поведеніе; онъ зналъ, что въ этомъ случаѣ ихъ неукротимая гордость подвергалась меньшимъ оскорбленіямъ.

Ньютоны продолжали себѣ спокойно жить въ своемъ помѣщеніи. Домашняя утварь была ихъ собственная, а постройка принадлежала «дѣвицамъ Нортвика», какъ называли ихъ Ньютоны. Миссисъ Ньютонъ ходила каждый день помогать имъ по хозяйству въ ихъ новомъ домѣ. Элбриджъ и его жена прожили здѣсь съ ними нѣсколько недѣль, пока онѣ не объявили, что не боятся остаться однѣ. Элбриджъ охранялъ ихъ права, насколько онъ могъ ихъ отстоять въ наступившемъ расхищеніи. Онъ запиралъ ворота въ аллею, не пуская тѣхъ, кто приходилъ на продажу, производившуюся агентомъ товарищества, и заставляя ихъ входить и уносить свои покупки черезъ ферму; онъ причинялъ этимъ непрошенымъ гостямъ всевозможныя помѣхи и безобразія, гдѣ только можно было это сдѣлать на законномъ основаніи.

Его уваженіе къ закону исчерпывалось всецѣло его отношеніями къ Путнэю, колкое остроуміе котораго внушало Элбриджу такое почтеніе, какого онъ не чувствовалъ къ другимъ добродѣтелямъ въ человѣкѣ. Путнэй сговорился съ нимъ взять домъ Нортвика и управлять имъ на акціяхъ въ пользу «дѣвицъ Нортвика»; онъ раздобылъ для него двухъ старыхъ лошадей, которыя были нужны Элбриджу для дѣла, и одну изъ недорогихъ коровъ.

Остальныя коровы и другой домашній скотъ были распроданы сосѣднимъ джентльменамъ-фермерамъ, имѣвшимъ страсть къ породистому скоту. Всѣ лошади, хорошія, плохія и посредственныя, были отосланы для распродажи въ Бостонъ. Изъ оранжерей было разграблено все самое цѣнное; изъ прежнихъ затѣй и сооруженій ничего не осталось, кромѣ кое-какихъ земледѣльческихъ орудій, одной или двухъ повозокъ, да старой коляски, которую Путнэй оттягалъ для Элбриджа.

Затѣмъ, когда вся эта кутерьма окончилась, онъ сдѣлалъ въ газетахъ объявленіе о сдачѣ дома въ наймы на извѣстный срокъ, но не найдя постояннаго арендатора до открытія сезона, отдалъ его въ наймы какой-то отважной спекуляторшѣ, которая предложила наполнить его лѣтомъ дачниками и обязалась уплачивать наемныя деньги помѣсячно, впередъ, чтобы дать возможность дочерямъ Нортвика жить на эти деньги, не боясь нужды, въ привратницкомъ домикѣ. Въ будущемъ Путнэй придумалъ планъ продажи земельнаго участка близъ виллъ Южнаго Гатборо, небольшими клочками подходящимъ покупателямъ. Эта операція представлялась весьма выгодною, такъ какъ цѣны на землю въ Южномъ Гатборо сильно поднялись за послѣднее время.

Помогая дочерямъ Нортвика удержать за собою все, что только можно было вырвать изъ цѣпкихъ лапъ кредиторовъ ихъ отца, Путнэй утверждалъ, что защищаетъ только ихъ права; а всякая борьба противъ корпораціи есть въ своемъ родѣ священная война. Онъ открыто объявлялъ, что совѣсть его вполнѣ спокойна, и далъ слово, что не позволитъ постороннимъ людямъ тревожить ее. Онъ извинился передъ мистеромъ Герришемъ за веденіе дѣлъ двухъ безпомощныхъ женщинъ, у которыхъ не было друзей, тогда какъ ему надлежало бы присоединиться къ Герришу и наказать ихъ за грѣхи ихъ отца, какъ это сдѣлалъ бы каждый респектабельный человѣкъ. Онъ просилъ Герриша не забывать, какого сорта жалкимъ субъектомъ онъ былъ всегда, пропивая свое собственное имущество, между тѣмъ какъ Герришъ ловко и благополучно пожиралъ дома своихъ ближнихъ. На этомъ основаніи онъ умолялъ Герриша оказать ему снисхожденіе.

Необычайныя отношенія, завязавшіяся у него съ дочерьми Нортвика, доставили ему столько волненій и удовольствія, что онъ упустилъ «чортовъ дивидендъ», какъ онъ называлъ свои періодическія попойки. Онъ «крѣпился» дольше обыкновеннаго и такого продолжительнаго періода трезвости уже много лѣтъ не знавали за нимъ его достопочтенные сограждане.

Но Путнэй былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые вообще не могутъ пользоваться у добрыхъ людей вѣрою въ ихъ высшія душевныя побужденія. Онъ слишкомъ часто насмѣхался надъ тѣмъ, что у добрыхъ людей принято считать высшими душевными побужденіями; онъ ставилъ добрыхъ людей втупикъ и оскорблялъ ихъ; а такъ какъ никто изъ закадычныхъ друзей его не могъ претендовать на признаніе за

нимъ респектабельности въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то добрые люди приписывали ему вообще корыстныя побужденія или, по меньшей мѣрѣ, циническія.

Аделина Нортвикъ воспользовалась визитомъ своимъ къ доктору Моррэлу насчетъ мучившаго ее дурного пищеваренія, чтобы вывѣдать его мнѣніе объ управленіи Путнэя ея дѣлами. Если бы докторскіе порошки не оказали ей такой существенной пользы, то, быть можетъ, она не положилась бы на его завѣренія, что Путнэй дѣйствовалъ умно и вполнѣ безкорыстно по отношенію къ ней и къ ея сестрѣ.

— Онъ иной разъ говоритъ такія невозможныя вещи,—сказала она.

Но она крѣпко держалась за Путнея и полагалась на него во всемъ, не столько изъ слѣпого довѣрія къ нему, сколько потому, что не знала никого другого, кому бы могла довѣриться. Пользоваться добротою мистера Гилари, разумѣется, стало немыслимо для обѣихъ сестеръ. И самъ онъ по необходимости пересталъ предлагать имъ прямо свои услуги, а Сю упорно отталкивала всѣ заискиванія и предложенія Луизы съ того послѣдняго дня, какъ онѣ видѣлись. Луиза хотѣла опять поѣхать къ ней; но Сю отвѣчала ей уклончиво на всѣ ея письма, а наконецъ и совсѣмъ перестала ей отвѣчать. Наружное проявленіе ихъ дружбы прекратилось. Луиза не сердилась на своего друга; она понимала, жалѣла и прощала ее; она говорила себѣ, что на мѣстѣ Сю сдѣлала бы то же, но по всей вѣроятности, оставаясь сама собою, она бы не сдѣлала того, что дѣлала Сю, даже на мѣстѣ Сю. Она вспоминала о Сю съ нѣжнымъ постоянствомъ, когда ихъ открытая близость стала невозможной. Задолго до наступленія распродажи имущества Нортвика, Луиза придумала планъ, который былъ приведенъ въ исполненіе Уэдомъ съ помощью Путнэя. Тѣ изъ принадлежавшихъ сестрамъ вещей, которыми онѣ рѣшились пожертвовать, были выкуплены и возвращены имъ такимъ образомъ, что имъ невозможно было отказаться взять обратно платья, брилліанты и особенно ими любимую мебель, которую Луиза присоединила къ этимъ вещамъ.

Каждая изъ сестеръ поступила въ этомъ случаѣ по своему; Аделина просто и искренно ликовала, получивъ свои вещи обратно, а Сю отдала свои Аделинѣ на храненіе и выразила желаніе, чтобы вещи эти никогда не попадались ей на глаза.

Конецъ части первой.

ИДЕЯ РАВЕНСТВА СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(C. Bouglé, «Les idées égalitaires». Etude sociologique, Paris 1899).

Сдѣлать идею равенства предметомъ спеціальнаго соціологическаго изслѣдованія, несомнѣнно, очень счастливая мысль. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ привѣтствовать, когда за выполненіе ея берется такой талантливый молодой ученый, какъ Бугле. Авторъ «соціологическаго этюда объ идеѣ равенства» уже извѣстенъ русской публикѣ, благодаря переводу на русскій языкъ его перваго труда—«Соціальныя науки въ Германіи».

Бугле не удовлетворяла постановка соціальныхъ наукъ во Франціи, и онъ отправился искать для нихъ болѣе прочныхъ и раціональныхъ основъ въ Германіи. Оттуда онъ вывезъ не только матеріалъ и тему для своего перваго сочиненія, но и цѣлое научное направленіе. Бугле объединяетъ въ своемъ лицѣ французскую и нѣмецкую школу соціальныхъ наукъ; онъ пользуется методами и результатами изслѣдованія, добытыми лучшими представителями соціологіи той и другой страны.

Въ своемъ новомъ трудѣ Бугле самъ признаетъ, что больше всего онъ обязанъ Зиммелю и Дюркгейму. Оставляя въ сторонѣ его личныя отношенія къ Дюркгейму, какъ ученика къ учителю, которому онъ посвящаетъ свою новую книгу, мы должны признать, что въ научномъ отношеніи онъ особенно обязанъ Зиммелю. Его сочиненіе чрезвычайно интересно тѣмъ, что оно представляетъ попытку выполнить по отношенію къ одному частному вопросу программу, поставленную Зиммелемъ для соціологическихъ изслѣдованій вообще. Сущность этой программы заключается въ томъ, чтобы изслѣдовать тѣ элементы и стороны общественнаго строя и соціальной жизни, разсмотрѣніе которыхъ не входитъ ни въ одну изъ до сихъ поръ выдѣлившихся и существующихъ общественныхъ наукъ. Соціологія, по мнѣнію Зиммеля, не должна повторять въ болѣе общей формѣ того, что уже дѣлается исторіей вообще и исторіей культуры въ частности, а также различными политическими и юридическими науками, какъ напр. политической экономіей и др.; она должна только пользоваться матеріаломъ, добытымъ ими. Спеціальная же задача ея состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать общество просто какъ собраніе людей, и слѣдить за тѣмъ,

какъ измѣняется характеръ отдѣльныхъ индивидуумовъ, цѣлыхъ соціальныхъ группъ и всего общества вслѣдствіе видоизмѣненія соціальныхъ связей, т.-е. благодаря тому, что одни и тѣ же лица живутъ вмѣстѣ или врозь, соединяются, разобщаются, группируются и комбинируются наново самымъ разнообразнымъ образомъ. Такимъ образомъ, предметомъ соціологіи въ этомъ смыслѣ Зиммель хочетъ сдѣлать собственно соціальныя явленія или тѣ наслоенія въ жизни лицъ и соціальныхъ группъ, которыя происходятъ отъ упроченія старыхъ и заключенія новыхъ общественныхъ отношеній и связей.

Достаточно просмотрѣть оглавленіе сочиненія Бугле, чтобы имѣть болѣе точное представленіе о томъ, что надо подразумѣвать подъ соціальной стороной общества въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Прежде всего, Бугле разсматриваетъ вліяніе численнаго состава общества, или количества, густоты и подвижности населенія на его характеръ и на распространеніе въ немъ идеи равенства. Затѣмъ онъ переходитъ къ изслѣдованію значенія качественнаго состава общества, т.-е. однородности или разнородности элементовъ, составляющихъ его. Слѣдующій вопросъ заключается въ томъ, насколько усложненіе общественныхъ отношеній и общественной жизни или возрастаніе числа и сложности частныхъ соціальныхъ группъ и подраздѣленій отражается на успѣхѣ или неуспѣхѣ идей равенства. Наконецъ, послѣдняя проблема состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить дѣйствіе бо́льшаго или меньшаго объединенія общества на упроченіе равенства между членами его.

Что касается до соотношенія между количественнымъ составомъ общественной группы и распространеніемъ въ ней идей равенства, то «въ исторіи западно-европейскихъ цивилизацій увеличеніе числа индивидовъ въ каждой соціальной группѣ обыкновенно сопровождалось также стремленіемъ къ равенству ея членовъ. Уваженіе къ идеямъ феодализма все больше падало вмѣстѣ съ ростомъ числа лицъ, объединенныхъ современными великими націями. Между тѣмъ количественный ростъ обязателенъ для цивилизованныхъ націй; для каждой изъ нихъ, повидимому, является жизненною необходимостію ассимилировать возможно большее количество личностей. Стремленіе къ захвату и поглощенію является характернымъ для нашихъ обществъ. Они образовались путемъ поглощенія болѣе мелкихъ группъ, и можно сказать, что еще теперь они постоянно дѣлаютъ усилія, чтобы поглотить другъ друга. Впрочемъ, количество ихъ членовъ растетъ не только благодаря внѣшнему росту страны, а еще болѣе благодаря внутреннему возрастанію населенія. Извѣстно, что во всѣхъ нашихъ обществахъ, по крайней мѣрѣ до послѣднихъ десятилѣтій, наблюдался громадный приростъ народонаселенія, происходившій съ невѣроятной быстротой, и это—сравнительно недавнее явленіе, характерное только для нашего времени. А вмѣстѣ съ количественнымъ ростомъ нашихъ обществъ идетъ распространеніе и упроченіе идей равенства». Но намъ могутъ противопоставить великія го-

сударства древности, которыя, какъ, напр., Ассирія, занимали въ тысячу разъ большія пространства, чѣмъ маленькіе греческіе города и въ то же время во столько же разъ были дальше отъ уравнительныхъ тенденцій, чѣмъ эти послѣдніе. Однако, это значило бы забыть, что намъ важны только тѣ количественныя соотношенія, которыя имѣютъ *соціальное* значеніе, или тотъ ростъ общества, который ведетъ къ усложненію, уразноображенію и учащенію соціальныхъ отношеній. Неизмѣримость территоріи, охваченной одной имперіей, не имѣетъ никакого значенія, если между ея подданными на практикѣ нѣтъ почти никакой связи. Поэтому, напр., города со своимъ скученнымъ населеніемъ являются особенно благопріятной средой для процвѣтанія идей равенства. Съ своей точки зрѣнія, Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ вполнѣ правъ, когда утверждалъ, что «въ городахъ господствуетъ нездоровая атмосфера». Между тѣмъ количественное возрастаніе нашихъ современныхъ обществъ все больше принимаетъ форму концентраціи народонаселенія въ городахъ, которые способствуютъ воспріятію и наибольшему распространенію идей равенства.

Но не только количество и густота или скученность населенія, образующаго одно общество, создаютъ ту соціальную среду, которая уже по внѣшнимъ условіямъ благопріятствуетъ идеѣ равенства. Не меньшее значеніе для послѣдней имѣетъ подвижность членовъ общества или способность ихъ въ наименьшее время проходить возможно большія пространства. Для уясненія этой стороны тѣхъ же соотношеній между количествомъ общественныхъ элементовъ и характеромъ общества—Бугле прибѣгаетъ къ естественно-научной параллели. «Химія,—говоритъ онъ,—чтобы опредѣлить составъ какого-нибудь тѣла, принимаетъ въ разсчетъ не только число частицъ элементовъ, между которыми она проводитъ различіе, но и быстроту, также какъ и частосту движенія, охватывающаго эти элементы. Еще въ бо́льшей степени и соціологія должна обращать вниманіе на подвижность соціальныхъ элементовъ для того, чтобы объяснить природу и эволюцію соціальнаго цѣлаго. Притомъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, соціальная группа увеличивается численно вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея подвижности. Если, слѣдовательно, существуетъ извѣстное соотношеніе между количественнымъ ростомъ общества и успѣхомъ идей равенства, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что народы, наиболѣе склонные къ признанію равенства, являются въ то же время наиболѣе подвижными».

Мы должны, однако, доказать, что это соотвѣтствіе между внѣшними свойствами и внутреннимъ характеромъ общества—не случайное совпаденіе: что увеличеніе числа гражданъ является, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ условій развитія идеи равенства. Для этого намъ надо уяснить, посредствомъ какихъ промежуточныхъ звеньевъ и благодаря какимъ общимъ законамъ одно явленіе можетъ вызвать другое.

Обратимся для этого къ разсмотрѣнію измѣненій въ психической жизни человѣка, происходящихъ подъ вліяніемъ общества. Взглянувъ на тѣ-же явленія съ этой точки зрѣнія, намъ сравнительно легко будетъ раскрыть, согласно какимъ психологическимъ законамъ образованія нашихъ представленій и понятій количественный ростъ общества ведетъ за собой уваженіе къ каждой человѣческой личности и признаніе всѣхъ ихъ равноправными между собой. Расширеніе соціальныхъ круговъ, которые насъ объединяютъ, помогаетъ намъ проникаться идеей, что, несмотря на всевозможныя соціальныя дѣленія, существуетъ человѣчество, къ которому принадлежатъ всѣ люди, независимо отъ расы, происхожденія, общественнаго положенія и т. д. Сама идея человѣчества есть не что иное, какъ расширеніе идеи семьи, города и вообще общества на всѣхъ людей. Поэтому реальное расширеніе соціальныхъ формъ благопріятствуетъ идеальному расширенію взгляда на общество и человѣка. Но увеличеніе числа гражданъ не только способствуетъ расширенію кругозора по отношенію къ человѣку вообще. Оно ведетъ также къ болѣе близкому соприкосновенію однихъ лицъ съ другими, благодаря возрастающей густотѣ населенія, и къ измѣненію взгляда на каждаго отдѣльнаго человѣка. Въ рѣдко населенной странѣ извѣстный слой общества можетъ остаться скрытымъ и недоступнымъ для всей остальной массы населенія, а тайна, окружающая его, должна на долго сохранить ему престижъ и обезпечить почтеніе всѣхъ остальныхъ классовъ общества. Въ противоположность этому, у очаговъ современной общественной жизни, гдѣ столько лицъ приходитъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, гдѣ всякій привыкаетъ видѣть вблизи себя самыхъ различныхъ людей,—уваженіе къ отдѣльнымъ классамъ, занимающимъ привилегированное и исключительное положеніе, падаетъ. Въ этомъ смыслѣ города являются настоящей фабрикой непочтенія и неуваженія къ высокопоставленнымъ элементамъ общества. «Сожительство мѣщанъ и дворянъ въ городахъ Италіи въ эпоху Возрожденія», замѣчаетъ Буркгардтъ, «способствовало прогрессу индивидуализма». Густота населенія ведетъ такимъ образомъ за собой фактическое сліяніе разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Огромный прогрессъ по отношенію къ идеѣ равенства былъ достигнутъ тогда, когда надъ идеей, что извѣстныя лица имѣютъ одинаковыя права потому, что въ жилахъ ихъ течетъ одинаковая кровь,—восторжествовала идея, что они имѣютъ одинаковыя права потому, что они живутъ на одной и той же территоріи. Отсюда оставалось сдѣлать только одинъ шагъ до признанія принципа, что достаточно родиться въ границахъ извѣстной территоріи, чтобы обладать извѣстными политическими и гражданскими правами. Такимъ образомъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія увеличеніе числа членовъ общества настраиваетъ самыми различными и многообразными путями умы на воспріятіе идей равенства.

*

Разсмотрѣвъ вопросъ о вліяніи количественнаго состава общества на распространеніе въ немъ идеи равенства, мы должны перейти къ анализу значенія его качественнаго состава. Не представляется ли при этомъ само собой очевидной истиной, что чѣмъ однороднѣе общество тѣмъ болѣе оно доступно идеѣ равенства? Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣйствительность далеко не подтверждаетъ этого предположенія. Абсолютно простыми и однородными бываютъ только самыя небольшія соціальныя группы, какъ, напр., семья или община. Соціальная группа даже не можетъ вообще увеличиваться безъ того, чтобы не утрачивать своей однородности. Поэтому полное объединеніе и однообразіе формъ возможно только для небольшой по своему объему общественной организаціи. Если же небольшое общество достигаетъ своего полнаго нивеллированія, то оно пріобрѣтаетъ всѣ шансы для того, чтобыс дѣлаться замкнутымъ и исключительнымъ—и соотвѣтственнымъ образомъ настраивать своихъ членовъ. Кромѣ того, безусловное однообразіе и однородность превращаетъ общество не только въ замкнутое, но и въ нетерпимое, не только въ исключительное, но и въ угнетающее. Члены такого общества не могутъ сильно разниться между собой или вообще какъ бы то ни было дифференцироваться, а всякая выдвигающаяся впередъ личность необходимо должна быть подавляема. Поэтому въ такомъ обществѣ не можетъ даже развиться представленіе о человѣческой личности и равенствѣ всѣхъ людей, а все говоритъ за то, что права личности будутъ въ немъ отрицаться. Такимъ образомъ, небольшія соціальныя группы представляютъ по большей части массу различныхъ формъ угнетенія человѣческой личности. Или, иными словами, безусловная однородность соціальныхъ круговъ, принуждая ихъ къ узости, стоитъ въ противорѣчіи съ проникновеніемъ въ нихъ идей гуманизма и равенства.

Съ другой стороны, однако, если кто-нибудь попытается составить общество изъ абсолютно—различныхъ индивидуальностей, то получитъ только коллекцію оригиналовъ, которые не могутъ быть сведены къ одному знаменателю, т.-е. въ данномъ случаѣ обобществлены. По отношенію къ нимъ нельзя будетъ найти точки опоры, чтобы привести ихъ къ какой-либо организаціи на основахъ равенства. Такую коллекцію оригиналовъ нельзя даже будетъ подвести подъ одно общее понятіе человѣчества. Такимъ образомъ, если безусловная общественная нивеллировка препятствуетъ возникновенію понятія о личности, то безусловное несходство индивидуальностей не позволяетъ намъ, имѣя только ихъ въ виду, возвышаться до идеи человѣчества. Въ виду этой полной невозможности какой бы то ни было соціальной организаціи изъ безусловно разнородныхъ элементовъ понятно, почему конкретныя общества этого типа состоятъ не изъ разнородныхъ единицъ, а лишь изъ разнородныхъ группъ, сами же эти группы по своему составу вполнѣ однородны. Такъ, напр., въ кастовомъ строѣ Индіи между кастами нѣтъ

ничего общаго, а, слѣдовательно, и все общество крайне неоднородно и не ассимилировано, но сами касты представляютъ изъ себя вполнѣ однородныя и равноправныя группы людей. Также точно въ обществахъ, состоящихъ по преимуществу изъ крестьянскаго населенія, высшіе слои часто не имѣютъ никакого соприкосновенія и никакой связи съ низшими, между тѣмъ какъ крестьянскія общины сами по себѣ вполнѣ однородны и члены ихъ совершенно равноправны между собой. Такимъ образомъ, общества этого типа представляютъ изъ себя объединеніе двухъ крайностей: представленныя ими болѣе мелкія соціальныя единицы являются образцовыми по ассимиляціи и нивеллировкѣ ихъ элементовъ, все же общество въ цѣломъ, или государство, можетъ служить типичнымъ примѣромъ неоднороднаго состава. Объединеніе этихъ двухъ крайностей въ одномъ обществѣ оказывается наиболѣе невыгоднымъ для идеи равенства. Въ такихъ обществахъ обыкновенно господствуетъ крайнее неравенство, страшное угнетеніе личности и деспотизмъ высшихъ классовъ. Мы пришли, слѣдовательно, къ одному и тому же выводу по отношенію къ двумъ противоположнымъ явленіямъ. Какъ однородность, такъ и разнородность состава общества, доведенныя до крайности, имѣютъ тенденцію препятствовать появленію идеи равенства.

Чрезвычайно интересно примѣненіе этихъ соціально-психологическихъ наблюденій и выводовъ къ фактамъ и явленіямъ классовой борьбы. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Зиммель обращаетъ вниманіе на то, что классовая борьби возникаетъ только тогда, когда классы начинаютъ сближаться, когда различія между ними постепенно сглаживаются, и сами классы уже на пути къ сліянію и объединенію. Тамъ, гдѣ общественные классы отстоятъ наиболѣе далеко другъ отъ друга, гдѣ одна часть общества пользуется всѣми правами и привилегіями, а другая совершенно безправна, тамъ никакой борьбы между классами не происходитъ. Въ такихъ обществахъ, несомнѣнно, господствуетъ наибольшее неравенство, несправедливость и угнетеніе личности. А между тѣмъ эта несправедливость общественныхъ отношеній менѣе всего сознается, и противъ нея совсѣмъ не возникаетъ протестовъ и борьбы. Какъ на примѣръ такихъ обществъ можно указать на кастовый строй въ Индіи и на феодальный укладъ въ средневѣковыхъ государствахъ Европы.

Если мы присмотримся хотя бы къ наиболѣе близкому намъ примѣру, къ феодальнымъ отношеніямъ въ среднихъ вѣкахъ, то увидимъ, что ужасное положеніе и подчиненіе низшихъ слоевъ общества феодаламъ мало ощущалось первыми. Отдѣльные случаи протеста противъ гнета и несправедливости были всегда единичными, спорадическими и случайными явленіями. Только съ развитіемъ городовъ, когда наряду съ крестьянствомъ и ремесленнымъ сословіемъ возникаютъ богатые слои городского населенія или крупная буржуазія,—подымается

протестъ противъ несправедливости соціальныхъ отношеній. Крупная буржуазія юридически была въ одинаковомъ положеніи съ остальнымъ городскимъ населеніемъ, но фактически, благодаря своему богатству и матеріальному могуществу, она болѣе приближалась къ дворянству, чѣмъ къ низшимъ слоямъ городского населенія. «Изслѣдуя это явленіе,—говоритъ Бугле, — уже давно замѣтили, что ростъ богатства является наиболѣе могущественнымъ рычагомъ революціи; роскошь играетъ роль орудія, пробивающаго бреши въ сомкнутыхъ общественныхъ кадрахъ; позволяя мѣщанамъ «жить по дворянски», она уменьшаетъ разстояніе между ними и «благородными». Въ одной народной пѣсенкѣ XV-го вѣка говорится: «наши жены одѣты въ рѣдкіе мѣха, онѣ наряжены какъ принцессы, кто же можетъ узнать ихъ общественное положеніе?» Такой взглядъ вполнѣ понятенъ, такъ какъ сближеніе «внѣшнихъ знаковъ отличія», т.-е, внѣшнее однообразіе помогаетъ успѣхамъ равенства. Привилегированные слои общества всегда чувствовали, что внѣшнее сходство принуждаетъ рано или поздно къ одинаковому обращенію съ людьми, отмѣченными печатью этого сходства. Этимъ объясняется такъ часто встрѣчающееся въ исторіи явленіе, что полученіе извѣстныхъ правъ сопровождалось пріобрѣтеніемъ какого-нибудь знака — кольца, ожерелья, браслета, такъ же точно, какъ отнятіе правъ закрѣплялось клейменіемъ». Въ исторіи борьбы за уравненіе сословій идея равенства всѣхъ сословій возникаетъ главнымъ образомъ тогда, когда высшіе слои городского населенія и низшіе слои дворянства фактически сближаются, смѣшиваются и живутъ общей жизнью. Они сильнѣе всѣхъ сознаютъ несправедливость привилегированнаго положенія дворянства и духовенства и угнетеннаго состоянія остальныхъ сословій—и энергичнѣе всѣхъ ратуютъ за права третьяго сословія. Вообще сознаніе неравенства и несправедливости соціальныхъ отношеній и стремленіе устранить ихъ не всегда находятся въ прямой зависимости отъ очевидности и громадности общественнаго зла. Наоборотъ, движеніе въ пользу улучшенія соціальныхъ отношеній пробуждается и развивается часто лишь тогда, когда рѣзкость соціальныхъ разграниченій и отсутствіе переходныхъ ступеней между классами сглаживается. Это явленіе повторяется отчасти теперь — въ борьбѣ четвертаго класса за свои права. Піонерами и передовыми бойцами въ этой борьбѣ являются обученные рабочіе, сравнительно обезпеченные и находящіеся въ лучшемъ положеніи. Во главѣ борьбы, въ качествѣ руководителей и умственныхъ вожаковъ часто становятся отдѣльныя лица и группы, принадлежащія къ другимъ раньше привилегированнымъ классамъ. Между тѣмъ безработные и нищій пролетаріатъ не только не способствуютъ успѣшности этой борьбы, а скорѣе замедляютъ ея ходъ своимъ малымъ развитіемъ и отсутствіемъ классоваго самосознанія.

Такимъ образомъ, увеличеніе количества общественныхъ подраз-

дѣленій вмѣстѣ съ отсутствіемъ рѣзкихъ граней между различными элементами общества является самою выгодной комбинаціей для успѣха идей равенства и справедливости. Въ силу психологическихъ законовъ наиболѣе подготовленную почву для распространенія идей равенства представляютъ тѣ цивилизаціи, въ которыхъ отдѣльныя личности и цѣлыя общественныя группы, сближаясь другъ съ другомъ въ извѣстныхъ чертахъ, разнятся въ другихъ,—цивилизаціи, въ которыхъ одновременно съ распространеніемъ ассимиляціи происходитъ углубленіе дифференціаціи—и нивеллировка идетъ рука-объ руку съ возрастаніемъ разнородности. Этимъ объясняется противоположность мнѣній, которыя высказываются о наиболѣе передовыхъ народахъ. Знакомясь съ обществомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, которое Токвиль считаетъ образцомъ демократіи, одинъ вынесетъ впечатлѣніе, что американская толпа совершенно тожественна по своему составу, другой,—что всякій американецъ имѣетъ свои правила, свои убѣжденія, свои собственные вкусы. Сравнивая высшіе классы американскаго общества съ низшими, иные скажутъ, что ихъ представители совершенно похожи другъ на друга, другіе,—что у нихъ нѣтъ ничего общаго между собой. Это относится не только къ внѣшнимъ условіямъ и характеру общественной жизни, но и къ другимъ проявленіямъ общественности, какъ, напр., къ наукѣ и искусству.

Непосредственно къ проанализированному вопросу примыкаетъ дальнѣйшая поставленная Бугле соціологическая задача: вопросъ о соціологическомъ вліяніи увеличенія числа соціальныхъ круговъ и усложненія ихъ. Собственно соціологическій вопросъ, какъ его формулировалъ Зиммель,—болѣе узокъ и заключается въ «перекрещиваніи соціальныхъ круговъ».

Въ болѣе примитивныхъ соціальныхъ организаціяхъ личность принадлежитъ обыкновенно одной общественной группѣ. Эта группа или община захватываетъ человѣка всего, поглощаетъ всѣ его интересы и стремленія. Такими соціальными организаціями были средневѣковыя гильдіи и цехи, а отчасти и до сихъ поръ осталась крестьянская община въ Россіи. Средневѣковыя гильдіи, напр., являлись одновременно и религіозной общиной для богослуженій въ честь своего патрона, и свѣтскимъ кружкомъ, который организовалъ празднества и балы, и обществомъ взаимопомощи на случай болѣзней и несчастій, и организаціей для судебной защиты общихъ правъ и, наконецъ, учрежденіемъ нравственнаго характера для строгаго надзора за выполненіемъ членами товарищескихъ и профессіональныхъ обязанностей. Поэтому члены гильдіи имѣли полное основаніе называть другъ друга братьями. Братство это—не свободно заключенный союзъ въ виду какой-нибудь общей цѣли, а неразрывная связь, поглощающая все время и всѣ стороны существованія человѣка. Понятно, что какъ въ такой замкнутой группѣ, такъ и въ обществѣ, раздробленномъ на подобныя группы, не можетъ быть признана свобода личности и равноправность всѣхъ членовъ.

Совсѣмъ другія общественныя условія создаетъ современное раздѣленіе труда и дифференціація спеціальностей. Современная мастерская или фабрика требуетъ отъ рабочихъ — проявленія лишь одной физической функціи. Религіозныя, нравственныя, общественныя, умственныя и душевныя потребности и стремленія рабочаго должны быть удовлетворены на сторонѣ, внѣ его основной и повседневной дѣятельности. Вслѣдствіе этого, современнаго человѣка окружаетъ совершенно новая и быстро смѣняющаяся общественная атмосфера. Для удовлетворенія различныхъ жизненныхъ запросовъ въ современномъ обществѣ необходимо должно увеличиваться число организацій, къ которымъ примыкаетъ каждая отдѣльная личность. Въ свою очередь, такое усложненіе общественныхъ отношеній ведетъ къ признанію свободы личности. Отдѣльная личность перестаетъ быть закрѣпощенной какой-нибудь опредѣленной соціальной группой и становится точкой пересѣченія различныхъ общественныхъ организацій. Ея самостоятельность, разносторонность и даже оригинальность, благодаря этому, увеличивается. Съ другой стороны, лица различныхъ профессій, общественныхъ положеній и состояній, примыкая къ однимъ и тѣмъ же общественнымъ, политическимъ, литературнымъ, научнымъ и этическимъ кругамъ, ассимилируютъ другъ друга и подготовляютъ почву для равенства. Такимъ образомъ усложненіе общественной жизни, утончая различія между отдѣльными индивидуальностями, расширяетъ также сходство между ними и непосредственно способствуетъ идеѣ равенства.

Прослѣдивъ вмѣстѣ съ нами всѣ перечисленныя условія развитія равенства, читатель однако можетъ усумниться вообще въ научной цѣнности такихъ соціологическихъ изслѣдованій. Противъ нихъ можетъ быть выдвинутъ упрекъ, что они переносятъ въ соціологію методы и понятія изъ чуждыхъ ей областей, такъ какъ изслѣдовать числа, величины, пересѣченіе круговъ и т. д.—это дѣло ариѳметики и геометріи. Для изученія общества по математическому методу уже существуетъ особая наука—статистика, изслѣдующая тѣ элементы въ соціальныхъ организаціяхъ, которые могутъ быть опредѣлены въ числахъ. А потому поиски за какимъ-то особеннымъ смысломъ въ тѣхъ же числовыхъ отношеніяхъ не безъ основанія могутъ показаться какою-то новою кабалистикой. Всѣ эти возраженія были бы совершенно вѣрны, если бы сущность новой постановки соціологіи заключалась въ той общей схемѣ, которая набросана только какъ программа соціологическихъ изысканій. Но заимствованныя изъ математики категоріи и рубрики въ этой схемѣ играютъ роль только внѣшнихъ показателей для внутреннихъ и скрытыхъ процессовъ. Уже изъ анализа приведенныхъ фактовъ видно, что вопросъ заключается не въ этихъ ариѳметическихъ и геометрическихъ отношеніяхъ, а въ *психологическомъ взаимодѣйствіи* людей. Всѣ приведенныя измѣненія во внѣшнемъ составѣ общества важны для соціологіи въ этомъ смыслѣ, лишь по-

скольку, поскольку они измѣняютъ душевный и умственный складъ членовъ общества. Они приводятъ въ соприкосновеніе массу лицъ и способствуютъ ихъ вліянію другъ на друга.

Всѣ внѣшнія измѣненія въ соціальномъ строѣ, несомнѣнно, возникаютъ на почвѣ экономическаго развитія. Экономическое развитіе создаетъ то, что народонаселеніе растетъ и дѣлается гуще, сословія и классы въ извѣстныхъ своихъ частяхъ по своему матеріальному положенію сближаются, количество соціальныхъ организацій увеличивается, и само общество усложняется и объединяется. Но на настроеніе, взгляды, убѣжденія, стремленія и желанія человѣка больше всего вліяютъ другіе люди, а не неодушевленные предметы. Фабрика, напр., дѣйствуетъ на рабочаго главнымъ образомъ, конечно, не своимъ внѣшнимъ видомъ, т.-е. не своими зданіями, трубами и машинами, и не той массой товара, которая производится на ней, а тѣмъ, что она сближаетъ его съ сотнями рабочихъ, занятыхъ на той же фабрикѣ. Эти сотни лицъ, вліяя другъ на друга, способствуютъ выработкѣ у всѣхъ общихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ и потребностей. Сущность характеризуемаго направленія въ соціологіи заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы, разсматривая экономическое развитіе и произведенное имъ измѣненіе въ соціальномъ строѣ, какъ уже совершившійся фактъ, изслѣдовать только явленія, происходящія отъ психическаго взаимодѣйствія членовъ общества при измѣнившихся матеріальныхъ условіяхъ. Поэтому это направленіе въ соціологіи можетъ быть названо соціально-психологическимъ.

Возвращаясь къ сочиненію Бугле, приходится сознаться, что намъ далеко не удалось передать всего содержанія этой интересной книги. Мы поневолѣ должны были ограничиться только общими выводами, стараясь при этомъ выяснить, главнымъ образомъ, то направленіе въ соціологіи, къ которому принадлежитъ авторъ. Книга Бугле, между прочимъ, очень богата фактическимъ матеріаломъ, котораго мы здѣсь, конечно, не могли передавать. Недостатокъ этого сочиненія состоитъ въ томъ, что оно не выдержано въ методологическомъ отношеніи. Авторъ часто уклоняется въ сторону отъ поставленной себѣ соціологической задачи и увлекается изслѣдованіемъ чисто экономическихъ или политическихъ вопросовъ. Но это дѣлаетъ его книгу болѣе доступной, такъ какъ иначе она была бы черезчуръ спеціальна, абстрактна и суха. У насъ, гдѣ до сихъ поръ отъ соціологическихъ изслѣдованій прежде всего требуется доступность, это свойство должно быть признано за безусловное достоинство. Тѣмъ не менѣе, книга Бугле, при своей доступности, по научности стоитъ гораздо выше большинства произведеній французской соціологической литературы.

Б. Кистяковскій.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Золотой вѣкъ.

1496—1497.

Torneià l'età dell'oro.
Cantiàn tutti: viva'l Moro!

Bellincioni.

Вѣкъ Златой вернется скоро,—
Пойте: слава, слава Моро!

Беллинчіони.

I.

Въ концѣ тысяча четыреста девяносто шестого года миланская герцогиня Беатриче писала сестрѣ своей Изабеллѣ, супругѣ маркиза Франческо Гонзага, повелителя Мантуи:

„Яснѣйшая мадонна, сестрица наша возлюбленная, я и мой мужъ, синьоръ Лодовико, желаемъ здравствовать вамъ и знаменитѣйшему синьору Франческо.

„Согласно просьбѣ вашей, посылаю портретъ сына моего Массимиліяно. Только, пожалуйста, не думайте, что онъ такой маленькій. Хотѣли точную мѣрку снять, дабы послать вашей синьоріи, но побоялись: няня говоритъ, что это вредитъ росту. А растетъ онъ удивительно: ежели нѣсколько дней не вижу его, потомъ, какъ взгляну, кажется, такъ выросъ, что остаюсь чрезмѣрно довольной и утѣшенной.

„А у насъ большое горе: умеръ дурачокъ Наннино. Вы его знали и тоже любили, а потому поймете, что, утративъ всякую

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

иную вещь, я надѣялась бы замѣнить ее, но для замѣны нашего Наннино ничего не могла бы создать сама природа, которая истощила въ немъ всѣ силы, соединивъ въ одномъ существѣ для потѣхи государей рѣдчайшую глупость съ очаровательнѣйшимъ уродствомъ. Поэтъ Беллинчіони въ надгробныхъ стихахъ говоритъ, что ежели душа его на небѣ, то онъ смѣшитъ весь рай, если же въ аду, то Церберъ „молчитъ и радуется". Мы похоронили его въ нашемъ склепѣ въ Маріи дэлле Граціе рядомъ съ моимъ любимымъ охотничьимъ ястребомъ и незабвенною сукою Путтиною, дабы и послѣ смерти нашей не разставаться съ такою пріятною вещью. Я плакала двѣ ночи, а синьоръ Лодовико, чтобы утѣшить меня, обѣщалъ мнѣ подарить къ Рождеству великолѣпное серебряное сѣдалище для облегченія желудка—a deporre l'inutil peso del ventre, съ изображеніемъ битвы кентавровъ и лапитовъ. Внутри сосудъ изъ чистаго золота, а балдахинъ изъ кармазиннаго бархата съ вышитыми герцогскими гербами, и все точь-въ-точь, какъ у великой герцогини Лорренской. Такого сѣдалища нѣтъ, говорятъ, не только ни у одной изъ итальянскихъ государынь, но даже у самаго папы, императора и Великаго Турка. Оно прекраснѣе, чѣмъ знаменитое сѣдалище Базада, описанное въ эпиграммахъ Марціала. Мэрула сочинилъ гекзаметры, которые начинаются такъ:

Quis cameram hanc supero dignam neget esse tonante
Principe.
Тронъ сей достоенъ всевышняго, въ небѣ гремящаго бога.

„Синьоръ Лодовико хотѣлъ, чтобы флорентинскій художникъ Леонардо да Винчи устроилъ въ этомъ сѣдалищѣ машину съ музыкой на подобіе маленькаго органа, но Леонардо отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что слишкомъ занятъ Колоссомъ и Тайною Вечерей.

„Вы просите, милая сестрица, чтобы я прислала вамъ на время этого мастера. Съ удовольствіемъ исполнила бы вашу просьбу и отослала бы его вамъ навсегда, не только на время. Но синьоръ Лодовико, не знаю почему, благоволитъ къ нему чрезмѣрно и ни за что не желаетъ разстаться съ нимъ. Впрочемъ, не особенно жалѣйте о немъ, ибо сей Леонардо преданъ алхиміи, магіи, механикѣ и тому подобнымъ бреднямъ гораздо болѣе, чѣмъ живописи, и отличается такою медлительностью въ исполненіи заказовъ, что ангела можетъ вывести изъ терпѣнія. Къ тому же, какъ я слышала, онъ—еретикъ и безбожникъ.

„Недавно мы охотились на волковъ. Ѣздить верхомъ не позволяютъ мнѣ, такъ какъ я уже пятый мѣсяцъ беременна. Я смотрѣла на охоту, стоя на высокихъ запяткахъ повозки, нарочно для меня устроенныхъ, похожихъ на церковную каѳедру. Впрочемъ, это была не забава, а мука: когда волкъ въ лѣсъ убѣжалъ,

я чуть не плакала. О, будь я сама на лошади, не упустила бы,— шею сломала бы, а догнала бы звѣря!

„Помните, сестрица, какъ мы съ вами скакали? Еще донзелла Пентезилая въ ровъ упала, чуть себѣ голову до смерти не расшибла. А охота на вепрей въ Куснаго, а мячикъ, а рыбная ловля! То-то было славное время.

„Теперь утѣшаемся, какъ можемъ. Въ карты играемъ. Катаемся на конькахъ. Этому занятію выучилъ насъ молодой вельможа изъ Фландріи. Зима стоитъ лютая: не только всѣ пруды, даже рѣки замерзли. На каткѣ дворцоваго парка Леонардо вылѣпилъ прекраснѣйшую Леду съ лебедемъ изъ снѣгу бѣлаго и твердаго, какъ мраморъ. Жаль, что растаетъ весною.

„Ну, а какъ поживаете вы, любезная сестрица? Удалась ли порода кошекъ съ длинною шерстью? Если будетъ котенокъ рыжій съ голубыми глазами, пришлите вмѣстѣ съ обѣщанною арапкою. А я вамъ щенятъ подарю отъ Шелковинки.

„Не забудьте, пожалуйста, не забудьте, мадонна, прислать выкройку голубой атласной душегрѣйки, что съ косымъ воротомъ на собольей опушкѣ. Я просила о ней въ прошломъ письмѣ. Отправьте какъ можно скорѣе, лучше всего завтра же на зарѣ съ верховымъ.

„Пришлите также склянку вашего превосходнаго умыванія отъ прыщиковъ и заморскаго дерева для полировки ногтей.

„Что памятникъ Виргилія, сего сладкозвучнаго лебедя Мантуанскихъ озеръ? Ежели бронзы не хватитъ, мы вамъ пришлемъ двѣ старыя бомбарды изъ отличной мѣди.

„Астрологи наши предсказываютъ войну и жаркое лѣто: „собаки будутъ бѣситься, а государи гнѣваться“. Что говоритъ вашъ астрологъ? Чужому всегда больше вѣришь, чѣмъ своему.

„Я и синьоръ Лодовико поручаемъ себя милостивому вниманію вашему, возлюбленная сестрица, и вашего супруга, знаменитѣйшаго маркиза Франческо. Беатриче Сфорца“.

II.

Несмотря на видимое простодушіе, въ этомъ посланіи было притворство и политика. Герцогиня скрывала отъ сестры свои домашнія заботы. Мира и согласія, которые можно было предположить, судя по письму, не было между супругами. Леонардо ненавидѣла она не за ересь и безбожіе, а за то, что нѣкогда, по заказу герцога, написалъ онъ портретъ Цециліи Бергамини, ея злѣйшей соперницы, знаменитой наложницы Моро. Въ послѣднее время подозрѣвала она еще другую любовную связь мужа съ одной изъ ея придворныхъ дамиджеллъ,—мадонною Лукреціей.

Въ тѣ дни герцогъ Миланскій достигалъ высоты своего могущества. Сынъ Франческо Сфорца, отважнаго романьольскаго наемника, полусолдата, полуразбойника,—мечталъ онъ сдѣлаться самодержавнымъ владыкою объединенной Италіи.

„Папа,—хвасталъ Моро,—мой духовникъ, императоръ—мой полководецъ, городъ Венеція—мой казначей, король французскій—мой гонецъ".

Ludovicus Maria Sfortia Anglus, dax Mediolani—подписывался онъ, производя свой родъ отъ славнаго героя, Энеева спутника, Англа Троянскаго. Колоссъ, изваянный Леонардо, памятникъ отца его съ надписью: *Ecce deus*!—*Сѐ Богъ*!—свидѣтельствовалъ также о божественномъ величіи Сфорца.

Но, вопреки наружному благополучію, тайная тревога и страхъ мучили герцога. Онъ зналъ, что народъ не любитъ его, считаетъ похитителемъ престола. Однажды на площади Аренго, увидѣвъ издали вдову покойнаго герцога Джіана-Галеаццо съ ея первенцомъ Франческо, толпа закричала: „да здравствуетъ законный герцогъ Франческо!"

Ему было восемь лѣтъ. Онъ отличался умомъ и необыкновенною красотою. По словамъ венеціанскаго посла Марино Сануто, „народъ желалъ его себѣ въ государи, какъ Бога".

Беатриче и Моро видѣли, что смерть Джіана-Галеаццо обманула ихъ, не сдѣлала законными государями. И въ этомъ ребенкѣ вставала изъ гроба тѣнь умершаго герцога.

Въ Миланѣ говорили о таинственныхъ предзнаменованіяхъ. Разсказывали, будто бы ночью надъ башнями замка являются огни, подобные зареву пожара, и въ покояхъ дворца раздаются страшные стоны. Вспоминали, какъ у Джіано-Галеаццо, когда онъ лежалъ въ гробу, лѣвый глазъ не закрывался, что предвѣщало скорую кончину одного изъ его ближайшихъ родственниковъ. У мадонны дель Альборе трепетали вѣки. Корова, принадлежавшая одной старушкѣ за Тичинскими воротами, отелилась двухголовымъ теленкомъ. Герцогиня упала въ обморокъ въ пустынной залѣ Рокетты, испуганная привидѣніемъ, и потомъ не хотѣла объ этомъ говорить ни съ кѣмъ, даже съ мужемъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ почти совершенно утратила она шаловливую рѣзвость, которая такъ нравилась въ ней герцогу, и съ недобрыми предчувствіями ожидала родовъ.

III.

Однажды, декабрьскимъ вечеромъ, когда снѣжные хлопья устилали улицы города, углубляя безмолвіе сумерекъ, Моро сидѣлъ въ маленькомъ палаццо, который подарилъ своей новой любви, мадоннѣ Лукреціи Кривелли.

Огонь пылалъ въ очагѣ, озаряя створы лакированныхъ дверей съ мозаичнымъ наборомъ, изображавшимъ перспективы древнихъ римскихъ зданій,—лѣпной рѣшетчатый переплетъ потолка, украшенный золотомъ, стѣны, покрытыя кордуанскими кожаными златотисненными обоями, высокія кресла и рундуки изъ чернаго дерева, круглый столъ съ темно-зеленою бархатною скатертью, съ открытымъ романомъ Боярдо, свитками нотъ, перламутровою мандолиною и граненымъ кувшиномъ Бальнеа Апонитана—цѣлебной воды, входившей въ моду у знатныхъ дамъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ Лукреціи кисти Леонардо.

Надъ каминомъ въ глиняныхъ изваяніяхъ Карадоссо порхающія птицы клевали виноградъ, и крылатыя голыя дѣти,— не то христіанскіе ангелы, не то языческіе амуры,—плясали, играя святѣйшими орудіями страстей Господнихъ—гвоздями, копіемъ, тростью, губкою и колючими терніями. Они казались живыми въ розовомъ отблескѣ пламени.

Вьюга выла въ трубѣ очага. Но въ изящномъ рабочемъ покоѣ—„студіоло“ все дышало уютною нѣгою.

Мадонна Лукреція сидѣла на бархатной подушкѣ у ногъ Моро. Лицо ея было печально. Онъ ласково пенялъ ей за то, что она давно не посѣщаетъ герцогини Беатриче.

— Ваша свѣтлость, — молвила дѣвушка, потупивъ глаза, — умоляю васъ, не принуждайте меня: я не умѣю лгать...

— Помилуй, да развѣ это значитъ льгать?—удивился Моро,—мы только скрываемъ. Не хранилъ ли самъ Громовержецъ любовныхъ тайнъ своихъ отъ ревнивой супруги? А Тезей, а Федра и Медея—всѣ герои, всѣ боги древности? Можемъ ли мы, слабые смертные, противиться власти бога любви? Къ тому же тайное зло не лучше ли явнаго?—ибо, скрывая грѣхъ, мы избавляемъ ближнихъ отъ соблазна, какъ того требуетъ христіанское милосердіе. А если нѣтъ соблазна, и есть милосердіе, то нѣтъ зла, или почти нѣтъ.

Онъ усмѣхнулся своей хитрой усмѣшкой. Но Лукреція покачала головой и посмотрѣла ему прямо въ глаза, немного исподлобья,—строгими, важными, какъ у дѣтей, и невинными глазами.

— Вы знаете, государь, какъ я счастлива вашею любовью. Но мнѣ иногда хотѣлось бы лучше умереть, чѣмъ обманывать мадонну Беатриче, которая любитъ меня, какъ родную...

— Полно, полно, дитя мое!—молвилъ герцогъ и привлекъ ее къ себѣ на колѣни, одною рукою обвивъ ея станъ, другою лаская черные блестящіе волосы съ гладкими начесами на уши, съ нитью фероньеры, на которой посерединѣ лба блестѣла алмазная слеза. Опустивъ длинныя, пушистыя рѣсницы,—безъ упоенія, безъ страсти, вся холодная и чистая,—отдавалась она его ласкамъ.

— О, если бы ты знала, какъ я люблю тебя, мою тихую, мою смиренную, тебя одну!—шепталъ онъ, съ жадностью вдыхая знакомый ароматъ фіалокъ и мускуса.

Дверь открылась, и прежде, чѣмъ герцогъ успѣлъ выпустить дѣвушку изъ своихъ объятій, въ комнату вбѣжала испуганная служанка.

— Мадонна, мадонна,—пробормотала она, задыхаясь,—тамъ, внизу, у воротъ... о, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!..

— Да ну же, говори толкомъ,—произнесъ герцогъ,—кто у воротъ?

— Герцогиня Беатриче!

Моро поблѣднѣлъ.

— Ключъ! Ключъ отъ другихъ дверей! Я заднимъ ходомъ черезъ дворъ. Да гдѣ же ключъ? Скорѣе!

— То-то и есть, ваша свѣтлость,—въ отчаяніи всплеснула руками служанка,—кавальеры яснѣйшей мадонны стоятъ и у задняго хода! Весь домъ окруженъ...

— Западня! — произнесъ герцогъ, хватаясь за голову. — И откуда она узнала? Кто могъ ей сказать?

— Никто, какъ мона Сидонія,—подхватила служанка,—недаромъ проклятая вѣдьма шляется къ намъ со своими снадобьями и притираніями. Говорила я вамъ, синьора, берегитесь...

— Что дѣлать, Боже мой, что дѣлать! — лепеталъ герцогъ, блѣднѣя.

Съ улицы слышался громкій стукъ въ наружныя двери дома. Служанка бросилась на лѣстницу.

— Спрячь, спрячь меня, Лукреція!

— Ваша свѣтлость,—возразила дѣвушка,—если мадонна Беатриче подозрѣваетъ, она велитъ весь домъ обыскать. Не лучше ли вамъ прямо выйти къ ней?

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани, что ты говоришь, Лукреція? Выйти къ ней! Ты не знаешь, что это за женщина! О, Господи, страшно подумать, что изъ всего этого можетъ произойти. Вѣдь она беременна. Да спрячь же меня, спрячь!..

— Право, я не знаю...

— Все равно, куда хочешь, только поскорѣе!

Герцогъ дрожалъ и въ это мгновеніе похожъ былъ скорѣе на пойманнаго вора, чѣмъ на потомка баснословнаго героя Англа Троянскаго, Энеева спутника.

Лукреція провела его черезъ спальню въ уборную и спрятала въ одинъ изъ тѣхъ большихъ, вдѣланныхъ въ стѣну шкаповъ, бѣлыхъ съ тонкими, золотыми узорами въ древнемъ вкусѣ, которые служили „гвардаробами» —одеждохранилищами знатныхъ дамъ.

Моро притаился въ углу между платьями.

— Какъ глупо!—думалъ онъ,—Боже мой, какъ глупо! Точно въ смѣшныхъ побасенкахъ Франко Сакетти или Боккачіо.

Но ему было не до смѣха. Онъ вынулъ изъ-за пазухи маленькую ладонку, съ мощами святого Христофора, и другую, точно такую же, съ моднымъ въ тѣ времена талисманомъ,—кусочкомъ египетской муміи. Ладонки были такъ похожи, что въ темнотѣ и второпяхъ не могъ онъ отличить одну отъ другой и на всякій случай сталъ цѣловать обѣ вмѣстѣ, крестясь и творя молитву.

Вдругъ, услышавъ голоса жены и любовницы, входившихъ въ уборную,—похолодѣлъ отъ ужаса. Онѣ бесѣдовали дружески, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ догадался, что Лукреція показываетъ герцогинѣ свой новый домъ, по ея настоянію. Должно быть, Беатриче не имѣла явныхъ уликъ и не хотѣла обнаружить подозрѣній.

То былъ поединокъ женской хитрости.

— Здѣсь тоже платья? — спросила Беатриче равнодушнымъ голосомъ, подходя къ шкапу, въ которомъ стоялъ Моро, ни живъ, ни мертвъ.

— Домашнія, старыя. Угодно взглянуть вашей свѣтлости?— молвила Лукреція беззаботно.

И пріотворила дверцы.

— Послушайте, душечка,—продолжала герцогиня,—а гдѣ же то, которое, помните, мнѣ такъ понравилось? Вы были въ немъ у Паллавичини на лѣтнемъ балу. Все такіе червячки, червячки, знаете,—золотые по темно-синему морелло, блестятъ, какъ ночью свѣтляки.

— Не помню что-то,—произнесла Лукреція спокойно.—Ахъ, да, да, здѣсь,—спохватилась она,—должно быть, вотъ въ этомъ шкапу.

И, не притворивъ дверецъ шкапа, въ которомъ находился Моро, отошла съ герцогиней къ сосѣдней гвардаробѣ.

— А еще говорила, что лгать не умѣетъ! —подумалъ герцогъ съ восхищеніемъ, несмотря на свой испугъ.—Какое присутствіе духа! Женщины, вотъ у кого бы намъ, государямъ, поучиться политикѣ!

Беатриче и Лукреція удалились изъ уборной.

Моро вздохнулъ свободнѣе, хотя все еще судорожно сжималъ въ рукѣ своей обѣ ладонки съ мощами и съ муміей.

— Двѣсти имперскихъ дукатовъ въ обитель Маріи делле Граціе, Пречистой Заступницѣ—на елей и на свѣчи, ежели обойдется благополучно!—прошепталъ онъ съ пламенною вѣрою.

Прибѣжала служанка, открыла шкапъ, съ почтительно-лукавымъ видомъ выпустила герцога и объявила, что опасность миновала, свѣтлѣйшая герцогиня изволила уѣхать, милостиво простившись съ мадонною Лукреціей.

Онъ перекрестился набожно, вернулся въ „студіоло", выпилъ для подкрѣпленія стаканъ воды Бальнеа Апонитана, взглянулъ на Лукрецію, которая сидѣла, какъ прежде, у камина, опустивъ голову, закрывъ лицо руками,—и улыбнулся.

Потомъ тихими, лисьими шагами подкрался къ ней сзади, наклонился и обнялъ.

Дѣвушка вздрогнула.

— Оставьте меня, оставьте, умоляю васъ, уйдите! О, какъ вы можете послѣ того, что было!..

Но герцогъ не слушая, молча покрывалъ лицо ея, шею, волосы жадными поцѣлуями. Никогда еще не казалась она ему такою прекрасною: какъ будто женская ложь, которую онъ только что видѣлъ въ ней, окружила ее новою прелестью.

Она боролась, но уже ослабѣвала, и, наконецъ, закрывъ глаза, съ безпомощной улыбкой, медленно отдала ему свои губы.

Декабрьская вьюга выла въ трубѣ очага, между тѣмъ какъ въ розовомъ отблескѣ пламени вереница смѣющихся голыхъ дѣтей подъ виноградною кущею Вакха плясала, играя святѣйшими орудіями Страстей Господнихъ.

IV.

Въ первый день новаго тысяча четыреста девяносто седьмого года назначенъ былъ въ замкѣ балъ.

Три мѣсяца длились приготовленія, въ которыхъ участвовали Браманте, Карадоссо, Леонардо да Винчи.

Къ пяти часамъ послѣ полудня гости начали съѣзжаться во дворецъ. Приглашенныхъ было болѣе двухъ тысячъ.

Мятель занесла всѣ дороги и улицы. На мрачномъ небѣ бѣлѣли подъ снѣжными сугробами зубчатыя стѣны, бойницы, каменные выступы для пушечныхъ жерлъ—крѣпостныя „мерлатуры". На дворѣ пылали костры, у которыхъ грѣлись, весело гутуря, конюхи, скороходы, стремянные, вершники и носильщики паланкиновъ. У входа въ Палаццо Дукале и далѣе, у желѣзныхъ опускныхъ воротъ во внутренній дворъ маленькаго замка Рокетты, раззолоченныя, неуклюжія повозки, рыдваны и колымаги, запряженныя цугомъ, тѣснились, высаживая синьоръ и кавальеровъ, закутанныхъ въ драгоцѣнные русскіе мѣха. Обледенѣлыя окна сіяли праздничными огнями.

Вступая въ прихожую, гости слѣдовали между двумя длинными рядами герцогскихъ тѣлохранителей,—турецкихъ мамелюковъ, греческихъ страдіотовъ, шотландскихъ арбалетчиковъ и швейцарскихъ ландскнехтовъ, закованныхъ въ латы съ тяжелыми алебардами. Впереди стояли стройные пажи, миловидные, какъ дѣ-

вушки, въ одинаковыхъ, отороченныхъ лебяжьимъ пухомъ, двухцвѣтныхъ ливреяхъ, правая половина—розоваго бархата, лѣвая—голубого атласа, съ вытканными на груди серебряными геральдическими знаками дома Сфорца Висконти. Одежда прилегала къ тѣлу такъ плотно, что обозначала всѣ его изгибы, и только спереди изъ подъ пояса выступала короткими, тѣсными трубчатыми складками. Въ рукахъ держали они зажженныя свѣчи, длинныя, на подобіе церковныхъ, изъ краснаго и желтаго воска.

Когда гость входилъ въ пріемную, герольдъ съ двумя трубачами выкликалъ его имя.

Открывался рядъ громадныхъ, ослѣпительно освѣщенныхъ покоевъ: „зала бѣлыхъ голубокъ по красному полю", „зала золотая",—съ изображеніями герцогской охоты, „червчатая",—вся сверху до низу обтянутая атласомъ, съ вышитыми золотомъ пламенѣющими головнями и ведрами, обозначавшими самодержавную власть миланскихъ герцоговъ, которые, по своему желанію, могутъ раздувать огонь войны и гасить его водою мира. Въ изящной, маленькой „черной залѣ", построенной Браманте, служившей дамскою уборной, на сводахъ и стѣнахъ виднѣлись неоконченныя фрески Леонардо.

Нарядная толпа гудѣла, подобно пчелиному рою. Одежды отличались многоцвѣтною яркостью и безмѣрною, нерѣдко безвкусною роскошью. Въ этой пестротѣ, въ неуважительномъ къ обычаямъ предковъ, порою шутовскомъ и уродливомъ смѣшеніи разноязычныхъ модъ одинъ писатель того времени видѣлъ „предзнаменованіе нашествія иноплеменныхъ, грядущаго рабства Италіи".

Ткани женскихъ платій, съ прямыми, тяжелыми, складками, не гнущимися вслѣдствіе обилія золота и драгоцѣнныхъ камней, напоминали церковныя ризы. Онѣ были столь прочны, что передавались по наслѣдству отъ прабабушекъ правнучкамъ. Глубокіе вырѣзы обнажали плечи и грудь. Волосы, покрытые спереди золотою сѣткою, заплетались, по ломбардскому обычаю, у замужнихъ такъ же, какъ у дѣвушекъ въ тугую косу, удлиненную до полу искусственными волосами и лентами. Мода требовала, чтобы брови были едва очерчены: женщины, обладавшія густыми бровями выщипывали ихъ особыми стальными щипчиками, „пелатойо". Обходиться безъ румянъ и бѣлилъ считалось непристойнымъ. Духи употреблялись крѣпкіе, тяжелые—мускусъ, амбра, виверра, кипрскій порошокъ съ пронзительнымъ одуряющимъ запахомъ.

Въ толпѣ встрѣчались молодыя дѣвушки и женщины, съ особенною прелестью, которая нигдѣ не встрѣчается, кромѣ Ломбардіи,—съ тѣми воздушными тѣнями, тающими, какъ дымъ, на блѣдной матовой кожѣ, на нѣжныхъ, мягкихъ округлостяхъ лица, которыя любилъ изображать Леонардо да Винчи.

Мадонну Віоланту Борромео, черноокую, чернокудрую съ понятною для всѣхъ, побѣдительною красотою—называли царицею бала. Мотыльки, обжигающіе крылья о пламя свѣчи,—предостереженіе влюбленнымъ,—вытканы были золотомъ по темно-пунцовому бархату ея платья.

Но не мадонна Віоланта привлекала вниманіе избранныхъ, а донзелла Діана Паллавичини, съ глазами холодными и прозрачными, какъ ледъ, волосами сѣрыми, какъ пепелъ, съ равнодушною улыбкою и говоромъ медлительнымъ, какъ звукъ віолы. Ее облекала простая одежда изъ бѣлой струистой камки съ длинными шелковыми лентами, тускло-зелеными, какъ водоросли. Окруженная блескомъ и шумомъ, казалась она чуждой всему, одинокою и печальною, какъ блѣдные водяные цвѣты, которые спятъ подъ луною въ заглохшихъ прудахъ.

Грянули трубы, литавры,—и гости направились въ большой „Залъ для игры въ мячъ"—Grande sala per il giuoco della palla,—находившійся въ Рокеттѣ. Подъ голубымъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами сводомъ крестообразныя перекладины съ восковыми свѣчами горѣли огненными гроздьями. Съ балкона, служившаго хорами, свѣшивались шелковые ковры, съ гирляндами лавровъ, плюща и можжевельника.

Въ часъ, минуту и секунду, назначенные астрологами,—ибо герцогъ шагу не дѣлалъ, по выраженію одного посла, рубашки не перемѣнялъ, жены не цѣловалъ, не сообразуясь съ положеніемъ звѣздъ,—въ залу вошли Моро и Беатриче, въ царственныхъ мантіяхъ изъ золотой парчи, подбитыхъ горностаемъ, съ длинными шлейфами, которые несли бароны, камерьеры, спендиторы и чьямбелланы. На груди герцога въ пряжкѣ сіялъ рубинъ неимовѣрной величины, похищенный имъ у Джіана-Галеаццо.

Беатриче похудѣла и подурнѣла. Странно было видѣть животъ беременной женщины у этой дѣвочки, казавшейся почти ребенкомъ, — съ плоскою грудью, съ рѣзкими мальчишескими движеніями.

Моро сдѣлалъ знакъ. Главный сенешаль поднялъ жезлъ, на хорахъ заиграла музыка,—и гости стали садиться за пиршественные столы.

V.

Въ это время произошло замѣшательство. Посолъ великаго князя московскаго Данило Мамыровъ не пожелалъ сѣсть ниже посла Яснѣйшей Республики Санъ-Марко. Мамырова стали уговаривать. Но упрямый старикъ, никого не слушая, стоялъ на своемъ: „не сяду,—зазорно мнѣ сіе!"

*

Любопытные и насмѣшливые взгляды обращались на него отовсюду.

— Что такое? Опять съ московитами непріятности? Дикій народъ! Лѣзутъ на первыя мѣста—знать ничего не хотятъ. Никуда ихъ приглашать нельзя. Варвары! А языкъ-то,—слышите,—совсѣмъ турецкій. Звѣрское племя!..

Юркій и вертлявый мантуанецъ Бокалино,- толмачъ, подскочилъ къ Мамырову:

— Мессэръ Даніеле, мессэръ Даніеле, — залепеталъ онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, съ подобострастными ужимками и поклонами,—не можно, не можно. Сѣсть надо. Обычай въ Миланѣ. Спорить не хорошо. Дукa сердится.

Подошелъ къ старику и молодой спутникъ его, Никита Карачьяровъ,—тоже дьякъ посольскаго двора.

— Данило Кузьмичъ, батюшка, не изволь серчать. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. Люди иноземные, обычаевъ нашихъ не вѣдаютъ. Долго ли до грѣха? Еще подъ руки выведутъ. Сраму наживемъ.

— Молчи, Никита, молчи! Младъ ты учить меня, старика. Знаю, что дѣлаю. Не быть тому во вѣки. Не сяду ниже посла Венецейскаго. Сіе для чести нашей посольской поруха великая. Сказано: всякій посолъ лицоноситъ и рѣчи говоритъ государя своего. А нашъ государь православный, самодержавный, всея Руси...

— Мессэръ Даніеле, о, мессэръ Даніеле,—егозилъ и разсыпался толмачъ Бокалино.

— Отстань! Чего лотошишь, обезьянья твоя рожа бусурманская? Сказано, не сяду—и не сяду!

Подъ нахмуренными бровями маленькіе медвѣжьи глазки Мамырова сверкали гнѣвомъ, гордынею и непобѣдимымъ упрямствомъ. Усыпанный изумрудами набалдашникъ посоха дрожалъ въ крѣпко сжатыхъ пальцахъ. Видно было, что никакія силы не принудятъ его уступить.

Моро подозвалъ къ себѣ посла Венеціи, съ обаятельною любезностью, на которую былъ мастеръ, извинился, обѣщалъ ему свое благоволеніе и попросилъ, какъ о личномъ для себя одолженіи, пересѣсть на другое мѣсто, во избѣжаніе споровъ и пререканій, увѣряя, что нелѣпому честолюбію этихъ варваровъ никто не придаетъ значенія. На самомъ дѣлѣ герцогъ весьма дорожилъ милостью „великаго герцога Російскаго“—„gran duca di Rosia“, надѣясь при помощи его заключить выгодный договоръ съ турецкимъ султантомъ.

Венеціанецъ, взглянувъ на Мамырова съ тонкой усмѣшкой и презрительно пожавъ плечами, замѣтилъ, что его высочество

правъ—подобные споры о мѣстахъ недостойны людей, просвѣщенныхъ свѣтомъ „человѣчности"—humanità,—и сѣлъ на указанное мѣсто.

Данило Кузьмичъ не понялъ рѣчи соперника. Но, если бы и понялъ, не смутился и продолжалъ бы считать правымъ себя, ибо зналъ, что десять лѣтъ назадъ, въ 1487 году, на торжественномъ выходѣ папы Иннокентія VIII, московскіе послы Димитрій и Мануилъ Ралёвы на ступеняхъ апостолическаго трона заняли мѣста, наиболѣе почетныя послѣ римскихъ сенаторовъ, представителей древняго міродержавнаго города. Недаромъ въ посланіи бывшаго кіевскаго митрополита Саввы Спиридона великій князь Московскій уже объявленъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ двуглаваго орла Византіи, объединившаго подъ сѣнью крылъ своихъ Востокъ и Западъ,—такъ какъ Господь Вседержитель,—сказано было въ посланіи,—низвергнувъ за ереси оба Рима, ветхій и новый, воздвигъ третій, таинственный Градъ, дабы излить на него всю славу, всю силу и благодать свою, третій полунощный Римъ,—православную Москву,—а четвертаго Рима не будетъ во вѣки.

Не обращая вниманія на враждебные взоры, самодовольно поглаживая длинную сѣдую бороду, поправляя поясъ на толстомъ животѣ и соболью шубу пунцоваго аксамита, грузно и важно кряхтя, опустился Данило Кузьмичъ на отвоеванное мѣсто. Чувство темное, радостное и опьяняющее, какъ хмѣль, наполняло ему душу.

Никита вмѣстѣ съ толмачемъ Бокалино сѣли на нижнемъ концѣ стола рядомъ съ Леонардо да Винчи.

Хвастливый мантуанецъ разсказывалъ о чудесахъ, видѣнныхъ имъ въ Московіи, смѣшивая быль съ небылицею. Художникъ, надѣясь получить болѣе точныя свѣдѣнія отъ самого Карачьярова, обратился къ нему черезъ переводчика и сталъ разспрашивать о далекой странѣ, которая возбуждала любопытство Леонардо, какъ все безмѣрное и загадочное,—о ея безконечныхъ равнинахъ, лютыхъ морозахъ, могучихъ рѣкахъ и лѣсахъ, о приливѣ въ Гиперборейскомъ океанѣ и Гирканійскомъ морѣ, о сѣверномъ сіяніи, такъ же, какъ о друзьяхъ своихъ, поселившихся въ Москвѣ, ломбардскомъ художникѣ Пьетро Антоніо Солари, который участвовалъ въ постройкѣ Грановитой Палаты, и зодчемъ Аристотелѣ Фіоравенти изъ Болоньи, украсившемъ площадь Кремля великолѣпными зданіями. Никита отвѣчалъ ему, какъ умѣлъ.

— Мессэре,—обратилась къ толмачу сидѣвшая рядомъ бойкая, любопытная и плутоватая донзелла Эрмеллина,—я слышала, будто бы эту удивительную страну потому называютъ Розія, что тамъ растетъ много розъ. Правда ли это?

Бокалино разсмѣялся и увѣрилъ донзеллу, что это вздоръ, что

въ „Розіи“, несмотря на ея имя, меньше розъ, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ, и въ доказательство привелъ итальянскую новеллу о русскомъ холодѣ.

Нѣкоторые купцы изъ города Флоренціи однажды пріѣхали въ Польшу. Далѣе въ Розію не пустили ихъ, потому что въ это время польскій король велъ войну съ великимъ герцогомъ Московіи. Флорентинцы, желая купить соболей, пригласили русскихъ купцовъ на берегъ Борисѳена, отдѣляющаго обѣ страны. Опасаясь быть взятыми въ плѣнъ, московиты стали на одномъ берегу, итальянцы—на другомъ, и начали громко перекликаться черезъ рѣку, торгуясь. Но стужа была такъ сильна, что слова, не достигая противоположнаго берега, замерзали въ воздухѣ. Тогда находчивые ляхи разложили большой костеръ по срединѣ рѣки, въ томъ мѣстѣ, куда по расчету слова доходили еще незамерзшими. Ледъ, твердый, какъ мраморъ, могъ выдержать какое угодно пламя. И вотъ, когда зажгли огонь, слова, въ продолженіе цѣлаго часа остававшіяся въ воздухѣ неподвижными, обледенѣлыми, начали таять, струиться съ тихимъ журчаніемъ, шелестомъ, подобно вешней капели, и, наконецъ, были услышаны флорентинцами явственно, несмотря на то, что московиты давно уже удалились съ противоположнаго берега.

Этотъ разсказъ всѣмъ пришелся по вкусу. Взоры дамъ, полные сострадательнаго любопытства, обратились на Никиту Карачьярова, обитателя столь злополучной, Богомъ проклятой земли.

Въ это время самъ Никита, остолбенѣвъ отъ удивленія, смотрѣлъ на невиданное зрѣлище,—громадное блюдо съ голою Андромедою, изъ нѣжныхъ каплуньихъ грудинокъ, прикованною къ скалѣ изъ творожнаго сыру, и освободителемъ ея, крылатымъ Персеемъ, изъ телятины.

Во время мясной части пира все было червленое, золотое, во время рыбной стало серебрянымъ, соотвѣтственно водной стихіи. Подали посеребренные хлѣбы, посеребреные салатные лимоны въ чашкахъ, и, наконецъ, на блюдѣ между гигантскими осетрами, миногами и стерлядями появилась богиня океана Амфитрита изъ бѣлаго мяса угрей въ перламутровой колесницѣ, влекомой дельфинами надъ голубовато-зеленымъ, какъ морскія волны, трепетнымъ студнемъ, изнутри освѣщенномъ огнями.

Затѣмъ потянулись нескончаемыя сладости—изваянія изъ марципановъ, фисташекъ, кедровыхъ орѣховъ, миндаля и жженаго сахару, исполненныя по рисункамъ Браманте, Карадоссо и Леонардо,—Геркулесъ, добывающій золотыя яблоки Гесперидъ, басня Ипполита съ Федрою, Вакха съ Аріадною, Юпитера съ Данаею—весь Олимпъ воскресшихъ боговъ.

Никита съ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣлъ на эти чудеса,

между тѣмъ какъ Данило Кузьмичъ, теряя охоту къ ѣдѣ при видѣ голыхъ, безстыдныхъ богинь,—ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Антихристова мерзость! Погань языческая!

VI.

Начался балъ. Тогдашнія пляски—„Венера и Завръ", „Жестокая Участь", „Купидонъ"—отличались медлительностью, такъ какъ платья дамъ, длинныя и тяжелыя, не позволяли быстрыхъ движеній. Дамы и кавалеры сходились, расходились съ неторопливою важностью, съ жеманными поклонами, томными вздохами и сладкими улыбками. Женщины должны были выступать, какъ павы, плыть, какъ лебедки, „чтобы маленькія ножки ихъ", по выраженію поэта, „двигались тихо, тихо". И музыка была тихая, нѣжная, почти унылая, полная страстнымъ томленіемъ, какъ пѣсни Петрарки.

Главный полководецъ Моро, молодой синьоръ Галеаццо Сансеверино, изысканный щеголь, весь въ бѣломъ, съ откидными рукавами на розовой подкладкѣ, съ алмазами на бѣлыхъ туфляхъ, съ красивымъ, вялымъ, испитымъ и женоподобнымъ лицомъ, очаровывалъ дамъ. Одобрительный шопотъ пробѣгалъ въ толпѣ, когда во время танца „Жестокая Участь", роняя,—какъ будто нечаянно, на самомъ дѣлѣ нарочно,—туфлю съ ноги или накидку съ плеча, продолжалъ онъ скользить и кружиться по залѣ съ тою „скучающею небрежностью", которая считалась признакомъ высшаго изящества.

Данило Мамыровъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него и плюнулъ:

— Ахъ, ты шутъ гороховый!

Герцогиня любила танцы. Но въ тотъ вечеръ на сердцѣ у нея было тяжело и смутно. Лишь давняя привычка къ лицемѣрію помогала ей разыгрывать роль гостепріимной хозяйки—отвѣчать необходимыми пошлостями на поздравленія съ новымъ годомъ, на приторныя любезности вельможъ. Порою казалось ей, что она не вынесетъ,—убѣжитъ или зарыдаетъ.

Не находя себѣ мѣста, блуждая по многолюднымъ заламъ, зашла она въ маленькій дальній покой, гдѣ у весело пылавшаго камина разговаривали въ тѣсномъ кружкѣ молодыя дамы и синьоры.

Она спросила, о чемъ они бесѣдуютъ.

— О платонической любви, ваша свѣтлость,—отвѣчала одна изъ дамъ,—мессэръ Антонніотто Фрегозо доказываетъ, что женщина можетъ цѣловать въ губы мужчину, не нарушая цѣломудрія, если онъ любитъ ее небесною любовью.

— Какъ же вы это доказываете, мессэръ Антонніотто?—молвила герцогиня, разсѣянно щуря глаза.

— Съ позволенія вашей свѣтлости, я утверждаю, что уста—орудіе рѣчи,—служатъ вратами души, и когда они соединяются въ лобзаніи платоническомъ, души любовниковъ устремляются къ устамъ, какъ бы къ естественному выходу своему. Вотъ почему Платонъ не возбраняетъ поцѣлуя, а царь Соломонъ въ Пѣсни Пѣсней, прообразуя таинственное сліяніе души человѣческой съ Богомъ говоритъ: лобзай меня лобзаніемъ устъ твоихъ.

— Извините, мессэре,—перебилъ его одинъ изъ слушателей, старый баронъ, сельскій рыцарь съ честнымъ и грубымъ лицомъ,—можетъ быть, я этихъ тонкостей не разумѣю, но неужели полагаете вы, что мужъ, заставъ жену свою въ объятіяхъ любовника, долженъ терпѣть...

— Конечно,—возразилъ придворный философъ,—сообразно съ мудростью духовной любви...

— Позвольте однако замѣтить,—въ такомъ случаѣ бракъ...

— Ахъ, Боже мой! Да мы о любви говоримъ,—понимаете?—о любви, а не о бракѣ!—перебила хорошенькая мадонна Фіордализа, нетерпѣливо пожимая ослѣпительными голыми плечами.

— Но, вѣдь, и бракъ, мадонна, по всѣмъ законамъ человѣческимъ...—началъ было рыцарь.

— Законы!—презрительно сморщила Фіордализа свои алыя губки,—какъ можете вы, мессэре, въ такой возвышенной бесѣдѣ упоминать о законахъ человѣческихъ—жалкихъ созданіяхъ черни,—превращающихъ святыя имена любовника и возлюбленной въ столь дикія, постыдныя слова, какъ мужъ и жена?

Баронъ опѣшилъ и только руками развелъ.

А мессэръ Фрегозо, не обращая на него вниманія, продолжалъ свою рѣчь о тайнахъ небесной любви.

Герцогинѣ сдѣлалось скучно.

Она потихоньку удалилась и перешла въ сосѣднюю залу.

Здѣсь читалъ стихи пріѣзжій изъ Рима знаменитый стихотворецъ Серафино д'Аквила, по прозвищу Единственный—Unico—маленькій, худенькій, тщательно вымытый, выбритый, завитой и надушенный человѣчекъ съ розовымъ младенческимъ личикомъ, томной улыбкой, скверными зубами и масляными глазками, въ которыхъ сквозь вѣчную слезу восторга мелькала порой плутоватая хитрость.

Увидѣвъ среди дамъ, окружавшихъ поэта, Лукрецію, Беатриче смутилась, чуть-чуть поблѣднѣла, но тотчасъ же оправилась, подошла къ ней съ обычною ласкою и поцѣловала.

Въ это время появилась въ дверяхъ полная, пестро-одѣтая, сильно нарумяненная, уже не молодая и некрасивая дама, державшая платокъ у носа.

— Что это, мадонна Діониджія? Не ушиблись ли вы?—спросила ее донзелла Эрмеллина съ лукавымъ участіемъ.

Діониджія объяснила, что во время танцевъ, должно быть, отъ жары и усталости, кровь пошла у нея изъ носу.

— Вотъ случай, на который даже мессэръ Унико едва ли сумѣлъ бы сочинить любовные стихи,—замѣтилъ одинъ изъ придворныхъ.

Унико вскочилъ, выставилъ одну ногу впередъ, задумчиво провелъ рукою по волосамъ, закинулъ голову и поднялъ глаза къ потолку.

— Тише, тише,—благоговѣйно зашушукали дамы,—мессэръ Унико сочиняетъ. Ваше высочество, пожалуйте сюда,—здѣсь лучше слышно.

Донзелла Эрмеллина, взявъ лютню, потихоньку перебирала струны, и подъ эти звуки поэтъ торжественно-глухимъ, замирающимъ голосомъ чревовѣщателя проговорилъ сонетъ.

Амуръ, тронутый мольбами влюбленнаго, направилъ стрѣлу въ сердце жестокой. Но такъ какъ на глазахъ его повязка—промахнулся, и вмѣсто сердца—

Стрѣла пронзила носикъ нѣжный,—
И вотъ въ платочекъ бѣлоснѣжный
Росою алой льется кровь.

Дамы захлопали въ ладоши.

— Прелестно, прелестно, неподражаемо! Какая быстрота! Какая легкость! О, это не чета нашему Беллинчіони, который цѣлыми днями потѣетъ надъ однимъ сонетомъ. Ахъ, душечка, вѣрите ли, когда онъ поднялъ глаза къ небу, я почувствовала—точно вѣтеръ на лицѣ, что-то сверхъестественное,—мнѣ даже страшно стало...

— Мессэръ Унико, не хотите ли рейнскаго?—суетилась одна изъ поклонницъ.

— Мессэръ Унико, вотъ прохладительныя лепешечки съ мятою,—предлагала другая.

Его усаживали въ кресло. Обмахивали опахалами.

Онъ млѣлъ, таялъ и жмурилъ глаза, какъ сытый котъ на солнцѣ.

Потомъ прочелъ другой сонетъ въ честь герцогини, въ которомъ говорилось, что снѣгъ, пристыженный бѣлизной ея кожи, задумалъ коварную месть,—превратился въ ледъ, и потому-то недавно, выйдя прогуляться на дворъ замка, она поскользнулась и едва не упала.

Прочелъ онъ также стихи, посвященные красавицѣ, у которой не хватало передняго зуба: то была хитрость амура, который, обитая во рту ея, пользуется этой щелкою, какъ бойницею, чтобы метать свои стрѣлы.

— Геній!—взвизгнула одна изъ дамъ.—Имя Унико въ потомствѣ будетъ рядомъ съ именемъ Данте.

— Выше Данте!—подхватила другая.—Развѣ можно у Данте научиться такимъ любовнымъ тонкостямъ, какъ у нашего Унико?

— Мадонны,—возразилъ поэтъ со скромностью,—вы, кажется, преувеличиваете. Есть и у Данте нѣкоторыя достоинства. Впрочемъ, каждому свое. Что касается до меня, то за ваши рукоплесканія я отдалъ бы всю славу Данте.

— Унико! Унико!—вздыхали поклонницы, изнемогая отъ восторга.

Когда Серафино началъ новый сонетъ, гдѣ описывалось, какъ, во время пожара въ домѣ его возлюбленной, никакъ не могли потушить огонь, потому что сбѣжавшіеся люди должны были заливать водою пламя собственныхъ сердецъ, зажженное взорами красавицы, Беатриче, наконецъ, не вытерпѣла и ушла.

Она вернулась въ главныя залы, велѣла своему пажу Ричьярдетто, преданному и даже, какъ порой казалось ей, влюбленному въ нее мальчику, идти наверхъ, ожидать ее съ факеломъ у дверей спальни, и, поспѣшно пройдя нѣсколько ярко-освѣщенныхъ многолюдныхъ комнатъ, вступила въ пустынную, отдаленную галлерею, гдѣ только стражи дремали, склонившись на копья, —отперла желѣзную дверцу, поднялась по темной витой лѣстницѣ въ громадный сводчатый залъ, служившій герцогскою спальнею, находившійся въ четыреугольной сѣверной башнѣ Замка. Подошла со свѣчею къ небольшому, вдѣланному въ толщу каменной стѣны дубовому ларцу, гдѣ хранились важныя бумаги и тайныя письма герцога, вложила ключъ, украденный у мужа, въ замочную скважину, хотѣла повернуть, но почувствовала, что замокъ сломанъ, распахнула мѣдныя створы, увидѣла пустыя полки и догадалась, что Моро, замѣтивъ пропажу ключа, спряталъ письма въ другое мѣсто.

Она остановилась въ недоумѣніи.

За окнами вѣяли снѣжные хлопья какъ бѣлые призраки. Вѣтеръ свистѣлъ, то вылъ, то плакалъ. И древнее, страшное, вѣчно знакомое сердцу напоминали эти голоса ночного хаоса.

Взоры герцогини упали на чугунную заслонку, закрывавшую круглое отверстіе Діонисіева Уха—слуховой трубы, проведенной Леонардо въ герцогскую спальню изъ нижнихъ покоевъ дворца. Она подошла къ отверстію и, снявъ съ него тяжелую крышку, прислушалась. Волны звуковъ долетѣли къ ней, подобныя шуму несуществующаго моря, который слышится въ раковинахъ. Съ говоромъ, съ шелестомъ праздничной толпы, съ нѣжными вздохами музыки сливался вой и свистъ ночного вѣтра.

Вдругъ ей почудилось, что не тамъ, внизу, а надъ самымъ ухомъ ея кто-то прошепталъ:

«Беллинчіони... Беллинчіони»...

Она вскрикнула и поблѣднѣла.

«Беллинчіони!.. Какъ же я сама не подумала? Да, да, конечно! Вотъ отъ кого я узнаю все.,. Къ нему? Только какъ бы не замѣтили... Будутъ искать меня. Все равно! Я хочу знать, я больше не могу терпѣть этой лжи!»

Она вспомнила, Что Беллинчіони, отговорившись болѣзнью, не пріѣхалъ на балъ, сообразила, что въ этотъ часъ онъ почти навѣрное дома одинъ, и кликнула пажа Ричьярдетто, который стоялъ у дверей.

— Вели двумъ скороходамъ съ носилками ждать меня внизу, въ паркѣ, у потайныхъ воротъ Замка. Только смотри, если хочешь угодить мнѣ, чтобы никто объ этомъ не зналъ,—слышишь?—никто.

Она дала ему поцѣловать свою руку. Мальчикъ бросился исполнять приказаніе.

Беатриче вернулась въ опочивальню, накинула на плечи соболью шубу, надѣла черную шелковую маску и черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣла въ носилкахъ, направляющихся къ Тичинскимъ Воротамъ, гдѣ жилъ Беллинчіони.

VII.

Поэтъ называлъ свой ветхій, полуразвалившійся домикъ „лягушечьей норою". Онъ получалъ довольно много подарковъ, но велъ безпутную жизнь, пропивалъ или проигрывалъ все, что имѣлъ, и потому бѣдность, по собственному выраженію Бернардо, преслѣдовала его, „какъ нелюбимая, но вѣрная жена".

Лежа на сломанной трехногой кровати, съ полѣномъ вмѣсто четвертой ноги, съ дырявымъ и тонкимъ, какъ блинъ, тюфякомъ, допивая третій горшокъ дрянного кислаго вина, сочинялъ онъ надгробную надпись для любимой собаки мадонны Цециліи. Поэтъ наблюдалъ, какъ потухаютъ послѣдніе угли въ каминѣ, тщетно стараясь согрѣться, натягивалъ на свои тонкія журавлиныя ноги изъѣденную молью бѣличью шубенку вмѣсто одѣяла, слушалъ завываніе вьюги и думалъ о холодѣ предстоявшей ночи.

На придворный балъ, гдѣ должны были представить сочиненную имъ въ честь герцогини аллегорію „Рай", не пошелъ онъ вовсе не потому, что былъ боленъ,—хотя въ самомъ дѣлѣ уже давно хворалъ и такъ былъ худъ, что, по словамъ его, „можно было, разсматривая тѣло его, изучать анатомію всѣхъ человѣческихъ мускуловъ, жилъ и костей". Но, будь онъ даже при послѣднемъ издыханіи, — все-таки потащился бы на праздникъ. Дѣйствительной причиной его отсутствія была зависть: лучше согласился бы онъ замерзнуть въ своей конурѣ, чѣмъ видѣть

торжество соперника, наглаго плута и пройдохи, мессэра Унико, который нелѣпыми виршами успѣлъ вскружить головы свѣтскимъ дурамъ.

При одной мысли объ Унико вся желчь приливала къ сердцу Беллинчіони. Онъ сжималъ кулаки и вскакивалъ съ постели. Но въ комнатѣ было такъ холодно, что тотчасъ же снова благоразумно ложился онъ въ постель, дрожалъ, кашлялъ и кутался.

— Негодяи!—ругался онъ.—Четыре сонета о дровахъ, да еще съ какими риѳмами—и ни щепки!.. Пожалуй, чернила замерзнутъ,—нечѣмъ будетъ писать. Не затопить ли перилами лѣстницы? Все равно, порядочные люди не ходятъ ко мнѣ, а если жидъ-ростовщикъ свихнетъ себѣ шею,—не велика бѣда.

Но лѣстницы онъ пожалѣлъ. Взоры его обратились на толстое полѣно, служившее четвертою ногою его хромому ложу. Онъ остановился въ минутномъ раздумьи: что лучше—дрожать всю ночь отъ холода или спать на шатающемся ложѣ?

Вьюга свистнула въ оконную щель, заплакала, захохотала, какъ вѣдьма, въ трубѣ очага. Съ отчаянной рѣшимостью выхватилъ Бернардо полѣно изъ подъ кровати, разрубилъ его на щепки и сталъ бросать ихъ въ каминъ. Пламя вспыхнуло, озаряя печальную келью. Онъ присѣлъ на корточки и протянулъ посинѣвшія руки къ огню, послѣднему другу одинокихъ поэтовъ.

— Собачья жизнь!—размышлялъ Беллинчіони.—А, вѣдь чѣмъ я, подумаешь, хуже другихъ? Не о моемъ ли прапращурѣ, знаменитомъ флорентинцѣ, въ тѣ времена, какъ о домѣ Сфорца и помину еще не было,—божественный Данте сложилъ этотъ стихъ:

Bellincion Berti vid'io andar cinto
Di cuojo e d'osso?..

Небось, въ Миланѣ, когда я пріѣхалъ, придворные лизоблюды страмботто отъ сонета отличить не умѣли. Кто, какъ не я, научилъ ихъ изяществамъ новой поэзіи? Не съ моей ли легкой руки ключъ Гиппокрены разлился въ цѣлое море и грозитъ наводненіемъ? Теперь, кажется, и въ Большомъ Каналѣ кастальскія воды текутъ... И вотъ награда! Подохну, какъ песъ въ конурѣ на соломѣ!... Впавшаго въ бѣдность поэта никто не узнаётъ, точно лицо его скрыто подъ маскою, изуродовано оспою.

И онъ прочелъ стихи изъ своего посланія герцогу Моро:

Иного я всю жизнь не слыхивалъ отвѣта,
Какъ «съ Богомъ прочь ступай, всѣ заняты мѣста».
Что дѣлать? Пѣсенка моя, должно быть, спѣта.
Ужъ я и не прошу о колпакѣ шута,—
Но хоть на мельницу принять вели поэта,
О, щедрый государь, какъ вьючнаго скота!

Съ горькою усмѣшкою опустилъ онъ свою лысую голову.

Долговязый, тощій, съ краснымъ, длиннымъ носомъ, на кор-

точкахъ передъ огнемъ, онъ походилъ на больную зябнущую птицу.

Внизу въ двери дома послышался стукъ, потомъ сонная ругань сварливой, опухшей отъ водянки старухи, его единственной прислужницы, и шлепаніе деревянныхъ башмаковъ ея по кирпичному полу.

— Кой чортъ?—удивился Бернардо,—ужъ не жидъ ли Соломоне опять за процентами? У, нехристи окаянные! И ночью не дадутъ покоя...

Скрипнули ступени лѣстницы. Дверь отворилась, и въ комнату вошла женщина въ собольей шубѣ, въ шелковой черной маскѣ.

Бернардо вскочилъ и уставился на нее.

Она молча приблизилась къ стулу.

— Осторожнѣе, мадонна — предупредилъ хозяинъ, — спинка сломана.

И со свѣтскою любезностью прибавилъ:

— Какому доброму генію обязанъ я счастіемъ видѣть знаменитѣйшую синьору въ смиренномъ жилищѣ моемъ?

— Должно быть, заказчица. Какой-нибудь любовный мадригалишко—подумалъ, онъ.—Ну что жъ, и то хлѣбъ! Хоть на дрова. Только странно, какъ это одна, въ такой часъ?.. А, впрочемъ, имя мое тоже, видно, что-нибудь да значитъ. Мало ли невѣдомыхъ поклонницъ!

Онъ оживился, подбѣжалъ къ очагу и великодушно бросилъ въ огонь послѣднюю щепку.

Дама сняла маску.

— Это я, Бернардо.

Онъ вскрикнулъ, отступилъ и, чтобы не упасть, долженъ былъ схватиться рукою за дверную притолку.

— Іисусе, Дѣва Пречистая! — пролепеталъ онъ, выпучивъ глаза.—Ваша свѣтлость... яснѣйшая герцогиня...

— Бернардо, ты можешь сослужить мнѣ великую службу,— сказала Беатриче и потомъ спросила, оглядываясь,— никто не услышитъ?.

— Будьте спокойны, ваше высочество, никто,—кромѣ крысъ да мышей...

— Послушай,—продолжала Беатриче, медленно, устремивъ на него проницательный взоръ, — я знаю, ты писалъ для мадонны Лукреціи любовные стихи. У тебя должны быть письма герцога съ порученіями и заказами.

Онъ поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ на нее, расширивъ глаза, въ оцѣпенѣніи.

— Не бойся.—прибавила она.—никто не узнаетъ. Даю тебѣ

слово, я съумѣю наградить тебя, если ты исполнишь просьбу мою. Я озолочу тебя, Бернардо.

— Ваше высочество, — съ усиліемъ произнесъ онъ коснѣющимъ языкомъ,—не вѣрьте... это клевета... никакихъ писемъ,.. какъ передъ Богомъ!..

Глаза ея сверкнули гнѣвомъ. Тонкія брови сдвинулись. Она медленно встала и, не отводя отъ него тяжелаго, пристальнаго взора, подошла къ нему.

— Не лги. Я знаю все. Отдай мнѣ письма герцога, если жизнь тебѣ дорога,—слышишь, отдай! Берегись, Бернардо! Люди мои ждутъ внизу. Я съ тобой не шутить пришла!..

Онъ упалъ передъ нею на колѣни:

— Воля ваша, синьора! Нѣтъ у меня никакихъ писемъ...

— Нѣтъ?—повторила она, наклоняясь и заглядывая ему въ глаза,—нѣтъ, говоришь ты?

— Нѣтъ...

Бѣшенство овладѣло ею.

— Погоди же, сводникъ проклятый, заставлю я тебя всю правду сказать. Собственными руками задушу, мерзавецъ!... — крикнула она —и въ самомъ дѣлѣ вцѣпилась ему въ горло своими нѣжными пальцами съ такою силою, что онъ задохся и жилы налились у него на лбу. Не сопротивляясь, опустивъ руки, только безпомощно моргая глазами, сдѣлался онъ еще болѣе похожимъ на жалкую, больную птицу.

„Убьетъ, какъ Богъ святъ, убьетъ,—думалъ Бернардо.—Ну, что же, пусть!.. А герцога я не выдамъ“.

Беллинчіони былъ всю жизнь придворнымъ шутомъ, безпутнымъ бродягою, продажнымъ стихокропателемъ, но никогда не былъ измѣнникомъ. Въ жилахъ его текла благородная кровь, болѣе чистая, чѣмъ у романьольскихъ наемниковъ, выскочекъ Сфорца, и теперь онъ готовъ былъ это доказать:

«Bellincion Berti vid'io andar cinto
Di cujo e d'osso,—

вспомнилъ онъ стихъ Аллигіери о своемъ великомъ предкѣ.

Герцогиня опомнилась. Съ отвращеніемъ выпустила изъ рукъ своихъ горло поэта, оттолкнула его, подошла къ столу и, схвативъ маленькую съ продавленными боками, съ нагорѣвшею свѣтильнею оловянную лампаду, направилась къ двери сосѣдней комнаты. Она уже раньше замѣтила ее и догадалась, что это студіоло— рабочая келья поэта.

Бернардо вскочилъ, и, ставъ передъ дверью, хотѣлъ преградить ей путь. Но герцогиня молча смѣрила его такимъ взглядомъ, что онъ съежился, сгорбился и отступилъ.

Она вошла въ обитель нищенской музы. Здѣсь пахло плѣ-

сенью книгъ. На голыхъ стѣнахъ, съ облупленною штукатуркою темнѣли пятна сырости. Разбитое стекло заиндевѣлаго окошка заткнуто было отрепьемъ. На письменномъ наклонномъ поставцѣ, забрызганномъ чернилами, съ гусиными перьями, общипанными и обглоданными во время исканія риѳмъ, валялись бумаги, должно быть, черновые наброски стиховъ.

Поставивъ лампаду на полку и не обращая вниманія на хозяина, Беатриче стала рыться въ этихъ листкахъ.

Здѣсь было множество сонетовъ придворнымъ казначеямъ, ключникамъ, стольникамъ, кравчимъ, съ шутовскими жалобами, съ мольбами о деньгахъ, дровахъ, винѣ, теплой одеждѣ, съѣстныхъ припасахъ. Въ одномъ изъ нихъ выпрашивалъ поэтъ у мессэра Палавичини къ празднику Всѣхъ Святыхъ жаренаго гуся, начиненнаго айвою. Въ другомъ, озаглавленномъ „Отъ Моро къ Цециліи“, сравнивая герцога съ Юпитеромъ, герцогиню съ Юноною, разсказывалъ, какъ однажды Моро, отправившись на свиданіе съ лыбовницей и по дорогѣ застигнутый бурею, долженъ былъ вернуться домой, потому что „ревнивая Юнона, догадавшись объ измѣнѣ мужа, сорвала діадему съ головы своей и разсыпала жемчугъ съ небесъ, подобно бурному дождю и граду“.

Вдругъ подъ кипою бумагъ замѣтила она изящную шкатулку изъ чернаго дерева, открыла ее и увидѣла тщательно перевязанную пачку писемъ.

Бернардо, слѣдившій за нею, всплеснулъ руками въ ужасѣ. Герцогиня взглянула на него, потомъ на письма, прочла имя Лукреціи, узнала почеркъ Моро и поняла, что это, наконецъ, то, чего она искала,—письма герцога, черновые наброски любовныхъ стиховъ, заказанныхъ имъ для Лукреціи,—схватила пачку, сунула ее себѣ за платье на грудь и, молча, бросивъ поэту, какъ подачку собакѣ, кошелекъ съ дукатами,—вышла.

Онъ слышалъ, какъ она сходила по лѣстницѣ, какъ захлопнулась дверь, и долго стоялъ среди комнаты, какъ громомъ пораженный. Полъ, казалось ему, шатался подъ нимъ, какъ палуба во время качки.

Наконецъ, въ изнеможеніи повалился онъ на свое трехногое хромающее ложе и заснулъ мертвымъ сномъ.

VIII.

Герцогиня вернулась въ замокъ.

Замѣтивъ ея отсутствіе, гости перешептывались, спрашивая, что случилось. Самъ герцогъ тревожился.

Войдя въ залу, она приблизилась къ нему съ немного блѣднымъ лицомъ и сказала, что, почувствовавъ усталость послѣ пира, удалилась во внутренніе покои, чтобы отдохнуть.

— Биче,—молвилъ герцогъ, взявъ ея руку, холодную и чуть-чуть задрожавшую въ рукѣ его,—если тебѣ нездоровится, скажи ради Бога. Не забывай, что ты беременна. Хочешь, отложимъ до завтра вторую часть праздника. Я, вѣдь, и затѣялъ-то все только для тебя, дорогая.

— Нѣтъ, не надо,—возразила герцогиня.—Пожалуйста, не безпокойся, Вико. Я давно не чувствовала себя такъ хорошо, какъ сегодня... такъ весело. Я хочу видѣть „Рай". Я и плясать еще буду...

— Ну, слава Богу, милая, слава Богу,—успокоился Моро, цѣлуя съ почтительною нѣжностью руку жены.

Гости снова перешли въ большую „залу для игры въ мячъ", гдѣ для представленія Рая Беллинчіони воздвигнута была машина, изобрѣтенная придворнымъ механикомъ Леонардо да Винчи.

Когда усѣлись по мѣстамъ и потушили огни, раздался голосъ Леонардо:

— Готово!

Вспыхнула пороховая нить, и въ темнотѣ, какъ ледяныя прозрачныя солнца, засіяли хрустальные шары, расположенные кругообразно, наполненные водою и освѣщенные изнутри множествомъ яркихъ огней, переливавшихся радугой.

— Посмотрите,—указывала сосѣдкѣ на художника донзелла Эрмеллина,—посмотрите, какое лицо! Настоящій магъ. Чего добраго, весь Замокъ подыметъ на воздухъ, какъ въ сказкѣ!

— Съ огнемъ играть не слѣдуетъ. Долго ли до пожара,—молвила сосѣдка.

Въ машинѣ за хрустальными шарами спрятаны были черные круглые ящики. Изъ одного ящика появился ангелъ съ бѣлыми крыльями, возвѣстилъ начало представленія и произнесъ одинъ изъ стиховъ пролога:

Великій царь свои вращаетъ сферы—

указалъ на герцога, давая понять, что Моро управляетъ подданными съ такою же мудростью, какъ Великій Монархъ небесными сферами.

И въ то же мгновеніе шары стали двигаться, вращаясь вокругъ оси машины подъ странные, тихіе, необычайно пріятные звуки, какъ будто хрустальныя сферы, цѣпляясь одна за другую, звенѣли таинственной музыкой небесъ, о которой повѣствуютъ пиѳагорейцы. Особые, изобрѣтенные Леонардо стеклянные колокола, ударяемые клавишами, производили эти звуки.

Планеты остановились, и надъ каждой изъ нихъ, по очереди, стали появляться соотвѣтственные боги—Юпитеръ, Аполлонъ, Меркурій, Марсъ, Діана, Венера, Сатурнъ, обращаясь съ привѣтствіемъ къ Беатриче.

Меркурій произнесъ:

О, ты, затмившая всѣ древнія свѣтила,
О, солнце для живыхъ, о, зеркало небесъ,
Ты красотой своей Отца боговъ плѣнила,
Лампада изъ лампадъ и чудо изъ чудесъ!

Венера склонила колѣни передъ герцогинею:

Всѣ прелести мои ты обратила въ прахъ,
Уже назвать себя Венерою не смѣю,
И, побѣжденная звѣзда въ твоихъ лучахъ,
О, солнце новое, отъ зависти блѣднѣю.

Діана просила Юпитера:

Отдай меня, отецъ, отдай меня въ рабыни
Богинѣ всѣхъ богинь, миланской герцогинѣ.

Сатурнъ, ломая смертоносную косу, воскликнулъ:

Да будетъ жизнь твоя блаженна и безбурна,
И Вѣкъ твой Золотой,—какъ древній вѣкъ Сатурна.

Въ заключеніе Юпитеръ представилъ ея высочеству трехъ эллинскихъ Грацій, семь христіанскихъ Добродѣтелей, и весь этотъ Олимпъ или Рай подъ сѣнью бѣлыхъ ангельскихъ крыльевъ и креста, унизаннаго огнями зеленыхъ лампадъ, символами надежды, снова началъ вертѣться, причемъ всѣ боги и богини запѣли гимнъ во славу Беатриче, подъ музыку хрустальныхъ сферъ и рукоплесканія зрителей.

— Послушайте,—молвила горцогиня сидѣвшему рядомъ вельможѣ Гаспаре Висконти,— отчего же нѣтъ здѣсь Юноны, ревнивой супруги Юпитера, „срывающей головную повязку съ кудрей своихъ, чтобы разсыпать жемчугъ на землю, подобно дождю и граду?“

Услышавъ эти слова, герцогъ быстро обернулся и посмотрѣлъ на нее. Она засмѣялась такимъ страннымъ насильственнымъ смѣхомъ, что мгновенный холодъ пробѣжалъ по сердцу Моро. Но, тотчасъ же овладѣвъ собою, заговорила она о другомъ, только крѣпче прижала подъ одеждою на груди своей пачку писемъ.

Предвкушаемая месть опьяняла ее, дѣлала сильной, спокойной,—почти веселой.

Гости перешли въ другую залу, гдѣ ожидало ихъ новое зрѣлище: запряженныя неграми, леопардами, грифонами, кентаврами и драконами тріумфальныя колесницы Нумы Помнилія, Цезаря, Августа, Траяна съ аллегорическими картинами и надписями, гласившими о томъ, что всѣ эти герои—предтечи Моро, и въ заключеніе появилась колесница, влекомая единорогами,—съ огромнымъ глобусомъ, подобіемъ звѣздной сферы, на которомъ лежалъ воинъ въ желѣзныхъ ржавыхъ латахъ. Золотое голое дитя съ вѣтвью шелковицы, по-итальянски *„моро“*, выходило изъ тре-

щины въ латахъ воина, что означало смерть стараго Желѣзнаго и рожденіе новаго Золотого Вѣка, благодаря мудрому правленію Моро. Къ общему удивленію, золотое изваяніе оказалось живымъ ребенкомъ. Мальчикъ, вслѣдствіе густой позолоты, покрывавшей тѣло его, чувствовалъ себя нехорошо. Въ испуганныхъ глазкахъ его блестѣли слезы.

Дрожащимъ, заунывнымъ голосомъ началъ онъ привѣтствіе герцогу съ постоянно возвращавшимся, однозвучнымъ, почти зловѣщимъ припѣвомъ:

Скоро къ вамъ, о люди, скоро,
Съ обновленной красотой,
Я вернусь, по волѣ Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Вокругъ колесницы Золотого Вѣка возобновился балъ.

Нескончаемое привѣтствіе надоѣло всѣмъ. Его перестали слушать. А мальчикъ, стоя на своей вышкѣ, все еще лепеталъ золотыми коснѣющими губами, съ безнадежнымъ и покорнымъ видомъ:

Я вернусь, по волѣ Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Беатриче танцовала съ Гаспаре Висконти. Порою судорога смѣха и рыданія сжимала ей горло. Съ нестерпимою болью стучала кровь въ виски. Въ глазахъ темнѣло. Но лицо казалось безпечнымъ. Она улыбалась.

Окончивъ пляску, герцогиня вышла изъ праздничной толпы и вновь незамѣтно удалилась.

IX.

Она прошла въ уединенную Башню Сокровищницы. Сюда никто никогда не входилъ, кромѣ нея и герцога.

Взявъ свѣчу у пажа Ричьярдетто, она велѣла ему ожидать у входа и вступила въ высокій, сумрачный залъ, гдѣ было темно и холодно, какъ въ погребѣ, сѣла, вынула пачку писемъ, развязала, положила на столъ и уже хотѣла читать, какъ вдругъ съ пронзительнымъ визгомъ, свистомъ и гуломъ вѣтеръ ворвался въ трубу очага, пронесся по всей башнѣ, завылъ, зашуршалъ и едва не задулъ свѣчи. Потомъ сразу наступила тишина. И ей казалось, что она различаетъ звуки дальней бальной музыки и еще другіе, чуть слышные голоса, звонъ желѣзныхъ оковъ — внизу, въ подземельи, гдѣ была тюрьма.

И въ то же мгновеніе почувствовала, что за нею, въ темномъ углу, кто-то стоитъ. Знакомый ужасъ охватилъ ее. Она знала, что не надо смотрѣть. Но не выдержала и оглянулась. Въ углу стоялъ тотъ, кого она уже видѣла разъ, — длинный, длинный, черный,

чернѣе мрака, закутанный, съ поникшей головою, съ монашескимъ куколемъ, опущеннымъ такъ, что лица не было видно. Она хотѣла крикнуть, позвать Ричьярдетто, но голосъ ея замеръ. Она вскочила, чтобы бѣжать,—ноги у нея подкосились. Она упала на колѣни и прошептала:

— Ты... ты опять... зачѣмъ?..

Онъ медленно поднялъ голову.

И она увидѣла не мертвое, не страшное лицо покойнаго герцога Джіана Галеаццо и услышала голосъ его:

— Прости... бѣдная, бѣдная...

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, и въ лицо ей пахнуло сверхъестественнымъ холодомъ.

Она закричала пронзительнымъ, нечеловѣческимъ крикомъ и лишилась сознанія.

Ричьярдетто, услышавъ этотъ крикъ, прибѣжалъ и увидѣлъ ее, лежавшую на полу безъ чувствъ.

Онъ бросился бѣжать по темнымъ галлереямъ, кое-гдѣ освѣщеннымъ тусклыми фонарями часовыхъ, затѣмъ по яркимъ, многолюднымъ заламъ, отыскивая герцога съ воплемъ безумнаго ужаса:

— Помогите! Помогите!

Была полночь. На балу царствовала увлекательная веселость. Только что начали модную пляску, во время которой кавалеры и дамы проходили вереницею подъ „Аркою Вѣрныхъ Любовниковъ". Человѣкъ, изображавшій Генія Любви съ длинною трубою, находился на вершинѣ арки. У подножія стояли судьи. Когда приближались „вѣрные любовники", геній привѣтствовалъ ихъ нѣжною музыкою. Судьи принимали съ радостью. Невѣрные же тщетно старались пройти сквозь волшебную арку: труба оглушала ихъ страшными звуками; судьи встрѣчали бурею конфетти, и несчастные подъ градомъ насмѣшекъ должны были обращаться въ бѣгство.

Герцогъ только что прошелъ сквозь арку, сопровождаемый самыми тихими, сладостными звуками трубы, подобными пастушеской свирѣли или воркованію горлицъ, какъ вѣрнѣйшій изъ вѣрныхъ любовниковъ.

Въ это мгновеніе толпа разступилась. Въ залу вбѣжалъ Ричьярдетто съ отчаяннымъ воплемъ:

— Помогите! Помогите!

Увидѣвъ герцога, онъ кинулся къ нему.

— Что, что такое?..—спросилъ его Моро.

— Ваше высочество, герцогинѣ дурно... Скорѣе... Помогите!

— Дурно?.. Опять!..

Герцогъ схватился за голову.

— Гдѣ? Гдѣ? Да говори же толкомъ!..

*

— Въ Башнѣ Сокровищницы...

Моро пустился бѣжать такъ быстро, что золотая чешуйчатая цѣпь на груди его звякала, пышная гладкая цаццера,—прическа, похожая на парикъ,—странно подскакивала на головѣ его.

Геній на аркѣ Вѣрныхъ Любовниковъ все еще продолжавшій трубить,—наконецъ, замѣтилъ, что внизу неладно, и умолкъ.

Многіе побѣжали за герцогомъ, и вдругъ вся блестящая толпа всколыхнулась, ринулась къ дверямъ, какъ стадо барановъ, обуянное ужасомъ. Арку повалили и растоптали. Трубачъ, едва успѣвъ соскочить, вывихнулъ себѣ ногу.

Кто-то крикнулъ:

— Пожаръ!

— Ну, вотъ, говорила я, что съ огнемъ играть не слѣдуетъ!— всплеснувъ руками, воскликнула дама, не одобрявшая хрустальныхъ шаровъ Леонардо.

Другая взвизгнула, приготовляясь упасть въ обморокъ.

— Успокойтесь, пожара нѣтъ,—увѣряли одни.

— Что же такое?—спрашивали другіе.

— Герцогиня больна...

— Умираетъ! Отравили!—рѣшилъ кто-то изъ придворныхъ по внезапному наитію и тотчасъ же самъ повѣрилъ своей выдумкѣ.

— Не можетъ быть! Герцогиня только что была здѣсь... Танцовала.

— Развѣ вы не слышали? Вдова покойнаго герцога Джіана Галеаццо, Изабелла Аррагонская, изъ мести за мужа... медленнымъ ядомъ...

— Съ нами сила Господня!

Изъ сосѣдней залы долетали звуки музыки.

Тамъ ничего не знали. Въ танцѣ „Венера и Завръ“ дамы съ любезной улыбкой водили своихъ кавалеровъ на золотыхъ цѣпяхъ, какъ узниковъ, и когда они съ томными вздохами падали ницъ,—ставили имъ ногу на спину, какъ побѣдительницы.

Вбѣжалъ камерьере, замахалъ руками и крикнулъ музыкантамъ:

— Тише, тише! Герцогиня больна...

Всѣ обернулись. Музыка стихла. Одна лишь віола, на которой игралъ тугой на ухо, подслѣповатый старичокъ, долго еще заливалась въ безмолвіи жалобно-трепетнымъ звукомъ.

Служители поспѣшно пронесли кровать, узкую, длинную, съ жесткимъ тюфякомъ, съ двумя поперечными брусьями для головы, двумя колками по обѣимъ сторонамъ для рукъ и перекладиною для ногъ родильницы, сохранявшуюся съ незапамятныхъ временъ въ гвардаробныхъ покояхъ дворца и служившую для родовъ всѣмъ государынямъ дома Сфорца. Странной и зловѣщей казалась среди

бала въ блескѣ праздничныхъ огней надъ толпою разряженныхъ дамъ эта родильная кровать.

Всѣ переглянулись и поняли.

— Ежели отъ испуга или паденія,—замѣтила пожилая дама,— слѣдовало бы немедленно проглотить бѣлокъ сырого яйца съ мелконарѣзанными кусочками алаго шелка.

Другая увѣряла, что красный шелкъ тутъ ни при чемъ, а надо съѣсть зародыши семи куриныхъ яицъ въ желткѣ восьмого.

Въ это время Ричьярдетто, войдя въ одну изъ верхнихъ залъ, услышалъ за дверями сосѣдней комнаты такой страшный вопль, что остановился въ недоумѣніи и спросилъ, указывая на дверь, одну изъ женщинъ, проходившихъ съ корзинами бѣлья, грѣлками и сосудами горячей воды:

— Что это?

Она не отвѣтила.

Другая, старая, должно быть, повивальная бабка, посмотрѣла на него строго и проговорила:

— Ступай, ступай съ Богомъ. Чего торчишь на дорогѣ, — только мѣшаешь. Не мѣсто здѣсь мальчишкамъ.

Дверь на мгновеніе пріотворилась, и Ричьярдетто увидѣлъ въ глубинѣ комнаты, среди безпорядка сорванныхъ одеждъ и бѣлья, лицо той, которую любилъ безнадежною дѣтскою любовью, — красное, потное, съ прядями волосъ, прилипшихъ ко лбу, съ раскрытымъ ртомъ, откуда вылеталъ нескончаемый вопль. Мальчикъ поблѣднѣлъ и закрылъ лицо руками.

Рядомъ съ нимъ разговаривали шепотомъ разныя кумушки, нянюшки, лѣкарки, знахарки, повитухи. У каждой было свое средство. Одна предлагала обернуть правую ногу родильницы змѣиною кожею; другая — посадить ее на чугунный котелъ съ кипяткомъ; третья — подвязать къ животу ея шапку супруга; четвертая—дать водки, настоенной на отросткахъ оленьихъ роговъ и кошенильномъ сѣмени.

— Орлиный камень подъ правую мышку, магнитный — подъ лѣвую,—шамкала древняя, сморщенная старушенка, хлопотавшая больше всѣхъ, — это, мать моя, первое дѣло! Орлиный камень, либо изумрудъ...

Изъ дверей выбѣжалъ герцогъ и упалъ на стулъ, сжимая голову руками и всхлипывая, какъ ребенокъ:

— Господи! Господи! Не могу больше... не могу... Биче, Биче... Изъ-за меня, окаяннаго!..

Онъ вспоминалъ, какъ только что увидѣвъ его, герцогиня закричала съ неистовою злобою: „Прочь! прочь! Ступай къ своей Лукреціи!“

Хлопотливая старушонка подошла къ нему съ оловянною тарелочкой:

— Откушать извольте, ваше высочество.

— Что это?

— Волчье мясо. Примѣта есть: какъ волчьяго мяса отвѣдаетъ мужъ, родильницѣ легче станетъ. Волчье мясо, отецъ ты мой, первое дѣло...

Герцогъ съ покорнымъ и безсмысленнымъ видомъ старался проглотить кусочекъ жесткаго, черного мяса, который застрялъ у него въ горлѣ.

Старуха, наклонившись надъ нимъ, бормотала:

Отче нашъ, иже еси.
Семь волковъ, одна волчиха.
На земли и небеси.
Взвейся вѣтеръ, наше лихо
Въ чисто поле унеси.

„Святъ, святъ, святъ — во имя Троицы единосущной и безначальной. Крѣпко слово наше. Аминь!“

Изъ комнаты больной вышелъ главный придворный медикъ Луиджи Марліани въ сопровожденіи другихъ врачей.

Герцогъ бросился къ нимъ.

— Ну, что? Какъ?..

Они молчали.

— Ваше свѣтлость,—произнесъ, наконецъ, Луиджи,—всѣ мѣры приняты. Будемъ надѣяться, что Господь въ своемъ милосердіи...

Герцогъ схватилъ его за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Есть же какое-нибудь средство... Такъ нельзя... Ради Бога... Ну, сдѣлайте же, сдѣлайте что-нибудь!..

Врачи переглянулись, какъ авгуры,—чувствуя, что надо его успокоить.

Марліани, строго нахмуривъ брови, сказалъ по-латински молодому врачу съ румянымъ и наглымъ лицомъ:

— Три унціи отвара изъ рѣчныхъ улитокъ съ мускатнымъ орѣхомъ и краснымъ толченымъ коралломъ.

— Можетъ быть, кровопусканіе? — замѣтилъ старичокъ съ робкимъ и добрымъ лицомъ.

— Кровопусканіе? Я уже думалъ,—продолжалъ Марліани,— къ несчастью, Марсъ въ созвѣздіи Рака въ четвертомъ домѣ Солнца. Къ тому же вліяніе нечетнаго дня...

Старичокъ смиренно вздохнулъ и притихъ.

— Какъ полагаете вы, учитель, — обратился къ Марліани другой врачъ, краснощекій, развязный, съ непобѣдимо-веселыми и равнодушными глазами,—не прибавить ли къ отвару изъ улитокъ мартовскаго коровьяго помета?

— Да, — задумчиво согласился Луиджи, потирая себѣ переносицу,—коровьяго помета,—да, да, конечно.

— О, Господи! Господи!—простоналъ герцогъ.

— Ваше высочество,—обратился къ нему Марліани,—успокойтесь, могу васъ увѣрить, что все предписываемое наукою...

— Къ чорту науку!—вдругъ, не выдержавъ, накинулся на него герцогъ, съ яростью сжимая кулаки.—Она умираетъ, умираетъ, слышите! А вы тутъ съ отваромъ изъ улитокъ съ коровьимъ пометомъ!.. Негодяи!.. Вздернуть бы васъ всѣхъ на висѣлицу!..

И въ смертельное тоскѣ заметался онъ по комнатѣ, прислушиваясь къ неумолкаемому воплю.

Вдругъ взоръ его упалъ на Леонардо. Онъ отвелъ его въ сторону:

— Послушай, — забормоталъ герцогъ, точно въ бреду, видимо самъ едва помня, что говоритъ, — послушай Леонардо, ты стоишь больше, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ. Я знаю, ты обладаешь великими тайнами... Нѣтъ, нѣтъ, не возражай... Я знаю... Ахъ, Боже мой, Боже мой, этотъ крикъ!.. Что я хотѣлъ сказать? Да, да,—помоги мнѣ, другъ мой, помоги, сдѣлай что-нибудь... Я душу отдамъ, только бы помочь ей хоть ненадолго, только бы этого крика не слышать!..

Леонардо хотѣлъ отвѣтить. Но герцогъ, уже забывъ о немъ, кинулся навстрѣчу капелланамъ и монахамъ, входившимъ въ комнату.

— Наконецъ-то! Слава Богу! Что у васъ?

— Частицы мощей преподобнаго Амброджіо, поясъ родопомощницы святой Маргариты, честнѣйшій зубъ святого Христофора, волосъ Дѣвы Маріи.

— Хорошо, хорошо, ступайте, молитесь!

Моро хотѣлъ войти съ ними въ комнату больной, но въ это мгновеніе крикъ превратился въ такой ужасающій визгъ и ревъ, что, заткнувъ уши, онъ бросился бѣжать; миновавъ нѣсколько темныхъ залъ, остановился въ часовнѣ, слабо освѣщенной лампадами, и упалъ на колѣни передъ иконою.

— Согрѣшилъ я, Матерь Божія, согрѣшилъ, окаянный, невиннаго отрока погубилъ, законнаго государя моего Джіана-Галеаццо! Но ты, Милосердная, Заступница единая, услышь молитву мою и помилуй! Все отдамъ, все отмолю, только спаси ее, возми душу мою за нее!

Обрывки нелѣпыхъ постороннихъ мыслей тѣснились въ головѣ его, мѣшая молиться. Онъ вспомнилъ разсказъ, которому недавно смѣялся,—о томъ, какъ одинъ корабельщикъ, погибая во время бури, обѣщалъ Маріи Дѣвѣ свѣчу величиною съ мачту корабля. Когда же товарищъ спросилъ его, откуда возьметъ онъ воску для

такой свѣчи, тотъ отвѣтилъ: молчи, только бы спастись намъ теперь, а потомъ будетъ время подумать; къ тому же, я надѣюсь, что Мадонна удовольствуется меньшею свѣчею.

— О чемъ это я, Боже мой!—опомнился герцогъ,—съ ума схожу, что ли?

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы собрать мысли, и началъ снова молиться.

Но яркіе хрустальные шары, похожіе на ледяныя, прозрачныя солнца, поплыли, закружились передъ его глазами, послышалась тихая музыка, вмѣстѣ съ назойливымъ припѣвомъ золотого мальчика:

Скоро къ вамъ, о люди, скоро
Я вернусь по волѣ Моро.

Потомъ все исчезло. Когда онъ проснулся, ему казалось, что прошло не болѣе двухъ, трехъ минутъ. Но выйдя изъ часовни, увидѣлъ онъ въ окнахъ, занесенныхъ вьюгою, сѣрый свѣтъ зимняго утра.

X.

Моро вернулся въ залы Рокетты. Здѣсь всюду была тишина. Навстрѣчу ему попалась женщина, несшая коробъ съ пеленками. Она подошла и сказала:

— Изволили разрѣшиться.

— Жива?—пролепеталъ онъ, блѣднѣя.

— Да. Но ребеночекъ умеръ. Очень ослабѣли. Желаютъ васъ видѣть,—пожалуйте.

Онъ вошелъ въ комнату и увидѣлъ на подушкахъ крошечное, какъ у маленькой дѣвочки, съ громадными впадинами глазъ, точно затканными паутиною, спокойное, странно-знакомое и чуждое лицо. Онъ подошелъ къ ней и наклонился.

— Пошли за Изабеллой... скорѣе,—произнесла она шепотомъ.

Герцогъ отдалъ приказаніе. Черезъ нѣсколько минутъ высокая стройная женщина съ печальнымъ, гордымъ лицомъ, герцогиня Изабелла Аррагонская, вдова Джіана-Галеаццо, вошла въ комнату и приблизилась къ умирающей. Всѣ удалились, кромѣ духовника и Моро, ставшихъ поодаль.

Нѣкоторое время обѣ женщины разговаривали шепотомъ. Потомъ Изабелла поцѣловала Беатриче со словами послѣдняго прощенія и, опустившись на колѣни, закрывъ лицо руками, стала молиться.

Беатриче снова подозвала къ себѣ мужа.

— Вико, прости. Не плачь. Помни... я всегда съ тобою... Я знаю, что ты меня одну...

Она не договорила. Но онъ понялъ, что она хотѣла сказать: я знаю, что ты меня одну любилъ.

Она посмотрѣла на него медленнымъ, какъ будто безконечно-далекимъ взоромъ и прошептала:

— Поцѣлуй.

Моро коснулся лба ея губами. Она хотѣла что-то сказать, не могла и только вздохнула чуть слышно:

— Въ губы.

Монахъ сталъ читать отходную. Приближенные вернулись въ комнату.

Герцогъ, не отрывая своихъ губъ отъ прощальнаго лобзанія, чувствовалъ, какъ уста ея холодѣютъ,—и въ этомъ послѣднемъ поцѣлуѣ принялъ послѣдній вздохъ своей подруги.

— Скончалась,—молвилъ Марліани.

Всѣ перекрестились и стали на колѣни. Моро медленно приподнялся. Лицо его было неподвижно. Оно выражало не скорбь, а страшное неимовѣрное напряженіе. Онъ дышалъ тяжко и часто, какъ будто черезъ силу подымался на-гору. Вдругъ неестественно и странно взмахнулъ сразу обѣими руками, вскрикнулъ: „Биче!“— и упалъ на мертвое тѣло.

Изъ всѣхъ, кто тамъ былъ, одинъ Леонардо сохранилъ спокойствіе. Яснымъ, испытующимъ взоромъ слѣдилъ онъ за герцогомъ.

Въ такія минуты любопытство художника превозмогало въ немъ все. Выраженіе великаго страданія въ человѣческихъ лицахъ, въ движеніяхъ тѣла наблюдалъ онъ какъ рѣдкій необычайный опытъ, какъ новое, прекрасное явленіе природы. Ни одна морщина, ни одинъ трепетъ мускула не ускользали отъ его безстрастнаго всевидящаго взора.

Ему хотѣлось какъ можно скорѣе зарисовать лицо Моро, искаженное отчаяніемъ, въ памятную книжку. Онъ сошелъ въ пустынные нижніе покои дворца.

Здѣсь догорающія свѣчи коптили, роняя капли воска на полъ. Въ одной изъ залъ перешагнулъ онъ черезъ опрокинутую, измятую арку Вѣрныхъ Любовниковъ. Въ холодномъ свѣтѣ утра зловѣщими и жалкими казались пышныя аллегоріи, прославлявшія Моро и Беатриче, тріумфальныя колесницы Нумы Помпилія, Августа, Траяна, Золотого Вѣка.

Онъ подошелъ къ потухшему камину, оглянулся и, удостовѣрившись, что въ залѣ нѣтъ никого, вынулъ записную книжку, карандашъ и началъ рисовать, какъ вдругъ замѣтилъ въ углу камина мальчика, служившаго изваяніемъ Золотого Вѣка. Онъ спалъ, окоченѣлый отъ холода, скорчившись, съежившись, охвативъ руками колѣни, опустивъ на нихъ голову. Послѣднее дыханіе стынущаго пепла не могло согрѣть его голаго золотого тѣла.

Леонардо тихонько дотронулся до плеча его. Ребенокъ не

поднялъ головы, только жалобно и глухо простоналъ. Художникъ взялъ его на руки.

Мальчикъ открылъ большіе, черно-синіе, какъ фіалки, испуганные глаза и заплакалъ:

— Домой, домой...

— Гдѣ ты живешь? Какъ твое имя?—спросилъ Леонардо.

— Липпи,—отвѣтилъ мальчикъ. Домой, домой! Ой, тошно мнѣ, холодно...

Вѣки его сомкнулись. Онъ залепеталъ въ бреду:

Скоро къ вамъ, о люди, скоро,
Съ обновленной красотой,
Я вернусь, по волѣ Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Снявъ съ плечъ своихъ накидку, Леонардо завернулъ въ нее ребенка, положилъ на кресло, вышелъ въ переднюю, растолкалъ храпѣвшихъ на полу, напившихся во время суматохи слугъ, и узналъ отъ одного изъ нихъ, что Липпи—сынъ бѣднаго, стараго вдовца, пекаря на улицѣ Бролетто Ново, который за двадцать скуди отдалъ ребенка для представленія тріумфа, хотя добрые люди предупреждали отца, что мальчикъ можетъ умереть отъ позолоты.

Художникъ отыскалъ свой теплый зимній плащъ, надѣлъ его, вернулся къ Липпи, бережно закуталъ его въ шубу и вышелъ изъ дворца, намѣреваясь зайти въ аптеку купить нужныхъ снадобій, отмыть позолоту съ тѣла ребенка и отнести его домой.

Вдругъ вспомнилъ онъ о начатомъ рисункѣ, о любопытномъ выраженіи отчаянія въ лицѣ Моро.

«Ничего,—подумалъ Леонардо,—не забуду. Главное—морщины надъ высоко поднятыми бровями и странная, свѣтлая. какъ будто восторженная улыбка на губахъ, та самая, которая дѣлаетъ сходнымъ въ человѣческихъ лицахъ выраженія величайшаго страданія и величайшаго блаженства,—по свидѣтельству Платона, раздѣленныхъ въ основаніяхъ, вершинами сросшихся».

Онъ почувствовалъ, что мальчикъ дрожитъ отъ озноба.

«Нашъ Вѣкъ Золотой»,—подумалъ художникъ съ печальной усмѣшкой.

— Бѣдная ты моя птичка!—прошепталъ онъ съ безконечною жалостью и, закутавъ его теплѣе, прижалъ къ своей груди такъ нѣжно, такъ ласково, что больному ребенку приснилось, что покойная мать ласкаетъ его и баюкаетъ.

XI.

Герцогиня Беатриче умерла во вторникъ, 2 января 1497 года, въ 6 часовъ утра.

Болѣе сутокъ провелъ герцогъ у тѣла жены, не слушая никакихъ увѣщаній, отказываясь отъ сна и пищи. Приближенные опасались, что онъ сойдетъ съ ума.

Утромъ, въ четвергъ, потребовавъ бумаги и чернилъ, написалъ онъ Изабеллѣ д'Эсте, сестрѣ покойной герцогини, письмо, въ которомъ, извѣщая о смерти Беатриче, говорилъ между прочимъ:

„Легче было бы намъ самимъ умереть. Просимъ васъ, не присылайте никого для утѣшенія, дабы не возобновлять нашей скорби“.

Въ тотъ же день, около полудня, уступая мольбамъ приближенныхъ, согласился онъ принять немного пищи. Но сѣсть за столъ не хотѣлъ и ѣлъ съ голой доски, которую держалъ передъ нимъ Ричьярдетто.

Сначала заботы о похоронахъ герцогъ предоставилъ главному секретарю, Бартоломео Калько. Но, назначая порядокъ шествія, чего никто не могъ сдѣлать, кромѣ него, мало-по-малу увлекся и съ такою же любовью, какъ нѣкогда великолѣпный новогодній праздникъ Золотого Вѣка, началъ устраивать похороны Беатриче. Хлопоталъ, входилъ во всѣ мелочи, съ точностью опредѣлялъ вѣсъ огромныхъ свѣчей изъ бѣлаго и желтаго воска, число локтей золотой парчи и чернаго, и карамзиннаго бархата для каждаго изъ алтарныхъ покрововъ, количество мелкой монеты, гороху и сала для раздачи бѣднымъ на поминовеніе души усопшей. Выбирая сукно для траурныхъ одеждъ придворныхъ служителей, не преминулъ пощупать ткань между пальцами и приблизить къ свѣту, дабы удостовѣриться въ ея добротности. Заказалъ и для себя изъ грубаго шероховатаго сукна особое торжественное облаченіе „великаго траура“ съ нарочитыми прорѣхами, которое имѣло видъ одежды, разодранной въ порывѣ отчаянія.

Похороны назначены были въ пятницу, поздно вечеромъ. Во главѣ погребальнаго шествія выступали скороходы, булавоносцы, герольды, трубившіе въ длинныя серебряныя трубы съ подвѣшенными къ нимъ знаменами изъ чернаго шелку, барабанщики, бившіе дробь похороннаго марша, рыцари съ опущенными забралами, съ траурными хоругвями, на коняхъ, облеченныхъ въ попоны изъ чернаго бархата съ бѣлыми крестами, монахи всѣхъ монастырей и каноникъ Милана съ горящими шестифунтовыми свѣчами, архіепископъ Милана съ причтомъ и клиромъ. За громадною колесницею съ катафалкомъ изъ серебряной парчи, съ четырьмя серебряными ангелами и съ герцогскою короною, шелъ Моро въ сопровожденіи брата своего, кардинала Асканіо, пословъ цезарскаго величества, Испаніи, Неаполя, Венеціи, Флоренціи; далѣе—члены тайнаго совѣта, придворные, доктора и магистры

Павійскаго университета, именитые купцы, по двѣнадцати выборныхъ для каждыхъ изъ Воротъ Милана, и несмѣтная толпа народа.

Шествіе было такъ длинно, что хвостъ его еще выходилъ изъ крѣпости, когда голова уже вступала въ церковь Маріи дэлле Граціе.

Черезъ нѣсколько дней герцогъ украсилъ могилу мертворожденнаго младенца Леоне великолѣпною надписью. Онъ сочинилъ ее самъ по-итальянски, Мэрула перевелъ на латинскій языкъ:

„Несчастное дитя, я умеръ прежде, чѣмъ увидѣлъ свѣтъ, еще несчастнѣе тѣмъ, что, умирая, отнялъ жизнь у матери, у отца—супругу. Въ столь горькой судьбѣ мнѣ отрада лишь то, что произвели меня на свѣтъ родители богоподобные,—Лудовикусъ и Беатриксъ, медіоланскіе герцоги. 1497 годъ, третьи ноны Января".

Долго любовался Моро этою надписью, вырѣзанной золотыми буквами на плитѣ чернаго мрамора надъ маленькою гробницею Леоне, находившеюся въ томъ же монастырѣ Маріи дэлле Граціе, гдѣ покоилась Беатриче. Онъ раздѣлялъ простодушное восхищеніе каменщика, который, кончивъ работу, отошелъ, посмотрѣлъ издали, склонивъ голову на бокъ и закрывъ одинъ глазъ, прищелкнулъ языкомъ отъ удовольствія:

— Не могилка,—игрушка!

Было морозное солнечное утро. Снѣгъ на крышахъ домовъ сіялъ бѣлизной въ голубыхъ небесахъ. Въ хрустальномъ воздухѣ вѣяло тою свѣжестью, подобной запаху ландышей, которая кажется благоуханіемъ снѣга.

Прямо съ мороза и солнца, точно въ склепъ, вошелъ Леонардо въ темную душную комнату, обтянутую черною тафтою, съ закрытыми ставнями и погребальными свѣчами. Въ первые дни послѣ похоронъ герцогъ никуда не выходилъ изъ этой мрачной кельи.

Поговоривъ съ художникомъ о Тайной Вечери, которая должна была прославить мѣсто вѣчнаго упокоенія Беатриче, онъ сказалъ ему:

— Я слышалъ, Леонардо, что ты взялъ на свое попеченіе мальчика, который представлялъ рожденіе Золотого Вѣка на этомъ злополучномъ праздникѣ. Какъ его здоровье?

— Ваше высочество, онъ умеръ въ самый день похоронъ ея свѣтлости.

— Умеръ!—удивился и въ тоже время какъ бы обрадовался герцогъ,—умеръ... Какъ это странно!

Онъ опустилъ голову и тяжело вздохнулъ. Потомъ вдругъ обнялъ Леонардо:

— Да, да, именно такъ и должно было случиться! Умеръ нашъ Вѣкъ Золотой, умеръ вмѣстѣ съ моей ненаглядною! Похоронили

мы его вмѣстѣ съ Беатриче, ибо не хотѣлъ и не могъ онъ ее пережить! Не правда ли, другъ мой,—какое вѣщее совпаденіе, какая прекрасная аллегорія!

XII.

Цѣлый годъ прошелъ въ глубокомъ траурѣ. Герцогъ не снималъ черной одежды съ нарочитыми прорѣхами и, не садясь за столъ, ѣлъ съ доски, которую передъ нимъ держали придворные.

„Послѣ смерти герцогини, — писалъ въ своихъ донесеніяхъ Марино Сануто, посолъ Венеціи, — Моро сдѣлался набожнымъ, присутствуетъ на всѣхъ церковныхъ службахъ, постится, живетъ въ цѣломудріи,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ,—и въ помыслахъ своихъ имѣетъ страхъ Божій“.

Днемъ въ государственныхъ дѣлахъ герцогъ забывался порою, хотя и въ этихъ занятіяхъ недоставало ему Беатриче. Зато ночью тоска съ удвоенною силою грызла его. Часто видѣлъ онъ ее во снѣ шестнадцатилѣтнею дѣвочкою, какою вышла она замужъ,—своенравною, рѣзвою, какъ школьница, худенькою, смуглою, похожею на мальчика, столь дикою, что, бывало, пряталась въ гвардаробные шкапы, чтобы не являться на торжественные выходы,—столь дѣвственной, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы все еще оборонялась отъ его любовныхъ нападеній ногтями и и зубами, какъ амазонка.

Въ ночь, за пять дней до первой годовщины смерти ея, Беатриче приснилась ему, какой онъ видѣлъ ее однажды во время рыбной ловли на берегу большого, тихаго пруда, въ ея любимомъ имѣніи Куснаго. Уловъ былъ счастливый. Ведра переполнились рыбою до-верху. Она придумала забаву: засучивъ рукава, брала рыбу изъ влажныхъ сѣтей и бросала пригоршнями въ воду, смѣясь и любуясь радостью освобожденныхъ плѣнницъ, ихъ бѣглымъ чешуйчатымъ блескомъ въ прозрачной волнѣ. Скользкіе окуни, язи, лещи трепетали въ голыхъ рукахъ ея, брызги горѣли на солнцѣ алмазами, горѣли глаза и смуглыя щеки его милой дѣвочки.

Проснувшись, герцогъ почувствовалъ, что подушка его смочена слезами.

Утромъ пошелъ онъ въ монастырь дэлле Граціе, помолился надъ гробомъ жены, откушалъ съ пріоромъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о вопросѣ, который въ тѣ времена волновалъ богослововъ Италіи, — о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи. Когда стемнѣло, прямо изъ монастыря отправился Моро къ мадоннѣ Лукреціи.

Несмотря на печаль о женѣ и на „страхъ Божій“, не только не покинулъ онъ своихъ любовницъ, но привязался къ нимъ еще болѣе. Въ послѣднее время мадонна Лукреція и графиня Цецилія

сблизились. Имѣя славу „ученой героини“—„dotta eroina“, какъ тогда выражались,—„новой Сафо“, Цецилія была простою и доброю женщиной, хотя нѣсколько восторженной. Послѣ смерти Беатриче представился ей удобный случай для одного изъ тѣхъ вычитанныхъ въ рыцарскихъ романахъ подвиговъ любви, о которыхъ она давно мечтала. Цецилія рѣшила соединить любовь свою съ любовью молодой соперницы, чтобы утѣшить герцога. Лукреція сперва дичилась ея и ревновала герцога, но „ученая героиня“ обезоружила ее своимъ великодушіемъ. Волевой-неволей Лукреція должна была предаться этой странной женской дружбѣ.

Лѣтомъ 1497 года родился у нея сынъ отъ Моро. Графиня Цецилія пожелала быть крестною матерью и съ преувеличенною нѣжностью,—хотя у нея были собственныя дѣти отъ герцога,—стала няньчиться съ ребенкомъ, со „своимъ внучкомъ“, какъ она его называла. Такъ исполнилась завѣтная мечта Моро: любовницы его подружились. Онъ заказалъ придворному стихотворцу сонетъ, гдѣ Цецилія и Лукреція сравнивались съ вечернею и утреннею зарею. а самъ онъ, неутѣшный вдовецъ, между обѣими лучезарными богинями, съ темною ночью,—навѣки далекой отъ солнца,—отъ своей Беатриче.

Войдя въ знакомый уютный покой палаццо Кривелли, увидѣлъ онъ обѣихъ женщинъ, сидѣвшихъ рядомъ у камина. Такъ же, какъ и всѣ придворныя дамы, онѣ были въ глубокомъ траурѣ.

— Какъ здоровье вашего высочества?—обратилась къ нему Цецилія,—„вечерняя заря“, непохожая на „утреннюю“, хотя столь же прекрасная,—съ матово-бѣлою кожею, съ огненно-рыжимъ цвѣтомъ волосъ, съ нѣжными, зелеными глазами, прозрачными, какъ тихія воды горныхъ озеръ.

Въ послѣднее время герцогъ привыкъ жаловаться на свое здоровье. Въ тотъ вечеръ чувствовалъ онъ себя не хуже, чѣмъ всегда. Но, по обыкновенію, принялъ томный видъ, тяжело вздохнулъ и молвилъ:

— Сами посудите, мадонна, какое можетъ быть мое здоровье! Только объ одномъ и думаю, какъ бы поскорѣ лечь въ могилу рядомъ съ моею голубкою...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость, не говорите такъ,—воскликнула Цецилія, всплеснувъ руками,—это большой грѣхъ. Какъ можно? Если бы мадонна Беатриче слышала васъ!.. Всякое горе отъ Бога, и мы должны принимать съ благодарностью...

— Конечно,—согласился Моро.—Я не ропщу. Боже меня сохрани. Я знаю, что Господь заботится о насъ болѣе, чѣмъ мы сами. Блаженны плачущіе,—сказано,—ибо утѣшатся.

И крѣпко пожимая обѣими руками руки своихъ любовницъ, онъ поднялъ глаза къ потолку.

— Да наградитъ васъ Господь, мои милыя, за то, что вы не покинули несчастнаго вдовца!

Онъ вытеръ глаза платкомъ и вынулъ изъ кармана траурнаго платья двѣ бумаги. Одна изъ нихъ была дарственная запись, коей герцогъ жертвовалъ громадныя земли виллы Сфорцески у Виджезано павійскому монастырю дэлле Граціе.

— Ваше высочество,—изумилась графиня,—кажется, вы такъ любили эту землю?

— Землю!—горько усмѣхнулся Моро.—Увы,мадонна, я разлюбилъ не только эту землю. Да и много ли надо человѣку земли?..

Видя, что онъ опять хочетъ говорить о смерти, графиня съ ласковымъ укоромъ положила ему на губы свою розовую ручку.

— А что же въ другой?—спросила она съ любопытствомъ.

Лицо его просвѣтлѣло. Прежняя, веселая и лукавая улыбка заиграла на губахъ.

Онъ прочелъ имъ другую грамоту, тоже дарственную запись съ перечнемъ земель, луговъ, рощъ, селеній, охотъ, садковъ, хозяйственныхъ зданій и прочихъ угодій, коими жаловалъ герцогъ мадонну Лукрецію Кривелли и незаконнаго сына своего Джьянъ-Паоло. Здѣсь была упомянута и любимая покойною Беатриче вилла Куснаго, которая славилась рыбною ловлею.

Голосомъ, дрожавшимъ отъ умиленія, прочелъ Моро послѣднія слова этой грамоты:

„Женщина сія, въ дивныхъ и рѣдкихъ узахъ любви, явила намъ совершенную преданность и выказывала столь возвышенныя чувства, что часто въ пріятномъ съ нею общеніи безмѣрную обрѣтали мы сладость и великое облегченіе отъ нашихъ заботъ“.

Цецилія радостно захлопала въ ладоши и кинулась на шею подругѣ со слезами материнской нѣжности:

— Видишь, сестричка,—говорила я тебѣ, что сердце у него золотое! Теперь мой маленькій внучекъ Паоло—богатѣйшій изъ наслѣдниковъ Милана!

— Какое у насъ число?—спросилъ Моро.

— Двадцать восьмое декабря, ваша свѣтлость,—отвѣчала Цецилія.

— Двадцать восьмое!—повторилъ онъ задумчиво.

Это былъ тотъ самый день, тотъ самый часъ, въ который ровно годъ назадъ покойная герцогиня явилась въ палаццо Кривелли и чуть не застала врасплохъ мужа съ любовницей.

Онъ оглянулся. Все въ этой комнатѣ было по прежнему: такъ же свѣтло и уютно; такъ же зимній вѣтеръ вылъ въ трубѣ, такъ же пылалъ веселый огонь въ каминѣ, и надъ нимъ плясала вереница голыхъ глиняныхъ амуровъ, играя орудіями Страстей

Господнихъ. И на кругломъ столикѣ, крытомъ зеленою скатертью, стоялъ тотъ же граненый кувшинъ Бальнеа Апонитана, лежали тѣ же ноты и мандолина. Двери были такъ же открыты въ спальню и далѣе, въ уборную, гдѣ виднѣлся тотъ самый гвардаробный шкапъ, въ которомъ герцогъ спрятался отъ жены.

Чего бы, казалось ему, не далъ онъ въ это мгновеніе, чтобы вновь послышался внизу страшный стукъ молотка въ двери дома, чтобы вбѣжала испуганная служанка съ крикомъ: „Мадонна Беатриче!“—чтобы хоть минутку постоять ему, какъ тогда, подрожать въ гвардаробномъ шкапу, словно, пойманному вору, слыша вдали грозный голосъ своей ненаглядной дѣвочки. Увы,—не быть, не быть тому во вѣки!

Моро опустилъ голову на грудь и слезы искренняго горя полились по щекамъ его.

— Ахъ, Боже мой! Вотъ видишь,—опять плачетъ,—засуетилась графиня Цецилія.—Да ну же, приласкайся ты къ нему, какъ слѣдуетъ,—поцѣлуй его, утѣшь. Какъ тебѣ не стыдно!

Она тихонько толкала соперницу въ объятія своего любовника.

Лукреція давно уже испытывала отъ этой неестественной дружбы съ графинею чувство, подобное тошнотѣ, какъ отъ приторныхъ духовъ. Ей хотѣлось встать и уйти. Она потупила глаза и покраснѣла. Тѣмъ не менѣе должна была взять герцога за руку. Онъ улыбнулся ей сквозь слезы и приложилъ ея руку къ своему сердцу.

Цецилія взяла мандолину съ круглаго столика и, принявъ то самое положеніе, въ которомъ двѣнадцать лѣтъ назадъ изобразилъ ее Леонардо въ знаменитомъ портретѣ — новою Сафо, — запѣла пѣсню Петрарки о небесномъ видѣніи Лауры:

Levommi il mio pensier in parte ov'era
Quella ch'io cerco e non ritrovo in terra.
Я устремлялъ мои мысли къ жилищу той,
Кого ищу и найти не могу на землѣ.
Среди блаженныхъ въ третьемъ кругѣ неба
Я увидалъ ее вновь болѣе прекрасной и менѣе гордой.
Взявъ за руку меня, она сказала: «въ этой сферѣ
«Ты будешь вновь со мной уже навѣки.
«Я—та, что на землѣ съ тобою враждовала
«И раньше вечера окончила мой день».

Герцогъ вынулъ платокъ и съ мечтательною томностью закатилъ глаза. Нѣсколько разъ повторилъ онъ послѣднюю строчку, всхлипывая и простирая руки какъ бы къ пролетавшему видѣнію!

И раньше вечера окончила мой день!

— Голубка моя!.. Да, да, раньше вечера!.. Знаете ли, мадонны, мнѣ кажется,—она смотритъ съ небесъ и благословляетъ насъ троихъ... О, Биче, Биче!..

Онъ тихо склонился на плечо Лукреціи, зарыдалъ,—въ то же время обнялъ ея станъ и хотѣлъ привлечь къ себѣ. Она противилась. Ей было стыдно. Онъ поцѣловалъ ее украдкою въ шею. Замѣтивъ это зоркимъ материнскимъ окомъ, Цецилія встала, указывая Лукреціи на Моро,—какъ сестра, поручающая подругѣ тяжело больного брата,—вышла на цыпочкахъ не въ спальню, а въ противоположный покой и заперла за собою дверь. „Вечерняя заря“ не ревновала къ „утренней“, ибо знала по давнему опыту, что очередь за нею и что герцогу послѣ черныхъ волосъ покажутся еще прелестнѣе огненно-рыжіе.

Моро оглянулся, обнялъ Лукрецію сильнымъ, почти грубымъ движеніемъ и посадилъ къ себѣ на колѣни. Слезы о покойной женѣ еще не высохли на глазахъ его, а на тонкихъ, извилистыхъ губахъ уже бродила шаловливая, откровенная улыбка.

— Точно монашенка,—вся въ черномъ!—смѣялся онъ, покрывая ея шею поцѣлуями.—Вѣдь, вотъ простенькое платьице, а какъ тебѣ къ лицу. Это, должно быть, отъ чернаго кажется шейка такою бѣлою.

Онъ растегивалъ агатовыя пуговицы на ея груди, и вдругъ блеснула нагота,—между складками траурнаго платья еще болѣе ослѣпительная. Лукреція закрыла лицо руками.

А надъ весело пылавшимъ каминомъ въ глиняныхъ изваяніяхъ Карадоссо голые амуры или ангелы продолжали свою вѣчную пляску, играя орудіями Страстей Господнихъ—гвоздями, молотомъ, клещами, копіемъ, и, казалось, въ мерцающемъ розовомъ отблескѣ пламени, что они лукаво перемигиваются, перешептываются, выглядывая изъ подъ виноградной кущи Вакха на герцога Моро съ мадонной Лукреціей, и что толстыя, круглыя щеки ихъ готовы лопнуть отъ смѣха.

А издалека доносились томные вздохи мандолины и пѣніе графини Цециліи:

Ivi fra lor, che il terzo cerchio serra,
La rividi, più bella e meno altera.
Тамъ, среди блаженныхъ въ третьемъ кругѣ неба
Я увидѣлъ ее вновь болѣе прекрасной и менѣе гордой.

И маленькіе древніе боги, слушая стихи Петрарки,—пѣсню новой небесной любви,—хохотали, какъ безумные.

Д. Мережковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(*Продолженіе* *).

IV.

Торжество націоналистическихъ идеологій.—Побѣда націоналистическихъ идеологій во внѣшней политикѣ: принятіе царскаго титула и теоріи византійскаго преемства власти; приложеніе этой теоріи во внѣшнихъ сношеніяхъ; ея распространеніе въ широкихъ кругахъ.— Побѣда націоналистической программы внутренней политики.— Роль боярства и казачества въ смутѣ: паденіе, вмѣстѣ съ ними, политической и соціальной оппозиціи и торжество служилаго класса.—Роль «послѣднихъ людей» въ смутѣ.—Роль служилаго класса.—Попытки дѣйствовать его именемъ и его собственное выступленіе. — Договоръ съ Владиславомъ, какъ первое выраженіе стремленій служилаго класса.—Значеніе правъ, данныхъ въ договорѣ боярской думѣ: взглядъ русскихъ на своихъ бояръ и польскихъ магнатовъ. — Безсиліе боярскаго временнаго правительства и подчиненіе его полякамъ; выступленіе «всей земли» въ видѣ ратнаго совѣта при земскомъ ополченіи: договоръ совѣта съ начальниками ополченія.— Его отношеніе къ договору съ Владиславомъ.—Его обязательность для новаго начальника втораго ополченія, Пожарскаго. –Вопросъ о его обязательности для новаго царя: свидѣтельство Фокеродта.—Роль земскаго собора въ первые годы Михаила; соборы при Филаретѣ.—Развитіе бюрократіи и безсильный протестъ дворянства.

Мы познакомились теперь съ элементами, изъ которыхъ слагалось общественное самосознаніе Московской Руси. Мы разсмотрѣли содержаніе какъ націоналистическихъ, такъ и оппозиціонныхъ идеологій XV и XVI вв. Которыя изъ нихъ должны были побѣдить, это предрѣшалось совершенно объективными условіями политической и соціальной жизни Московской Руси. Эти условія мы старались изобразить въ первой части «Очерковъ» и теперь должны предположить ихъ извѣстными. Въ результатѣ этихъ условій—во внѣшней политикѣ московское правительство стало подъ знамя націоналистическихъ идеологій, государственныхъ и религіозныхъ, а во внутренней политикѣ оно стало проводить политическую программу Грознаго и соціальную программу Ивашки Пересвѣтова.

Націоналистическая программа внѣшней политики складывалась съ конца XV вѣка и получила свое окончательное завершеніе и формулировку во второй половинѣ XVI в. Соціально-политическая программа внутренней политики нѣсколько запоздала: во второй половинѣ XVI в.

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

правительство еще вело за нее борьбу, а окончательная побѣда достигнута была лишь въ XVII в., послѣ испытаній смутнаго времени. Теперь мы остановимся нѣсколько подробнѣе на побѣдѣ той и другой программы.

Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ до сихъ поръ хранится живой свидѣтель того момента, когда оффиціально восторжествовала націоналистическая идеологія московской государственной власти. Это—царскій тронъ съ балдахиномъ въ формѣ шатровой крыши московскихъ церквей того времени и съ затворами на три стороны: на каждомъ изъ этихъ затворовъ изображено по четыре сцены тонкой рѣзной работы. Тутъ же вырѣзанъ и текстъ, поясняющій смыслъ этихъ сценъ: это та самая легенда о присылкѣ Владиміру Мономаху греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ царскихъ регалій, съ которой мы познакомились раньше. Въ 1547 г. Иванъ Грозный торжественно вѣнчался на царство и принялъ оффиціально царскій титулъ; въ 1552 г. поспѣлъ и тотъ царскій тронъ, о которомъ мы только что упомянули и которымъ давалась легендѣ о византійскомъ преемствѣ власти оффиціальная санкція. Въ 1561 г. Иванъ добился и формальнаго признанія легенды со стороны константинопольскаго патріарха. Правда, для этого пришлось немножко подскоблить греческую грамоту, содержавшую въ себѣ не совсѣмъ то, что нужно было царю отъ патріарха; какъ бы то ни было, дѣло было сдѣлано, и московское правительство могло торжественно выступить со своими претензіями передъ иностранными державами.

Эти претензіи, правда, не сразу получили признаніе. Баторій еще въ 1581 г. совѣтуетъ Ивану «не твердить басенъ своихъ бахарей» про Пруса и про Августа кесаря, какъ про своихъ «сродниковъ». Но Иванъ въ долгу не остается и побѣдоносно опровергаетъ сомнѣнія своего соперника простымъ соображеніемъ: «коли ужъ Пруса на свѣтѣ не было,—пусть Стефанъ король намъ объяснитъ, откуда же взялась прусская земля». Въ свою очередь и онъ самъ возбуждаетъ сомнѣніе: при такомъ важномъ происхожденіи можетъ ли онъ, не теряя своего достоинства, сноситься, какъ равный съ равнымъ, съ человѣкомъ, не «отъ государскаго прироженья, а отъ рыцарскаго чина», каковъ Баторій? О шведскомъ королѣ Иванъ еще болѣе низкаго мнѣнія: тотъ прямо «мужичьяго рода». Получивъ грамоту «индѣйской земли государя», московскій царь былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе: называть ли его братомъ въ своемъ отвѣтѣ? Въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ «о братствѣ къ нему не писать», такъ какъ неизвѣстно—«государь ли онъ, или простой урядникъ». На языкѣ московской политической теоріи это значило: «неограниченный онъ государь или конституціонный». Конституціонную монархію въ Москвѣ ставили чрезвычайно низко. «Мы думали,—писалъ Грозный англійской королевѣ Елизаветѣ,—что ты на своемъ государствѣ государыня и сама вла-

дѣешь, а у тебя люди владѣютъ, — и не токмо люди, а мужики торговые..., а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чинѣ, какъ есть пошлая дѣвица». Такъ же презрительно относился Иванъ IV и къ «убогой» власти польскаго короля. «Ты посаженый государь, а не вотчинный,—писали московскіе бояре Сигизмунду-Августу,—какъ тебя захотѣли паны твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали; ты въ себѣ и самъ не воленъ, какъ же тебѣ быть вольнымъ въ своемъ государствѣ?»

Успѣхи націоналистическаго самовозвеличенія завершились провозглашеніемъ полной независимости русской церкви отъ греческой, подъ управленіемъ собственнаго патріарха (1589). Оффиціальный актъ и въ этомъ случаѣ воспользовался легендой, которая давно уже успѣла сдѣлаться популярной. Теоріи о Москвѣ-третьемъ Римѣ, о превосходствѣ русскаго православія, о религіозномъ преемствѣ отъ Византіи (наряду съ государственнымъ)—все это было цѣликомъ внесено изъ литературныхъ источниковъ начала вѣка въ государственный документъ, санкціонировавшій въ концѣ вѣка учрежденіе патріаршіи. Правда, дѣйствительность и здѣсь не совсѣмъ соотвѣтствовала гордымъ національнымъ претензіямъ: московскій патріархъ оказался послѣднимъ въ ряду вселенскихъ, несмотря на усилія московскихъ дипломатовъ добыть ему, если ужъ не первое, то хоть третье мѣсто. Пришлось довольствоваться и этимъ, такъ какъ и самое согласіе на учрежденіе патріаршіи было вырвано у грековъ чуть не насильно.

Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что торжество націоналистическихъ теорій не ограничилось одними только правительственными кругами, но уже въ предѣлахъ XVI в. стало признаваться и въ средѣ самого населенія. Когда извѣстная идея проникаетъ въ массы,—она непремѣнно закрѣпляется въ народной памяти при помощи народной легенды, при помощи размѣра и риѳмы. Книжныя легенды XVI в., наряду съ оффиціальными актами, тоже нашли себѣ путь къ широкой публикѣ, воспринимавшей эти легенды не глазами, а слухомъ. Передавая другъ другу изустно живое преданіе, эта публика перепутала, конечно, имена, событія и даты, но общій смыслъ событій она запомнила твердо. И вотъ какой видъ приняла въ воспоминаніи народной массы извѣстная намъ націоналистическая легенда о пріобрѣтеніи московскимъ княземъ царскихъ регалій. Какъ въ книжномъ источникѣ, такъ и въ народной передачѣ его герой легенды отправляется въ Вавилонъ изъ Царьграда добывать регаліи для *византійскихъ* императоровъ. Но дальше народная фантазія начинаетъ работать самостоятельно. Вернувшись назадъ, въ Византію, посланецъ Ѳедоръ Барма (имя котораго, очевидно, подсказано царскими *бармами)* находитъ тамъ крушеніе царства и вѣры и прямымъ путемъ доставляетъ регаліи единому православному царю вселенной, Ивану Васильевичу. Онъ застаетъ его какъ разъ въ моментъ торжества православія надъ басурманами и въ

моментъ дѣйствительнаго принятія Грознымъ царскаго титула. «Тутъ было въ Царьградѣ великое кроволитье: рушилась вѣра правовѣрная, не стало царя православнаго. И пошелъ Ѳедоръ Барма въ нашу Руссію подселенную и пришелъ онъ въ Казань градъ и вошелъ онъ въ палаты княженецкія, въ княженецкія палаты богатырскія... И улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову грознаго царя правовѣрнаго, Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство Проходима, поганаго князя казанскаго».

Всего любопытнѣе то, что народная память не только удержала моментъ національнаго возвеличенія московской государственной власти, но и сохранила представленіе о связи между націоналистической политикой внѣшней и внутренней. Въ народной былинѣ новая государственная власть представляется или орудіемъ борьбы съ внутренними врагами, или результатомъ побѣды надъ ними: монархія является на свѣтъ съ демократической программой.

Когда-жъ то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ;
Всѣ на почестномъ напивалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царяграда.
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы».

Или въ другой формѣ:

«Вывелъ я измѣну изо Пскова.
Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
Казанское царство мимоходомъ взялъ,
Царя Симіона подъ миръ склонилъ;
Снялъ я съ царя порфиру царскую,
Привезъ порфиру въ каменну Москву,
Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на себя наложилъ,
Послѣ этого сталъ Грозный царь».

Здѣсь какъ будто сохранилась свѣжая память о томъ, какъ живой, не легендарный царь Иванъ Васильевичъ, дѣйствительно, «порасхвастался» передъ своимъ народомъ съ лобнаго мѣста, сваливая всю вину за государственныя нестроенія на бояръ и обѣщая самъ все исправить; или какъ тотъ же Иванъ Грозный объявлялъ публично полтора десятка лѣтъ спустя свою опалу высшимъ общественнымъ слоямъ и свою милость низшимъ, прося у послѣднихъ экстренныхъ полномочій для того, чтобы расправиться съ своими и ихъ врагами,—«повывести измѣну».

Мы видѣли, однако же, что, въ дѣйствительности, программа внутренней политики Грознаго и его сторонниковъ вовсе не была такъ демократична, какъ это могло показаться съ перваго взгляда. «Возсіявшее» надъ Россіей «красное солнце» скоро должно было оказаться кровавымъ заревомъ соціальнаго пожара. Согласно теоріи Пересвѣтова, «воинство»,—рядовое дворянство все болѣе и болѣе становилось исключительнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ: въ немъ видѣли какъ необходимый элементъ для существованія и независимости государства, такъ и опору противъ притязаній «вельможъ». Его надѣляли землями; ему облегчали тяжесть податей; съ нимъ даже начали совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ. Напротивъ, противъ верхняго общественнаго слоя Грозный «сталъ за себя», т.-е. въ интересахъ личнаго самосохраненія. Онъ «губилъ» его «всеродно» и такъ удачно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, что къ концу вѣка боярскій классъ представлялъ изъ себя только одни жалкіе остатки того, чѣмъ онъ былъ въ началѣ вѣка. Что касается низшаго общественнаго слоя, онъ просто выходилъ изъ кругозора московскаго правительства. Оно занялось имъ лишь тогда, когда это понадобилось для того же «воинства»; и, конечно, оно взглянуло на него глазами послѣдняго. Такимъ образомъ, недовольны положеніемъ должны были быть верхъ и низъ русскаго общества: верхъ, въ которомъ едва теплилась искра старой, почти совершенно сломленной политической оппозиціи, и низъ, въ которомъ быстро копился горючій матеріалъ, грозившій вспыхнуть соціальнымъ протестомъ. Оба элемента въ послѣднемъ счетѣ должны были оказаться несравненно слабѣе общественной середины, представлявшейся служилымъ классомъ московскаго государства. Однако, политическія обстоятельства сложились такъ, что на короткій промежутокъ дали перевѣсъ именно этимъ крайнимъ элементамъ надъ среднимъ.

Внѣшней причиной, совершенно случайнаго свойства, послужило при этомъ прекращеніе династіи. Внутренней причиной, въ которой не было ничего случайнаго, была та степень легкости, съ которой различныя общественныя группы могли мобилизовать свои силы, чтобы воспользоваться представившимися обстоятельствами. Наиболѣе близко къ власти, выпавшей изъ привычныхъ рукъ, стоялъ классъ, только что перестававшій быть правящимъ,—боярство. Оно и попробовало первое—эксплуатировать наступившую смуту въ своихъ выгодахъ. Но оно было слишкомъ мало дисциплинировано, какъ классъ, и слишкомъ заинтересовано, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, въ разрѣшеніи династическаго вопроса въ пользу того или другого кандидата, чтобы имѣть возможность выиграть въ начавшейся борьбѣ, какъ классъ. Оно. притомъ, слишкомъ было разбито политикой Грознаго и, въ оставшихся своихъ обломкахъ, слишкомъ занято родословными счетами, чтобы представлять какую-нибудь дѣйствительную силу. Его единственнымъ орудіемъ была придворная интрига,—орудіе превосходное въ бо-

лѣе спокойное время, но совершенно непригодное въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ очутилось государство благодаря вмѣшательству въ смуту иностранныхъ враговъ и другихъ сословій. Разсчеты боярства не разъ путала уже московская уличная толпа, совсѣмъ не организованная—и сильная лишь пока стояла на площади. Немудрено, что толпа, организованная въ постоянное военное сообщество, какою были казаки съ присоединившимися къ нимъ бѣглыми крестьянами и холопами, имѣла полную возможность овладѣть положеніемъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Несчастіе этой группы состояло лишь въ томъ, что на другой день послѣ побѣды она не знала бы, что ей съ этой побѣдой дѣлать. Она годилась на роль кондоттьеровъ; но воспользоваться ею такимъ образомъ, было некому, а для самостоятельной политической роли она не годилась. Союзъ ея съ бѣглыми окончательно оттолкнулъ отъ нея всѣ имущіе классы и былъ главнымъ стимуломъ, заставившимъ ихъ принять мѣры самообороны. Вѣрно или невѣрно,—но тогдашняя буржуазія была убѣждена, что казаки до самаго конца смуты остались при своемъ «первомъ зломъ совѣтѣ», обнаружившемся еще въ возстаніи Болотникова: что они хотятъ «бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и земскихъ, и уѣздныхъ *лучшихъ* людей побить и имущества ихъ разграбить и завладѣть ими по своему воровскому казацкому обычаю». Этотъ призракъ соціальнаго переворота въ самыхъ нерѣшительныхъ долженъ былъ пробудить охоту дѣйствовать. Съорганизоваться для какого бы то ни было дѣйствія среднему классу было всѣхъ труднѣе: только крайняя нужда могла заставить его подняться, и только очень медленно онъ могъ сговориться и выступить на арену. Но разъ явившись въ роли активнаго элемента, онъ долженъ былъ поставить своей задачей возстановить тотъ прежній порядокъ, при которомъ ему жилось лучше, чѣмъ другимъ общественнымъ группамъ. По существу дѣла, это былъ, стало быть, элементъ консервативный. Его побѣда надъ послѣдней вспышкой политической оппозиціи (боярства) и надъ первымъ взрывомъ соціальнаго протеста (казачества)—должна была очистить путь къ торжеству національной программы во внутренней политикѣ.

Очень часто говорятъ, слѣдуя реторическому выраженію лѣтописца, что московское государство спасли «послѣдніе люди». Конечно, если разумѣть подъ «послѣдними людьми» зажиточное купечество, — какъ это дѣлали привычные къ родословнымъ счетамъ служилые москвичи, то въ эту категорію попадетъ и Кузьма Мининъ. Но тогда не надо забывать, что такимъ же «торговымъ мужикомъ», какъ Мининъ, былъ и его антиподъ, Өедька Андроновъ, сторонникъ Владислава и Сигизмунда. Характерно, конечно, для того момента что люди этого слоя вообще могли получить голосъ въ общественныхъ дѣлахъ; несомнѣнно также, что *и они* нужны были всякому правительству, какъ плательщики и какъ сборщики податей,—и сильное правительство нужно было имъ

для ихъ промышленныхъ предпріятій и торговыхъ оборотовъ. *Послѣ* служилыхъ людей они, дѣйствительно, были самымъ нужнымъ элементомъ: немудрено, что претенденты на власть старались имѣть на своей сторонѣ и тѣхъ и другихъ. Тѣ и другіе—и раскололись между разными претендентами, прежде чѣмъ время рѣшило, кто изъ нихъ окажется «прямымъ», а кто «кривымъ». «Вы бы безъ всякаго сомнѣнья собрались со всѣми людьми и шли къ намъ къ Москвѣ,—уговариваетъ царь Василій отпавшія отъ него области,—и службу бы свою и радѣнье совершили, а мы васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ: васъ, помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ, пожалуемъ большой денежной и помѣстной придачей, велимъ васъ испомѣстить и наше жалованье дать. А васъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, пожалуемъ льготой на многіе годы: велимъ вамъ торговать безпошлинно и во всемъ васъ отархавимъ, да и сверхъ того пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и въ разумѣ нѣтъ». Эта грамота чрезвычайно ярко показываетъ, на какіе элементы могло опереться правительство и чѣмъ оно могло вознаградить ихъ за ихъ «службу». Былъ моментъ, когда «посадскіе и уѣздные люди», дѣйствительно, сослужили службу тому же Василію Шуйскому и *одни*, *безъ* помощи служилыхъ, «помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ». Это было въ тотъ моментъ, когда рядовое дворянство уѣхало отъ «боярскаго» царя—по домамъ или въ Тушино,—а за него сталъ организованный Скопинымъ изъ Новгорода дальній московскій сѣверъ. Тамъ, на этомъ сѣверѣ, никакихъ служилыхъ людей вовсе не было, а только и были посадскіе въ городахъ и черные крестьяне въ уѣздахъ. Когда эти «мужики» явились изъ своихъ сѣверныхъ палестинъ въ центральную Россію,—населеніе тутъ сильно «смутилось». Это были вѣдь настоящіе «послѣдніе люди» государства,—а въ центрѣ привыкли представлять себѣ такихъ послѣднихъ людей не иначе, какъ въ видѣ казаковъ и ихъ бѣглыхъ товарищей. Но ополченцы поспѣшили разсѣять эти страхи. «Вы смущаетесь потому,—писали они жителямъ города Романова,—что будто бы черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ побиваютъ и дома ихъ разоряютъ; а *здѣсь*, господа, *черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ чтятъ* и позора имъ никакого нѣтъ». Дѣйствительно, у этихъ поморовъ ничего не было общаго съ южнорусскимъ казачествомъ. Это были просто рекруты, поставленные своими волостями по приказу уѣздныхъ властей и содержавшіеся на счетъ мѣстныхъ государственныхъ сборовъ, отчасти спеціально для этого назначенныхъ. Посылая на помощь правительству этихъ рекрутъ, посадскіе люди исполняли обычную государственную повинность—не такъ охотно какъ всегда, такъ какъ они рисковали теперь попасть на службу не къ тому правительству, которое окажется законнымъ. Въ то самое время, какъ набирались мужицкія ополченія на сѣверѣ, устюжане писали, напр., сольвычегодцамъ: «пожалуйста, помыслите съ міромъ крѣпко и не спѣшите креста цѣловать: не угадать, на чемъ со-

вершится...; а если услышимъ, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на русскую землю, такъ еще до насъ далеко; успѣемъ съ повинной послать». И разсчетъ оказался совершенно правильнымъ. Естественно, что къ концу смуты черносошныя волости русскаго сѣвера, въ лицѣ своихъ посадскихъ руководителей, еще меньше обнаруживали охоты «спѣшить», Такимъ образомъ, *настоящіе* «послѣдніе люди» русской земли приняли самое незначительное участіе въ развязкѣ смутнаго времени.

Главная роль принадлежала здѣсь, безъ сомнѣнія, служилому сословію. Если бы оно успѣло своевременно организоваться и во-время нашло бы себѣ кандидата, достаточно обезпечивающаго его интересы, то смута могла бы кончиться гораздо раньше, чѣмъ это случилось въ дѣйствительности. Задолго до того времени, когда служилое сословіе выработало себѣ, среди смуты, свой собственный представительный органъ, его общественная сила была понята, на него старались опереться, какъ на самый надежный элементъ, его именемъ начали дѣйствовать. Рядомъ съ нимъ ставилось, правда, имя посадскихъ людей, когда рѣчь заходила о голосѣ *всей* земли, но всѣ понимали при этомъ, что фактическимъ представителемъ «всей земли» явится, именно, служилое сословіе,—ратные люди. Когда города сносились съ городами,—это значило, что переписываются между собой ихъ оффиціальные представители, т.-е., за исключеніемъ черносошнаго сѣвера, «большіе дворяне». Когда шла рѣчь о «единомысленномъ земскомъ совѣтѣ», всякій зналъ, что и количественный, и качественный перевѣсъ будетъ имѣть на этомъ совѣтѣ голосъ служилаго сословія. Правда, въ идеѣ это былъ совѣтъ «всѣхъ чиновъ московскаго государства», но въ ряду этихъ «*всѣхъ* чиновъ» всевозможныя, даже самыя мелкія служилыя группы перечислялись самымъ точнымъ образомъ, тогда какъ тяглое населеніе уѣздовъ лишь глухо упоминалось для стилистической полноты въ концѣ обычной формулы и фактически обыкновенно вовсе отсутствовало.

Это не значитъ, конечно, чтобы въ событіяхъ смуты не было мѣста болѣе горячимъ элементамъ и болѣе идеальнымъ побужденіямъ. То и другое, несомнѣнно, было и даже имѣло значительное вліяніе на то, какъ сложилась индивидуальная физіогномія событій. Но общій смыслъ ихъ былъ именно таковъ, какъ мы говорили,—и это очень хорошо чувствовали сами дѣйствующія лица громкихъ событій. Василія Шуйскаго свела съ престола народная сходка за Арбатскими воротами; а формулировала она свое дѣло въ слѣдующихъ корректныхъ выраженіяхъ: «дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ и гости, и торговые, и всякіе люди, и стрѣльцы, и казаки, и посадскіе и всѣхъ чиновъ люди всего московскаго государства, поговоря межъ себя... били челомъ ему государю всякіе люди, чтобы государь государство оставилъ». И дѣйствительно, если бы «дворяне» и т. д. не стояли за спиной пестрой московской толпы, то сверженіе Василія было бы немыслимо. Точно также и Козьма Мининъ могъ быть правъ, вложивъ въ уста

преп. Сергія слова: «старѣйшіе на такое дѣло не пойдутъ, если не начнутъ юнѣйшіе»; и все-таки было бы странно объяснять успѣхъ ополченія Пожарскаго подъ Москвой тѣми чувствами, которыя Мининъ вдохнулъ въ нижегородскую молодежь.

Чѣмъ болѣе идея земскаго совѣта «всей земли» становилась реальностью, тѣмъ отчетливѣе вырисовывалась та партійная программа, которую должно было принять будущее правительство изъ рукъ своихъ избирателей. Совершенно ясно сдѣлалось для выступившей на сцену общественной группы, еще въ періодъ, пока шла переписка между городами, что безусловно должны быть отброшены въ сторону интересы двухъ другихъ группъ: боярства и казачества. Раньше чѣмъ сойтись въ Ярославлѣ, городскія ополченія уже дали другъ другу письменныя обязательства—стоять заодно и противъ бояръ, и противъ казаковъ. Отстранивъ формально оба эти активные элемента смуты, служилыя городскія дружины просто игнорировали остальные «чины». Слово «вся рать» было для нихъ совершенно тожественно съ выраженіемъ: «вся земля».

Какъ такое положеніе отразилось на общественной программѣ служилаго сословія, видно изъ обязательствъ, продиктованныхъ имъ своимъ избранникамъ: Владиславу въ договорѣ 17 августа 1610 г.; тріумвирату Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго—въ «приговорѣ» 30 іюня 1611 г.;—вѣроятно, также и Пожарскому и, наконецъ, самому Михаилу Ѳеодоровичу. Первыя два обязательства извѣстны; о послѣднихъ двухъ мы можемъ догадываться.

При каждой новой перемѣнѣ власти программа ратныхъ людей развивалась все полнѣе и послѣдовательнѣе. Основной принципъ ея,—именно тотъ, что голосъ служилыхъ людей изъ городовъ есть голосъ «всей земли» и что онъ долженъ быть выслушанъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ,—этотъ принципъ былъ признанъ давно самими представителями власти. Не говоримъ уже о Борисѣ Годуновѣ, первомъ государственномъ человѣкѣ, который повелъ сознательную политику покровительства служилому сословію. Но даже и боярскій избранникъ, Василій Шуйскій, пробовалъ опереться на всю служилую землю—и противъ боярской интриги, и противъ народной «крамолы». Вмѣсто присяги боярамъ, онъ попробовалъ всенародно присягнуть «всей землѣ»,—и вызвалъ этимъ сильнѣйшее раздраженіе своихъ избирателей. Зато, когда въ царскій дворецъ явилась взбунтовавшаяся толпа народа, тотъ же царь Василій сказалъ ей въ лицо, по словамъ лѣтописи: «если хотите убить меня, я готовъ на смерть; но если желаете свергнуть меня съ престола—это невозможно вамъ сдѣлать безъ большихъ бояръ и дворянъ, *безъ совѣта всей россійской земли*». И мы видѣли, что явившіеся, годъ спустя, низложить Василія ратные люди сдѣлали это отъ имени всѣхъ чиновъ московскаго государства. Низложивъ царя, побѣдители присягнули сами и заставили присягнуть русскую землю и назначенное ими временное правительство кн. Мсти-

славскаго въ томъ, что «выбрать государя на московское государство имъ боярамъ и всякимъ людямъ *всею землею... сославшись съ городами»*. Что подъ «всякими людьми» и подъ «всею землею» ратные люди разумѣли, главнымъ образомъ, себя самихъ, это они тотчасъ же и показали, не дождавшись, пока соберется полный соборъ, и вступивъ, безъ дальнихъ сношеній съ «землей», въ предварительные переговоры съ намѣченнымъ ими кандидатомъ, королевичемъ Владиславомъ. На свое временное правительство дворяне наложили единственное обязательство: «насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити». Вступая въ постоянное соглашеніе съ чужеземнымъ избранникомъ, они, напротивъ, сочли нужнымъ развить это обязательство въ цѣлую програму, послужившую предметомъ формальнаго договора. Вчернѣ этотъ договоръ былъ написанъ подъ Смоленскомъ депутатами отъ дворянства, явившимися туда изъ Тушинскаго лагеря. Окончательно онъ былъ закрѣпленъ подъ Москвой и подписанъ Жолкѣвскимъ и *боярскимъ* правительствомъ. Послѣднее обстоятельство заставило изслѣдователей обратить особенное — и по нашему мнѣнію преувеличенное — вниманіе на тѣ немногія измѣненія, какія были въ немъ сдѣланы при окончательной редакціи. Предполагалось, что въ этихъ измѣненіяхъ особенно проявились *боярскія* тенденціи договора. Въ дѣйствительности, и въ этой редакціи вліяніе дворянства имѣло рѣшающее значеніе. Не даромъ дворяне такъ ревниво слѣдили за переговорами временнаго правительства съ Жолкѣвскимъ и самолично являлись къ послѣднему цѣлыми толпами — до пятисотъ человѣкъ.

Если исключить тѣ пункты договора, которые касаются простаго возстановленія стараго правительственнаго порядка, а также тѣхъ, которые регулируютъ отношенія земли къ кандидату-иностранцу, его землякамъ и его государству, — т. е. пункты, вытекавшіе изъ особенныхъ условій момента и изъ личности кандидата въ цари — все остальное содержаніе договора съ Владиславомъ имѣетъ главною цѣлью охрану интересовъ служилаго сословія и боярства, *какъ его составной части*. Представители «всей земли» прежде всего заботятся о томъ, чтобы сохранить «жалованье денежное, оброки и помѣстья и вотчины, кто что имѣлъ до сѣхъ мѣстъ» за служилымъ сословіемъ. Затѣмъ они хлопочутъ объ облегченіи своего податного бремени и диктуютъ Владиславу мѣру, впослѣдствіи принятую въ интересахъ служилаго сословія Михаиломъ. Въ запустѣвшіе отъ войны уѣзды они требуютъ «послать описати и дозирати, много-ль чего убыло и доходы велѣть имати съ *живущаго* по описи и дозору, а на запустошенныя вотчины и помѣстья дать льготы, поговоря съ бояры» (см. «Очерки», ч. 1, 4-е изд. стр. 144). Наконецъ, они пользуются случаемъ закрѣпить за собой рабочій трудъ и проектируютъ мѣру, опять-таки осуществленную новою династіей. «Промежъ себя крестьянамъ выходу не быть; боярамъ и дворянамъ и всѣмъ чинамъ держать крѣпостныхъ людей по прежнему обычаю, по крѣпостямъ»

(ср. объ этомъ «Очерки, ч. 1, стр. 212 — 213). Всѣ существенные интересы служилыхъ людей были, такимъ образомъ, ограждены; имъ оставалось позаботиться лишь о томъ, чтобы и впредь, при нормальномъ теченіи государственной жизни ихъ голосъ былъ выслушанъ при всякой касающейся ихъ государственной реформѣ. Этого они не столько не съумѣли, сколько просто не сочли нужнымъ сдѣлать въ договорѣ съ Владиславомъ. Только относительно «праведнаго суда» они на этотъ разъ приняли болѣе опредѣленное и обязательное для правительства рѣшеніе. «Суду быть и совершаться по прежнему обычаю и по судебнику; а если захотятъ въ чемъ пополнить для укрѣпленія судовъ, государю на то согласиться съ думою бояръ и *всей земли*, чтобъ было все праведно». Это единственный случай, когда предусмотрѣна въ договорѣ необходимость созыва земскаго собора. Надо прибавить, что это также—единственный случай, когда и новая династія все еще считала необходимымъ прибѣгать къ собору, когда вообще обращеніе ко «всей землѣ» давно уже вышло изъ моды. Очевидно, праведный судъ былъ слишкомъ насущной потребностью, неудовлетвореніе которой черезчуръ тяжело чувствовалось «всѣми чинами» московскаго государства. Всѣ остальныя текущія дѣла служилое сословіе спокойно предоставило правительству, выговоривъ только для болѣе важныхъ дѣлъ необходимость совѣщаться съ «думными людьми». Сюда введено было и правило, установленное при выборѣ Шуйскаго: «не сыскавъ вины и не осудивши судомъ—*всѣми бояры*—никого не казнити и чести ни у кого не отнимати и въ заточенье не засылати, помѣстій и вотчинъ и дворовъ не отнимати», а также не распространять вины на родственниковъ преступника. Это было форменное отнятіе права, формально признаннаго всей землей за Иваномъ Грознымъ, когда тотъ принялся «выводить измѣну изъ каменной Москвы». Сюда же отнесено и еще одно важное правило, тоже фигурировавшее, по сообщенію одного иностранца, въ договорѣ Шуйскаго съ боярами: «доходы государскіе сбирати по прежнему, а сверхъ прежнихъ обычаевъ, *не поговоря съ бояры*, ни въ чемъ не прибавливати». Въ томъ и другомъ случаѣ, отдавая извѣстную категорію дѣлъ въ вѣдѣніе боярской думы, служилое сословіе просто руководилось своей любимой мыслью, что такимъ образомъ оно возвращается къ «прежнему обычаю» и нисколько не думало, чтобы этимъ могло быть усилено боярство, какъ классъ. Единственная мѣра, принятая въ договорѣ прямо въ пользу боярства, была вызвана тѣмъ, что царемъ дѣлался иноземецъ: онъ обязывался, именно, «московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать». Но это обязательство вытекало само собой изъ того принятаго въ договорѣ принципа, по которому вообще рѣшено было «польскимъ и литовскимъ людямъ на Москвѣ ни у какихъ земскихъ расправныхъ дѣлъ и по городамъ въ воеводахъ не быть и городовъ въ намѣстничество польскимъ и литовскимъ лю-

дямъ не давать». Только путемъ такой раздачи высшихъ государственныхъ должностей и могли родовитые чужеземцы затѣснить московскіе боярскіе роды. Итакъ, единственная льгота, выговоренная договоромъ въ пользу боярства, вполнѣ совпадала съ интересами самого служилаго сословія, больше всего боявшагося за свои помѣстья и вотчины, «если въ городахъ будутъ распоряжаться чужеземцы». Дворянство, очевидно, имѣло нѣкоторое представленіе о томъ, что происходило по этой части въ самой Польшѣ. Въ Москвѣ по этому поводу происходили нтересные политическіе разговоры между поляками и русскими. «Соединитесь съ нами, — говорили поляки, — и у васъ тоже будетъ свобода». «Вамъ дорога ваша свобода,—отвѣчали имъ на это русскіе,--а намъ наша неволя. У васъ не вольность, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго, можетъ у него отнять имѣніе и самую жизнь, а найти на него судъ, по вашимъ законамъ, трудно: дѣло можетъ затянуться на цѣлые годы. Съ иного и ничего не возьмешь. *У насъ, напротивъ, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина*; *по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу.* А если самъ царь поступитъ неправосудно--его воля: отъ царя легче снести обиду, чѣмъ отъ своего брата; на то онъ нашъ общій владыка».

Можно спросить себя, слыша такія рѣчи: ужъ не осуществился ли въ самомъ дѣлѣ демократическо-монархическій идеалъ Ивашки Пересвѣтова? Или, можетъ быть, москвичи изъ патріотизма противопоставляли этотъ русскій идеалъ польской дѣйствительности, забывая упомянуть о русской? Какъ бы то ни было, очевидно, идеалъ проникъ таки въ сознаніе общества: это мы видѣли и раньше; это подтверждается и теперь хотя бы тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ дворянство предоставляло боярамъ—*при царѣ*—заботу о новыхъ налогахъ, о высшемъ уголовномъ судѣ и даже о провѣркѣ правъ самихъ служилыхъ людей на землю: «что кому прибавлено не по достоинству или убавлено безъ вины».

Безъ царя или, точнѣе, въ ожиданіи царя, разсчетъ дворянъ оказался, однако же, совершенно невѣрнымъ. Не то, чтобы временное боярское правительство злоупотребило своей властью: напротивъ, все зло было въ томъ, что этой власти у него, въ отсутствіи «всей земли», оказалось слишкомъ мало, чтобы съ авторитетомъ противустать дальнѣйшимъ польскимъ притязаніямъ на Россію. Для Сигизмунда боярское правительство оказалось такимъ же неопаснымъ, какимъ считали его для самихъ себя московскіе служилые люди. Онъ скоро фальсифицировалъ его составъ, введя въ него своихъ доброхотовъ; въ этомъ видѣ боярское правительство сдѣлалось игрушкой въ рукахъ Гонсѣвскаго. «Къ боярамъ ты ходилъ,—говорили послѣднему потомъ о его тогдашней дѣятельности въ думѣ,—челобитныя приносилъ; пришедши, сядешь, а возлѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, а намъ и не слыхать, что ты съ своими совѣтниками говоришь и переговариваешь; и

что по которой челобитной велишь сдѣлать, такъ и сдѣлаютъ, а подписываютъ челобитныя твои же совѣтники дьяки». Проигрывала отъ этихъ порядковъ, дѣйствительно, служилая масса, такъ какъ «челобитными», на которыя диктовалъ свои резолюціи Гонсѣвскій — были, главнымъ образомъ, прошенія о пожалованіи земель—въ незаконномъ количествѣ или людямъ, вовсе не имѣвшимъ на то права. Кромѣ того, въ рукахъ поляковъ московское временное правительство собиралось нарушить наложенное на него обязательство «выбрать государя всей землей»; а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергались вопросу и условія, на которыхъ служилое сословіе приглашало кандидата,—и даже самая личность кандидата.

Такимъ образомъ, служилому сословію — въ интересахъ своихъ и «всей земли» (что, въ данномъ случаѣ, было одно и то же)—пришлось создавать новое правительство. И если ратныя люди на этотъ разъ постарались созданное ими правительство отдать *подъ постоянный уже контроль всей земли*, то не потому, чтобы они боялись силы сословія, только что обнаружившаго свое полное безсиліе, а потому, что обстоятельства требовали правительства дѣйствительно сильнаго. Такъ мы объясняемъ разницу въ содержаніи новаго договора ратныхъ людей съ Ляпуновымъ, Трубецкимъ и Заруцкимъ—въ сравненіи съ только-что разобраннымъ договоромъ съ Владиславомъ. Эти два договора не есть выраженіе политическихъ стремленій двухъ различныхъ общественныхъ слоевъ, а просто двѣ формулировки одной и той же политической программы, разница которыхъ вызвана необходимостью осуществлять старую программу при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ.

Болѣе активное участіе служилыхъ людей въ новомъ правительствѣ Трубецкого съ товарищами выразилось, прежде всего, тѣмъ, что формальный договоръ съ ними (30 іюня 1611 г.) заключенъ былъ по прямому требованію дворянства и по настоянію представителя служилыхъ людей, Прокопія Ляпунова. Въ концѣ этого договора ратные люди, наученные опытомъ, выговорили себѣ право перемѣнять своихъ избранниковъ, въ случаѣ, если ихъ дѣятельность перестанетъ удовлетворять требованіямъ «всей земли». Что рѣшеніе дворянства равносильно рѣшенію всей земли, въ этомъ ни у кого не возникало никакихъ сомнѣній. Никакихъ принципіальныхъ вопросовъ государственнаго права, порѣшенныхъ договоромъ съ Владиславомъ, новый договоръ вновь не возбуждаетъ: «вся земля» продолжаетъ, очевидно, держаться разъ выработанныхъ ею условій: она пока не отказывается еще формально и отъ разъ намѣченнаго ею кандидата. Но одинъ изъ капитальныхъ пунктовъ договора съ Владиславомъ получаетъ въ приговорѣ 30 іюня новую редакцію: избранные землей воеводы обязуются «не объявя *всей землѣ* (не однимъ боярамъ), смертной казни никому не дѣлать и по городамъ не ссылать». Затѣмъ, все остальное содержаніе договора относится къ прекращенію того хищническаго разграбленія служилыхъ земель, которое санкціонировалось московскимъ временнымъ правительствомъ и при по-

мощи котораго Сигизмундъ старался навербовать себѣ свою партію среди московскихъ служилыхъ людей. Любопытно, что, кассируя всѣ такія распоряженія московскаго правительства, ратные люди крайне снисходительно относятся къ своимъ собратьямъ, попользовавшимся отъ польскихъ щедротъ. Такъ какъ для нихъ государство—это они, то имъ не приходится различать между собой «прямыхъ и кривыхъ». И тѣ, что были въ Тушинѣ, и тѣ, что были въ Калугѣ (со вторымъ самозванцемъ), и служившіе царю Василью, и присягнувшіе Владиславу, и даже подслуживающіеся Сигизмунду,—въ случаѣ, если во время отстанутъ отъ своего покровителя, всѣ они члены одного сословія, всѣ имѣютъ право на свою долю въ служилой землѣ. Все дѣло лишь въ томъ, чтобъ однихъ не обдѣлить, другимъ не дать лишняго: въ этомъ главная забота и главный интересъ класса, диктовавшаго приговоръ 30 іюня. Не касаясь, какъ мы уже сказали, принципіальныхъ вопросовъ будущаго государственнаго устройства, не повторяя даже и разъ даннаго обязательства—добиваться избранія государя всей землей, приговоръ всецѣло погруженъ въ детальнѣйшія мѣропріятія по регулированію служилаго землевладѣнія. Наблюденіе за службой и за вознагражденіемъ ея будетъ сосредоточено въ центральныхъ вѣдомствахъ, въ главномъ изъ нихъ будетъ посаженъ выбранный всей землею «дворянинъ изъ большихъ дворянъ». Всѣ захваченные служилыми людьми лишки будутъ возвращены въ казну, всѣ нуждающіеся и разоренные дворяне надѣлены. Бѣглые въ городъ и къ другимъ помѣщикамъ крестьяне будутъ возвращены старымъ владѣльцамъ (объ этомъ больномъ мѣстѣ своего тогдашняго хозяйства дворяне не могутъ забыть и въ критическій моментъ). Таковы всѣ существенныя постановленія приговора. То, чего въ немъ не оказалось, должно, очевидно, было считаться регулированнымъ предъидущими постановленіями.

Только ставъ на эту точку зрѣнія,—что приговоръ 30 іюня не *отмѣняетъ, а дополняетъ* прежнія обязательства, взятыя на себя «всей землей», мы составимъ себѣ правильное понятіе о его значеніи. Ново въ немъ то, что «вся земля» съ этихъ поръ считаетъ необходимымъ оставаться en permanence при ратномъ ополченіи, въ качествѣ постояннаго «земскаго совѣта». Цѣли остаются старыя; но старое средство, боярское представительство земли, оказалось недостаточнымъ: оно и замѣняется съ этихъ поръ новымъ непосредственнымъ представительствомъ самого служилаго сословія. Силою обстоятельствъ на мѣсто боярской думы выдвигается земскій соборъ.

Мы имѣемъ основанія думать, что договоръ перваго земскаго ополченія съ Трубецкимъ сохранилъ свою обязательность и для преемниковъ обѣихъ сторонъ: для второго земскаго ополченія съ Пожарскимъ. Если даже онъ и не былъ возобновленъ формально *), то вѣдь и на-

*) На формальный актъ «выбора», необходимо сопровождавшійся и письменнымъ документомъ, «приговоромъ», указываетъ торжественный титулъ Пожар-

добности въ такомъ возобновленіи не было. «Вся земля», разошедшаяся изъ-подъ Москвы послѣ убійства Ляпунова—это была та же самая земля, которая вновь пришла подъ Москву съ Пожарскимъ. А «перемѣнить» своихъ бояръ и воеводъ «вся земля» предоставила себѣ право еще въ договорѣ 30 іюня. Новый представитель земли началъ съ того, что возобновилъ въ памяти всей земли старую, данную ею присягу: «совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, чтобъ по совѣту всего государства выбрать общимъ совѣтомъ государя». Онъ распорядился также и о созывѣ «всякихъ чиновъ людей для земскаго совѣта вскорѣ». Собравшійся такимъ образомъ—впервые въ такомъ полномъ составѣ—земскій соборъ вступилъ во всѣ функціи, предусмотрѣнныя договоромъ ратныхъ людей съ Трубецкимъ. Онъ, напримѣръ, принялся отбирать дворцовыя земли, расхватанныя служилыми людьми при помощи временнаго московскаго правительства: это прямо было предусмотрѣно договоромъ съ Трубецкимъ. Когда произошло покушеніе на жизнь Пожарскаго, преступниковъ пытала *«вся рать и посадскіе люди»*, и «разослали ихъ по городамъ и темницамъ *землею*», т.-е. было исполнено указанное выше условіе договора: «не объявя всей землѣ, смертной казни никому не дѣлать и по городамъ не ссылать».

Какъ долго дѣйствовалъ новый «земскій совѣтъ» съ правами, предоставленными ему договоромъ съ Трубецкимъ или перешедшими къ нему отъ временнаго боярскаго правительства, роль котораго онъ поневолѣ долженъ былъ на себя взять? Былъ ли такой моментъ, когда эти функціи сняты были съ него формально и когда онъ вошелъ въ скромныя рамки дѣятельности обыкновеннаго земскаго собора? Эти вопросы прямо приводятъ насъ къ разъясненію одного пункта, до сихъ поръ остающагося спорнымъ. Рѣчь идетъ о взаимныхъ отношеніяхъ, какія установились между этимъ самымъ земскимъ соборомъ—и первымъ царемъ новой династіи.

Отвѣтъ, который мы даемъ на этотъ вопросъ, прямо вытекаетъ изъ всего нашего взгляда на значеніе предыдущихъ соглашеній «всей земли» съ мѣнявшимися представителями власти и кандидатами на престолъ. Изслѣдователи напрасно, какъ намъ кажется, разсматривали каждое изъ этихъ соглашеній совершенно отдѣльно отъ другихъ или, когда приводили ихъ въ связь, то старались отыскать въ каждомъ выраженіе интересовъ какого-нибудь особаго общественнаго слоя. Если расматривать всѣ эти заявленія въ связи, какъ рядъ постоянно приспособлявшихся къ обстоятельствамъ заявленій отъ имени «всей земли» одного и того же сословія,—все болѣе сильнаго, по мѣрѣ того какъ оно все болѣе оказывалось организованнымъ,—тогда отвѣтъ на поставленный вопросъ станетъ ясенъ самъ собой.

скаго: «по избранью всѣхъ чиновъ людей россійскаго государства—у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій съ товарищи». Это—буквальное повтореніе вступительныхъ выраженій договора съ Трубецкимъ.

Уже по тому количеству свѣдѣній о соглашеніи Михаила Θеодоровича со всей землей, какое дошло до насъ, и по разнообразію источниковъ изъ которыхъ идутъ однородныя показанія,—мы можемъ заключить, что фактъ этотъ не выдуманъ. Еще больше убѣдимся въ этомъ, если разберемъ содержаніе этихъ показаній.

Самое обстоятельное изъ нихъ принадлежитъ современнику Петра Великаго, Фокеродту — наблюдателю, которому нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ освѣдомленности. По его словамъ, «вельможи составили изъ себя родъ сената, который они назвали соборомъ и въ которомъ засѣдали и имѣли голосъ не только бояре, но также и всѣ другія лица, занимавшія высокія государственныя должности (welche in hohen Reichsbedienungen stunden). Они приняли единодушное рѣшеніе—не выбирать въ цари никого, кто не обѣщаетъ имъ клятвенно: предоставить полный ходъ правосудію по старымъ законамъ страны; никого не судить и не осуждать высочайшей властью; безъ согласія собора не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягчать подданныхъ новыми налогами и не принимать самомалѣйшихъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ (in Kriegs—und Friedensgeschäften). Чтобы крѣпче связать новаго царя этими условіями, они рѣшили не избирать своимъ властелиномъ никого, кто принадлежалъ бы къ вліятельной фамиліи и имѣлъ бы много приверженцевъ, съ помощью которыхъ могъ бы нарушить предписанные ему законы и вернуть себѣ снова верховную власть... Царь Михаилъ подписалъ эти условія безъ колебаній, и въ теченіе нѣкотораго времени правленіе велось предписаннымъ образомъ».

За исключеніемъ извѣстія о выборѣ «фамиліи», къ которой долженъ былъ принадлежать избираемый государь,—въ сообщеніи Фокеродта нѣтъ ничего для насъ новаго. Изложенныя имъ условія—тѣ же самыя, какія предлагались Владиславу, только съ замѣной боярской думы соборомъ, съ участіемъ «не однихъ бояръ», но также и другихъ лицъ. Такая перемѣна, дѣйствительно, была сдѣлана въ условіяхъ, какъ намъ извѣстно изъ договора дворянства съ Трубецкимъ. Мы не знаемъ, возобновленъ ли былъ этотъ договоръ формально съ Пожарскимъ, но если даже не было новаго соглашенія, то намъ остается только принять, что оставалось въ силѣ старое, такъ какъ мы видѣли выше, что Пожарскій считалъ себя связаннымъ нѣкоторыми и притомъ важнѣйшими постановленіями стараго договора. Фокеродтъ нѣсколько смутно изобразилъ то учрежденіе, въ пользу котораго вводились ограниченія власти; но даже и въ этомъ случаѣ онъ оставался вѣренъ истинѣ. Мы знаемъ, что «ратный совѣтъ» при ополченіяхъ, договаривавшійся съ вождями этихъ ополченій, дѣйствительно, пересталъ походить на думу, не пріобрѣтя еще, между тѣмъ, характера полнаго земскаго собора. Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, были «не одни бояре», но и «всѣ чины» присутствовали пока лишь на бумагѣ. Не менѣе

вѣрно и очень важно въ разсказѣ Фокеродта—то, что онъ представляетъ условія выработанными заранѣе, до опредѣленія личности кандидата. Такъ и должно было быть. если условія, предложенныя Михаилу, были тѣ же самыя, какія предложены раньше Владиславу и измѣнены потомъ тѣмъ фактомъ, что вмѣсто московскаго боярскаго правительства событія выдвинули органъ «всей земли», замѣнившій бояръ въ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Такимъ образомъ, свидѣтельство Фокеродта во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ соотвѣтствуетъ исторической обстановкѣ того момента, къ которому относится. Напротивъ, въ памяти русскихъ людей—уже въ XVII столѣтіи—событіе приняло одностороннюю и невѣрную окраску, вызвавшую совершенно справедливыя сомнѣнія изслѣдователей. Напрасно только, вмѣсто того, чтобы усомниться въ *оцѣнкѣ* факта русскими источниками, эти изслѣдователи усумнились въ *самомъ фактѣ*. Такъ, какъ передаютъ фактъ псковская лѣтопись и Котошихинъ, — это выходитъ повтореніе исторіи съ царемъ Шуйскимъ: *бояре* обязали царя безъ суда и вины никого не казнить и безъ *боярскаго совѣта* ничего не дѣлать. Конечно, какъ стояли дѣла въ моментъ избранія новаго царя,—*бояре* были безсильны и не могли наложить никакихъ обязательствъ: они сами, наравнѣ съ казаками, сдѣлались, какъ мы видѣли, предметомъ вражды всей земли, всемогущей тогда въ лицѣ своей рати и своихъ представителей на земскомъ соборѣ.

Роль земскаго собора въ послѣдніе мѣсяцы смуты и въ первые девять лѣтъ царствованія Михаила Θеодоровича окончательно убѣждаютъ насъ въ правильности нашего пониманія дѣла. Какъ извѣстно, роль эта была совершенно исключительная. Соборъ превратился на это время изъ учрежденія, созывавшагося въ *исключительныхъ* случахъ для подачи *совѣщательнаго* голоса по *этимъ только* вопросамъ, съ которыми обращалась къ нему власть,—въ постоянное учрежденіе, засѣдавшее непрерывно, съ постояннымъ составомъ депутатовъ, перемѣнявшихся по трехлѣтіямъ, съ широкимъ кругомъ дѣлъ не только законодательнаго и учредительнаго, но и чисто распорядительнаго характера. Это учрежденіе непосредственно отъ своего имени сносилось съ областной администраціей. Словомъ, въ тогдашнихъ экстренныхъ обстоятельствахъ, оно, дѣйствительно, вѣдало «самомалѣйшія (die allergeringsten) дѣла войны и мира». Обычная московская формула закона и указа: «государь указалъ, а бояре приговорили», смѣнилась на время другою: «мы, великій государь говорили и совѣтовали на соборѣ, а всѣхъ великихъ россійскихъ государствъ (или «городовъ») ратные и выборные и всякіе люди приговорили». Въ особенно важныхъ случаяхъ, «чтобы вамъ (землѣ) наше (депутатское) обѣщаніе было вѣдомо», всякихъ чиновъ люди даже прикладывали свои руки къ такимъ «государевымъ указамъ и всей земли приговорамъ».

И въ другомъ своемъ сообщеніи Фокеродтъ оказывается совершенно правъ: дѣйствительно, только что описанный порядокъ дѣйство-

валъ очень недолго, — только «до тѣхъ поръ, пока не вернулся изъ польскаго плѣна отецъ государевъ Филаретъ». Въ 1619 г. онъ пріѣхалъ въ Москву, въ 1622 г. кончилась очередная (третья) сессія постояннаго земскаго собора, та самая, при участіи которой Филаретъ выполнилъ одно изъ важнѣйшихъ обязательствъ, возлагавшихся на Владислава,—привесть въ извѣстность потери служилыхъ людей въ разоренныхъ смутой мѣстностяхъ и дать имъ податныя льготы. Послѣ того Филаретъ перестал созывать новыхъ депутатовъ. Даже польскую войну онъ началъ, десять лѣтъ спустя, не спросившись «всей земли». Но война затянулась и потребовала дополнительныхъ военныхъ расходовъ, не предусмотрѣнныхъ раньше: необходимо было обязать всю землю обложить себя новымъ налогомъ,—и земскій соборъ опять появился на сцену (въ 1633 и 1634). Таже исторія повторилась черезъ три-четыре года. Опять правительство попробовало обойтись безъ помощи собора, опять это не удалось, и пришлось созвать соборъ для назначенія всей землей новаго налога и новаго набора. Но даже изъ формально обѣщанныхъ депутатами денегъ удалось собрать немногимъ больше половины оклада; можно себѣ представить, къ чему приводило взиманіе денегъ и рекрутъ собственными силами правительства и для чего, слѣдовательно, необходимъ еще былъ правительству соборъ. Наученная горькимъ опытомъ, власть уже серьезнѣе отнеслась къ вопросу, воевать или не воевать, когда этотъ вопросъ вновь представился по поводу взятія казаками Азова (1642). «Чины» всей земли были на этотъ разъ собраны въ особенной полнотѣ и ихъ мнѣнія отбирались особенно тщательно и детально, «на письмѣ». Правительство спрашивало: разрывать ли съ турецкимъ и крымскимъ царемъ, и если разрывать, откуда взять средства для войны, которая можетъ оказаться очень продолжительной? Депутаты—преимущественно тѣхъ слоевъ общества, отъ которыхъ и зависѣла исправность платежей, отвѣчали, что они платить не могутъ и Азовъ былъ очищенъ. Въ послѣдній разъ «вся земля» рѣшила вопросъ о войнѣ и мирѣ, и въ первый разъ въ голосѣ всей земли послышалась новая нота. «Пуще турецкихъ и крымскихъ бусурманъ мы разорены отъ московской волокиты и отъ неправедныхъ судовъ» ,говорили, представители городского дворянства. «Наша братья», городовые дворяне идутъ въ Москву въ чиновники («къ государевымъ дѣламъ»); служа въ приказахъ и по областному управленію, они наживаются, а военная служба страдаетъ. Дворовые люди государя тоже занимаютъ выгодныя должности по управленію дворцовыми имуществами, а полковой службы не не служатъ. Дьяки и подьячіе, находясь постоянно «у государевыхъ дѣлъ», берутъ взятки и наживаютъ себѣ такія «неудобьсказаемыя палаты», какихъ при прежнихъ государяхъ не было и у «великородныхъ» людей. Торговые люди прибавляли къ этому, что они страдаютъ отъ воеводъ: «при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные ста-

*

росты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было; посылались они только въ окраинные города съ ратными людьми для береженья отъ тѣхъ же турецкихъ и крымскихъ и нагайскихъ людей». Наконецъ, и мелкіе тяглецы московскихъ черныхъ слободъ жаловались, что государство запрягло ихъ на службы,—въ цѣловальники по приказамъ, въ «ярыжные», въ пожарный обозъ при московской полиціи. Смыслъ всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ неудовольствій былъ одинъ и тотъ же. Въ тотъ моментъ, когда «вся земля» непосредственнымъ личнымъ усиліемъ отдѣлалась отъ бояръ и отъ казаковъ, когда она думала подъ наблюденіемъ своихъ депутатовъ возстановить «прежніе обычаи» московскаго государства, передъ ней обрисовалось не новое по существу, но новое по размѣрамъ зло, которое, притомъ, слишкомъ тѣсно было связано съ тѣмъ самымъ благомъ, къ которому земля стремилась,—съ упорядоченіемъ государства. Противъ этого неожиданнаго врага «земля», въ свою очередь, оказывалась безсильной.

Дѣло въ томъ, что необходимость въ постоянномъ земскомъ соборѣ вызывалась полнымъ разрушеніемъ управленія и отсутствіемъ правильной администраціи. Естественно, что реорганизація управленія была первой мѣрой, которую долженъ былъ принять государевъ отецъ, начавши «вновь строить государство». Онъ принялся за выполненіе этой задачи со свойственной ему энергіей и умѣніемъ. Результатомъ его усилій былъ тотъ строго-бюрократическій строй, который, безъ сомнѣнія, приводилъ въ порядокъ государственныя дѣла, но въ то же время избавлялъ власть отъ необходимости справляться при всякомъ важномъ случаѣ съ настроеніемъ «всѣхъ чиновъ». Вновь налаженный порядокъ управленія отдавалъ государство въ руки всемогущей бюрократіи, надъ злоупотребленіями которой никакой дѣйствительный контроль былъ невозможенъ.

Такимъ образомъ и произошло, что то же самое сословіе, которое за нѣсколько лѣтъ раньше законодательствовало и распоряжалось отъ своего собственнаго имени, въ ближайшій слѣдующій моментъ поставлено было въ необходимость изливать передъ властью свои безсильныя жалобы. Но какъ же могло оно само допустить такую невыгодную для себя перемѣну?

Отвѣтъ мы найдемъ въ извѣстныхъ намъ уже отчасти взглядахъ самого служилаго сословія на ту роль, которая выпала ему на долю въ событіяхъ смутнаго времени. Оно представляло себѣ эту роль временной и чрезвычайной. Оно и не хотѣло вовсе своимъ договоромъ съ избиравшимися имъ представителями власти устанавливать новаго государственнаго порядка. Оно видѣло въ этомъ только кратчайшій путь къ возстановленію «прежняго обычая». Его единственной цѣлью было, «чтобы россійское государство послѣ московскаго разоренія впредь безгосударно не было». Оно боялось, такимъ образомъ, не излишества власти, а недостаточности власти и противъ этого принимало

свои мѣры. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы организовать надъ властью правильный контроль и позаботиться о дѣйствительности такого контроля, оно не побоялось само стать правительствомъ, чтобы помочь минутной слабости власти; а когда эта минута прошла, оно сразу—и безъ всякаго протеста—потеряло и участіе въ правительствѣ, и возможность контроля. Съ своей точки зрѣнія, оно даже еще слишкомъ долго засидѣлось въ правительствѣ: на свои депутатскія полномочія оно всегда смотрѣло, какъ на непріятную повинность, къ отбыванію которой надо приступать какъ можно позже и отбывать ее какъ можно скорѣй. Ни вкуса, ни потребности во власти не развили въ служиломъ сословіи эти нѣсколько лѣтъ постоянныхъ мытарствъ по ополченіямъ и соборамъ. Болѣе ловкіе члены сословія воспользовались близостью ко двору и правительству, чтобы устроиться «у государевыхъ дѣлъ». Масса стремилась использовать плоды своего короткаго участія во власти у себя дома, въ деревнѣ. Обезпечить за своимъ сословіемъ, какъ цѣлымъ, политическую власть въ будущемъ не приходило въ голову ни тѣмъ, ни другимъ. Для этого въ сословіи было слишкомъ мало организованности и политическаго смысла. Его политическіе взгляды, въ огромномъ большинствѣ, совпадали съ тѣми, которые намъ извѣстны изъ разговора поляка съ русскимъ въ Москвѣ (стр. 221).

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что въ сознаніи господствовавшаго сословія того времени мы не найдемъ элементовъ оппозиціи и критики. Содержаніе этого сознанія исчерпывается извѣстными намъ націоналистическими идеологіями. Чтобы найти элементы критики въ XVII ст., надо обращаться не къ классовой борьбѣ, какъ это мы дѣлали по поводу XV и XVI ст. Мы найдемъ эти элементы въ самой бюрократіи, въ вызванномъ ея дѣятельностью приливѣ иноземныхъ идей.

Данныя о побѣдѣ націоналистическихъ идеологій см. въ цитированныхъ раньше книгахъ М. А. Дьяконова и И. Жданова, а также въ «Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли» автора «Очерковъ». Новѣйшее изложеніе событій смутнаго времени съ точки зрѣнія классовой борьбы принадлежитъ С. Ѳ. Платонову: см. его «Очерки по исторіи смуты». Спб. 1899. Въ предыдущей литературѣ идея постепеннаго выступленія различныхъ общественныхъ слоевъ, какъ причины продолжительности смуты, съ особенной яркостью развита В. О. Ключевскимъ въ его «Боярской думѣ», гл. XVIII. Ср. также его «Краткое пособіе по русской исторіи». М. 1899. Въ текстѣ мы старались мотивировать наши собственныя отклоненія отъ взглядовъ обоихъ изслѣдователей. Текстъ договора съ Владиславомъ напечатанъ въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. II, № 200. Текстъ приговора 30-го іюня см. въ «Исторіи» Карамзина, т. XII, примѣчаніе 793. Сочиненіе Фокеродта издано *Ф. Германномъ* въ книжкѣ: «Russland unter Peter dem Grossen». Lpz. 1872; русскій переводъ см. въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей», 1874 г., кн. II. Политическій разговоръ поляка съ русскимъ въ Москвѣ разсказанъ въ дневникѣ *Маскѣвича*, см. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», изд. 3-е, ч. II. Спб. 1859. Фактическія данныя о земскихъ соборахъ подобраны въ сочиненіи *В. Н. Латкина*: «Земскіе соборы древней Руси», Спб. 1885. Показанія разныхъ чиновъ людей на соборѣ 1642 г. см. въ «Собраніи грамотъ и договоровъ», т. III, № 113.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ СУТОЛОКѢ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ).

(*Продолженіе* *).

XII.

Земскіе начальники у насъ вступили въ отправленіе своихъ обязанностей въ очень тяжелое и отвѣтственное время,—въ зиму послѣ голоднаго 1891 года.

Среди земскихъ начальниковъ, какъ и вездѣ, были и хорошіе люди, были и дурные, но самымъ характернымъ у всѣхъ было полное отсутствіе единства дѣйствій.

Земскій начальникъ Носиловъ, образованный, гуманный морякъ въ отставкѣ, не побоялся выяснить одну изъ ближайшихъ причинъ, вслѣдствіе которой голодъ 1891 года такъ сильно подорвалъ крестьянъ.

Совершенно зажиточные крестьяне послѣ аукціона превращались въ нищихъ. Добро ихъ переходило въ руки кулаковъ деревни, этихъ піявокъ — только высасывающихъ. Городской кулакъ, при всей своей отрицательной сторонѣ, является въ то же время и основателемъ фабрикъ, заводовъ, промышленной дѣятельности; кулакъ же деревни только сосетъ.

Эти піявки въ 1890 году отняли все у населенія, причемъ на долю государства досталась едва ли четвертая часть отнятаго, потому что на торгахъ вещь шла за четвертую и пятую часть своей стоимости.

Носиловъ въ длинномъ спискѣ указалъ на всѣхъ этихъ разорившихся, спившихся, бросившихъ свои семьи.

Одного такого уже сумасшедшаго, высокаго, съ растрепанными волосами, съ idіотскимъ лицомъ, растеряннаго, качающагося на своихъ тонкихъ и жидкихъ ногахъ я видѣлъ. Онъ испуганно ищетъ глазами что-то и тихо твердитъ одно:

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1900.

— Тёлочка, тёлочка...

Это былъ богатый, уважаемый крестьянинъ, глава большой семьи...

Въ своей практической дѣятельности Носиловъ относился къ населенію съ уваженіемъ и тактомъ, безъ всякаго „я", безъ всякихъ требованій, вродѣ ломанья шапокъ или вставанья при его проѣздѣ. Онъ никогда не присутствовалъ на сходахъ, не гнулъ никакихъ линій, почти не показывался въ деревняхъ, подвластныхъ ему, и только въ случаяхъ, когда крестьяне сами обращались къ нему за помощью, помогалъ имъ, растолковывалъ законы, указывалъ пути.

Такой образъ дѣйствій и далъ соотвѣтственные результаты,—его уважали. И хотя и въ его округѣ были безпорядки и во время голода, и холерные, и такъ называемый „коровій" бунтъ, и безпорядки по поводу обязательнаго страхованія скота, исправленія татарскихъ религіозныхъ книгъ, всеобщей переписи, изъ-за Краснаго креста среди населенія полумѣсяца, но всѣ они обошлись безъ призыва войска, сѣченья, суда и всякихъ другихъ мѣръ наказаній.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что на-ряду съ Носиловымъ были земскіе начальники и другого типа.

Яркимъ представителемъ ихъ былъ Круговской, у котораго нашелъ себѣ пристанище бывшій у меня управляющій, Петръ Ивановичъ Ивановъ.

Круговской былъ изъ военныхъ „хорошаго тона". Онъ носилъ кольца и длинные выхоленные ногти, не боялся никакихъ темъ и начиналъ всегда мечтательнымъ тономъ съ оттѣнкомъ презрѣнія:

— У насъ любятъ изъ мухи дѣлать слона...

Или:

— Мы, военные, обладаемъ однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ: смотримъ на вещи просто...

Идеаломъ его былъ русскій солдатъ.

— Тотъ же хамъ,—говорилъ онъ,—приходитъ въ полкъ мужичье мужичьемъ и въ три, четыре годи преобразовывается въ человѣка, которому я не задумался бы дать должность любого пристава,—толковый, исполнительный, грамотный и безъ завирательныхъ идей, что̀ очень важно.

Круговской многозначительно, небрежно и властно поднималъ свой палецъ съ перстнемъ.

— И вотъ совершенно опредѣленный путь для деревни, — дисциплина, гимнастика, отеческое отношеніе.

Это „отеческое отношеніе" было особенно трогательно въ человѣкѣ, у котораго только пробивались еще усы.

Въ доказательство своихъ уже установившихся отеческихъ

отношеній Круговской носился съ письмомъ одного молодого крестьянина-пропойцы его округи, изъ грамотныхъ.

Письмо пошлое, наполненное грубой лестью, кончавшееся подписью: „вашъ негодный и вѣрный рабъ Алешка“.

Круговской приходилъ въ восторгъ особенно отъ словъ: „негодный и вѣрный рабъ“.

— Негодяй, шельма, но замѣчательно преданный,—типъ Шибанова стремянного. Въ огонь и воду готовъ: разнюхать, разузнать...

И Круговской, складывая свои обточенные ногти въ кучку, осторожно цѣловалъ ихъ острія.

Впослѣдствіи, впрочемъ, этотъ самый Алешка „Шибановъ“ и явился главнымъ обвинителемъ Круговского въ безъимянномъ доносѣ на имя губернатора.

У Круговского не сходили съ языка фразы, вродѣ слѣдующихъ: „со мной, голубчикъ, не долго нафинтишь“, или „я сразу вижу“, „я сквозь землю вижу“, „я по своему“ и т п. По своему Круговской распорядился и въ дѣлѣ доставки сѣмянъ къ веснѣ 1892 года.

Я уже упоминалъ, что пока земство выдерживало характеръ въ борьбѣ съ голодающимъ населеніемъ относительно общественной запашки, пока, наконецъ, помирились и запашка была принята, и сѣмена, и рабочая скотина у большинства были уже проѣдены.

За сѣменами надо было ѣхать въ городъ, отстоявшій отъ насъ за сто верстъ, а за нами и еще верстъ на триста тянулась полоса безъ желѣзной дороги.

Только ничтожное меньшинство, обладавшее еще кое-какой рабочей скотиной, успѣло во-время привезти сѣмена, остальные же возили ихъ еще и въ іюнѣ.

Когда богатые крестьяне у Круговского привезли себѣ сѣмена, онъ приказалъ ссыпать зерно въ свои амбары и собралъ сходъ.

На этомъ сходѣ онъ, приблизительно, сказалъ слѣдующее:

— Время пришло тяжелое и каждый долженъ помочь, чѣмъ можетъ, да и все равно, вамъ по круговой порукѣ отвѣчать же придется другъ за друга. Ну, такъ вотъ: у богатыхъ есть лошади, а у бѣдныхъ руки. Пусть богатые привезутъ бѣднымъ сѣмена, а бѣдные заплатятъ имъ работой: жнитвомъ, молотьбой.

Богатые запротестовали. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Намъ бѣдные—братья, что ли? Намъ что для нихъ работать? Тамъ жнитво будетъ ли, нѣтъ ли,—можетъ и своимъ семейнымъ работы не хватитъ, такой ли годъ, чтобъ нанимать, да и нанято уже все, что надо было, а сейчасъ, если мы сморен-

ныхъ голодухой лошадей погонимъ въ городъ опять, лошади встанутъ, кѣмъ тогда сѣять?

— Ну, полно,—презрительно кивнулъ ему Круговской,—морочь другого, но не меня. Конечно, не охота, да ужъ видно придется все-таки вспомнить Бога, и наказаніе-то намъ за то, что Его совсѣмъ забыли. Забыли, что велѣлъ Онъ помогать другъ другу.

— Помогать?—грубо огрызнулся возражавшій,—такъ вѣдь по охотѣ, чай, а не силой. Вашей милости охота свое добро отдать,—хоть всю землю свою отдайте, коли охота помочь, а неволить нельзя.

Ноздри у Круговского раздулись, но онъ сдержался и сказалъ спокойно:

— Ну-съ, голубчикъ, я съ тобой долго разговаривать не буду: староста, посади его за непочтительное обращеніе на три дня по 51-й статьѣ.

— За что?!

— А вотъ узнаешь, за что, какъ три дня просидишь: мало? Опять на три дня; до Троицы такъ; сгною... я тебя научу!!

Крестьянинъ хотѣлъ было еще возразить, но только крякнулъ и, махнувъ рукой, тяжело пошелъ со схода.

Никто больше не грубилъ, но богатѣи все-таки подъ разными предлогами уперлись и ѣхать въ городъ вторично отказались наотрѣзъ.

— Ну-съ, какъ желаете, господа, но всѣ сѣмена будутъ ссыпаться ко мнѣ въ амбаръ и раздѣлятся, когда послѣдній возъ пріѣдетъ изъ города.

Круговской выдержалъ характеръ и только въ началѣ іюня раздѣлилъ сѣмена.

Святой Егорій-надѣнь сѣтиво—полтора мѣсяца тому назадъ прошелъ, когда зашагали по чернымъ полямъ тревожныя напряженныя фигуры сѣвцовъ въ нервной быстрой работѣ, точно желая догнать Егорія, точно стараясь заглушить тревогу души и страхъ за поздній посѣвъ.

— Никто, какъ Богъ,—говорили они, тоскливо оглядывая уже чисто лѣтнее знойное, безъ облака небо.

Самые уравновѣшенные крестьяне, хотя и сбитые совершенно съ толку посѣвомъ среди лѣта, старались все-таки убѣдить себя вопреки очевидной логикѣ вещей.

— Неужели же такъ зря и сѣемъ! Чать, начальство все-таки понимаетъ, значитъ, не опоздано.

Но когда и сѣмена не взошли даже и черныя поля такъ и оставались черными вплоть до іюльскихъ дождей, то возмутились всѣ и говорили:

— Ну, конецъ свѣту: пошло все шиворотъ на выворотъ.

А богатѣи, въ числѣ двѣнадцати семействъ, сейчасъ же послѣ сѣва, послали ходоковъ на новыя земли. Къ осени и всѣ ушли, продавъ избы и размотавъ добро.

— Съ Богомъ, голубчики,—напутствовалъ ихъ Круговской,—довольно насосались вы крови голытьбы,—отдохнутъ безъ васъ.

Но и голытьба косилась на Круговского. Донималъ онъ ее помочами, при сдачѣ земли выговаривалъ барщину. Посѣялъ исполу гречу, а когда греча не уродилась, онъ приказалъ испольникамъ жать свою рожь.

Но, главное, всѣ обижались за то, что Круговской, выписавшій и для себя сѣмена, до прибытія ихъ, высѣвалъ тѣ крестьянскія сѣмена, которыя лежали въ его амбарѣ.

И у Круговского былъ прекрасный урожай, а Петръ Ивановичъ утѣшалъ крестьянъ, говоря:

— Э... все же равно, раньше того, какъ подвезутъ всѣ сѣмена, они также лежали бы, такъ хоть съ пользой полежали въ землѣ.

И съ лукавой, снисходительной улыбкой, слюнявя, прибавлялъ:

— Все равно: Богъ дастъ и въ окно подастъ, а за барина вамъ Богу молиться надо: онъ васъ жалѣетъ... э... тамъ взятокъ или тамъ... э... у богатенькаго тамъ взаймы взять... взаймы, понимаешь? Набралъ, гдѣ могъ, перевелся въ другое мѣсто, а тотъ сюда...

И Петръ Ивановичъ весь расплывался въ блаженную улыбку и уже совсѣмъ благодушно махалъ рукой:

— А вашъ баринъ ничего этого не дѣлаетъ: молиться за него надо... а тамъ, Богъ дастъ, и урожай будетъ еще...

Но Богъ не далъ въ тотъ годъ крестьянамъ урожая. Только у крупныхъ землевладѣльцевъ, да у кулаковъ былъ урожай, и хорошій урожай при хорошихъ цѣнахъ на хлѣбъ, къ тому же и дешевыхъ цѣнахъ на рабочія руки, такихъ же дешевыхъ, какъ и въ предъидущій голодный годъ.

И крестьяне съ завистью говорили:

— Ну, баре нынче противъ нашего брата на десять лѣтъ ходу взяли впередъ.

Недалеко отъ меня поселился какой-то земскій начальникъ изъ пришлыхъ—Левиновъ.

Онъ былъ изъ чиновниковъ, по какимъ-то непріятностямъ оставившій свою прежнюю службу.

Я только издали видѣлъ эту мрачную, сухую, загадочную фигуру, но о дѣйствіяхъ его говорила вся округа.

Онъ выписывалъ, напримѣръ, дешевыя картинки съ соотвѣт-

ственнымъ содержаніемъ, разсылалъ ихъ при бумагѣ по волостямъ, приказывая старшинамъ и старостамъ продавать ихъ.

Онъ заводилъ женскія рукодѣльныя заведенія для дѣвушекъ отъ 15 лѣтъ и выше: онѣ ткали ковры, плели кружева—днемъ и вечеромъ.

Ковры и кружева куда-то отсылались, а на заведенія земскій энергично собиралъ деньги съ крестьянъ, главнымъ образомъ, съ богатыхъ, но собиралъ и на сходахъ. А когда кто отговаривался тѣмъ, что у него нѣтъ денегъ, земскій выговаривалъ съ него рабочіе дни, и продавалъ ихъ богатымъ крестьянамъ, мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ.

Эту идею онъ впослѣдствіи развилъ болѣе широко, составивъ списокъ недоимщиковъ и расцѣнивъ ихъ недоимку въ соотвѣтствующихъ работахъ, кстати сказать, по очень дешевымъ цѣнамъ, назначилъ день торговъ, оповѣстивъ о томъ всѣхъ крупныхъ посѣвщиковъ округи.

Левинова скоро убрали.

Онъ какъ-то быстро и безслѣдно исчезъ, оставшись долженъ землевладѣльцамъ, крестьянамъ, оставивъ несчастную жену съ пятью дѣтьми, съ шестымъ въ ожиданіи, оставивъ въ такомъ же положеніи и нѣсколькихъ дѣвушекъ-мастерицъ въ устроенныхъ имъ заведеніяхъ, да одну молоденькую учительницу.

Въ другомъ родѣ былъ земскій начальникъ моего района, въ общемъ, благожелательный человѣкъ, съ университетскимъ образованіемъ, но не опытный. Обижались и на него и за слишкомъ большую энергію въ принятіи противуположныхъ мѣръ, и за общественную запашку.

Суть общественной запашки въ томъ, что крестьянъ обязывали (какъ мы уже видѣли, незаконно) часть ихъ земель засѣвать и урожай съ нихъ ссыпать въ общественные магазины. Этимъ хлѣбомъ должны были погашаться какъ старыя ссуды по продовольствію населенія, такъ и обезпечиваться будущіе недороды.

По справедливости, такія запашки слѣдуетъ причислить къ мѣрамъ, достигающимъ совершенно обратныхъ цѣлей.

Вотъ логика вещей.

Развѣ голодъ не указалъ на полное отсутствіе какихъ бы то ни было запасовъ въ населеніи? Какимъ же образомъ, отнимая и безъ того не хватающую землю для запашки, можно вдругъ получить запасъ?

Далѣе:

Взять много земли для запашки, что останется для текущихъ потребностей? Взять мало, что дастъ тогда эта запашка?

А между тѣмъ, сколько безполезнаго времени терялось на нее.

Надо принять здѣсь во вниманіе и то обстоятельство, что при плохой обработкѣ вообще земли крестьянами (это не упрекъ, а фактъ, источникъ котораго—безсиліе, плохая лошаденка, плохая сбруя) общественная работа по качеству своему еще ниже. И вотъ почему.

Работы на часъ, а ѣхать надо въ другое поле—день пропалъ. Вслѣдствіе этого и пашню, и сѣвъ, и всѣ работы по общественной запашкѣ крестьянинъ откладывалъ на самый конецъ и въ результатѣ получается всегда запозданная плохая работа.

— Но зачѣмъ же они такъ дѣлаютъ?—убѣждалъ земскій начальникъ,—пускай и берутъ на день работы: не сажень, а работу дня—двадцать саженъ, а тотъ, кто семейный, пусть выжнетъ за то не сажень, а двадцать саженъ..

Въ теоріи все это выходило хорошо, но на практикѣ всякій крестьянинъ отбывалъ свою сажень, теряя на пашню посѣвъ, полку, жнитво, возку и молотьбу своей сажени по дню. И въ результатѣ получалось то, что если учесть весь затраченный трудъ, то пудъ хлѣба съ общественной запашки, стоившій на рынкѣ 20—30 к., обходился крестьянамъ въ 2—3 рубля...

Надо указать и вотъ еще на какую несправедливую сторону общественной запашки.

Работа здѣсь распредѣляется по числу душъ: каждый годъ съ рожденіемъ или смертью члена семьи мужскаго пола и число душъ измѣняется. И можетъ выйти такъ: кто бралъ на одну душу вслѣдствіе увеличенія семьи работалъ теперь больше, чѣмъ бралъ хлѣба, также какъ тотъ, у кого за смертью душъ становилось меньше, работалъ по раскладкѣ наличныхъ душъ меньше того, чѣмъ брали хлѣба.

Нельзя не упомянуть при этомъ и о злоупотребленіяхъ при продажѣ такого общественнаго хлѣба.

Какой-нибудь изъ теперешнихъ радѣтелей общественнаго деревенскаго блага будетъ энергично возражать:

— Помилуйте, хлѣбъ продается съ торговъ, заранѣе оповѣщается и пр. и пр.

Это теорія. Практика же вещей говоритъ иное: хлѣбъ скупается кулаками-стачечниками и радѣтель общественнаго блага знаетъ это отлично. Знаетъ и то, что наличность хлѣба въ рукахъ продажныхъ надсмотрщиковъ и сколько въ дѣйствительности этого хлѣба, знаетъ только онъ, да покупщикъ.

Словомъ, отвратительна эта общественная запашка во всѣхъ отношеніяхъ: и какъ всякая натуральная повинность, и какъ круговая порука, и какъ раззорительный и въ то же время никуда негодный палліативъ.

И крестьяне отлично понимали все это также, какъ понимали

весь эгоизмъ въ данномъ случаѣ земства, доведшаго ихъ до посѣва въ іюнѣ, до второго голода. Понимали и раздражались.

Раздражались крестьяне и заботами нашего земскаго о мѣрахъ противъ пожара.

Онъ писалъ циркуляры, чтобы крестьяне смазывали глиной крыши избъ и дворовъ и самъ ѣздилъ и энергично слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ своихъ требованій.

И не успѣвшія отдохнуть отъ зимней голодухи, отъ перевозки сѣмянъ и весенней пашни лошаденки таскали опять глину, а упавшіе окончательно духомъ крестьяне съ высотъ крышъ своихъ видѣвшіе свои опять и въ этомъ году черныя поля—апатично смазывали глиной тѣ крыши, которыя, благодаря гнилой соломѣ, которую и скотъ не ѣлъ, уцѣлѣли, приговаривая:

— Прежде придетъ, бывало, голодный, годъ хоть крышами кормили скотину, а теперь и тутъ шабашъ.

А когда ветхая крыша подъ непринятой въ разсчетъ новой тяжестью глины проваливалась, несчастный крестьянинъ въ отчаяніи и тоскѣ проклиналъ и эту работу, и день и часъ своего рожденія.

XIII.

Холера еще была гдѣ-то далеко, а страшные, одинъ нелѣпѣе другого слухи уже ходили въ народѣ.

Все невѣжество массъ точно проснулось и рельефно и ярко обрисовалось въ этихъ слухахъ.

Въ мирное время крестьяне благодушно будутъ разсказывать о вѣдьмахъ и домовыхъ, а на малѣйшее сомнѣніе и сами смутятся и, махнувъ рукой, скажутъ:

— Бабы, конечно, чего не наговорятъ.

Но теперь они не хотѣли больше смущаться и вѣрили.

Вотъ какой сцены я былъ свидѣтелемъ въ іюнѣ 1892 года, въ деревнѣ, гдѣ пришлось мнѣ кормить лошадей при проѣздѣ въ городъ.

Было часа два дня. Все нѣжилось въ яркихъ лучахъ солнца. Куполъ неба, точно прозрачный, вторично отражалъ эти лучи и посылалъ ихъ свѣтло-голубыми стрѣлами назадъ на поля, на прудъ, на грязныя высохшія избы и дворы деревни. У единственной одинокой ветлы у пруда толпился народъ и горячо о чемъ-то толковалъ.

Сидя на завалинкѣ того двора, гдѣ кормились мои лошади, я смотрѣлъ на эту толпу и слушалъ словоохотливую нервно-возбужденную хозяйку, которая мнѣ, своему старому знакомому, что-то толковала.

— Зачѣмъ народъ собрался тамъ?

— Охъ, батюшка, такое пошло по свѣту, такое, что и дѣдамъ нашимъ не приводилось,—что дѣдамъ? Сколько ни жилъ другой, а такого не видалъ еще... Три сестры изъ индійской стороны взошли въ нашу землю: горячка, холера, да чума. Какъ взошли, никому неизвѣстно: кто ихъ пропустилъ?! Вотъ по деревнямъ и смѣкаетъ теперь народъ: кому надо было ихъ пускать? О-охъ! Свѣтъ-то свѣтъ куда поворачивается!

Она вдругъ съ ужасомъ уставилась въ меня.

— Я-то, глупая, что надѣлала?! Разсказала тебѣ.

Но также быстро успокоившись, махнула рукой и весело сказала:

— Охъ, да вѣдь ужъ ты не погубишь меня, старуху.

Она двумя пальцами обтерла губы и продолжала:

— Ни меня, ни себя губить но захочешь: вотъ пойди, скажи имъ сейчасъ, что узналъ про сестеръ, живого не выпустятъ, удушатъ, камешекъ къ шейкѣ привяжутъ и уложатъ въ тотъ прудикъ.

— За что?

— Поопасаются, какъ бы не донесъ, батюшка,—даромъ, что и знакомый будто баринъ, да нынче времена такія пошли, что скоро и отецъ не отецъ станетъ.

— Да вѣдь это глупости.

— Глупости?—наклонилась ко мнѣ старуха,—отъ простоты твоей глупости это... Какія глупости, когда видишь, чего надѣлали? Поля видѣлъ?—Черныя, а лѣто-то въ серединѣ,—въ серединѣ лѣта сѣяли,—голодъ опять? Въ нашей деревнѣ сколько народа, а во всей-то землѣ—ну! Ораву эдакую второй годъ чѣмъ кормить станутъ, когда и въ прошломъ году хлѣбъ на полтора рубля выскочилъ? А тутъ какъ три сестрицы примутся—и скачаютъ ненужнаго народу, чѣмъ также имъ съ голоду опять пропадать. И шито и крыто и никто и не узналъ: кто тамъ виноватъ, да какъ, да что: понялъ?

Я успокоилъ старуху, сказавъ ей, что ничего крестьянамъ не скажу, что подойду къ нимъ такъ отъ себя, ничего будто не зная и, вставъ, побоpая какое-то жуткое чувство, пошелъ къ пруду.

Но, увидѣвъ, что я иду, крестьяне не стали меня дожидаться и, быстро перейдя по ту сторону плотины, разошлись.

Потомъ я нѣсколько разъ слышалъ отъ крестьянъ тотъ же разсказъ, всегда передававшійся мнѣ съ глазу на глазъ, подъ страшнымъ секретомъ и каждый разъ на мои доводы, что это ложь, я получалъ въ отвѣтъ снисходительное и непреклонное:

— Нѣтъ, это ужъ вѣрно.

И все тотъ же доводъ:

— Голодъ опять?? Такъ?! Чѣмъ кормить? А?!

Напряженіе и тревога расли. Пріѣхалъ какъ-то ко мнѣ урядникъ:

— Смута идетъ въ народѣ: толкуютъ всякій свое... Человѣкъ воротился изъ Астрахани: „самъ, —говоритъ,—видѣлъ: ротъ откроютъ, набьютъ ему въ ротъ бѣлаго порошка и въ гробъ, живьемъ, пока бьется еще и тащатъ,—вотъ какъ подошло, вотъ какъ за нашего брата нынче принялись". Скажешь имъ: „да Богъ съ вами"—оборвутъ: „съ нами-то Богъ, а съ вами кто? черный?.." Начнешь искать человѣка, который воротился изъ Астрахани: и пойдутъ,—тутъ, тамъ, въ той деревнѣ и нигдѣ никого не найдешь.

И урядникъ, понижая голосъ, объясняетъ:

— Видите, какъ они толкуютъ: кто, говорятъ, народъ подвелъ подъ новый голодъ? Коли воля была ихъ на это и на все, значитъ, воля есть. А другіе и не то еще толкуютъ. Я, конечно, донесъ становому, такъ вѣдь что тутъ сдѣлаешь? Говоритъ: не тѣ времена, видишь и не видишь, слышишь и не слышишь... Легенду о сестрахъ при приближеніи холеры смѣнилъ болѣе реальный слухъ:

— Доктора порошками морятъ народъ.

И тоже объясненіе.

Такъ, волнуясь, ждали холеру.

А передъ самымъ появленіемъ ея всѣ слухи о ней затихли, какъ будто забыли о ней.

И вдругъ, какъ громомъ поразившая всѣхъ вѣсть: въ Парашинѣ холера.

Въ той самой чувашской Парашинѣ, гдѣ зимой былъ сплошной тифъ.

Опять заволновались, взрывъ какого-то животнаго страха. Страхъ не передъ болѣзнью, а предъ кѣмъ-то живымъ, невидимо ходящимъ гдѣ-то между людьми существомъ, неумолимымъ, страшнымъ, которое искало свои жертвы: и чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ страшнѣе было человѣку, потому что зналъ онъ, что его-то и отмѣтятъ, какъ лишняго.

И голытьба пила и какой-нибудь пьяный дико ревѣлъ:

— Какая такая холера?.. Выходи! Не боюсь...

И, качаясь, онъ засучивалъ рукава, вызывая на бой то неумолимое, которое уже жило, уже ходило между ними.

Бѣдные парашинцы!

Я какъ-то вскорѣ послѣ сѣва ѣздилъ къ нимъ и попалъ случайно на ихъ праздникъ весны—Уявъ, въ честь Тура и молодой богини, дочери добраго и великаго бога Тура.

Этотъ праздникъ весны, этотъ языческій культъ Венеры, эти люди до Владимировскаго періода, въ ихъ національныхъ костюмахъ, такъ ярко запечатлѣлись въ моей памяти.

Я, не заѣзжая тогда въ село, подъѣхалъ прямо къ лугу, гдѣ происходило празднество.

О страшныхъ картинахъ зимы не было больше и помину: теперь было тепло, грѣло солнце, сверкала рѣчка; паровыя поля, за отсутствіемъ скотины, какъ ковромъ, покрылись желтыми, бѣлыми, синими цвѣтами.

Отъ этихъ цвѣтовъ пахло нѣжнымъ ароматомъ. На веселомъ лугу кружился хороводъ изъ молодыхъ дѣвушекъ и парней.

При приближеніи моего экипажа, толпа сперва бросилась было въ разсыпную, но меня узналъ старикъ-чувашъ, переводчикъ, и, остановившись, хотя и не совсѣмъ увѣренно, но ждалъ меня.

Отбѣжавъ, поодаль, остановилась и остальная толпа.

— Думали, была, чиновникъ какая,—снисходительно привѣтствовалъ меня старикъ.

— А, если и чиновникъ,—пренебрежительно огрызнулся съ козелъ Владиміръ,—такъ онъ съѣстъ что ли? То-то зайцы...

— Ну, зайца,—сказалъ старикъ,—нынче чувашка не зайца: кто хочешь, пріѣзжай...

— А сами отъ кого хочешь, лыжи такъ и навастриваютъ...

Я смотрѣлъ на дѣвушекъ, все еще стоявшихъ вдали.

На нихъ были надѣты родъ бѣлыхъ длинныхъ рубахъ, обшитыхъ краснымъ кумачомъ, перепоясанныхъ красными поясами, сзади спускался родъ хвостовъ, а на головѣ были оригинальные уборы: металлическія шапочки, вродѣ тѣхъ, что носили древніе воины, временъ Владиміра, съ острой шишечкой на макушкѣ; на грудь, вдоль щекъ, отъ шапочки падали длинныя застежки, всѣ обшитыя мелкой и крупной серебряной монетой.

Въ этомъ нарядѣ молодыя лица дѣвушекъ выглядѣли свѣжо, оригинально и сказочно.

— Что эти шапочки можно купить?—спросилъ я.

— Нѣтъ, купить нельзя, смотрѣть можно.

И разговорившійся со мной старикъ ушелъ къ дѣвушкамъ и, очевидно, сталъ уговаривать ихъ подойти ближе. Онѣ не сразу подошли, но наконецъ согласились.

Я смотрѣлъ, какъ онѣ подходили: увѣренно, плавно, спокойно.

— Смотри,—сказалъ мнѣ старикъ.

Подойдя, дѣвушки взялись за руки, составили большой кругъ и начали пѣть: это было такое оригинальное и пѣніе и зрѣлище, какого я никогда не видалъ. То-есть, видѣлъ на сценѣ, въ балетѣ, въ оперѣ. Но это не былъ ни балетъ, ни опера, а жизнь.

Большой кругъ плавно и медленно двигался; дѣвушки шли въ

полъоборота, одна за спиной у другой. Одинъ шагъ онѣ дѣлали большой, останавливались и тихо придвигали другую ногу.

На сценѣ это показалось бы можетъ быть выдумкой,—здѣсь же былъ естественен и непередаваемо красивъ этотъ хороводъ молодыхъ весталокъ.

Онѣ смотрѣли передъ собой и пѣли.

— О чемъ поютъ онѣ?

— Безъ словъ поютъ,—отвѣчалъ нервно старикъ,—такъ будутъ пѣть онѣ, когда послѣ смерти пойдутъ къ Турѣ. Онѣ будутъ смотрѣть прямо въ глаза и на голосъ пойдутъ... Человѣкъ бѣдный, нѣтъ ничего, много грѣховъ... Только на голосъ, на одинъ голосъ, безъ словъ пойдутъ, чтобъ простилъ великій добрый Тура...

Дѣвушки пѣли, а старикъ переводчикъ, онъ же и жрецъ, говорилъ мнѣ:

— Бѣдные чуваши мы, живемъ какъ можемъ. Великій Тура весну далъ намъ, а дочка его намъ свадьбы правитъ. Такъ и живемъ мы: пашемъ землю, круглый годъ работаемъ, а весна придетъ, опять веселимся. Мы любимъ землю. Отъ насъ обиды никому нѣтъ. Мы все весело дѣлаемъ: работаемъ, празднуемъ, а смерть придетъ—умираемъ. Такъ мы живемъ. А эту вотъ пѣсню только разъ въ годъ весной можно пѣть: больше нельзя, грѣхъ.

Старикъ говорилъ, а я слушалъ.

Иногда громче поднималась пѣснь среди аромата полей и улетала въ небо, сливаясь тамъ съ пѣсней жаворонка нѣжная тихая пѣснь о промчавшемся..

Что оперы, что романсы?! Развѣ передадутъ они этотъ ароматъ временъ, этотъ ароматъ вѣчно молодой весны и нѣжной тоски о проносящихся вѣкахъ? Развѣ передадутъ они эту пѣснь народа, двѣ тысячи лѣтъ сквозь всю ломку пронесшаго съ собой яркій образъ прежней жизни? Развѣ можно выдумать такую пѣснь?

Дѣвушки, кончивъ смотрѣли на меня, охваченныя своей пѣсней.

Къ одной, у которой глаза горѣли такимъ сильнымъ огнемъ, а щеки отъ контраста съ сѣрымъ металломъ ея каски были еще румянѣе и вся она была яркимъ сочетаніемъ мира и войны, покоя и возбужденія, огня и холода, подошелъ стройный парень съ черными большими глазами, тоже въ бѣлой, но короткой рубахѣ, тоже обшитой кумачемъ.

Мужчины-чуваши мелкорослы и плюгавы и красивый парень рельефно выдѣлялся.

— Это мой внукъ Зораибъ; вечеромъ онъ возьметъ ее въ жены себѣ. А это мой второй внукъ Зорабъ.

Зорабъ былъ моложе Зораиба и обѣщалъ изъ себя въ будущемъ типичную плюгавую фигуру растрепаннаго взвинченнаго,

съ виду вѣчно пьянаго, но всегда веселаго, благодушнаго чуваша, который вмѣстѣ съ двадцатью такими же будутъ сперва убѣгать отъ новаго лица, а потомъ усердно наперерывъ бросятся выпрягать или запрягать ему лошадей, крича благимъ матомъ, безъ толку суетясь, на всѣ вопросы, какъ ихъ зовутъ, расторопно отвѣчая единственное знакомое русское слово:

— Иванъ!

Я вынулъ деньги и отдалъ ихъ невѣстѣ Зораиба.

Глаза старика сверкнули и онъ что-то оживленно заговорилъ. Дѣвушки весело, снисходительно слушали его и, переглянувшись, взялись опять за руки.

Когда образовался кругъ, двѣ, разорвавъ его, отвели каждая въ свою сторону концы круга и всѣ сразу опустились на землю.

Онѣ не то встали на колѣни, не то сѣли совсѣмъ.

И вся эта гирлянда бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, всѣ эти молодые глаза такъ ласково, непринужденно и привѣтливо смотрѣли на меня. Униженія не было и слѣда—онѣ только привѣтствовали меня, чужестранца.

Такъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, слушалъ какой-нибудь путникъ, въ честь котораго пѣли дѣвушки,—путникъ, который попалъ на ихъ и свой праздникъ. Такъ могъ стоять и мой предокъ. И, заколдованный пѣсней, я видѣлъ теперь то, что скрыто отъ смертныхъ.

Садилось солнце, мечтательно догоралъ день, по золотистымъ небеснымъ полямъ заката двигались тѣни, а одинокія тучки туда выше, въ бирюзовомъ небѣ уже вспыхнули и горѣли прозрачнымъ послѣднимъ огнемъ.

И сильнѣе охватывало меня очарованіе.

Только снится иногда такое состояніе, какое испытывалъ я,—нѣжное, непередаваемо сильное, это состояніе сна на яву. Проносились времена или я дальше и дальше, попавъ въ обратное теченіе, уносился назадъ рѣкой временъ.

То небо, тѣ поля неба и этотъ кругъ дѣвушекъ и ихъ пѣсня и я слились вмѣстѣ въ одно, далекое, забытое, что было когда-то и моимъ...

Я пришелъ въ себя и въ отвѣтъ на ихъ поклонъ снялъ свою шляпу и отъ всей души, проникнутый и самъ привѣтомъ, уваженіемъ и признательностью, поклонился имъ.

Я уѣхалъ, но долго еще предъ моими глазами стоялъ нарядный лугъ съ толпой языческихъ дѣвушекъ, я все слышалъ ихъ пѣснь и напѣвъ ея въ моей душѣ такъ нѣжно звучалъ, что, право, я не запомню, захватывало ли когда-либо что-нибудь меня такъ сильно, какъ эта промелькнувшая картинка изъ давно забытой эпохи человѣческой жизни.

Съ нами сѣлъ и старикъ-чувашинъ, чтобы показать намъ болѣе короткую дорогу.

Даже Владиміръ и тотъ поддался впечатлѣнію и сказалъ въ порывѣ:

— Да, хорошо...

Но, проѣхавъ немного, онъ повернулся къ старику-чувашину и сказалъ съ сожалѣніемъ:

— А все-таки ваша вѣра пустая и вашъ богъ — чурбанъ, дрянь...

Владиміръ сплюнулъ, а жрецъ разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Конечно, пьяница нашъ богъ и съ нами водку вмѣстѣ пьетъ, за то и держимъ мы его весь годъ на задахъ... Ну, а какъ весну намъ подаритъ опять, тутъ мы спасибо ему говоримъ. А вотъ Ирикъ злой: его не надо ругать,—на глаза, какъ разъ, болѣзнь пошлетъ...

Вижу, хочется Владиміру и Ирика обругать, да боится, только губы сжалъ, да гнѣвно смотритъ передъ собой.

И вотъ эту милую и бѣдную Парашино, этотъ поэтичный уголокъ весны первую посѣтила холера.

Вотъ какъ это случилось.

Сейчасъ же послѣ праздника Уявъ, Зорабъ и Зораибъ отправились на заработки на югъ, въ степь, гдѣ сѣютъ только крупные помѣщики, у которыхъ предвидѣлся въ этомъ году урожай.

Верстахъ въ двухстатъ отъ своей деревни, въ большомъ торговомъ пригородѣ, гдѣ уже свирѣпствовала холера, заболѣлъ холерой Зораибъ.

Испуганный Зорабъ положилъ брата въ телѣгу, закрылъ травой и повезъ его назадъ домой.

Зораибъ дорогой умеръ и привезъ Зорабъ только потемнѣвшій, смрадный трупъ его.

Но дорого было похоронить его по родному обычаю, чтобъ не блуждала его тѣнь вѣчно у входа къ Турѣ, чтобъ не взялъ его къ себѣ злой Ирикъ.

И Зораиба похоронили, какъ приказывалъ законъ.

Пекли блины, закатывали въ нихъ сальныя свѣчи и бросали собакамъ. Грызлись собаки, хорошо грызлись и веселые были похороны. Пьяные напились чуваши, пѣли пѣсни и съ пляской везли тѣло Зораиба.

Молодая жена Зораиба, Зорабъ и дѣдъ сидѣли съ Зораибомъ въ телѣгѣ, спиной къ лошадямъ.

Хвалили Зораба за то, что вѣрнымъ былъ братомъ Зораибу и въ память мужа, жена Зораиба соглашалась стать его женой.

Но на другой день и она, и Зорабъ уже катались въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

Похоронили и ихъ.

Много стало умирать и не хватило ни водки, ни блиновъ и разбѣжались люди, кто куда могъ и стала пустая деревня.

Все выше и выше росла трава на непаханныхъ парахъ. Но не было больше бѣлыхъ, желтыхъ и синихъ цвѣтовъ на ней,—сохла она и ужъ не трава, а высокій жесткій бурьянъ стоялъ, а среди нихъ стояло пустое Парашино и далеко теперь кругомъ обходили и объѣзжали его рѣдкіе путники.

Въ нашемъ округѣ холера началась въ селѣ Боровкѣ.

Во избѣжаніе распространенія заразы, земскій начальникъ распорядился холерныхъ хоронить не на старомъ кладбищѣ, находившемся внутри села, а на новомъ—внѣ села.

Теоретически онъ былъ, конечно, совершенно правъ, но при большемъ опытѣ провелъ бы дѣло иначе. Поручилъ бы, можетъ быть, священнику, чтобы тотъ въ проповѣди растолковалъ народу все обстоятельно. Можетъ быть, лучше было бы и совсѣмъ закрыть кладбище въ центрѣ села, начавъ хоронить всѣхъ вообще умершихъ на новомъ. Еще лучше было бы, конечно, провести все это одной общей мѣрой, исходящей изъ болѣе компетентнаго источника.

Какъ бы то ни было, но земскій, выбравъ надлежащее за селомъ, на обрывѣ рѣки мѣсто, огородилъ его плетнемъ и даже успѣлъ похоронить тамъ одного бездомнаго старца, умершаго отъ какой-то невыясненной болѣзни. Настоящей холеры тогда еще собственно не было въ селѣ, но вскорѣ затѣмъ страшная гостья появилась.

Извѣстно, что народъ нашъ не любитъ новыхъ кладбищъ.

— Новыя мазарки,—говоритъ онъ, —новые покойники.

При появленіи холеры крестьяне угрюмо заговорили по поводу новаго кладбища:

— Накликалъ-таки.

И крестьяне рѣшили не хоронить холерныхъ на новомъ кладбищѣ.

Когда умеръ первый холерный, то жена покойнаго поступила такъ: избу заперла на замокъ, а ключъ забросила.

Собралась толпа крестьянъ у запертой избы и стала разсуждать. Она, эта толпа, не желала прежде всего ничего не законнаго. Распоряженіе хоронить на новомъ кладбищѣ, конечно, фактъ; но фактъ и то, что покойникъ запертъ. Чтобы достать его, надо сломать замокъ, то-есть, учинить дѣло со взломомъ—дѣло беззаконное, а слѣдовательно, и творящіе его тѣмъ самымъ становятся какъ бы внѣ законовъ.

— Да, ловко баба закрутила,—въ веселомъ похмельи свалившагося горя потряхивали головами тѣ, кому растолковывалась эта хитроумная казуистика.

— Да-а, теперь дѣйствительно, попробуй только взломать...

Староста растерялся и поѣхалъ за пять верстъ совѣтоваться съ земскимъ.

Возвратился староста назадъ и говоритъ:

— Велѣно отвести бабу въ земскую квартиру и держать ее тамъ подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока ключа не отдастъ.

— Ну что жь,—рѣшила толпа,—подъ арестъ, это по закону.

Баба покорно пошла и сѣла подъ арестъ.

Сидитъ день, другой, но ключа не отдаетъ.

Лѣто, жарко, народъ волнуется:

— Этакъ и безъ холеры сдѣлаютъ намъ холеру... Экое, пра дѣло: сами вѣдь на беззаконіе такъ и лѣзутъ, того и гляди, попадешь съ нимъ въ бѣду.

Думали, думали и рѣшили отъ бѣды ѣхать къ становому.

Становой пользовался большой популярностью среди населенія.

Выслушавъ ходоковъ, онъ обѣщалъ имъ содѣйствіе и поѣхалъ къ земскому.

— Ничего не могу,—говоритъ нашъ молодой земскій,—разъ ужъ поставленъ такъ вопросъ... Попробуйте уломать ихъ.

Поѣхалъ становой въ „бунтующее село". Собралъ сходъ и началъ уговаривать крестьянъ подчиниться вполнѣ разумному требованію земскаго.

— Стой, стой,—закричалъ одинъ изъ толпы,—а какъ же у тебя въ Сорокахъ въ селѣ хоронятъ? Или такъ: что загонъ, то законъ?

Послѣ этого становой поѣхалъ опять къ земскому и объяснилъ, что у него въ околоткѣ четыре земскихъ начальника и каждый рѣшилъ по своему этотъ вопросъ: одинъ ничего не предпринялъ и все оставилъ по старому; другой засыпаетъ могилы известкой; третій—всѣхъ больныхъ въ баракъ увозитъ и хоронитъ ихъ изъ бараковъ своимъ распоряженіемъ, ночью; четвертый—нашъ земскій начальникъ еще новую мѣру придумалъ.

— Въ виду того, что мною же, съ согласія земскаго начальника, дѣйствительно разрѣшено въ Сорокахъ хоронить въ селѣ, я не могу здѣсь ручаться за дальнѣйшую безопасность.

— Но какъ же быть?—спрашивалъ земскій.—Вѣдь мой авторитетъ пострадаетъ...

На счастье пріѣхалъ докторъ и для спасенія авторитета рѣшили такъ: земскій и становой поѣдутъ въ бунтующее село; докторъ окольными дорогами невзначай попадетъ въ то же село. Земскій при появленіи доктора сошлется на медицину, а докторъ, жертвуя на этотъ разъ авторитетомъ своей науки, скажетъ, что можно хоронить и въ селѣ, но только посыпать могилы известкой. Такъ и сдѣлали. На томъ и помирились. Такъ въ одиночествѣ

и остался на новомъ кладбищѣ, обнесенномъ плетнемъ, на высокомъ обрывѣ рѣки, безродный старикъ, вѣчный памятникъ мирнаго исхода дѣла.

У болѣе рѣшительнаго и меньше сомнѣвающагося въ себѣ Круговского безпорядки кончились далеко не такъ благополучно.

Одного изъ такихъ безпорядковъ я былъ отчасти очевидцемъ.

Безпорядки у Круговского, о которыхъ я упомянулъ, произошли прежде всего въ большомъ торговомъ селѣ. Среди населенія много старовѣровъ. Извѣстна ихъ заботливость относительно того, чтобы какъ-нибудь не оскверниться, „не измірщиться",—своя икона, своя посуда. Въ случаѣ даже пожара, старовѣры предпочитаютъ, чтобы избы ихъ сгорали, но не поливались бы водой изъ ведеръ православныхъ. Въ кабакъ придетъ, пьянъ напьется, но изъ своей посудки. Какой-нибудь резонеръ деревенскій пустить такому старовѣру:

— Вы что жъ думаете, царствіе небесное дураки стерегутъ? Нажрался, напился, а своя посудка, и правъ опять?!

Несостоятельность этой посудки, такимъ образомъ, съ одной стороны и односельчанамъ ихъ очевидна, но мало ли съ другой стороны несостоятельныхъ вѣрованій на свѣтѣ?

И разъ ужъ это религіозная обрядность, то хороша ли она, худа ли, но если даже говорить объ искорененіи, то и искоренять ее надо осторожно и не въ разгаръ такихъ народныхъ бѣдствій, какъ холера.

Но въ данномъ случаѣ и искорененія не было, а такъ просто невѣдѣніе. И въ результатѣ распоряженіе: больныхъ, и православныхъ, и старовѣровъ,—всѣхъ тащить въ одинъ баракъ.

Выполненіе этого было передано урядникамъ, полицейскимъ. Выполнялось грубо, съ зуботычинами.

Кто-то кого-то ударилъ,—крикъ шумъ и собралась уже всѣмъ предъидущимъ раздраженная толпа. И какъ разъ въ базарный день, слѣдовательно, были и пьяные. Пріѣхалъ Круговской. Въ заднихъ рядахъ толпы пьяные ругались. Круговской прикрикнулъ было, но стали громче ругаться, а передніе просили земскаго уйти, опасаясь какъ бы не убили его. И Круговской ушелъ, но затѣмъ уѣхалъ въ губернскій городъ...

И изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что многое изъ того, что приписывалось только народному невѣжеству во время холерныхъ безпорядковъ надо списать съ народнаго счета и записать за счетъ кого угодно, только не народа.

Невѣжество, конечно, невѣжествомъ, но и въ самыхъ невѣжественныхъ и съ виду нелѣпыхъ дѣйствіяхъ народа всегда на долю другихъ приходилась львиная часть.

Вспомнимъ хотя бы такъ называемый Бакинскій бунтъ, гдѣ

весь бунтъ заключался въ томъ, что, когда удалось поймать убѣжавшаго полиціймейстера, его привели въ соборъ и взяли съ него клятву, что онъ не броситъ городъ на произволъ судьбы.

Такимъ образомъ грубости, глупости, невѣжества, халатности, презрѣнной трусости было больше, чѣмъ достаточно со стороны тѣхъ, кто именуетъ себя представителями своего народа. И не тому надо удивляться, что холерный годъ обнаружилъ невѣжество черни,—странно было бы, еслибъ этого не случилось,—а тому, что онъ въ одинаковой степени обнаружилъ несостоятельность и нашу.

Всякій слыхалъ, конечно, нелѣпыя обвиненія, что фельдшера и доктора умышленно травятъ народъ какими-то порошками.

Съ виду, дѣйствительно, что можетъ быть нелѣпѣе этого слуха и сколько надо невѣжества, чтобы повѣрить ему?

А между тѣмъ, вотъ какой разговоръ велъ я съ однимъ крестьяниномъ уже много времени спустя послѣ холерной эпидеміи:

— Упрекаютъ народъ, что порошкамъ вѣру даютъ, а вѣдь такъ это... Докторовъ нѣтъ, а фельдшера морятъ... вотъ хоть мое дѣло: уморилъ фельдшеръ мою дочь, сударь,—не тѣхъ порошковъ далъ... Еще раньше двоихъ другой уморилъ такъ же... И слѣдствіе было: только и всего, что перевели въ другой участокъ,—другихъ, значитъ, морить будетъ... А вотъ этакая гостья подойдетъ и вспомнитъ народъ опять...

Очевидно, слѣдовательно, что въ основѣ народныхъ слуховъ не только невѣжество, но и факты были. И важно здѣсь то, что измѣнилось ли настолько наше настоящее съ недавняго прошлаго, чтобы быть спокойнымъ, что это прошлое не повторится?

— Дохтуровъ не видимъ, а фельдшера морятъ...

И кто не подтвердитъ тотъ фактъ, что въ районахъ, гдѣ доктора были на высотѣ, тамъ и бунтовъ не было? Что доктора! Въ одномъ изъ описываемыхъ мною селъ была фельдшерицей дѣвушка и, несмотря на массу промаховъ административныхъ и медицинскихъ, только благодаря ея громадной популярности порядокъ и тишина не были нарушены.

Уѣзжая, когда ее провожали и спрашивали, чѣмъ она заслужила такое уваженіе и популярность, она отвѣчала:

— Я видѣла въ крестьянахъ равныхъ, совершенно *равныхъ* себѣ и оказывала имъ то уваженіе, какое желала бы, чтобы оказывали и мнѣ.

И не только данная фельдшерица, но и громадное большинство фельдшерицъ и учительницъ пользуются такой же популярностью и всегда все та же основа ихъ популярности: полное уваженіе личности другого.

И безъ всякихъ заботъ такимъ образомъ съ ихъ стороны, онѣ

добиваются того авторитета, къ которому такъ неудачно, надо правду сказать, стремится наша интеллигенція мужского пола.

Эту сторону пользы общественнаго труда нашихъ женщинъ необходимо подчеркнуть: женщины смягчаютъ наши общественные нравы и подаютъ намъ примѣръ такта, вѣжливости, вниманія и уваженія, безъ которыхъ въ наше время такъ же трудно, какъ легко было въ дореформенную Россію.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРОЛЕТАРІЯ.

Дни... мѣсяцы... годâ... Дряхлѣетъ духъ и тѣло.
Ростутъ ряды могилъ—моихъ надеждъ и думъ.
Изъ глазъ исчезъ маякъ завѣтнаго предѣла...
Живу поденщикомъ, озлобленъ и угрюмъ,—
И жду... Чего я жду? Какъ червь, покрытый прахомъ,
Полураздавленный пятой моей судьбы,
Я корчусь и ползу съ тревогой и со страхомъ,
Безъ вѣры въ лучшее, безъ силы для борьбы...
Напрасно умъ велитъ открыть безъ сожалѣнья
Пріюта вѣчнаго таинственную дверь;
При мысли роковой душа полна смятенья:
Въ предсмертномъ ужасѣ во мнѣ трепещетъ звѣрь.
Онъ молитъ: дай мнѣ жить—хоть крохами богатыхъ,
Хоть псомъ на привязи добро ихъ сторожить,
Хоть жалкимъ быть шутомъ въ сіяющихъ палатахъ,
Хоть нищимъ, хоть рабомъ,—но только бъ вѣкъ продлить!..
И я живу—во тьмѣ, въ неволѣ, изнывая,—
Пока изъ ранъ моихъ еще сочится кровь...
...О, будь ты проклята, животная, слѣпая,
Къ позору бытія позорная любовь!..

А. Колтоновскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Весеннія выставки.—Обиліе картинъ въ этомъ году.—Передвижники.—Ихъ безжизненность и естественное вымираніе стараго искусства.—Академическая выставка.—Что новаго она вноситъ.—Второй томъ разсказовъ г. Чирикова.—Его «Инвалиды», «Чужестранцы», «Въ отставку».

Пять выставокъ одновременно, свыше 2.000 большихъ и малыхъ полотенъ, не считая безчисленныхъ этюдовъ, развѣ не достаточное доказательство, что искусство занимаетъ довольно видное мѣсто въ нашей жизни? Кто-нибудь дѣлаетъ эти полотна, кому-нибудь они нужны, кого-нибудь интересуютъ и привлекаютъ. А интересъ къ выставкамъ, несомнѣнно, великъ, если судить по массѣ посѣтителей, которую вы встрѣчаете на каждой изъ нихъ. Не говоря уже о праздничныхъ дняхъ, когда толпа двигается передъ картинами сплошной стѣной, но и въ будни—вездѣ полно зрителями, внимательными, интересующимися, мы бы сказали—почти жадно ищущими впечатлѣній.

Насколько же отвѣчаютъ выставки такому живому отношенію къ нимъ публики?—это вопросъ очень существенный, самый главный для насъ при оцѣнкѣ этого обилія художественныхъ произведеній за одинъ только годъ. Не можетъ быть, чтобы на искусство не вліяла именно публика, чтобы ея интересы и волненія оставались чуждыми господамъ художникамъ. Сами художники изъ той же публики, среди нея живутъ и до извѣстной степени для нея же работаютъ, ибо и самый ярый приверженецъ искусства для искусства втайнѣ навѣрное мечтаетъ привлечь къ себѣ вниманіе зрителя. А для этого надо же немножко знать его, сочувствовать ему, чтобы вызвать и сочувствіе къ себѣ. Современный зритель, какъ и современный читатель, представляетъ очень благодарную почву въ этомъ отношеніи. Онъ чутокъ и хорошо настроенъ, все маломальски оригинальное, искреннее, новое находитъ живой отголосокъ въ его сердцѣ, этомъ бѣдномъ сердцѣ, переполненномъ внутренними волненіями, противорѣчіями и стремленіями, которыя не находятъ себѣ исхода въ дѣятельной и жизненной работѣ. Конецъ истекающаго вѣка поднялъ внутреннее напряженіе до небывалой высоты, а внѣшняя жизнь съ ея неподдающимися этому напору формами не даетъ выхода. Отсюда этотъ небывалый массовый интересъ къ книгѣ, къ журналу, статьѣ и къ картинѣ.

И зритель стремится на выставку, сначала бѣгло осматриваетъ всю, чтобы потомъ сосредоточить вниманіе на излюбленной картинѣ, и здѣсь его ожидаетъ большое разочарованіе. Всѣ выставки, за исключеніемъ академической, или «декадентской», какъ ее несправедливо называютъ,—оставляютъ въ общемъ сѣренькое и безотрадное впечатлѣніе. Особенно сильно это ощущеніе сѣрости и скуки выносишь съ выставки передвижниковъ, которые въ текущемъ году нарочито постарались подчеркнуть свою замкнутость и отчужденіе отъ всего новаго и оригинальнаго, что хоть намекомъ служило бы на современное на-

строеніе. Общій фонъ этой выставки производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто передвижники тщательно замкнулись въ себѣ, загородились отъ свѣта и жизни, и въ такой искусственной тиши творили по старымъ образцамъ и старымъ воспоминаніямъ. Самыя краски у нихъ какъ-то потускнѣли и посѣрѣли, и даже пейзажи такихъ мастеровъ, какъ г.г. Волковъ и Дубовскій, тусклы и безцвѣтны.

Пейзажъ у передвижниковъ, какъ и на другихъ выставкахъ, преобладаетъ, но есть достаточно жанра, портретовъ и даже небольшія экскурсіи въ исторію. Идейныхъ картинъ, съ направленіемъ, которыя прежде отличали выставку передвижниковъ, нѣтъ ни одной, и это очень характерно для выставки этого года, подчеркивая отчужденность передвижниковъ и ихъ устарѣлость. Они слишкомъ искренни, чтобы пытаться проникнуть туда, гдѣ они чувствуютъ свою слабость, и слишкомъ цѣльны, чтобы поддаться новымъ настроеніямъ. Они стоятъ передъ нами, какъ уцѣлѣвшій обломокъ стараго, и предлагаютъ себя такими, каковы они есть. Это ихъ положительная и цѣннѣйшая сторона. Въ ней запечатлѣна страничка исторіи русскаго искусства, реализмъ, доведенный до того совершенства, которое становится уже недостаткомъ. Предъ нами, напр., этюдъ С. В. Иванова—«Изъ арестантской жизни»,—уголокъ наръ на арестантской палубѣ, гдѣ предъ зрителями причудливо переплелась куча ногъ въ кандалахъ—и больше ничего. Арестантскіе коты, портянки, кандалы—все неподдѣльно натуральное. Но какое все это имѣетъ отношеніе къ искусству—извѣстно развѣ самому автору, которому принадлежитъ и другая, не менѣе реально выписанная картина—«Изъ смутнаго времени»: куча сбитыхъ въ тѣсномъ пространствѣ тѣлъ, гдѣ ничего нельзя разобрать. На переднемъ планѣ опять чьи-то деревянныя ноги, а тѣла не видно. Надъ ними какія-то головы безъ туловища и тѣла безъ головъ. Почему смутное время, причемъ тутъ смутное время—ничего нельзя понять. Или картина г. Святославскаго—«Корабли пустыни», огромное полотно, на которомъ табунъ верблюдовъ, одни лежатъ, другіе стоятъ. Мы ничего не имѣемъ противъ картинъ изъ міра животныхъ, но въ правѣ требовать не только реальнаго воспроизведенія верблюда, какъ онъ есть, но картины, т. е. настроенія художника, который что-нибудь да чувствовалъ, когда задумалъ и рисовалъ своихъ верблюдовъ, который не даромъ же назвалъ эту картину «Кораблями пустыни». Здѣсь нѣтъ ни кораблей, ни пустыни, а хорошая фотографія видѣнныхъ г. Святославскимъ верблюдовъ.

Мужикъ на выставкѣ не въ авантажѣ обрѣтается. Даже г. Богдановъ-Бѣльскій измѣнилъ ему, и вмѣсто обычныхъ сценъ изъ крестьянской жизни далъ рядъ портретовъ высокопоставленныхъ лицъ и великосвѣтскихъ дамъ. Г. Пимоненко далъ робкую попытку изобразить самосудъ въ Малороссіи надъ конокрадомъ, но именно только попытку. Нельзя признать удачной картину, гдѣ учиняющіе самосудъ чинятъ его удивительно кротко и миролюбиво, такъ что и самъ конокрадъ предобродушно относится къ нему, хотя руки у него скручены къ лопаткамъ, лицо въ крови и на голову ему льютъ изъ мазницы деготь. «На фонѣ земли» г. Пояркова изображается крестьянское семейство, идущее на работу, но причемъ тутъ земля въ этихъ не по росту картины вытянутыхъ фигурахъ—непонятно. Нѣсколько лучше его мужикъ «Въ чужомъ лѣсу», тревожно прислушивающійся, прежде чѣмъ начать рубку выбраннаго дерева. Но картина испорчена узенькимъ форматомъ, такъ что мужику, сдавленному рамкой, и размахнуться негдѣ.

Изъ жанровъ интереснѣе другихъ «Ревнивое наблюденіе» г. Селивачева, хорошо и захватывающе правдиво изобразившаго затаенное ревнивое чувство, съ которымъ уже не первой молодости дѣвушка смотритъ украдкой на сцену флирта между молодой парой. Послѣдняя пара написана прескверно, оба какіе-то чахоточные, безцвѣтные, безъ всякаго выраженія, но лицо ревнивой наблюда-

тельницы—это цѣлая поэма, столько въ немъ силы, тайной печали, недобраго чувства къ счастливой соперницѣ и скрытаго презрѣнія къ нему. Есть премилая картинка г. Лемоха «Гдѣ болтались?»—изъ дѣтской крестьянской жизни, красивая вещица «Юный мечтатель»—бѣлокурый красавецъ-мальчикъ, задумчиво сидящій на берегу моря. Обѣ картинки очень хороши.

Вотъ и всѣ жанры, на которыхъ можно и стоитъ остановиться. Историческую живопись представляютъ три картины А. М. Васнецова, изображающія три уголка старой Москвы (XVII в.), выписанныя превосходно и цѣликомъ переносящія зрителя въ ту отдаленную эпоху. Это лучшія вещи на выставкѣ, но въ нихъ не достаетъ одного—человѣка. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто предъ нами прекрасная рамка для будущей задуманной авторомъ картины. Во всякомъ случаѣ Васнецовъ съумѣлъ уловить колоритъ старины, которой такъ и отдаетъ и его «Улица въ Китай-городѣ», и «Москворецкій мостъ», и «На разсвѣтѣ у Воскресенскаго моста». Къ историческому жанру слѣдовало бы отнести и «Голгофу» г. Нестерова, если бы она не была изъ рукъ вонъ плоха. Написанная въ стилѣ условной суздальской иконописи, картина вызываетъ недоумѣніе полнымъ отсутствіемъ настроенія, которое передало бы зрителю, что собственно привлекло художника къ этому тысячи кратъ изображенному сюжету. Бѣлымъ пятномъ выдѣляется вся закрытая бѣлымъ одѣяніемъ Богоматерь, рядомъ такимъ же, но только краснымъ пятномъ выдѣляется Марія Магдалина, а предъ ними низенькій крестъ съ мертвенно-сѣрымъ тѣломъ Христа. Выстроены всѣ въ одной плоскости, безъ перспективы, на темномъ фонѣ, всѣ холодные, спокойные, словно плохіе статисты, старательно выдерживающіе свои позы въ живой картинѣ. И это тѣмъ страннѣе, что именно въ иконописной живописи г. Нестеровъ большой мастеръ. Мы помнимъ, напр., его превосходную картину на прошлогодней выставкѣ «Благовѣщеніе», гдѣ при всей условности сюжета идеально-хорошо былъ изображенъ благоговѣйный трепетъ на юномъ лицѣ Богоматери, слушающей благую вѣсть отъ ангела съ цвѣткомъ въ рукѣ. Г. Нестеровъ талантливый художникъ, когда не сковываетъ своего таланта особыми узами, о чемъ говоритъ, напр., такъ ярко его же картина «Думы» на настоящей выставкѣ. На зеленомъ фонѣ луга, прорѣзаннаго рѣчкой, изображена въ глубокой задумчивости тоскующая фигура дѣвушки, на которую сзади строго и неодобрительно глядитъ пожилая женщина въ старомъ раскольничьяго покроя сарафанѣ. Столько печали во всей картинѣ, въ склоненной, полной тоски головкѣ дѣвушки и въ строгой суровости старой раскольницы, изъ которой форма и обрядъ давно вытѣснили живое сочувствіе къ чужому страданію.

Пробѣгая мысленно выставку передвижниковъ, хотѣлось бы еще остановиться на чемъ-нибудь, отмѣтить что-либо интересное, захватывающее. Но все остальное сливается въ одну общую тускло-сѣрую картину, безцвѣтную, бѣдную по содержанію, слабую по замыслу и безсильную по выполненію.

Но главное, что, какъ непріятный осадокъ, остается отъ выставки передвижниковъ, это—впечатлѣніе усталости, равнодушія къ жизни и пренебреженія къ ея запросамъ и требованіямъ. Эту черту словно подчеркиваютъ три выставленные г. Рѣпинымъ «недоконченныхъ портрета»—нѣчто небывалое на выставкахъ, такое, что мы привыкли видѣть лишь на выставкахъ посмертныхъ, гдѣ выставляется всякая работа художника въ томъ видѣ, какъ ее застигла кончина его.

Сѣренькое впечатлѣніе производитъ и выставка петербургскихъ художниковъ, преимущественно банальностью своего содержанія и шаблонностью пріемовъ. По вѣрному замѣчанію одного изъ зрителей, г. Буквы въ «Русск. Вѣд.», «она утомляетъ своей приличной и тоскливой посредственностью». Все то же и то же, что мы уже видѣли и перевидѣли. Выдаются, какъ всегда, неболь-

*

шія, изящныя и законченныя, но пустенькія вещицы, какъ жанры изъ военной жизни г. Мазуровскаго, этого русскаго Мейсонье, и картинки изъ древней жизни г. Бакаловича, выписанныя съ обычнымъ ему мастерствомъ и тщательностью. Затѣмъ, какъ и у передвижниковъ, безконечные пейзажи весны, зимы и уголки всякихъ Крымовъ, итальянскихъ и другихъ красотъ. И трактованіе этихъ пейзажей таково же, съ неменьшимъ повтореніемъ задовъ, съ неменьшимъ шаблономъ. Если смѣшать обѣ выставки, то удвоилось бы число картинъ, но ни мало не измѣнился бы характеръ. Одно развѣ можетъ отличить выставку петербургскихъ художниковъ отъ передвижниковъ—ихъ сравнительно болѣе свѣжія краски, которыя у передвижниковъ, у большинства, по крайней мѣрѣ, словно потускнѣли отъ долгаго лежанія въ мастерской.

Рѣзко отличается отъ обѣихъ этихъ выставокъ—академическая, на которой преобладаютъ въ этомъ году представители новыхъ началъ въ живописи. Молодежь словно вытѣснила оттуда учителей, отъ которыхъ ушла совсѣмъ въ сторону. Изъ старыхъ одинъ г. Крыжицкій занимаетъ съ честью видное мѣсто своими прекрасными пейзажами, въ которыхъ по-прежнему масса свѣта и воздуха. Весь интересъ выставки сосредоточивается на новыхъ художникахъ и ихъ необычной для публики манерѣ, съ которой они пишутъ и свои пейзажи, и свои фантастическія картины. Здѣсь привлекаетъ прежде всего разнообразіе и рѣзкая индивидуальность каждаго, доведенная у нѣкоторыхъ до той степени, гдѣ она переходитъ въ нелѣпость и некрасивое оригинальничанье. Вотъ эту-то, несомнѣнно рѣзкую черту подхватили многіе и высмѣяли *всю* выставку, какъ декадентскую и потому слабую и ничтожную. Дѣйствительно, «Принцесса счастья» г. Стабровскаго, «Сказка» и «Поцѣлуй» г. Борхарта или «На молитвѣ» г. Дудина—архи-нелѣпы, смѣшны и безвкусны, главное—некрасивы. Можно не обинуясь сказать, что эти четыре шедевра побили рекордъ декадентской мазни г. Врубеля и его присныхъ. Не знаемъ, чему удивляться въ нихъ, — нелѣпости затѣи или безвкусной мазнѣ, то рѣзко кричащей, то замазанной сплошь сѣрымъ флеромъ, какъ «Поцѣлуй» и «Принцесса счастья». Всѣ эти картины лучшее testimonium paupertatis авторовъ, которые, безъ искры въ душѣ, силятся замѣнить ее крикливой нелѣпостью. Это — не искусство, а грубая подъ него подѣлка.

Тѣмъ не менѣе, эти «картины» здѣсь вполнѣ умѣстны, рѣзко оттѣняя ту разницу, какая давно уже существуетъ между декадентскими нелѣпостями и дѣйствительно цѣннымъ и новымъ, внесеннымъ въ искусство новыми теченіями,—разницу, давно уже выяснившуюся, но которую нарочно не желаютъ замѣчать у насъ, все покрывая одной общей кличкой «декадентства». Самый неподготовленный зритель, видя рядомъ «Поцѣлуй» г. Борхардта—чахлую, неясную и криво нарисованную голую фигурку, съ безсмысленно вытаращенными глазами,—и «Балладу» г. Рущица не можетъ не замѣтить этой разницы. Мчащаяся лѣсомъ карета, подъ шумъ и трескъ бури, гнущей и ломающей деревья, тревожно несущіяся облака и таинственно мигающій сквозь деревья свѣтъ—невольно охватываютъ зрителя дрожью, какъ предчувствіемъ какого-то преступленія, только что совершившагося, чего-то таинственнаго, страшнаго и неизбѣжнаго. Это чувство жуткаго страха передано г. Рущицомъ превосходно въ каждомъ штрихѣ картины, чувство страха и безсилія предъ рокомъ, отъ котораго не уйти, какъ не уйти и этой бѣшено несущейся каретѣ. Картина проникнута *однимъ* настроеніемъ тревоги, и въ томъ ея огромное достоинство, помимо техники, тоже заслуживающей вниманія новизною пріема, что, впрочемъ, лучше видно на картинахъ другого художника того же направленія г. Зарубина—«Солнце садится» и «Забытая дорога». Новизна этого пріема вначалѣ смущаетъ зрителя, который, стоя вблизи, вплотную къ картинѣ, ничего не видитъ кромѣ странныхъ и грубыхъ мазковъ и пятенъ, не дающихъ

никакого цѣльнаго представленія. «Что за нелѣпости»!—вотъ первое заключеніе. Но когда тотъ же зритель, отойдя отъ картины, случайно оглянется, онъ пораженъ: предъ нимъ вполнѣ опредѣленное и яркое изображеніе, вполнѣ гармоничное въ мельчайшихъ деталяхъ, оставляющее вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе. «Забытая дорога» разстилается передъ нимъ въ грустномъ запущеніи, подъ нависшимъ темно-сѣрымъ небомъ осени, а покачнувшійся уныло придорожный столбъ какъ бы вспоминаетъ о нѣкогда кипѣвшей здѣсь жизни, и его невеселыя думы сообщаются зрителю, охватывая и его волною грусти и печальныхъ воспоминаній. У каждаго есть своя «забытая дорога», куда подчасъ увлекаетъ его неугомонная память и мучитъ и терзаетъ мыслью о быломъ. «Солнце садится»—не менѣе хорошо. Отраженіе послѣднихъ лучей заходящаго солнца въ водѣ, подъ крутымъ берегомъ, на которомъ чернѣютъ избы, золотистыя облака на заднемъ фонѣ, рябь воды, переливающей золотомъ, производятъ впечатлѣніе полной иллюзіи тихаго вечера въ далекой глухой деревнѣ, гдѣ жизнь человѣка и природы слита воедино. Миромъ и покоемъ вѣетъ отъ этой картины, которая вблизи ничего не даетъ, кромѣ пятенъ и смутныхъ кружковъ странной, на первый взглядъ, окраски. Краски эти кажутся неестественными, но на разстояніи, сливаясь въ общемъ, они производятъ иллюзію полнѣйшей естественности. «Какъ хорошо и какъ правдиво!»—восклицаетъ тотъ же зритель, только что сдѣлавшій заключеніе о нелѣпости картины. Такой пріемъ намъ кажется чрезвычайно труднымъ, почему безталантные художники, пробующіе имъ пользоваться, кончаютъ полнѣйшей неудачей, какъ, напр. г. Ціонглинскій, импрессіонизмъ котораго ничего не вызываетъ, кромѣ недоумѣнія. То же, хотя съ нѣкоторыми оговорками, мы бы сказали и о многочисленныхъ картинахъ г. Пурвита, который пытается воспроизвести нѣжные оттѣнки весеннихъ красокъ, зелени и особой прозрачности воздуха весною. Самое большое его полотно «Весна», въ одномъ сплошномъ свѣтло-зеленомъ тонѣ, съ какой стороны къ ней ни подходи, все остается сплошнымъ зелено-желтымъ пятномъ, весьма-таки некрасивымъ.

Мы не станемъ перечислять остальныхъ картинъ того же типа, то болѣе, то менѣе удачныхъ, но всегда проникнутыхъ непосредственностью и талантливыхъ, какъ, напр., «На югѣ» г. Глущенко, всю залитую яркимъ солнцемъ, или «Озеро Тальмень» г. Гуркина въ фіолетовомъ темномъ тонѣ, воспроизводящее одинъ изъ мрачно-величественныхъ уголковъ Алтая.

Такова въ бѣгломъ обзорѣ эта выставка, дающая все-таки представленіе о новыхъ теченіяхъ въ нашемъ искусствѣ, о поискахъ новыхъ средствъ для выраженія измѣнившихся взглядовъ, для болѣе тонкаго пониманія природы и болѣе глубокаго отраженія современныхъ настроеній. На этой выставкѣ чувствуется свѣжее вѣяніе, присутствіе молодого духа, стремительнаго и подчасъ ударяющагося въ крайности. Послѣдняго никто не станетъ отрицать, но общій колоритъ сверкаетъ и искрится, какъ молодой задоръ, что увлекаетъ и зрителя, уходящаго освѣженнымъ и бодрымъ. Крайности исчезнутъ со временемъ, а новые таланты, которые здѣсь есть несомнѣнно, выбьются на истинный путь, *свой* путь, какъ все оригинальное и даровитое, что не можетъ удовлетворяться даннымъ шаблономъ и топтаться на мѣстѣ. Въ движеніи—сила, все—лучше, чѣмъ застой и неподвижность, печать которыхъ такъ ярко лежитъ на выставкѣ передвижниковъ текущаго года.

Второй томикъ разсказовъ г. Чирикова, автора, хорошо знакомаго нашимъ читателямъ по многимъ очеркамъ, печатавшимся у насъ («Ранніе всходы», «Прогрессъ», «Калигула», «Блудный сынъ»), объединенъ одной чертой, общей всѣмъ вошедшимъ въ этотъ томъ разсказамъ. Предъ нами развертывается та-

лантливо и правдиво написанная картина провинціальнаго «общества» и нашей интеллигенціи, въ силу особенностей русской жизни выдѣленной изъ этого общества и противопоставляемой ему. Бѣдное это общество, и жутко живется этой интеллигенціи.

Въ двухъ очеркахъ «Инвалиды» и «Чужестранцы» мы видимъ представителей обоихъ, если можно такъ выразиться, лагерей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ свое время «Инвалиды» вызвали довольно рѣзкія нападки за особую окраску интеллигентнаго типа и невѣрное, по мнѣнію критиковъ, освѣщеніе его, какое сдѣлано авторомъ. Мы, съ своей стороны, не раздѣляя этого мнѣнія, указывали тогда же (см. «Крит. Зам.», янв. 1898 г.), что происходитъ это отъ нѣкоторой однотонности, съ которой написанъ очеркъ, но ни тогда, ни тѣмъ болѣе теперь не видимъ въ немъ нарочитаго осмѣянія народничества или прославленія марксизма. Именно теперь, когда уже прошло время острыхъ недоразумѣній, можно, какъ намъ кажется, видѣть въ героѣ разсказа, Крюковѣ, скорѣе не вполнѣ художественное созданіе. Авторъ—прекрасный наблюдатель, жизнь провинціи онъ знаетъ отлично, онъ сжился съ нею, прекрасно изучилъ ея отрицательныя стороны. Но у него есть одинъ существенный недостатокъ. Онъ склоненъ къ излишнимъ обобщеніямъ и скорымъ выводамъ. На основаніи одной-двухъ вѣрныхъ чертъ характера онъ готовъ построить цѣлое зданіе выводовъ, запечатлѣвъ ихъ въ соотвѣтственные образы. Отсюда недодѣланность, грубоватость образовъ, отсутствіе тѣхъ тонкихъ штриховъ и оттѣнковъ, которые бы придали имъ жизненность и цѣльность истиннаго художественнаго произведенія. Спѣшность и торопливость чувствуется въ этомъ схватываніи на лету, фигуры выходятъ типичны по вѣрно схваченнымъ чертамъ, но нерѣдко каррикатурны по рѣзкости штриховъ.

Таковъ и его Крюковъ, въ лицѣ котораго передъ нами одинъ изъ симпатичнѣйшихъ типовъ интеллигенціи. Чистѣйшій идеалистъ, всегда витавшій въ чистой сферѣ высокихъ мыслей, не мало перенесшій ударовъ судьбы за свое увлеченіе высокимъ идеаломъ жизни, который всецѣло сосредоточился для него въ служеніи народу,—Крюковъ, уже расшатанный физически, съ надорванными силами, является въ разсказѣ представителемъ все того же непримиримаго отношенія къ дѣйствительности, какое руководило имъ всю жизнь. Отсюда естественно вытекаетъ рядъ столкновеній, тяжкихъ и несправедливыхъ, но необходимыхъ. Всѣ его начинанія, благородныя по идеѣ, оказываются дѣтски непрактичными, и разлетаются, какъ дымъ, при первыхъ же ударахъ безпощадной дѣйствительности. Его артели разсыпаются, его кооперативныя начинанія гибнутъ въ самомъ зародышѣ, его работа, какъ прекраснаго руководителя и стойкаго человѣка, столько нужнаго въ мѣстной печати, сводится въ концѣ концовъ къ ночной корректурѣ. Но несмотря на всю очевидность безсилія измѣнить что-либо въ направленіи своихъ идеаловъ, Крюковъ, бѣдствующій, полураздавленный, больной—стоитъ по прежнему смѣлымъ и высокимъ идеалистомъ предъ лицомъ всего окружающаго общества, отличительная печать котораго—пошлость. Только его она не подавила, только его не коснулась грязь, и образъ Крюкова, что бы ни говорили, выступаетъ на этомъ фонѣ мелкихъ интересовъ, жалкихъ стремленій чисто шкурнаго типа и ничтожной борьбы такого же сорта—трогательнымъ и почти трагическимъ.

Какова же жизнь, не дающая развитія этому благородному и чистому типу, всей своей тяжестью гнетущая его и въ концѣ концовъ доводящая его если не до самоубійства, то до безвременной могилы? Съ одной стороны выступаетъ, примиренный съ нею, товарищъ Крюкова, докторъ Порѣцкій и его жена, съ другой—разные люди мѣстнаго общества, собравшіеся праздновать Татьянинъ день, годовщину московскаго университета,—адвокаты, учителя, доктора. Товарищъ Крюкова, Порѣцкій, былъ тоже изъ увлекающихся въ свое время, тоже стремив-

шихся и жаждавшихъ чистой жизни, мечтавшихъ о служеніи народу. Жена его шла еще дальше въ этомъ направленіи. Въ разсказѣ мы застаемъ ихъ уже далекими, чуждыми идеаламъ молодости,—они примирились съ существующей дѣйствительностью, стали въ уровень съ нею, проще—опустились и замерли въ сытомъ довольствѣ. Встрѣча съ Крюковымъ будитъ гдѣ-то тамъ, глубоко спящаго червяка «святого недовольства», но лишь на моментъ, чтобы затѣмъ еще сильнѣе почувствовать всю прелесть этой сытой самодовольной обстановки, гдѣ нѣтъ мѣста для «думы роковой», заботы о другихъ, для мысли о жизни болѣе широкой и нужной для другихъ. А между тѣмъ, супруги Порѣцкіе еще лучше другихъ, въ нихъ сохранилась хоть внѣшность интеллигентныхъ людей, почему они и становятся чѣмъ-то въ родѣ культурнаго центра, около котораго группируется остальное мѣстное общество въ день университетскаго праздника. Самое празднество, описанное очень живо, превращается въ обычное провинціальное пьянство. Правда, участники, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, силятся что-то припомнить по этому случаю, говорятъ высокія слова, которыя никого не задѣваютъ, всѣмъ чужды и, главное, не нужны. Слишкомъ уже всѣ далеки отъ того высокаго дѣла, ради чествованія котораго они сюда собрались. Г. Чириковъ большой мастеръ описывать эти провинціальныя торжества, на которыхъ съ особою яркостью выступаетъ пошлость провинціальнаго общества. Припомнимъ, напримѣръ, яркую картинку въ «Gaudeamus igitur».

На празднествѣ и происходитъ столкновеніе Крюкова-народника съ «марксистами». Въ этой сценѣ, дѣйствительно, авторъ пересолилъ и этимъ далъ поводъ къ многочисленнымъ нападкамъ на себя. Чувство художника измѣнило ему, и вмѣсто художественной сцены получилась публицистическая страничка, написанная подъ непосредственнымъ вліяніемъ настроенія минуты. Въ небольшой, но умно и тепло написанной статьѣ г. Потапова въ «Русскомъ Богат.», посвященной г. Чирикову, есть очень вѣрное, хотя и не новое замѣчаніе о неудобствѣ смѣшенія публицистики съ беллетристикой. «Если публицистика и принимаетъ иногда партійное направленіе,—говоритъ г. Потаповъ,—то писатель-художникъ всегда долженъ остерегаться вмѣшиваться въ партійную борьбу, и критикъ не можетъ предъявлять партійныхъ требованій къ художественному произведенію. Чѣмъ больше въ послѣднемъ партійности, тѣмъ обыкновенно ничтожнѣе его художественная цѣнность, тѣмъ меньше въ немъ фактической правды и тѣмъ оно бываетъ эфемернѣе. И это вполнѣ понятно. Въ художественномъ произведеніи, по самому его характеру, трудно, если не невозможно, представить въ полномъ объемѣ программу партіи и выяснить подробности теоретическихъ разногласій. какъ бы ни старался авторъ, желая сослужить службу партіи, уродовать свое произведеніе публицистическими выходками и quasi-научными разсужденіями. Всѣ эти старанія приводятъ только къ тому, что художественное произведеніе теряетъ и въ формѣ, и въ содержаніи, которое превращается въ большинствѣ случаевъ въ шумиху словъ, не стоющую выѣденнаго яйца. Но нужно принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Нужно помнить, что изящная литература имѣетъ гораздо болѣе обширный кругъ читателей, чѣмъ критика и публицистика, и что эти читатели—не въ курсѣ партійныхъ теченій и наблюдаютъ ихъ со стороны. Имъ непонятны партійныя чувства, они принимаютъ на вѣру вольную или невольную фальшь автора и могутъ счесть за чистую монету истины даже продиктованный страстью пасквиль».

Нужно замѣтить, однако, что въ этой сценѣ, крайне неудачной вообще, авторъ не становится на ту или другую сторону, и его «марксистъ» такъ же пошлъ и глупъ, какъ Крюковъ смѣшонъ и жалокъ. Мы приведемъ эту сценку.

Среди пьющихъ и источающихъ праздныя, хотя и высокія слова гостей, Крюковъ замѣчаетъ такую же одинокую фигуру, какъ онъ самъ, держащуюся

въ сторонѣ. Это молодой еще человѣкъ, съ симпатичнымъ лицомъ. Крюковъ быстро знакомится съ нимъ и у нихъ сразу же завязывается діалогъ, въ которомъ новые знакомцы моментально выкладываютъ свое profession de foi. Крюковъ настораживается, услышавъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ.

«Крюковъ долго молчалъ, смотрѣлъ куда-то въ пространство, а когда переводилъ бѣглый взглядъ на собесѣдника, то въ этомъ взглядѣ проскальзывала уже непріязнь.

«— Со многимъ я все-таки согласенъ (рѣчь идетъ объ одномъ партійно-беллетристическомъ очеркѣ),—глухо произнесъ, наконецъ, Крюковъ.

«— А именно?

«— Да вотъ хотя бы относительно квіетизма... Если все совершается въ силу какой-то естественно-исторической необходимости, то не о чемъ намъ съ вами и стараться! Все образуется само собой...

«— На такое возраженіе, право, какъ-то не хочется и отвѣчать... Прочитайте хотя Кауцкаго о роли личности, отводимой экономическимъ матеріализмомъ ей въ исторіи! Что же, вы полагаете, что многое совершается въ силу неестественно-исторической необходимости?—ехидно спросилъ Игнатовичъ (марксистъ).

«— На подобный вопросъ я считаю лишнимъ отвѣчать вамъ.

«— Очень жаль! А я хотѣлъ задать вамъ еще нѣсколько вопросовъ... Мнѣ было бы, напр., интересно узнать, что дѣлаютъ въ настоящее время народники? Ноютъ? Плачутъ? Твердятъ, какъ сороки про Якова, о томъ, что нужно поддерживать общину, и плачутъ, когда ихъ не слушаютъ? Поддерживать кустарей, уже разбившихся на группы зажиточныхъ буржуа и простыхъ наемныхъ рабочихъ! Или еще что-нибудь новое придумали?

«— Что же, мы вѣдь тоже—продуктъ естественно-исторической необходимости,—произнесъ Крюковъ угрюмо и недружелюбно.

«— Безъ сомнѣнія... Не съ неба, конечно, свалились... Что же, однако, отсюда слѣдуетъ? Квіетизмъ... Ахъ вы, народные печальники! Что вы-то теперь дѣлаете? Проливаете слезы горькія тайкомъ! Ха ха-ха!..

«Крюковъ вдругъ вспыхнулъ и соскочилъ со стула. Глаза его злобно искрились, губы дрожали, на лбу собрались морщины...

«— Да знаете ли вы, молодой человѣкъ, что когда еще материно молоко на вашихъ губахъ не подсохло, я былъ уже тамъ?—хрипло, задыхаясь, прокричалъ Крюковъ и показалъ рукою куда-то въ пространство.—Какъ вы смѣете мнѣ это говорить?.. Это нахальство! Не больше-съ!

«— Вѣжливость!—тихо и сдержанно сказалъ Игнатовичъ и тоже всталъ со стула, принявъ оборонительную позу.

«Со всѣхъ концовъ потянулись любопытные.

«— Какъ вы смѣете?—шипѣлъ Крюковъ, наступая на Игнатовича

«И вотъ, два интеллигентныхъ, честныхъ человѣка, такъ же по существу своему близкіе другъ другу, какъ дѣти одной матери, стояли врагами, самыми злѣйшими врагами, готовыми безжалостно оскорблять другъ друга и все то, что дорого каждому изъ нихъ, унижать и оплевывать!..

«— Молоко-сосъ!—крикнулъ Крюковъ, потрясая дрожащей рукою въ воздухѣ.

«— Психопатъ!—громко отвѣтилъ Игнатовичъ.

«Все это совершилось такъ быстро, неожиданно и гадко, омерзительно гадко...»

Упрекать, такимъ образомъ, автора въ томъ, что онъ высмѣялъ Крюкова исключительно, какъ народника, и за его счетъ превознесъ «марксиста», мы не видимъ основанія. Онъ, скорѣе, не справился съ поставленной имъ себѣ задачей—дать живой образъ, художественный и вѣрный дѣйствительности, человѣка-идеалиста, разбитаго жизнью на всѣхъ пунктахъ. Образа не получилось, и въ этомъ вся вина автора, но симпатіи его всецѣло на сторонѣ этого бѣд-

наго Крюкова, какъ и всѣхъ ему подобныхъ, которыхъ онъ выводитъ въ «Блудномъ сынѣ» и подробнѣе описываетъ въ «Чужестранцахъ».

На блудномъ сынѣ мы не станемъ остапавливаться,—этотъ разсказъ знакомъ нашимъ читателямъ, такъ какъ онъ печатался у насъ (см. мартъ 1899 г.). Въ «Чужестранцахъ» авторъ выводитъ уже не одинокихъ «инвалидовъ», а цѣлую группу ихъ, сплоченную и объединенную общимъ дѣломъ, не только однѣми идеями, и впечатлѣнія «инвалидности», какъ Крюковъ или «блудный сынъ», они отнюдь не производятъ. Напротивъ, среди спячки провинціальнаго болота, это единственные живые люди, имѣющіе цѣль передъ собой и знающіе средства для ея достиженія. Вся ихъ бѣда въ томъ, что они—«чужестранцы», они—чужіе этому болоту люди, далекіе и чуждые всѣмъ его интересамъ или же прямо враждебные имъ. Большинство общества, въ которомъ имъ приходится жить, не понимаетъ ихъ и потому глубоко равнодушно къ нимъ. Меньшинство, именно все сильное и власть имущее, видитъ въ нихъ прямого и непримиримаго врага, понимаетъ ихъ чистоту и неподкупность и потому боится и ненавидитъ. Въ борьбѣ, которая сама собой начинается, какъ только «чужестранцы» создаютъ для себя живое и хорошее дѣло въ видѣ мѣстной газеты,—имъ не на кого опереться, негдѣ найти поддержку, и въ этомъ весь трагизмъ ихъ положенія.

Въ «Чужестранцахъ», самомъ большомъ по размѣрамъ произведеніи г. Чирикова и, надо признать, самомъ плохомъ по выполненію, авторъ выводитъ цѣлую вереницу этихъ особыхъ людей въ нашей провинціи. На нихъ исключительно и сосредоточивается весь интересъ этихъ «очерковъ провинціальной жизни». Его характеристики ихъ иногда удачны, иногда отъ излишне сгущеныхъ красокъ аляповаты, иногда публицистика пущена въ нихъ во всю и отъ беллетристики даже слѣдъ исчезаетъ. Не умѣетъ г. Чириковъ писать большую картину, въ которой былъ бы центръ дѣйствія, завязка и развязка, интересная группировка лицъ. Но, быть можетъ, потому, что это почти сплошь публицистика,—нѣчто въ родѣ большой корреспонденціи изъ медвѣжьяго угла,—тутъ много живой, непосредственной правды, мѣткихъ наблюденій и вѣрно схваченныхъ фактовъ.

Разнообразіе среди «Чужестранцевъ» довольно велико. Есть тутъ и люди, прошедшіе долгій, мучительный путь, на которомъ, какъ Крюковъ, они переживали одно разочарованіе за другимъ; есть и молодые, только начинающіе эту мучительную дорогу, полные еще надеждъ и вѣры въ то, что для другихъ уже однѣ иллюзіи. Но во всѣхъ есть одна общая черта, которая и выдѣляетъ ихъ изъ «общества»,—не умирающая вѣра въ высшую правду жизни, которая одна вѣчна, все же остальное скоропреходяще, ничтожно и пошло. Это-то и мѣшаетъ ихъ сближенію съ мѣстнымъ обществомъ, гдѣ иные аппетиты, иныя стремленія, иная жажда, гдѣ тупое преклоненіе предъ силой и страхъ, самый низменный, шкурный страхъ—составляютъ основу жизни.

Двѣ фигуры особенно выдѣляются среди чужестранцевъ—нѣкій пожилой уже интеллигентъ-пролетарій Силинъ и еврейка Софья Ильинишна. Первый уже извѣрился во многое, что одушевляло его когда-то, и сохранилъ только неприкосновеннымъ сознаніе лжи и мерзости текущей жизни, вмѣстѣ съ гордымъ презрѣніемъ и угрюмой неподатливостью. «Разъѣдающій скептицизмъ смѣнилъ слѣпую вѣру, въ душу прокралась апатія... Все старое было изжито и шаталось подъ ударами разрушительнаго скептицизма и подъ напоромъ новыхъ вѣяній русской жизни, вырождаясь въ упорный и неповоротливый педантизмъ. Всѣ эти шаблонныя фразы объ общинѣ, артели, сектантствѣ, какъ главныхъ факторахъ грядущаго прогресса, потеряли въ глазахъ Силина всякую цѣнность, а передовыя статьи на ту же тему, писанныя по трафарету, приводили его въ унылое и раздражительное настроеніе. Все это, какъ было и писалось двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ и застыло и производило на Силина впечатлѣніе на-

зойливаго мотива, который неотвязно преслѣдуетъ иногда человѣка, какъ тотъ ни старается выкинуть этотъ мотивъ изъ головы... Потомъ появилось такъ называемое новое направленіе. Новое оно было лишь въ томъ смыслѣ, что представители его не видѣли новыхъ путей для шествія родного прогресса, утверждая, что онъ пошелъ по старой избитой дорожкѣ капитализма, а потому иначе разрѣшали и вопросы «что дѣлать» и «какъ дѣлать». Это новое направленіе разбудило вяло тосковавшій въ бездѣйствіи умъ интеллигенціи. Старики, ревниво оберегавшіе свое міросозерцаніе отъ всякихъ «новыхъ словъ», не узнали своихъ друзей и ударили тревогу, и вышло то, что въ русской жизни выходило уже не разъ: честные люди стали мѣшать другъ друга съ грязью, пускать другъ въ друга стрѣлы остроумія и картечь насмѣшекъ и въ озлобленіи сопричислять противниковъ къ лику мракобѣствующихъ... Силинъ стоялъ въ сторонѣ и смотрѣлъ холоднымъ взоромъ скептика на эту грызню интеллигенціи. Какъ человѣкъ, котораго жизнь обманула, онъ былъ не способенъ уже беззавѣтно увлекаться и вѣрить, начиналъ все опровергать, все разрушать и надъ всѣмъ смѣяться: и надъ народниками, и надъ марксистами, называя и тѣхъ и другихъ мечтателями»...

Но этотъ угрюмый и печальный обломокъ прошлаго сразу оживляется, какъ только находится дѣло, въ которомъ и онъ можетъ, не кривя душой и совѣстью, принять живое и дѣятельное участіе. Иное положеніе и иная участь выпала на долю Софьи Ильинишны. Она вполнѣ интеллигентная женщина, съ высшимъ образованіемъ, фельдшерица-акушерка съ знаніями, не уступающими врачу. Альтруизмъ, преданность дѣлу, беззавѣтная готовность на любую жертву, но... она еврейка, и этимъ рѣшается все. Мы, сидящіе въ культурномъ Петербургѣ, вращающіеся среди людей, достаточно приличныхъ, чтобы скрывать свои національныя симпатіи и антипатіи, мы, конечно, возмущаемся, когда выскочитъ тотъ или иной г. Ренсъ и, заявивъ urbi et orbi «я антисемитъ», начнетъ окачивать помоями, «не разбираючи лица», и еврейскую націю, и всѣхъ не согласныхъ съ нимъ. Но мы не чувствуемъ, не видимъ во очію всей несправедливости, грубости и непокрытой наглости такого поведенія, словомъ, всего этого безчинства. Тамъ же, въ провинціи, приходится не со словами считаться, а съ поступками, какъ и довелось Софьѣ Ильинишнѣ. Рядъ чистѣйшихъ порывовъ съ ея стороны, рядъ грязнѣйшихъ заушеній со стороны «общества», въ результатѣ полная невозможность посвятить себя любимому дѣлу и работѣ на пользу народу. Получилось что-то дикое по нелѣпости, но реальное и непреоборимое. На этомъ примѣрѣ можно ясно видѣть, что значитъ проповѣдь антисемитизма тамъ, гдѣ она разрѣшается не словами, а фактами. Разбитая жизнь этой жертвы кончается сумасшествіемъ и самоубійствомъ. Такова, однако, сила потребности служить другимъ и работать для другихъ, что это полураздавленное жизнью существо все же ищетъ и находитъ, кому можно хоть что-нибудь сдѣлать. Она учитъ и развиваетъ, открываетъ крошечную щелку просвѣта для несчастной, бѣдной дѣвушки-мастерицы изъ магазина, которая «безъ вины виновата» и, сдѣлавшись матерью, прибѣгаетъ къ ней за помощью и совѣтомъ. Убѣжденія и взгляды Софьи Ильинишны и здѣсь сталкиваются съ особыми взглядами «среды», не позволяя ей сдѣлать то, чего добивается бѣдная обманутая дѣвушка. Этотъ послѣдній конфликтъ, разрѣшающійся самоубійствомъ дѣвушки, только подчеркиваетъ въ глазахъ несчастной еврейки ея непригодность для провинціальной жизни, и она идетъ въ слѣдъ за своей паціенткой.

Силинъ и Софья Ильинишна—два, болѣе удавшихся автору типа глухой провинціи. Но не они составляютъ центръ «чужестранцевъ». Такимъ оживляющимъ ихъ средоточіемъ являются супруги Промотовы, которыхъ судьба забрасываетъ въ этотъ уголокъ. Получивъ маленькія деньги, они основываютъ

газету, объединяющую всѣхъ чужестранцевъ, и тутъ-то, на живомъ и хорошемъ дѣлѣ, читатель видитъ, сколько нетронутыхъ силъ скрываютъ эти, повидимому, побѣжденные и исковерканные люди. И опять мы должны признать, что художественности здѣсь нечего искать,—опять корреспонденція, но живо и правдиво описывающая то, что всякому, пожившему въ провинціи, отлично извѣстно. Нѣтъ теперь почти ни одного сколько-нибудь виднаго центра въ провинціи, гдѣ-бы въ той или иной формѣ не разъигралась разсказываемая авторомъ исторія. Приходитъ компанія «чужестранцевъ», и, воспользовавшись счастливымъ случаемъ, получаетъ въ свои руки какой-либо захирѣвшій мѣстный листокъ. Дѣло, попавъ въ надежныя и чистыя руки, сразу оживляется, ибо въ провинціи, самой глухой и дикой, нѣтъ бо̀льшей потребности, какъ въ печатномъ словѣ. Оно, какъ живая вода въ сказкѣ, вноситъ съ собой столько жизни и свѣта въ неподвижную рутинную обывательскую среду, что, по истинѣ, на яву чудеса творятся. Глухіе начинаютъ слышать, слѣпые прозрѣваютъ и нѣмые начинаютъ говорить. Понятно, такое оживленіе не проходитъ даромъ, оно нарушаетъ «благочиніе» и «благополучіе», и «конецъ «Вѣстника» послѣдовалъ неожиданно и преждевременно». На прочищенную дорогу вступаетъ ловкій и пройдошливый конкурентъ, который продолжаетъ начатое дѣло иными средствами и на иныхъ началахъ.

Компанія «чужестранцевъ» разбивается и разсѣевается въ разныя стороны. Они, какъ сѣмена, носимыя вѣтромъ, разлетаются по лицу земли родной, оплодотворяя провинціальныя пустоши, и тамъ, гдѣ они уже побывали, остаются неумирающія идеи, быть можетъ, маленькія и незамѣтныя, но неистребимыя. Ихъ странная судьба, безпокойная, неустойчивая и полная всякихъ неожиданностей, сплочиваетъ ихъ въ нѣкое братство, не имѣющее ни писанныхъ, ни неписанныхъ уставовъ, тѣмъ не менѣе, стойкое и живучее. Какъ вѣчные жиды, они все двигаются впередъ и ведутъ другихъ, проходятъ и проникаютъ въ такія дебри обывательскаго запущенія, куда, казалось бы, и путей нѣтъ. Выгода ихъ въ томъ, что имъ терять нечего, ибо имъ нечѣмъ дорожить, а то, что для нихъ свято и что составляетъ ихъ главную силу,—ихъ убѣжденіе, вѣра и любовь къ народу и человѣку—нельзя ни отнять, ни истребить.

Послѣдній разсказъ «Въ отставку» тоже провинціальная обычная исторія. Живой и хорошій человѣкъ, учитель гимназіи, хочетъ дѣлать свое дѣло не только по формѣ, по программѣ, но и по душѣ, и разбиваетъ эту душу о непреодолимое препятствіе уже сложившагося учебнаго строя, который все, что угодно, допускаетъ, только не человѣчное отношеніе къ дѣлу и ученикамъ. Разсказъ грубоватъ, краски сгущены, фигура учителя деревянна, но суть вполнѣ жизненна и правдива. Такой очеркъ именно теперь умѣстенъ, какъ иллюстрація къ жизни современной средней школы, о реформѣ кокорой мы столько теперь слышимъ. Авторъ попадаетъ въ самый центръ, указывая на ненормальность отношеній, установившихся между учителями и учениками. Они—какъ два враждебныхъ лагеря, между которыми нѣтъ и не должно быть единенія. Два брата, герои разсказа, не могутъ и не должны сойтись, разъ одинъ—учитель, другой—ученикъ. Можно представить, къ какимъ тягостнымъ конфликтамъ ведетъ такое положеніе. Разсказъ заканчивается трагически—старшій братъ не выдерживаетъ этой пытки и застрѣливается. Пожалуй, это лишнее, потому что въ жизни оно гораздо проще бываетъ. Человѣкъ—такое животное, которое ко всему притерпливается, все выноситъ и, привыкая постепенно ко всему, уже и не замѣчаетъ того, что творитъ. Такъ и кончаетъ обыкновенно огромное большинство учителей, которые, побившись вначалѣ какъ рыба объ ледъ, складываютъ потомъ оружіе и не то, что братьевъ — родныхъ дѣтей прехладнокровно приносятъ въ жертву программѣ и требованіямъ системы. Не смотря, однако, на эту утрировку, разсказъ «Въ отставку» производитъ сильное и тяжелое впечатлѣніе,

какъ и всякая правда, именно потому, что сущность его списана съ жизни, которая переполнена подобной жестокой правдой.

Намъ пріятно отмѣтить эту яркую черту въ талантѣ г. Чирикова,—черту правдивости и знанія провинціальной среды, хотя, быть можетъ, и недостаточно художественно воспроизведенной имъ, но вѣрно и умѣло. И мы вполнѣ согласны съ заключеніемъ упомянутаго выше автора статьи въ «Русскомъ Богатствѣ». г. Потапова, что отъ г. Чирикова мы въ правѣ ждать больше того, что онъ уже далъ. Для этого онъ далъ достаточно доказательствъ. «Интеллигенцію» и «провинцію» онъ хорошо изучилъ и вѣрно указываетъ достоинства и ошибки первой и тяжкія нужды—второй. **А. Б.**

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Голодъ въ Бессарабской губ. Въ газетахъ отъ времени до времени появляются скудныя извѣстія, рисующія печальное положеніе нѣкоторыхъ мѣстностей на югѣ, пораженныхъ неурожаемъ. Такъ, въ «Рус. Вѣд.» помѣщено письмо изъ Измаильскаго уѣзда Бесарабской губ. Пишущая это письмо, будучи знакома съ ковровымъ промысломъ въ Тюмени, рѣшила побробовать ввести его и здѣсь. Изъ письма ясно видно, съ одной стороны, какая тамъ царитъ нужда и какъ необходима помощь, съ другой—какъ охотно берется населеніе за предлагаемую работу.

«На другой же день по пріѣздѣ въ Н. Карагачъ (26-го января) ко мнѣ нахлынула цѣлая толпа женщинъ съ просьбой дать работу. Сначала я записала всѣхъ желающихъ работать, спрашивая каждую, что она умѣетъ дѣлать. Молдаванки почти всѣ записывались на ковры, хохлушки—на полотенца, тѣ и другія—на мытье, скубанье и пряжу шерсти; тѣхъ, которыя ничего не умѣютъ дѣлать, я записывала просто на поденную работу: будутъ ходить ко мнѣ по очереди помогать красить шерсть, т.-е. приносить воду, мѣшать въ котлѣ и т. п. Записалось пока 50 женщинъ, но на всѣхъ не хватитъ матеріала для работы; придется купить еще шерсти, пряжи для полотенецъ. На слѣдующій день принялись за работу—мыть шерсть, сушить и скубать ее; дня черезъ три шерсть будетъ выпрядена, и тогда начнутъ, подъ моимъ руководствомъ, ткать ковры «съ бумаги», какъ называютъ молдаванки узоры»... «Нужда здѣсь страшная,—чуть ли не больше, чѣмъ въ прошломъ году въ Ставропольскомъ уѣздѣ: тамъ совмѣстная дѣятельность земства, самарскаго кружка и Краснаго Креста не дала развиться такой нуждѣ, здѣсь же нѣтъ никакой почти помощи; хуже здѣсь, чѣмъ и въ Аккерманскомъ уѣздѣ, гдѣ помогаетъ земство (въ Измаильскомъ уѣздѣ земства нѣтъ). Пока здѣсь сдѣлано слѣдующее: выдано на январь пособіе мукой, по 1—1½ пуда на семью; начата въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но прекращена по недостатку средствъ трудовая помощь; во второй половинѣ января открыты въ четырехъ селеніяхъ 6 столовыхъ; два студента, устроившіе столовыя, уже уѣхали, такъ что изъ пріѣзжихъ я пока одна во всемъ уѣздѣ. Вотъ, кажется, и вся помощь»... «Въ сообщеніи «Правительственнаго Вѣстника» отмѣчены какъ наиболѣе пострадавшіе посадъ Тузлы и поселки Трупокло и Шкандыба. Шкандыба, это—продолженіе Новаго

Карагача, гдѣ я живу, и ничѣмъ положительно, въ матеріальномъ отношеніи, обѣ эти деревни не отличаются одна отъ другой: такое же полное разореніе. Я здѣсь всего недѣлю, и за это время ко мнѣ приходили изъ деревень Балабановки и Мартазы (за 5 и 7 верстъ) по нѣскольку женщинъ, прослышавшихъ, что я даю работу; и какъ же онѣ горько плакали, когда мнѣ пришлось отказать имъ въ работѣ по недостатку средствъ! Пока я могу давать работу только въ Новомъ Карагачѣ и въ Шкандыбѣ, но если будутъ деньги, то, конечно, начну давать и въ другихъ окрестныхъ деревняхъ. Необходимо также открыть нѣсколько столовыхъ, такъ какъ одной работой всѣхъ не прокормишь»... Положеніе населенія прямо отчаянное, «скотъ на-половину распроданъ за безцѣнокъ еще лѣтомъ и осенью, оставшійся дохнетъ отъ безкормицы. Неурожай былъ полный: не собрано ни зерна хлѣба, ни клока соломы; не было и подножнаго корма для скота,—все выгорѣло. Кормиться самимъ и кормить скотъ приходилось запасами предыдущаго, 1898 года. Но въ томъ году урожай былъ средній, такъ что къ веснѣ 1899 г. эти запасы въ большинствѣ случаевъ уже истощились; многіе съ марта, а нѣкоторые и раньше начали покупать хлѣбъ, а съ мая—продавать за безцѣнокъ скотъ и инвентарь. Къ осени покупщиковъ становилось все меньше и меньше, такъ какъ всякій самъ старался продать; бывали случаи, что крестьянинъ, не имѣвшій возможности ни продать, ни прокормить лошадь, надѣвалъ ей на шею веревку съ дощечкой, на которой было написано: «бери кому надо», и пускалъ въ степь; находились люди, которые ловили такую лошадь, рѣзали ее и сдирали шкуру, стоящую рубля три; у самого же хозяина, несмотря на страшную нужду въ деньгахъ, не поднималась рука на свою лошадь. И при такомъ-то положеніи и подати приходилось вносить, и платить за аренду ничего не давшей земли... Населеніе (хохлы и молдаване)—чисто земледѣльческое; ни о какихъ промыслахъ и помина нѣтъ»... «Объ эпидеміяхъ пока неслышно, но народъ очень истощенъ: если только здѣсь тифъ появится, почва для него будетъ самая благопріятная. Самое бы время помочь теперь населенію; пройдетъ еще немного—и будетъ, пожалуй, уже поздно: придется уже не кормить, а лѣчить, потребуются тысячи на больницы, на медицинскіе отряды и все-таки многихъ уже не спасешь тогда»...

«Будетъ очень печально, если и въ данномъ случаѣ придется, по недостатку средствъ, сократить уже начатую трудовую помощь до minimum'а или совсѣмъ пріостановить раздачу работы населенію»,—замѣчаетъ газета.

Врачебно-продовольственные пункты для рабочихъ. «Сынъ Отеч.» приводитъ изъ отчета Самарской губерн. земской управы данныя о врачебно-продовольственныхъ пунктахъ. Эти пункты, устраиваемые самарскимъ губернскимъ земствомъ въ теченіе 3 лѣтъ, имѣютъ цѣлью: 1) оказывать рабочимъ, прибывающимъ на сельско хозяйственные заработки, медицинскую помощь, какъ (главнымъ образомъ) на пунктахъ найма на работы, такъ (по возможности) и на мѣстахъ приложенія труда, для чего устраиваются амбулаторіи въ наиболѣе важныхъ пунктахъ скопленія рабочихъ на мѣстахъ наемокъ и выѣзды врачебнаго персонала въ хутора и экономіи; 2) оказывать рабочимъ продовольственную помощь, въ видѣ недорогой, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ безплатной здоровой пищи; эта цѣль достигается устройствомъ при временной амбулаторіи на пунктѣ найма временной столовой-чайной; 3) имѣть санитарный надзоръ за пришлыми рабочими, что достигается осмотромъ рабочихъ при регистраціи ихъ и самой регистраціей на пунктахъ найма, въ амбулаторіяхъ, въ экономіяхъ и въ полѣ, а также наблюденіемъ за условіями санитарнаго положенія рабочихъ на мѣстахъ ихъ работы.

Прошлымъ лѣтомъ было открыто въ трехъ южныхъ уѣздахъ губерніи 10

врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, на которыхъ зарегистрировано свыше 30 тыс. рабочихъ. Амбулаторіи на всѣхъ 10 пунктахъ работали въ среднемъ немного болѣе двухъ мѣсяцевъ (отъ 32 дней до 86). Больныхъ зарегистрировано около 10 тысячъ, сдѣлали они 13.577 посѣщеній. Каждая чайная, при 8 врачебно-продовольственыхъ пунктахъ, функціонировала въ среднемъ 45 дней; число отпущенныхъ порцій чаю равняется 37 тыс., изъ нихъ безплатныхъ 848, или 2,2 проц. Столовыя (при чайныхъ) функціонировали въ среднемъ 37 дней каждая. Изъ нихъ отпущено около 35 тыс. порцій, въ томъ числѣ безплатныхъ 1.320, или 3,8 проц. При нѣкоторыхъ столовыхъ продавался по заготовительной цѣнѣ хлѣбъ.

«Врачебно-продовольственные пункты,—говорится въ отчетѣ,—удовлетворяя пришлыхъ рабочихъ медицинской помощью и дешевымъ продовольствіемъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ полной мѣрѣ обезпечивали рабочимъ пріютъ и защиту отъ знойнаго солнца, вѣтра, пыли и дождя. Въ сл. Покровской для этой цѣли имѣется два хорошо устроенныхъ барака, могущихъ вмѣстить до 1.000 человѣкъ рабочихъ; въ Ровномъ служитъ той же цѣли баракъ, выстроенный губернскимъ земствомъ въ 1898 году, съ мужскимъ и женскимъ отдѣленіями и съ помѣщеніемъ небольшой амбулаторіи при баракѣ; въ Дьяковкѣ за отчетное лѣто, при помощи «Краснаго Креста», выстроенъ также баракъ-столовая. Внутри барака, по бокамъ, построены нары для спанья, а между нарами узкіе подвижные столы, и днемъ баракъ служитъ какъ столовая».

Санитарный надзоръ за пунктами найма и хуторами обнаружилъ рядъ вопіющихъ нарушеній санитарныхъ требованій и этотъ надзоръ имѣлъ безусловно свое положительное значеніе.

«Дѣятельность врачебно-продовольственныхъ пунктовъ за минувшее лѣто,—справедливо замѣчаетъ губернская управа,—неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что пункты завоевали и завоевываютъ все большія симпатіи пришлыхъ рабочихъ. Уже въ прошломъ году были обращенія рабочихъ къ завѣдующимъ пунктами съ жалобами на продажу имъ недоброкачественныхъ съѣстныхъ продуктовъ мѣстными торгашами; минувшимъ лѣтомъ практика дьяковскаго пункта показала, что рабочіе по своей иниціативѣ склонны придавать врачебно-продовольственнымъ пунктамъ и функціи посреднической конторы. Такъ, рабочіе неоднократно обращались на пунктъ съ просьбой сохранить заработанныя деньги отъ наемки до наемки; масса рабочихъ обращалась съ просьбой переслать домой, на родину, деньги, мотивируя свою просьбу недосугомъ въ рабочее время идти за нѣсколько десятковъ верстъ въ почтовое учрежденіе; такимъ образомъ, по просьбамъ рабочихъ, черезъ дьяковскій пунктъ было отправлено около 20 денежныхъ пакетовъ, на сумму 200 рублей. Эти факты говорятъ и о степени довѣрія рабочихъ къ врачебно-продовольственнымъ пунктамъ и о представленіяхъ, какими они рисуютъ себѣ задачи пункта. Въ Дьяковкѣ же, послѣ ряда злоупотребленій, обнаруженныхъ на нѣсколькихъ хуторахъ, послѣ сношенія о томъ земскаго начальника съ губернаторомъ, была назначена особая коммиссія для изслѣдованія означенныхъ хуторовъ, а послѣ этого изслѣдованія при врачебно-продовольственномъ пунктѣ введена была запись условій между рабочими и нанимателями; запись велась сельскимъ писаремъ при завѣдующемъ пунктомъ. Такихъ условій было заключено 80, при чемъ каждымъ условіемъ было нанято отъ 20 до 250 рабочихъ».

Завѣдующими пунктами обращено также вниманіе на то, что было бы крайне цѣлесообразно и полезно устроить при пунктахъ склады серповъ и косъ, такъ какъ рабочіе, при ихъ безденежьи, вынуждены пріобрѣтать необходимыя для нихъ орудія, при извѣстныхъ «льготахъ» (ссуды, залоги), по очень дорогой цѣнѣ.

Расходы на каждый врачебно-продовольственный пунктъ равнялись всего

528 руб.; въ этой суммѣ заключается расходъ и на медицинскій персоналъ, и на устройство чайныхъ-столовыхъ, на выдачу безплатныхъ порцій обѣдовъ и чая, на амбулаторію, на пріемный покой, на медикаменты и проч., и проч.

Народная библіотека. «Россія» приводитъ поучительныя данныя о ростѣ спроса на книгу среди грамотной деревни. Такъ, напр., изъ отчета за 1895 г. (1-й годъ существованія библіотеки) завѣдующаго сосновской народной безплатной библіотекой (въ Симбирской губ.) видно, что всего было выдано книгъ съ 3-го сентября по 1-е января 927 разъ; число читателей выражается за отчетное время слѣдующими цифрами: въ сентябрѣ 9 человѣкъ. а къ 1-му января—124 человѣка. Въ 1896 г. книгъ было взято 2.518 разъ, число же читателей къ 1-му января выразилось въ цифрѣ 180 человѣкъ. 1897 годъ даетъ уже цифру количества выданныхъ книгъ удвоенную, т.-е. къ 1-му января ихъ было выдано 5.205 разъ, при 283 читателяхъ. Въ 1898 году, четвертый годъ существованія библіотеки, книгъ было выдано 7.537 разъ, т.-е. въ восемь разъ болѣе, чѣмъ въ первый годъ.

Изъ отчета за 1894 г. (1-й годъ существованія) бѣло-ключевской народной библіотеки видно, что и эта маленькая библіотечка работала въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія весьма хорошо. Въ ней было всего 295 книгъ, которыми пользовалось 68 человѣкъ взрослыхъ и 43 человѣка дѣтей. Отчетъ утверждаетъ, что «народъ съ удовольствіемъ читаетъ книги, и библіотекой пользуются всѣ села волости. Нравственно-воспитательное вліяніе на народъ библіотека безусловно имѣетъ... народъ привыкаетъ къ библіотекѣ и день ото-дня начинаетъ интересоваться все больше и больше». Въ 1895 г, въ этой же библіотекѣ, обладавшей уже 420 книгами, было прочтено 1.048 книгъ при 139 читателяхъ. Въ 1896 году было прочтено уже 1.914 книгъ, т.-е. на 866 книгъ болѣе предыдущаго года. Въ 1897 году книгъ изъ бѣло-ключевской библіотеки прочитано 1.915, но при 342 читателяхъ. За четвертый годъ число выданныхъ и прочитанныхъ книгъ достигаетъ уже внушительной цифры—4.551, что, въ свою очередь, доказываетъ, лучше всякихъ словъ, развитіе любви къ чтенію въ народѣ. Средства же библіотекъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, весьма незначительны,—такъ, напр., за 1898 г. приходъ бѣло-ключевской библіотеки выразился въ 143 рубля, при расходѣ въ 87 р. 82 к.

Весьма интересныя данныя объ отношеніяхъ народа къ библіотекамъ даетъ отчетъ горинской безплатной библіотеки за 1898 г. Напр., по увѣренію завѣдующаго библіотекой, крестьяне выражаютъ свои симпатіи въ книгѣ и нерѣдко, бесѣдуя между собою, высказываютъ мысли, что «возьмешь книгу—и, вмѣсто того, чтобы идти на улицу или къ кабаку, гдѣ особенно много народа собирается въ праздничное время, сидишь дома, читаешь книгу и даже не только самъ пріобрѣтаешь различныя свѣдѣнія, но читаешь вслухъ, и семейные, дѣлая свои дѣла домашнія, интересуются хорошей книгой и слушаютъ со вниманіемъ».

«Крестьяне,—говорится въ другомъ отчетѣ,—сочувственно относятся къ библіотекѣ, берутъ книги съ охотой, посылаютъ своихъ дѣтей за книгой, передаютъ взятыя книги товарищамъ, такъ что иная книга переходитъ дворовъ пять—десять».

Какія же книги болѣе всего читаются крестьянами? Отчеты даютъ такія указанія: большая часть читателей охотнѣе берутъ книги беллетристическаго содержанія, затѣмъ историческаго и географическаго; духовно-нравственнаго содержанія требуютъ старики и раскольники, книги по садоводству и огородничеству расходятся весною, когда онѣ нужны для практическихъ занятій.

Особенною любовью пользуются у читателей военные разсказы сочиненія Майнъ-Рида, Лажечникова, Гоголя («Вечера на хуторѣ», «Тарасъ Бульба»),

сочиненія Пушкина, Толстого (Алексѣя) «Князь Серебряный» постоянно находится на рукахъ, и требованіе на нихъ замѣтно возрастаетъ.

Интересный опытъ. Въ февральскомъ номерѣ нашего журнала уже сообщалось, что крестьянинъ деревни Малыхъ-Свѣтицъ Боровичскаго уѣзда Я. М. Михайловъ основываетъ въ своей деревнѣ большую земледѣльческую артель, въ которую вошла *вся деревня*, въ количествѣ 50-ти дворовъ и 308-ми душъ крестьянъ обоего пола (200 рабочихъ). Теперь г. Погрузовъ разсказываетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о дальнѣйшемъ ходѣ этого интереснаго опыта.

Артельный договоръ крестьянъ подписывается на дняхъ. Исторія этого дѣла такая. Въ началѣ октября прошлаго года крестьянинъ Я. М. Михайловъ, разъяснивъ своимъ однодеревенцамъ всю безпомощность и безвыходность ихъ положенія, уговорилъ ихъ соединиться въ артель и общими силами перенести всю деревню на новое, незаливаемое рѣкой мѣсто, а затѣмъ сообща обрабатывать и землю. При такихъ условіяхъ Михайловъ обѣщалъ крестьянамъ найти и нужныя средства для постановки всего хозяйства на новую ногу. Въ этихъ цѣляхъ былъ составленъ приговоръ объ учрежденіи Общества «Взаимная помощь», и у мѣстнаго земскаго начальника испрашивалось разрѣшеніе на перенесеніе деревни, на введеніе общественной запашки и на открытіе общей столовой. Приговора земскій начальникъ не утвердилъ, ибо онъ не былъ компетентенъ въ этомъ дѣлѣ, а на перенесеніе деревни и устройство общей запашки и столовой посовѣтовалъ составить особые приговоры для передачи ихъ высшему начальству. Крестьяне такъ и сдѣлали. Но впослѣдствіи все направленіе дѣла оказалось ошибочнымъ. Утвержденіе Общества «Взаимная помощь» было дѣломъ очень сложнымъ и длиннымъ, да и намѣренія крестьянъ не было бы возможности уложить въ рамки, очерчиваемыя въ такихъ случахъ узаконеніями и принятыми нормами. Вотъ почему Михайловъ, по совѣту свѣдущихъ лицъ, пріостановилъ ходатайства и рѣшилъ заключить простой артельный договоръ на общемъ основаніи (ст. 1.528 — 31 т. X ч. I Св. Зак.). Въ основаніе былъ положенъ артельный договоръ г. Левитскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями. Такимъ образомъ вмѣсто долгихъ томительныхъ ожиданій (уставъ, напримѣръ, златоустовской артели утверждался почти два года) дѣло было сдѣлано въ нѣсколько дней.

Хотя вступленіе въ силу договора и не требовало утвержденія ни земскаго начальника, ни высшей власти, но Михайловъ счелъ своимъ долгомъ представить лично проектъ договора начальнику губерніи графу фонъ-Медему, которымъ и былъ принятъ нѣсколько разъ самымъ благосклоннымъ образомъ. Графъ выразилъ начинанію Михайлова свое полное сочувствіе, обѣщалъ ему свое постоянное содѣйствіе и помощь, одобрилъ всѣ его начинанія и, пожелавъ успѣха, обѣщалъ посѣтить его артель въ недалекомъ будущемъ. Графъ, между прочимъ, просилъ владѣльца мѣстнаго черепичнаго завода познакомить Михайлова со способами выдѣлки черепицы и далъ нѣсколько другихъ полезныхъ совѣтовъ.

Ободренный такимъ пріемомъ, Михайловъ еще болѣе воодушевился своимъ дѣломъ и усердно принялся за его осуществленіе. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ его будущей работы.

Сначала Михайловъ хотѣлъ построить для крестьянъ глинобитные домики. Здѣсь онъ руководился сообщеніемъ о Высочайшемъ ассигнованіи 1899 г. на распространеніе и выработку этого типа построекъ 100.000 руб. По ознакомленіи съ дѣломъ, однако, оказалось, что до сихъ поръ не выработано еще рецепта, по которому можно было бы съ полною увѣренностью употреблять для построекъ глинобитный матеріалъ. Такимъ образомъ, домики будутъ выстроены изъ кирпича, что обойдется дешевле деревянныхъ, а главное они будутъ безопасны отъ пожара и несравненно долговѣчнѣе. Крыши будутъ сдѣланы глиняно-соломенныя. На первый годъ постройка домиковъ производиться не будетъ,

потому-что будетъ заготовляться кирпичъ. Для этого строится кирпичный заводъ, который будетъ дѣйствовать водою, проведенною изъ р. Мсты. Работа на заводѣ будетъ производиться силами артели. Однако прежде домиковъ будетъ построенъ артельный скотный дворъ съ водогрѣйней и складами для корма и масла, которое предполагается вырабатывать. Затѣмъ будутъ построены: общая конюшня, общая столовая, лавка, баня, хлѣбопекарня. Соха замѣняется плугами и вводится восьмипольный сѣвооборотъ. Молотилка будетъ дѣйствовать водою. За деревней будетъ устроено сельскохозяйственное училище для крестьянскихъ дѣтей обоего пола. При школѣ будетъ опытное поле, образцовые садъ, огородъ, пчельникъ, метеорологическая станція и скотный дворъ. Современемъ предполагается построить кожевенный заводъ, смолокурню, льнопрядильное-ткацкое заведеніе и маслобойный заводъ. Также будутъ устроены слѣдующія мастерскія въ размѣрахъ, требующихся для своей деревни и сосѣднихъ крестьянъ: слесарная, столярная, шорная, швейная, портняжная и образцовая кузница. Изъ кустарныхъ издѣлій, которыхъ теперь въ деревнѣ не выдѣлываютъ никакихъ, прежде всего, предполагается ввести льнопряденіе и льноткачество на усовершенствованной самопрялкѣ и самолетномъ станкѣ. Крестьяне будутъ обучаться правильному огородничеству, а впослѣдствіи и садоводству. Для выдѣлки масла выписываются сепараторы.

Такимъ образомъ, это будетъ особый культурный уголокъ, гдѣ каждая отрасль хозяйства будетъ разрабатываться по послѣднимъ требованіямъ практики. Заслуживаетъ вниманія тотъ кругооборотъ въ хозяйствѣ, который, очевидно, старается ввести Михайловъ въ своемъ маленькомъ міркѣ. Такъ, изъ льна будетъ вырабатываться волокно, изъ волокна пряжа будетъ работаться на самопрялкахъ, изъ пряжи на ткацкихъ станкахъ будетъ вырабатываться холстъ и полотно. Льняное сѣмя пойдетъ на маслобойный заводъ, откуда будетъ получаться, во-первыхъ, льняные жмыхи, представляющіе, какъ извѣстно, самый драгоцѣнный кормъ для скота. Жмыхи эти пойдутъ на собственный же скотный дворъ, гдѣ будетъ выдѣлываться сливочное масло.

При такой постановкѣ дѣла неудивительно, что производительность артельнаго труда дастъ хорошіе результаты. Такъ, отъ льнянаго дѣла въ кассѣ артели будутъ скоплены всѣ прибыли и заработки отъ выработки и продажи льнянаго волокна, пряжи, ткани, сѣмени, жмыховъ, льнянаго и сливочнаго масла. Посредникамъ здѣсь не будетъ уже мѣста.

Михайловъ думаетъ также устроить прямыя сношенія артели съ потребителями. Удобное положеніе его деревни на полпути между двумя такими огромными центрами потребленія, какъ Петербургъ и Москва, дѣлаютъ его намѣренія легко осуществимыми, чему также способствуетъ и интеллигентное населеніе обоихъ этихъ городовъ. Продукты будутъ доставляться на-домъ по заказу агентами артели. Съ теченіемъ времени дѣло это можетъ развиться и вылиться въ какія-нибудь новыя формы, которыхъ пока нельзя предвидѣть. Можетъ-быть, Малые-Свѣтицы будутъ доставлять въ столицы не только свои продукты, но и продукты и издѣлія и сосѣднихъ крестьянъ, и такимъ образомъ они замѣнятъ имъ безбожно обирающихъ теперь скупщиковъ.

Какимъ образомъ артель будетъ вести свои разсчеты? Не потребуютъ ли всѣ эти разнообразныя предпріятія сложнаго счетоводства, съ которымъ простые люди, пожалуй, и не справятся? Учетъ всѣхъ отраслей хозяйства въ отдѣльности потребуетъ, конечно, много записей и знающаго бухгалтера, но выводъ валоваго и чистаго дохода всего дѣла сдѣлать будетъ очень просто. Разсчетъ же, по мысли Михайлова, будетъ сдѣланъ пропорціонально труду, т.-е. числу рабочихъ дней въ году. Чистая прибыль всего хозяйства дѣлится на общую сумму рабочихъ дней всѣхъ артельщиковъ, и получается стоимость одного рабочаго дня. Каждый родъ работы будетъ находиться въ завѣдываніи особаго десятника,

который и сообщаетъ ежедневно писарю артели о работавшихъ людяхъ. Такимъ образомъ, къ труду никто не приневоливается, но сработавшій болѣе дней и получаетъ болѣе. Если кто работаетъ лѣнивѣе, тому счетъ дней можетъ быть убавленъ. За усердіе же предполагается ввести подарки къ праздникамъ. Работа дѣтей до 17-ти лѣтъ въ счетъ не пойдетъ. Это потому, что всѣ дѣти будутъ обучаться или сельскому хозяйству, или какому-нибудь ремеслу, отъ которыхъ ихъ и будетъ незачѣмъ отрывать для работы. Въ горячее же время они работаютъ безплатно каждый за себя, какъ плата артели за расходы по воспитатію. Такой порядокъ не обиденъ ни для кого.

На *воспитаніе* дѣтей (а не только на выучку) предполагается обратить особенное вниманіе. Михайловъ желалъ бы создать изъ крестьянскихъ дѣтей *новое общество* и преданныхъ дѣлу помощниковъ и руководителей. Для этого будетъ сдѣлано все, чтобы въ подрастающемъ поколѣніи сосредоточивались всѣ знанія, полезныя крестьянину; одни будутъ въ совершенствѣ знать садоводство, другіе—огородничество, третьи—пчеловодство, прочіе—слесарное, столярное, кузнечное, строительное мастерство и т. д.

Все хозяйство поведется по усовершенствованнымъ порядкамъ. Будутъ вестись журналы, дѣлаться опыты, наблюденія и т. п. Артель будетъ имѣть читальню и библіотеку, будетъ выписывать журналы.

Артель поведетъ дѣло на занятыя деньги.

Крючники на Волгѣ. «Сѣверный Курьеръ» рисуетъ любопытную картину вліянія капитализма на трудъ рабочихъ, такъ называемыхъ, крючниковъ на Волгѣ.

Нагрузка и разгрузка товаровъ на всѣхъ пристаняхъ волжскаго бассейна производится до сихъ поръ, главнымъ образомъ, при помощи грузчиковъ или крючниковъ. Трудъ этихъ рабочихъ крайне тяжелъ, утомителенъ, беретъ у нихъ нерѣдко по 15—18 часовъ въ сутки, производится часто ночью и, главное, въ высшей степени неопредѣленъ. То нѣсколько сутокъ самой мучительной, надрывающей силы работы, и сутки, а иногда и болѣе—полной бездѣятельности въ ожиданіи прихода предназначенныхъ къ нагрузкѣ или разгрузкѣ судовъ. За исключеніемъ сибирской пристани въ Нижнемъ-Новгородѣ, никакихъ приспособленій для облегченія по истинѣ каторжнаго труда крючниковъ не было сдѣлано до послѣдняго времени. Вездѣ крючники переносятъ тюки и ящики на спинѣ при помощи традиціоннаго крюка; бочки и тому подобные круглые предметы катятъ руками или тянутъ на веревкѣ, а нѣкоторыя вещи прямо переносятъ на рукахъ («въ ручную»), и только на Сибирской пристани для перегрузки товаровъ употребляются тачки, которыя значительно облегчаютъ трудъ и ускоряютъ работу. Однако, какъ ни тяжелъ трудъ крючника, какъ ни велика эксплоатація его подрядчиками, крючники, вслѣдствіе прогрессирующаго изъ года въ годъ наплыва грузовъ на всѣхъ приволжскихъ пристаняхъ, неразрывно связаннаго съ развитіемъ нашей промышленности и торговли, находятъ на Волгѣ постоянную работу, и притомъ зарабатываютъ сравнительно хорошо. Особенно въ благопріятныхъ условіяхъ находятся такъ называемые промзинцы, которые, несмотря на всѣ обсчеты со стороны подрядчиковъ, въ состояніи заработать въ теченіе навигаціи до 150 и болѣе рублей, не считая въ томъ числѣ харчей и квартиры.

Въ то время, какъ большая часть волжскихъ грузчиковъ является случайнымъ элементомъ въ этомъ трудѣ, людьми, бросающимися на какую угодно черную работу, чтобы только гдѣ-нибудь и что-нибудь заработать, промзинцы (изъ Пензенской и Симбирской губерніи, преимущественно же изъ извѣстнаго с. Промзина) спеціально занимаются грузкою товаровъ на Волгѣ, и притомъ у крупныхъ пароходствъ и на такихъ большихъ пристаняхъ, какъ ярослав-

ская, казанская, симбирская, самарская, саратовская, царицынская и частію астраханская и нижегородская. О послѣднихъ двухъ пристаняхъ мы говоримъ «частію», потому что въ Астрахани теперь преимущественно работаютъ грузчики персы (амбалы), а въ Нижнемъ—промзинцевъ мало, такъ какъ облегченная тачками работа не требуетъ особой спеціальной сноровки и легко исполняется самымъ разнообразнымъ сбродомъ изъ городского пролетаріата, большинство котораго составляютъ такъ называемые «золоторотцы». Что касается такой крупной пристани, какъ Рыбинскъ, то тамъ работаютъ мѣстные крючники, извѣстные подъ названіемъ «зимогоровъ». По ловкости и силѣ промзинцы, какъ спеціалисты своего дѣла, превосходятъ всѣхъ волжскихъ грузчиковъ, и единственными ихъ конкурентами въ этомъ отношеніи могутъ быть лишь татары, работающіе на казанской пристани. Мѣстные крючники (въ томъ числѣ на Окѣ, Камѣ и пр.) работаютъ медленѣе промзинцевъ и зарабатываютъ меньше. Плата всѣмъ грузчикамъ безъ исключенія колеблется отъ 4 до 6 руб. за 1.000 пудовъ. Случается, хотя и рѣдко, что эта плата значительно повышается (во время холеры 1892 г. до 10—12 р. съ 1.000 пудовъ), но иногда и понижается.

За отсутствіемъ статистическихъ данныхъ трудно точно опредѣлить, какъ велико число пристанскихъ рабочихъ на рѣкахъ волжскаго бассейна, но, во всякомъ случаѣ, всѣхъ грузчиковъ, и спеціальныхъ, и временныхъ (промзинцевъ, рыбинскихъ зимогоровъ, казанскихъ и др. татаръ, саратовскихъ галаховъ, астраханскихъ персовъ-амбаловъ и др.), на всѣхъ волжскихъ, камскихъ, вятскихъ, бѣльскихъ, окскихъ и другихъ пристаняхъ по приблизительному разсчету можно считать отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ. Такъ велико товарное движеніе въ бассейнѣ великой русской рѣки, что оно привлекаетъ къ себѣ цѣлую армію однихъ только грузчиковъ! Но соотвѣтственно съ грандіозностью транспорта не менѣе грандіозны и перегрузочные расходы. По опредѣленію компетентныхъ людей, нагрузка, выгрузка и перегрузка транспортируемыхъ на волжскихъ судахъ кладей берутъ почти третью часть всего валоваго дохода всѣхъ пароходо-судовладѣльцевъ. Пароходчики ничего не могли предпринять до сихъ поръ для уменьшенія этихъ расходовъ.

Введеніе на Сибирской пристани тачекъ, во всякомъ случаѣ, обязано уже неисконнымъ волгарямъ, а явившимся на Волгу со стороны, которые, въ настоящее время, все болѣе и болѣе вытѣсняя коренного волгаря или обращая его въ свои «подручные», овладѣваютъ волжскимъ промысломъ, рѣзко измѣняютъ его первобытныя формы и вносятъ въ него культурные европейскіе порядки. Капиталистическая струя въ волжскомъ судоходномъ дѣлѣ особенно ясно стала проявляться послѣ того, какъ рязано-уральское общество пріобрѣло Саратовскую желѣзную дорогу; на Волгѣ появилось «Восточное общество» и началась усиленная конкуренція между волжскимъ пароходствомъ и прилегающими къ Волгѣ желѣзными дорогами.

Тачки облегчили работу крючниковъ, но на одну четверть сократили также ихъ числона Сибирской пристани. Это былъ первый шагъ къ сокращенію обременительныхъ для пароходовладѣльцевъ перегрузочныхъ расходовъ. Второй шагъ, и блѣе рѣшительный, въ данномъ отношеніи сдѣлало рязано-уральское общество, еще недавно тѣсно связанное съ пароходными обществами: «по Волгѣ» и «Восточнымъ». Построивъ желѣзнодорожный путь къ Камышину, это общество обратило небольшую камышинскую пристань въ довольно крупный центръ, предназначенный рязано-уральцами для конкуренціи съ Царицынымъ этимъ входомъ и выходомъ на Волгу общества юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, въ недавно еще захудалый городишко, славящійся одними лишь арбузами, стало приходить множество судовъ по Волгѣ и прибѣгать сотни вагоновъ по желѣзной дорогѣ. Чтобы перегружать товары изъ судовъ въ вагоны

*

и изъ вагоновъ въ суда, потребовалась масса грузчиковъ, и притомъ въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ если бы то же самое количество перегружалось на другой пристани. Крутой камышинскій берегъ, возвышающійся надъ горизонтомъ Волги свыше, чѣмъ на 45 саженъ, затруднялъ перегрузку «въ ручную», значительно повышалъ ея стоимость и требовалъ для нея механическихъ приспособленій. Далекіе отъ всякой рутины, снабженные большими капиталами и энергичные рязано-уральцы не постояли за крупными затратами и въ 1895 году устроили въ Камышинѣ подъемныя машины, такъ что въ настоящее время на этой пристани вмѣсто крючниковъ работаютъ не знающія устали самотаски, и ихъ работа обходится несравненно дешевле ручного труда. Въ настоящее время всѣ волжскіе пароходовладѣльцы уже вполнѣ поняли, насколько выгодна замѣна ручного труда машинами при перегрузкѣ товаровъ, и если многіе изъ нихъ не въ состояніи сдѣлать этого нововведенія, то лишь по неимѣнію достаточныхъ средствъ. Во всякомъ случаѣ, не далеко то время, когда каторжный трудъ крючниковъ будетъ не только облегченъ, но и совершенно упраздненъ машиною...

Таковъ неизбѣжный законъ, такъ и должно быть, но, конечно, благотворное значеніе машины вовсе не въ современности, на три четверти не освободившейся еще отъ путъ пережитковъ старины, а всецѣло въ будущемъ, когда благодаря разнымъ общественно-экономическимъ факторамъ, и въ томъ числѣ все той же самой машинѣ, создадутся новыя общественныя отношенія. Теперь же, при наличности современной дѣйствительности, машина хотя и содѣйствуетъ созданію производства, тѣмъ не менѣе усиливаетъ противорѣчіе современныхъ экономическихъ отношеній, лишая 40—50 тыс. человѣкъ привычнаго заработка.

Безпорядки въ г. Луганскѣ. Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщенъ подробный отчетъ любопытнаго дѣла о 16-ти жителяхъ г. Луганска, обвиняемыхъ въ буйствѣ, сопротивленіи властямъ и даже насиліи надъ луганскими полицейскими чинами. Дѣло разбиралось въ Таганрогѣ особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Среди обвиняемыхъ мужчинъ и женщинъ находились лица въ возрастѣ отъ 20-ти до 70-ти лѣтъ. Подсудимые содержались подъ стражею полгода, и одна изъ подсудимыхъ умерла въ тюрьмѣ. Обстоятельства настоящаго дѣла, согласно обвинительному акту, заключались въ слѣдующемъ.

20-го мая 1899 года въ городѣ Луганскѣ были арестованы за буйство и пьянство двое мѣстныхъ обывателей. При арестованіи городовые нанесли имъ тяжкіе побои, отчего одинъ изъ арестованныхъ вскорѣ умеръ. По городу быстро разнеслась молва объ этомъ преступленіи. Въ то же время о немъ было сообщено судебному слѣдователю. Трупъ умершаго, нѣкоего Заикина, былъ перевезенъ на мѣстное кладбище въ мертвецкую для вскрытія. Во время вскрытія на кладбищѣ собралась значительная толпа, человѣкъ около трехсотъ, которая громкими криками выражала свое негодованіе по поводу случившагося. Толпа стала требовать отъ судебнаго слѣдователя прочтенія протокола о вскрытіи, но получила отказъ. Съ тою же просьбой она обратилась къ полицейскому врачу, и на этотъ разъ желаніе ея было удовлетворено. Послѣ этого толпа стала высказывать еще бóльшее возбужденіе: раздались угрозы противъ полиціи и крики, что полиція убиваетъ людей, что надо перебить всю полицію, что прежде въ Луганскѣ жили безъ полиціи и никто людей не убивалъ. Среди толпы выдѣлялось нѣсколько зачинщиковъ, которые призывали толпу къ избіенію полиціи и подстрекали не допускать погребенія тѣла Заикина. Особенно отличался Чукинъ, находившійся въ нетрезвомъ состояніи. Онъ стрѣлялъ изъ револьвера на воздухъ, подставлялъ его къ самому лицу полицейскаго надзирателя и говорилъ: «Вотъ что вамъ слѣдуетъ». Наконецъ, онъ былъ обезоруженъ, во время чего нанесъ побои городовымъ, желающимъ его задержать. Однако, кромѣ случая съ

Чукинымъ, въ этотъ день не было причинено насилія никому изъ полиціи. Къ вечеру толпа разошлась. На слѣдующій день опять толпа собралась около кладбища, не допуская хоронить тѣла Заикина и требуя новаго вскрытія. Раздавались тѣ же крики и угрозы противъ полиціи, которая въ этотъ день не рѣшалась даже входить въ толпу. Явившемуся для успокоенія толпы земскому начальнику Самойлову оборвали портупею, китель и отдавили шпору. Точно такъ же неуспѣшны были и попытки священника. Не видя возможности успокоить разбушевавшуюся толпу, они удалились. Толпа хлынула за ними и требовала телеграфировать объ убійствѣ Заикина губернатору. Требованіе это было исполнено. Къ вечеру толпа собралась около зданія, занимаемаго уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ. Она продолжала кричать, свистать и осыпала камнями зданіе, гдѣ какъ въ осадѣ находилась вся полиція г. Луганска. Къ ночи толпа разошлась. На слѣдующій день утромъ тѣло Заикина было предано землѣ его родственниками при огромномъ стеченіи народа на кладбищѣ, куда явилось до 1.000 человѣкъ. Послѣ похоронъ толпа вновь перешла на площадь, но здѣсь была при помощи нагаекъ разогнана прибывшими по вызову казаками. Вслѣдъ затѣмъ, въ видахъ успокоенія толпы, былъ освобожденъ арестованный наканунѣ Чукинъ, послѣ чего толпа стихла, народъ разошелся по домамъ, и безпорядки болѣе не возобновлялись.

Изъ допроса свидѣтелей, показанія потерпѣвшихъ, рѣчей защиты и даже самого прокурора выяснилось что дѣло обстояло нѣсколько иначе. Луганскій исправникъ Нащекинъ отказался отъ главныхъ обвиненій: онъ говорилъ, что забылъ ихъ. По его словамъ выходило, что народъ волновался и шумѣлъ но насилія собственно не производилъ никакого: ни окна, ни двери полицейскаго управленія не были побиты, полиція даже и не пробовала выходить къ разбушевавшейся толпѣ. Характерны показанія священника: онъ хотя и слышалъ, что что-то неладное творится въ городѣ, но не замѣтилъ ничего необычайнаго на улицѣ. Онъ не видѣлъ ничего страшнаго, ни угрожающаго въ толпѣ, которая, правда, шумѣла, требуя одного только, чтобы не были скрыты слѣды убійства городовыми человѣка. Такой же характоръ носятъ показанія врача и полицейскихъ надзирателей. Главнымъ обвинителемъ является земскій начальникъ, который, по его собственнымъ словамъ, очень любимъ жителями Луганска. Ему представляются безпорядки въ Луганскѣ грандіозными. Но и онъ долженъ признать, что толпа не осаждала полицейскаго управленія, а такъ просто собралась близь него и галдѣла. По отношенію къ себѣ, онъ не замѣтилъ никакого враждебнаго отношенія: портупея и шпора были сорваны случайно въ толпѣ. Главными коноводами, по его мнѣнію, были Чукинъ и Ширяева. Послѣдняя пріѣхала, по его словамъ, изъ Петербурга съ какими-то идеями: она всѣхъ въ дни безпорядка возбуждала своимъ поведеніемъ. Сама Ширяева, между прочимъ, увѣряетъ, что на вопросъ земскаго начальника, какія книги она читала, отвѣчала: «Я читала французскій романъ «Капитанъ Дрейфусъ»... Вотъ почему, полагаетъ она, и Самойловъ считаетъ ее бунтовщицей». Весь многочисленный рядъ свидѣтелей, состоящій изъ безхитростныхъ, простыхъ людей, показалъ подъ присягой, что ничего похожаго на безпорядки не было. А просто, когда узнали, что въ полицейскомъ участкѣ убитъ человѣкъ, городъ заволновался, и толпа стала собираться на кладбищѣ, куда былъ доставленъ трупъ для анатомированія. Народъ не допускалъ похоронить Заикина и требовалъ выясненія вопроса, убитъ ли тотъ, или умеръ своею смертью. Онъ требовалъ, чтобы убійцы были подвергнуты законному преслѣдованію, а не разгуливали свободно по городу. Послѣдовалъ приказъ хоронить трупъ, и это хотѣли исполнить неявно. Трупъ былъ положенъ на телѣгу, закрытъ рогожей и безъ вѣдома родственниковъ отвезенъ на кладбище. Никто даже не зналъ, что̀ именно везутъ; говорили, что это повезли гнилую рыбу. Похороны не могли

произойти, такъ какъ духовное лицо въ городѣ отказалось хоронить ранѣе трехъ дней. Помимо всего этого, нельзя было хоронить потому, что то гроба не было, то могила не была готова. Этотъ протестъ, правда, сопровождался угрозами, криками, но ничего не было приведено въ исполненіе. Тотъ же Чукинъ, грозившій револьверомъ, добровольно отдалъ себя въ руки полиціи. Надо замѣтить, что онъ былъ настолько пьянъ, что принесъ на кладбище тюфякъ съ подушкой, «чтобы покойничку было мягче спать». Осаждаемая полиція могла безпрепятственно выходить, если бы захотѣла. Одинъ изъ надзирателей ѣздилъ съ нѣкоторыми подсудимыми освидѣтельствовать, посажены ли въ тюрьму городовые, убившіе Заикина. И вотъ за такое преступленіе люди теперь судятся. Половина изъ нихъ—родственники убитаго, прибывшіе на кладбище для похоронъ и оттуда попавшіе на скамью подсудимыхъ. Одинъ изъ нихъ—дядя убитаго: въ чемъ его вина? «Виноватъ въ томъ,—сказалъ онъ,—что племянника своего оплакивалъ, когда дали знать, что умеръ онъ. А я бѣденъ и старуха у меня слѣпая... Мнѣ 70 лѣтъ... Онъ мнѣ какъ родной сынъ... Я его выходилъ... Ну, извѣстно, мнѣ похоронить надобно было»... Проговоривъ это, старикъ заплакалъ и сѣлъ на мѣсто.

Прокуроръ, отказавшись поддерживать обвиненіе противъ восьми подсудимыхъ, настаивалъ на немъ по отношенію къ остальнымъ.

Приговоръ былъ вынесенъ слѣдующій. Восемь человѣкъ оправданы. Чукинъ приговоренъ къ аресту на $1^1/_2$ мѣсяца. Онъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ полиціи, но не при исполненіи ея обязанностей; это былъ простой уличный безпорядокъ. Ширяева — къ семидневному аресту. Остальные присуждались къ штрафу отъ 3 до 10 р. Защиту велъ харьковскій присяжный повѣренный г. Левченко.

Дѣло о загадочной смерти врача Жирнова. «Саратовскій Дневникъ» даетъ отчетъ объ интересномъ съ бытовой стороны дѣлѣ о загадочной смерти врача Жирнова. 4-го февраля въ особомъ присутствіи саратовской судебной палаты, въ составѣ предсѣдателя уголовнаго департамента судебной палаты Л. И. Навроцкаго, членовъ палаты Булгакова, Стаматова и Лазаревскаго и сословныхъ представителей—князя А. А. Ухтомскаго, Н. П. Фролова и одного изъ старшинъ Саратовской губ. разбиралось сенсаціонное, надѣлавшее въ свое время много шуму дѣло о загадочной смерти вольнопрактиковавшаго въ г. Николаевскѣ, Самарской губерніи, врача Жирнова, послѣдовавшей послѣ нанесенныхъ ему побоевъ низшими полицейскими служителями. На скамьѣ подсудимыхъ—бывшій николаевскій исправникъ, нынѣ назначенный въ г. Новоузенскъ, г. Ковалевскій и трое бывшихъ полицейскихъ: Симоновъ, Холодковъ и Пичужкинъ. По дѣлу было допрошено свыше 40 свидѣтелей и два эксперта—врачи Субботинъ и Романовъ; представителемъ обвинительной власти выступилъ товарищъ прокурора судебной палаты г. Трофимовъ; защитниками Ковалевскаго—пріѣзжій изъ Петербурга адвокатъ, помощникъ присяжаго повѣреннаго *Гольдштейнъ*, троихъ полицейскихъ — присяжный повѣренный П. Г. Бойчевскій, гражданскій истецъ со стороны жены покойнаго—А. А. Токарскій.

Подробности этого дѣла по обвинительному акту заключаются въ слѣдующемъ: 20 сентября 1899 года, проживающій въ гор. Николаевскѣ вольнопрактикующій врачъ Абрамъ Васильевичъ Жирновъ подалъ прокурору самарскаго окружного суда жалобу на николаевскаго уѣзднаго исправника Ковалевскаго и полицейскихъ служителей гор. Николаевска, объяснивъ въ этой жалобѣ, что онъ вообще подвергается преслѣдованію со стороны полицейскихъ чиновъ, по распоряженію исправника, и что 15 сентября былъ, безъ всякаго повода, на улицѣ арестованъ полицейскими служителями, которые избили его,

причемъ исправникъ, видя это, кричалъ: «бей его, мерзавца» и оскорбилъ при этомъ и мать его, Жирнова.

Затѣмъ, 25 октября того же года, Жирновъ, послѣ продолжительной болѣзни, умеръ, и жена его тотчасъ же заявила участковому товарищу прокурора, что смерть мужа была послѣдствіемъ побоевъ, нанесенныхъ еще 15 сентября.

Однако, при судебно-медицинскомъ осмотрѣ и вскрытіи тѣла Жирнова, произведенныхъ 26 октября, на трупѣ не оказалось никакихъ наружныхъ знаковъ насилія, кромѣ одного кровоподтека на груди.

По заключенію производившихъ вскрытіе врачей, смерть Жирнова послѣдовала отъ отека мозга и легкихъ и паралича сердца, обусловленныхъ его жировымъ перерожденіемъ, а также болѣзнью печени и почекъ; что же касается нанесенныхъ Жирнову побоевъ, то врачи, указавъ на отсутствіе слѣдовъ наотсутствіе слѣдовъ насилія, заявили что побои эти никакого вліянія на смерть не имѣли.

Тѣмъ не менѣе, нанесеніе побоевъ Жирнову, при указанномъ имъ въ жалобѣ обстоятельствахъ, настолько подтвердилось при первоначальномъ изслѣдодованіи, что по постановленію самарскаго губернскаго правленія 25 ноября 1898 года, противъ исправника Ковалевскаго и полицейскихъ служителей: Симонова, Холодкова и Пичужкина было возбуждено уголовное преслѣдованіе, по обвиненію ихъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 338, 342, 345, 347 и 348 ст. ул. о нак.

Судебная палата постановила: Ковалевскаго подвергнуть исключенію со службы съ послѣдствіями по 66 ст. ул. *), бывшихъ полицейскихъ служителей—Симонова къ тюремному заключенію на 3 мѣс., Холодкова и Пичужкина на 2 мѣс.; по вступленіи приговора въ законную силу подвергнуть подсудимыхъ церковному покаянію; въ гражданскомъ искѣ палата постановила отказать.

Дѣло о покушеніи на убійство инспектора Кіевской духовной семинаріи. «Кіевлянинъ» сообщаетъ, что въ засѣданіи особаго присутствія кіевской судебной палаты 28 февраля, при участіи сословныхъ представителей, слушалось дѣло о бывшемъ воспитанникѣ кіевской духовной семинаріи Ильѣ Крещенскомъ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство инспектора той же семинаріи, іеромонаха о. Филарета.

9 апрѣля 1899 г., во время раздачи инспекторомъ Кіевской духовной семинаріи, іеромонахомъ Филаретомъ, отпускныхъ билетовъ ученикамъ семинаріи, въ квартиру его явился ученикъ Илья Пантелеймоновъ Крещенскій и нѣсколько разъ спрашивалъ у служителя Патапа Куготa, много ли еще учениковъ у инспектора. Наконецъ, Куготъ доложилъ о немъ, и онъ вошелъ въ квартиру инспектора, который сначала приказалъ ему принести записки о сдачѣ имъ казенныхъ книгъ и бѣлья, а затѣмъ, когда эти записки были принесены Крещенскимъ, вручилъ ему свидѣтельство объ увольненіи изъ семинаріи за дурное поведеніе. Крещенскій, взявъ это свидѣтельство, скомкалъ его и сунулъ въ карманъ, а затѣмъ обхватилъ инспектора обѣими руками и началъ его жать. Когда инспекторъ повернулся къ нему бокомъ, то почувствовалъ въ лѣвомъ боку какъ бы ожогъ и боль. Вырвавшись изъ рукъ нападавшаго, онъ поспѣшилъ скрыться въ сосѣднюю комнату. Крещенскій остался въ залѣ, куда на крикъ инспектора вбѣжалъ служитель Куготъ. Замѣтивъ въ рукахъ Крещенскаго кинжалъ, а на полу кровь, Куготъ спросилъ Крещенскаго, что онъ

*) Эта статья гласитъ: Исключенный изъ службы лишается права вступать снова въ какую-либо государственную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности по назначенію дворянства, земства, городовъ и селеній.

тутъ дѣлаетъ? Въ отвѣтъ на это Крещенскій указалъ на комнату инспектора и сказалъ: «идите, спросите, что онъ тутъ дѣлаетъ». Затѣмъ онъ пошелъ въ прихожую и началъ рвать дверь въ кухню и столовую, а потомъ разбилъ кинжаломъ стекло въ дверяхъ и кричалъ: «давай мнѣ ректора!» Куготъ взялъ его за плечи, и Крещенскій, весь дрожа, удалился изъ квартиры инспектора. Вбѣжавъ въ столовую, Куготъ нашелъ тамъ инспектора, который плакалъ и требовалъ къ себѣ фельдшера или доктора. Въ лѣвомъ боку его была рана. Крещенскій, по выходѣ изъ квартиры инспектора, направился черезъ рекреаціонный залъ въ сборную комнату для наставниковъ, открылъ двери и началъ что то кричать и размахивать кинжаломъ. Бывшіе въ этой комнатѣ наставникъ Гнѣвушевъ и помощникъ инспектора Козловскій въ испугѣ поспѣшно удалились оттуда и сообщили швейцару, что Крещенскій буйствуетъ. Швейцаръ Иванъ Свиридовъ, прошедши черезъ сборную къ дверямъ рекреаціоннаго зала, видѣлъ тамъ Крещенскаго, который кричалъ: «дайте мнѣ Павла Петровича!» (т.-е. учителя Петрушевскаго). Швейцаръ въ испугѣ началъ подпирать двери зала. Между тѣмъ, на свистокъ явился городовой Чумаченко и вошелъ въ залъ. Увидѣвъ его, Крещенскій бросилъ кинжалъ, подошелъ къ нему и, сказавъ: «теперь что хотите со мной дѣлайте», положилъ ему руки на плечи и заплакалъ. Городовой, не зная, какъ поступить съ нимъ, послалъ сторожа къ начальству, а самъ остался наединѣ съ Крещенскимъ. Служитель вскорѣ возвратился и сказалъ, чтобы городовой отвелъ Крещенскаго въ участокъ. Крещенскій спокойно послѣдовалъ за городовымъ, но, встрѣтивъ на лѣстницѣ Гнѣвушева и Козловскаго, обругалъ ихъ площадной бранью и крикнулъ: «Гнѣвушевъ, что это —въ одну треть двухъ братьевъ!»

На предварительномъ слѣдствіи Крещенскій призналъ себя виновнымъ въ покушеніи на убійство инспектора іеромонаха Филарета, причемъ объяснилъ, что онъ зналъ о предстоящемъ ему увольненіи и рѣшилъ убить не только инспектора, какъ главнаго виновника увольненія, но и учителя П. П. Петрушевскаго, котораго онъ считалъ виновнымъ въ увольненіи его брата, Григорія Крещенскаго. Самъ онъ былъ уволенъ за то, что вмѣстѣ съ ученикомъ семинаріи Александромъ Балцеромъ ѣздилъ кататься на лодкѣ по Днѣпру и напился пьянъ, а затѣмъ, желая скрыть это, отправился не въ корпусъ семинаріи, а въ больницу. Вся инспекція, особенно же инспекторъ, всегда обращались съ нимъ грубо. Это обстоятельство было подтверждено отчасти показаніями воспитанниковъ семинаріи Никодима Яновскаго и Федота Маркевича. По удостовѣреніи товарищей Крещенскаго по семинаріи Балцера, Войтенка, Руденка и Яновскаго, а также нѣкоторыхъ преподавателей, напр., наставника Гнѣвушева, Крещенскій отличался выдающимися способностями, но въ послѣднее время сталъ почему-то хуже учиться. Многіе свидѣтели характеризовали Крещенскаго, какъ вспыльчиваго и самолюбиваго юношу. Изъ сообщенія ректора семинаріи на имя судебнаго слѣдователя видно, что Крещенскій былъ уволенъ правленіемъ семинаріи по представленію инспектора, причемъ постановленіе правленія было утверждено резолюціей преосвященнаго отъ 8 апрѣля 1899 г. Въ виду того, что Крещенскому въ моментъ совершенія преступленія не было еще 17 лѣтъ, дѣло о немъ было направлено на усмотрѣніе окружнаго суда, который въ распорядительномъ засѣданіи 29 октября 1899 г. постановалъ, что онъ дѣйствовалъ съ разумѣніемъ. На основаніи всего этого Крещенскій былъ преданъ суду по обвиненію въ покушеніи съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, изъ мести, на жизнь инспектора іеромонаха Филарета.

Судебная палата опредѣлила подвергнуть Крещенскаго тюремному заключенію срокомъ на 5 лѣтъ, съ лишеніемъ почетнаго гражданства. Защита предполагаетъ обжаловать приговоръ палаты въ касаціонномъ порядкѣ.

Борковская эпопея. Выѣздной сессіей самарскаго окружнаго суда разсматривалось дѣло крестьянъ д. Борки, самовольно запахавшихъ землю графа Орлова-Давыдова. Длинное и сложное дѣло это не представляется возможнымъ привести во всей полнотѣ, по обширности обвинительнаго акта, массѣ свидѣтельскихъ показаній и проч., почему ограничиваемся экстрактомъ изъ него, напечатаннымъ въ «Курьерѣ», и приговоромъ.

Давно уже борковцамъ мозолила глаза длинная лента земли, змѣей обвившая ихъ деревню. Змѣя эта «по планамъ» принадлежала сосѣднему владѣльцу гр. Орлову-Давыдову. Но борковцы имѣли много специфическихъ основаній сомнѣваться въ этомъ, въ рукахъ у нихъ имѣлся нѣкій историческій документъ, открытый мѣстнымъ археологомъ-дьячкомъ на церковной колокольнѣ. Это была старинная дарственная грамота царя Алексѣя Михайловича, гдѣ говорилось о землѣ и крестьянахъ *). Правда, содержаніе грамоты не имѣло ничего общаго съ «сомнѣніями» борковцевъ; она относилась даже къ другой мѣстности другого притомъ уѣзда, но все это нужно было разъяснить, а этого никто не сдѣлалъ въ теченіе 20 лѣтъ. Цѣлыхъ 20 лѣтъ борковцы обивали пороги «парадныхъ и не парадныхъ подъѣздовъ», добиваясь только одного: сказать имъ правду, чья эта земля, барская или крестьянская?

Тщетно они обращались къ своему непосредственному начальству, къ губернатору, къ адвокатамъ, къ самому владѣльцу земли, наконецъ. Никто не хотѣлъ доказать крестьянамъ ихъ заблужденій; никто не хотѣлъ взглянуть на дѣло серьезно, безъ глумленія надъ темнотой людей, вздумавшихъ искать правду въ грамотахъ прошлаго вѣка; никто не разубѣдилъ ихъ и не успокоилъ мятущагося духа.

Неудивительно, что сомнѣнія крестьянъ перешли въ явныя подозрѣнія, а затѣмъ въ увѣренность.

— А вѣдь, гляди, земля-то и вправду наша.

Увѣренность не замедлила перейти въ дѣйствіе. Отчаявшись въ возможности выяснить дѣло законнымъ путемъ, борковцы на исходѣ своихъ двадцатилѣтнихъ «хожденій», рѣшили самовольно произвести, какъ они выражаются, «полевое разобраніе», т.-е. проще говоря, совершить захватъ намозолившей имъ земли.

Однакожъ, считая себя правыми, они не думали дѣлать изъ этого «разобранія» ночного набѣга.

«Они, по словамъ одного изъ защитниковъ, задумали великое дѣло; они хотѣли набатомъ разбудить всю Россію», чтобы вся она присутствовала на торжествѣ правды, какъ понимали ее борковцы.

Торжество назначено.

Письменныя приглашенія на него были разосланы во всѣ сосѣднія селенія и въ подлежащія учрежденія. Самарскій губернаторъ и гр. Орловъ-Давыдовъ были извѣщены о предстоящемъ событіи особой депутаціей отъ борковцевъ **); губернаторы сосѣднихъ губерній тоже получили приглашеніе повѣстками ***). Въ этихъ повѣсткахъ борковцы сообщали о своемъ рѣшеніи самовольно распахать землю, если гр. Орловъ-Давыдовъ не докажетъ правъ на нее. При этомъ крестьяне условились не брать съ собой ни палокъ, ни другихъ орудій и не предпринимать враждебныхъ противъ полиціи дѣйствій ****).

1 іюня до 1.000 человѣкъ народа собралось на спорной землѣ. Тутъ было много женщинъ и дѣтей. Въ центрѣ толпы стояли два стола. Вокругъ нихъ

*) См. обвинительный актъ по дѣлу о крестьянахъ д. Борковокъ, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ.

**) Обвинительный актъ, стр. 11.

***) Показаніе исправника Агатицкаго.

****) Тоже. Стр. 12.

помѣстились старѣйшины и «люди окольные» («свѣдущіе» изъ сосѣднихъ деревень).

Къ торжеству не замедлили явиться десятскіе во главѣ съ исправникомъ, земскимъ начальникомъ и управляющимъ гр. Орлова-Давыдова.

Началась церемонія «разобранія». Борковцы хотѣли освятить ее молебномъ, но священникъ отказалъ въ этомъ. Приступили къ чтенію документовъ. Прежде всего уполномоченные потребовали, чтобы управляющій показалъ имъ свои документы, чтобы въ присутствіи начальства были прочтены и тѣ и другіе. «При этомъ крестьяне выразили готовность безпрекословно подчиниться рѣшенію окольныхъ людей и начальства *) и немедленно удалиться съ поля, если земля не ихняя».

Требованія крестьянъ снова были отклонены **).

— Бросьте свою затѣю, разойдитесь,—говорили имъ въ отвѣтъ.

— Покажите документы, тогда—бросимъ! А до тѣхъ поръ—умремъ на землѣ, а не уйдемъ! ***)—отвѣчали боркорковцы.

Началось чтеніе грамоты и статьи объ исторіи Ставрополя.

Головы обнажились... Глубокое вниманіе водворилось въ полѣ. Даже дѣти примолкли... Но вотъ документы прочтены.

— Слышали-ли вы, окольные люди, чтеніе нашихъ документовъ?—спрашиваютъ борковцы окольныхъ людей

— Слышали.

— А слышали вы отказъ управляющаго представить графскіе документы, такъ какъ у него ихъ нѣтъ?

— Слышали.

— Такъ, значитъ, земля наша?

— Ваша.

— Пахать ее?

— Пашите съ Богомъ ****)!

Тысячи рукъ поднялись къ небу, пахари осѣнили себя крестомъ. Триста сохъ почти разомъ впились въ сырую, холодную землю. Три дня продолжалось «полевое разобраніе»; три дня «подъ конвоемъ урядниковъ» отбивали борковцы землю шагъ за шагомъ, настойчиво, съ угрозами.

— Пашите, ничего не бойтесь; земля ваша,—говорили свѣдущіе (окольные) люди.

Прибылъ, наконецъ, губернаторъ, а съ нимъ и войска. Онъ былъ встрѣченъ хлѣбомъ-солью. Колѣнопреклоненные борковцы снова начали просить и снова неудачно. Полевое разобраніе продолжалось недолго. Грамота запечатлѣлась на много лѣтъ на спинахъ искателей правды.

Такова сущность этого оригинальнаго дѣла, по которому обвинялось 43 человѣка въ самоуправствѣ и неисполненіи приказаній начальства.

Рѣчь прокурора Н. А. Мурашева была, въ сущности, копіей обвинительнаго акта; прокуроръ поддерживалъ всѣ пункты обвиненія, выставленные въ актѣ, и даже почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ. Исключеніе было сдѣлано лишь для троихъ подсудимыхъ, отъ обвиненія которыхъ г. Мурашевъ отказался вовсе.

Н. П. Карабчевскій, гражданскій истецъ гр. Орлова-Давыдова, выяснилъ причины, почему онъ является здѣсь гражданскимъ истцомъ. По его мнѣнію, все это дѣло чисто-гражданское, а отнюдь не уголовное, а слѣдовательно, и

*) Обвинительный актъ, 14 стр.
**) Тоже.
***) Тоже.
****) Тоже, стр. 15.

обвиненіе крестьянъ по 1601 ст. и мѣщанъ по 129 ст. отпадаетъ само собой. «Графъ Орловъ-Давыдовъ,—закончилъ Карабчевскій свою рѣчь,—умываетъ руки въ томъ, что подсудимые потерпѣли позорное наказаніе; оно для него было нежелательно и въ высшей степени оскорбительно. Такъ какъ подсудимые сами заявили, что не имѣютъ права на его землю, а только хотѣли поднять вопросъ о ней, то, слѣдовательно, отпадаетъ обвиненіе ихъ въ захватѣ. Нравственные убытки его хотя и велики, но онъ ихъ не ищетъ, тѣмъ болѣе, что причинили ихъ вовсе не тѣ, кто сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, а отъ возмѣщенія убытковъ матеріальныхъ онъ отказывается».

По разборѣ дѣла судъ приговорилъ: къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца 11 человѣкъ, на 2 мѣсяца 22 человѣка, къ аресту при полиціи на 2 мѣсяца 8 человѣкъ. Одинъ изъ обвиняемыхъ умеръ до суда и одинъ оправданъ.

Изъ воспоминаній о Чернышевскомъ. Въ «Амурскомъ Краѣ» печатаются очень интересныя воспоминанія г. Б. о Н. Г. Чернышевскомъ изъ жизни его на Нерчинскихъ рудникахъ.

«Изъ всѣхъ почти ссыльныхъ,—говоритъ авторъ,—Чернышевскій, кажется, меньше, чѣмъ кто-либо другой, чувствовалъ тяжесть ссылки. Къ тому же онъ по натурѣ былъ изъ того типа людей, которые не любятъ вызывать въ другихъ сочувствіе къ себѣ, соболѣзнованіе и сожалѣніе. Онъ также предпочиталъ говорить съ тѣми, которые не изливали предъ нимъ своихъ чувствъ. Въ мѣстахъ заключенія съ поляками, сосланными за возстаніе 1863 г., онъ уклонялся отъ разговоровъ о политикѣ, объ отношеніяхъ русскихъ къ полякамъ, на каковыя темы повстанцы, сходясь съ русскими, любили возбуждать дебаты. Присутствуя при обсужденіи такихъ вопросовъ, Н. Г. обыкновенно молчалъ, хотя спорившіе иногда старались и его вовлечь въ общія бесѣды. Все это, думаю, можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ, почему Чернышевскій уклонялся отъ разговоровъ о годахъ, проведенныхъ имъ въ Сибири. Перейду теперь къ нашему знакомству.

«Чернышевскій, какъ извѣстно, въ 1864 г. приговоренъ былъ особымъ присут. прав. сен. на 7 л. каторжныхъ работъ и въ концѣ того же года, по прибытіи въ Забайкалье, помѣщенъ былъ сперва въ Кадаинскій рудникъ, а затѣмъ вскорѣ переведенъ въ Александровскій заводъ Нерч.-Завод. округа. Здѣсь его помѣстили въ зданіи, гдѣ раньше была заводская контора. Ему отведена была небольшая комната, у дверей которой стоялъ казакъ, чтобы «не пущать» къ Чернышевскому, но такъ какъ это приказаніе было отдано не особенно строго, то о немъ мало-по-малу забылъ караулъ, и казакъ изображалъ изъ себя сурка во время зимней спячки.

«Комната Чернышевскаго находилась посрединѣ зданія. По обѣ стороны ея было по двѣ большія камеры, гдѣ помѣщались ссыльные поляки. Ихъ было въ этомъ зданіи больше ста человѣкъ, и они нерѣдко навѣщали Чернышевскаго,—да и распоряженіе казаку «не пущать» относилось больше къ государственнымъ преступникамъ, которыхъ въ Александровскомъ заводѣ было около 20 человѣкъ и которые помѣщались чередъ площадь, въ зданіи бывшей заводской полиціи.

«Работъ въ Александровскомъ заводѣ не было никакихъ. Да и трудно было бы придумать какую-нибудь работъ для ссыльныхъ «политическихъ» (поляковъ) и «государственныхъ» (русскихъ), такъ какъ тѣхъ и другихъ было тамъ до 400 человѣкъ. Однажды, правда, комендантъ почему-то захотѣлъ наложить взысканіе на поляковъ, для чего велѣлъ имъ мести улицы противъ своего дома и противъ казармъ, гдѣ помѣщались политическіе. Поляки сказали, что у нихъ нѣтъ метелъ, тогда комендантъ велѣлъ имъ такъ постоять на улицѣ безъ дѣла.

Вотъ единственная «обязательная работа», имъ придуманная для ссыльно-каторжныхъ въ то время.

«Жилъ Чернышевскій на каторгѣ очень скромно. Расходовалъ на себя въ мѣсяцъ около 15 руб. Обѣдъ ему приготовляли на кухнѣ у государственныхъ преступниковъ, откуда его приносилъ казакъ. Ходилъ онъ лѣто и зиму въ тепломъ халатѣ и валенкахъ и всегда съ растегнутымъ воротникомъ рубахи. Гулять по двору онъ не любилъ, а выходить за ворота ему не полагалось. Однажды, впрочемъ, когда комендантъ на время куда-то уѣхалъ и его обязанность исполнялъ плацъ-маіоръ З., то послѣдній разрѣшилъ Чернышевскому приходить въ помѣщеніе государственныхъ. Тогда Н. читалъ товарищамъ по заключенію нѣсколько своихъ произведеній. Въ это же время составился театръ, на которомъ играли какую-то пьесу его сочиненія. Была также поставлена еще другая пьеса — Ляндовскаго, бывшаго начальника польскихъ жандармовъ во время возстанія.

«Но съ возвращеніемъ коменданта эти посѣщенія кончились и Чернышевскій снова засѣлъ въ свою комнату. Зная, что Н. Г. не любитъ пустыхъ разговоровъ, сосѣди, обыкновенно, безъ надобности старались не отнимать у него напрасно времени.

«Довольствуясь немногимъ, Черн—ій не могъ предъявить никакихъ претензій относительно своего помѣщенія. Но случилось слѣдующее: среди его сосѣдей поляковъ развилось нѣчто вродѣ болѣзни—музыкальная манія. На нихъ на всѣхъ почти напала охота учиться играть на скрипкѣ. Это былъ, пожалуй, естественный исходъ для людей, обреченныхъ на полную бездѣятельность, такъ какъ иначе имъ также пришлось бы превратиться въ спящихъ сурковъ, какимъ сталъ караульный казакъ. Для развитія этой болѣзни достаточно было одному двумъ изъ нихъ сыграть нѣсколько пѣсенъ, особенно—патріотическихъ и вотъ это вызвало энтузіазмъ, который охватилъ массу. Къ несчастію Н. Г., меломаны къ тому же подобрались не совсѣмъ удачно. Вышло какъ-то такъ, что по сосѣдству съ нимъ помѣщались поляки-мастеровые, по ремеслу колесники. Какъ люди привыкшіе къ скрипу колесъ, они относились къ этому звуку не только спокойно, но съ нѣкоторымъ даже энтузіазмомъ, такъ какъ онъ напоминалъ имъ лучшее время, родину, семью. Но если принять во вниманіе, что скрипки были изготовлены этими же колесниками, то легко себѣ представить, какія этотъ оркестръ исполнялъ мелодіи. И вотъ такіе концерты стали даваться съ утра до вечера по обѣ стороны комнаты Чернышевскаго! По утрамъ играли «соло», послѣ обѣда «дуэты», «тріо» и «квартеты», а къ вечеру эти «артисты», составивъ общій оркестръ, доходили до наибольшей ярости. Не думайте, однако, что эти любители музыки хотѣли сдѣлать непріятность москалю Чернышевскому. Напротивъ, они искренно думали, что услаждаютъ его слухъ и потому даже иногда приглашали его къ себѣ на чай и за одно послушать «музыку». Чернышевскій иногда принималъ это приглашеніе, но тогда наиболѣе ярые колесники—музыканты не участвовали въ оркестрѣ. Объ этой «музыкѣ» Н. Г. говорилъ только: «это ужасно, ужасно»! Чтобы избавиться отъ наибольшаго пароксизма этихъ меломановъ, Чернышевскій подъ ихъ музыку спалъ, а работалъ обыкновенно по ночамъ.

«Онъ много читалъ и писалъ, но написанное, къ сожалѣнію, почти всегда уничтожалъ. Въ помѣщеніи государственныхъ преступниковъ было довольно много книгъ, но Чернышевскому ихъ было слишкомъ недостаточно, и это составляло причину, почему онъ въ каторгѣ не могъ взяться за какой-нибудь обширный трудъ, для котораго ему постоянно требовались разнообразныя и при тѣхъ условіяхъ недостаточныя справки. Чтобы размяться, Н. Г. иногда, хотя и очень рѣдко, выходилъ на небольшой дворикъ, въ которомъ стояло зданіе бывшей конторы, и начиналъ ковырять землю чѣмъ попало.

«Изъ государственныхъ преступниковъ довольно часто навѣщалъ Чернышевскаго Ст—ичъ. Этотъ человѣкъ мало отвлекался посторонними занятіями, также посвящая все время чтенію. Когда у него накоплялся извѣстный запасъ вопросовъ, требовавшихъ какихъ-нибудь разъясненій, онъ отправлялся за разъясненіями къ «стержню»—такъ звали мы Чернышевскаго,—который былъ всегда доволенъ приходу Ст. и говорилъ о немъ: «вотъ изъ него вышелъ бы человѣкъ при иныхъ условіяхъ!» Ст. до того отдался Чернышевскому, что впослѣдствіи писалъ мнѣ изъ ссылки на поселеніе (въ Яндинской волости Иркутской губ.) о своемъ сильнѣйшемъ желаніи жить вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, находившимся тогда въ Вилюйскѣ, хотя бы въ качествѣ его слуги. Ст., само собою разумѣется, зналъ, что Н. Г. не нуждался въ слугѣ, и самъ онъ едва ли былъ способенъ къ такой функціи,—этимъ заявленіемъ онъ желалъ только показать, какъ сильно цѣнитъ онъ жизнь вблизи Чернышевскаго».

Письмо М. Е. Салтыкова. Въ «Россіи» г. Плещеевъ, сынъ знаменитаго поэта, сообщаетъ интересное письмо Салтыкова къ его отцу. Прилагаемое письмо, конечно, составитъ также небезъинтересную страничку въ матеріалахъ для полной біографіи знаменитаго писателя.

«Парижъ, 14-го октября.

«Любезный другъ Алексѣй Николаевичъ. Извините, что до сихъ поръ не отвѣтилъ на ваше письмо. Парижъ такой дурацкій городъ, что не понимаешь, куда время уходитъ. Я здѣсь ни за какую работу не могъ взяться, такъ и просидѣлъ безъ дѣла, хотя большую часть вечеромъ все-таки проводилъ дома: послѣ поздняго обѣда, какъ-то ничего на умъ не идетъ.

«Очень вамъ благодаренъ за сочувственный отзывъ о «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Только мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ правильно тутъ видите протестъ противъ юбилеевъ. Вся эта статья задумана ради 2-й ея части. т. е. рѣчи учителя. Я положительно не вижу отрицательнаго отношенія къ мужику въ этой рѣчи, а то, что вамъ кажется отрицательнымъ, есть не что иное, какъ уступка цензурному требованію. Я думалъ написать рядъ параллелей: съ одной стороны культурные люди, а съ другой—мужики. «Сонъ» есть начало такихъ параллелей. Не знаю, скоро ли буду продолжать и даже буду ли, но, во всякомъ случаѣ—вотъ вся мысль. Вообще, за границей мнѣ худо пишется...

«Можетъ быть, это оттого, что гостинницы не представляютъ никакихъ удобствъ, а можетъ быть, и отъ того, что болѣзнь дѣйствуетъ. Ежели послѣднее, то дѣло плохо. Я замѣчаю, что память у меня необыкновенно ослабѣла.

«Съ Тургеневымъ видѣлся разъ шесть. Два раза былъ у него въ Буживалѣ, затѣмъ онъ былъ у меня. Живетъ онъ, какъ принцъ крови. Прелестная дача и громадный паркъ. Онъ хотѣлъ меня представить семейству Віардо, но такъ какъ для этого надо ѣхать въ Буживаль обѣдать, а обѣдаютъ здѣсь въ 7 часовъ, то я уклонился нездоровьемъ. Къ сожалѣнію, я не могъ познакомиться съ Золя, котораго нѣтъ въ Парижѣ, и пріѣдетъ не раньше конца октября, когда уже меня здѣсь не будетъ. Взамѣнъ того, я имѣлъ удовольствіе слушать у Тургенева новую комедію гр. Соллогуба, такую пошлость..., что со мной сдѣлалось что-то въ родѣ истерики, и я не помню самъ, что я наговорилъ... Довольно сказать, что онъ меня испугался, и предлагалъ мнѣ сжечь свой манускриптъ, и въ заключеніе просилъ меня поцѣловать его, въ знакъ прощенія. Можетъ быть, это была съ моей стороны и глупая выходка, но вы по этому можете судить, въ какой степени болѣзнь развила во мнѣ раздражительность. Тутъ выставленъ нигилистъ, который *воруетъ* *). А забавнѣй кажется всего, что Соллогубъ просилъ Тур-

*) Подробности объ этомъ чтеніи и о драмѣ см. въ «Воспоминаніяхъ о Салтыковѣ» Л. Ѳ. Пантелѣева, выдержки изъ которыхъ помѣщены въ іюньской книжкѣ «Міра Божія» за 1899 г., «На Родинѣ».

генева непремѣнно пригласить меня для слушанія. Я же думалъ, что будетъ нѣчто въ родѣ «Бѣды отъ нѣжнаго сердца».

«Не знаю, читали ли вы романы братьевъ Гонкуровъ (одинъ, впрочемъ, умеръ, остался другой, наиболѣе, впрочемъ, талантливый). Я читалъ одинъ «Lacerteux», и онъ мнѣ очень понравился. Золя о немъ въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» статью написалъ, которую я хотя и не читалъ, но изъ которой вы почерпнете полезныя свѣдѣнія о дѣятельности Гонкуровъ. По моему мнѣнію, вполнѣ переводить романы не стоитъ, а извлеченія были бы очень занимательны. Вотъ бы вы взяли на себя эту работу.

«Я уѣзжаю изъ Парижа 20-го числа нов. ст., заѣду на 1 день въ Ліонъ и нѣсколько дней пробуду въ Марселѣ; потомъ отправлюсь на зимовку въ Ниццу. Безъ ужаса не могу себѣ представить, что еще больше 7 мѣсяцевъ придется пробыть заграницей.

«Прощайте, поцѣлуйте отъ меня дѣтей и кланяйтесь тѣмъ, кто обо мнѣ помнитъ. Весь вашъ М. Салтыковъ».

Письмо это помѣчено 14-мъ ноября, а «Парижскія письма» (шестое письмо) Эмиля Золя о романахъ Гонкуровъ, на которыя ссылается М. Е. Салтыковъ, напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» въ сентябрьской книжкѣ 1875 года. Такимъ образомъ, можно предположить, что приведенное письмо относится къ тому же году.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», февраль. *Г. П. Голубевъ* предлагаетъ пересоздать продовольственную организацію на новыхъ основаніяхъ. Дѣйствующая продовольственная система основана на кредитѣ. Потерпѣвшимъ отъ неурожая выдаются ссуды и требуется ихъ возвратъ. Продовольственные запасы натурой и денежная касса составляются изъ взносовъ крестьянъ и пополняются уплатой выданныхъ ссудъ, значитъ, продовольственные сборы ограничиваются сословными рамками. Столѣтняя исторія (съ 1799 г.) этого продовольственнаго устава доказала полную непригодность его въ дѣлѣ помощи народной нуждѣ. Дѣйствительно, необходимость вернуть ссуду въ конецъ разоряетъ хозяйство, уже потрясенное неурожаемъ, или же, въ случаѣ неуплаты долга заемщиками, наличность продовольственныхъ запасовъ настолько падаетъ, что уже не можетъ оказать серьезной помощи въ борьбѣ съ новымъ бѣдствіемъ. Статистика показываетъ, что наличность запасовъ съ теченіемъ времени все уменьшается; напр., въ 1891 г. хлѣба въ магазинахъ состояло лишь 44% по отношенію къ номинальному итогу. Итакъ, причина неудовлетворительности продовольственной организаціи заключается въ томъ, что въ основу ея положенъ «принципъ самопомощи, что къ борьбѣ съ бѣдствіемъ привлекаются, собственно говоря, одни только потерпѣвшіе отъ него». Вмѣсто самопомощи, необходимо ввести принципъ взаимопомощи; вмѣсто кредито-ссудной системы, учредить страховую; вмѣсто узко сословнаго, необходимо установить всесословный продовольственный сборъ; расходы на борьбу съ неурожаями должны падать на общій земскій бюджетъ, всѣ имущества должны быть обложены для составленія капитала, изъ котораго будутъ выдаваться безвозвратныя пособія потерпѣвшимъ отъ неурожая. Обсуждая возможность практическаго осуществленія предлагаемой системы, авторъ показываетъ, что всѣ продовольственныя нужды 44 губерній покрываются 17 милліонами рублей; для полученія этой суммы придется обложить десятину земли только 3,4 копѣйками. Кромѣ того, при сосредоточеніи продовольственныхъ капиталовъ въ рукахъ земства упразднится необходимость имѣть массу мелкихъ сельскихъ магазиновъ, затѣмъ при возмож-

ности пересылать продовольственную помощь всюду въ предѣлахъ губерніи—не будетъ прежней неподвижности продовольственныхъ средствъ, а слѣдовательно, не будетъ надобности держать на готовѣ полную норму запасовъ: благодаря всему этому, значительно сократятся издержки продовольственнаго дѣла.

Въ «Хроникѣ внутренней жизни» разсматривается проектъ новаго продовольственнаго устава по тѣмъ извлеченіямъ, которыя проникли въ печать. Этотъ проектъ былъ внесенъ въ прошломъ году въ государственный совѣтъ и будетъ разсмотрѣнъ въ весеннюю законодательную сессію, такъ что, если его не вернутъ обратно въ министерство для передѣлокъ и добавленій, къ новому сельскохозяйственному году у насъ будутъ дѣйствовать новые продовольственные порядки. Путь, по которому поведена будетъ продовольственная реформа, повидимому, совсѣмъ не совпадаетъ съ планомъ продовольственной организаціи, предложеннымъ г. Голубевымъ въ предыдущей статьѣ. Такъ, сословный характеръ продовольственныхъ источниковъ не только остается въ полной силѣ, но еще болѣе закрѣпляется. Центромъ продовольственной организаціи и по новому закону остаются общественные запасные магазины и капиталы, но только существенно измѣняется *назначеніе* этихъ запасовъ. По дѣйствующему уставу, продовольственные фонды каждаго сельскаго общества могутъ быть обращены только на нужды того самаго общества, изъ взносовъ котораго они составились. Новый уставъ предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ право разрѣшать заимообразное употребленіе капиталовъ и запасовъ, однихъ обществъ на нужды другихъ, — не требуя для этого даже согласія заинтересованныхъ сторонъ. Извѣстно, что въ 1897—1898 г. эта мѣра вводилась въ видѣ опыта, но окончилась неудачей. Дѣйствительно, она вызываетъ и принципіальныя и практическія возраженія. Это есть, въ сущности, экспропріація имущества одной части крестьянскаго населенія въ пользу другой, такъ какъ разсчитывать на аккуратную уплату долговъ со стороны обезсиленныхъ неурожаемъ хозяевъ едва ли возможно. Далѣе, съ практической точки зрѣнія, представляется непонятнымъ, къ чему нужна децентрализація продовольственныхъ запасовъ, раздробленіе ихъ на массу сельскихъ магазиновъ, между тѣмъ какъ всѣ запасы составляютъ, въ сущности, общій оборотный фондъ продовольственной операціи. Наконецъ, зачѣмъ требовать засыпки въ магазины полной суммы запасовъ — 264 милл. пудовъ—если по опыту прошлаго можно думать, что при самомъ большомъ неурожаѣ не потребуется выдачи болѣе 100 съ небольшимъ милл. пудовъ? Еще болѣе страннымъ является требованіе хранить мѣстные фонды въ натуральной, хлѣбной, а не въ денежной формѣ, между тѣмъ какъ деньги представляютъ многія преимущества—подвижности, удобства храненія и т. п. Что касается формы продовольственной помощи, новый уставъ сохраняетъ *кредито-ссудную* систему. Много уже было говорено о томъ внутреннемъ противорѣчіи, которое подрываетъ теперешнюю продовольственную организацію: всякая кредитная операція только тогда можетъ быть успѣшна, если она основана на кредитоспособности заемщиковъ, между тѣмъ продовольственныя ссуды выдаются крестьянамъ, когда они уже истощили всѣ свои хозяйственныя средства и находятся на краю голодной смерти; понятно, что при такихъ условіяхъ краткосрочныя ссуды превращаются большею частью въ долгосрочныя и даже въ безвозвратныя пособія. Между тѣмъ, примѣненіе страхового принципа вмѣсто ссуднаго дало бы правильный выходъ изъ этихъ затрудненій. Далѣе новый уставъ удерживаетъ и *круговую поруку* въ продовольственномъ дѣлѣ. Именно, пока наличность сельскихъ магазиновъ не достигнетъ 4 пудовъ зерна на каждую наличную душу, ежегодно послѣ жатвы сбирается по полупуду съ души. Съ другой стороны, въ случаѣ несостоятельности заемщиковъ, отвѣтственность за пополненіе запасовъ опять несутъ всѣ члены сельскаго общества. Естественно, что при такой системѣ—приговоры о выдачѣ ссудъ далеко не всегда

будутъ руководиться дѣйствительной нуждой. Относительно размѣра ссудъ новый законъ дѣлаетъ шагъ впередъ—повышаетъ норму до одного пуда зерна въ мѣсяцъ, вмѣсто 30 фунтовъ дѣйствующаго продовольственнаго устава. Самыя существенныя измѣненія вноситъ новый проектъ въ завѣдованіе продовольственнымъ дѣломъ, именно возстановляетъ старый дореформенный порядокъ, передавая все въ руки администраціи и совершенно устраняя земства. Создается такая іерархія: земскій начальникъ, затѣмъ уѣздный съѣздъ, губернское присутствіе и министерство внутреннихъ дѣлъ. Переходъ къ казенному завѣдованію продовольственнымъ дѣломъ мотивируется тѣмъ, что дѣятельность земскихъ учрежденій оказалась неудовлетворительною. Прежде всего земствамъ ставится упрекъ, что въ неурожайные годы они не сумѣли опредѣлить размѣровъ нужды и составить точную продовольственную смѣту; но изъ того же опыта извѣстно, что центральныя учрежденія были не лучше освѣдомлены о положеніи дѣлъ, и, значитъ, коррективомъ земскихъ учрежденій едва ли могутъ служить въ данномъ случаѣ административные органы. Своевременныя и точныя свѣдѣнія можетъ дать только хорошо поставленная мѣстная сельскохозяйственная статистика, но поставить ее на надлежащую высоту мѣшали земствамъ обыкновенно «независящія» обстоятельства. По новому уставу вся эта работа передается въ руки земскихъ начальниковъ: само собою разумѣется, что имъ придется въ концѣ концовъ за свѣдѣніями обращаться къ волостному правленію, или, вѣрнѣе, къ волостному писарю. Земства устраняются также и отъ заготовки продовольственныхъ средствъ, которую беретъ на себя министерство. Завѣдованіе распредѣленіемъ продовольственныхъ пособій возлагается на земскихъ начальниковъ, которые, за невозможностью справиться съ дѣломъ своими силами, принуждены будутъ обращаться за содѣйствіемъ опять къ волостному и сельскому управленію.

Г. Зотовъ продолжаетъ знакомить съ дѣятельностью камеры соглашенія и третейскаго суда въ сѣв. Англіи. Правила, касающіяся разбора несогласій между фабрикантами и рабочими, позволяютъ доводить дѣло до камеры только въ крайнихъ случаяхъ, предоставляя спорящимъ сторонамъ предварительно самимъ сговориться; если переговоры рабочаго съ фабричною администраціей ни къ чему не приведутъ, въ такомъ случаѣ за дѣло берется представитель рабочихъ, въ качествѣ адвоката передъ капиталистомъ; очень часто дѣло улаживается на этихъ предварительныхъ стадіяхъ, и только въ случаѣ неудачи споръ передается въ постоянный комитетъ. Въ компетенцію *постояннаго комитета* входятъ споры изъ-за *частныхъ* измѣненій заработной платы, вызываемыхъ измѣненіями въ техническихъ условіяхъ работы, увеличивающими или уменьшающими производительность труда; затѣмъ слѣдуютъ иски рабочихъ къ фабричной администраціи о неправильныхъ разсчетахъ. Общее число рѣшенныхъ постояннымъ комитетомъ дѣлъ со времени основанія камеры до 1898 года достигаетъ 1.200, причемъ съ теченіемъ времени число споровъ все уменьшается. Камера *въ полномъ составѣ* занимается регулированіемъ *общей* заработной платы всѣхъ рабочихъ тѣхъ заводовъ, которые вѣдаетъ камера; измѣненія эти вызываются измѣненіями общихъ экономическихъ условій промышленности. И здѣсь, въ случаѣ разногласія, обращаются къ третейскому судьѣ, избираемому всякій разъ особо для каждаго дѣла.

Н. К. Михайловскій посвящаетъ свою «Литературу и жизнь» разбору трехъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ нѣчто общее. Рѣчь идетъ о книгѣ г. М. Энгельгардта: «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости»—«Парадоксѣ, умно поставленномъ и фактически обставленномъ»; о «Накипи» г. Боборыкина—«поверхностномъ шаржѣ»—«на все, что въ данную минуту имѣетъ характеръ моды въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества»; и наконецъ о книгѣ г. Шестова «Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше», авторъ ко-

торой «желаетъ внушить читателю еще болѣе уважительное отношеніе къ Нитше, чѣмъ какое питаетъ самъ, и поэтому затушевываетъ мало симпатичные или совсѣмъ не симпатичные ему взгляды Нитше и выдвигаетъ впередъ тѣ, которые ему, г. Шестову лично, особенно дороги». Эти характеристики уже показываютъ, что критикъ не соглашается съ тенденціей всѣхъ трехъ произведеній. Но, читая статью Н. К. Михайловскаго, читатель все время чувствуетъ, что къ этой тенденціи, которую обличаетъ «парадоксъ» Энгельгардта, надъ которой слишкомъ «поверхностно» смѣется Боборыкинъ, которую, наконецъ, слишкомъ одностороннe пропагандируетъ Шестовъ, — и самъ критикъ относится не безусловно отрицательно. Онъ выдѣляетъ въ этой тенденціи защиту (и обличеніе) «эгоизма» отъ защиты «индивидуальности». Эволюцію и проповѣдь эгоизма онъ отрицаетъ; эволюцію и проповѣдь индивидуальности въ извѣстномъ смыслѣ готовъ признать. «Но эта борьба личности и общества, «борьба за индивидуальность», не есть особенность нашего времени, она ведется съ незапамятныхъ временъ. Въ ней, а не въ смѣнѣ жестокости и смягченіи нравовъ, какъ думаютъ съ разныхъ точекъ зрѣнія Нитше и Энгельгардтъ, заключается весь смыслъ исторіи... Быть можетъ, борьба эта никогда не кончится, быть можетъ, не увидитъ ея конца и застывшая или сожженная земля. Но человѣку, въ которомъ мысль, чувство и воля достаточно дѣятельны, нельзя въ ней не участвовать и надо выбирать. Задача не въ томъ, чтобы соединить интеллектъ современнаго европейца съ нравственнымъ типомъ первобытнаго человѣка, и не въ томъ, чтобы цѣною жизни и достоинства милліоновъ человѣческихъ существъ выработать «сверхчеловѣка». Задача въ томъ, чтобы найти и осуществить такую форму общежитія, которая не налагала бы на личность цѣпей, которыя она сама признаетъ цѣпями. Повторяю, можетъ быть эта задача неосуществима даже на протяженіи тѣхъ сотенъ тысячъ или милліоновъ лѣтъ, которыя еще остается жить человѣчеству; но отказаться отъ нея нельзя, нельзя по крайней мѣрѣ не участвовать въ ея разрѣшеніи активно или пассивно».

Мы безусловно подпишемся подъ формулированной такимъ образомъ задачей. Бѣда лишь въ томъ, что около такой формулы, пожалуй, не удастся объединить всѣхъ тѣхъ, которые теперь признаютъ себя индивидуалистами. Въ формулѣ Н. К. Михайловскаго «борьба за индивидуальность» переходитъ уже въ «борьбу за соціальность». Чистокровные индивидуалисты не признаютъ самой коренной черты ея: не признаютъ, именно, что освобожденіе «личности отъ цѣпей» можетъ быть достигнуто путемъ борьбы за «форму общежитія». Такимъ образомъ, истинный водораздѣлъ, пожалуй, пройдетъ не тамъ, гдѣ провелъ его критикъ, — не между эгоизмомъ и «индивидуальностью», а между индивидуализмомъ и соціальностью.

«**Русская Мысль**», *февраль*. Въ очеркѣ *г-жи Н. М—вой* сгруппированы свѣдѣнія о культурно-просвѣтительной дѣятельности Герцена въ провинціи. За время ссылки въ Вяткѣ и Владимірѣ Герценъ, при активности и страстности своей натуры, не могъ остаться чуждымъ зрителемъ: онъ глубоко входитъ въ мѣстную жизнь, беретъ на себя оффиціальныя статистическія работы, изучаетъ жизнь инородцевъ-вотяковъ и черемисовъ, также бытъ русскихъ крестьянъ, и эти богатыя наблюденія, систематизированныя отчасти по схемамъ гегелевской философіи, отчасти по широкимъ историческимъ обобщеніямъ, онъ переноситъ на страницы сначала «Вятскихъ», потомъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ послѣдней газетѣ онъ былъ редакторомъ не ффиціальнаго отдѣла. Задачей газеты онъ ставилъ изученіе экономическаго положенія края, бытовыхъ условій крестьянской жизни, въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ. «Весьма любопытно бы было знать, насколько улучшается хлѣбопашество, обрабатываніе полей, особенно совокупное разсмотрѣніе этихъ улучшеній въ казенныхъ и помѣщичьихъ деревняхъ привело бы къ нѣкоторымъ заклю-

ченіямъ». Герцену хотѣлось бы дать полный обзоръ промышленнаго состоянія губерніи, начиная съ фабрикъ и заводовъ и кончая ремеслами и мелочной торговлей, «которыхъ развитіе тѣсно соединено съ развитіемъ гражданственности». Но подводя итоги изданію газеты за 1838 г., редакторъ не чувствуетъ удовлетворенія: и сотрудники, и общество отозвались вяло на его призывъ. Этимъ не ограничивается культурная роль Герцена въ провинціи. Онъ поддерживаетъ библіотеки, устраиваетъ выставку, горячо отзывается на проектъ устройства публичныхъ лекцій по естественнымъ наукамъ и т. д.

Г. Еропкинъ продолжаетъ свои статьи о пересмотрѣ положенія о крестьянахъ. Если волость будетъ организована, какъ всесословная хозяйственно-административная единица, то является вопросъ о составѣ волостного схода и персоналѣ волостного правленія. Приводя мнѣнія губернскихъ совѣщаній по первому вопросу, самъ авторъ предлагаетъ установить извѣстный земельный цензъ, дающій право участія въ волостномъ сходѣ; напр., 150 десятинъ, или соотвѣтствующее этой нормѣ другое имущество; мелкіе собственники должны группироваться вмѣстѣ для составленія ценза. Для лицъ интеллигентныхъ профессій долженъ быть установленъ образовательный цензъ. По вопросу объ организаціи волостного правленія авторъ, вслѣдъ за петербургской земской комиссіей, высказывается за введеніе коллегіальнаго принципа. Петербургская комиссія предлагаетъ образовать волостное правленіе изъ предсѣдателя, двухъ членовъ и волостного писаря. Самый существенный вопросъ, на который обратили вниманіе всѣ совѣщанія, есть вопросъ о непосильномъ обремененіи слишкомъ многосложными обязанностями должностныхъ лицъ, именно волостного старшины и сельскихъ старостъ. Волостной старшина въ настоящее время является скорѣе правительственнымъ агентомъ, чѣмъ общественнымъ представителемъ; онъ заботится прежде всего объ исполненіи предписаній начальства, а не о волостномъ хозяйствѣ и защитѣ мірскихъ интересовъ; между тѣмъ полицейскія обязанности могутъ быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, сняты съ волостныхъ старшинъ и переданы урядникамъ. То же самое отдѣленіе полицейскихъ обязанностей и сбора податей и передача этихъ функцій полицейскимъ чинамъ, авторъ предлагаетъ и по отношенію къ сельскимъ старшинамъ.

Проф. *М. Мензбиръ* характеризуетъ Романеса, какъ одного изъ представителей дарвинизма. Романесъ находитъ недостаточною теорію естественнаго подбора для объясненія эволюціи. Эта теорія можетъ объяснить лишь появленіе полезныхъ признаковъ, а для объясненія безполезныхъ признаковъ онъ придумываетъ особую теорію физіологическаго подбора; но, съ одной стороны, онъ не обосновалъ эту теорію никакими фактами, съ другой—въ ней нѣтъ никакой надобности, ибо явленія, которыя онъ претендуетъ объяснить съ ея помощью, объясняются удовлетворительно помимо нея. Гораздо цѣннѣе его трудъ по «умственной эволюціи» животныхъ и человѣка. Здѣсь онъ является прямымъ продолжателемъ Дарвина, приложившимъ его принципы къ области психическихъ явленій, причемъ умственная эволюція животныхъ прямо, безъ всякаго скачка, переходитъ къ психическому міру человѣка: разница является не качественной, а лишь количественной. Самъ Дарвинъ собралъ для этой цѣли значительный матеріалъ и за нѣсколько времени передъ смертью передалъ его Романесу для дальнѣйшей обработки. Послѣдній трудъ Романеса «Дарвинъ и послѣ Дарвина» остался неоконченнымъ за смертью автора. Въ первой части мы имѣемъ прекрасное изложеніе теоріи Дарвина, которое грѣшитъ только тѣмъ, что ослабляетъ значеніе естественнаго подбора, выдвигая теорію физіологическаго подбора. Резюмируя научное значеніе Романеса, г. Мензбиръ признаетъ за нимъ огромную заслугу въ приложеніи эволюціоннаго ученія къ человѣку—пунктъ, на который чаще всего направляются удары антидарвинистовъ.

Г. С. Шах. въ общихъ чертахъ излагаетъ полемику между Чичеринымъ и Шиповымъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Авторъ поддерживаетъ главныя положенія Шипова, изложенныя имъ въ особой брошюрѣ и сводящіяся къ слѣдующему: губернскимъ земствамъ должна принадлежать руководящая и объединяющая роль въ земской дѣятельности, предварительная разработка вопросовъ и выработка системы и планы дѣйствій, и регулированіе земскихъ средствъ, т. е. наблюденіе за болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ какъ общественныхъ тягостей, такъ и выгодъ между отдѣльными уѣздами. Шиповъ исходитъ изъ такого опредѣленія губернскаго земства, что оно есть *союзъ населенія* всей губерніи для удовлетворенія общихъ хозяйственныхъ нуждъ, а Чичеринъ держится мнѣнія, что губернское земство есть *союзъ уѣздныхъ земствъ* для завѣдыванія дѣлами, требующими совокупнаго управленія, а удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ населенія принадлежитъ исключительно уѣзднымъ земствамъ. Такъ, Чичеринъ устанавливаетъ особыя категоріи дѣлъ, подлежащихъ компетенціи губернскаго и уѣзднаго земства, между тѣмъ какъ Шиповъ настаиваетъ на совмѣстной работѣ земствъ съ раздѣленіемъ не дѣлъ, а лишь труда. Въ направляющей роли губернскихъ земствъ Чичеринъ видитъ бюрократическія тенденціи, вредную для самодѣятельности уѣздовъ регламентацію. Между тѣмъ Шиповъ далекъ отъ мысли стѣснить самоуправленіе бюрократической опекой: по его плану, иниціатива возбужденія вопросовъ должна исходить отъ уѣздныхъ земствъ, затѣмъ выработанныя губернскимъ земствомъ правила и рѣшенія должны быть переданы на разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній. Опасность бюрократизма грозитъ совсѣмъ съ другой стороны: уѣздныя земскія собранія собираются только разъ въ годъ, поэтому текущія дѣла и вновь возникающіе спѣшные вопросы рѣшаются земскими управами произвольно.

Въ параллель къ этой статьѣ во «Внутреннемъ обозрѣніи» сообщается о судьбѣ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ земствъ на послѣднемъ московскомъ губернскомъ собраніи. Докладъ комиссіи, посвященный этому вопросу, предлагаетъ разрѣшить его въ духѣ Шипова; докладъ вызвалъ оживленныя пренія и въ заключеніе поставленъ былъ на баллотировку вопросъ: разсматривать ли докладъ немедленно въ собраніи, или передать на предварительное обсужденіе уѣздныхъ земствъ. Голоса раздѣлились поровну, и голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ послѣднему рѣшенію.

«Вѣстникъ Европы», мартъ. *Г-жѣ А. Ефименко* принадлежитъ талантливый очеркъ: «Котляревскій въ исторической обстановкѣ», написанный по поводу открытія въ Полтавѣ памятника Котляревскому. Такъ какъ біографическихъ свѣдѣній о дѣтствѣ писателя нѣтъ, г-жа Ефименко, взамѣнъ того, яркими красками набрасываетъ историческую картину положенія Малороссіи при Екатеринѣ (Котляревскій родился въ 1767 году). Послѣ короткаго періода либеральной терпимости, Екатерина приняла цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ для ассимиляціи казацкаго края съ остальной имперіей, а чтобы парализовать недовольство и протестъ, казацкой старшинѣ даны были права дворянства. Къ такому новому дворянству принадлежала и семья Котляревскаго. Простота нравовъ и демократическій складъ жизни сохранялись въ этой средѣ еще пока во всей чистотѣ. Но скоро націоналистическая правительственная политика смяла мѣстныя особенности. Орудіемъ ея явилось высшее духовенство, которое прежде всего принялось за преобразованіе школы; малорусскій языкъ былъ изгнанъ, и вмѣсто школьныхъ драмъ, виршей и кантъ, въ школѣ водворился Ломоносовъ со своими одами. Котляревскій учился въ семинаріи, уже когда въ ней царилъ новый духъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не пошелъ по слѣдамъ своихъ земляковъ — Хераскова, Капниста и Гнѣдича, а остался вѣренъ малорусскому языку и родной дѣйствительности. Источникомъ того неподражаемаго юмора,

который мы находимъ въ его «Перелицованой Энеидѣ», послужили «ораціи»— вирши, предназначенныя для декламаціи; онѣ внушили Котляревскому то своеобразное сочетаніе высокаго съ простонароднымъ, которое такъ роднитъ «Энеиду» съ малорусскимъ народнымъ творчествомъ. Позднѣйшія произведенія («Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ») принадлежатъ уже другому періоду. Новопожалованное малорусское дворянство обнаружило большую готовность идти по пути отрѣшенія отъ своей народности, вмѣстѣ съ языкомъ перемѣнило нравы и интересы; это провело глубокую борозду между дворянствомъ и крестьянствомъ; крѣпостное право, съ своей стороны, помогло еще большему разъединенію сословій. При такомъ положеніи дѣлъ писателю, любящему свой народъ, «надо было стучаться въ умы и сердца своихъ привилегированныхъ собратій, чтобы высѣкать изъ этой глухой и черствой среды искры сочувствія къ народу, надо было не дать имъ забыть, что народъ созданъ по тому же образу и подобію. Мало того: надо было и внѣшнему міру показать, какія сокровища общечеловѣческаго значенія укрываются въ малорусской народности: богатый и гибкій языкъ, своеобразныя бытовыя формы, несравненная поэзія пѣсеннаго творчества. И Котляревскій сдѣлалъ все это... Онъ есть дѣйствительно «первый представитель малорусской народности», а «Энеида»—первая попытка ввести малорусскій языкъ въ циклъ языковъ литературныхъ.

Г. С. И. Р—тъ даетъ историческій обзоръ колоніальной политики Англіи. Характерной чертой этой политики онъ считаетъ отсутствіе опредѣленнаго стремленія къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ и систематическаго плана ихъ. Обширныя территоріи переходили въ руки Англіи по разнымъ случайнымъ причинамъ и по инициативѣ частныхъ лицъ, правительство лишь шло за ними. Такъ были пріобрѣтены Сѣв. Америка, Австралія, Индія; такъ дѣло идетъ и теперь. Но въ вопросѣ объ отношеніи къ колоніямъ, ихъ управленію и эксплуатаціи можно отмѣтить нѣсколько фазисовъ. Въ первый періодъ Англія смотрѣла на колоніи исключительно какъ на источникъ доходовъ; ея политика по отношенію къ нимъ заключалась въ покровительствѣ добывающей промышленности, съ цѣлью получать сырье, и въ стѣсненіяхъ обрабатывающей промышленности, съ цѣлью снабжать колоніи своими собственными фабрикатами. Послѣ отпаденія Соединенныхъ Штатовъ наступаетъ поворотъ въ колоніальной политикѣ. Тяжелый опытъ показалъ, что алчная эксплуатація не можетъ практиковаться, а въ такомъ случаѣ колоніи являлись ненужными, разорительной обузой; поэтому онѣ были всецѣло предоставлены самимъ себѣ, метрополія не вмѣшивалась въ ихъ дѣла и ничего отъ нихъ не требовала, и сами колоніи, въ свою очередь, ничего не требовали отъ метрополіи. Но такая пассивная политика мѣняется съ конца 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ завоевательныхъ стремленій другихъ государствъ. Англійскія владѣнія, какъ наиболѣе богатыя и населенныя, возбуждаютъ зависть въ державахъ, ищущихъ рынковъ. Англія находитъ нужнымъ вступить въ болѣе тѣсную связь съ своими колоніями, въ формѣ «имперской федераціи», т. е. союза равноправныхъ членовъ. Для выясненія этого направленія въ политикѣ очень много сдѣлала книга проф. Сили (Seeley) «Расширеніе Англіи», вышедшая въ 1883 году. Англія, по словамъ Сили, должна укрѣпить свою связь съ колоніями, чтобы противостоять натиску двухъ огромныхъ, все расширяющихся государствъ—Россіи и Американскихъ Штатовъ, между которыми она лежитъ. Для пропаганды идеи федераціи выступила обширная «лига имперской федераціи», но, вслѣдствіе разнорѣчія во мнѣніяхъ, ей не удалось выработать опредѣленнаго плана федераціи и она закрылась. Тогда федеративное движеніе пошло отъ самихъ колоній, которыя стремятся войти въ составъ британской имперіи, ради торговыхъ и политическихъ выгодъ. Но есть у федераціи и безкорыстные защитники, вродѣ Киплинга, которые увлекаются грандіозностью самой идеи. Имперская солидарность создается мало-по-малу, отдѣльными част-

ными мѣрами, безъ широкихъ плановъ; такъ, въ судебный комитетъ тайнаго совѣта, высшую апелляціонную инстанцію для всей имперіи, включены судьи изъ колоній; въ случаѣ войны колоніи посылаютъ теперь англичанамъ вспомогательные отряды. Какъ иллюстрацію этого федеративнаго движенія авторъ приводитъ трансваальскую войну. Инаціаторомъ войны былъ Сесиль Родсъ, представитель Капской колоніи, вождь огромной мѣстной политической партіи, стремящейся образовать южно-африканскую федерацію съ включеніемъ Оранжевой и Трансваальской республикъ, ради промышленныхъ и торговыхъ цѣлей. Чемберлэнъ только пошелъ навстрѣчу этимъ стремленіямъ.

Въ «Иностранномъ обозрѣніи» приводятся возраженія и фактическія опроверженія главныхъ тезисовъ предъидущей статьи. Активная роль англійскаго правительства въ возбужденіи настоящей войны не подлежитъ сомнѣнію и доказывается документами. Отсутствіе плана и цѣлей въ колоніальныхъ захватахъ Англіи опровергается, напр., недавней суданской экспедиціей, въ которой преслѣдовалась очень планомѣрная колоніальная политика.

«Внутреннее обозрѣніе» занимается вопросомъ о предѣльности земскаго обложенія и о фиксаціи земскихъ расходовъ. Что касается перваго вопроса, въ принципѣ ничего нельзя возразить противъ него;. но максимальныя нормы обложенія недвижимыхъ имуществъ должны основываться на точной оцѣнкѣ имуществъ. Такая оцѣнка только теперь у насъ производится. Кромѣ того, съ назначеніемъ высшаго размѣра платежей необходимо открыть для земствъ новые источники доходовъ для расширенія ихъ дѣятельности; тогда предѣльность обложенія не будетъ служить тормазомъ для развитія земскаго дѣла. Фиксація земскихъ расходовъ, т.-е. укрѣпленіе земскаго бюджета на той случайной цифрѣ, на которой застанетъ его эта мѣра, могла бы имѣть только временный характеръ, пока не будетъ закончена оцѣнка имуществъ и введена предѣльность обложенія; но и въ такомъ видѣ ея нельзя одобрить. Наши земства далеко не въ одинаковой степени удовлетворяютъ нужды населенія, что видно изъ того, что одни земства при высокой доходности имуществъ расходуютъ ничтожную сумму (напр., при облагаемой цѣнности въ 93 рубля на человѣка, расходуется лишь 84 коп. на человѣка), очевидно, они отстали и для благосостоянія края должны увеличить свои расходы; между-тѣмъ фиксація расходовъ остановитъ ростъ затратъ и, слѣдовательно, развитіе земскаго хозяйства. Другія земства (съ отношеніемъ 5 р. 44 к. облагаемой доходности и 94 к. расходовъ на человѣка) уже сами довели свои расходы до высшей нормы, дальше которой и безъ того не пойдутъ. Фиксація расходовъ мотивируется также необходимостью остановить ихъ ростъ, пока онъ еще не достигъ чрезвычайной высоты, ибо предупредить возрастаніе расходовъ легче, чѣмъ возвращаться назадъ съ достигнутаго пункта. Но въ этомъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ противодѣйствовать чрезмѣрности земскихъ расходовъ всегда можетъ губернаторъ своимъ протестомъ. Что касается утвержденія земской смѣты министромъ взамѣнъ права протеста со стороны губернатора, эта мѣра будетъ въ корнѣ парализовать земскую дѣятельность, подрывать увѣренность и энергію, лишая земскія рѣшенія всякой силы и самостоятельности. Такимъ образомъ, каждый новый расходъ на мѣстныя нужды будетъ подвергаться разсмотрѣнію въ столицѣ, земства попадутъ подъ опеку, и можно предположить, что одни предметы расходовъ, напр., ассигновки на устройство дорогъ, будутъ пользоваться одобреніемъ, другіе, какъ, напр., ассигновки на новыя земскія школы, будутъ задерживаться при фиксаціи смѣтъ. Нѣкоторый выходъ для расширенія земской дѣятельности предполагается дать сложеніемъ съ земства нѣкоторыхъ расходовъ, шедшихъ на общегосударственныя потребности, и обращеніе этихъ средствъ въ свободное, безконтрольное распоряженіе земствъ. Но этотъ источникъ даетъ слишкомъ ничтожныя суммы (не болѣе $^{1}/_{35}$ всѣхъ земскихъ расходовъ), которыя

ни въ какомъ случаѣ не могутъ смягчить силу удара, нанесеннаго земскому хозяйству фиксаціей расходовъ. Фиксація смѣтъ проводится какъ временная мѣра—до завершенія оцѣнки имуществъ, но предполагаемый срокъ (1904—1905 г.) и самъ по себѣ не близокъ, да и можетъ затянуться не неопредѣленное время, въ виду сложности дѣла. А пока—всякая жизнь въ земствахъ заглохнетъ...

«Жизнь», январь — февраль. Двѣ первыя книжки «Жизни» не особенно богаты серьезными статьями, — и тѣ, которыя есть, — не всѣ доступны среднему читателю. Но въ большой части этихъ статей чувствуется свѣжее усиліе мысли—найти новый путь къ рѣшенію вопросовъ, которые всѣхъ волнуютъ; статьи имѣютъ симптоматическое значеніе,—и въ этомъ смыслѣ найдутъ своихъ читателей, несмотря на трудность и отвлеченность изложенія, несмотря на нѣкоторую сбивчивость и неясность,—черты, неразлучно связанныя съ исканіемъ новыхъ путей въ вопросахъ, въ высшей степени сложныхъ.

Борьба недавнихъ союзниковъ и единомышленниковъ за и противъ соединявшаго ихъ «ортодоксальнаго» пониманія извѣстныхъ экономическихъ вопросовъ—есть первое, что интересуетъ читающую публику въ молодомъ журналѣ. Мы читали раньше энергическій протестъ г. Струве «противъ ортодоксіи»; теперь мы читаемъ статью «въ защиту ортодоксіи» другого сотрудника журнала, г. П. Маслова. Къ вновь выступившимъ противникамъ ортодоксіи г. Масловъ относится очень иронически. «Судя по количеству попытокъ «поправить» теорію цѣнности Маркса,—замѣчаетъ онъ,—требовалось бы очень много мѣста для того, чтобы защитить эту теорію отъ столькихъ поправокъ, если бы такую задачу «ортодоксіи» не облегчили сами авторы... Каждый, дѣлая поправки, отклоняясь отъ ортодоксіи, уничтожалъ отклоненія и поправки другого. Отъ всѣхъ «открытій» осталось очень мало, если не считать предложенія г. Струве—упразднить теорію прибавочной цѣнности—«парадокса», который остался нотронутымъ, потому что изслѣдованіе по этому вопросу имъ еще не написано. Поэтому главнѣйшей заслугой экономистовъ при обсужденіи вопроса о цѣнности приходится признать успѣшное опроверженіе заблужденій другъ друга». Авторъ «соглашается вполнѣ съ заявленіями гг. Струве и Туганъ-Барановскаго, что нуженъ критическій пересмотръ теоріи Маркса и дальнѣйшее ея развитіе». Но, по его словамъ, «совершенно нельзя согласиться съ характеромъ пересмотра, принятымъ этими авторами. Вмѣсто развитія положеній теоріи Маркса и поправокъ тѣхъ изъ нихъ, которыя входятъ въ область обсуждаемаго вопроса и мѣшаютъ дальнѣйшему развитію теоріи,—критики съ легкимъ сердцемъ отбрасываютъ установленныя положенія, даже не входя въ обсужденіе этихъ положеній и ничѣмъ этого не обосновывая. Противники теоріи Маркса въ этомъ смыслѣ болѣе «вѣжливы» къ ней, чѣмъ критики-марксисты». Авторъ заключаетъ свою статью слѣдующимъ образомъ. «Критическаго настроенія въ экономической литературѣ чувствуется даже избытокъ. Такое настроеніе является передъ критикой. Будемъ надѣяться, что появится и критика».

Какъ бы отвѣчая на эти надежды и упреки г. Маслова, П. Б. Струве въ слѣдующей книжкѣ печатаетъ отрывокъ изъ своего «въ большой части уже написаннаго критическаго изслѣдованія о цѣнности и цѣнѣ». Въ этомъ отрывкѣ онъ разбираетъ коренной спорный вопросъ «ортодоксіи» и ея противниковъ: то, что онъ называетъ «основной антиноміей теоріи трудовой цѣнности». Эта «антиномія» или противорѣчіе заключается, по мнѣнію критика, въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, по теоріи Маркса, такъ называемая «прибавочная стоимость»—вновь создаваемая въ процессѣ производства—создается исключительно живымъ трудомъ. Слѣдовательно, чѣмъ въ какомъ-либо предпріятіи больше затрачивается денегъ въ мертвыя средства производства: машины, зданія и т. п. («постоянный капиталъ» по Марксу) и чѣмъ меньшая доля приходится на оплату собственно

труда («перемѣнный капиталъ»),—тѣмъ меньше будетъ создаваться этимъ трудомъ и прибавочной стоимости—по отношенію ко *всему* затраченному на предпріятіе капиталу. Другими словами, доходность и производительность предпріятія падаетъ, по мѣрѣ того какъ постоянный капиталъ увеличивается насчетъ перемѣннаго. Но вѣдь, съ другой стороны. увеличеніе постояннаго капитала (напримѣръ, замѣна рабочихъ машинами) имѣетъ цѣлью, какъ разъ, *увеличеніе* производительности общественнаго труда. Выходитъ нелѣпость: производительность общественнаго труда одновременно и падаетъ, и повышается по отношенію къ совокупному общественному капиталу. Эта нелѣпость—логически вытекаетъ изъ положенія, что прибавочная цѣнность (прибавочный продуктъ) создается живымъ общественнымъ трудомъ. Очевидно, въ дѣйствительности, прибавочный продуктъ создается *не только* живымъ трудомъ; авторъ рѣшается даже утверждать, что «*ростъ прибавочнаго продукта зависитъ въ гораздо большей мѣрѣ отъ роста постояннаго капитала, чѣмъ отъ роста перемѣннаго капитала*». Таковъ выходъ изъ «антиноміи», предлагаемый г. Струве. «Насколько я вижу,—такъ характеризуетъ самъ авторъ представляемое имъ направленіе,—наше критическое направленіе сознательно возвращается къ осторожному реализму Рикардо, пытаясь въ то же время связать его съ тѣми крупными пріобрѣтеніями, которыми экономическая наука обязана Госсену, Вальрасу, Джевонсу и австрійской школѣ въ лицѣ Менгера, Визера и Бемъ-Баверка. Вставить такую реалистическую теорію экономическихъ явленій въ широкую и грандіозную рамку соціологическихъ обобщеній Маркса—постановка такой задачи, думается мнѣ, уже сама по себѣ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Закрывать просто глаза на такъ называемую «буржуазную» критику ученія Маркса и заниматься его повтореніемъ и перефразировкой оказывалось до сихъ поръ не только безполезнымъ, но даже и вреднымъ. Благодаря этой тактикѣ, дѣйствительное развитіе и истолкованіе экономическаго ученія Маркса перешло въ руки «буржуазныхъ» экономистовъ; блестящіе примѣры тому—Лексисъ и Зомбартъ».

Обращаетъ на себя вниманіе статья г. А. Гуревича: «Къ теоріи познанія». Авторъ стремится устранить вовсе изъ философіи понятіе «непознаваемаго». Часть того содержанія, которое вводится обыкновенно въ это понятіе, по мнѣнію автора, должна быть перенесена въ область—«имѣющаго быть познаннымъ» при дальнѣйшемъ развитіи науки (сюда, напримѣръ, относится вопросъ объ отношеніи человѣка къ органической природѣ). Другая часть подобныхъ вопросовъ должна быть отнесена къ области неразрѣшимыхъ, но не потому, чтобы эти вопросы были недоступны нашему познанію, а просто потому, что они поставлены неправильно или самая постановка ихъ незаконна. какъ незаконно было бы добиваться рѣшенія квадратуры круга или открытія perpetuum mobile. Однако, самое упорство, съ которымъ люди продолжаютъ ставить неразрѣшимые метафизическіе и религіозные вопросы, заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ духѣ Канта, но безъ его метафизической задней мысли, авторъ находитъ объясненіе этому упорству въ томъ, что «совокупность проблемъ, долженствующихъ быть признанными неразрѣшимыми, *совпадаетъ съ нравственнымъ идеаломъ*». Такимъ образомъ, понятіе непознаваемаго изъ области теоретической мысли должно быть перенесено въ область практической нравственной дѣятельности: здѣсь оно получаетъ совершенно новый смыслъ. Непознаваемое превращается въ *недостижимое*: въ безусловный нравственный, умственный и эстетическій идеалъ, который «научная философія не признаетъ ни реальнымъ, ни въ будущемъ осуществимымъ», но который она ставитъ «нормой всякой дѣятельности», какъ «безконечное совершенствованіе, безконечное *стремленіе* къ идеалу».

Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ дѣятельность критика «Жизни», г. Андреевича. Въ январской книжкѣ онъ съ такими очевидными усиліями добрался до

конца своей переполненной цитатами и механическими переходами отъ предмета къ предмету статьи, что читателю, навѣрное, становилось его жаль и думалось: зачѣмъ только мучитъ человѣкъ и себя. и другихъ? Ну, нечего сказать,—и молчалъ бы лучше! Не только первый «блинъ», но и второй, пользуясь собственнымъ выраженіемъ критика о себѣ, вышелъ «комомъ». Третій блинъ былъ, правда, нѣсколько лучше, хотя и тутъ настойчивое желаніе объяснить психику Льва Толстого его «барствомъ»—слишкомъ напоминаетъ упражненія въ томъ же родѣ г. Е. Соловьева въ прошлогоднихъ книжкахъ журнала надъ писателями «семидесятыхъ годовъ».

«Историческій Вѣстникъ», мартъ. Г. Д. Миллеръ разсказываетъ объ арестѣ и ссылкѣ В. Н. Каразина, основателя харьковскаго университета. Это было въ октябрѣ 1820 года, когда вспыхнулъ бунтъ въ Семеновскомъ полку и немедленно былъ подавленъ, а виновные засажены въ равелины Петропавловской крѣпости. Въ это время во дворъ преображенскихъ казармъ былъ подкинутъ пасквиль, «коимъ полкъ преображенскій вызываемъ былъ возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ своихъ». Прокламація оканчивалась призывомъ къ возстанію и носила подпись: «любитель отечества и сострадатель несчастныхъ. Единоземецъ». Подозрѣніе въ составленіи прокламаціи пало на Каразина, который въ это время случайно находился въ Петербургѣ, «былъ извѣстенъ правящимъ сферамъ по цѣлому ряду писемъ, проектовъ, докладныхъ записокъ». Въ какой степени основательно было заподозрить Каразина, можно судить по содержанію его записокъ; напримѣръ, въ одномъ письмѣ онъ жалуется на «вольность стихотворцевъ», въ другой разъ въ пустой безграмотной бумажонкѣ онъ видитъ призывъ къ возмущенію и горюетъ о недостаточной бдительности чиновниковъ. Но за нимъ была репутація «безпокойнаго», почеркъ прокламаціи, ровный и прямой, напоминалъ его почеркъ, и въ результатѣ изъ Троппау, гдѣ находился въ то время императоръ Александръ I, былъ присланъ курьеръ съ приказомъ объ арестѣ Каразина. Любопытно, что распорядившійся объ арестѣ Каразина и изслѣдовавшій его бумаги Кочубей самъ былъ увѣренъ, что Каразинъ не авторъ пасквиля, и писалъ объ этомъ государю; тѣмъ не менѣе Каразинъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ Шлиссельбургской крѣпости, а затѣмъ сосланъ былъ въ свое харьковское помѣстье безъ права выѣзда. Только въ новое царствованіе, въ октябрѣ 1826 г., слѣдовательно, черезъ 6 лѣтъ, была снята съ него опала.

За границей.

Въ Германіи. Никогда еще въ стѣнахъ германскаго рейхстага не происходило такихъ бурныхъ преній, какими ознаменовалось третье чтеніе такъ называемаго «законопроекта Гейнце», направленнаго противъ безнравственности и порока. Этотъ законопроектъ, названный именемъ Гейнце, прославившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ своимъ бракоразводнымъ процессомъ, благодаря которому раскрылись нравы берлинскихъ трущобъ, возбудилъ настоящую бурю въ обществѣ и печати. Тотчасъ же вслѣдъ за процессомъ Гейнце, по требованію императора Вильгельма, министерство предложило рядъ энергичныхъ мѣръ для борьбы съ публичною безнравственностью, но дальше этого дѣло не пошло и вопросъ оставался на очереди въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но теперь клерикалы и консерваторы вздумали снова вытащить изъ-подъ спуда пресловутый lex Heinze, главнымъ образомъ для того, чтобы съ его помощью захватить въ

свои руки литературу и искусство, такъ какъ въ законопроектѣ этомъ заключаются статьи, въ которыхъ говорится о вредномъ вліяніи на добрые нравы нѣкоторыхъ произведеній литературы и искусства. Борьба съ безнравственными субъектами, вродѣ Гейнце, отнынѣ сдѣлавшагося знаменитостью, и съ разными видами порока, совершенно отошла на второй планъ, а на первый выступила необходимость наложить узду на современную литературу и современное искусство. Къ существующимъ параграфамъ закона Гейнце была присоединена новая статья о наказаніи лицъ, которые будутъ предлагать или продавать юношамъ моложе 18 лѣтъ произведенія литературы и искусства, хотя и не безнравственныя сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе оскорбляющія чувство стыдливости. Наказаніе полагалось строгое: до шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія или штрафъ. Такому же наказанію должны были подвергаться и тѣ, кто выставляетъ подобныя произведенія, оскорбляющія чувство стыдливости у лицъ моложе 18 лѣтъ, въ публичныхъ мѣстахъ и т. д. Еще болѣе сурово относится законъ къ театральнымъ произведеніямъ, причемъ одинаково привлекаются къ отвѣтственности и директоръ театра, и авторъ, и актеры, исполняющіе его произведеніе. Такимъ образомъ, lex Heinze превратился въ орудіе борьбы съ современнымъ искусствомъ и литературой, и естественно долженъ былъ возбудить энергичный отпоръ въ германскомъ обществѣ.

Законопроектъ въ своемъ обновленномъ видѣ благополучно миновалъ первое и второе чтеніе, но во время третьяго чтенія борьба загорѣлась не на шутку. Оппозиція прибѣгла даже къ обструкціи—примѣръ небывалый въ стѣнахъ германскаго рейхстага. Одновременно съ этимъ въ Берлинѣ, въ Мюнхенѣ и разныхъ другихъ городахъ устраивались митинги протеста, причемъ противъ постановленій пресловутаго законопроекта, относящихся къ литературѣ и искусству, высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ такіе почтенные люди, какъ проф. Моммзенъ, проф. Бегасъ и др. Особенно много шума надѣлалъ митингъ, состоявшійся въ Берлинѣ, на которомъ Зудерманъ сказалъ рѣчь, направленную противъ законопроекта. Онъ сравнилъ этотъ законопроектъ съ розгой, которая повѣшена надъ литературой и искусствомъ и во всякое время готова наказать виновныхъ. Но больше всего эта розга грозитъ драматической литературѣ. «Прежде,—сказалъ Зудерманъ,—когда драматическіе писатели изображали съ одной стороны злодѣевъ, а съ другой—добродѣтельныхъ людей, полицейскимъ стражамъ, блюстителямъ нравственности, конечно, не трудно было бы справиться съ такой задачей. Но теперь эта задача стала труднѣе и сложнѣе, такъ какъ на сценѣ не можетъ быть такихъ крайнихъ типовъ,—и въ образахъ, изображаемыхъ писателями, добро и зло сплетаются вмѣстѣ. Какъ же разрѣшатъ блюстители нравственности такую сложную задачу? Мнѣ очень пріятно убѣдиться, что у нашихъ полицейскихъ, отставныхъ сержантовъ, чувство стыдливости столь же развито, какъ и у молодыхъ пансіонерокъ, такъ какъ иначе они вѣдь не могли бы правильно судить о томъ, что оскорбляетъ это чувство! Теперь на сценѣ все будетъ чинно и благородно, будутъ произноситься патріотическія фразы, и передъ нашими глазами пройдутъ цѣлыя галлереи предковъ. На сценѣ будутъ фигурировать герои и добродѣтельныя герцогини и княгини. Что же касается соціальной драмы, то она появится на сценѣ лишь въ видѣ контраста и чтобы дать возможность добродѣтельному пастору или ландрату успокоить вспышки бурной толпы!»

Собраніе приняло единогласно резолюцію, заявляющую, что lex Heinze заключаетъ въ себѣ угрозу развитію нѣмецкой литературы и искусству и его постановленія недостойны цивилизованнаго народа. Резолюція указываетъ, кромѣ того, на возможность произвольныхъ толкованій законопроекта, унизительныхъ для дѣятелей литературы и совершенно безсмысленныхъ съ точки зрѣнія повышенія уровня нравственности.

Агитація въ обществѣ и въ печати и обструкція въ парламентѣ сдѣлала все-таки свое дѣло. Несмотря на всѣ старанія клерикаловъ и консерваторовъ, имъ не удалось добиться голосованія проекта. Въ послѣднемъ засѣданіи, когда должно было произойти голосованіе, не оказалось quotum'a, такъ какъ присутствовало всего 172 члена, а нужно было 197. Начались шумныя пререканія, сторонники проекта настаивали на голосованіи, и шумъ достигъ такой степени, что графъ Галлестремъ нѣсколько разъ грозилъ закрыть засѣданіе. Когда шумъ улегся, то графъ Галлестремъ заявилъ, что, къ сожалѣнію законопроектъ долженъ быть снятъ съ очереди, такъ какъ по правиламъ пренія о бюджетѣ должны быть окончены къ 1-му апрѣлю, и поэтому слѣдующія засѣданія рейхстага должны быть посвящены бюджету. Пресловутый законопроектъ появится на сценѣ, слѣдовательно, не раньше, какъ послѣ Пасхи,—а, можетъ, и вовсе не появится болѣе.

Кромѣ lex Heinze, такъ волнующаго германское общество, въ послѣднее время скопилось нѣсколько фактовъ германской общественной жизни, вызвавшихъ также страстную полемику въ печати. Къ числу такихъ фактовъ принадлежитъ дѣло приватъ-доцента Аронса и дѣло профессора Нейссера. Дѣло Аронса тянется съ прошлаго года. Аронсъ пользуется извѣстностью, какъ молодой ученый, и былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Гельмгольца. Въ университетѣ Аронсъ читалъ лекціи по электричеству и интегральному счисленію, но въ политикѣ онъ придерживался взглядовъ партіи соціалистовъ и не скрывалъ этого. Прусское министерство нашло это несовмѣстимымъ съ званіемъ профессора и, несмотря на постановленіе факультета, который не нашелъ возможнымъ лишить каѳедры молодого ученаго только за принадлежность къ извѣстной политической партіи, министерство все-таки отставило его отъ должности, заявивъ, что считаетъ его недостойнымъ довѣрія, которое необходимо для преподавателя университета.

Такое пренебреженіе къ мнѣнію факультета не могло не вызвать негодованія въ лучшей части берлинскаго общества и печати. Даже нѣкоторыя консервативныя и патріотическія газеты нашли, что министерство въ данномъ случаѣ хватило черезъ край, приравнявъ профессоровъ университета къ должностнымъ лицамъ администраціи, которыхъ можно за политическіе взгляды увольнять отъ занимаемыхъ ими должностей.

Другой фактъ, взволновавшій берлинское общество, — это дѣло профессора Нейсера, давшее поводъ къ преніямъ въ прусской палатѣ. Профессоръ Нейссеръ, директоръ клиники въ Бреславлѣ, медицинское свѣтило, производилъ, какъ оказывается, разные научные эксперименты надъ живыми людьми въ своей клиникѣ. Не видя ничего предосудительнаго въ своихъ научныхъ экспериментахъ, онъ даже опубликовалъ свои опыты въ одномъ изъ спеціальныхъ медицинскихъ журналовъ. Такъ какъ опыты эти были произведены нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то, въ силу давности, профессоръ Нейссеръ не можетъ быть привлеченъ къ суду, но это повело къ цѣлому ряду разоблаченій того, что вообще творится во многихъ клиникахъ и больницахъ, и дало поводъ клерикаламъ заговорить о необходимости обузданія науки. Въ защиту науки и врачей, которые въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, подвергались нападкамъ, выступилъ старикъ Вирховъ. Онъ старался доказать въ своей рѣчи, что Нейссеръ, какъ и всякій другой врачъ, охваченный научнымъ рвеніемъ, могъ дѣйствовать подъ вліяніемъ совершенно чистыхъ побужденій. По его словамъ, опыты надъ живыми людьми вовсе не представляютъ такого ужаснаго и такого рѣдкаго явленія, какъ это принято думать. Вирховъ напомнилъ о знаменитомъ туберкулинѣ Коха. Вѣдь это также былъ опытъ и притомъ не безопасный, но какъ только разнеслась вѣсть объ открытіи Коха, то тысячи больныхъ стали молить, чтобы имъ сдѣлали прививку. Значитъ, суть дѣла заключается

не въ опытахъ надъ людьми, но въ томъ, что они производились безъ ихъ вѣдома и согласія.

Вирховъ въ особенности настаивалъ на томъ, что нельзя произносить на основаніи такихъ единичныхъ фактовъ приговора надъ всею медициной или надъ извѣстнымъ научнымъ методомъ. Рѣчь Вирхова была выслушана съ большимъ вниманіемъ и почтеніемъ, но престарѣлый ученый видѣлъ все-таки, что онъ не убѣдилъ свою аудиторію и, по всей вѣроятности, Нейссеръ поплатится за свое чрезмѣрное увлеченіе наукой тѣмъ, что ему все-таки придется лишиться каѳедры и занимаемой имъ должности директора клиники.

Въ рейхстагъ снова поступила петиція о допущеніи женщинъ въ германскіе университеты на правахъ студентовъ, а не въ качествѣ слушательницъ, которымъ снисходительно разрѣшается присутствовать на лекціяхъ, но не дается при этомъ никакихъ правъ. Женщины желаютъ, чтобы имъ было дозволено держать государственные экзамены, открывающіе доступъ къ либеральнымъ профессіямъ. Въ особенности же это нужно женщинамъ-врачамъ, которыя, благодаря тому, что ихъ не допускаютъ къ государственному экзамену, юридически не считаются врачами въ Германіи и по положенію своему стоятъ чуть ли не на одной ступени съ знахарками и т. п. Къ стыду ихъ коллегъ мужчинъ-врачей приходится сказать, что они иногда пользуются своимъ привиллегированнымъ положеніемъ и еще недавно одно медицинское общество потребовало исключенія трехъ женщинъ-врачей изъ списка врачей, заключившихъ договоръ съ обществомъ приказщицъ, на томъ основаніи, что онѣ — «не врачи». Такъ какъ требованіе это опиралось на законъ, то, разумѣется, оно было исполнено.

Несмотря, однако, на то, что въ германскомъ обществѣ многіе сознаютъ несправедливость такого отношенія къ женщинамъ-врачамъ и на то, что въ рейхстагѣ находится не мало сторонниковъ женщинъ, даже среди католическаго центра,—тѣмъ не менѣе, старинныя германскія традиціи одержали верхъ во время голосованія и рейхстагъ перешелъ къ очереднымъ вопросамъ.

Нѣмецкія газеты очень много говорятъ о праздникѣ, устроенномъ соединенными женскими обществами въ залѣ филармоническаго общества въ Берлинѣ. На этомъ праздникѣ присутствовало до 3.000 женщинъ, принадлежащихъ къ міру искусства, науки и литературы, но не былъ допущенъ ни одинъ мужчина. Это фактъ—небывалый въ нѣмецкихъ странахъ, и поэтому онъ обратилъ на себя особенное вниманіе; многіе изъ приверженцевъ старинныхъ германскихъ традицій увидѣли въ этомъ опасный признакъ приближающейся окончательной эмансипаціи германской женщины.

Работа дѣтей въ копяхъ.—Событія общественной жизни въ Англіи. Вопросъ о работѣ дѣтей въ рудникахъ представляетъ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ англійскаго законодательства. Онъ уже нѣсколько разъ возбуждался въ англійскомъ парламентѣ и даже была рѣчь о полномъ воспрещеніи отправлять дѣтей на подземную работу. Было время, когда въ рудники посылались дѣти съ шестилѣтняго возраста, и находились люди, среди англійскихъ лордовъ, доказывавшіе, что «нѣтъ болѣе здороваго мѣста какъ рудники» и, слѣдовательно, гораздо полезнѣе посылать дѣтей туда, нежели отправлять ихъ на фабрику. Теперь взглядъ на это дѣло измѣнился, и законный возрастъ для такой работы установленъ двѣнадцатилѣтній. Но въ послѣднее время въ англійской печати возникла очень сильная агитація въ пользу повышенія этого возраста до 13-ти лѣтъ. Въ «Daily News» въ теченіе долгаго времени печатался рядъ статей, подъ заглавіемъ «The cry of the Children», гдѣ описывалась работа дѣтей въ рудникахъ. Корреспондентъ этой газеты посѣтилъ всѣ главныя копи, спускался въ шахты и бесѣдовалъ съ маленькими рабочими, проводящими иногда по 9—10 часовъ подъ землей. Картины, которыя онъ развертываетъ передъ глазами чи-

тателей, способны внушить содроганіе и глубокую жалость къ участи подростковъ, осужденныхъ на такой тяжелый трудъ. Всѣ они, впрочемъ, относились съ удивительною покорностью къ своей судьбѣ. Ихъ отцы и дѣды работали въ копяхъ съ младенческаго возраста, слѣдовательно и они должны также работать. Такія разсужденія они не разъ слышали дома и нѣкоторые изъ мальчиковъ разсказывали англійскому журналисту, что они съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда имъ можно будетъ спуститься въ шахту вмѣстѣ съ отцомъ и братьями и они будутъ зарабатывать деньги. Всѣ такъ привыкли къ такому порядку вещей, что никому въ деревнѣ рудокоповъ и въ голову не приходило противиться этому. Какъ только мальчугану исполняется 12 лѣтъ, его назначаютъ на какую-нибудь изъ болѣе легкихъ сравнительно должностей въ шахтѣ, и съ этого времени онъ уже большую часть своей жизни проводитъ подъ землей. «Можно ли представить себѣ,—говоритъ корреспондентъ,—что-нибудь ужаснѣе того одиночества, на которое осужденъ двѣнадцатилѣтній ребенокъ, приставленный къ опускной двери, которую онъ обязанъ открывать и закрывать послѣ прохода вагонетокъ, нагруженныхъ углемъ. Онъ сидитъ одинъ у этой двери въ темнотѣ, и кромѣ скуднаго свѣта отъ его маленькой лампочки—никакой другой свѣтъ не проникаетъ въ его убѣжище и нѣтъ никого, съ кѣмъ бы онъ могъ перекинуться словомъ, подѣлиться своими мыслями. Онъ проводитъ въ такомъ одиночествѣ 9—10 часовъ, вдали отъ людей, своихъ сверстниковъ и только шумъ вагонетокъ, проходящихъ отъ времени до времени мимо него, нарушаетъ окружающее его безмолвіе. Мнѣ пришлось говорить съ однимъ изъ такихъ мальчиковъ, по имени Гарли, который уже полгода исполняетъ эту обязанность привратника. Онъ пожаловался мнѣ на одиночество, сказавъ, что очень бы желалъ, чтобъ у него былъ товарищъ, съ которымъ онъ могъ бы поговорить, а то вѣдь такъ тяжело сидѣть нѣсколько часовъ, не видя ни души! Въ началѣ ему было очень страшно въ одиночествѣ и темнотѣ. Его пугали звуки, которые онъ слышалъ, но теперь онъ уже привыкъ и научился различать эти звуки и понимать ихъ значеніе. Конечно, онъ предпочелъ бы ходить въ школу вмѣстѣ со своими сверстниками, но законъ дозволяетъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ работать въ рудникахъ, поэтому онъ и долженъ былъ, подобно всѣмъ прочимъ, отправиться подъ землю».

Мальчики, которые назначаются проталкивать по узкимъ и низкимъ галлереямъ шахты вагонетки съ углемъ до того мѣста, гдѣ шахта становится шире и выше и гдѣ ихъ могутъ замѣнить лошади, исполняютъ очень тяжелую работу и въ теченіе дня имъ приходилось проходить взадъ и впередъ чуть не двадцать миль. Корреспондентъ подчеркиваетъ этотъ фактъ, также какъ и другіе, указывающіе на страшную эксплоатацію дѣтскаго труда въ копяхъ. Несмотря на то, что англійское общество поглощено теперь южно-африканской войной, статьи «Daily News» обратили на себя вниманіе и сэръ Чарльзъ Дилькъ внесъ уже билль о запрещеніи подземной работы дѣтямъ до 13 лѣтъ. Сначала предполагалось даже повысить возрастъ до 14 лѣтъ, но опасаются наткнуться на слишкомъ большую оппозицію какъ со стороны владѣльцевъ рудниковъ, такъ и со стороны самихъ родителей, большинство которыхъ также съ дѣтства начало работать въ шахтахъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялось открытіе лиги Рёскина, основанной приверженцами его ученія. На торжественномъ засѣданіи членовъ новой лиги предсѣдатель мистеръ Фредерикъ Гаррисонъ въ особенности подчеркнулъ то обстоятельство, что лига открываетъ свои дѣйствія какъ разъ въ день рожденія автора «Modern Painters», которому долженъ былъ бы исполниться въ этотъ день 81 годъ. Цѣль лиги—подробное изученіе твореній Рёскина. «Рёскинъ училъ насъ чувствовать, но чувствовать благороднымъ образомъ,—сказалъ Гаррисонъ.— Онъ училъ насъ любить и стремиться къ жизни, а не только къ простому

существованію, и указалъ намъ, что счастливая человѣческая жизнь—это лучшая картина, какую только можетъ представить міръ. Рёскинъ описывалъ природу во всѣхъ ея видахъ; онъ писалъ объ искусствѣ во всѣхъ его формахъ, о нравственности, политической и соціальной, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, а также о религіи. Соглашаться со всѣмъ, что онъ писалъ объ этихъ предметахъ невозможно, но не надо забывать, что Рескинъ самъ сказалъ про себя: «Я вѣрю въ благородство человѣческой природы». Въ моментъ переживаемаго нами національнаго кризиса, мы чувствуемъ необходимость подвергнуть пересмотру свои вѣрованія и взгляды и гдѣ нужно, внести поправки; если есть человѣкъ, писанія котораго могутъ помочь намъ въ этомъ процессѣ, этотъ человѣкъ—Джонъ Рескинъ!»

Послѣ рѣчи предсѣдателя лига объявлена открытой и объявлены основныя правила ея существованія. Лига будетъ устраивать собранія для чтенія и обсужденія произведеній Рёскина и будетъ печатать протоколы засѣданій, которые будутъ раздаваться всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ, внесшимъ годовой взносъ полгинеи. Корпораціи и клубы могутъ, внеся полгинеи, присылать своего представителя на собраніе лиги и получать печатные протоколы.

Въ одномъ изъ населеннѣйшихъ и въ то же время бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона открытъ народный ресторанъ. Это—первое подобное учрежденіе въ Лондонѣ, основанное по инициативѣ принцессы Уэльской, открывшей подписку на постройку дома и устройство въ немъ народнаго ресторана. Нечего и говорить, что необходимая для этого сумма была быстро собрана, такъ какъ англійскіе богачи—аристократы подписывали по нѣскольку десятковъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Выстроено прекрасное зданіе со всѣми приспособленіями. Въ каждой изъ трехъ столовыхъ въ этомъ зданіи вмѣщается 500 человѣкъ обѣдающихъ. Комнаты производятъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе своею чистотой и убранствомъ. Обѣдъ стоитъ $4^1/_2$ пенса и состоитъ изъ трехъ блюдъ. Ежедневно приготовляются три меню обѣда на выборъ, но по той же цѣнѣ, такъ что желающіе могутъ взять обѣдъ, который имъ придется больше по вкусу. Кромѣ этихъ трехъ блюдъ полагается еще чашка кофе, чая или какао или пирожное. Ресторанъ посѣщается очень усердно и въ день тамъ бываетъ до 5.000 человѣкъ, такъ что для удовлетворенія такой массы посѣтителей понадобилось держать при ресторанѣ не менѣе ста человѣкъ прислуги. Ресторанъ открывается въ восемь часовъ утра и тогда въ немъ можно получить завтракъ за полпенни, а закрывается онъ въ восемь вечера. Конечно, все зданіе освѣщено электричествомъ. При ресторанѣ устроены туалетныя комнаты для мужчинъ и женщинъ, гдѣ они могутъ смыть грязь, накопившуюся на нихъ во время работы въ мастерскихъ и затѣмъ уже, вычистившись и умывшись, явиться въ столовую къ обѣду. Учредители полагаютъ, что число посѣтителей еще увеличится и разсчитываютъ въ день кормить, по крайней мѣрѣ, 12.000 человѣкъ.

Въ Лондонѣ существуетъ еще одно любопытное и полезное учрежденіе, это такъ называемая «Spectacle Mission», имѣющее цѣлью снабженія очками всѣхъ рабочихъ, нуждающихся въ этомъ вспомогательномъ средствѣ для своего зрѣнія. «Spectacle Mission» была основана нѣсколько лѣтъ тому назадъ докторомъ Уорингомъ, который долгое время провелъ въ Индіи, но затѣмъ, вернувшись въ Лондонъ, сталъ практиковать среди рабочаго населенія. Онъ былъ пораженъ тѣмъ, какое огромное число рабочихъ страдаетъ отъ недостатка зрѣнія и часто теряетъ его, вслѣдствіе того, что во время не были приняты мѣры, между тѣмъ какъ подходящіе очки, назначенные врачами, могли бы еще надолго сохранить зрѣніе рабочему. Для борьбы съ этимъ зломъ докторъ устроилъ общество для раздачи очковъ и въ первый же годъ по открытіи дѣятельности этого общества была роздана 531 пара очковъ. Послѣ его смерти во главѣ этого общества стала его дочь и, вѣрная завѣтамъ отца, постаралась расширить дѣятель-

ность этого общества, побуждая рабочихъ, мало-мальски страдающихъ слабостью зрѣнія, изслѣдовать свои глаза у врачей, состоящихъ при обществѣ. Въ прошломъ году число получившихъ очки отъ общества возрасло уже до тысячи. Многіе теперь обязаны сохраненіемъ зрѣнія и возможностью работать этому обществу.

Столица алмазовъ—Кимберлей. Драма, разыгрывающаяся въ настоящее время въ южной Африкѣ, возбудила интересъ европейской читающей публики не только къ героямъ, но и къ мѣстности, гдѣ совершаются событія, волнующія теперь весь цивилизованный міръ. До трансвальской войны мало кто изъ обыкновенныхъ читателей интересовался Іоганнесбургомъ, Кимберлеемъ, Родезіей,—и лишь со времени набѣга Джемсона въ европейской печати стали появляться пространныя описанія и статьи, посвященныя мѣстностямъ и городамъ южной Африки. Изъ этихъ послѣднихъ безспорно самый интересный Кимберлей, столица алмазовъ, отчасти потому, что онъ принадлежитъ также къ числу косвенныхъ причинъ войны и обязанъ своимъ происхожденіемъ Сесилю Родсу, котораго считаютъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ трансваальскаго конфликта. Жюль Леклеркъ въ своей книгѣ «Путешествіе по южной Африкѣ» называетъ Кимберлей однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ смѣшныхъ городовъ, какіе только ему случалось видѣть въ обоихъ полушаріяхъ. «Я видѣлъ города, выстроенные изъ камня, изъ кирпича, изъ дерева—говоритъ онъ.—Я видѣлъ даже города изъ глины, въ центральной Азіи. Но тутъ передо мною былъ городъ изъ жести! Дома, магазины, всѣ общественныя зданія, стѣны, крыши, двери—все было сдѣлано изъ жести. Это придаетъ Кимберлею видъ портативнаго города, который всегда можно сложить и перенести на другое мѣсто. И въ самомъ дѣлѣ этотъ городъ, съ его постоянно мѣняющимся населеніемъ, представляетъ нѣчто вродѣ временнаго лагеря, куда являются только на короткій срокъ, чтобы поскорѣе нажиться и уѣхать»!

Городъ нельзя назвать живописнымъ, и только большая площадь въ базарные дни нарушаетъ его однообразіе. Тогда на ней собираются фургоны, запряженные семью—десятью парами быковъ и начинается оживленная торговля. По площади расхаживаютъ люди со знаменемъ въ рукахъ и выкрикиваютъ товары, а возлѣ фургоновъ постоянно толпится народъ.

Кимберлей очень гордится своимъ клубомъ. Зданіе клуба выстроено изъ желѣза и отличается своимъ роскошнымъ устройствомъ, такъ какъ клубъ этотъ былъ открытъ въ періодъ расцвѣта Кимберлея, когда тамъ наживались милліоны въ нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда тамъ деньги имѣли такъ мало цѣны, что за предметы самой первой необходимости платили баснословныя цѣны. Вода еще не была проведена тогда въ городъ изъ рѣки Вааль и рудокопъ для умыванія употреблялъ иногда содовую воду, платя за бутылку пять франковъ.

Своимъ возникновеніемъ и развитіемъ городъ обязанъ алмазамъ, которые произвели огромный переворотъ въ судьбахъ южной Африки. Туземцы давно знали, что тутъ находятся алмазы, но они не придавали имъ никакого значенія, такъ какъ не знали ихъ цѣны. Когда О'Рельи нашелъ алмазы въ Грикуаландѣ, то это было самымъ выдающимся событіемъ въ южной Африкѣ, открывшимъ блестящія перспективы для колоніи, которая изъ всѣхъ британскихъ владѣній пользовалась до тѣхъ поръ наименьшимъ вниманіемъ. Результатомъ этой находки алмазовъ явилось устройство обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, заселеніе новыхъ территорій и завоеваніе обширныхъ областей, простирающихся до береговъ Замбезе. Вотъ почему населеніе южной Африки питаетъ благодарность къ О'Рельи, открывшему источникъ ея богатства.

Открытіе это, какъ и большая часть открытій подобнаго рода, произошло случайно. О'Рельи возвращался съ охоты и остановился на отдыхъ на одной

фермѣ, гдѣ увидалъ, что дѣти играютъ какимъ-то камешкомъ, который поразилъ его своимъ необычайнымъ блескомъ. Родители этихъ дѣтей продали О'Рельи этотъ камень за какую-то бездѣлицу и сказали ему, что вдоль рѣки находится множество такихъ камней. О'Рельи показалъ купленный камень евреямъ, но они объявили, что это топазъ и притомъ малоцѣнный. Однако, нашелся геологъ, который объявилъ, что это настоящій алмазъ и оцѣнилъ его въ 12.000 франковъ.

Какъ только извѣстіе объ той находкѣ распространилось, въ страну стали стекаться искатели приключеній съ разныхъ сторонъ. Но этихъ первыхъ алмазоискателей постигла неудача, и они вернулись разочарованные, такъ что существованіе алмазовъ въ этой мѣстности было подвергнуто сомнѣнію до тѣхъ поръ, пока какой-то голландецъ увидѣлъ въ рукахъ одного готтентота великолѣпный алмазъ, за который ему уплатилъ 10.000 фр. и продалъ потомъ за полтораста тысячъ. Впослѣдствіи камень этотъ оцѣнили чуть ли не въ милліонъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ «южно-африканской звѣзды» и находится въ числѣ драгоцѣнностей графини Дудлей. Разумѣется, находка алмазовъ вызвала то, что англичане называютъ «rush»,—наплывъ искателей и настоящую алмазную лихорадку. Въ 1870 г. у береговъ Вааля тысячи «диггеровъ» алмазоискателей занимались промывкою песковъ рѣки. Всѣ націи земного шара имѣли тутъ своихъ представителей. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Кимберлей, стояли три фермы, называвшіяся по имени своихъ владѣльцевъ: Дютуа, Бультфонтейнъ и де-Бирсъ. Эти имена теперь стали безсмертны въ силу того, что ими были названы алмазныя копи, возникшія на этомъ мѣстѣ. Добыча алмазовъ во всѣхъ этихъ соединенныхъ копяхъ оцѣнивается мильярдами и по всѣмъ признакамъ въ нѣдрахъ земли заложены неистощимыя богатства, такъ что врядъ ли когда-нибудь человѣчество будетъ терпѣть недостатокъ въ алмазахъ. Кимберлеевская копь, вокругъ которой возникъ городъ, представляетъ грандіозную пропасть съ вертикальными стѣнами, продѣланную рукою человѣка на поверхности земли. Въ ней легко могли бы помѣститься египетскія пирамиды и самыя высокія башни соборовъ, а въ окружности ея входнаго отверстія могъ бы смѣло расположиться цѣлый городъ. Эта открытая копь напоминаетъ обширный кратеръ вулкана неправильной эллиптической формы. Въ началѣ эксплоатація этой копи была незатруднительна и стоила не дорого. Вся внутренность копи была раздѣлена на участки и видомъ напоминала улей, но по мѣрѣ углубленія работа становилась затруднительнѣе и чаще случались обвалы, такъ что первобытный способъ разработки теперь оставленъ и введена система шахтъ по всѣмъ правиламъ горнаго искусства. Тысячи кафровъ работаютъ днемъ и ночью въ этихъ подземныхъ галлереяхъ, разламывая каменную алмазосодержащую породу и нагружая ею вагонетки. Чернокожіе рабочіе набираются изъ всѣхъ частей южной Африки, такъ что тутъ есть не только кафры, но и зулусы, бечуаны, матабелы и т. д. Въ числѣ рабочихъ находится много каторжниковъ, которыхъ правительство отдаетъ въ наймы колоніи—удобная мѣра, избавляющая колонію отъ содержанія преступниковъ и вынуждающая этихъ послѣднихъ содержать себя собственнымъ трудомъ. Изъ восьми тысячъ рабочихъ, находящихся на службѣ въ компаніи де-Бирсъ, бѣлыхъ не болѣе 1.400 и нѣсколько сотъ каторжниковъ, остальные все чернокожіе туземцы. Но для каждой категоріи рабочихъ существуютъ особыя правила. Бѣлые остаются на свободѣ, каторжники живутъ въ тюрьмѣ, а чернокожіе ведутъ монастырскій образъ жизни. Сообразно съ національностью мѣняется и заработокъ. Чернокожіе получаютъ минимальную заработную плату—25 фр. въ недѣлю, тогда какъ самый минимальный заработокъ бѣлыхъ составляетъ 90 фр. въ недѣлю. Монастырь чернокожихъ или казармы, въ которой они помѣщаются для удобства надзора за ними, носитъ названіе «Compound». Это отгороженное стѣнами и на-

вѣсами изъ жести четырехъугольное пространство, по срединѣ котораго устроенъ бассейнъ для умыванія. Тутъ проводятъ все время незанятые работой въ копяхъ чернокожіе работники, совершенно изолированные отъ всего внѣшняго міра въ теченіе того періода, на который они заключили контрактъ съ компаніей. Обыкновенно контрактъ заключается на три мѣсяца и въ теченіи всего этого времени они не имѣютъ права выходить за предѣлы своего монастыря и вступать въ сношенія со внѣшнимъ міромъ. Даже съ женами и дѣтьми они могутъ видѣться только черезъ рѣшетку и то въ присутствіи надзирателя. Въ оградѣ «Compound» находится все, что нужно его обывателямъ: лавочка, съ съѣстными припасами, аптека, госпиталь и бани. Чернокожіе строго соблюдаютъ демаркаціонную линію между отдѣльными племенами и всегда держатся отдѣльными группами, не сливаясь между собой. Вся эта система заключенія имѣетъ, главнымъ образомъ, цѣлью предупредить утайку алмазовъ. Прежде такъ называемый незаконный торгъ алмазами процвѣталъ въ Кимберлеѣ, но теперь благодаря системѣ «Compound» онъ значительно уменьшился, такъ какъ кража алмазовъ и тайная продажа ихъ стала труднымъ и опаснымъ ремесломъ, хотя еще и теперь увѣряютъ, что алмазовъ похищается ежегодно не болѣе, не менѣе какъ на пять милліоновъ франковъ. Особенно искусны кафры въ кражѣ алмазовъ и поэтому каждый кафръ, по истеченіи срока службы, прежде чѣмъ его отпустятъ на волю, подвергается самому тщательному осмотру и обсерваціи. Ему даютъ слабительное и уже послѣ того открываются для него двери его тюрьмы.

Въ копяхъ встрѣчаются алмазы всевозможнаго вида, величины и цвѣта, отъ самаго прозрачнаго и безцвѣтнаго до чернаго включительно. Леклеркъ говоритъ, что онъ видѣлъ голубые, зеленые, красные, коричневые и желтые алмазы. Черные очень высоко цѣнятся въ промышленности вслѣдствіе своей чрезвычайной твердости. Человѣкъ, показывавшій эти алмазы Леклерку въ хранилищѣ копей, пересыпалъ ихъ горстями словно простые камешки, съ самымъ равнодушнымъ видомъ, а между тѣмъ тутъ собраны были богатства, не поддающіяся исчисленію.

Бѣлые рабочіе живутъ въ Кенильвортѣ, представляющемъ рѣзкій контрастъ съ обителью чернокожихъ, заключенныхъ въ свой «Compound». Кенильвортъ—это селеніе рудокоповъ и можетъ быть смѣло названо оазисомъ въ пустынѣ. Сесиль Родсъ, выстроившій это селеніе, говоритъ, что мысль о его устройствѣ внушилъ романъ Золя «Germinal», такъ какъ, прочтя его, онъ проникся мыслью о необходимости доставить своимъ рудокопамъ такія жилища, гдѣ бы они могли найти необходимый домашній комфортъ и отдохнуть послѣ работы. Кенильвортъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ. Это прелестная деревушка, гдѣ вмѣсто улицъ устроены тѣнистыя тихія аллеи и домики напоминаютъ хорошенькія дачи. Она находится на разстояніи полумили отъ Кимберлея и соединяется съ копями трамваемъ. Всѣ улицы сводятся къ центру деревни, гдѣ находится зданіе клуба. Въ этомъ клубѣ рудокопы могутъ найти все, что нужно для ихъ комфорта и развлеченія, прекрасную библіотеку, читальню, бильярдную и даже ресторанъ, гдѣ они получаютъ обѣдъ за 25 шиллинговъ въ недѣлю. Вокругъ клуба разбитъ прекрасный садъ. Плата за помѣщеніе невысока, а поэтому рудокопы при высокой заработной платѣ могутъ дѣлать сбереженія. Такимъ образомъ, положеніе черныхъ и бѣлыхъ рабочихъ въ копяхъ Кимберлея діаметрально противоположное, и чернокожіе находятся почти на положеніи рабовъ. Но Сесиль Родсъ, который неограниченно властвуетъ въ Кимберлеѣ, отвлекаетъ взоры отъ такой возмутительной эксплоатація безотвѣтныхъ чернокожихъ тѣмъ, что не жалѣетъ денегъ на украшеніе и благоустройство города и всячески старается позолотить оковы, которыя компанія де Бирсъ налагаетъ на всѣхъ своихъ служащихъ.

Морицъ Іокай на праздникѣ венгерскихъ журналистовъ. Будапештскій ферейнъ журналистовъ устроилъ банкетъ въ память состоявшагося въ мартѣ 1848 года освобожденія печати. На этомъ банкетѣ присутствовалъ министръ-президентъ и другіе министры и государственные дѣятели, а также представители міра науки, искусства, литературы и т. д. Во главѣ участвовавшихъ находился и Морицъ Іокай, необыкновенно бодрый, несмотря на свой почтенный возрастъ. Онъ сказалъ слѣдующую рѣчь, которая привела въ восхищеніе всѣхъ слушателей и вызвала восторженные аплодисменты.

«Дорогіе друзья и не менѣе дорогіе враги! Поднимая свой бокалъ въ память знаменитаго дня, я долженъ, прежде всего, попросить извиненія у васъ, работниковъ печати, въ томъ, что я нѣкогда громогласно провозгласилъ свободу печати. Какое идиллическое существованіе вели редакторы венгерскихъ газетъ со всѣми своими сотрудниками во времена блаженной памяти цензуры. Редакторъ, издатель и типографщикъ были связаны между собою строгимъ договоромъ, по условію котораго редакторъ обязывался не позже восьми часовъ вечера отсылать въ типографію послѣднюю рукопись, типографщикъ же со своей стороны долженъ былъ представить готовый номеръ корректуры не позже девяти, и въ 10 часовъ экземпляръ номера газеты долженъ былъ находиться уже въ цензурномъ отдѣленіи полицейскаго управленія. Полицейскій комиссаръ обязанъ былъ къ 11 часамъ уже обозначить краснымъ карандашемъ всѣ статьи, появленіе которыхъ онъ считаетъ опаснымъ. Сдѣлавъ это, полицейскій комиссаръ отправлялся въ типографію и тамъ указывалъ метранпажу, какія статьи должны быть выброшены. У метранпажа всегда были въ запасѣ на этотъ случай разныя резервныя статьи, которыя нашли названіе «нейтрализирующихъ». И вотъ полицейскій комиссаръ вмѣстѣ съ метранпажемъ принимался вымѣрять статьи, чтобы найти подходящія по длинѣ, которыя могли бы замѣнить выпущенныя статьи. На этомъ работа кончалась и номеръ могъ спокойно печататься. Въ половинѣ двѣнадцатаго редакторъ, сотрудники, корректоръ и наборщики могли спать сномъ праведныхъ. Утромъ редакторъ обыкновенно съ большимъ любопытствомъ развертывалъ номеръ своей газеты, чтобы посмотрѣть, что въ немъ заключается. Случалось, что онъ бывалъ немало удивленъ, найдя вмѣсто статьи о сеймѣ статью о какомъ-нибудь новомъ вулканѣ, или же, на мѣстѣ нападокъ на интендантское вѣдомство, увидя статью о «трехцвѣтномъ котѣ», а на мѣстѣ рѣзкой критики новаго государственнаго займа— весьма ученое изслѣдованіе объ употребленіи буквы «С». Но все-таки работа его была спокойна. Съ телеграммами ему не надо было возиться. Провинціальные же корреспонденты сообщали ему о событіяхъ въ комитатѣ и танцовальныхъ празднествахъ. Ничего, слѣдовательно, не было неосторожнаго въ его работѣ. О вѣскихъ же событіяхъ 13-го марта газеты сообщили своимъ читателямъ только черезъ три дня!

«И вотъ я явился непосредственнымъ виновникомъ той перемѣны, которая произошла въ этомъ идиллическомъ существованіи венгерскихъ журналистовъ. Теперь въ восемь часовъ вечера, въ тотъ часъ, когда прежній редакторъ вытиралъ свое перо объ свои волосы, нынѣшній журналистъ только начинаетъ свою работу. Главный редакторъ, положивъ компрессъ на голову, садится писать руководящую статью о новыхъ фазахъ современной политики. Онъ тлько что вернулся домой изъ клуба, гдѣ онъ совѣщался съ вожаками партіи и депутатами, такъ что теперь онъ уже совершенно оріентировался въ лабиринтѣ современнаго положенія. Парламентскій репортеръ старается согласовать свои личныя впечатлѣнія со стенографическимъ отчетомъ. Иностранный политикъ погружается въ чтеніе французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ, а судебный репортеръ описываетъ драму, которая разыгралась въ судѣ. Въ полночь приходятъ телеграммы со всѣхъ концовъ міра и ихъ надо быстро рас-

предѣлить и назначить, какимъ набирать шрифтомъ. А въ это время корректора уже сѣли за свою работу и стараются о томъ, чтобы не было недостатка въ курьезныхъ опечаткахъ.

«Ну а теперь, какую массу знаній и способностей долженъ соединять въ себѣ современный журналистъ! Онъ долженъ быть: земледѣльцемъ, огородникомъ, сельскимъ хозяиномъ, виноградаремъ, рудокопомъ, морякомъ. Въ то же время журналистъ долженъ быть также проповѣдникомъ и поэтомъ, протекторомъ, меценатомъ, сборщикомъ на благотворительныя цѣли, другомъ человѣчества, покровителемъ дѣтей, посредникомъ и привратникомъ, дипломатомъ, адвокатомъ, судьей, народнымъ трибуномъ и т. д., и т. д. до безконечности!»

Перечисливъ все то, чѣмъ долженъ быть журналистъ въ настоящее время, и всѣ качества и знанія, которыми онъ долженъ обладать, Морицъ Іокай прибавилъ: «главныя качества, которыми теперь долженъ обладать венгерскій журналистъ, я приберегъ къ концу. Журналистъ долженъ быть самымъ энергичнымъ и смѣлымъ агитаторомъ во время выборовъ. Онъ долженъ также знать и понимать политику... впрочемъ это необязательно. Такъ много, много тяжестей обрушилось на журналистовъ со времени освобожденія печати! И я могу считать себя интеллектуальнымъ творцомъ этого бремени, которое легло на плечи журналистовъ. Мнѣ остается только пожелать, чтобы у васъ хватило силъ справиться со всѣми эти трудными задачами. Да здравствуютъ же венгерскіе журналисты!»

Мормонскій вопросъ въ американскомъ конгрессѣ и дѣло Карнеджи. Вашингтонскій конгрессъ весьма рѣдко рѣшается объявить выборы недѣйствительными, но если онъ прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ, то всегда обставляетъ ее очень торжественнымъ образомъ. Недавно пришлось это испытать на себѣ Брагаму Робертсу, адвокату и мормону, избранному депутатомъ Уты большинствомъ 5.665 голосовъ.

Брагамъ Робертсъ, вмѣстѣ съ прочими вновь избранными депутатами, явился принести присягу конституціи въ засѣданіе конгресса и когда до него дошла очередь, то вдругъ другой депутатъ, Тапперъ, всталъ съ своего мѣста и торжественно объявилъ, что онъ протестуетъ противъ допущенія къ присягѣ «джентльмена изъ Уты» на томъ основаніи, что въ бюро палаты уже внесена петиція, требующая его немедленнаго исключенія. Президентъ, выслушавъ депутата Таппера, предложилъ «джентльмену изъ Уты» удалиться на свое мѣсто до тѣхъ поръ, пока не будетъ разсмотрѣно его дѣло.

Послѣ довольно жаркихъ преній было, наконецъ, рѣшено назначить комиссію изъ девяти членовъ для пересмотра обвиненій, заключавшихся въ петиціи. Комиссія принялась за дѣло очень энергично и разслѣдовала его самымъ тщательнымъ образомъ. Слѣдствіе продолжалось полтора мѣсяца, причемъ комиссія допросила множество свидѣтелей мужского и женскаго пола. Всѣ эти свидѣтели подтвердили фактъ принадлежности Брагама Робертса къ мормонской церкви. Робертсъ—уроженецъ Англіи, но давно уже пріѣхалъ въ Уту и благодаря своему трудолюбію и своимъ качествамъ, а также своему ораторскому таланту, онъ скоро пріобрѣлъ популярность среди своихъ единомышленниковъ. Съ 1885 года онъ жилъ съ двумя женами и имѣлъ отъ нихъ двѣнадцать дѣтей. Въ 1889 году его приговорили за это къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ. Но отсидѣвъ свой срокъ, онъ женился на третьей и въ 1898 г. былъ избранъ депутатомъ. Такимъ образомъ, онъ былъ въ глазахъ палаты рецидивистомъ, нарушителемъ законовъ страны и поэтому, какъ только избиратели Уты выбрали его своимъ депутатомъ, то немедленно началась агитація противъ него, выразившаяся въ предъявленіи петицій. Вашингтонскій конгрессъ, конечно, ни минуты не колебался относительно того, что Робертсъ

не можетъ быть депутатомъ, но нужно было все-таки выполнить процедуру исключенія болѣе или менѣе законнымъ образомъ, такъ какъ Робертсъ былъ правильно избранъ и законы конституціи не предусматривали подобнаго случая. Пренія по этому вопросу продолжались цѣлыхъ три дня. Публика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за развитіемъ преній и нѣсколько разъ производила шумныя демонстраціи. Двадцать одинъ ораторъ произнесли рѣчи и между прочимъ, самъ Робертсъ говорилъ въ защиту своихъ правъ и воззрѣній, вызвавъ восторженные аплодисменты своихъ защитниковъ и свистки противоположной партіи. Успѣхъ имѣла рѣчь президента палаты, который перечислилъ сначала всѣ авторитеты, осуждавшіе мормонство, и, опираясь на нихъ, требовалъ исключенія Робертса. Другой молодой депутатъ изъ Индіаны перечислилъ въ своей рѣчи всѣ случаи многоженства среди выдающихся гражданъ Уты, обязавшихся, однако, соблюдать подписанный ими договоръ. «Директоръ сельскохозяйственной коллегіи въ Логанѣ—многоженецъ, — заявилъ ораторъ,—и открыто живетъ съ тремя женами. Администраторъ этой школы имѣетъ семь женъ и 39 дѣтей. Разныя другія лица изъ выдающихся мормонскихъ дѣятелей также слѣдуютъ этому постановленію. Лоренцо Сноу, президентъ совѣта мормонской церкви, сорокъ лѣтъ тому назадъ женился сразу на двухъ, а когда старшая изъ нихъ умерла, то онъ послѣдовательно женился на семерыхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ я ихъ называю: Сара, Генріета, Элеонора, Марія, Фебе, Минна и Каролина. Не думаю, чтобы гг. депутаты находили пріятнымъ сидѣть за столомъ въ кругу такой огромной семьи!»

Это неожиданное обращеніе вызвало громкій смѣхъ въ палатѣ. Тогда выступилъ Робертсъ и началъ говорить въ защиту своихъ мормонскихъ воззрѣній чрезвычайно краснорѣчиво, цитируя священное писаніе, Лютера и др. Онъ говорилъ долго и казалось убѣжденіе депутатовъ готово было поколебаться. но отвращеніе къ полигаміи у почтенныхъ гражданъ взяло все-таки верхъ и, въ концѣ концовъ, палата высказалась большинствомъ 268 голосовъ противъ 50-ти въ пользу исключенія Робертса.

Пренія по поводу Робертса отвлекли на время вниманіе амерканскаго общественнаго мнѣнія отъ сенсаціоннаго процесса, который будетъ разбираться въ нью-іоркскомъ судѣ. Процессъ интересенъ только личностью героя, архимилліонера Карнеджи, которому его управители предъявили иски въ нѣсколько милліоновъ.

Пять лѣтъ тому назадъ въ Нью Іоркѣ разсказывали довольно странныя исторіи про этого богача, который носитъ названіе «стального короля». У этого стального короля произошло столкновеніе съ рабочими въ Питтсбургѣ и такъ какъ правительство не оказало ему помощи, то онъ обратился къ поставщикамъ съ предложеніемъ организовать для него армію. У одного изъ этихъ поставщиковъ, Пинкертона, изъ Чикаго оказалась готовая армія. Однако, это не испугало рабочихъ и они рѣшили оказать этой арміи въ полномъ смыслѣ этого слова «жаркій пріемъ». Они вылили въ рѣчку всѣ запасы керосина, какіе только имѣлись на сосѣднихъ фабрикахъ и подожгли. Рѣка запылала. Въ концѣ концовъ, однако, рабочіе уступили и состоялось примиреніе, послѣ котораго Карнеджи вдругъ круто измѣнился.

Карнеджи началъ свою жизненную карьеру, какъ подмастерье, на ткацкой фабрикѣ. Ему было одиннадцать лѣтъ, когда онъ зарабатывалъ 6 ф. 25 сантимовъ въ недѣлю. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ уже владѣлъ состояніемъ болѣе чѣмъ въ одинъ милліардъ и въ день получалъ дохода 150.000 фр. У него работаетъ 20.000 рабочихъ и служащихъ и онъ выдаетъ ежегодно сто милліоновъ на жалованье служащимъ и заработную плату. Послѣ своего знаменитаго столкновенія съ рабочими, Карнеджи началъ выказывать особенное вниманіе къ судьбѣ беднѣйшихъ классовъ и пришелъ къ убѣжденію, что для

*

борьбы съ порокомъ и невѣжествомъ необходимы такія учрежденія, гдѣ бы рабочіе могли одновременно находить и здоровыя развлеченія, и интеллектуальную пищу. Идея народныхъ университетовъ и безплатныхъ библіотекъ особенно понравилась ему и онъ началъ щедро сыпать деньгами на ихъ устройство, такъ что менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ истратилъ на это дѣло не болѣе, не менѣе какъ 80 милліоновъ. Въ Эдинбургѣ находится народный университетъ, выстроенный на пожертвованные Карнеджи деньги.

Въ настоящее время онъ открыто проповѣдуетъ, что гигантскія состоянія, скопившіяся въ однѣхъ рукахъ, могутъ считаться лишь наполовину законными. Только въ самомъ началѣ человѣкъ дѣлаетъ усиліе, чтобы пріобрѣсти состояніе, но если ему удалось это, то затѣмъ онъ можетъ уже не заботиться о дальнѣйшемъ накопленіи богатства, оно совершается уже само собой и доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Карнеджи не считаетъ богатство, достигшее такихъ колоссальныхъ размѣровъ, вознагражденіемъ за труды и находитъ его вреднымъ, такъ какъ оно можетъ служить орудіемъ экономической тиранніи, притомъ самымъ ужаснымъ и дѣйствительнымъ. Постепенно Карнеджи пришелъ къ убѣжденію, что богатство надо тратить какъ можно скорѣе и поставилъ аксіомой, что «человѣкъ, умирающій богачомъ, умираетъ обезчещеннымъ». Поэтому онъ рѣшилъ непремѣнно истратить свой милліардъ раньше и теперь всячески старается сдѣлать это.

Конечно, такіе взгляды у милліонера, тѣмъ болѣе такого, какъ Карнеджи, вызвали волненіе въ мірѣ доллара. Такая ересь показалась опасной другимъ милліонерамъ. Искъ, предъявленный управителемъ Карнеджи, вызванъ этими же соображеніями. Управитель Фрискъ, человѣкъ крайне суровый, рѣшилъ спасти для себя нѣсколько милліоновъ и наложить узду на расточительность своего патрона, съ которымъ у него уже не разъ происходили столкновенія изъ-за его «безумныхъ» тратъ на разныя учрежденія, въ родѣ народныхъ дворцовъ и т. д.

Но Карнеджи этимъ не смущается и продолжаетъ тратить свои милліоны, зато рабочіе, готовые прежде утопить его въ огненной рѣкѣ, теперь сами пойдутъ за него въ огонь и воду.

Американское общество чрезвычайно заинтересовано этимъ процессомъ и ожидаетъ любопытныхъ разоблаченій относительно того, какъ наживаются и администрируются колоссальныя богатства въ Америкѣ.

Нѣмецкій критикъ о Толстомъ. «Наступитъ, навѣрное, время, когда вопросъ о тенденціозности въ искусствѣ перестанетъ быть спорнымъ. По отношенію къ выдающимся художникамъ эти споры уже теперь потеряли смыслъ: они выше ихъ,—и къ такимъ художникамъ принадлежитъ Толстой. Правда, часто приходится слышать мнѣніе, что со времени переворота въ его идеяхъ Толстой сталъ слабѣе какъ художникъ. Но едва ли такое мнѣніе основательно. Меньше всего оно подтверждается послѣднимъ произведеніемъ маститаго писателя, тенденціознымъ до non plus ultra». Такимъ замѣчаніемъ начинаетъ свой разборъ «Воскресенія» нѣмецкій критикъ Mathias Acher въ вѣнскомъ журналѣ «Die Zeit». По его мнѣнію, неправда, будто художественная сила Толстого ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ усилился его этицизмъ. «Воскресеніе» самымъ блестящимъ образомъ доказываетъ обратное. Если общее мнѣніе о Толстомъ, дѣйствительно, нуждается въ поправкѣ, то отнюдь не по вопросу о его творческомъ талантѣ, а по отношенію къ его этическимъ взглядамъ. Въ «Воскресеньѣ» Толстой хочетъ намъ показать, какъ мертвые (погруженные въ «мірскую жизнь») воскресаютъ, въ лицѣ Нехлюдова,—для того, что Толстой считаетъ истинной жизнью. Но въ дѣйствительности передъ нами воскресаетъ только одинъ такой мертвый, между тѣмъ какъ все остальное общество не обнаруживаетъ никакихъ при-

знаковъ возрожденія. Этимъ Толстой невольно обнаруживаетъ слабую сторону своей этики. Она основана у него на отдѣльной личности, которая провозглашаетъ эту этику во имя собственной непогрѣшимости или непогрѣшимости преданія. Чуждый величайшимъ пріобрѣтеніямъ современной мысли: идеѣ развитія и идеѣ монизма,—единства во множественности, Толстой утрачиваетъ всякое чувство соприкосновенія съ общимъ и цѣлымъ. Мелкіе враги современнаго міровоззрѣнія опираются на консервативные инстинкты толпы. Толстой напротивъ, не хочетъ считаться ни съ какими существующими инстинктами. Стремясь «улучшить міръ», онъ старается обратить его къ новой жизни, которая, въ лучшемъ случаѣ, можетъ получиться какъ результатъ долгаго развитія; а Толстой изображаетъ эту жизнь, какъ своего рода «естественное состояніе». Онъ всѣми силами призываетъ наступленіе этого естественнаго состоянія, какъ бы не сознавая того, что никогда разрѣшеніе путаницы, внесенной въ жизнь культурой, не можетъ получиться путемъ *возвращенія* къ примитивному, а лишь путемъ *усовершенствованія* сложнаго. Какъ различно смотритъ, напр., Ибсенъ на тотъ же вопросъ! И онъ тоже, какъ Толстой, не желаетъ апеллировать къ консервативнымъ инстинктамъ толпы; но зато онъ въ ней же старается найти элементы прогресса. Его «облагороженные люди» часто не существуютъ въ дѣйствительности, но, по крайней мѣрѣ, они возможны въ будущемъ. Возьмемъ, напр., его послѣднее произведеніе. «Когда мы мертвые воскресаемъ»: тамъ уничтожается самое понятіе прелюбодѣянія тѣмъ, что устраняется изъ него всякая фривольность, всякая утайка и обманъ. Подобныя понятія могутъ развиться въ жизни; начало такому развитію уже и положено. Толстой, напротивъ, съ полной серьезностью провозглашаетъ: «всякій, кто посмотритъ на *свою* жену съ вожделѣніемъ, уже нарушилъ бракъ». Противъ такого нарушенія брака онъ борется тѣмъ, что громитъ «животную» любовь. Его Нехлюдовъ, собирающійся, несмотря на физическое и нравственное отвращеніе, жениться на Катюшѣ, чтобы искупить свою вину передъ ней, самъ по себѣ, можетъ быть и есть настоящій человѣкъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, не таковъ съ точки зрѣнія будущаго общества. А именно такимъ человѣкомъ будущаго онъ долженъ былъ бы быть, чтобы мы могли говорить объ этической геніальности Толстого. Откуда же, однако, міровая слава толстовской этики? Она основывается, несомнѣнно, не столько на ея положительномъ содержаніи, сколько на присущей ей критической силѣ. Въ этомъ отношеніи Толстой богаче Ибсена. Его эпическія описанія, его драматическія изображенія душевныхъ состояній, особенно его сцены въ судѣ и въ тюрьмѣ, обнаруживаютъ невѣроятную силу проницательности, съ которой Толстой подкапываетъ наши насквозь прогнившіе общественные порядки. Онъ—не открыватель новыхъ путей въ этикѣ, но пророкъ, потрясающій сердца, неумолимый въ своихъ предостереженіяхъ и порицаніяхъ. Притомъ, онъ проявляетъ свою пророческую силу въ формѣ великихъ художественныхъ произведеній: простое краснорѣчіе было бы слишкомъ слабо, чтобы взволновать совѣсть притупившуюся современнаго человѣка. Своимъ богословскимъ трактатомъ «Въ чемъ моя вѣра» Толстой ничего не могъ добиться, а своей «Крейцеровой сонатой» или, теперь, своимъ «Воскресеніемъ» онъ глубоко взволновалъ весь цивилизованный міръ, а это, въ концѣ концовъ,—тоже великая *этическая* заслуга.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Forum». — Fortnightly Review» — «Contemporary Review» — «Nuova Antologia» — «Revue des Revus»—«Nineteenth Century».

Въ Парижѣ и въ другихъ городахъ Франціи основаны нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ народные университеты. Въ Англіи университетское движеніе вступило на новый путь съ открытіемъ въ Оксфордѣ рабочей коллегіи, основанной послѣдователями Рёскина. Въ Соединенныхъ Штатахъ также обнаруживается новое движеніе, выразившееся въ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ университетовъ. «Forum» сообщаетъ нѣкоторыя подробности происхожденія этого предпріятія. Сельско-хозяйственный департаментъ (министерство земледѣлія) давно уже заботится о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ странѣ. Ежегодно печатаются до 500 разныхъ брошюръ и листковъ въ семи милліонахъ экземпляровъ и распредѣляются даромъ по всей странѣ. Кромѣ этого печатается иллюстрированный ежегодникъ въ 500.000 экземпляровъ и продается по самой ничтожной цѣнѣ. Этотъ ежегодникъ представляетъ настоящую сельскохозяйственную энциклопедію, составляемую спеціалистами и притомъ такимъ образомъ, что даже люди, получившіе только первоначальное образованіе, могутъ пользоваться ею безъ всякихъ затрудненій. Экспериментальныя станціи, числомъ 56, разсѣяны теперь по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, включая Аляску и Гаванскіе острова. Въ извѣстное время станціи эти становятся странствующими и переселяются со всѣмъ персоналомъ и со всѣми пособіями туда, гдѣ оказывается нужда въ просвѣщенной помощи и гдѣ сельское хозяйство находится въ плохомъ состояніи. Станція доставляетъ сѣмена и удобреніе и, если нужно, усовершенствованныя орудія, а фермеры съ своей стороны предоставляютъ въ распоряженіе станціи землю и рабочія руки и тогда уже совмѣстно приступаютъ къ опытамъ улучшенія культуры хлѣбныхъ растеній, плодовыхъ деревьевъ, луговыхъ травъ и т. д. Однимъ словомъ, возникаетъ нѣчто вродѣ кооперативнаго обученія.

Само собою разумѣется, что персоналъ станціи пользуется такими перемѣщеніями для организаціи въ сельскихъ округахъ публичныхъ чтеній по различнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства, гигіены, метеорологіи и т. п. Бываетъ, что при этомъ составляется программа чтеній на зимній сезонъ и фермеры завязываютъ сношенія съ странствующими библіотеками, чтобы пополнить свои свѣдѣнія по сельскому хозяйству. Такимъ образомъ, благодаря этимъ переѣзжающимъ съ мѣста на мѣсто экспериментальнымъ станціямъ образовались такъ называемыя «Adult Farmer's Schools»—это настоящіе полевые народные университеты. Такихъ университетовъ насчитывается уже около сотни въ одномъ только штатѣ Индіана и число слушателей достигаетъ уже 25.000. Въ Миннезотѣ основано 120 сельско-хозяйственныхъ народныхъ университетовъ съ 50.000 слушателей. Въ тридцати штатахъ уже есть такіе университеты и пальма первенства принадлежитъ Мичигану, гдѣ число слушателей достигло 120.000 Ожидаютъ очень благопріятныхъ результатовъ для земледѣльческой промышленности страны отъ этого новаго движенія, возбудившаго интересъ къ сельскому хозяйству.

Профессоръ Гейльпринъ (Angelo Heilprin) говоритъ о недостаткахъ университетскаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ и о необходимости коренной реформы. По его мнѣнію университетъ, вмѣсто того чтобы удерживать свой чисто національный характеръ, долженъ пріобрѣсти международныя черты. Для достиженія этой цѣли необходимо прибѣгнуть къ коопераціи другихъ націй. Повидимому, нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы проходить трехлѣтній или четырехлѣтній курсъ въ атмосферѣ одного и того же города или страны.

Никто не станетъ оспаривать, что если этотъ же самый срокъ употребить на ученіе въ разныхъ странахъ, то результаты получатся гораздо болѣе благотворны. Восемь мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Германіи для изученія нѣмецкаго языка, страны и народа, его исторіи, литературы, искусства и промышленности, за которыми слѣдовало бы пребываніе съ тою же цѣлью въ другихъ государствахъ, не могутъ не принести громадной пользы. Римъ, изучаемый съ высоты форума, конечно иной, чѣмъ тотъ, который мы изучаемъ по нашимъ учебникамъ. То же самое можно сказать о швейцарскихъ ледникахъ, дѣйствующихъ вулканахъ въ Неаполѣ и т. д. Авторъ статьи особенно настаиваетъ на преимуществахъ въ дѣлѣ воспитанія такъ называемой «travelling system», существующей въ германскихъ университетахъ и высказываетъ предположеніе, что эта система можетъ быть введена въ американскихъ университетахъ безъ особенныхъ затрудненій. О профессіональныхъ курсахъ тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ для нихъ существуютъ спеціальныя высшія школы, и авторъ имѣетъ въ виду лишь университеты, курсъ которыхъ не имѣетъ спеціальнаго характера, а только общеобразовательный. Пополнивъ свое образованіе въ разныхъ странахъ, студентъ проводитъ въ своемъ родномъ университетѣ послѣдній годъ или вообще то время, которое ему нужно для пріобрѣтенія остальныхъ знаній, входящихъ въ програму университетскаго курса.

Трансваальская распря, конечно, не забыта въ «Forum». Въ послѣднемъ номерѣ этого журнала напечатана статья, авторъ которой стремится разобрать, кто правъ и кто виноватъ въ этомъ спорѣ. Авторъ предваряетъ, что составилъ свое сужденіе о немъ не по книгамъ и журнальнымъ статьямъ, а на мѣстѣ, т.-е. въ Трансваалѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. Воздавая должное бурамъ и стараясь быть справедливымъ, авторъ все-таки дѣлаетъ выводъ, что буры сражаются за расовое господство, порабощеніе промышленности, за сохраненіе такихъ соціальныхъ условій, которыя могутъ быть названы полуцивилизаціей. Англичане же хотятъ только, чтобы британскіе подданные въ Трансваалѣ пользовались такими же правами, какими пользуются всѣ бѣлые иностранцы въ каждой части британской имперіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Англія,—утверждаетъ авторъ,—борется за цивилизацію. Никто на свѣтѣ не цѣнитъ свободу выше буровъ, но они требуютъ для себя монополію въ этомъ отношеніи и отрицаютъ свободу для другихъ. Несмотря на свою благородную храбрость, на безстрашіе, буры все-таки не правы и американцы должны скорѣе сочувствовать англичанамъ, такъ какъ они сражаются за идеи, болѣе дорогія американскому сердцу, за которыя, при аналогичныхъ условіяхъ, каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ готовъ былъ бы взяться за оружіе.

Авторъ предсказываетъ, что конечнымъ результатомъ будетъ то, что буры получатъ большую свободу и лучшее правительство, чѣмъ ихъ собственная олигархія. Права всѣхъ людей, бѣлыхъ и черныхъ, будутъ охраняться лучше, чѣмъ это было до сихъ поръ въ южной Африкѣ. Однимъ словомъ, по предсказанію автора, наступитъ послѣ войны золотой вѣкъ для южной Африки, но онъ забываетъ, повидимому, что дорога къ этому вѣку ведетъ по колѣна въ крови.

«Правда о Рёскинѣ»,—такъ называется статья «Fortnightly Review»,—авторъ которой самымъ безпощаднымъ образомъ критикуетъ дѣятельность и произведенія англійскаго писателя. Правда, которую открылъ авторъ, заключается въ томъ, что Рёскинъ, въ теченіе всей своей долгой жизни, не зналъ, чего хотѣлъ, за исключеніемъ одного только пункта, да и то, чего онъ тутъ добивался, было безуміемъ. Всѣ его произведенія состоятъ изъ однѣхъ только противорѣчій; онъ не только никакъ не можетъ согласовать все, что имъ сказано въ этихъ томахъ, но на каждой страницѣ поддерживаетъ те-

зисъ, уничтожающій предшествующій. Но больше всего обрушивается авторъ на Рёскина за его ненависть къ желѣзнымъ дорогамъ. Въ этомъ отношеніи Рёскинъ никогда не мѣнялся. Эта ненависть возмущаетъ автора и онъ доказываетъ, что надо не только воздавать должное желѣзнымъ дорогамъ, но и восхищаться тою новою красотою, которую онѣ ввели въ жизнь. «Если даже желѣзныя дороги испортили прелесть нѣкоторыхъ пейзажей,—говоритъ авторъ,—то это, во всякомъ случаѣ, незначительный ущербъ въ сравненіи съ тѣми услугами, которыя онѣ оказываютъ прогрессу и счастью человѣчества. Да и ущербъ, нанесенный желѣзными дорогами красотѣ пейзажа, весьма преувеличенъ. Поѣздъ, проносящійся по рельсамъ, прибавляетъ живописный элементъ къ окружающимъ видамъ природы»... Авторъ восторгается віадуками, желѣзнодорожными мостами и т. д. и говоритъ, что они составятъ славу нашего столѣтія, такъ же какъ великолѣпные соборы, выстроенные въ XIII вѣкѣ, составили славу этого вѣка.

Статья эта вызвала полемику въ англійской печати, такъ какъ никто еще не говорилъ подобной «правды о Рёскинѣ», и теперь, послѣ его смерти, въ англійскомъ обществѣ возникло еще большее стремленіе изучать его творенія и восторгаться ими, доказательствомъ чему служитъ недавнее открытіе лиги Рёскина и ея успѣхи, такъ какъ число членовъ этой лиги необыкновенно быстро возрастаетъ.

Юлія Веджвудъ сообщаетъ въ «Contemporary Review» свои личныя воспоминанія о Джонѣ Рёскинѣ, съ которымъ она еще дѣвочкой познакомилась 50 лѣтъ тому назадъ и къ горячимъ поклонницамъ котораго всегда принадлежала. «Съ именемъ Рёскина, — такъ начинаетъ она свою статью, — соединяется представленіе о столь различныхъ сферахъ духовной дѣятельности, что иногда кажется, будто почитатели Рёскина поклоняются не одному и тому же человѣку, а нѣсколькимъ различнымъ. Конечно, высокіе идеалы, неустанная энергія, безкорыстная преданность ближнему,—все это такія черты, которыя проходятъ красной нитью черезъ всѣ области дѣятельности Рёскина; но судить о сравнительныхъ заслугахъ Рёскина въ той или другой отдѣльной области—часто значитъ характеризовать не его, а себя». Рискуя подвергнуться тому же упреку, авторъ высказываетъ мнѣніе, что «самый ранній періодъ развитія генія Рёскина былъ и самый блестящій». «Когда Рёскинъ говоритъ о природѣ и искусствѣ, онъ кажется мнѣ точно вдохновеннымъ свыше. Когда онъ переходитъ къ финансамъ, политикѣ, соціальному переустройству, законодательнымъ мѣропріятіямъ, я не вижу у него ни трезвости сужденія, ни глубины убѣжденія. Тяжело признать, что въ дальнѣйшихъ фазисахъ своего развитія Рёскинъ опускается на низшую ступень; но фактъ этотъ надо считать несомнѣннымъ». Обращаясь, затѣмъ, къ блестящему началу дѣятельности Рёскина, авторъ ставитъ въ связь это начало съ настроеніемъ тогдашней англійской интеллигенціи. Только что передъ тѣмъ прогремѣлъ богословъ Ньюманъ, положившій начало возрожденію Высокой Церкви. Но римско-католическія тенденціи этого возрожденія уже успѣли достаточно опредѣлиться; самъ Ньюманъ перешелъ въ католицизмъ, и за нимъ пошли многіе его послѣдователи. Такимъ образомъ движеніе вылилось въ опредѣленное русло и пошло на убыль. На смѣну Ньюману не явилось еще ни одного изъ тѣхъ именъ, около которыхъ нѣсколько позднѣе сосредоточилось преклоненіе и споры публики. Не было еще слышно ни о Джорджѣ Эллiотѣ, ни о Гербертѣ Спенсерѣ ни о Мэтью Арнольдѣ; Дарвинъ былъ извѣстенъ только какъ авторъ интересной книги о своемъ путешествіи; Теннисонъ, какъ сочинитель нѣсколькихъ недурныхъ лирическихъ пьесъ. «Оставался какой-то пробѣлъ, для заполненія котораго Рёскинъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ». Несмотря на полное несход-

ство личностей и взглядовъ, авторъ считаетъ Рёскина въ извѣстномъ смыслѣ преемникомъ Ньюмана. «Онъ былъ, можно сказать, католикъ и протестантъ за-разъ». Протестантъ по рожденію и воспитанію, не чуждый вѣроисповѣдной узости, ненавидѣвшій Возрожденіе,—онъ былъ католикомъ по своему душевному складу, по своей склонности вкладывать въ вещи таинственный смыслъ, «говорить съ непосвященнымъ языкомъ притчъ»—языкомъ всѣхъ великихъ духовныхъ учителей. «Любитель искусства легко растеряется, если, созерцая какую-нибудь замѣчательную картину, прочтетъ при этомъ описаніе великаго критика: онъ тщетно будетъ стараться приложить описаніе къ тому, что онъ видитъ передъ глазами. Что критикъ нашелъ въ картинѣ готовымъ и что онъ внесъ въ нее самъ? По временамъ Рёскинъ самъ готовъ былъ усомниться въ себѣ. «Неужели Шекспиръ думалъ обо всемъ этомъ?»—спросилъ онъ какъ-то пріятеля, послѣ одной лекціи о Шекспирѣ.—«Ужъ во всякомъ случаѣ не меньше, а скорѣе больше насъ», отвѣчалъ тотъ.—«Да, вотъ и я то же полагалъ о Тернерѣ,—замѣтилъ грустно Рёскинъ,—но теперь я ужъ не знаю».—«Конечно, прибавляетъ авторъ,—эти колебанія учителя только сильнѣе оттѣняютъ неподдѣльность его пророческихъ откровеній.—«Рёскинъ для каждаго читателя былъ тѣмъ, чѣмъ служатъ очки для близорукихъ глазъ». Онъ открывалъ вновь предметы, которые казались давно знакомыми и извѣстными. Авторъ прибавляетъ, что личное вліяніе Рёскина было еще несравненно сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе его произведеній, хотя онъ не импонировалъ сразу, какъ Ньюманъ. Онъ становился ближе, непосредственнѣе къ душѣ собесѣдника, заставлялъ забыть о разстояніи между нимъ и собой. И самъ онъ былъ замѣчательно доступенъ всякому вліянію со стороны. А, главное, онъ жилъ своими убѣжденіями: можно спорить объ ихъ глубинѣ и послѣдовательности, но онъ и его идеи—это было одно.

Въ послѣдней книгѣ «Nuova Antologia» Цезарь Ломброзо посвящаетъ цѣлую статью велосипеду, разсматривая его съ криминологической точки зрѣнія. Вѣрный своей излюбленной теоріи, итальянскій ученый стремится опредѣлить роль, которую играетъ велосипедъ въ развитіи и распространеніи различныхъ видовъ преступленій въ Италіи. Всякій новый механизмъ, входящій въ обиходъ человѣческой жизни, говоритъ Ломброзо, увеличиваетъ цифру и причины какъ преступленій, такъ и безумія. Ломброзо при этомъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что и графофонъ, введенный теперь въ употребленіе, уже успѣлъ сдѣлаться «орудіемъ мщенія и клеветы». Но вліяніе велосипеда на преступность оказывается гораздо сильнѣе и притомъ настолько сильнымъ, что Ломброзо приписываетъ ему огромное число преступленій, воровства и даже убійства, совершенныя молодыми людьми изъ хорошаго круга. Конечно, Ломброзо торопится прибавить, что такое вліяніе велосипеда въ особенности сказывается у прирожденныхъ преступниковъ, и подкрѣпляетъ свои слова нѣсколькими примѣрами. Во всѣхъ приведенныхъ имъ случаяхъ покражи велосипеда существовали анамаліи въ развитіи черепа. Въ одномъ изъ цитируемыхъ имъ примѣровъ молодой человѣкъ, 19 лѣтъ, убилъ своего сосѣда, чтобы украсть у него деньги, нужныя ему для покупки велосипеда. «Это былъ красивый мальчикъ,—говоритъ Ломброзо,—съ огромнымъ черепомъ, притупленною болевою чувствительностью и съуженнымъ полемъ зрѣнія. У него также были признаки эпилепсіи. Мать его была истерична, одинъ изъ дядей самоубійца, а кузина его матери страдала эпилепсіей». Все это были, по мнѣнію Ломброзо, антецеденты, заставившіе его совершить преступленіе подъ вліяніемъ увлеченія спортомъ.

На этихъ примѣрахъ Ломброзо заканчиваетъ свое изученіе велосипеда, какъ «причины преступленія» и во второй главѣ уже изучаетъ велосипедъ какъ и «орудіе преступленія». Но и тутъ онъ снова говоритъ о молодыхъ людяхъ съ ненор-

мально развитымъ черепомъ, которые занимались продажей похищенныхъ велосипедовъ или купленныхъ въ кредитъ. Впрочемъ, тутъ среди героевъ попадаются военные или бывшіе военные, избѣгающіе преслѣдованія благодаря быстротѣ велосипеда. Затѣмъ Ломброзо, посвящаетъ главу мелкимъ преступленіямъ и псевдо-преступленіямъ. Читая эту главу, можно только удивляться способности почтеннаго ученаго отыскивать связь между фактами, повидимому, не имѣющими никакого отношенія другъ къ другу. Кромѣ того, статья эта указываетъ также на огромную изобрѣтательность автора и на обиліе темъ для подобныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ какъ вѣдь, такимъ образомъ, можно изучать съ криминологической точки зрѣнія всѣ предметы домашняго обихода и опредѣлить степень ихъ вліянія на развитіе преступныхъ наклонностей у человѣка!

Фицъ-Джеральдъ Марріотъ, изъ лондонскаго археологическаго института, сообщаетъ въ «Revue des Revues», интересныя свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ африканскихъ негровъ. Такихъ обществъ довольно много и они встрѣчаются у разныхъ африканскихъ племенъ. У племени Ибибіо, проживающаго въ области, лежащей на дорогѣ къ рѣкѣ Кива Ибо, существуютъ два тайныхъ общества; одно изъ нихъ называется Эгбо, другое—Идіонъ. Это послѣднее болѣе могущественное. Въ дѣйствительности тайну составляютъ только обряды посвященія и церемоніи, такъ какъ существованіе этихъ обществъ всѣмъ извѣстно и всѣ жители этой мѣстности смотрятъ на членовъ этого общества какъ на своихъ духовныхъ руководителей и защитниковъ противъ злыхъ духовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Африки бываютъ случаи, что мальчики десяти-четырнадцати лѣтъ вдругъ пропадаютъ. Это ихъ похитили старшины тайнаго общества, чтобы посвятить во всѣ его мистеріи. Мальчики остаются въ лѣсу, въ священномъ мѣстѣ и не показываются въ публикѣ. Если же они выходятъ изъ лѣса, то надѣваютъ для этого особый костюмъ, который тотчасъ же снимаютъ по возвращеніи въ лѣсъ. Лицо покрывается маской и эта маска представляетъ главный аттрибутъ тайной силы; тотъ, кто имѣетъ ее на лицѣ, узнаетъ тайны другихъ и ничто не можетъ скрыться отъ его проницательности, ни похищенные или потерянные предметы, ни факты, тщательно скрываемые отъ всѣхъ. Когда члены тайнаго общества выходятъ изъ лѣса, то они всѣ носятъ маски и подвигаются, танцуя. Женщинамъ воспрещено смотрѣть на нихъ, такъ какъ ношеніе маски внушаетъ такое же почтеніе, какое вѣрующіе питаютъ къ духамъ. Члены общества, чтобы усилить впечатлѣніе и таинственность, мѣняютъ голосъ, издаютъ особенные крики и чаще всего употребляютъ діалектъ, совершенно различный отъ того, на которомъ говоритъ племя.

Когда членъ тайнаго общества Эгбо пожелаетъ усилить свое вліяніе среди племени, то онъ вступаетъ въ Идіонъ. Для этого ему надо пройти всѣ стадіи посвященія. Когда онъ будетъ принятъ, то надѣваетъ на голову тонкій снурокъ. Это единственный внѣшній признакъ, отличающій Идіонъ отъ Эгбо. Члены обоихъ обществъ даютъ священное обѣщаніе никогда не воровать, не лгать, не измѣнять женамъ и вообще не совершать никакого дурного поступка. Обѣщанія эти выполняются самымъ священнымъ образомъ. Благодаря тому, что это тайное общество имѣетъ священный характеръ, члены его составляютъ высшій совѣтъ, пользующійся большою властью. Всѣ вопросы, политическіе и религіозные, рѣшаются ими, а также всѣ споры, возникающіе по какому бы то ни было поводу. Верховный глава тайнаго общества пользуется властью и авторитетомъ настоящаго короля и имѣетъ рѣшающій голосъ. Никто не смѣетъ оспаривать его рѣшенія. Если кто-нибудь изъ членовъ этого общества возьметъ подъ свое покровительство иностранца, то безопасность его вполнѣ обезпечена.

Эти тайныя общества оказываютъ племени услугу еще тѣмъ, что исполняютъ настоящія полицейскія обязанности, поддерживаютъ порядокъ, улажи-

ваютъ споры, однимъ словомъ, господствуютъ надъ племенемъ и руководятъ имъ не только посредствомъ страха, который они внушаютъ, но и посредствомъ почтенія. Такія общества можно найти какъ на берегахъ Нигера, такъ и на Невольничьемъ берегу. Они организованы такъ же правильно, какъ нѣкогда средневѣковые цехи въ Европѣ, и представляютъ настоящее политическое и судебное учрежденіе, стоящее на стражѣ туземныхъ обычаевъ. Они обладаютъ большимъ могуществомъ въ странѣ, потому что негры все-таки настолько цивилизованы, что умѣютъ повиноваться имъ безъ сопротивленія.

Миссъ Рамсденъ въ интересномъ очеркѣ «Современный мистицизмъ въ Скандинавіи» (The Mineteenth Century) знакомитъ насъ съ нѣсколькими типичными фигурами сѣверныхъ символистовъ и декадентовъ. «Мистицизмъ есть одна изъ формъ реакціоннаго движенія въ новѣйшей литературѣ. Утомившись реализмомъ и наскучивъ тенденціозными романами, читающая публика ищетъ отдохновенія въ старомъ —«измѣ», подъ новымъ видомъ. Прежній мистикъ былъ пророкомъ и ясновидящимъ, современный—не претендуетъ на свыше ниспосланный даръ, но продолжаетъ считать свои ощущенія особенными, не похожими на ощущенія обыкновенныхъ людей. Первымъ, кто ввелъ мистицизмъ въ скандинавскую литературу, былъ матеріалистъ и дарвинистъ Якобсенъ. Онъ жилъ въ переходную эпоху, когда датская литература освобождалась отъ романтизма, но рисковала подпасть вліянію норвежской литературы, съ которой не могла конкурировать. Якобсенъ попробовалъ быть оригинальнымъ и сдѣлался главой цѣлой школы, которая сама оказала вліяніе на всю Скандинавію. Онъ еще слишкомъ реалистъ, чтобы сразу перейти въ мистицизмъ; но его глубокій пессимизмъ подготовляетъ почву для самаго характернаго явленія мистической литературы: для новокатолицизма. По его взгляду, «пѣсни сирены» (такъ и называется самое популярное сочиненіе Якобсена) звучатъ надъ бурнымъ житейскимъ моремъ, привлекая неосторожнаго пловца къ безднѣ: добро и красота есть только одинъ обманъ,—иллюзія, скрашивающая горькую истину.

Изъ новѣйшихъ послѣдователей мистическаго направленія въ Даніи—самый яркій Іоганнъ Іоргенсенъ. Въ противоположность Якобсену, онъ очень плодовитъ. За двѣнадцать лѣтъ писательской дѣятельности онъ издалъ пятнадцать томовъ своихъ произведеній и успѣлъ трижды перемѣнить направленіе. Онъ былъ пантеистомъ въ началѣ, потомъ сталъ новокатоликомъ и, наконецъ, перешелъ въ католицизмъ. *Синіе* выдающееся произведеніе перваго періода есть его «Древо жизни». Синіе тополи поднимаются вверхъ къ синему небу, окаймляя открытое поле; но съ этого поля тянетъ къ себѣ путника дремучій *зеленый* лѣсъ, въ самой глухой чащѣ котораго стоитъ страшное дерево жизни. Далеко сквозь туманъ свѣтитъ его бѣломраморный силуэтъ и блестятъ его кроваво-красные цвѣты. На чистомъ полѣ туманъ навѣваетъ на путника тоску и апатію и гонитъ его противъ воли къ страшному дереву, въ объятіяхъ котораго онъ погибаетъ. Іоргенсенъ не хочетъ погибнуть въ объятіяхъ жизни. Онъ «вѣчный жидъ», который бѣжитъ отъ счастья, потому что доступное ему счастье только помѣшаетъ стремиться къ идеалу. Счастье приходитъ къ нему въ образѣ «синей» дѣвушки, но онъ не беретъ счастья. «Я не для любви жилъ въ мірѣ. У меня были иные планы. Моя цѣль была—возвысить свое «я», насладиться въ самомъ себѣ... Всѣ чувства, все вниманіе къ другимъ я сжегъ на алтарѣ передъ священнымъ изображеніемъ моего «я», передъ идоломъ, который я называлъ своимъ искусствомъ». И онъ раскаялся въ своемъ языческомъ идолослуженіи. Онъ пересталъ быть жрецомъ Пана и греческихъ божествъ; онъ отправился въ странствіе по католическимъ монастырямъ Италіи и написалъ свою «Исповѣдь» и «Книгу странствій». Вечеромъ, когда далекія горы «синѣли» въ

лучаяхъ заходящаго солнца, мистическій міръ нисходилъ въ душу Джованни (переставшаго быть Іоганномъ). Но утромъ, при полномъ свѣтѣ солнца, снова вставали въ душѣ сомнѣнія, конца не было вопросамъ: «я сдѣлаюсь вольтеріанцемъ, если буду еще дольше думать объ этихъ вещахъ». Изъ страха сдѣлаться вольтеріанцемъ Іоргенсенъ бѣжалъ подъ защиту католической церкви и съ мужествомъ отчаянія писалъ на ея оградѣ: «оставь свой разумъ, всякъ сюда идущій». Онъ пишетъ теперь «Ложь жизни и правда жизни», рисуетъ ужасы «страшнаго суда», старается исправить грѣхъ своего «Древа жизни», выводя вновь самого себя, но исправленнаго.

Въ Норвегіи наиболѣе выдающимся послѣдователемъ того же направленія является Вильгельмъ Крагъ, въ Швеціи—писательница Сельма Лагерлевъ, въ короткое время пріобрѣтшая огромную репутацію. Но ни стихи перваго, ни проза послѣдней не поддаются короткой характеристикѣ.

Г. Гордонъ характеризуетъ съ англійской точки зрѣнія «Проблему средняго Востока», т.-е. русско-англійскія отношенія въ Афганистанѣ и Персіи. Задачей Англіи онъ считаетъ сохраненіе независимости Афганистана, какъ «нейтральнаго пояса» между Индіей и русскими среднеазіатскими владѣніями; задачей Россіи—раздѣлъ Афганистана и созданіе общей границы между обѣими великими державами. Полковникъ германскаго генеральнаго штаба Вартенбургъ утверждалъ въ своей лекціи, читанной въ декабрѣ въ берлинскомъ военномъ собраніи, что за оккупаціей Герата русскими, вѣроятно, послѣдуетъ оккупація Кандагара англичанами. Затѣмъ, дѣйствительная борьба будетъ вестись за обладаніе Кабуломъ. Военному столкновенію будетъ предшествовать дипломатическая борьба за союзъ съ эмиромъ. По мнѣнію автора, эмиръ за послѣдніе 15 лѣтъ убѣдился, что Англія не покушается на независимость Афганистана, а потому онъ, въ случаѣ занятія русскими Герата, впуститъ англичанъ въ Кандагаръ, какъ союзниковъ. Притомъ же, въ Кандагарѣ и Кабулѣ всѣ признаютъ, что Афганистанъ и Индія нуждаются другъ въ другѣ и что на Индію можно безопасно положиться. Англичане пожнутъ плоды своей добросовѣстности, съ которою въ 1880 г. они исполнили обязательство—очистить страну послѣ возстановленія правильнаго туземнаго правительства. Что касается предлога для занятія Герата, за этимъ дѣло не станетъ; военной трудности это дѣло тоже не представитъ. Послѣ занятія—Россія можетъ предложить эмиру вознаградить его изъ доходовъ Герата, которые тогда, несомнѣнно, увеличатся.

На удачу персидскаго займа авторъ вовсе не склоненъ смотрѣть, какъ на побѣду русской дипломатіи. Персидская казна во что бы то ни стало нуждалась въ деньгахъ; англійскіе финансисты не находили гарантій займа достаточными, а для Россіи надзоръ за пограничными съ нею таможнями, доходы которыхъ гарантируютъ заемъ,—не представлялъ никакого труда. Что касается фактическаго преобладанія русскихъ дипломатовъ въ Тегеранѣ, оно объясняется просто условіями тамошней придворной жизни. Нынѣ правящая династія, почти всѣ министры, вельможи и придворные происходятъ изъ сѣверныхъ провинцій; ихъ личные и фамильные интересы требуютъ, чтобъ они были въ дружбѣ съ сѣвернымъ сосѣдомъ. Также ошибочно, по мнѣнію автора, мнѣніе, что рѣшеніе желѣзнодорожнаго вопроса есть побѣда тегеранской дипломатіи. Шахъ вовсе не желаетъ, чтобы спокойствіе Персіи было потревожено свистками локомотивовъ. Россія не желаетъ, чтобы концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ давались подданнымъ другихъ державъ. Обѣ стороны скрывали свои цѣли, но, въ концѣ концовъ, поняли, что до нѣкоторой степени добиваются одного и того же. Такимъ образомъ, въ 1888 г. заключено было соглашеніе, по которому русскіе получали право первенства при построеніи желѣзныхъ дорогъ на пять лѣтъ. Въ 1890 г., къ обоюдному удовольствію, это право продолжено на 10 лѣтъ еще. Шахъ былъ очень радъ, что дѣло отложено въ долгій ящикъ.

КАКЪ ЖИВЕТЪ АНГЛІЙСКІЙ РАБОТНИКЪ.

Записки нѣмецкаго рудокопа (Эрнста Дюккерсгофа).

Эти записки первоначально печатались въ нѣмецкой газетѣ «Volkswohl», чѣмъ, между прочимъ, и объясняется ихъ нѣкоторая отрывочность, а лѣтомъ истекшаго года вышли въ Англіи отдѣльнымъ изданіемъ.

На первыхъ страницахъ авторъ сообщаетъ свою біографію. Родился онъ въ 1858 г. близь Золингена на Рейнѣ. Съ шести до десяти лѣтъ онъ посѣщалъ начальную школу, а затѣмъ, въ виду неспособности отца къ труду, долженъ былъ прекратить ученіе и взяться за работу, поступивъ разсыльнымъ на фабрику. Раньше, чѣмъ ему исполнилось тринадцать лѣтъ, его отецъ и мать умерли, и онъ сталъ вести совершенно самостоятельную жизнь. Съ этого времени и до 1890 г. онъ много странствовалъ по Германіи, работая сначала на постройкахъ, а потомъ—въ качествѣ рдокопа. Въ теченіе этого времени онъ отбылъ воинскую повинность и обзавелся семьей.

Въ 1890 г. товарищи-рудокопы выбрали его делегатомъ на конференцію въ Галле, гдѣ была основана федерація нѣмецкихъ рудокоповъ. За свое участіе въ конференціи онъ лишился работы и даже возможности найти ее, такъ какъ его имя, вмѣстѣ съ именами другихъ делегатовъ, было занесено въ черный списокъ нанимателей. Въ 1891 г. онъ былъ посланъ делегатомъ на международный конгрессъ въ Парижѣ. Въ виду начавшихся послѣ возвращенія систематическихъ преслѣдованій на родинѣ, онъ покинулъ Германію и наудачу отправился въ Ньюкестль на «Тайнѣ», гдѣ и остался работать въ каменноугольной копи. Нижеслѣдующія записки—это результатъ его личныхъ наблюденій жизни англійскаго работника, главнымъ образомъ, въ Ньюкестлѣ и въ его окрестностяхъ.

Условія труда въ каменноугольной промышленности.

Положеніе рудокопа въ Англіи несравненно лучше, чѣмъ въ Германіи. Меня положительно изумляетъ теперь, какимъ образомъ въ Германіи можетъ быть терпимо такое грубое обращеніе съ рудокопами.

Въ здѣшнихъ копяхъ царитъ духъ товарищества. Каждое приказаніе отдается и выполняется по-дружески и работать тутъ просто удовольствіе. Нѣмца особенно поражаетъ обращеніе служащихъ съ работниками. Первые вопросы обыкновенно бываютъ таковы: «Какъ идутъ ваши дѣла?» «Есть ли у васъ табакъ?» или «Какъ поживаетъ ваша семья?» «Зарабатываете ли вы что-нибудь на этомъ мѣстѣ?»

Сразу видно, что эти служащіе получаютъ опредѣленное вознагражденіе безъ всякихъ премій съ добычи угля. Между тѣмъ, эти-то преміи всего больше и вредятъ рудокопу. Надсмотрщикъ нисколько не заботится здѣсь о томъ, лѣнивъ рудокопъ или прилеженъ, такъ какъ на его собственномъ заработкѣ это нисколько не отзовется, а отзовется лишь на заработкѣ самого рудокопа. Но чѣмъ прилежнѣе рудокопъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ онъ пользуется среди своихъ товарищей.

Столь часто практикуемое въ Германіи наказаніе лицъ, непріятныхъ для администраціи копи, посредствомъ помѣщенія ихъ въ худшія шахты, невозможно здѣсь, потому что каждые три мѣсяца мѣста работы забойщиковъ распредѣляются по жребію. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ. Въ пятницу послѣ полудня, передъ началомъ новой четверти года, три члена союза рудоконовъ и трое служащихъ при копяхъ собираются въ помѣщеніи, нанимае-

момъ союзомъ. Они пишутъ имена рудокоповъ на однихъ кусочкахъ бумаги, а номера мѣстъ въ шахтахъ—на другихъ, послѣ чего эти билетики вынимаются попарно двумя школьниками подъ присмотромъ присутствующихъ. На слѣдующій день вечеромъ, т. е. въ субботу, каждый рудокопъ переноситъ свои инструменты на свое новое мѣсто и затѣмъ возращается домой.

Англійскій рудокопъ пользуется всякими удобствами. У каждаго забойщика есть небольшая скамеечка, которую онъ можетъ повышать и понижать, приспособляя ее къ положенію угля. Забойщикъ всегда работаетъ сидя на этой скамеечкѣ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда слой угля идетъ отвѣсно. Такъ, какъ при сидѣніи лѣвый локоть забойщика опирается на лѣвую ногу, то его грудь меньше напрягается, какъ равно и предплечье. Вентиляція въ копяхъ очень хороша; сверхъ того, шахты въ Нортумберлендѣ и Дургемѣ не особенно глубоки.

Трудъ забойщика ограничивается добываніемъ угля; работы же по укрѣпленію шахтъ и разныя другія выполняются особыми людьми, работающими поденно. Рабочій день здѣсь очень коротокъ. Забойщики, напримѣръ, работаютъ всего лишь шесть часовъ въ день, а именно: съ 10 час. утра до 4 ч. дня или съ 4 ч. до 10 ч. вечера. Средній дневной заработокъ равняется 5 шилингамъ 6 пенсамъ (немного болѣе 2 р. 60 коп.). *) Сверхъ урочная работа не практикуется. Разсчетъ производится черезъ каждыя двѣ недѣли по пятницамъ. На другой день послѣ получки работы не бываетъ.

Присоединяясь къ союзу, рудокопъ уплачиваетъ единовременно пять шиллинговъ, а затѣмъ каждыя двѣ недѣли—семь пенсовъ. Каждый членъ, въ случаѣ стачки или отсутствія работы, получаетъ изъ кассы союза двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю, если онъ женатъ, и—пять шиллинговъ въ недѣлю, если онъ холостъ. Рудокопы каждой копи выбираютъ трехъ лицъ для пріема жалобъ отъ работниковъ и нанимаютъ помѣщеніе, въ которомъ всѣ рудокопы собираются разъ въ двѣ недѣли. Жалобы работниковъ обсуждаются и сообщаются администраціи копей, которая немедленно удовлетворяетъ ихъ, если онѣ оказываются основательными.

Въ копяхъ всюду развѣшаны правила, но обыкновенно не подписанныя работниками. Правила эти не похожи на нѣмецкія и не грозятъ на каждомъ шагу штрафами. Всякій, поступая на работу, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя обязательство подчиняться этимъ правиламъ. Рабочіе союзы слѣдятъ, одноко, за тѣмъ, чтобы права и обязанности были взаимообязующи. Штрафа за прогулъ не полагается. Отъ рудокопа не требуется, чтобы онъ сообщилъ администраціи копи свое имя. Сообщитъ ли онъ свое настоящее имя, или вымышленное—это и для нанимателей, и для полиціи безразлично. Тутъ имѣетъ значеніе лишь поведеніе человѣка. О прибытіи и отъѣздѣ работника полиціи сообщать не нужно.

Въ здѣшнихъ копяхъ принята сдѣльная плата, размѣръ которой устанавливается на каждую четверть года и измѣняется въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ цѣны на уголь.

Если рудокопъ проработаетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на хорошемъ мѣстѣ, то онъ можетъ заработать очень много; человѣкъ же, которому досталось плохое мѣсто, утѣшаетъ себя надеждой получить болѣе хорошее при слѣдующемъ перераспредѣленіи. Если, однако, кому-нибудь достанется такое мѣсто, на которомъ установленная сдѣльная плата окажется невыгодной, то онъ воленъ работать поденно и въ этомъ случаѣ получаетъ пять шиллинговъ за восьмичасовую смѣну. Забойщики, однако, рѣдко прибѣгаютъ къ этому, предпочитая надѣяться на лучшій жребій въ слѣдующую четверть года.

---

*) При переводѣ на наши теперешнія деньги шиллингъ составитъ 48 коп., а пенсъ—4 коп. *Прим. пер.*

Англійскій рудокопъ проявляетъ большое вниманіе къ слабымъ и престарѣлымъ товарищамъ. Въ Германіи, надо съ грустью сознаться, все бываетъ кончено для рудокопа, перешагнувшаго за пятидесятый годъ. Въ Англіи не то: тутъ въ каждой копи для престарѣлыхъ рудокоповъ оставляются такъ называемыя «стариковскія мѣста». Это обыкновенно такія мѣста, гдѣ уголь лежитъ свободно и легко добывается, такъ что старики могутъ зарабатывать столько же, сколько зарабатываютъ другіе. Мнѣ однажды пришлось работать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ около стариковъ. Ихъ было тринадцать человѣкъ, изъ которыхъ самому младшему было шестьдесятъ три года, а самому старшему семьдесятъ пять лѣтъ, и, однако, нѣкоторые изъ нихъ могли бы поспорить своимъ проворствомъ съ сорокалѣтнимъ германскимъ рудокопомъ. Не трудно указать причину, почему англійскій рудокопъ долговѣчнѣе и сильнѣе нѣмецкаго и можетъ работать болѣе напряженно: во-первыхъ, онъ имѣетъ больше времени для отдыха, а во-вторыхъ, онъ питается не картофелемъ, а мясомъ.

Какъ заработная плата, такъ, въ сущности, и все остальное, касающееся работниковъ, регулируется здѣсь союзомъ. Споры съ предпринимателями большею частью улаживаются мирно. Каждый рудокопъ принуждается примкнуть къ союзу. Вотъ одинъ примѣръ этого, бывшій у меня на глазахъ. Въ копи, гдѣ я работалъ, было четырнадцать человѣкъ, не принадлежавшихъ союзу. Имъ было предложено вступить въ члены, но они не пожелали. Отъ завѣдующаго копью потребовали увольненія этихъ работниковъ, но онъ отказался. Тогда было рѣшено пріостановить работу и, по окончаніи смѣны, администраціи копи было заявлено объ этомъ всѣми рудокопами въ количествѣ 451 человѣка. Управляющій отказался принять увѣдомленіе о пріостановкѣ работы, сказавъ, что онъ готовъ уволить работниковъ, не принадлежащихъ къ союзу, послѣ чего тѣ изъявили согласіе поступить въ члены союза. Каждый изъ нихъ, сверхъ обычнаго взноса, долженъ былъ уплатить еще штрафъ въ размѣрѣ десяти шиллинговъ.

Враждебно или благосклонно относятся предприниматели къ союзу—этого я не берусь рѣшать, такъ какъ они не высказываются на этотъ счетъ. Что касается газетъ, то онѣ сообщаютъ свѣдѣнія о дѣлахъ союза точно такъ же, какъ и всякія другія новости. Въ общемъ, предприниматель проявляетъ здѣсь большой интересъ къ положенію своихъ работниковъ, а тѣ, въ виду человѣчнаго отношенія къ нимъ, сами устанавливаютъ въ своей средѣ контроль и устраняютъ недобросовѣстныхъ работниковъ.

На двухнедѣльныхъ собраніяхъ рудокоповъ присутствуютъ служащіе при копяхъ, которые такъ же, какъ и работники, излагаютъ при этомъ свои претензіи, что сильно содѣйствуетъ взаимному пониманію. Раболѣпное отношеніе къ заводской администраціи совершенно чуждо англійскому работнику.

Большое ежегодное собраніе союза нортумберлендскихъ рудокоповъ бываетъ 1-го іюля на берегу моря въ Блитѣ, въ шестнадцати миляхъ къ сѣверу отъ Ньюкестля. На это собраніе смотрятъ скорѣе какъ на праздникъ: рудокопы отправляются туда на ботахъ, въ омнибусахъ и по желѣзной дорогѣ въ сопровожденіи музыки. На собраніи этого года (1897) присутствовало нѣсколько членовъ парламента, которые привѣтствовали собравшихся. Митингъ продолжался отъ часу до шести; присутствовало нѣсколько тысячъ рудокоповъ, но не было ни одного полицейскаго. Я не могъ не вспомнить при этомъ о моемъ нѣмецкомъ отечествѣ.

Во многихъ мѣстахъ сѣверной Англіи недавно произошли стачки, главная причина которыхъ—недовольство заработной платой. Испытавши въ Германіи на самомъ себѣ, какъ различно примѣняются предписанія закона, когда имѣютъ дѣло съ работниками, я внимательно наблюдалъ здѣсь, какъ будутъ вести

себя власти. Пьяный стачечникъ-фонарщикъ разбилъ уличный фонарь. Въ Германіи его приговорили бы за это къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, а здѣсь—лишь къ уплатѣ двадцати шиллинговъ штрафа и судебныхъ издержекъ. Были тутъ и небольшія столкновенія между стачечниками и лицами, не примкнувшими къ стачкѣ. Такія столкновенія случаются вездѣ во время стачекъ и не могутъ быть вполнѣ предотвращены; но здѣсь они оканчиваются самое большее штрафомъ, а въ Германіи они могутъ привести къ примѣненію властями оружія. Здѣсь все, дозволенное одной сторонѣ, признается дозволеннымъ и другой; всякія же политическія соображенія оставляются въ сторонѣ и при стачкахъ тутъ имѣется лишь двѣ стороны: стачечники и ихъ наниматели. Такой ненависти и взаимнаго озлобленія, какъ въ Германіи, тутъ не встрѣтишь. Капиталистъ прибѣгаетъ здѣсь къ тѣмъ же средствамъ, какъ и въ Германіи, но онъ не пользуется при этомъ поддержкой властей и, сверхъ того, сильно побаивается общественнаго мнѣнія, которое обыкновенно бываетъ на сторонѣ работниковъ.

Это хорошо было видно во время стачки на сѣверо-восточной желѣзной дорогѣ. Желѣзнодорожные работники выбрали комитетъ изъ пяти человѣкъ для переговоровъ съ директорами относительно заработной платы. Эти пять человѣкъ немедленно были уволены администраціей дороги. Тотчасъ же послѣдовала общая остановка всѣхъ работъ. Всѣ союзы работниковъ, занятыхъ въ промышленности передвиженія, приготовились къ борьбѣ. Работники на докахъ въ полномъ составѣ примкнули къ стачкѣ. Стачечники проявляли величайшую энергію. На станціи не пропускали ни одного человѣка, который не могъ объяснить, куда онъ идетъ. Переходя отъ одной станціи къ другой, стачечники убѣждали своихъ товарищей, еще продолжавшихъ работу, присоединиться къ нимъ и успѣвали въ этомъ. Товарное движеніе почти совсѣмъ замерло, а пассажирское было сильно стѣснено. Продлись стачка еще два дня — и по всей Англіи и Шотландіи желѣзнодорожная служба совсѣмъ бы остановилась. Въ докахъ стояло сорокъ пароходовъ, готовыхъ къ нагрузкѣ, но вынужденныхъ бездѣйствовать, вслѣдствіе присоединенія доковыхъ работниковъ къ стачкѣ. Работа въ каменноугольныхъ копяхъ совершенно прекратилась, потому что къ копямъ не подавали вагоновъ. Изъ всѣхъ крупныхъ городовъ стачечники получили привѣтствія и среди желѣзнодорожныхъ работниковъ Англіи и Шотландіи царило полное единодушіе. Если принять во вниманіе, что Англія получаетъ всѣ свои пищевые запасы изъ чужихъ краевъ, то станетъ ясно, насколько серьезны могли быть послѣдствія такой стачки.

Желѣзно-дорожные директора, повидимому, полагали, что стоитъ имъ только уволить комитетъ—и вопросъ о заработной платѣ на долгое время будетъ отложенъ въ сторону. Но на второй день стачки общество начало сознавать всю серьезность положенія. Директора изъявили готовность вступить переговоры. Желѣзнодорожные служащіе избрали для этой цѣли комитетъ изъ десяти лицъ. Переговоры привели къ тому, что всѣ уволенные служащіе должны быть вновь приняты, а нанятые на ихъ мѣста должны быть уволены; къ обсужденію же вопроса о сокращеніи рабочаго дня и о повышеніи заработной платы рѣшено было приступить черезъ десять дней.

Всего стачка продолжалась четыре дня. Желѣзнодорожные служащіе очень гордятся своей побѣдой. Союзъ служащихъ на сѣверо-восточной желѣзной дорогѣ имѣетъ фондъ въ размѣрѣ 100.000 фунтовъ стерлинговъ (около 950.000 руб.).

Слѣдуетъ добавить, что разъ столкновеніе заканчивается, между работниками и предпринимателемъ опять устанавливаются старыя отношенія, чего не бываетъ въ Германіи.

Домашняя жизнь и хозяйство.

По моему мнѣнію, въ Англіи работнику гораздо легче созидать и поддерживать свой домъ, чѣмъ въ Германіи. О послѣдней странѣ я могу говорить, разумѣется, лишь на основаніи моего личнаго опыта въ каменноугольныхъ районахъ.

Можно было бы думать, что германскій работникъ въ состояніи дѣлать сбереженія, но это не такъ. Тамъ, гдѣ дешева жизнь, низка заработная плата; тамъ же, гдѣ плата высока, какъ, напримѣръ, вблизи городовъ, наемъ помѣщенія и провизія тоже обходятся дороже. Я всѣми силами старался дѣлать сбереженія, но безуспѣшно. Заработная плата сбивается тамъ пришлыми работниками, и рудокопъ просто растрачиваетъ свои силы. Въ Германіи я зарабатывалъ въ среднемъ восемьдесятъ марокъ въ мѣсяцъ (около 37 руб.), а здѣсь я заработалъ въ теченіе 1895 г., согласно записямъ въ конторскихъ книгахъ, 77 фунт. стерл. 12 шиллинговъ и 7 пенсовъ (около 737 руб.).

Я увѣренъ, что изъ двухгодичнаго заработка я буду въ состояніи отложить здѣсь кое-что на черный день, тѣмъ болѣе, что нѣмцу гораздо легче дѣлать сбереженія, чѣмъ англичанину, болѣе требовательному въ своихъ привычкахъ.

Питаніе рудокопа здѣсь приблизительно таково. Онъ встаетъ около восьми часовъ и принимается за завтракъ, состоящій изъ ветчины или свинины, пары яицъ, хлѣба и чаю. Отправляясь на работу, онъ захватываетъ съ собой въ шахту ломтя два хлѣба и кусокъ мяса или сыру. Покончивъ съ работой въ четыре часа дня, онъ обѣдаетъ, причемъ его обѣдъ состоитъ изъ мяса и пуддинга, или изъ супа и яицъ, или изъ супа и мяса. На ужинъ у него бываетъ сыръ или мясо, хлѣбъ и чай. Родъ мяса постоянно мѣняется. Пуддингъ, изготовляемый изъ риса и муки, въ большомъ здѣсь ходу.

Провизія обыкновенно закупается большими количествами. За нѣсколько дней до получки, крупные торговцы посылаютъ своихъ людей по домамъ рудокоповъ за полученіемъ заказовъ. Надо замѣтить, что всѣ рудокопы покупаютъ провизію исключительно у крупныхъ фирмъ. Заказы записываются въ книгу, и, часъ спустя послѣ полученія рудокопами платы, тяжело нагруженныя телѣги торговцевъ объѣзжаютъ дома рудокоповъ. Каждый получаетъ то, что онъ заказывалъ, и расплачивается немедленно.

Система торговли въ долгъ, принятая столь многими нѣмецкими торговцами, не практикуется здѣсь. Каждый тотчасъ же уплачиваетъ за все, включая напитки. По моему мнѣнію, это очень хорошо, потому что кредитъ всегда кончается плохо для работника, обыкновенно забирающаго въ долгъ больше, чѣмъ позволяютъ его заработки; торговцы же ограждаютъ себя отъ потерь или надбавками въ цѣнахъ, или продажей товаровъ низшаго качества, а въ концѣ-концовъ нерѣдко вознаграждаютъ себя еще движимымъ имуществомъ работника. Нѣмецкій работникъ такъ же, какъ и англійскій, стремится создать себѣ приличную обстановку и гордится, если при переѣздѣ на другую квартиру у него наберется мебели на цѣлый возъ. Но если вы освѣдомитесь объ этой хорошей мебели черезъ пять или шесть лѣтъ, то узнаете, что она пошла съ молотка.

Въ англійскихъ жилищахъ нѣтъ мѣста для особенно большого количества мебели, а главные предметы ея устроены въ самихъ комнатахъ. Переѣзды на на другую квартиру можно наблюдать здѣсь по субботамъ. При этомъ оказывается, что одна небольшая телѣжка, запряженная маленькой лошадкой, вполнѣ достаточна для перевозки всего имущества средняго работника. Домовладѣльцы, однако, ничѣмъ не рискуютъ вслѣдствіе этого, потому что наемная плата за помѣщеніе вносится за недѣлю впередъ. Я плачу за свое помѣщеніе за двѣ недѣли впередъ, что несравненно удобнѣе для меня, чѣмъ плата по четвертямъ, такъ широко принятая въ Германіи.

Хотя у англійскаго работника не особенно много мебели, однако онъ умѣетъ придать своему жилищу уютный и привлекательный видъ, изобрѣтая въ часы досуга различныя вещи для украшенія.

Я не разъ бесѣдовалъ съ товарищами здѣсь нѣмцами о преимуществахъ жизни англійскаго работника и часто слышалъ въ отвѣтъ: «въ Германіи тоже было бы хорошо жить, если бы тамъ можно было расходовать такія деньги, какъ здѣсь».

Одна изъ особенностей хозяйства здѣшнихъ работниковъ состоитъ въ томъ, что каждая семья сама печетъ для себя хлѣбъ, причемъ англичанки, какъ оказывается, больше понимаютъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ многіе нѣмецкіе пекаря. Пшеничная мука стоитъ отъ 10 до 18 пенсовъ (40—72 коп.) за «стонъ» (14 англійскихъ фунтовъ=$15^1/_2$ русскимъ фунтамъ). Такъ какъ рабочія семьи имѣютъ обыкновенно много дѣтей, а дѣти, какъ извѣстно, много ѣдятъ хлѣба, то такая дешевизна муки является одной изъ крупныхъ здѣшнихъ выгодъ. Я, напримѣръ, съ женой и четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ трое ходятъ въ школу и много ѣдятъ хлѣба, расходую на него всего два шиллинга въ недѣлю (96 коп.), покупая два «стона» муки по шиллингу за «стонъ». Печеніе хлѣба производится каждую недѣлю, причемъ, кромѣ хлѣба, пекутъ различные пироги и пирожки. Печь для хлѣба имѣется въ каждой квартирѣ, такъ что всѣ добавочные расходы ограничиваются лишь лишнимъ ящикомъ для угля.

Вотъ цѣны главныхъ продуктовъ *):

Пшеничная мука	за $15^1/_2$ ф.	отъ	40	до	72	к.
Говядина	за фунтъ	»	14	»	32	»
Баранина	» »	»	16	»	24	»
Солонина	» »	»	—	»	24	»
Американская соленая свинина	» »	»	14	»	24	»
Американское топленое свиное сало	» »	»	—	»	20	»
Бобы и зеленый горошекъ	» »	»	6	»	10	»
Соль въ кускахъ	» »	»	—	»	1	»
Рисъ	» »	»	6	»	10	»
Мелкій сахаръ	» »	»	4	»	6	»
Головной сахаръ	» »	»	—	»	8	»
Коринка	» »	»	6	»	10	»
Изюмъ	» »	»	10	»	14	»
Чай	» »	»	48	»	72	»
Масло	» »	»	48	»	64	»
Маргаринъ	» »	»	20	»	44	»
Голландскій сыръ	» »	»	—	»	21	»
Мыло въ брускахъ	» »	»	6	»	10	»
Сода	за $15^1/_2$ фун.	»	—	»	24	»

Англійская хозяйка не любитъ тяжелой работы и вообще про нее нельзя сказать, чтобы она очень усиленно работала, однако все въ ея домѣ чище, чѣмъ въ такомъ же домѣ въ Германіи. Достигается что тѣмъ, это здѣсь гостиная, кухня и лѣстница застланы ковромъ или клеенкой, что устраняетъ мытье половъ; подобная же экономія въ трудѣ получается и во многомъ другомъ.

*) Для облегченія сравненія, цѣны этой таблицы переведены на русскія деньги, причемъ шиллингъ считался за 48 коп., а пенсъ за 4 коп. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этой таблицѣ указаны цѣны англійскаго фунта, который тяжелѣе русскаго на одну десятую. Интересенъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что болѣе богатый англійскій работникъ, какъ оказывается, имѣетъ возможность покупать чай втрое дешевле, чѣмъ русскій работникъ, а сахаръ—дешевле въ два-три раза, хотя значительная доля этого сахара доставляется туда изъ Россіи. *Примѣч. перев.*

Стирка, напримѣръ, самая тяжелая работа нѣмецкой хозяйки, легко выполняется здѣсь благодаря совершенно другимъ пріемамъ работы.

Что касается жилищныхъ условій, то въ этомъ отношеніи положеніе здѣшняго работника несравненно болѣе благопріятно, чѣмъ въ Германіи. Многіе владѣльцы копей и фабрикъ имѣютъ для своихъ работниковъ жилища, которыя и представляютъ имъ безплатно. Если рудокопъ не пожелаетъ пользоваться однимъ изъ такихъ жилищъ, то ему выдается нѣкоторая сумма въ видѣ квартирныхъ денегъ и безплатно доставляется топливо.

Рабочіе кварталы здѣсь довольно невзрачны на видъ, такъ какъ англичане вообще мало придаютъ значенія наружной красотѣ ихъ жилищъ, заботясь лишь объ удобствѣ и уютности внутри. Тамъ, гдѣ строится нѣсколько домиковъ, всегда оставляется свободное пространство для игръ. Это совершенно не практикуется въ Германіи, гдѣ изъ каждаго клочка земли стараются извлечь деньги, какія бы послѣдствія отъ этого ни произошли для другихъ людей.

Въ Германіи я немало посѣтилъ рабочихъ жилищъ, внѣшній видъ которыхъ значительно превосходилъ здѣшнія рабочія жилища; внутренность же часто оказывалась мрачной и неприглядной; тогда какъ здѣсь нѣкоторый комфортъ замѣтенъ во всѣхъ рабочихъ жилищахъ. Здѣшніе работники любятъ жить въ этихъ поселкахъ, и тутъ нерѣдко можно встрѣтить семейства, которыя живутъ въ томъ же домѣ въ теченіе двадцати, тридцати и даже сорока лѣтъ. Въ Германіи каждый порядочный работникъ брезгливо сторонится отъ рабочихъ поселеній и они населены, главнымъ образомъ, иностранцами.

Теперь я скажу нѣсколько словъ объ устройствѣ домовъ. На той улицѣ, гдѣ я живу, имѣется восемьдесятъ три дома. Каждый домъ имѣетъ два этажа, двѣ двери на улицу, двѣ двери на дворъ и предназначается лишь для двухъ семействъ. Расположеніе домовъ всей улицы совершенно одинаковы. Въ каждомъ этажѣ двѣ комнаты. Передняя комната нижняго этажа имѣетъ двѣнадцать футовъ длины и пятнадцать футовъ ширины. Задняя комната имѣетъ пятнадцать футовъ въ квадратѣ. Передняя комната короче потому, что отъ нея три фута отнимаетъ лѣстница, ведущая во второй этажъ. Обѣ комнаты имѣютъ двѣнадцать футовъ высоты и могутъ быть нагрѣваемы при помощи каминовъ, вдѣланныхъ въ стѣну. Каминъ занимаетъ шесть футовъ стѣны, оставляя два угла для шкафовъ, употребляемыхъ для платья, посуды и кухонныхъ припасовъ. Передняя комната обыкновенно служитъ спальней; при многочисленномъ же семействѣ спятъ въ обѣихъ комнатахъ. Кухня представляетъ маленькую комнатку съ небольшимъ окномъ, выступающую сзади во дворъ и имѣющую девять футовъ длины и семь съ половиной футовъ ширины. Во внутреннюю стѣну кухни вдѣланъ мѣдный котелъ, вмѣщающій полдюжины ведеръ воды для кухонныхъ и прачечныхъ цѣлей, а на противоположной наружной стѣнѣ помѣщается водопроводный кранъ и сточная труба. Вдоль стѣны между котломъ и сточной трубой устроенъ столъ въ три фута ширины, предназначаемый для мытья и для чистки платья. Задній ходъ въ квартиру идетъ черезъ эту кухню.

Верхній этажъ расположенъ совершенно такъ же; тамъ есть лишь еще маленькая площадка, выступающая надъ лѣстницей. Задній дворъ обнесенъ стѣной, имѣетъ восьмнадцать футовъ въ квадратѣ и содержитъ отдѣльный для каждой квартиры сарай для угля и общій для двухъ квартиръ ватеръ-клозетъ. Въ домѣ нѣтъ ни чердака, ни погреба, такъ что нельзя дѣлать никакихъ запасовъ. Это единственный недостатокъ такихъ жилищъ.

Нижній этажъ сдается по пяти съ половиною шиллинговъ въ недѣлю, а верхній—по пяти шиллинговъ, при чемъ квартирная плата собирается еженедѣльно или черезъ двѣ недѣли, смотря по тому, когда работники получаютъ свою плату; въ эти же сроки дается увѣдомленіе и объ отказѣ отъ квартиры. Во время

собиранія квартирной платы агентъ домовладѣльца обходитъ всѣ дома одинъ за другимъ. Всѣ пошлины и налоги включены въ вышеуказанную плату; но если кто-нибудь снимаетъ цѣлый домъ, то тотъ бываетъ долженъ уплачивать еще налогъ въ пользу бѣдныхъ, взимаемый по полугодіямъ. На нѣкоторыхъ улицахъ (дома одной улицы въ Ньюкестлѣ обыкновенно одинаковы) каждая квартира снабжена ванной комнатой, что отзывается на квартирной платѣ прибавкой шести пенсовъ или шиллинга въ недѣлю.

Англійскій работникъ очень цѣнитъ домашній покой, а потому люди съ многочисленными семействами предпочитаютъ жить въ нижнихъ этажахъ, чтобы устранить неудовольствіе изъ за шума, производимаго дѣтьми.

Дома стараго типа въ два или три этажа съ однимъ переднимъ и однимъ заднимъ входомъ еще существуютъ на главныхъ улицахъ. Въ каждомъ такомъ домѣ помѣщается пять или шесть семействъ и въ этихъ домахъ три комнаты въ одномъ этажѣ можно имѣть за два шиллинга въ недѣлю. Но англичане стараются возможно скорѣе отдѣлаться отъ такихъ домовъ.

Благодаря болѣе высокимъ заработкамъ и лучшимъ жилищнымъ условіямъ, здѣсь гораздо меньше бываетъ домашнихъ ссоръ, чѣмъ въ Германіи. Тамъ мнѣ часто приходилось живать съ шестью или семью семействами въ одномъ домѣ, и сплошь и рядомъ случалось, что когда глава семейства возвращался съ работы домой, его ужинъ бывалъ отравленъ разсказами жены о ссорахъ съ сосѣдками. Тамъ я часто недоумѣвалъ, почему дѣти въ такихъ домахъ обыкновенно такъ грубы, и, лишь переѣхавъ въ Англію, понялъ это. Если дѣти слышатъ изъ устъ родителей лишь бранныя слова, вызываемыя тѣснотою помѣщенія и недостаткомъ средствъ, и если у родителей совершенно не остается времени заниматься своими дѣтьми, то неудивительно, что послѣднія грубѣютъ. Въ Германіи много разглагольствуютъ о грубости работниковъ, но совершенно забываютъ о причинахъ этого.

Отношеніе къ дѣтямъ.

Ученье въ начальныхъ школахъ начинается здѣсь не въ семь или восемь часовъ, какъ въ Германіи, а лишь въ девять и продолжается до половины перваго, а затѣмъ съ двухъ и до половины пятаго ежедневно, за исключеніемъ субботы, когда ученья не бываетъ. Въ школахъ ученики все получаютъ безплатно: книги, грифельныя доски и до карандашей включительно, причемъ по окончаніи уроковъ все это возвращается учителю.

Школьный возрастъ считается въ Германіи съ шести лѣтъ; здѣсь же съ пяти, и ребенокъ посылается въ школу не съ опредѣленнаго дня года, а въ его пятый день рожденія.

Что касается обязательности посѣщенія школъ, то школьнымъ совѣтомъ назначено нѣсколько лицъ для наблюденія за регулярнымъ посѣщеніемъ дѣтьми школъ, причемъ каждый изъ нихъ имѣетъ свой районъ. Когда такой попечитель встрѣчаетъ на улицѣ ребенка школьнаго возраста въ часы, назначенные для ученья, онъ отводитъ его къ родителямъ и требуетъ, чтобы они посылали его въ школу. Если ребенокъ и послѣ этого не придетъ въ школу, то его приводятъ, а родителей подвергаютъ взысканію.

Въ школѣ имѣется семь классовъ, изъ которыхъ седьмой—старшій и ведется учителемъ, надзирающимъ также за преподаваніемъ въ остальныхъ классахъ. Любой мальчикъ и любая дѣвочка, обладающіе достаточными знаніями и склонностью, могутъ быть учителями въ младшихъ классахъ. Такъ какъ родители зачастую посылаютъ въ школу вмѣстѣ со старшими дѣтьми и малютокъ двухъ-трехъ лѣтъ, то одна изъ учительницъ исполняетъ роль няни и присматриваетъ за ними.

Дѣти недостаточныхъ родителей получаютъ въ школѣ завтракъ, состоящій изъ чая съ хлѣбомъ. Завѣдующіе школами дѣйствуютъ рука-объ руку съ попечителями о бѣдныхъ, въ видахъ облегченія положенія такихъ семействъ. Дѣти, достигнувшія двѣнадцатилѣтняго возраста, освобождаются отъ обязанности посѣщать школу и, въ случаѣ надобности, могутъ оставаться дома и помогать родителямъ.

Различныя религіозныя общества имѣютъ свои собственныя школы, куда дѣти принимаются съ платой одного пенса въ недѣлю. Обученіе въ государственныхъ школахъ, какъ уже было упомянуто, совершенно безплатно.

Всѣ дѣти хорошо одѣты, потому что работникъ очень гордится своими дѣтьми. По воскресеньямъ дѣтей работниковъ нельзя отличить отъ дѣтей зажиточныхъ людей. Для дѣтей здѣсь дѣлается не мало. Въ Ньюкестлѣ имѣется обширное общественное мѣсто для игръ, на одной сторонѣ котораго помѣщены качели и гимнастическія приспособленія для дѣвочекъ, а на другой сторонѣ имѣется большая зеленая лужайка для игры мальчиковъ въ ножной мячъ. Мѣсто это, всегда весьма оживленное, поддерживается въ порядкѣ на счетъ города.

Почти всѣ дѣти посѣщаютъ воскресныя школы, которыя въ теченіе лѣта устраиваютъ совмѣстныя прогулки, обыкновенно въ субботу послѣ полудня. Мои дѣти, напримѣръ, участвовали прошлымъ лѣтомъ въ двухъ такихъ прогулкахъ, одинъ разъ на ботѣ въ Сѣверное море, а другой разъ по желѣзной дорогѣ на ферму, отстоящую на пятнадцать миль отъ Ньюкестля. Дѣти все время оставались тамъ на открытомъ воздухѣ, развлекались разнообразными играми, вдоволь имѣли чаю съ хлѣбомъ и остались въ восторгѣ отъ этой прогулки. Многочисленныя прогулки для дѣтей устраиваются также различными обществами работниковъ.

Вообще тутъ проявляютъ величайшее вниманіе къ благополучію дѣтей; ну, а въ такихъ мѣстахъ благосостояніемъ взрослыхъ обыкновенно также не пренебрегаютъ.

Общественная жизнь и развлеченія.

Средній и рабочій классы находятся здѣсь въ дружескихъ отношеніяхъ, благодаря тому, что они сталкиваются въ клубахъ и религіозныхъ обществахъ, а также благодаря существующему здѣсь равенству. Въ Германіи классовыя различія вездѣ замѣтны и для уха, и для глаза. Нѣмецкіе отели и таверны съ ихъ отдѣльными комнатами для должностныхъ лицъ, для торговаго класса и для работниковъ могутъ служить лучшимъ примѣромъ этого. Въ англійскихъ тавернахъ также имѣются отдѣльныя комнаты, но ими можетъ пользоваться всякій. Что касается Германіи, то я могъ бы привести сотни такихъ случаевъ, въ которыхъ работнику давали понять, чтобы онъ смѣшивался лишь съ равными себѣ.

Въ Германіи каждая группа предпринимателей стремится добиться для своего дѣла особаго покровительства закона; здѣсь же дѣловые люди, подобно работникамъ, стремятся помочь себѣ путемъ союзовъ. «Равныя права для всѣхъ» — вотъ общее правило обоихъ классовъ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о Германіи, особенно когда дѣло идетъ объ интересахъ работниковъ. Отношенія въ здѣшнихъ клубахъ и обществахъ самыя сердечныя и дружескія. Иностранца просто очаровываетъ тотъ теплый пріемъ, который онъ встрѣчаетъ тамъ со всѣхъ сторонъ. Надо сказать, что въ личныхъ отношеніяхъ англичане вообще очень вѣжливы и доброжелательны, особенно по отношенію къ женщинамъ и пожилымъ людямъ.

Многіе нѣмецкіе дѣловые люди презрительно засмѣются надъ человѣкомъ, который сталъ бы доказывать имъ, что они имѣютъ обязанности по отношенію къ работнику. Что значитъ для нихъ какой-то грубый и глупый ра-

бочій? Иные изъ нихъ настолько заносчивы, что воображаютъ, будто они оказываютъ работнику большое благодѣяніе, принимая его на работу. Презрительно относясь къ работнику, они находятъ, что для него и конина слишкомъ хороша, и всякія его издержки на улучшеніе питанія или обстановки объявляютъ мотовствомъ. Они преувеличиваютъ его недостатки, въ то же время не замѣчая своихъ собственныхъ, гораздо болѣе крупныхъ. Они не позабудутъ пожаловаться на грубость рабочаго класса, если пьяный работникъ выбранитъ ихъ, но они никогда не думаютъ о томъ, что сами ежедневно оскорбляютъ его чувства, сознательно или безсознательно.

Отношенія этихъ двухъ классовъ совершенно иныя здѣсь, въ Англіи, гдѣ лица средняго класса даже за послѣднимъ работникомъ признаютъ тѣ же самыя права, которыми пользуются они сами и поддерживаютъ его въ его стремленіи улучшить свое положеніе.

Больше всего англичане хвалятъ существующую здѣсь свободу. Тутъ каждый можетъ говорить все, что придетъ ему на умъ. Всѣ сношенія работника съ властями ограничиваются исключительно сообщеніями о рожденіяхъ, бракахъ и смертяхъ.

При устройствѣ публичныхъ митинговъ полицію не нужно извѣщать. Митинги могутъ быть устраиваемы на любомъ углу улицы. Этимъ правомъ пользуются главнымъ образомъ различныя секты, и англичане такъ присмотрѣлись къ такимъ собраніямъ, что рѣдко останавливаются послушать, лишь армія спасенія обыкновенно привлекаетъ много слушателей благодаря музыкѣ.

Въ Германіи при собраніяхъ работниковъ трактирщикъ играетъ слишкомъ видную роль, такъ какъ собраніе обыкновенно сопровождается попойкой, иногда довольно сильной. Это обыкновеніе, несомнѣнно, существуетъ и среди другихъ классовъ, но всего болѣе страдаютъ отъ него работники. Правда, они не могутъ обойтись совсѣмъ безъ трактирщика, потому что иначе имъ негдѣ будетъ собираться, но все-таки слишкомъ обильное возліяніе могло бы быть устранено.

Англійскіе трактирщики обыкновенно не имѣютъ залъ для собраній; если же у кого-нибудь изъ нихъ есть такой залъ, то онъ отдается подъ собраніе за весьма значительную сумму, такъ какъ напитки не могутъ быть подаваемы въ немъ.

Здѣсь всѣ общества работниковъ имѣютъ свои собственныя наемныя помѣщенія для собраній, гдѣ спиртныхъ напитковъ совсѣмъ не пьютъ. Если кто-нибудь захочетъ выпить послѣ окончанія собранія, то онъ отправляется въ питейный домъ. Члены одного союза, занятые въ копи, находящейся въ предѣлахъ Ньюкестля, были, однако, не въ состояніи найти себѣ другое помѣщеніе для собраній, кромѣ таверны, взимавшей съ нихъ плату за каждое отдѣльное собраніе. Я присутствовалъ на одномъ изъ ихъ митинговъ. Комната, предоставляемая имъ таверной, имѣла восемнадцать футовъ длины, двѣнадцать футовъ ширины; въ ней было три двери, изъ которыхъ одна вела въ буфетъ, другая—на улицу, а третья—на задній дворъ. Послѣ внесенія платы за комнату, дверь, ведущая въ буфетъ, была заперта, и у присутствующихъ не было видно ни одного стакана пива. Я не могъ не вспомнить при этомъ о Германіи. Тамъ дверь въ буфетъ ужъ навѣрное не была бы заперта и передъ каждымъ изъ присутствующихъ стоялъ бы стаканъ пива. Безъ этого въ Германіи ничего не дѣлается. Но я могу удостовѣрить, что англійскіе работники, благодаря своей воздержности, лучше ведутъ дѣла на такихъ собраніяхъ.

Вслѣдствіе отсутствія при трактирахъ залъ, танцы здѣсь устраиваются сравнительно рѣдко. Тотъ или другой клубъ устраиваетъ въ теченіе лѣта балъ, о чемъ объявляется при помощи большихъ афишъ, но за входъ съ каждой пары взимается два или три шиллинга, и танцы рѣдко продолжаются

позже одиннадцати часовъ вечера. Устраиваются они въ субботу, въ день развлеченій, и никогда не бываютъ въ воскресенье, которое посвящается исключительно отдыху.

По воскресеньямъ здѣсь прекращаются всѣ общественныя увеселенія и все заперто, кромѣ церквей и тавернъ, при чемъ послѣднія бываютъ открыты отъ половины второго до половины третьяго и отъ шести до десяти часовъ вечера, но отнюдь не бываютъ слишкомъ переполнены.

Въ воскресенье устраиваются иногда лишь загородныя прогулки; никакихъ же другихъ развлеченій не бываетъ. Старики или сидятъ дома, читая книги и газеты, или выходятъ на улицу и стоятъ или сидятъ тутъ на одномъ мѣстѣ часъ и два, такъ что со стороны можно подумать, что они дожидаются кого-нибудь. Я могу засвидѣтельствовать, что англійскіе работники, проводя воскресенье въ полномъ покоѣ, выходятъ въ понедѣльникъ на работу болѣе свѣжими, чѣмъ нѣмецкіе работники, проводящіе воскресенье въ кутежѣ.

Что касается молодежи, то она проводитъ здѣсь все свое свободное время недѣли въ различныхъ играхъ, среди которыхъ самая главная—игра въ ножной мячъ. Просто удивляешься, какъ проворно двигаются ноги въ этой игрѣ. Обшитый кожей мячъ, имѣющій обыкновенно футъ въ діаметрѣ, при ловкомъ ударѣ ногой взлетаетъ вверхъ футовъ на шестьдесятъ, а то и болѣе. Мнѣ думается, что игра эта, должно быть, очень полезна для здоровья, потому что англійскій работникъ сохраняетъ гибкость своихъ членовъ до глубокой старости. Игра эта тутъ такъ распространена, что ею занимаются даже мальчики, едва научившіеся ходить, употребляя, вмѣсто мяча, жестянки отъ консервированнаго мяса, которыя въ изобиліи валяются на улицахъ.

Главныя скачки бываютъ въ Нортумберлендѣ 24-го, 25-го и 26-го іюня. Надо быть очевидцемъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, насколько англичане интересуются этимъ спортомъ. Въ эти три дня всѣ дѣла въ Ньюкестлѣ прекращаются въ полдень, и все населеніе, богатое и бѣдное, устремляется къ скаковому кругу. Непосвященный не сразу подмѣтитъ, что подкладкой этого общаго интереса къ скачкамъ служатъ пари. Задолго до скачекъ въ газетахъ сообщаются имена записанныхъ на скачки лошадей съ указаніемъ призовъ, полученныхъ раньше каждою лошадью. Какъ среди богатыхъ людей, такъ и среди работниковъ заключаются пари, причемъ у первыхъ—на весьма большія суммы. Такъ какъ лоттереи въ Англіи воспрещены, то англичане отдѣлываются отъ своихъ денегъ при помощи пари. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣмцы никогда не расшвыриваютъ такихъ денегъ на эту игру.

Спиртные напитки и табакъ обложены здѣсь очень высокимъ налогомъ, вслѣдствіе чего водка продается по три шиллинга за пинту (немного менѣе бутылки), а табакъ—по четыре шиллинга за фунтъ. Если человѣкъ пьющій оказывается въ то же время и усерднымъ курильщикомъ, то онъ не можетъ жить хорошо, несмотря на высокую заработную плату. Пьянство работника совершенно разоряетъ здѣсь его семейство.

Въ Германіи больше потребляется спиртныхъ напитковъ и пива, чѣмъ въ Англіи, но денегъ на это тратится значительно меньше, такъ какъ то количество водки, которое стоитъ въ Англіи пять шиллинговъ, въ Германіи обходится лишь въ восемь пенсовъ. Въ Германіи многіе работники имѣютъ обыкновеніе являться въ городъ въ день получки съ большимъ кувшиномъ, въ четыре или пять квартъ, который они наполняютъ водкой, запасаясь ею до слѣдующей двухнедѣльной получки. Они, несомнѣнно, были бы поражены, если бы имъ пришлось платить за это количество водки не четыре шиллинга, которые они платятъ теперь, а тридцать шиллинговъ, какъ въ Англіи. Такая высокая цѣна водки не позволяетъ покупать ее здѣсь въ большихъ количествахъ.

Лавки открываются здѣсь лишь съ девяти часовъ; закрываются же боль-

шинство изъ нихъ въ пять, за исключеніемъ субботы. Такъ какъ въ воскресенье никакой торговли не бываетъ, а въ субботу работники отчасти или совершенно свободны, то торговцы стараются всѣми силами привлечь въ этотъ день возможно больше покупателей, рекламируя свои товары или украшая окна своихъ магазиновъ. Въ этотъ день усиленно торгуютъ не только магазины, но и сотни бѣдныхъ людей, которые продаютъ на улицахъ разныя вещи. Суббота тутъ похожа на ярмарочный день въ Германіи.

Торговля въ разносъ не преслѣдуется здѣсь полиціей, какъ въ Германіи. Свидѣтельство на разносный торгъ стоитъ пять шиллинговъ и даетъ его обладателю право продавать его товары по всей Англіи. Многія семейства находятъ себѣ въ этомъ поддержку во время зимней безработицы, изготовляя дома различныя вещи и затѣмъ разнося ихъ отъ одной двери къ другой.

Все, имѣющее зеленые листья, покупается здѣсь зимой, какъ богатыми людьми, такъ и работниками, для ношенія въ петличкѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что работники не отличаются здѣсь своимъ костюмомъ отъ другихъ людей.

Покупатели обыкновенно расплачиваются въ лавкѣ за свои покупки, а затѣмъ онѣ доставляются къ нимъ на домъ. Нѣмецъ, припоминая нѣсколько непріятныхъ приключеній съ нимъ въ его родной странѣ, сначала сомнѣвается, дѣйствительно ли его покупки будутъ присланы вслѣдъ за нимъ, но скоро эта подозрительность исчезаетъ, такъ какъ подобныхъ обмановъ здѣсь не бываетъ; съ иностранца нерѣдко лишь берутъ дороже.

Религіозныя и благотворительныя общества.

Часто повторяемое въ Германіи замѣчаніе, что въ Англіи столько сектъ, сколько песку на берегу моря, имѣетъ нѣкоторую долю правды. Но секты эти занимаются не только молитвами да проповѣдями, но и облегченіемъ нужды, порождаемой существующими экономическими условіями. Эти общества хорошо понимаютъ, какъ замѣтилъ мнѣ однажды одинъ пасторъ, бывшій прежде самъ рудокопомъ, что голодъ не можетъ быть утоленъ одной молитвой. Семья, впавшая въ непредвидѣнное затрудненіе, немедленно получаетъ помощь. Изумительную дѣятельность здѣсь обнаруживаютъ особенно женщины. Эта любовь къ ближнему проявляется не только женщинами рабочаго и средняго класса, но и богатыми дамами, которыя безъ колебанія являются съ помощью въ дома работниковъ.

Когда, какъ это часто случается, семья впадаетъ въ нужду вслѣдствіе пьянства отца, ей, все равно, помогаютъ, чтобы спасти жену и дѣтей. При этомъ не щадятъ усилій исправить человѣка, стараясь пробудить въ немъ чувство стыда, и часто эти усилія увѣнчиваются успѣхомъ. Много людей было такимъ образомъ исправлено и убѣждено дать зарокъ не пить, благодаря чему ихъ семейства были спасены отъ нищеты. Къ сожалѣнію, не мало оказывается и такихъ людей, которые совершенно безнадежны. Однако религіозныя общества поддерживаютъ и эти семейства, оставляя главу семейства одного, что для того обыкновенно является самымъ суровымъ наказаніемъ.

Секты эти помогаютъ не только своимъ членамъ, но и каждому нуждающемуся лицу, насколько имъ позволяютъ средства; когда же средствъ не хватаетъ, то обращаются къ содѣйствію приходской помощи, избавляя нуждающееся лицо отъ излишнихъ хлопотъ и непріятностей.

Эти общества слѣдятъ за случаями болѣзни, берутъ на себя заботу о дѣтяхъ и помогаютъ также продержаться въ періоды безработицы. Въ ихъ распоряженіи имѣются значительныя суммы, такъ какъ богатые люди принимаютъ большое участіе въ этихъ дѣлахъ. Секты стремятся превзойти другъ друга въ добрыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ христіанство проявляетъ себя здѣсь дѣлами, а не одними лишь словами.

Что касается медицинской помощи, то тутъ большая разница сравнительно съ Германіей. Въ Германіи каждый работникъ долженъ быть членомъ фонда на случай болѣзни и, вслѣдствіе этого, принужденъ обращаться къ доктору, назначенному управленіемъ фонда. Къ сожалѣнію, многіе изъ этихъ докторовъ грубо обращаются съ паціентами, многочисленные примѣры чего я самъ могъ бы привести изъ Вестфальскаго промышленнаго округа. Жалобы работниковъ на грубость докторовъ достаточно обсуждались въ газетахъ, но это зло не будетъ устранено до тѣхъ поръ, пока членамъ фонда не предоставятъ самимъ выбирать для себя докторовъ.

Что касается Англіи, то здѣсь во многихъ предпріятіяхъ изъ заработка работника удерживается администраціей предпріятія шесть пенсовъ для предоставленія работнику въ случаѣ болѣзни безплатной медицинской помощи. Прописываемыя лѣкарства докторъ изготовляетъ въ такихъ случаяхъ самъ. Кромѣ этого, тутъ существуютъ такъ-называемые «докторскіе клубы»—нѣчто въ родѣ частнаго фонда на случай болѣзни. Каждый избираетъ клубъ, докторъ котораго внушаетъ ему довѣріе, и вноситъ туда по шести пенсовъ каждыя двѣ недѣли, получая за это безплатную медицинскую помощь и лѣкарства какъ для себя, такъ и для членовъ своего семейства.

Въ Ньюкестлѣ имѣется еще два большихъ общественныхъ учрежденія для подачи медицинской помощи—лѣчебница для приходящихъ и больница, расположенныя въ самомъ центрѣ города. Здѣсь больнымъ все предоставляется безплатно; приходящіе больные должны лишь имѣть свою посуду для лѣкарствъ. Насколько оба эти учрежденія благодѣтельны для рабочаго класса—это лучше всего видно изъ широкаго пользованія ими; въ лѣчебницѣ для приходящихъ, напримѣръ, нерѣдко собирается до двухсотъ паціентовъ сразу. Въ случаѣ продолжительной болѣзни, этими учрежденіями пользуются всѣ работники, даже принадлежащіе къ «докторскимъ клубамъ» или къ обществамъ взаимнаго вспомоществованія. Больница является въ то же время и медицинской школой, гдѣ всегда имѣется сорокъ или пятьдесятъ студентовъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о дѣтской больницѣ, пользующейся большимъ довѣріемъ среди работниковъ. Такъ какъ у меня самого долгое время лежалъ тамъ четырехлѣтній ребенокъ, то я имѣлъ случай видѣть все. Зданіе дѣтской больницы очень красиво снаружи и еще болѣе привлекательно внутри. Справа и слѣва идутъ палаты. Въ срединѣ второго этажа помѣщается столовая для выздоравливающихъ дѣтей, гдѣ имѣется много всевозможныхъ игрушекъ. При входѣ въ палату посѣтителя поражаютъ громадныя пирамиды цвѣтовъ. Вдоль стѣнъ размѣщены маленькія желтыя койки, на которыхъ лежатъ дѣти, одѣтыя въ красную фланель. Эта больница приспособлена на сто больныхъ.

Существующая въ Германіи обширная система обязательнаго страхованія, на случай болѣзни, увѣчья и на старость, отсутствуетъ въ Англіи. Здѣсь работникамъ предоставлено самимъ организовывать страхованіе. Лица, не обезпечившія себя на случай болѣзни, безплатно принимаются въ больницу; калѣкамъ же зачастую приходится прибѣгать къ прошенію милостыни послѣ того, какъ они истратятъ полученное ими вознагражденіе. Предприниматели, впрочемъ, всѣми силами стараются удержать на работѣ и такихъ изувѣченныхъ людей, которые въ Германіи были бы зачислены въ разрядъ совершенно неспособныхъ къ труду. Напримѣръ, въ той копи, гдѣ я работаю, работаютъ четыре человѣка, имѣющіе лишь по одной ногѣ, Одинъ изъ нихъ потерялъ правую ногу и правую руку; другой лишился одной ноги и изувѣчилъ одну руку. Эти люди занимаются выбираніемъ изъ угля камней.

Вслѣдствіе отсутствія обязательнаго страхованія, на долю приходскаго попечительства выпадаетъ много труда. Мое личное знакомство съ этимъ попечительствомъ было вкратцѣ таково. Вслѣдствіе незнанія мною мѣстныхъ орга-

низацій страхованія на случай болѣзни, я примкнулъ къ одному изъ этихъ обществъ всего за три мѣсяца до моей болѣзни, между тѣмъ помощь можетъ получать лишь тотъ, кто пробылъ членомъ не менѣе шести мѣсяцевъ. Въ теченіе первыхъ шести недѣль моей болѣзни меня посѣщала одна дама, которая ознакомилась съ моими обстоятельствами и уплатила десять шиллинговъ за квартиру. Затѣмъ пришелъ уполномоченный приходскаго комитета и вызвалъ мою жену присутствовать на собраніи совѣта, засѣдающаго ежедневно въ полдень. Какъ оказалось, тамъ хорошо были знакомы со всѣми моими дѣлами и назначили мнѣ семь шиллинговъ и шесть пенсовъ въ недѣлю на четыре мѣсяца, съ добавленіемъ медицинской помощи и лѣкарствъ. По прошествіи этихъ четырехъ мѣсяцевъ мнѣ назначили девять шиллинговъ въ недѣлю еще на восемь недѣль, но при этомъ были приложены всѣ старанія, чтобы отдѣлаться отъ меня, такъ какъ докторъ сказалъ, что я могу прожить еще долго, но никогда уже не поправлюсь. Я, будучи иностранцемъ, не считалъ себя въ правѣ порицать за это приходскія власти, потому что у нихъ много и своихъ бѣдныхъ.

Въ Германіи лица, завѣдующія попеченіемъ о бѣдныхъ, далеко не такъ извѣстны, какъ въ Англіи. Здѣсь уполномоченный приходскаго попечительства извѣстенъ всѣмъ и каждому на много миль кругомъ. У него нѣтъ никакого другого занятія, кромѣ посѣщенія бѣдныхъ и еженедѣльной раздачи имъ назначеннаго совѣтомъ пособія.

Каждое лицо, получающее пособіе и имѣющее ребенка школьнаго возраста, снабжается книжкой, въ которой учитель отмѣчаетъ посѣщенія ребенкомъ классовъ въ теченіе недѣли. Эта книжка должна предъявляться уполномоченному приходскаго попечительства каждую субботу въ девять часовъ утра, когда раздается пособіе. Уполномоченный приходскаго попечительства поддерживаетъ сношенія со школами и съ религіозными обществами, такъ что онъ хорошо освѣдомленъ объ обстоятельствахъ каждаго нуждающагося семейства.

Если человѣкъ, нуждающійся въ помощи, велъ передъ тѣмъ дурной образъ жизни, то ему отказываютъ въ помощи на дому, и тогда все семейство должно отправиться въ рабочій домъ, гдѣ отца, мать и дѣтей разлучаютъ и допускаютъ видѣться лишь разъ въ двѣ недѣли. Въ рабочій домъ безпрепятственно принимаютъ всѣхъ, даже дѣтей, которыхъ подбираетъ и полиція. Для многихъ стѣсненія этого дома настолько невыносимы, что они предпочитаютъ скорѣе просить милостыню, что дозволяется въ Англіи, лишь бы просящій пѣлъ. Вслѣдствіе этого здѣсь нерѣдко приходится встрѣчать мужа, жену и двухъ или трехъ дѣтей, которые поютъ на улицѣ.

Скитающіеся люди допускаются на ночлегъ въ рабочіе дома, лишь бы они пришли до десяти часовъ вечеръ. Тамъ имъ даютъ кусокъ хлѣба и пинту кашицы на ужинъ и кусокъ хлѣба на завтракъ. Зато они должны въ теченіе двухъ часовъ рубить дрова или дробить камни. Рабочій домъ часто бываетъ биткомъ набитъ. Самому мнѣ никогда не приходилось быть въ немъ, и теперь я опять могу работать.

Среди другихъ общественныхъ учрежденій Ньюкестля заслуживаютъ упоминовенія особенно слѣдующія: городскіе парки и мѣста для игръ, общественныя ванны и прачешныя, публичныя читальни и библіотеки, выдающія книги на домъ. Рабочій классъ широко пользуется всѣми этими учрежденіями, особенно же библіотеками, которыхъ въ Ньюкестлѣ имѣется двѣ. Въ библіотекѣ каждый можетъ читать газеты со всѣхъ концовъ земного шара и брать книги на домъ безъ всякой платы.

Д. М.—овъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физіологія. Почему луна и солнце вблизи горизонта намъ кажутся больше, чѣмъ вблизи зенита.—**Зоологія.** 1) Органы свѣченія у рыбъ Porichthys notatus. 2) Юконскія собаки.—**Бактеріологія.** Судьба болѣзнетворныхъ микробовъ послѣ смерти зараженнаго ими организма. *Д. Н.*—**Географія и путешествія.** Нѣкоторые научные результаты экспедиціи Нансена.—**Химія.** Новое анестезирующее вещество. —**Техника.** 1) Постройка желѣзной дороги на Юнгфрау. 2) Заводы Круппа въ Эссенѣ. *Н. М.*—Астрономическія извѣстія. *К. Покровскій.*

Физіологія. *Почему луна и солнце вблизи горизонта намъ кажутся больше, чѣмъ вблизи зенита.* Въ послѣднее время, нѣкоторыми физіологами вновь подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ о причинѣ различной кажущейся величины луны и солнца (а также и звѣздъ) вблизи горизонта и вблизи зенита. Новое и очень хорошо обоснованное рѣшеніе этого вопроса даетъ въ «Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiologie». Bd. 78, ассистентъ физіологической лабораторіи грацскаго университета Цотъ (статья его называется «Ueber den Einfluss der Blikrichtung auf die scheinbare Grösse des Gestirne und die scheinbare Form des Himmelsgewölbes»). Въ физіологіи принято и удерживается объясненіе этого оптическаго обмана, данное еще за 150 лѣтъ до Р. Х. Птоломеемъ. Объясненіе это таково. Пространство, наполненное различными предметами, находящимися на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, намъ кажется больше того, которое ничѣмъ не занято; поэтому разстояніе отъ нашего глаза до горизонта намъ кажется больше, чѣмъ до зенита, такъ какъ на немъ мы видимъ различные предметы, находящіеся на землѣ; эта неправильная оцѣнка разстояній является, въ свою очередь, причиной кажущейся формы небеснаго свода.

Изображенія небесныхъ свѣтилъ, находятся ли они вблизи горизонта, или вблизи зенита, на сѣтчаткѣ глаза получаются одинаковыхъ размѣровъ, но мы считаемъ, что самыя свѣтила помѣщаются на небесномъ сводѣ, слѣдовательно, вблизи горизонта, дальше отъ насъ, а вблизи зенита ближе къ намъ, изъ двухъ же предметовъ, находящихся на разныхъ разстояніяхъ и дающихъ одинаковыя изображенія на сѣтчаткѣ, мы по ежедневному опыту привыкаемъ считать большимъ тотъ, который дальше отъ насъ находится. Итакъ, вслѣдствіе того, что между глазомъ и линіей горизонта имѣются различные предметы, небесный сводъ представляется намъ плоскимъ куполомъ; солнце, луну и звѣзды мы считаемъ находящимися на поверхности этого купола и поэтому, вслѣдствіе неправильной оцѣнки разстоянія между глазомъ и свѣтилами при различной высотѣ ихъ надъ горизонтомъ, они намъ кажутся тѣмъ меньше, чѣмъ ближе къ зениту они находятся.

Цотъ строитъ свои разсужденія, подкрѣпляемыя весьма доказательными опытами, на совершенно иныхъ основаніяхъ. Наблюденія надъ кажущейся величиной предметовъ въ зависимости отъ различнаго положенія глазъ привели его къ мысли, что и въ опредѣленіи величины небесныхъ свѣтилъ главное значеніе должно принадлежать направленію, по которому мы видимъ эти свѣтила.

Свой основной опытъ онъ производитъ слѣдующимъ образомъ. Если встать прямо и, не наклоняя головы ни впередъ, ни назадъ, ни вбокъ, смотрѣть на луну черезъ закопченную стеклянную пластинку, или черезъ два положенныя другъ на друга разноцвѣтныхъ стекла, черезъ которыя хорошо видно свѣтлый дискъ луны, но совершенно нельзя различить никакихъ предметовъ ни на поверхности земли, ни рисующихся въ видѣ силуэтовъ на небѣ, то, въ зависимости отъ разстоянія луны до зенита, оптическій обманъ относительно ея кажущейся величины сохраняется безъ всякаго измѣненія совершенно такъ же, какъ при непосредственномъ наблюденіи луны на небесномъ сводѣ: низко стоящее свѣтило кажется большимъ, высоко стоящее маленькимъ, въ обоихъ случаяхъ, быть можетъ, нѣсколько меньше, чѣмъ при разсматриваніи его безъ закопченнаго стекла; при этомъ безразлично, какого цвѣта кажется луна черезъ окрашенныя стекла, а также будемъ ли мы смотрѣть на нее передъ тѣмъ простымъ глазомъ или нѣтъ. Относительно кажущагося разстоянія свѣтила въ этихъ обстоятельствахъ не возникаетъ никакого представленія. Такимъ образомъ, результатъ этого опыта слѣдующій: круглый, слабо свѣтящійся, окрашенный дискъ, опредѣленныхъ размѣровъ, относительно разстоянія и величины котораго мы совершенно не можемъ судить, на темномъ фонѣ, вблизи горизонта намъ кажется больше, чѣмъ вблизи зенита. Изъ того обстоятельства, что при этомъ опытѣ единственно что измѣнялось, это положеніе глазъ, Цотъ справедливо дѣлаетъ заключеніе, что именно оно-то и является причиной различной кажущейся величины дисковъ, или другими словами: высоко стоящая луна кажется намъ меньше потому, что мы смотримъ на нее поднятыми глазами, низко стоящая—больше потому, что мы видимъ ее при горизонтальномъ или прямомъ положеніи осей глаза. Обобщая этотъ выводъ, можно сказать, что всѣ предметы, относительно разстоянія и величины которыхъ, мы не можемъ составить никакого сужденія, кажутся намъ меньше, если мы смотримъ на нихъ поднятыми глазами, чѣмъ если мы ихъ видимъ прямо передъ собою. Далѣе это свое основное положеніе Цотъ провѣряетъ различными опытами и затѣмъ на основаніи его старается объяснить кажущуюся форму небеснаго свода, а также и нѣкоторыя другія интересныя явленія, на которыя, повидимому, до сихъ поръ мало обращали вниманія. Производя провѣрочные опыты, онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Если основное положеніе вѣрно, то при прочихъ равныхъ условіяхъ и низко надъ горизонтомъ стоящая луна должна казаться намъ меньше, когда мы будемъ смотрѣть на нее поднятыми глазами, чѣмъ когда мы будемъ ее видѣть прямо передъ собою, и равнымъ образомъ вблизи зенита луна будетъ намъ казаться больше, когда мы будемъ ее видѣть прямо передъ собою, чѣмъ когда мы будемъ смотрѣть на нее поднятыми глазами. Соотвѣтствующіе опыты можно произвести разными способами или безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, или при помощи зеркалъ и призмъ. Всѣ эти опыты и были произведены авторомъ. Большинство изъ нихъ легко удаются при разсматриваніи луны простымъ глазомъ безъ закопченной стекляной пластинки или цвѣтныхъ стеколъ. Простѣйшая форма опыта состоитъ въ томъ, что наблюденія производятся, стоя прямо и въ одномъ случаѣ сильно наклонивъ голову (чтобы видѣть луну, находящуюся вблизи горизонта, поднятыми глазами), въ другомъ случаѣ держа голову совершенно вертикально; или же можно лечь на горизонтальной поверхности и смотрѣть на луну, въ одномъ случаѣ держа голову прямо (горизонтально), въ другомъ—сильно наклонивъ ее (лежа на спинѣ назадъ и внизъ, лежа на груди назадъ и вверхъ). Во всѣхъ трехъ опытахъ оказалось, что дискъ восходящей луны представляется меньшихъ размѣровъ, если смотрѣть на него поднятыми глазами одинаково и при затѣненіи небеснаго свода съ помощью стеколъ и безъ него. Если измѣнить положеніе головы такъ, чтобы видѣть луну прямо передъ собою, то она опять принимаетъ въ нашихъ глазахъ

прежніе размѣры. Во всѣхъ этихъ опытахъ сила оптическаго обмана зависитъ отъ продолжительности наблюденія: чѣмъ дольше оно производится (до извѣстнаго предѣла), тѣмъ рѣзче выступаетъ разница въ кажущейся величинѣ наблюдаемаго диска.

Въ подтвержденіе результатовъ основного изслѣдованія, какъ и нужно было ожидать, дискъ луны, стоящій близъ зенита, если смотрѣть на него, лежа на спинѣ и, слѣдовательно, видѣть прямо предъ собою, не поднимая глазъ, кажется значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ если смотрѣть на него стоя и поднявъ глаза вверхъ. Особенно хорошо удается этотъ опытъ, если, не переставая смотрѣть на дискъ луны и не наклоняя головы назадъ, перевести тѣло изъ горизонтальнаго положенія въ вертикальное (т. е. лечь на спину и затѣмъ подняться). Подобные же опыты и съ соотвѣтствующимъ результатомъ были произведены при помощи такъ называемыхъ свѣтовыхъ слѣдовъ въ глазу, а также посредствомъ зеркалъ и призмъ. Всякій знаетъ, что если смотрѣть на какой-либо ярко свѣтящійся или освѣщенный предметъ и затѣмъ перевести взглядъ на болѣе темную поверхность или просто закрыть глаза, то появляется изображеніе предмета, разсматривавшагося передъ этимъ, что объясняется тѣмъ, что въ сѣтчаткѣ глаза въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ сохраняется раздраженіе, вызванное яркимъ свѣтомъ. Вызвавъ такой свѣтовой слѣдъ въ глазу, напр., отъ изображенія солнца, просвѣчивающаго черезъ облака, и затѣмъ, измѣняя положеніе глаза, можно наблюдать увеличеніе размѣровъ свѣтового слѣда при прямомъ положеніи глазъ и уменьшеніе—при подниманіи ихъ. Этотъ опытъ интересенъ, между прочимъ, тѣмъ, что здѣсь изображеніе на сѣтчаткѣ, очевидно, перемѣщаться не можетъ. Опыты съ зеркаломъ такъ же, какъ и только что описанные со свѣтовымъ слѣдомъ, удаются не всегда хорошо. Цотъ даетъ этому обстоятельное объясненіе, разборъ котораго потребовалъ бы сообщенія слишкомъ многихъ подробностей изъ физіологіи зрѣнія.

На основаніи изложенныхъ опытовъ кажущаяся форма небеснаго свода можетъ быть объяснена такъ. Если мы встанемъ, держа голову въ вертикальномъ направленіи, и будемъ перемѣщать направленіе взгляда отъ зенита къ горизонту черезъ равные небольшіе углы, то это будетъ соотвѣтствовать разсматриванію полосъ одинаковой ширины, расположенныхъ послѣдовательно отъ зенита къ горизонту, причемъ въ данномъ случаѣ, переходя отъ верхнихъ полосъ къ нижнимъ, мы все болѣе и болѣе опускаемъ глаза. Понятно, что при этихъ условіяхъ верхнія полосы должны казаться намъ уже, нижнія—шире, а на правильно изогнутой поверхности это можетъ быть лишь тогда, если она опускается все болѣе и болѣе полого. Слѣдовательно, небесный сводъ представляется намъ плоскимъ куполомъ потому, что предметы, находящіеся отъ насъ на неизвѣстномъ разстояніи, какъ, напримѣръ, луна и солнце, кажутся намъ тѣмъ меньше, чѣмъ выше приходится поднимать глаза, чтобы ихъ увидѣть. Итакъ, кажущееся измѣненіе величины небесныхъ свѣтилъ при различныхъ положеніяхъ ихъ опредѣляетъ форму небеснаго свода, а не наоборотъ, какъ это принималось до сихъ поръ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что видимая форма небеснаго свода должна измѣниться, если мы будемъ разсматривать его, лежа на спинѣ, т. е. если мы будемъ видѣть зенитъ прямо передъ собою, а горизонтъ только въ томъ случаѣ, если сильно опустимъ или поднимемъ глаза. По господствующимъ представленіямъ этого произойти не должно, такъ какъ близость горизонта къ предметамъ, находящимся на землѣ, измѣненіемъ положенія наблюдателя не устраняется. Соотвѣтствующій опытъ Цотъ описываетъ слѣдующими словами: «Я легъ горизонтально на спину на площадкѣ на крышѣ, вслѣдствіе чего я могъ довольно далеко видѣть кругомъ во всѣ стороны, причемъ зенитъ я видѣлъ прямо передъ собою. Поднимая глаза кверху (вѣрнѣе сказать, ко лбу), я могъ прослѣдить небесный сводъ до горизонта, а нѣсколько наклонивъ голову

назадъ, могъ даже видѣть и землю за собой; опуская взглядъ (къ ногамъ), я могъ достигнуть горизонта съ противоположной стороны, а нѣсколько наклонивъ голову впередъ, увидѣть землю и передъ собой. Глаза при этомъ были защищены очками съ дымчатыми стеклами. Наблюденіе производилось при почти совершенно ясномъ небѣ. Оказалось слѣдующее: небесный сводъ въ зенитѣ начинаетъ отдаляться не тотчасъ же при переходѣ въ горизонтальное положеніе, а спустя минуту или двѣ. Если поднять глаза, то у горизонта небесный сводъ какъ будто сильно приближается и, круто опускаясь къ горизонту, становится почти вертикально. Если быстро нѣсколько разъ перемѣстить взглядъ, то этотъ оптическій обманъ выступаетъ весьма рѣзко. Чѣмъ дольше оставаться въ горизонтальномъ положеніи, тѣмъ яснѣе становится углубленіе небеснаго свода въ зенитѣ... Когда я обращалъ взглядъ къ горизонту внизъ, къ ногамъ, то казалось, что небесный сводъ еще нѣсколько больше отступалъ, чѣмъ въ зенитѣ, но различіе въ кажущемся отдаленіи его при вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи взгляда не такъ велико, какъ при подниманіи глазъ». Такимъ образомъ, въ этомъ положеніи форма небеснаго свода представляется въ видѣ несимметричнаго купола, болѣе плоскаго у горизонта со стороны головы и болѣе углубленнаго къ ногамъ, чего и слѣдовало ожидать на основаніи вышеприведенныхъ соображеній.

Кромѣ того, Цотъ произвелъ цѣлый рядъ наблюденій для рѣшенія вопроса, измѣняется ли кажущаяся величина предмета, находящагося на близкомъ разстояніи, въ зависимости отъ того, видимъ ли мы его прямо передъ собой или должны для этого поднять глаза. Для опытовъ служили бѣлые, освѣщенные извнутри шары одинаковыхъ размѣровъ, слабо накаленныя электрическимъ токомъ проволоки и свѣчи, поставленныя на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга; при опытахъ одинъ изъ предметовъ помѣщался прямо передъ наблюдателемъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, другой—на такомъ же разстояніи почти надъ головой. Оказалось, что при измѣненіи направленія взгляда въ этихъ условіяхъ кажущаяся величина предмета ее измѣняется, но зато рѣзко измѣняется кажущееся разстояніе предмета отъ глаза наблюдателя, а именно, предметъ, находящійся почти надъ головой наблюдателя, кажется гораздо дальше; но это происходило только тогда, если по положенію окружающихъ предметовъ можно было составить себѣ какое-нибудь, въ данномъ случаѣ совершенно ложное, представленіе о разстояніи; если же наблюденія производились въ полной темнотѣ, то казалось, что измѣняется величина наблюдаемыхъ предметовъ, а не разстояніе ихъ отъ глаза. Этотъ результатъ, вполнѣ подтверждающій предположеніе Цота, показываетъ въ то же время, какъ сложно происхожденіе впечатлѣній, которыя мы считаемъ непосредственно производимыми предметами внѣшняго міра.

Какъ выше было указано, по общепринятому мнѣнію кажущаяся величина луннаго диска измѣняется для насъ потому, что мы видимъ его въ проекціи на небесномъ сводѣ. «Но,—говоритъ Цотъ,—я не нахожу, чтобы луна на горизонтѣ казалась мнѣ дальше отстоящей, чѣмъ въ зенитѣ: напротивъ, она кажется мнѣ ближе, чѣмъ когда стоитъ высоко на небѣ, и тѣмъ ближе, чѣмъ яснѣе и больше она представляется, въ зенитѣ же она мнѣ кажется гораздо дальше, чѣмъ у горизонта, и притомъ тѣмъ дальше, чѣмъ меньшей я ее вижу. Итакъ, у горизонта я вижу луну большую и близко, у зенита—маленькую и далеко; а такъ какъ небесный сводъ мнѣ, какъ и всѣмъ, представляется въ зенитѣ ближе, то я и долженъ былъ заключить изъ этого, что кажущаяся величина луны не зависитъ отъ формы небеснаго свода. Если же небесный сводъ у горизонта мнѣ кажется болѣе отдаленнымъ, а восходящая луна болѣе близкою, чѣмъ въ зенитѣ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является, какъ мнѣ всегда и представлялось, что восходящую луну я вижу всегда *передъ* небеснымъ сво-

домъ въ пространствѣ и никогда не вижу ее въ проекціи на самомъ небесномъ сводѣ. Я былъ въ большомъ затрудненіи по поводу всего изложеннаго, такъ какъ, повидимому, я со своими ощущеніями находился въ прямомъ противорѣчіи съ «Птоломеемъ и арабскими астрономами», а также со всѣми тѣми, кому луна «у горизонта представляется больше потому, что она кажется имъ тамъ дальше отстоящею». Я не могъ понять, чтобы мы одновременно видѣли луну дальше и считали ее близко находящеюся, но, быть можетъ, это моя индивидуальная особенность, и поэтому я обратился съ вопросами, приблизительно, къ 100 лицамъ различнаго положенія, возраста и пола и изъ различныхъ странъ, чтобы узнать, раздѣляетъ ли мои представленія большее или меньшее число людей. Полагаю, что я не произвелъ въ своихъ вопросахъ никакого внушенія этимъ лицамъ. Отвѣты, полученные мною, поразительно согласны съ моими представленіями. Только двое изъ спрошенныхъ лицъ не могли припомнить нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Одно лицо дало противорѣчащіе другъ другу отвѣты, но никто не утверждалъ, чтобы луна у горизонта ему казалась дальше, чѣмъ когда она стоитъ высоко на небѣ. Въ общемъ полученные отвѣты были почти стереотипны. Вопросы и отвѣты гласили слѣдующее: 1) Не можете ли вы припомнить хорошій восходъ луны, при которомъ вы бы видѣли ее у горизонта весьма ясною и большою? Отвѣтъ: «Да». 2) Казалась ли вамъ при этомъ луна ближе или дальше, чѣмъ при менѣе хорошемъ восходѣ, или чѣмъ когда она поднимается выше надъ горизонтомъ? Отвѣтъ: «Ближе (или гораздо ближе)». 3) Казался ли вамъ при этомъ дискъ луны *на* небесномъ склонѣ или *передъ* нимъ, въ пространствѣ? Отвѣтъ: «Передъ нимъ»... На основаніи этихъ многочисленныхъ и вполнѣ согласныхъ между собою отвѣтовъ—независимо отъ описанныхъ въ первой части этого сообщенія опытовъ—я не могу раздѣлять взгляда, чтобы мы видѣли у горизонта луну бо́льшей потому, что она тамъ кажется намъ дальше отстоящей; равнымъ образомъ, такъ какъ восходящая луна въ дѣйствительности намъ кажется находящейся не на небесномъ сводѣ, а передъ нимъ въ пространствѣ, я не могу примкнуть къ мнѣнію, что вопросъ о кажущейся величинѣ свѣтилъ стоитъ въ зависимости отъ вопроса о причинѣ формы небеснаго свода. Напротивъ, я полагаю, что первичнымъ является оптическій обманъ относительно кажущейся величины свѣтилъ». Эти явленія, которыя, вѣроятно, приходилось наблюдать весьма многимъ изъ читателей, не поддающіяся объясненію съ точки зрѣнія общепринятой гипотезы, вышеизложенными опытами Цота, какъ мы видѣли, объясняются весьма просто и даже вытекаютъ изъ нихъ какъ необходимое слѣдствіе.

Въ заключеніе Цотъ дѣлаетъ попытку дать физіологическое объясненіе своего основного изслѣдованія. Спеціальность вопроса не позволяетъ излагать его въ подробностяхъ. Въ существенныхъ чертахъ дѣло сводится къ слѣдующему. Обращая взглядъ на опредѣленную точку, мы приводимъ глаза въ такое положеніе, чтобы продолженія зрительныхъ осей (т. е. линій, проходящихъ черезъ центръ зрачка и приблизительно черезъ центръ глазного яблока) пересѣкались въ этой точкѣ. Уголъ, образуемый этими линіями («уголъ зрѣнія»), разумѣется, тѣмъ больше, чѣмъ ближе къ намъ точка, на которую мы смотримъ. Поэтому понятно, что величиной угла зрѣнія, или, вѣрнѣе сказать, степенью сокращенія мышцъ, приводящихъ глазъ въ движеніе, мы пользуемся для опредѣленія разстоянія видимыхъ предметовъ отъ глаза. Это самое важное, хотя и не единственное обстоятельство, которымъ мы пользуемся для указанной цѣли; такъ, напримѣръ, для этого же служитъ намъ ощущеніе приспособленія хрусталика глаза *) (аккомодаціи) къ данному разстоянію; впрочемъ степень аккомодаціи

*) Всякій знаетъ, что объективъ фотографическаго аппарата долженъ быть надлежащимъ образомъ установленъ, чтобы на матовой пластинкѣ получилось отчет-

отчасти зависитъ отъ схожденія зрительный осей. На основаніи ежедневнаго опыта мы безсознательно пріучаемся изъ двухъ предметовъ, дающихъ на сѣтчаткѣ изображеніе одинаковой величины и находящихся отъ насъ на неизвѣстныхъ намъ разстояніяхъ, придавать большіе размѣры тому, который мы видимъ подъ меньшимъ угломъ зрѣнія. При подниманіи глазъ зрительныя оси нѣсколько расходятся; поэтому, чтобы направить ихъ на предметы, находящіеся въ одинаковомъ отъ насъ разстояніи, въ одномъ случаѣ прямо передъ глазами, въ другомъ случаѣ почти надъ головой, мы должны употребить не одинаковое усиліе глазныхъ мышцъ для соединенія зрительныхъ осей, а именно въ послѣднемъ случаѣ, т. е. направляя взглядъ вверхъ, большее усиліе, что и производитъ впечатлѣніе, какъ будто мы видимъ этотъ предметъ подъ бо́льшимъ угломъ зрѣнія. Если, какъ это бываетъ при разсматриваніи небесныхъ свѣтилъ, величина изображеній на сѣтчаткѣ при этомъ не мѣняется, то предметъ, находящійся надъ головой, кажется намъ видимымъ подъ большимъ угломъ зрѣнія и, слѣдовательно, меньшихъ размѣровъ. Подобныя же разсужденія могутъ быть приложены для объясненія причины неправильной оцѣнки разстояній предметовъ, находящихся вблизи отъ насъ прямо передъ глазами и надъ головой.

Безразлично, вѣрны или нѣтъ только что приведенныя физіологическія соображенія Цота, во всякомъ случаѣ его непосредственныя наблюденія, на мой взглядъ, вполнѣ объясняютъ причину кажущагося измѣненія размѣровъ небесныхъ свѣтилъ при различной высотѣ ихъ надъ горизонтомъ, а также и видимой формы небеснаго свода.

Зоологія. 1) *Органы свѣченія у рыбы Porichthys notatus.* Какъ извѣстно, органы свѣченія имѣются у многихъ глубоководныхъ рыбъ; на большихъ глубинахъ океана, въ которыхъ онѣ обыкновенно держатся и въ которыя не проникаетъ солнечный свѣтъ, способность самосвѣченія многихъ живущихъ тамъ организмовъ, имѣетъ извѣстное физіологическое значеніе, что слѣдуетъ уже изъ широкаго распространенія этого явленія въ глубоководной фаунѣ. Органы свѣченія у Porichthys представляютъ собою маленькіе, но видимые невооруженнымъ глазомъ бугорки, расположенные длинными, правильными рядами между чешуекъ. Число ихъ очень велико; они распространены у нихъ во всѣхъ областяхъ тѣла. Эти органы заложены непосредственно подъ эпидермой; они состоятъ изъ трехъ частей: изъ такъ называемой линзы, железы и рефлектора. Линзу образуютъ совершенно прозрачныя, сильно преломляющія свѣтъ клѣтки; хотя очертанія и расположеніе этихъ клѣтокъ не представляютъ большой правильности, тѣмъ не менѣе правильные контуры образованнаго ими органа вполнѣ оправдываютъ названіе линзы. Линза прилегаетъ непосредственно къ такъ называемой железѣ, которая и представляетъ собою собственно органъ свѣченія. Она состоитъ изъ большихъ различной формы клѣтокъ съ густой зернистой протоплазмой. Эти клѣтки расположены безъ особеннаго порядка въ соединительно тканной основѣ. Самую внутреннюю часть органа образуетъ такъ называемый рефлекторъ. Онъ образованъ почти исключительно гладкими, сильно преломляющими свѣтъ волокнами. Рефлекторъ имѣетъ видъ чашки, въ которую заложены железа и линза. Такимъ образомъ строеніе органа свѣченія вполнѣ обезпечиваетъ пользованіе выдѣляемымъ свѣтомъ. Спеціальныхъ нервныхъ стволовъ, направляющихся къ этимъ органамъ, найдено не было. Если наблюдать эту рыбу въ акваріумѣ, то даже и въ темнотѣ нельзя замѣтить свѣченія; весьма слабый свѣтъ замѣтенъ, если рыба прикоснется къ стеклу. Однако кар-

---

ливое изображеніе; нѣчто подобное происходитъ и въ глазу, но только здѣсь измѣняется не разстояніе между хрусталикомъ, соотвѣтствующимъ объективу фотографическаго аппарата, и сѣтчаткой, соотвѣтствующей чувствительной пластинкѣ, а форма хрусталика, но результатъ достигается тотъ же.

тина совершенно мѣняется, если къ водѣ акваріума прибавить нѣсколько амміака; приблизительно черезъ пять минутъ свѣченіе достигаетъ максимума и бываетъ при этомъ весьма значительно: отдѣльные бугорки различаются вполнѣ ясно. Затѣмъ свѣченіе ослабѣваетъ и спустя минутъ 20 совершенно прекращается. Замѣчательно, что амміакъ вызываетъ свѣченіе даже и 5—6 часовъ спустя послѣ смерти животнаго. Прикосновеніе къ свѣтящимся бугоркамъ усиливаетъ свѣченіе на нѣкоторое время. Авторъ статьи, изъ которой заимствованы сообщаемыя свѣдѣнія, полагаетъ, что свѣченіе вызывается лишь непосредственнымъ раздраженіемъ соотвѣтственнаго органа, вслѣдствіе чего железа начинаетъ выдѣлять легко окисляющіяся вещества, которыя при окисленіи и освобождаютъ свѣтовую энергію. Назначеніе рефлектора и линзы понятны сами собою: это чисто физическіе аппараты («Naturwissenschaftliche Rundschau» 1900 г. № 10).

2) *Юконскія собаки.* Единственное упряжное животное въ Клондейкѣ— это собака. Тамъ не можетъ жить ни лошадь, ни оселъ, и даже опыты акклиматизаціи европейскаго сѣвернаго оленя не имѣли успѣха. Употребляемыя тамъ собаки мѣстнаго происхожденія; на низовьяхъ Юкона ихъ называютъ «маламутъ», въ верхнемъ бассейнѣ—«сивашъ». Маламутъ бѣлаго цвѣта или сѣроватый съ черными или бѣлыми пятнами; сивашъ черный съ бѣлыми пятнами. Эти животныя ублюдки: помѣсь собаки съ волкомъ. Чтобы сохранить въ чистотѣ свойства расы, хозяева собакъ каждый годъ весною ловятъ волчатъ и держатъ ихъ до слѣдующей весны, затѣмъ случаютъ ихъ съ собаками и потомъ отпускаютъ на свободу. Нравъ юконскихъ собакъ весьма непріятенъ: это едва ли не самыя вороватыя животныя. Мѣстное населеніе хорошо это знаетъ, но единственное средство—это хорошенько все прятать, такъ какъ, если кто убьетъ не принадлежащую ему собаку (исключая, конечно, случаевъ самозащиты), подвергается штрафу въ 1.000 фр. или тюремному заключенію на 6 мѣсяцевъ.

Цѣнятся юконскія собаки вообще весьма дорого. Зимою 1898 г. онѣ продавались по 750—1.000 фр. и даже 1.500 за штуку. За четверку этихъ собакъ въ декабрѣ 1897 г. было заплачено 6.000 фр. Правда, это были едва ли не лучшія собаки во всей мѣстности; онѣ были куплены около форта Юконъ и сразу же сдѣлали путешествіе въ 1.500 километровъ. Юконскія собаки имѣютъ гладкую шерсть и короткій хвостъ и по сложенію нѣсколько напоминаютъ скаковыхъ лошадей; ростомъ онѣ съ большого датскаго дога. Форма хвоста имѣетъ важное значеніе. Этихъ собакъ запрягаютъ цугомъ, и такихъ, у которыхъ хвостъ короче, можно запречь ближе другъ къ другу и къ повозкѣ. Съ другой стороны, въ этомъ климатѣ и для самой собаки хвостъ имѣетъ большое значеніе: въ сильные морозы, которые тамъ, какъ всякій знаетъ, весьма суровы и продолжительны, собака во время сна закрываетъ хвостомъ носъ и голову. Къ холоду эти животныя замѣчательно выносливы: даже въ 40 и 50° мороза у нихъ не зябнутъ ноги.

Часто ввозятъ въ Аляску и въ Клондейкъ собакъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, но эти породы далеко не такъ выносливы, какъ мѣстная раса. Для короткихъ поѣздокъ онѣ годятся, но для путешествій въ 800 и болѣе километровъ могутъ употребляться только собаки туземныя. Кормятъ ихъ одинъ разъ въ сутки—вечеромъ; имъ даютъ сало съ мукой, хорошо проваренное. Эта пища вполнѣ пригодна при той тратѣ силъ и тѣхъ тепловыхъ потеряхъ, которымъ приходится подвергаться этимъ животнымъ въ дальнихъ путешествіяхъ («Revue scientifique»).

Бактеріологія. *Судьба болѣзнетворныхъ микробовъ послѣ смерти зараженнаго ими организма.* Всякая инфекціонная болѣзнь представляетъ собою не что иное, какъ отдѣльный эпизодъ изъ той борьбы всѣхъ противъ

всѣхъ, которая непрерывно совершается въ животномъ мірѣ. Если зараженный организмъ одерживаетъ верхъ надъ микробами—выздоравливаетъ,—то при этомъ онъ уничтожаетъ ихъ съ помощью разнообразныхъ приспособленій. Что же происходитъ, если одержатъ верхъ микробы? Какъ пользуются они плодами своей побѣды? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ статьѣ Klein'а «*Zur* Kenntnis des Schisksals path. Bact. in der beerdigten Leiche», помѣщенной въ «Centralblatt für Bakt». Bd. 25 № $^{21}/_{22}$. Наблюденія производились слѣдующимъ образомъ. Животнымъ (обыкновенно морскимъ свинкамъ) производилось впрыскиваніе въ полость брюшины значительныхъ количествъ культуръ различныхъ болѣзнетворныхъ микробовъ, 24 часа спустя (въ это время животныя обыкновенно погибали) трупы ихъ завертывали въ куски полотна и затѣмъ, положивъ въ деревянный или цинковый ящикъ, или и просто такъ завернутыми въ полотно закапывали во влажную землю или въ песокъ. Черезъ опредѣленные промежутки времени трупы животныхъ выкапывали и опредѣляли, какіе виды бактерій сохранились въ нихъ. Такимъ образомъ были изслѣдованы Bacillus prodigiosus, Stophylococcus pyogenes aureus, холерные вибріоны, бациллы тифа, дифтерита, чумы и туберкулеза. Во всѣхъ случаяхъ оказалось, что болѣзнетворные микробы въ этихъ условіяхъ весьма быстро погибаютъ: такъ, напримѣръ, бациллы тифа черезъ 15—20 дней, бацилы дифтерита также черезъ 15—20, бактеріи холеры черезъ 28 дней, бактеріи чумы черезъ 3 недѣли и бациллы туберкулеза черезъ 7 недѣль. Слѣдуетъ замѣтить, что способность заражать (вирулентность) у бактерій въ зарытыхъ трупахъ исчезаетъ еще скорѣе. Этотъ результатъ, конечно, весьма важенъ и благопріятенъ въ гигіеническомъ отношеніи. Именно для цѣлей гигіены и были произведены эти изслѣдованія. Что же касается поставленнаго выше вопроса, то они показываютъ, что болѣзнетворные микробы, выйдя побѣдителями изъ борьбы съ зараженнымъ ими организмомъ, тѣмъ самымъ создаютъ для себя условія, въ которыхъ они обречены на гибель. Такой исходъ борьбы, въ дѣйствительности весьма частый, по существу совершенно не цѣлесообразенъ, такъ какъ одинаково гибеленъ для обѣихъ борющихся сторонъ: явленіе безполезное, тѣмъ не менѣе, совершается роковымъ образомъ. Мнѣ кажется этотъ логическій выводъ изъ наблюденій Клейна не безъинтересенъ съ точки зрѣнія біологіи. *Д. Н.*

Географія и путешествія. *Нѣкоторые научные результаты экспедиціи Нансена.* Научныя наблюденія, производившіяся Нансеномъ во время его знаменитаго путешествія въ полярныя области, не получили еще до сихъ поръ достаточно полной обработки, чтобы дать общій обзоръ достигнутыхъ имъ результатовъ. Часть обработанныхъ наблюденій составила матеріалъ для доклада, прочитаннаго Нансеномъ на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Мюнхенѣ осенью прошлаго года. Докладъ содержалъ много новыхъ данныхъ и былъ иллюстрированъ множествомъ картинъ. Сообщаемыя ниже свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ доклада знаменитаго путешественника.

Земля Франца-Іосифа состоитъ главнымъ образомъ изъ вулканическихъ формацій: она состоитъ по преимуществу изъ базальта. Почти вся страна покрыта ледниками, снѣгомъ и льдомъ и только въ отдѣльныхъ мѣстахъ изъ льда выдаются черные утесы. Въ южной части Земли Франца-Іосифа подъ базальтомъ лежитъ глинистый слой до 600 футовъ мощностью, въ которомъ попадаются отдѣльныя каменныя глыбы. Эта глинистая формація очень богата окаменѣлыми животными, въ особенности же головоногими (аммониты) и пластинчатожаберными, принадлежащими цѣликомъ юрской системѣ, притомъ по премуществу ея новѣйшимъ формаціямъ. Между базальтовыми покровами найдены тонкіе слои, заключающіе въ себѣ множество ископаемыхъ растеній, которыя, по опредѣленію проф. Натгорста, относятся къ верхней или бѣлой юрѣ или же принадлежатъ переходной эпохѣ между юрской и мѣловой. Это дока-

зываетъ, что базальты также отчасти юрскаго происхожденія или относятся къ той-же переходной эпохѣ. Вся Земля Франца-Іосифа представляетъ, такимъ образомъ, образованіе, относящееся къ позднѣйшимъ временамъ юрской эпохи.

Важнѣйшій въ географическомъ отношеніи результатъ экспедиціи есть открытіе, что полярная область представляетъ обширный и глубоководный океаническій бассейнъ. Выполненіе измѣреній глубинъ посредствомъ лота было очень затруднительнымъ, такъ какъ экспедиція не ожидала встрѣтить такихъ глубинъ, не запаслась соотвѣтствующими приборами и необходимые для этой цѣли приборы пришлось приготовлять на «Фрамѣ». Наибольшая измѣренная глубина равняется 3850 метрамъ. Измѣренія свои Нансенъ считаетъ точными до 50 метровъ. Такимъ образомъ, съ достаточной точностью извѣстна глубина арктическаго бассейна, но, къ сожалѣнію, величина его поверхности не могла быть выяснена, такъ какъ въ послѣднее время путешествія экспедиція не могла производить много измѣреній глубинъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій: на глубинѣ 3000 метровъ нигдѣ не находили дна. Только вернувшись къ Шпицбергену экспедиція вновь попала въ область мелкаго моря. Основываясь на добытыхъ гидрографическихъ результатахъ, Нансенъ высказалъ предположеніе, что отъ Шпицбергена до Гренландіи тянется хребетъ или подводный мостъ, находящійся на глубинѣ отъ 800 до 900 метровъ, такъ что глубокій бассейнъ полярнаго океана не находится въ прямой связи съ большими впадинами сѣверной части Атлантическаго океана и Норвержскаго моря. Полярный океанъ представляетъ обособленную, замкнутую впадину. Далѣе, онъ высказалъ догадку, что эта большая впадина образовалась въ юрскую эпоху, что ея образованіе относится къ тому-же самому времени, что и выходъ большихъ потоковъ базальта на Землѣ Франца-Іосифа, Шпицбергенѣ, Землѣ Карла и т. д.

Добытыя со дна арктическаго океана пробы были изслѣдованы и оказалось, что онѣ содержатъ необыкновенно мало веществъ органическаго происхожденія, всего лишь отъ $^{1}/_{2}$ до 1% органической извести. Едва ли гдѣ-нибудь въ другихъ областяхъ океановъ существуетъ дно, которое на такихъ глубинахъ содержало-бы столь незначительное количество извести. Далѣе къ западу количество извести растетъ и доходитъ до $1^{1}/_{2}$%, у Шпицбергена его содержаніе увеличивается до 4—6% и далѣе къ югу доходитъ до 20, 40 и даже 50%. Изъ этого видно, что собственно арктическій бассейнъ очень бѣденъ мелкими панцырными животными—его органическая жизнь бѣдна представителями этого рода.

На льдѣ надъ глубинами океана производились наблюденія надъ качаніями маятника. Ледъ прекрасная почва для научныхъ наблюденій, однако лѣтомъ, когда ледъ изломанъ, эти наблюденія не такъ легко установить. Въ десяти различныхъ мѣстахъ были сдѣланы опредѣленія тяжести при помощи качаній маятника. Два изъ нихъ удались особенно хорошо: одно въ концѣ апрѣля 1896 г. на 84 градусѣ и другое—въ ноябрѣ 1895 г. на 86 градусѣ. На основаніи прежнихъ наблюденій полагали, что сила тяжести болѣе надъ моремъ, чѣмъ надъ сушей. Изъ наблюденій Нансена оказалось, что сила тяжести на полярномъ океанѣ—нормальна. Проф. Шіотцъ въ Христіаніи вычислилъ, что ускореніе тяжести на 86 градусѣ равняется 9,83168. Нормальное ускореніе на этомъ мѣстѣ должно быть абсолютно то же самое. Наблюдавшееся на 84 градусѣ ускореніе равнялось 9,83128; нормальное должно бы быть 9,83136; разница совершенно ничтожная.

Даже подъ самыми высшими широтами количество льда въ теченіе лѣта уменьшается вслѣдствіе таянія, однако это таяніе лишь очень незначительно на нижней поверхности льда; оно происходитъ главнымъ образомъ на верхней поверхности, гдѣ образуются большія или меньшія озерца съ прѣсною водою; иногда они достигаютъ настолько значительныхъ размѣровъ, что по нимъ можно ѣздить

въ лодкѣ. Озерца эти даютъ прекрасную питьевую воду и, какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, заключаютъ въ себѣ особую арктическую фауну и флору: маленькія водоросли, кремнеземки, инфузоріи и т. п. Вмѣстѣ съ плавучимъ льдомъ этотъ мелкій органическій міръ путешествуетъ на пространствѣ отъ Берингова пролива до восточнаго побережья Гренландіи.

Температура воды океана особенно точно наблюдалась во время экспедиціи. Нансенъ объяснилъ температурныя отношенія на нѣсколькихъ схематическихъ таблицахъ. На поверхности океана до 100 метровъ глубины встрѣчаются очень низкія температуры отъ —1,6° до —1,9°; далѣе въ глубину температура быстро повышается. Въ іюнѣ 1895 г. наиболѣе высокая наблюдавшаяся температура на глубинѣ отъ 250 до 400 метровъ равнялось +1°. Отъ глубины въ 800 метровъ температура падаетъ очень медленно и чѣмъ дальше, тѣмъ медленнѣе, по мѣрѣ же приближенія ко дну нѣсколько повышается. Въ глубинахъ температура не опускается ниже —1°. Это послѣднее обстоятельство очень интересно въ томъ отношеніи, что въ глубокихъ впадинахъ сѣверной части Атлантическаго океана мы встрѣчаемъ на глубинѣ болѣе низкую температуру въ —1.5°; арктическій океанъ, такимъ образомъ, теплѣе на днѣ, чѣмъ сѣверная часть Атлантическаго океана. Эта разница находится въ прямой связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что арктическій океанъ является типическимъ внутреннимъ моремъ. Только на поверхности до глубины 100—200 метровъ мы находимъ типическую полярную воду, далѣе въ глубину движется вода изъ Гольфштрома; на глубинѣ въ 200 метровъ мы встрѣчаемъ воду съ тѣмъ же точно удѣльнымъ вѣсомъ, какъ и въ Гольфштромѣ, т. е. тотъ вѣсъ, который соотвѣтствуетъ содержанію солей 35 на тысячу. Удѣльный вѣсъ воды на поверхности едва равняется 1,023—1,024. Замѣчательно, что удѣльный вѣсъ и % содержаніе солей въ водахъ Ледовитаго океана на глубинѣ ниже 250 метровъ почти тѣ-же, что и соотвѣтствующія максимальныя цифры для водъ Гольфштрома у западныхъ береговъ Шпицбергена, тогда какъ температура и удѣльный вѣсъ воды Гольфштрома по пути отъ Фарöрскихъ островов до Шпицбергена быстро падаютъ. Главными источниками легкой воды полярнаго теченія являются, по мнѣнію Нансена, прѣсныя воды сибирскихъ рѣкъ, а также легкая вода, текущая въ сѣверномъ направленіи черезъ Беринговъ проливъ. Очевидно, что этотъ слой легкой полярной воды хорошо защищаетъ ледъ отъ дѣйствія теплой воды Гольфштрома. Кромѣ того, образованіе льда происходитъ тѣмъ легче, такъ какъ теплая вода тяжеле. Ледъ полярнаго теченія гонится вѣтрами къ югу, вслѣдствіе чего должно образоваться противотеченіе внизу. Главная масса полярнаго теченія вѣтрами или разными другими силами сѣвернѣе Исландіи направляется къ востоку и протекаетъ между Исландіей и Янъ-Майеномъ въ юго-восточномъ направленіи. Для Европы это имѣетъ очень большое значеніе, такъ какъ это восточно-исландское полярное теченіе направляется къ европейскимъ берегамъ и тѣмъ оказываетъ очень важное вліяніе на европейскій климатъ.

Наблюденія надъ метеорологическими отношеніями въ полярной области производились въ теченіе болѣе трехлѣтняго промежутка времени. Теперь мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что холодъ этихъ областей не столь страшенъ, какъ то прежде предполагалось и температура, которая тамъ преобладаетъ, выше тѣхъ низкихъ температуръ, которыя извѣстны въ Сибири. Самая низкая, наблюдавшаяся Нансеномъ, температура —53° по Ц. (—42° по Реомюру). Лѣтомъ температура поднималась до +5°. Проф. Монъ занятъ въ настоящее время детальной разработкой метеорологическихъ наблюденій, но его работа еще не вполнѣ закончена. Упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ, добытыхъ имъ результатахъ. Вѣтры въ общемъ не отличались силою; наиболѣе сильные

вѣтры въ восточной части Ледовитаго океана не превышали скорости 15—16 метровъ въ секунду. Средняя скорость вѣтра равнялась, приблизительно, 5½ метрамъ въ секунду. Затишье царило рѣдко, чаще всего осенью, рѣже всего въ апрѣлѣ. Зимою затишье приносило низкія температуры. Зимою самыми холодными вѣтрами были NNW и SW. Чисто западные вѣтры были рѣдкостью. Облачность была легкая: лѣтомъ облака были прозрачны, зимой—представляли картину легкихъ покрововъ. Воздухъ былъ наполненъ ледяными кристаллами. Луна рѣдко была окружена двойными кольцами, зато очень часто ее видѣли окруженною простымъ кольцомъ. Ни одна другая экспедиція не имѣла случая наблюдать такъ полно сѣверныя сіянія; зимою Нансенъ и его спутники имѣли возможность почти каждый день любоваться этимъ зрѣлищемъ, причемъ нерѣдко наблюдались цвѣтныя сіянія.

Высокій интересъ представляютъ тоже магнитныя наблюденія въ этихъ сѣверныхъ странахъ; послѣднія производились посредствамъ очень точныхъ инструментовъ капитаномъ Скоттъ-Ганзеномъ, работа котораго была очень затруднительна вслѣдствіе необходимости обращаться съ точными инструментами на сильномъ холоду голыми руками. Здѣсь не мѣсто излагать интересные, по слишкомъ спеціальные результаты этихъ наблюденій; достаточно сказать, что магнитная стрѣлка никогда не была въ покоѣ: она постоянно двигалась то въ одну, то въ другую сторону.

Въ заключеніе, Нансенъ посвятилъ нѣсколько словъ жизни этихъ высокихъ широтъ. Лѣтомъ живыя существа попадались вездѣ. «Моржей мы встрѣчали посреди полярнаго океана зимою 1893 года на 79° въ мѣстахъ, гдѣ вблизи не было никакой земли. Эти животныя совершаютъ, повидимому, замѣчательныя странствованія. Тюленей наблюдали лѣтомъ даже на 84° сѣв. широты, слѣды лисицъ находили на 85°. Чаекъ и различныхъ птицъ мы видѣли каждое лѣто вездѣ, даже въ высшихъ, достигнутыхъ нами, широтахъ. Въ водѣ мы встрѣтили очень много разнообразной жизни, въ особенности много находилось ракообразныхъ. Большинство представителей живыхъ существъ являлось типическимъ для арктическаго или полярнаго міра. Мы нашли много новыхъ формъ, которыя еще не были извѣстны—новые роды и новые виды». Такимъ образомъ, мы не должны представлять себѣ сѣверный полюсъ лишеннымъ всякой жизни. Нѣтъ, по всей вѣроятности, ни одного мѣста на землѣ, гдѣ бы нельзя было найти жизни въ формѣ какого бы то ни было живого существа.

Химія. *Новое анэстезирующее вещество—нирванинъ.* Новое анэстезирующее вещество, которому доктора Эйнгорнъ и Гейнцъ дали названіе нирванинъ, отъ слова «нирвана», чтобы избѣжать слишкомъ неудобопроизносимый научный терминъ его обозначающій, представляетъ метиловый эфиръ діэтилгликоколламидооксибензойной кислоты. Читатель согласится, что есть основаніе замѣнить такое названіе болѣе простымъ и практичнымъ. Нирванинъ есть анэстезирующее вещество вродѣ кокаина, но передъ этимъ послѣднимъ алколоидомъ имѣетъ то важное преимущество, что онъ гораздо менѣе ядовитъ, обладая въ то же время способностью уничтожать болевыя ощущенія. Вещество это является въ видѣ кристаллической соли—бѣлыхъ призмъ, сильно растворимыхъ въ водѣ. Химической реакціей для его распознанія можетъ служить хлорное желѣзо: нѣсколько капель его сообщаютъ раствору нирванина красивую фіолетовую окраску. Анэстезирующія свойства нирванина очень рѣзко выражены: нѣсколько капель пятипроцентнаго раствора, влитыя въ глазъ, вызываютъ черезъ 10 минутъ полную нечувствительность. Глазъ можно трогать пальцемъ, взять пинцетомъ коньюнктиву, словомъ выполнить цѣлый рядъ необходимыхъ въ хирургіи операцій безъ всякаго непріятнаго для паціента ощущенія. На глазъ реакція немного сильна и иногда наблюдается раздраженіе коньюнктивы. Но на всѣхъ другихъ слизистыхъ оболочкахъ, напр., носа или

полости рта раздраженія не получается и анэстезирующее дѣйствіе достаточно полно. Но, чтобы получить полную анэстезію, которая могла бы допустить разрѣзъ или прижиганіе, необходимо, чтобы нервныя окончанія пришли въ прямое соприкосновеніе съ растворомъ. Поэтому практическимъ способомъ для анэстезированія являются подкожныя впрыскиванія нирванина.

Лушенбургеръ, изслѣдовавшій подробно эффекты этого новаго агента, считаетъ кокаинъ болѣе пригоднымъ для анэстезированія глаза и полости носа. Но онъ отдаетъ предпочтеніе нирванину для производства мѣстной анэстезіи другихъ областей, вслѣдствіе его слабой ядовитости. Онъ могъ инъецировать до 40 сентиграммовъ нирванина безъ всякихъ послѣдствій, тогда какъ половинное количество кокаина повлекло бы серьезное отравленіе. Максимальная доза доходитъ до 70 сентиграммовъ. Анестезирующій эффектъ ясно выраженъ и наступаетъ скоро; продолжительность анэстезіи растетъ съ крѣпостью раствора. Однопроцентнаго раствора достаточно для потери чувствительности на четверть часа; двухпроцентнаго—на двадцать, двадцать пять минутъ на пространствѣ въ 3, 4 квадратныхъ сентиметра. Сдѣлавши 4, 5 вспрыскиваній по 1 куб. сант. 2% раствора вокругъ опухоли величиною въ кулакъ, можно получить настолько полную анэстезію, что опухоль удаляется вполнѣ безболѣзненно. Проф. Бонкуръ въ Парижѣ примѣняетъ новое средство съ большимъ успѣхомъ въ зубной хирургіи и находитъ его лучше другихъ средствъ, примѣнявшихся до сихъ поръ. Кромѣ того, растворы нирванина имѣютъ еще важное преимущество: они болѣе прочны, чѣмъ растворы кокаина; они не портятся при кипяченіи и могутъ быть удобно стерилизованы. Къ тому же, нирванинъ, по своей химической природѣ, обладаетъ нѣкоторой антисептической силой. Послѣднее также даетъ ему нѣкоторое преимущество передъ другими анэстезирующими веществами, но его главное достоинство—его небольшая ядовитость. («La Nature»), № 1399).

Техника. 1 *Постройка желѣзной дороги на вершину Юнгфрау.* Грандіозное предпріятіе, достойное fin de siècle пара и электричества, устройство желѣзнорожнаго сообщенія съ вершиной Юнгфрау, находящейся на высотѣ 4.166 метровъ, постепенно подвигается впередъ, и разсчитываютъ, что вся дорога будетъ вполнѣ закончена къ 1904 году. Извѣстно, въ какой широкой степени и въ какихъ разнообразныхъ формахъ въ современной индустріи находитъ примѣненіе электрическая энергія, но едва ли въ какомъ-нибудь предпріятіи она находила столь исключительное и всеобъемлющее приложеніе какъ при постройкѣ упомянутой желѣзной дороги. Можно съ полною увѣренностью утверждать, что безъ примѣненія великой культурной силы нашего вѣка—электричества, выполненіе такой задачи, какъ проведеніе желѣзной дороги на вершину Юнгфрау, встрѣтило бы непреодолимыя затрудненія и оказалось бы непосильнымъ генію человѣка.

Интересныя свѣдѣнія, сообщенныя по этому поводу инженеромъ Мауреромъ въ его публичной лекціи «о роли электричества при постройкѣ желѣзной дороги на Юнгфрау» подтверждаютъ высказанную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ соображеніе, что паровой локомотивъ, перевозящій сорокъ путешественниковъ изъ Лаутербруннена на Малую Шейдекъ, потребляетъ въ теченіе полутора-часового пути 250 килограммовъ (15 пудовъ) каменнаго угля и болѣе 2 кубическихъ метровъ воды, можно составить себѣ нѣкоторую идею о томъ, во что должна была въ этихъ условіяхъ обойтись постройка и эксплоатація желѣзной дороги на Юнгфрау. Такъ какъ воды на Малый Шейдекъ вовсе нѣтъ, воду и уголь нужно было бы доставлять по желѣзной дорогѣ, идущей черезъ Венгернальпъ, до того пункта, гдѣ находится станція отправленія новой дороги. Электричество въ этихъ условіяхъ, оказалось незамѣнимымъ: оно не имѣетъ вѣса и не имѣетъ объема; перенесенное на далекое разстояніе почти

безъ всякой потери путемъ простыхъ металлическихъ проволокъ на какую угодно высоту, оно развиваетъ на концѣ этихъ нитей любой родъ энергіи: свѣтъ, теплоту и рабочую силу. Въ сооруженіи этой дороги всѣ перечисленные виды энергіи очень цѣнны. Электрическіе двигатели, установленные на соотвѣтствующихъ вагонеткахъ, служать локомотивами, перевозящими необходимый для построекъ матеріалъ, рабочихъ и въ будущемъ будутъ возить туристовъ. Тѣ же моторы приводятъ въ дѣйствіе вентиляторы, приводящіе свѣжій воздухъ въ строющіеся туннели. Электрическая сила прямо примѣняется при работахъ просверливанія туннелей; такимъ образомъ удалось избѣжать слишкомъ дорогихъ сооруженій для сверленія сжатымъ воздухомъ. Само собою разумѣется, что туннели, всѣ необходимыя постройки и жилыя помѣщенія для рабочихъ освѣщаются электричествомъ. Теплота, развиваемая электричествомъ, служитъ для добычи питьевой воды: область, гдѣ производятся работы, находится въ средѣ ледниковъ, лишена текущей воды, а потому для добычи воды необходимо плавить ледъ и снѣгъ; помѣщенія отапливаются посредствомъ электричества и въ настоящее время проектируются къ постройкѣ электрическая кухня и хлѣбопекарни. Количество необходимой для выполненія работъ электрической энергіи вычисляется отъ 1.500 до 2.000 лошадиныхъ силъ. Эта сила производится рѣкой Бѣлой Лючиненъ, протекающей въ долинѣ Лаутербрунненъ иногда по очень крутому уклону. Гидравлическія сооруженія и электрическій заводъ, устроенные съ этою цѣлью, находятся возлѣ Лаутербруннена.

2) *Заводы Круппа въ Эссенѣ.* Исторія возникновенія и развитія заводовъ Круппа въ Эссенѣ представляютъ интересную главу въ исторіи металлургіи вообще. Дѣдъ нынѣшняго владѣльца заводовъ открылъ въ 1810 году небольшой литейный заводъ; впродолженіи 16 лѣтъ онъ едва получалъ средства для самаго скромнаго существованія. Въ 1826 году ему наслѣдовалъ сынъ его Альфредъ: еще въ 1832 году у него на заводѣ было всего 9 человѣкъ рабочихъ. Въ 1851 году онъ выставилъ въ Лондонѣ образчики стали и пушекъ своего завода: съ тѣхъ поръ фирма пріобрѣла заказы разныхъ правительствъ и мало-по-малу обратила на свои произведенія вниманіе почти всего міра.

Къ первому января текущаго года у фирмы числилось на службѣ 41.750 человѣкъ, причемъ на одни заводы въ Эссенѣ приходилось болѣе 25.000 человѣкъ. Въ 1895 году на сталелитейномъ заводѣ въ Эссенѣ считалось 3.000 машинъ—орудій или аппаратовъ, приводимыхъ въ движеніе 458 паровыми машинами, общая сила которыхъ равнялась 36.651 лошадиннымъ силамъ. Въ теченіе 1895—1896 коммерческаго года было сожжено болѣе милліона тоннъ каменнаго угля и кокса. Заводъ потребилъ количество воды, одинаковое съ потребленіемъ воды въ городѣ Дрезденѣ, который имѣетъ населеніе въ 336.000 жителей; количество потребленнаго свѣтильнаго газа превосходитъ потребленное городомъ Дрезденомъ. Заводъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 80 километровъ рельсоваго пути съ подвижнымъ составомъ въ 36 локомотивовъ и 1.300 вагоновъ. На заводѣ 522 телефонныхъ станціи.

Здѣсь, въ этой гигантской лабораторіи происходитъ постоянная борьба между орудіемъ разрушенія—пушкой и блиндажемъ или защитительной броней; каждая изъ соперничающихъ сторонъ поперемѣнно одерживаетъ верхъ, но ни одна еще не сказала своего послѣдняго слова: усовершенствованіе идетъ впередъ непрерывно съ обѣихъ сторонъ. И... кто знаетъ? быть можетъ, послѣднее слово этой ужасной по своему назначенію техники будетъ ея же смертнымъ приговоромъ: усовершенствованное оружіе сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе войны, которая превратилась бы въ разрушительную катастрофу. Интересно, что уже и въ настоящее время раздаются голоса противъ войны именно съ этой точки зрѣнія. Въ своихъ докладахъ мирной конференціи въ Гаагѣ экономистъ де-Блохъ призывалъ правительства къ изслѣдованію, возможно болѣе

полному современныхъ условій войны и ея возможныхъ результатовъ. Въ книгѣ подъ заглавіемъ «Война» этотъ авторъ такимъ образомъ формулируетъ свои идеи: «Истинная химера, истинная утопія—это война. Современное усовершенствованіе оружія сдѣлало ее невозможною. Отнынѣ она приведетъ только къ катаклизмамъ. Наибольшая услуга, которую можно оказать человѣчеству—изучить глубоко всѣ вопросы военнаго дѣла, чтобы идея невозможности войны въ будущемъ стала всеобщимъ достояніемъ». Въ той же книгѣ, опираясь на мнѣніе авторитетныхъ военныхъ дѣятелей, де-Блохъ пытается предсказать послѣдствія примѣненія въ военномъ дѣлѣ бездымнаго пороха, дальнобойныхъ пушекъ, магазинныхъ ружей и т. д.

Онъ говоритъ, между прочимъ: «Нельзя будетъ производить фронтальной атаки безъ громадныхъ потерь; нельзя будетъ безъ прикрытія пройти зону орудійнаго огня; нельзя будетъ избѣжать потери пушекъ, такъ какъ артиллерійская прислуга будетъ падать жертвою дальнобойныхъ ружей; наконецъ, нельзя будетъ воспользоваться военнымъ успѣхомъ». Кромѣ того, Блохъ предсказываетъ большія потери офицеровъ и говоритъ, что война въ будущемъ еще возможна въ видѣ осады и обороны укрѣпленныхъ позицій. Интересно, что непосредственнымъ отвѣтомъ на теоретическія разсужденія де-Блоха явилась англо-трансваальская война, которая ведется со всѣми новѣйшими техническими усовершенствованіями и средствами. Въ интересной статьѣ, помѣщенной «Revue des Revues», де-Блохъ пытается по пунктамъ провести параллель между своими предсказаніями и тѣмъ, что произошло въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ военныхъ операцій въ южной Африкѣ. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ бросающееся въ глаза заключеніе, что защита имѣетъ явное превосходство предъ нападеніемъ и, слѣдовательно, невозможность для нападающаго сломить сопротивленіе, которое ему противопоставляютъ, очевидна; другими словами онъ хочетъ доказать—*невозможность побѣдить*. «Борьба невозможна,— говоритъ онъ, третейскій судъ единственный выходъ изъ конфликта»... и настаиваетъ на необходимости всесторонняго, полнаго изслѣдованія, которое должно, по его мнѣнію, привести къ обнаруженію полной нецѣлесообразности дальнѣйшихъ вооруженій, на которыя разоряются всѣ цивилизованныя націи. **Н. М.**

Астрономическія извѣстія.

— *Сложные радіанты падающихъ звѣздъ. Изслѣдованія академика Ѳ. А. Бредихина.* При наблюденіи болѣе или менѣе сильнаго потока падающихъ звѣздъ каждый наблюдатель непосредственно можетъ замѣтить, что метеоры летятъ, какъ бы изъ одной опредѣленной точки на небѣ—такъ называемаго *радіанта.* Эта точка сохраняетъ свое положеніе между звѣздами, вмѣстѣ съ ними восходитъ, поднимается надъ горизонтомъ и заходитъ. Очевидно, что метеоры идутъ по параллельнымъ путямъ, которые только вслѣдствіе перспективы кажутся сходящимися, какъ сходятся для насъ два параллельные рельса желѣзнодорожнаго полотна, когда мы смотримъ вдаль. То обстоятельство, что радіантъ не измѣняетъ своего положенія относительно звѣздъ, прямо указываетъ, что метеоры идутъ изъ далекаго мірового пространства, что они не могутъ имѣть своего начала въ нашей атмосферѣ, что это явленія — космическаго происхожденія. Открытіе существованія въ потокѣ радіанта имѣло такимъ образомъ громадное значеніе—оно выдѣлило падающія звѣзды изъ области изслѣдованій метеорологіи и обратило на нихъ вниманіе астрономовъ.

Извѣстный итальянскій ученый Скіапарелли устанавливаетъ, затѣмъ, связь метеоровъ съ кометами. Падающія звѣзды суть не что иное, какъ мелкія ча-

стички разсыпавшихся кометъ, онѣ движутся въ пространствѣ по орбитамъ, близкимъ къ орбитамъ кометъ, породившихъ ихъ, и проносясь. при встрѣчѣ съ землею, черезъ нашу атмосферу, сильно нагрѣваются отъ тренія, въ общемъ случаѣ сгораютъ совершенно и безслѣдно.

Теорія, созданная нашимъ маститымъ ученымъ Ѳ. А. Бредихинымъ, раскрыла еще въ большихъ деталяхъ зависимость падающихъ звѣздъ отъ кометъ. Тотъ фактъ, что пути метеоровъ на небѣ, продолженные назадъ, сходятся собственно не въ точку, а только лишь въ нѣкоторой области, которую Бредихинъ называетъ *площадью радіаціи*, свидѣтельствуетъ, что въ потокѣ падающихъ звѣздъ мы собственно имѣемъ дѣло не съ однимъ пучкомъ орбитъ, а съ нѣсколькими, наклоненными другъ къ другу.

Бредихинъ утверждаетъ дальше, что метеоры не суть непремѣнно части разсыпавшейся кометы, что это просто выдѣленія кометы. Комета вовсе не должна прекратить своего существованія, какъ таковая, чтобы породить потокъ метеоровъ. Она выдѣляетъ ихъ при приближеніи къ солнцу въ различные моменты, въ различныхъ точкахъ своей орбиты, а потомъ удаляется, какъ была кометой. Даже ушедшая въ безконечное пространство. комета можетъ оставить въ нашей солнечной системѣ такой потокъ, который будетъ наблюдаться ежегодно.

Бредихинъ объясняетъ и открытые въ 1878 году Деннингомъ такъ называемые стаціонарные радіанты, которые для многихъ являлись рѣзкимъ противорѣчіемъ установившимся теоріямъ. Стаціонарными названы Деннингомъ такіе радіанты, которые держатся на небѣ долгое время—нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ сегодня, такъ и черезъ мѣсяцъ, черезъ два и черезъ четыре наблюдаются метеоры, слѣды которыхъ будучи продолжены назадъ, сходятся все около одной и той же точки. Иногда мѣсяца черезъ три послѣ наблюденія одного потока, появляется новый съ тѣмъ же радіантомъ. Конечно, при малой точности наблюденій падающихъ звѣздъ, особенно, когда потокъ слабъ, опредѣленіе положенія радіанта можетъ быть сдѣлано только въ предѣлахъ нѣсколькихъ градусовъ. Тѣмъ не менѣе, Деннингъ съ увѣренностью устанавливаетъ нѣсколько случаевъ повторенія радіанта на одномъ и томъ же мѣстѣ неба. Между тѣмъ, изъ всей массы наблюденій ясно выходитъ, что скорость метеоровъ только немного, приблизительно въ $1^1/_2$ раза больше скорости земли въ ея движеніи около солнца, а въ такомъ случаѣ для каждаго момента естественно ждать видимаго смѣщенія наблюдаемаго метеора, уклоненія лучей, идущихъ отъ него, на нѣсколько градусовъ отъ ихъ истиннаго направленія, подобно тому, какъ для человѣка, смотрящаго изъ окна вагона въ быстро идущемъ поѣздѣ, вертикальныя струи дождя кажутся наклонными. Для различныхъ точекъ земной орбиты это видимое смѣщеніе различно. Разница можетъ доходить до десятковъ градусовъ. И только въ томъ случаѣ могъ бы наблюдаться дѣйствительно стаціонарный радіантъ, т.-е. радіантъ на одномъ и томъ же мѣстѣ неба, принадлежащій одному и тому же потоку, если бы этотъ потокъ былъ такъ широкъ, что обнималъ бы всю площадь земной орбиты и имѣлъ бы скорость громадную сравнительно съ земной скоростью.

Но такой скорости допустить нельзя, противъ нея возстаетъ даже Деннингъ, который настаиваетъ на существованіи стаціонарныхъ радіантовъ, игнорируя только что приведенное возраженіе.

Еще въ 1888 году для одного спеціальнаго радіанта, который наблюдался, какъ указалъ Деннингъ, въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, на на одномъ и томъ же мѣстѣ неба—близъ звѣзды β Персея, Бредихинъ разсчиталъ истинныя положенія для всѣхъ дней наблюденія. Расхожденія оказались громадны, до 80 градусовъ въ одномъ направленіи и 20 градусовъ въ другомъ. Ясно, что если въ различные моменты наблюдались радіанты на одномъ и томъ

же мѣстѣ неба, они не принадлежатъ одному потоку метеоровъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нѣсколькими потоками, совершенно различными, радіанты которыхъ расходятся до 80 градусовъ и только лишь вслѣдствіе смѣщенія земли усматриваются на одномъ и томъ же мѣстѣ неба. Стаціонарный радіантъ, такимъ образомъ, является просто сложнымъ радіантомъ.

Въ послѣднее время Бредихинъ опять остановилъ свое вниманіе на сложныхъ радіантахъ и еще нагляднѣе показалъ ихъ существованіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Деннингъ подозрѣвалъ стаціонарный радіантъ. Поводомъ къ этому изслѣдованію послужилъ новый катологъ радіантовъ, выпущенный Деннингомъ въ 1899 году.

Взявши изъ этого католога числа, опредѣляющія положеніе радіанта, Бредихинъ вычислилъ для каждаго момента, когда наблюдался этотъ радіантъ, орбиту метеоровъ.

Простое сопоставленіе такихъ орбитъ прямо показало, что стаціонарный радіантъ соотвѣтствуетъ многимъ, совершенно различнымъ потокамъ.

Для радіанта близь β Персея, наблюдавшагося, согласно новому каталогу Деннинга, всего 18 разъ (въ мартѣ, іюлѣ, августѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ) оказались, напримѣръ, 14 совершенно непохожихъ другъ на друга орбитъ.

Слѣдовательно, четырнадцать потоковъ, ничего другъ съ другомъ общаго не имѣющіе, даютъ совершенно случайно, только вслѣдствіе смѣщенія земли, видимый радіантъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ неба. Это вовсе не стаціонарный, не постоянный радіантъ, это—радіантъ *сложный*.

Такъ просто, такъ наглядно объясняетъ Ѳ. А. Бредихинъ явленіе, которое кажется другимъ исключительно сложнымъ, загадочнымъ. Деннингъ, который установилъ фактъ появленія радіанта на одномъ и томъ же мѣстѣ неба, признаетъ прямо себя неспособнымъ составить даже гипотезы для его объясненія.

Еще въ самое недавнее время въ прошломъ году появились двѣ сложныя, искусственныя теоріи Тэрнера и Гершеля, для объясненія стаціонарныхъ радіантовъ, разсматривающія ихъ, какъ таковые и желающія видѣть нѣкоторыя необычныя подробности въ самомъ образованіи, происхожденіи метеорныхъ потоковъ, которые могутъ производить радіанты, quasi-аномальные.

Въ своей послѣдней статьѣ проф. Бредихинъ даетъ и критическій разборъ этихъ теорій, наглядно раскрывающій ихъ несостоятельность.

— *Новая комета.* 31-го января (н. ст.) астрономомъ Жіакобини открыта была въ Ниццѣ комета, которая, какъ оказалось по вычисленіи ея орбиты, идетъ къ солнцу и 28-го апрѣля будетъ находиться отъ него въ наиболѣе близкомъ разстояніи. Въ моментъ открытія она представляла видъ неправильной туманности, нѣсколько вытянутой въ сторону, противоположную отъ солнца. Она имѣла ядро, которое какъ бы дѣлилось на-двое. Яркость его не превосходила яркости звѣзды 13-ой величины. Да и вообще яркость всей кометы очень мала.

Интересно, что въ нѣкоторомъ отношеніи элементы орбиты новой кометы похожи на элементы интересной кометы Свифта, наблюдавшейся въ прошломъ году. Вѣроятно, комета будетъ видима еще мѣсяца три послѣ прохожденія въ наиболѣе близкомъ отъ солнца разстояніи. Даже въ концѣ іюля условія для наблюденія будутъ достаточно благопріятны, такъ что, вѣроятно, движеніе кометы будетъ прослѣжено мѣсяцевъ за шесть, и орбита окажется хорошо опредѣленной.

Къ сожалѣнію, только до сихъ поръ благодаря дурной вообще погодѣ и сла-

бости кометы послѣдняя наблюдалась неособенно много. Впрочемъ проф. Вольфу въ Гейльдельбергѣ удалось даже сфотографировать ее.

— *Премія за открытіе кометы при Русскомъ Астрономическомъ Обществѣ.* В. Ѳ. Голубевъ принесъ въ даръ Русскому Астрономическому Обществу капиталъ въ 5.500 рублей, проценты съ котораго должны выдаваться въ видѣ преміи преимущественно за открытіе новой кометы въ Россіи. Размѣръ преміи опредѣленъ въ 350 рублей. Она будетъ носить имя покойнаго брата жертвователя—геодезиста Александра Ѳедоровича Голубева, скончавшагося въ 1866 г. Правила о присужденіи преміи будутъ напечатаны въ «Извѣстіяхъ Русскаго Астрономическаго Общества». Тамъ будетъ также помѣщена и инструкція къ разыскиванію кометъ.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Апрѣлъ. 1900 г.

Содержаніе: — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Исторія права. — Политическая экономія. — Философія и психологія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Русская земская медицина».

«Русская земская медицина». Изданіе Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова (XII-й международный съѣздъ врачей). М. 1899 г. Сборникъ заключаетъ въ себѣ статистическій очеркъ Россіи и ея санитарнаго состоянія (Е. А. Осипова), обзоръ развитія земской медицины въ Россіи вообще (его же) и обзоръ состоянія земской медицины въ Московской губерніи (И. В. Попова и П. И. Куркина). Составленіе большей части сборника, такимъ образомъ, принадлежитъ Е. А. Осипову, въ продолженіи 20 лѣтъ (съ 1875 г.) ближайшимъ образомъ завѣдывавшему врачебно-санитарною частью московскаго губернскаго земства. Главнымъ источникомъ при составленіи очерка развитія и состоянія земской медицины въ Россіи служили матеріалы, разработанные и изданные подъ редакціей врачаД. Н. Жбанкова Обществомъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ теченіе 1890—1893 гг. въ видѣ «Земско-медицинскаго сборника», заключительный выпускъ котораго и представляетъ настоящая книга, помимо ея спеціальнаго назначенія.

Наша земская медицина, какъ по своей организаціи, такъ и по достигнутымъ результатамъ, безспорно, представляетъ явленіе, заслуживающее вниманія и изученія. Она сложилась и выросла на почвѣ того мѣстнаго самоуправленія, которое возникло въ Россіи съ изданія «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года». При скудныхъ земскихъ средствахъ приходилось создавать все съизнова, причемъ задача осложнялась своеобразными условіями внутренней русской жизни, крайней разбросанностью русскаго сельскаго населенія, низкимъ уровнемъ народнаго благосостоянія и культуры, народнымъ невѣжествомъ и предразсудкомъ. Но постепенно, благодаря преданности этому дѣлу со стороны лучшихъ земствъ и настойчивымъ и самоотверженнымъ усиліямъ молодой корпораціи земскихъ врачей, стали выясняться основныя черты раціональнаго устройства народной медицины, опредѣляться наиболѣе доступные и цѣлесообразные типы сельскихъ лѣчебныхъ учрежденій, наиболѣе дѣйствительные способы врачебной помощи и пріемы борьбы съ эпидеміями. За сравнительно короткій 25 — 30-ти-лѣтній періодъ дѣятельности по организаціи врачебной помощи населенію русское земство образовало по уѣздамъ 34 земскихъ губерній до 1.931 медицинскихъ участковъ съ лѣчебными въ нихъ заведеніями. «Въ теченіе столь малаго времени оно успѣло радикально преобразовать переданныя ему городскія больницы, которыя въ казенныя времена приказа существовали больше для видимости, переполняясь неизлѣчимыми хро-

никами и дряхлыми стариками и мало чѣмъ отличаясь отъ функціонировавшихъ рядомъ съ ними (преимущественно въ городахъ) запущенныхъ, смрадныхъ богадѣленъ, въ настоящее же время такъ благоустроены, что съ полнымъ правомъ могутъ носить названіе «лѣчебныхъ» заведеній и громадное большинство ихъ удовлетворяетъ всѣ главныя требованія госпитальной гигіены. Затѣмъ, земстве успѣло устроить болѣе 1.350 (считая и амбулаторіи) завѣдуемыхъ врачами лѣчебницъ среди сельскаго населенія, а кромѣ того, свыше 300 уѣздныхъ городскихъ больницъ поставило въ положеніе участковыхъ лѣчебныхъ заведеній и тѣмъ самымъ, по возможности, обратило также и ихъ на дѣйствительное служеніе мѣстному населенію. Вмѣсто прежнихъ 350 врачей-ревизоровъ и городскихъ практиковъ по преимуществу, исполнявшихъ свои служебныя обязанности больше формально, въ настоящее время на земской почвѣ сформировалась довольно уже значительная корпорація врачей, заключающая почти 2.500 лицъ, занятыхъ безвозмездной медицинской помощью населенію. Наконецъ, вмѣсто прежнихъ 2.000 невѣжественныхъ фельдшеровъ и акушерокъ, теперь на земской службѣ состоитъ болѣе 8.000 лицъ разнаго вспомогательнаго медицинскаго персонала, въ большинствѣ достаточно подготовленнаго къ толковому и добросовѣстному исполненію подлежащихъ ему обязанностей» (стр. 93).

Конечно, если имѣть въ виду, что средній земско-медицинскій участокъ превышаетъ 1.400 кв. километровъ и заключаетъ въ себѣ болѣе 32-хъ тысячъ жителей, одно земское лѣчебное заведеніе, считая больницы и амбулаторіи, приходится на 37 тыс. жителей, а одинъ земскій врачъ на 25½ тыс. жителей,—то надо признать, что помощь эта весьма недостаточна въ отношеніи къ пространству и населенію земской Россіи и земству остается еще не мало работать, чтобы сдѣлать медицинскую помощь доступной болѣе или менѣе всему населенію. Но при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что, благодаря постановкѣ земской медицинской помощи, и теперь она можетъ быть болѣе доступна сельскому населенію, чѣмъ таковая же помощь въ столицахъ. хотя тамъ и приходится одинъ врачъ на 800 — 900 жителей. Дѣло въ томъ, что организація нашей земской медицины основана на принципѣ общественности и потому безвозмездна. По словамъ проф. М. Я. Капустина, «Западная Европа выработала медицинскую помощь въ болѣзняхъ преимущественно въ видѣ личнаго дѣла больного и служащаго ему врача на правахъ ремесла и торговли. Русская земская медицина явилась чисто общественнымъ дѣломъ. Помощь врача въ земствѣ не есть личная услуга за счетъ больного, не есть также и актъ благотворенія; она есть общественная служба. Конкуренція врачей въ городахъ на счетъ болѣющаго населенія есть фактъ общеевропейскій; отсутствіе конкуренціи между сельскими земскими врачами есть принадлежность общественной службы. Какъ высшій, такъ и узкій интересъ земскаго врача, заключается въ сокращеніи числа больныхъ и продолжительности болѣзней. Задачи лѣчащей медицины и гигіены здѣсь идутъ рука объ руку, въ неразрывной связи».

Дѣятельность земской медицины, какъ общественной организаціи, не ограничилась одной чисто врачебной стороной въ разрѣшеніи задачи попеченія о народномъ здравіи, но. намѣтила пути для осуществленія другой, еще болѣе важной функціи—санитарнаго попечительства. Многочисленныя изслѣдованія показали, что санитарныя условія жизни нашего сельскаго населенія представляютъ крайне благопріятную почву для возникновенія заразныхъ болѣзней и вполнѣ объясняютъ существующій въ Россіи высокій процентъ смертности. Мѣры общественнаго оздоровленія, раціонально проводимыя, должны были занять вниманіе земства въ особенности со времени закона 1879 года, который предоставлялъ земству право на санитарную регламентацію съ наблюденіемъ за исполненіемъ издаваемыхъ имъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій для населенія. Первую образцовую санитарную организацію выработало московское

земство; примѣру его послѣдовало земство херсонское съ его интереснымъ и удачнымъ опытомъ санитарнаго надзора за движеніемъ пришлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, и сравнительно въ недавнее время земство петербургское. Но вообще въ этомъ направленіи земской медицинѣ остается сдѣлать еще много, и большинство земствъ только выступаютъ на это благодарное поле дѣятельности.

Къ несомнѣннымъ заслугамъ земской медицины должно быть отнесено все, что сдѣлано ею въ отношеніи правильной постановки попеченія о душевно-больныхъ. Собственно до того времени, какъ земство взяло это дѣло въ свои руки, у насъ, исключая развѣ столицъ, не существовало никакого раціональнаго попеченія объ умалишенныхъ, не говоря уже о научномъ лѣченіи душевныхъ болѣзней. Земство получило отъ приказовъ общественнаго призрѣнія до 32 психіатрическихъ заведеній, въ видѣ особыхъ отдѣленій губернскихъ больницъ. Общее состояніе этихъ заведеній было болѣе чѣмъ печально; это были. по словамъ д-ра В. И. Яковенко, «учрежденія возмутительныя по внѣшнему и внутреннему содержанію—мѣста заключенія, тожественныя со смирительными домами». Крайняя ветхость зданій; сырость, мрачность и холодъ въ нихъ; скученность помѣшанныхъ; неимовѣрная во всемъ неопрятность, удушливая, при отсутствіи сносной вентиляціи, атмосфера, — вотъ обычныя внѣшнія условія содержанія больныхъ. Объ условіяхъ же и способахъ пользованія помѣшанныхъ, какъ душевно-больныхъ, едва ли и приходила кому-нибудь мысль при всей тогдашней обстановкѣ. Со времени принятія земствомъ этихъ заведеній, въ которыхъ числилось до 1.167 кроватей, земство увеличило число кроватей къ 1893 г. въ 31 земскомъ и 3-хъ арендованныхъ земствомъ психіатрическихъ заведеніяхъ до 9.055 кроватей, въ среднемъ на губернію до 266, тогда какъ ранѣе ихъ приходилось въ среднемъ лишь 36. Къ 1897 г. въ земскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ душевно-больныхъ состояло свыше 10.000 и въ среднемъ на губернію приходилось не менѣе 300 человѣкъ. Безъ сомнѣнія, и среди земскихъ психіатрическихъ заведеній остается еще не мало несовершенныхъ и дурно поставленныхъ, но это объясняется, съ одной стороны, наслѣдіемъ отъ прежнихъ временъ, съ которымъ не такъ-то легко раздѣлаться, съ другой—недостаточностью земскихъ средствъ. Изслѣдованія, произведенныя нѣкоторыми земствами, нижегородскимъ, московскимъ и петербургскимъ, показали, что число страдающихъ душевными разстройствами на каждую 1.000 жителей колеблется у насъ отъ 2 до 2,4 человѣкъ. Слѣдовательно, для 34 губерній земской Россіи общее число душевнобольныхъ должно простираться до 127.776 человѣкъ обоего пола, въ среднемъ 3.758 чел. на каждую губернію. Передъ задачею содержанія такого количества больныхъ земство безсильно съ одними своими средствами. Между тѣмъ ему не предоставлено даже права цѣлесообразнаго выбора больныхъ въ заведенія, такъ какъ указъ Сената 1875 г. обязываетъ его не ограничивать количества больныхъ, призрѣваемыхъ въ домахъ умалишенныхъ, никакою цифрою. Безъ сомнѣнія, надлежащее призрѣніе душевно-больныхъ оолжно быть дѣломъ общегосударственнымъ столько же, какъ и земскимъ, и устройство обширныхъ правительственныхъ заведеній, главнымъ образомъ, для неизлѣчимо больныхъ, сняло бы съ земства значительную часть задачи. Однако, правительство послѣ цѣлаго ряда проектовъ, различныхъ регламентацій и мѣропріятій по вопросу призрѣнія душевно-больныхъ, съ 1879 г. передало все это дѣло въ руки земства. Къ заслугамъ его и земской медицины въ частности слѣдуетъ отнести то, что при скудныхъ средствахъ, они все же справляются болѣе или менѣе съ этой задачей, постепенно развивая бюджетъ въ указанномъ направленіи и совершенствуя самую постановку дѣла.

М. П—въ

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

И. М. Гревсъ. «Очерки римскаго землевладѣнія».—*Фр. Бецольдъ.* «Исторія реформаціи въ Германіи».—*Э. Жебаръ.* «Начало возрожденія въ Италіи». *Ф. Грегоровіусъ.* «Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка».

И. М. Гревсъ. «Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія» (преимущественно во время имперіи) Т. I. С.-Петербургъ. 1899 (цѣна 4 р.) XXIII+651 стр. Книга Гревса есть несомнѣнно одно изъ выдающихся произведеній нашей исторической литературы. По предположеніямъ автора она должна служить первымъ звеномъ въ цѣпи подобныхъ изслѣдованій, объединенныхъ стремленіемъ выяснить одну изъ наиболѣе важныхъ сторонъ экономической жизни древняго міра—его земельный строй. Нельзя не привѣтствовать этотъ замыселъ автора. Всякому, кто занимался изслѣдованіями въ области экономической исторіи древности вполнѣ знакомо то чувство, которое проникаетъ всю первую вводную часть труда автора, разбирающую состояніе нашихъ знаній въ избранной авторомъ для изслѣдованія области,—чувство, которое можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: несмотря на цѣлый рядъ частныхъ изслѣдованій въ области аграрнаго строя Рима, настоящая научная работа здѣсь только еще начинается, историческая (въ противоположность антикварной) точка зрѣнія только устанавливается, и обобщенія все еще держатся въ узкомъ кругѣ отдѣльныхъ эпохъ и явленій.

Общій планъ дальнѣйшихъ работъ и общая цѣль изслѣдованія намѣчены авторомъ уже въ этомъ первомъ томѣ, указанъ и методъ изслѣдованія, весьма интересный по своему замыслу. Въ противоположность обычному систематическому изученію явленія и его эволюціи — авторъ стремится «выдѣлить одно изъ наиболѣе существенныхъ теченій въ процессѣ земельной эволюціи и разсматривать его нетолько во внутренней послѣдовательности развитія, но и въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ другими явленіями исторической жизни народовъ римскаго міра, а также въ связи съ уясненіемъ значенія, которое принадлежитъ изучаемому вопросу, какъ фактору прогресса и упадка римскаго общественнаго строя, и какъ прецеденту соціальнаго развитія средневѣковыхъ государственныхъ и національныхъ организмовъ». Преимущество этого метода авторъ видитъ въ томъ, что онъ «съужая полноту систематическаго обозрѣнія, расширяетъ удобство эволюціоннаго изученія». Если мы правильно понимаемъ автора, то его методъ сводится къ тому же обычному систематическому изученію, но не всего явленія, а наиболѣе яркой съ точки зрѣнія автора его части и притомъ въ болѣе широкихъ рамкахъ, съ стремленіемъ охарактеризовать сразу и вліяніе избраннаго явленія на всѣ стороны общественной и государственной жизни. Такимъ яркимъ явленіемъ экономической жизни Рима—И. М. Гревсъ считаетъ «развитіе императорскаго землевладѣнія» и поэтому избираетъ его выясненіе центромъ своей дальнѣйшей научной дѣятельности. Но авторъ не сразу приступаетъ къ систематическому разбору отмѣченнаго явленія; онъ сознаетъ, что многія частности его далеко еще не выяснены и находитъ поэтому необходимымъ сначала уяснить ихъ себѣ и своимъ сотоварищамъ по работѣ въ видѣ отдѣльныхъ экскурсовъ, объединенныхъ либо однимъ какимъ-нибудь частнымъ вопросомъ въ намѣченной авторомъ области, либо однимъ какимъ-нибудь источникомъ или какой-нибудь исторической личностью. Предпочтеніе, судя по составу намѣченныхъ авторомъ работъ, онъ отдаетъ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей съ экономической точки зрѣнія, что соединяется по необходимости съ разборомъ одного источника, чаще всего произведеній этой именно личности (такъ выходитъ при разборѣ Горація и Плинія). Объединяется вся намѣченная авторомъ вводная серія изслѣдованій желаніемъ выяснить вопросъ, «дѣйствительно ли и насколько круп-

ная земельная собственность была силою, объединявшею около себя все экономическое развитіе римской древности». Изъ четырехъ предположенныхъ этюдовъ И. М. Гревсъ въ настоящемъ томѣ своего изслѣдованія даетъ первые два: этюдъ о Гораціи и этюдъ объ Аттикѣ. Горацій интересенъ для автора съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ земельный собственникъ, хозяйствовавшій на своей землѣ, и какъ наблюдатель современной ему жизни, въ значительной мѣрѣ интересовавшійся внѣшнимъ строемъ римской жизни того времени, вопросами экономическими и соціальными. Въ виду этого и этюдъ о немъ распадается на двѣ части: 1) характеристика Горація, какъ помѣщика, опредѣленіе состава недвижимаго имущества его, описаніе сабинскаго помѣстья Горація и способъ хозяйствованія на немъ, что все вмѣстѣ должно было дать рельефный примѣръ жизни и хозяйства помѣщика, владѣвшаго имѣніемъ средняго размѣра, и 2) сводъ данныхъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ Горація о земельномъ строѣ ему современномъ, о равитіи крупной собственности и о положеніи низшихъ земледѣльческихъ классовъ.

Оба изслѣдованія даютъ автору возможность сдѣлать общую характеристику земельнаго строя, какимъ онъ представлялся современникамъ Августа, и охарактеризовать соціальное положеніе Горація и подобныхъ ему собственниковъ средней руки въ рамкахъ этого земельнаго строя.

Такъ понялъ свою задачу авторъ и, надо сознаться, выполнилъ ее въ высшей степени добросовѣстно и умѣло. Все, что можно было извлечь изъ Горація и отчасти изъ другихъ современныхъ ему поэтовъ, авторъ извлекъ въ полной мѣрѣ и соединилъ добытый имъ матеріалъ въ живую и рельефную, не смотря на свою гипотетичность, картину.

Если въ чемъ насъ авторъ не убѣдилъ, такъ это въ цѣлесообразности своего метода изслѣдованія, въ цѣлесообразности разъяснять вопросъ путемъ *примѣровъ* тамъ, гдѣ еще чувствуется настоятельная потребность въ *систематическомъ* изслѣдованіи. Пока авторъ разбираетъ данныя Горація о его собственномъ имѣніи и хозяйствѣ, необходимость систематическаго построенія не такъ чувствуется: данныя Горація настолько богаты, что общее представленіе о хозяйствѣ средней руки получается и при умѣренномъ лишь пользованіи аналогіями (впрочемъ, и здѣсь рядъ гипотетическихъ подробностей о размѣрѣ, общемъ видѣ и способѣ обработки имѣнія основаны исключительно на аналогіяхъ); но положеніе дѣла мѣняется, когда авторъ начинаетъ характеризовать по Горацію общій аграрный строй римскаго государства. Даваемая имъ картина понятна только тому, кто знакомъ съ данными объ аграрномъ строѣ этой эпохи вообще, а такъ какъ авторъ на такихъ читателей не разсчитываетъ, то онъ принужденъ постоянно прибѣгать къ обрывкамъ систематическаго построенія для того, чтобы сдѣлать понятнымъ свой частный примѣръ (такъ, см. на стр. 165 опытъ систематическаго изложенія отношенія крупныхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ; ср. 198, пр. 2; 144, пр. 2; 142, 1; 135, 3; 130, 1; 121, 1 и т. д.). Этимъ путемъ получается, на нашъ взглядъ, маложелательное соединеніе обоихъ методовъ, не удовлетворяющее насъ ни какъ система,—такъ какъ авторъ и не желалъ дать таковой,—ни какъ примѣръ, потому что еще нѣтъ того. что требуется этимъ примѣромъ иллюстрировать, ни даже какъ собраніе матеріала, такъ какъ новый матеріалъ затеривается въ массѣ аналогій. А между тѣмъ данныя, собранныя авторомъ, въ высшей степени цѣнны и настолько обильны, что, конечно, авторъ могъ бы и дѣйствительно дать систематическое изложеніе (къ которому онъ очень часто приближается) аграрнаго строя Италіи (для провинцій данныя сопоставлены авторомъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ объ Аттикѣ) въ первый вѣкъ послѣ Р. Хр. Укажемъ, кстати, что отчасти благодаря тому же смѣшенію системы и примѣра, этюдъ автора разросся до тѣхъ размѣровъ, которые онъ имѣетъ (стр. 64—234). Почти то же надо сказать и о второмъ этюдѣ объ «Экономической біографіи

Аттики». Авторъ исходитъ изъ той мысли, что для характеристики крупнаго землевладѣнія въ исторіи Рима наиболѣе вѣрный путь есть рядъ экономическихъ портретовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, т. е. рядъ примѣровъ, изъ которыхъ должна создаться общая картина. Одинъ изъ этихъ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ и есть Т. Помпоній Аттикъ. Намъ, однако, думается, что число лицъ, экономическую біографію которыхъ можно было бы дать, не злоупотребляя аналогіями, очень и очень не велико. И лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнія можетъ служить работа И. М. Гревса. Мы вполнѣ согласны съ нимъ, что Аттикъ и Цицеронъ извѣстны намъ въ экономическомъ отношеніи лучше, чѣмъ кто бы то ни было ранѣе или послѣ обоихъ; причина тому—наличность единственнаго въ своемъ родѣ источника — переписки Цицерона, съ которой (съ указанной точки зрѣнія) врядъ ли можетъ сравниться какой-либо другой источникъ, не исключая даже писемъ Плинія Младшаго. И что же получается при пользованіи этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ источникомъ? Отвѣтъ на это даетъ біографія Аттика. Въ первой ея части И. М. Гревсъ пытается отвѣтить на вопросъ, какъ создалось состояніе Аттика. Прежде всего, мы не знаемъ, что составляло зерно состоянія Аттика (стр. 253—254). Можно только предполагать, что одна часть его состояла изъ недвижимостей. Далѣе мы не знаемъ въ точности, какъ онъ увеличивалъ это зерно: въ государственныхъ откупахъ онъ какъ будто участія не принималъ (стр. 263); зато несомнѣнно, что онъ велъ крупныя ростовщическія дѣла по ссудамъ (268 сл.). Затѣмъ мы знаемъ, что онъ занимался книгоиздательствомъ и книготорговлей, наконецъ, что онъ получилъ богатое наслѣдство и, вѣроятно, не одно. Если эти немногія данныя излагаются на 60 почти страницахъ (230—289), то причиной этому служитъ опять-таки то же соединеніе, и въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ въ этюдѣ о Гораціи — системы и примѣра. И только это соединеніе даетъ нѣкоторую рельефность картинѣ, рельефность и широту. Поэтому намъ думается, что гораздо лучше было бы, оставивъ «примѣръ», прямо дать изложеніе систематическое, хотя бы на основаніи только собранныхъ авторомъ въ его изложеніи данныхъ. Картина получилась бы гораздо болѣе яркая и яркость ея не ослаблялась бы необходимостью постоянно прибѣгать къ догадкамъ. Та же гипотетичность построенія царитъ и въ этюдѣ о недвижимыхъ имуществахъ Аттика и ихъ управленіи. То, что мы знаемъ,— и здѣсь сводится къ очень немногому: у Аттика несомнѣнно были имѣнія въ Эпирѣ у гор. Бутрота, дома въ Римѣ и помѣстья около Арретія и Номента. Почти все, что говоритъ И. М. Гревсъ сверхъ этого немногаго, есть результатъ аналогій: напр., то, что у него сказано о домахъ, дававшихъ Аттику доходъ въ Римѣ, о томъ, какъ выглядѣла его пригородная вилла, что представляли изъ себя его имѣнія около Арретія и Номента. Новое точное данное — это то, что были у Аттика земли и въ Апуліи и что тамъ онъ велъ обширное скотоводство; но все, чѣмъ этотъ фактъ иллюстрируется, опять—только аналогіи и предположенія.

Невозможнымъ оказывается характеризовать и провинціальныя владѣнія Аттика, ихъ величину и эксплуатацію на основаніи данныхъ, относящихся къ нимъ же. Нельзя ни воспроизвести способа возникновенія этихъ имѣній и ихъ топографіи (342, 343), ни опредѣлить, какія преобладали тамъ культуры, ни точно установить, что владѣнія Аттика были дѣйствительно экстерриторіальны (347 сл.), ни того, какъ велось на нихъ хозяйство. Если все-таки обо всемъ этомъ И. М. Гревсъ говоритъ подробно, то это потому, что Аттикъ для него только предлогъ и что по его поводу авторъ даетъ систематическое изложеніе того, что мы знаемъ по каждому данному вопросу: изложеніе, которое было бы, конечно, и рельефнѣе, и подробнѣе, если бы оно все время не обречено было играть исключительно роль аналогій. Если уже непремѣнно желать рельефнаго изображенія личности, то мы предпочли бы полу-фантастическихъ «Галла» и

«Харикла» Беккера. Этюдъ объ Аттикѣ заканчивается превосходнымъ изложеніемъ его нравственнаго облика, его политическихъ, житейскихъ и философскихъ воззрѣній.

Таково содержаніе основной части труда г. Гревса. Несмотря на указанную принципіальную разницу въ нашихъ взглядахъ на методъ изслѣдованія трактуемыхъ имъ вопросовъ, надо сказать, что нарисованная Гревсомъ картина набросана широко и богата красками, что чтеніе его очерковъ доставляетъ истинное удовольствіе и спеціалисту, и еще больше, думается намъ, начинающимъ изслѣдователямъ. Въ первый разъ мы читаемъ ясныя доказательства знаменитаго Пдиніева изреченія «латифундіи погубили Италію»,—доказательства и положительныя, и отрицательныя—въ рамкахъ широко набросанной картины аграрнаго строя Италіи и отчасти провинцій въ послѣдніе годы республики и въ первые имперіи. Особенно цѣнно въ изслѣдованіи то, что въ первый разъ здѣсь тщательно изучены съ экономической точки зрѣнія тѣ источники, которые, казалось бы, менѣе всего даютъ для изслѣдователей экономическаго быта Рима—римскіе поэты первыхъ временъ имперіи. Это изученіе поэтическихъ произведеній, надо сознаться, дало гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать, для характеристики аграрнаго строя Италіи. Это позволяетъ намъ надѣяться, что тѣ же источники не мало дадутъ и для характеристики другихъ сторонъ экономической жизни Рима.

Къ разобранной основной части своего труда авторъ присоединяетъ особое обширное заключеніе, которое, по идеѣ автора, должно вмѣстѣ съ тѣмъ служить и введеніемъ ко всей обширной серіи задуманныхъ имъ работъ. Въ этой заключительной части авторъ разбираетъ общій вопросъ объ основахъ экономической жизни античнаго міра и находимъ на этотъ вопросъ удовлетворяющій его отвѣтъ въ теоріи Бюхера о преобладаніи домоваго хозяйства, какъ основы экономической жизни всей древности. Въ виду этого задача автора сводится къ историческому обоснованію теоретическаго построенія Бюхера. Мы лично не раздѣляемъ теоріи Бюхера и считаетъ ее односторонней; односторонними кажутся намъ и аргументы Гревса. Причина этой односторонности обоихъ талантливыхъ и компетентныхъ ученыхъ лежитъ въ томъ, что они оба отклоняются отъ своего основного принципа — принципа всемірно-историческаго, тѣмъ, что разбираютъ съ экономической точки зрѣнія только послѣднюю эпоху въ жизни древняго міра—римскую имперію, не обращая должнаго вниманія на предшествовавшія эпохи, на экономическую жизнь Востока, эллинства, эллинизма, Карѳагена и римской республики. Намъ думается, что историкамъ древности слѣдовало бы въ построеніи широкихъ теорій держаться прежде всего, *всеантичной* точки зрѣнія, которая необходимо приведетъ ихъ къ точкѣ зрѣнія всемірно-исторической. Эта всеантичная точка зрѣнія, раздѣляемая теперь, можно сказать, всѣми выдающимися представителями науки о древности, и подняла противъ Бюхера нѣкоторыхъ изъ этихъ видныхъ представителей, прежде всего одного изъ главныхъ апостоловъ всеантичной идеи, Э. Мейера, автора общей исторіи древности. Бюхеръ здѣсь побивается аргументами, взятыми изъ исторіи эллинскихъ республикъ, и защитникъ его долженъ былъ прежде всего ослабить эти аргументы. И. М. Гревсъ однако не считаетъ себя призваннымъ къ этому, онъ считаетъ достаточнымъ указать на неосновательность возраженій Бюхеру относительно того, что касалось римскаго міра и главнымъ образомъ имперіи. Намъ кажется, такой родъ спора основанъ на недоразумѣніи и вотъ въ чемъ оно состоитъ. Съ точки зрѣнія Бюхера и Гревса, высшій пунктъ государственнаго, а слѣдовательно и экономическаго развитія древности есть эпоха имперіи. Поэтому, если въ основѣ экономической жизни этой эпохи лежитъ *домовое хозяйство*,—а съ этимъ надо согласиться,—то оно же есть основа экономическаго быта и всей древности, а potiori. Между

тѣмъ эта точка зрѣнія совершенно неправильна: въ государственномъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ древность выработала наиболѣе развитыя формы раньше въ эпоху эллинизма, подготовленную могучимъ развитіемъ греческихъ государствъ въ собственной Греціи и колоніяхъ. Въ эпоху эллинизма выработались наиболѣе совершенныя формы государственности: союзъ городовъ, т. е. первый примѣръ представительнаго правленія, и территоріальная монархія, созданная соединеніемъ восточной монархіи и самоуправляющейся и самодовлѣющей греческой городской республики. Въ эту же эпоху достигла высокой степени развитія эллинская культура какъ интенсивно, такъ и экстенсивно; со времени Александра начинаетъ цвѣсти пышнымъ цвѣтомъ эллинская наука и теоретическая, и прикладная, искусство выработываетъ удивительно изящныя формы и, что еще важнѣе, проникаетъ во всѣ слои общества. Въ эту-то эпоху и экономическая жизнь доходитъ до наиболѣе совершенныхъ формъ, которыя выработаны былидревностью — до формы *народнаго хозяйства* *), т. е. какъ разъ той формы, которой, по мнѣнію Бюхера, совершенно не знала древность.

Эпоха римской всемірной гегемоніи, поэтому,—отнюдь не эпоха прогресса это начало регресса. Римская республика, въ угоду устарѣвшему городскому строю, губитъ новыя, болѣе совершенныя формы государственности; губя эти формы и одновременно уничтожая самостоятельность всѣхъ эллинистическихъ государствъ, она губитъ залогъ прогресса—конкуренцію культурную и экономическую; эксплоатируя самымъ беззастѣнчивымъ образомъ въ интересахъ Рима и Италіи культурный Востокъ, она подрываетъ основы его экономическаго благосостоянія, словомъ, она въ теченіе двухъ вѣковъ наноситъ эллинизму, т. е. культурѣ, ударъ за ударомъ, и на мѣсто убиваемаго она не ставитъ ничего равносильнаго: внѣшній ростъ ея задавилъ ея внутреннее культурное развитіе; и въ экономическомъ отношеніи она дальше домоваго хозяйства, дѣйствительно, не пошла. Съ появленіемъ новаго режима въ римскомъ государствѣ, съ измѣненіемъ взгляда на провинціи настало и столь ярко очерченное Гревсомъ возрожденіе античнаго міра, настала какъ будто новая фаза въ экономической жизни—фаза мірового хозяйства. Это возрожденіе обязано было своимъ кратковременнымъ существованіемъ все тѣмъ же странамъ культурнаго Востока, но этотъ Востокъ теперь уже слишкомъ слабъ, чтобы переформировать вполнѣ хозяйство Италіи и всѣхъ западныхъ провинцій, всецѣло основанное на домѣ, «ойкосѣ»; нѣтъ теперь и двухъ могучихъ факторовъ эллинизма—свободы и свободной государственной конкуренціи. И въ силу всего этого, не Востокъ побѣждаетъ Западъ, не народное хозяйство ойкосный строй, а наоборотъ.

Ошибка Гревса и Бюхера лежитъ такимъ образомъ въ слишкомъ низкой оцѣнкѣ эллинизма, заслуга ихъ и особенно перваго—въ выясненіи той ойкосной подкладки, которая просвѣчиваетъ сквозь внѣшній блескъ римской имперіи. Ошибка ихъ противниковъ въ томъ, что они также недостаточно оцѣнили эллинизмъ, видя апогей развитія въ эллинской политіи и въ томъ, что не поняли роли Рима въ экономической исторіи древности.

Таково богатое содержаніе книги Гревса. Наши возраженія не ослабятъ, конечно, того значенія, которое она несомнѣнно имѣетъ и мы можемъ только пожелать ей возможно большаго распространенія въ нашей читающей публикѣ. Литературныя и научныя достоинства книги ручаются за то, что она найдетъ себѣ широкій кругъ читателей. *М. Ростовцевъ.*

Фр. фонъ-Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ I. Спб., изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1900 г. Цѣна 3 р. «Исторію реформаціи въ Германіи», вышедшую изъ-подъ пера извѣстнаго бонн-

*) Доказательства см. въ моей статьѣ «Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ». «Русская Мысль» 1900 г., мартъ.

*

скаго профессора фонъ-Бецольда, съ полною справедливостью слѣдуетъ поставить на первое мѣсто среди всѣхъ существующихъ общедоступныхъ сочиненій по этому предмету. Широкій планъ работы, соединенный съ ясностью въ расположеніи матеріала, рѣдко встрѣчающаяся у нѣмецкихъ изслѣдователей даннаго періода свобода отъ партійной пристрастности, мастерство въ портретахъ выводимыхъ личностей и, наконецъ, живой и изящный стиль—все это дѣлаетъ указанную книгу въ высшей степени цѣннымъ и привлекательнымъ явленіемъ новѣйшей популярно-исторической литературѣ.

Бецольдъ начинаетъ свою работу съ картины положенія Германіи на исходѣ среднихъ вѣковъ. Очертивъ крупными штрихами упадокъ обоихъ средневѣковыхъ великихъ институтовъ—папства и имперіи—онъ рисуетъ намъ тогдашнее германское общество во всѣхъ его сословіяхъ и показываетъ, насколько широко разлито было въ немъ недовольство политическими, экономическими и духовными условіями его существованія. Въ особую заслугу автору нельзя здѣсь не поставить той тщательности, съ которой онъ отнесся при этомъ къ трудной задачѣ дать намъ почувствовать характеръ настроенія самыхъ глубокихъ слоевъ нѣмецкой народной массы XV вѣка. Главы «Народная религія», «Реформа и ересь» и «Предвѣстники революціи» прекрасно подготовляютъ читателя къ пониманію сути того крестьянскаго движенія, которое имѣло такое рѣшительное вліяніе на судьбы начатой Лютеромъ церковной реформаціи.

На такомъ фонѣ развертывается затѣмъ предъ нами та могучая драма, которую пришлось пережить нѣмецкому народу при вступленіи въ новую исторію. Слѣдуя въ общемъ Ранке, но поправляя и дополняя его результатами позднѣйшихъ изслѣдованій, Бецольдъ вводитъ насъ прежде всего разсказомъ объ избраніи императоромъ Карла V въ кругъ сложныхъ вопросовъ международной и внутренней политики Германіи, которые до самаго конца тридцатилѣтней войны постоянно перекрещивались съ ходомъ развитія религіозной жизни страны. Вскрывъ предъ глазами читателя глубокій развратъ всего политическаго міра Германіи, такъ ярко проявившійся въ этотъ моментъ ея исторіи, авторъ переходитъ далѣе къ оцѣнкѣ идеальныхъ силъ, которыми располагало тогда нѣмецкое общество—къ характеристикѣ гуманистовъ и Лютера. Глава, посвященная Возрожденію, имѣетъ наибольшее самостоятельное значеніе во всей книгѣ Бецольда: здѣсь сразу видна рука спеціалиста, много работавшаго ранѣе научнымъ образомъ въ этой области. Въ портретѣ Лютера приходится особенно цѣнить, что авторъ рѣшился съ рѣдкой въ нѣмецкой наукѣ смѣлостью положить и свѣтъ, и тѣни. Рисуя Лютера религіознымъ Титаномъ, Бецольдъ не счелъ нужнымъ очень стушевывать и грубость этой стихійной силы. Изобразивъ затѣмъ столкновеніе идеализма съ политикой въ эпоху Вормскаго сейма и разсказавъ про первую счастливую пору реформаціоннаго движенія, когда оно носило еще общенаціональный и освободительный характеръ, авторъ прослѣживаетъ дальше сплетеніе религіозныхъ идей съ представленною ранѣе глухою классовой борьбой, разъединявшею Германію. Разсказомъ о двойной попыткѣ соціальной революціи—со стороны дворянъ и со стороны крестьянства—и заканчивается предлагаемый въ настоящее время русской публикѣ первый томъ разбираемаго сочиненія. Обширный очеркъ крестьянскаго возстанія, который далъ при этомъ Бецольдъ, является не только одной изъ наиболѣе увлекательныхъ главъ его работы, но и вообще лучшею вещью, по какой читатель, интересующійся соціальной исторіей Германіи, можетъ сейчасъ познакомиться съ этимъ многозначительнымъ ея эпизодомъ.

Русскій переводъ книги читается довольно легко, но нельзя не замѣтить, что подъ перомъ переводчика колоритная форма изложенія Бецольда значительно потускнѣла и огрубѣла. Встрѣчаются кое-гдѣ и прямые промахи. Бецольдъ, напримѣръ, пишетъ: «Bekannt ist die Frage Friedrichs des Weisen an

Richard von Trier, was denn ein Kurtisan sei, und die Antwort des Erzbichosp: «Das will ich Euer Lieb den wohl sagen, denn ein Kurtisan ist ein Bube und eine Kurtisan ist eine Bübin, das weiss ich sehr wohl *denn ich bin auch einer zu Rom gewesen*». Переводчикъ передаетъ это такъ. «На это я съ удовольствіемъ (?) отвѣчу вашей милости: куртизанъ—это мерзавецъ, а куртизанка—мерзавка; я знаю это очень хорошо, такъ какъ я когда-то тоже былъ въ Римѣ» (стр. 80). Такимъ образомъ, въ переводѣ изъ пикантнаго анекдота улетучилась вся его соль. Страница 79-я показываетъ, далѣе, что переводчикъ очень неясно представлялъ себѣ, что такое за вещи были папскія reservatio и provisio. Ordinarius онъ напрасно переводитъ «священникъ» вмѣсто «епископъ». И пробстъ въ католической церкви тоже не имѣетъ ничего общаго съ «протоіереемъ» (стр. 124). Впрочемъ, подобныхъ ошибокъ разсѣяно по книгѣ сравнительно немного, и въ общемъ переводомъ можно свободно пользоваться. *Н. Сперанскій.*

Эмиль Жебаръ. Начала Возрожденія въ Италіи. Переводъ съ французскаго, цѣна 2 руб. Среди историковъ итальянскаго Возрожденія Э. Жебаръ Gebhardt) занимаетъ особенное мѣсто. Его задача поставлена уже, чѣмъ ставятъ ее обыкновенно, и благодаря этому, получается возможность подробнѣе заняться такими вопросами, которые раньше какъ-то смазывались. Какъ видно изъ заглавія («Les origines de la Renaissance en Italie»), Жебаръ прежде всего хочетъ изслѣдовать *происхожденіе* того движенія, которое обычно принято называть Возрожденіемъ, и дѣйствительно у него причины движенія разсматриваются съ большею обстоятельностью, чѣмъ у кого бы то ни было изъ его предшественниковъ. Ставя вопросъ такимъ образомъ, Жебаръ съумѣлъ избѣжать прежнихъ односторонныхъ взглядовъ, которые сводили причины Возрожденія къ одной группѣ отношеній. Даже у Буркгардта, самого блестящаго изъ изслѣдователей нашей проблемы, не хватило широты взгляда, и его знаменитая книга какъ разъ въ этомъ пунктѣ недостаточно обработана.

Жебаръ принимаетъ во вниманіе, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, всѣ стороны культурной—въ широкомъ смыслѣ—жизни Италіи. Главныя причины движенія для него сводятся къ слѣдующимъ: свобода мысли, соціальный строй, классическая традиція, языкъ; изъ второстепенныхъ причинъ онъ отмѣчаетъ иностранныя вліянія (византійское, арабское, норманнское, провансальское и французское). Первоначальныя формы Возрожденія изображаются въ трехъ главахъ: о выработкѣ итальянскаго духа, литературѣ и искусствѣ первой поры Возрожденія. Книгѣ предпослана нѣсколько схоластическая по постановкѣ вопроса глава: «Почему Возрожденіе началось не во Франціи?»

Первая группа причинъ обоснована всего слабѣе. Жебаръ хочетъ доказать, что въ Италіи и сила схоластическаго шаблона, и гнетъ церковной опеки,—эти два тормаза человѣческой мысли въ средніе вѣка, — были слабѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ западной Европѣ. Жебаръ подчеркиваетъ то обстоятельство, что Италія была родиной юристовъ, которые поддерживали духъ научнаго изслѣдованія и что юридическій методъ, примѣненіе котораго особенно процвѣтало въ Италіи, все сильнѣе и сильнѣе выдвигалъ духъ раціонализма. Въ этомъ отношеніи традиція юристовъ неуклонно поддерживается отъ «Монархіи» Данте вплоть до «Principe» Макіавелли. Религіозная свобода доказывается отсутствіемъ крупныхъ еретическихъ движеній, подобныхъ лоллардизму, викторизму, гусситству и проч. Довольно мудрено усмотрѣть раціонализмъ въ работахъ юристовъ и еще того мудренѣе приводить ихъ въ связь съ Макіавелли. Юристы всегда оставались чужды гуманистическому движенію, въ то время, какъ флорентинскій политикъ—плоть отъ плоти этого же движенія. Схоластика процвѣтала въ Италіи не меньше, чѣмъ въ остальной Европѣ: Ѳома Аквинатъ, царь схоластическаго мышленія, если не перечислять менѣе крупныхъ, былъ итальянецъ. Что касается религіозной свободы, то отсутствіе

ересей у подножія трона Иннокентія III еще мало говорило бы въ ея пользу, да и не совсѣмъ вѣрно по существу: ломбардская патарія была столько же религіознымъ, сколько и соціальнымъ движеніемъ. А тотъ религіозный либерализмъ, который отмѣчается Жебаромъ, — явленіе далеко не спеціально — итальянское.

Интереснѣе вторая группа причинъ. Жебаръ впервые привелъ въ связь факты соціальнаго и экономическаго характера съ нарождающимся культурнымъ движеніемъ. Насколько эта связь выяснена—вопросъ другой. До Жебара на это указывалось лишь вскользь; Жебаръ далъ подробную, хотя теперь и нѣсколько устарѣлую (книга появилась въ 1879 г.) картину соціальныхъ отношеній преимущественно въ сѣверной и средней Италіи. Коммунальная революція, происхожденіе буржуазіи и ремесленниковъ, зачатки крупныхъ кредитныхъ учрежденій, городскія республики и тиранніи—все это отмѣчено очень обстоятельно, и для современнаго читателя, привыкшаго разсматривать процессъ исторической эволюціи, какъ нѣчто цѣльное, представляетъ большой интересъ. Въ настоящее время, особенно послѣ появленія второго тома книги М. М. Ковалевскаго объ экономическомъ ростѣ Европы, является возможность сильно пополнить этотъ отдѣлъ.

Третья и четвертая группы причинъ—факты настолько общеизвѣстные, что мы не будемъ останавливаться на нихъ. Отмѣтимъ только то, что Жебаръ, говоря, хотя и не достаточно опредѣленно, о переживаніи классической традиціи, сошелся съ академикомъ А. Н. Веселовскимъ, у котораго это положеніе доказывается превосходно. Иностранныя вліянія, выработка итальянскаго духа и первое возрожденіе искусства разсмотрѣны у Жебара очень хорошо. Зато совершенно не удовлетворяетъ глава о литературномъ возрожденіи, въ которой авторъ говоритъ о Данте, Петраркѣ, Боккаччо и историкахъ ранняго возрожденія: Малиспини, Дино Компаньи, трехъ Виллани и Велути—и только.

Въ книгѣ Жебара два серьезныхъ недостатка. Перебирая причины, онъ не съумѣлъ связать ихъ со слѣдствіями. Различныя стороны итальянскихъ отношеній, которыя разсматриваются у него, какъ причины движенія, вышли разобщенными не только между собою, но и отъ тѣхъ фактовъ, которыя, какъ правильно думаетъ Жебаръ, изъ нихъ вытекаютъ. Этотъ недостатокъ, въ свою очередь, истекаетъ изъ другого, еще болѣе крупнаго. Читатель, внимательно изучивъ всю книгу, едва ли будетъ въ состояніи отвѣтить на вопросъ: что такое «Возрожденіе». Подъ вліяніемъ указанныхъ Жебаромъ причинъ, изъ которыхъ первая остается проблематичной, явились опредѣленные психическіе факты, явились литература и искусство, отличныя отъ средневѣкового, хотя и неясно, какимъ именно образомъ это произошло. Но даже допустивъ, что связь причинъ и слѣдствій ясна, развѣ указаннымъ у Жебара исчерпываются даже ближайшіе результаты разсмотрѣнныхъ причинъ? Какимъ образомъ классическая традиція, столь интенсивная, повела къ итальянской литературѣ? А изъ книги Жебара выносится то впечатлѣніе, что главнымъ результатомъ была литература національная. Латинскія сочиненія Петрарки и Боккаччо едва упомянуты, изъ историковъ перечислены только тѣ, которые писали по итальянски. Куда дѣвались Салутати, Леонардо Бруни, Джованни Равенна и друг. современники первыхъ гуманистовъ, писавшіе только на древнихъ языкахъ? Отчего не разобраны подробно латинскія сочиненія Петрарка и Боккаччо, которыя авторами цѣнились несравненно выше итальянскихъ?

«Возрожденіе въ Италіи не было исключительно обновленіемъ литературы и искусствъ, вызваннымъ обращеніемъ культурныхъ умовъ къ античнымъ произведеніямъ, и лучшею подготовкою художниковъ, постигшихъ въ школахъ Греціи истинный смыслъ красоты. Возрожденіе охватывало всю итальянскую цивилизацію»... Это совершенно вѣрно, но, оцѣнивая общіе результаты, нерѣдко

гораздо болѣе отдаленные, не слѣдовало упускать изъ виду ближайшихъ. Такой странный промахъ можетъ найти лишь одно объясненіе. О латинской и греческой литературѣ говорили слишкомъ много; дѣятельность первыхъ гуманистовъ даже заслоняла общіе итоги Возрожденія; поэтому книга Жебара является своего рода реакціей противъ увлеченія точкой зрѣнія Фойхта. Только разсматриваемая въ связи со всей предшествовавшей литературой (книга Гейгера, III томъ Кертинга и изслѣдованіе Корелина появились позднѣе) она можетъ помочь оріентироваться въ вопросѣ. Въ качествѣ самостоятельнаго пособія она мало подходитъ, и благодаря невыясненности самого понятія, легко можетъ сбить неподготовленнаго читателя. Но благодаря широкой постановкѣ вопроса о причинахъ Возрожденія, она не можетъ быть обойдена.

Русскій переводъ въ литературномъ отношеніи сдѣланъ недурно, но переводчикъ обнаруживаетъ совершенное невѣжество въ передачѣ именъ и терминовъ (Перуза вмѣсто Перуджа, «Пѣсня Geste», Шеферъ Буахорстъ, вмѣсто Бойхорстъ, Аккайуоли вмѣсто Аччайуоли и пр., и пр.). *А. Дживелеговъ.*

Ф. Грегоровіусъ. Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. Отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе А. Ф. Пантелѣева. 1900. Цѣна 3 р. 50 к. Умершій девять лѣтъ тому назадъ, Фердинандъ Грегоровіусъ принадлежалъ къ тому старому, уже исчезающему типу ученыхъ идеалистовъ, которыми надѣлило Германію поколѣніе «von acht und vierzig». Вся его жизнь, жизнь обезпеченнаго человѣка была посвящена научнымъ скитаніямъ по странамъ классической культуры, археологическому и историческому изученію ихъ прошлаго. Плодомъ этихъ занятій явилось нѣсколько трудовъ, изъ которыхъ одному—именно исторіи средневѣкового Рима—суждено было обезсмертить имя автора. Въ этихъ восьми томахъ уже вполнѣ выяснились достоинства и недостатки научной манеры Грегоровіуса; его исчерпывающее знакомство съ источниками, строгость ихъ критики, умѣлое расположеніе матеріала, уподобляющее въ иныхъ мѣстахъ его научный трудъ художественному произведенію по легкости чтенія, изящный литературный языкъ—всѣ эти выдающіяся стороны работы въ «Исторіи Рима» соединяются съ основными и немаловажными недостатками: приподнятостью и нѣкоторой восторженностью тона, стремленіемъ къ морализированію, тенденціей произносить вердикты чисто моралистическаго свойства тамъ, гдѣ это совершенно ни съ какой точки зрѣнія не важно и не интересно, наконецъ, съ полнымъ нежеланіемъ хоть гдѣ-нибудь отступить отъ чисто описательной формы и помочь читателю разобраться въ громадѣ фактовъ. Лежащая предъ нами трехтомная «Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка», которую издатель такъ умѣло помѣстилъ въ одномъ томѣ русскаго перевода,—была затѣяна Грегоровіусомъ въ параллель его «Исторіи Рима въ средніе вѣка». Она написана по тому же типу, какъ и исторія Рима, и только что сдѣланныя замѣчанія о недостаткахъ и достоинствахъ научной манеры Грегоровіуса всецѣло можно примѣнить и къ «Исторіи Аѳинъ». Самый сюжетъ разбираемой книги, разумѣется, гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ тема исторіи Рима—уже потому, что Римъ игралъ въ средніе вѣка большую и вполнѣ самостоятельную роль, а Аѳины дошли до такой степени политической и культурной ничтожности, что въ Европѣ время отъ времени путешественники должны были удостовѣрять общество въ продолжающемся существованіи этого города. Но идеалистъ Грегоровіусъ изъ чувства «благодарности» готовъ былъ посвятить нѣсколько лѣтъ своей жизни, чтобы воскресить прошлое великаго очага европейской цивилизаціи въ самое тусклое, сѣрое и неприглядное время его существованія. Лишнею эту попытку назвать никакъ нельзя. Кромѣ двухъ суммарныхъ трудовъ Константинидеса (по исторіи Аѳинъ отъ Р. Х. до 1821 года) и Камбуроглу (о турецкомъ владычествѣ въ Аѳинахъ), написанныхъ на греческомъ языкѣ и, насколько намъ извѣстно, не переведенныхъ ни на одинъ евро-

нейскій языкъ, — нѣтъ никакихъ работъ, которыя были бы посвящены аѳинскому средневѣковью. Такая скудость литературы объясняется почти совершеннымъ отсутствіемъ культурно-историческаго значенія въ средневѣковой исторіи Аѳинъ. Вся тысячелѣтняя эволюція эллинизма, осложненіе его восточнымъ христіанствомъ и другими вліяніями—словомъ, то, что дѣлаетъ глубоко поучительнымъ и интереснымъ изученіе общей исторіи Византіи, можетъ быть понятно вполнѣ хорошо и безъ спеціальнаго ознакомленія съ судьбами маленькаго и заброшеннаго провинціальнаго византійскаго городка, Вотъ почему три человѣка, едва ли не больше всѣхъ сдѣлавшіе для исторіи византійской культуры, — Успенскій, Крумбахеръ и Васильевскій нашли возможнымъ почти совсѣмъ обойти исторію Аѳинъ молчаніемъ. Но все-таки съ своеобразнымъ чувствомъ интересующійся исторіей принимается за книгу Грегоровіуса: это чтеніе — прогулка по «оставленному храму», гдѣ проводникъ съ любовнымъ вниманіемъ останавливается надъ «поверженными кумирами», ежеминутно встрѣчающимися на пути. Археологическій интересъ книги не подлежитъ сомнѣнію. Правда, здѣсь Грегоровіусъ и проявляетъ особую восторженность, иногда не вполнѣ обоснованную. Напримѣръ, онъ касается причинъ отступничества императора Юліана,— о которомъ, какъ извѣстно, преданіе разсказываетъ, что его совратили въ язычество статуи боговъ, видѣнныя имъ въ Италіи. Авторъ не совсѣмъ этимъ доволенъ. «Эти показанія, — пишетъ онъ, — имѣютъ долю истины, но только сцену дѣйствія *слѣдовало бы* перенести изъ Рима въ Аѳины, ибо именно чудныя творенія Фидія, Праксителя и Алкамена, краснорѣчивыя декламаціи языческихъ софистовъ, сіяющее небо и памятники Аѳинъ плѣнили мечтательнаго юношу». Почему «слѣдовало бы», если ни одинъ источникъ ни однимъ звукомъ не упоминаетъ о *вліяніи* Аѳинъ на Юліана? Положимъ, самый вопросъ въ данномъ случаѣ по существу дѣла не представляетъ ничего важнаго, но тѣмъ характернѣе ревнивое отношеніе Грегоровіуса къ красотамъ описываемаго имъ города...

Впрочемъ, всѣ эти недостатки болѣе внѣшняго характера съ избыткомъ выкупаются главнымъ достоинствомъ писателя—его умѣньемъ выдѣлять отдѣльныя культурныя наслоенія въ многовѣковой исторіи Аѳинъ. Любопытенъ одинъ изъ основныхъ выводовъ изслѣдованія, именно относительно полной невозможности для западныхъ романскихъ культуръ акклиматизоваться въ Аѳинахъ: ни каталанцы, ни сѣверные итальянцы не оставили рѣшительно никакихъ культурныхъ слѣдовъ въ исторіи Аѳинъ, не смотря на свое долгое владычество. Причины этого факта коренятся, можетъ быть, въ несомнѣнномъ количественномъ и качественномъ перевѣсѣ греческой цивилизаціи надъ средневѣковой западной, можетъ быть, въ условіяхъ того «химическаго сродства народностей», которое слишкомъ было слабо между испанцами и итальянцами съ одной стороны и аѳинянами—съ другой. Лучшія страницы книги — послѣднія; времена турецкаго нашествія описаны очень живо и драматично.

Переводъ исполненъ въ общемъ вполнѣ литературно; впрочемъ, начало книги переведено какъ будто нѣсколько хуже, чѣмъ конецъ. Напримѣръ, удивительно тяжела такая фраза (стр. 14): «Въ теченіе двухъ лѣтъ, что процарствовалъ Юліанъ, эллинизмъ хотя и могъ возгордиться скоропроходящимъ освобожденіемъ изъ подъ гнета императорскихъ законовъ, тѣмъ не менѣе явилъ доказательство полной своей несостоятельности въ смыслѣ правильнаго возрожденія». Попадаются такія выраженія, какъ «вывѣтрѣлый міръ» (16) «благорасположить къ себѣ» (стр. 238), «городъ Аѳины былъ исторгнутъ изъ забвенія черезъ возвеличеніе одной изъ своихъ дщерей» (стр. 64) etc. Но важно, что переводило, очевидно, лицо, знающее самый сюжетъ, знакомое съ исторіей, и какихъ бы то ни было промаховъ, указывающихъ на незнаніе терминовъ, нѣтъ и слѣда.

Отъ души привѣтствуя обогащеніе русской переводной литературы сочине-

ніемъ Грегоровіуса, не можемъ не вспомнить, что до сихъ поръ ждетъ своего перевода классическій трудъ Витерсгейма, отчасти, также затрогивающій исторію Аѳинъ, и весьма обстоятельно трактующій о Балканскомъ полуостровѣ вообще. Драматическая, живая и полная «Geschichte der Völkerwanderung», конечно, не менѣе «Исторіи Аѳинъ» заслуживаетъ перевода, читаться же она будетъ безъ всякого сомнѣнія, гораздо болѣе широкими кругами общества.

Евг. Тарле.

ИСТОРІЯ ПРАВА.

М. Владимірскій-Будановъ. «Обзоръ исторіи русскаго права».

Обзоръ исторіи русскаго права проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Изданіе третье съ дополненіями. Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина. Кіевъ. 1900. Стр. IV + VII + 667. Появленіе новаго изданія «Обзора» спустя четырнадцать лѣтъ послѣ перваго выхода книги и черезъ двѣнадцать—послѣ второго изданія само по себѣ служитъ достаточнымъ показателемъ достоинствъ книги. Предназначенный сначала «служить только *пособіемъ при слушаніи лекцій*» автора, «Обзоръ» скоро получилъ болѣе широкое распространеніе, что объясняется не только его внутренними качествами, но также и тѣмъ, что уже около десяти лѣтъ онъ является единственнымъ полнымъ пособіемъ по исторіи русскаго права.

Новое изданіе полнѣе предшествующаго, но «не вслѣдствіе наполненія книги новыми матеріалами, а въ силу необходимости отозваться на новыя теоріи и мнѣнія, накопившіяся въ промежуткѣ между двумя изданіями». Оцѣнка этихъ теорій и мнѣній вызвала со стороны автора рядъ возраженій его «уважаемымъ сотоварищамъ по наукѣ», хотя онъ и «отдаетъ великую честь работамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ».

Замѣчанія и возраженія автора на высказанныя въ новѣйшей исторической литературѣ мнѣнія, составляя главную новинку въ книгѣ, представляютъ двоякій интересъ: во-1-хъ, каждому занимающемуся русскою исторіею всегда любопытно выслушать мнѣніе, хотя и противоположное, такого авторитетнаго изслѣдователя, какимъ является авторъ; во-2-хъ, полемика автора во многихъ случаяхъ помогаетъ выяснить собственныя его мнѣнія, изложенныя въ книгѣ не всегда съ желательною подробностью. Необходимо принять во вниманіе, что «Обзоръ», главнымъ образомъ, и прежде всего имѣетъ въ виду слушателей автора, которымъ многое можетъ быть разъяснено и дополнено посредствомъ устнаго изложенія; читателю же «Обзора», лишенному возможности слѣдить за устнымъ изложеніемъ автора, иныя мѣста текста могутъ показаться недосказанными и недоказанными; для нихъ то полемическія дополненія получаютъ особый интересъ и большую важность. Съ этой стороны можно лишь пожалѣть, что авторъ отозвался на нѣкоторыя историческія новинки послѣдняго десятилѣтія слишкомъ кратко, а на иныя и вовсе не отозвался. Отмѣтимъ для примѣра статьи проф. Ключевскаго о представительствѣ на земскихъ соборахъ; этимъ статьямъ посвящены два примѣчанія: одно, вопреки сказанному въ текстѣ (195), гласитъ, что «можно согласиться съ проф. Ключевскимъ, что на соборахъ *XVI в.* начало выбора представителей уступало порядку призыва извѣстныхъ лицъ самимъ правительствомъ отъ классовъ, корпорацій и мѣстностей»; другое (191) содержитъ частное замѣчаніе о смольнянахъ на соборѣ 1566 г.; и ничего больше. Сдѣланное въ литературѣ (г. Рудневымъ) указаніе о томъ, какія сомнѣнія возникаютъ у читателей по поводу теоріи автора о происхожденіи обычнаго права, при дословной перепечаткѣ этого отдѣла изъ стараго

изданія, оставлено безъ разсмотрѣнія и лишь почему-то въ примѣчаніи на стр. 477 сказано, что нужно различать условія *возникновенія* и *измѣненія* обычнаго права; но въ чемъ эти различія — предоставлено разгадать самому читателю.

Сосредоточенныя въ примѣчаніяхъ литературныя возраженія и замѣчанія составляютъ главную новинку книги, но не единственную. Мѣстами дополненъ и измѣненъ и самый текстъ. Наибольшее число такихъ дополненій и почти всѣ измѣненія приходятся на исторію гражданскаго права, въ частности—права вещнаго, гдѣ встрѣчаются и новые отдѣлы, напр.: «Меньшія сельскія общины и кооперативные союзы»; здѣсь же впервые приводятся и немногія выдержки изъ вновь открытаго памятника, такъ-наз. «Судебника Өедора Ивановича». Кромѣ того, замѣтныя дополненія сдѣланы въ исторіи государственнаго права московскаго періода, именно въ отдѣлахъ о сельскомъ населеніи и финансовомъ управленіи (153—156, 218—221). Болѣе мелкія дополненія въ одну или нѣсколько строкъ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ книги. Но всѣ дополненія и немногія измѣненія текста являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и разъясненіемъ ранѣе формулированныхъ авторомъ выводовъ, которымъ онъ остался въ точности вѣренъ и теперь. Кромѣ двухъ-трехъ незначительныхъ пропусковъ и немногихъ измѣненій (въ исторіи вещнаго права), старый текстъ перепечатанъ въ новомъ изданіи безъ всякихъ перемѣнъ. Можно даже отмѣтить, что текстъ остался безъ исправленій и тамъ, гдѣ это требовалось соотвѣтственными дополненіями.

Какъ сказано, авторъ отозвался почти на всѣ новые литературные труды, хотя и не на всѣ съ одинаковою подробностію. Всего больше возраженій и замѣчаній вызвали «Русскія юридическія древности» и «Лекціи и изслѣдованія» (изд. 1899 г.) проф. Сергѣевича. Съ нимъ, иногда не называя его, авторъ полемизируетъ почти въ каждомъ отдѣлѣ своей книги (кромѣ отдѣловъ, посвященныхъ исторіи уголовнаго права и судопроизводства, хотя и здѣсь воззрѣнія изслѣдователей во многомъ расходятся) какъ по крупнымъ, такъ и по болѣе мелкимъ вопросамъ. Наиболѣе подробныя возраженія посвящены вопросамъ: о характерѣ древне-русскаго государства (12—14); о боярской думѣ (48—53 и 179—188); о вѣчѣ (56—57, 59, 61—63); о холопствѣ полномъ и кабальномъ (388—399); объ имущественныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми (463—465); о наслѣдованіи (489, 505—506); о черныхъ земляхъ (551—552); о родовомъ выкупѣ (566, 570). Едва ли не самыми сильными изъ всѣхъ слѣдуетъ признать возраженія по вопросу о боярской думѣ: попытка проф. Сергѣевича вычеркнуть думу изъ числа древне-русскихъ учрежденій встрѣтила со стороны автора горячій и весьма серьезный протестъ. Но едва ли съ такимъ же успѣхомъ авторъ вышелъ изъ состязанія по другимъ вопросамъ. Трудно допустить, что ему удалось убѣдить читателей въ томъ, что терминъ «земля» «точнѣе обозначаетъ какъ объемъ тогдашнихъ русскихъ государствъ, такъ и внутренній характеръ ихъ», чѣмъ термины «волость» и «княженіе», которые, по утвержденію автора потому не годятся для обозначенія государства, что «предѣлы и составъ княженій измѣнялись чуть не ежегодно». Желаніе автора настоять на правильности раздѣленія вѣчевыхъ собраній на нормальныя и ненормальныя привело его къ неловкому признанію, что постановленія ненормальнаго вѣча вовсе не должны считаться незаконными. Всѣ попытки выяснить возникновеніе кабальной зависимости онъ считаетъ неудачными и винитъ въ этихъ неудачахъ проф. Сергѣевича, который новымъ объясненіемъ закупничества порвалъ естественную связь между послѣднимъ и кабалой; самый взглядъ на кабалу, какъ на договоръ займа, и затѣмъ мнѣніе о мгновенномъ переворотѣ, произведенномъ закономъ 1597 г., по мнѣнію автора, должны быть признаны крупнымъ недоразумѣніемъ. Однако, развитіе

собственныхъ положеній поставило и автора передъ вопросами, на которые онъ не даетъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. Мнѣніе проф. Сергѣевича, что крестьяне черныхъ волостей владѣли участками обработанной земли на правахъ собственности, возбуждаетъ у автора много неразрѣшимыхъ недоумѣній: главнымъ образомъ, онъ считаетъ совершенно невозможнымъ примирить его съ порядками передѣловъ, хотя послѣдніе засвидѣтельствованы единственнымъ актомъ, относящимся къ г. Шуѣ. Правда, авторъ пытается истолковать въ смыслѣ общинныхъ передѣловъ и одну статью Судебника царя Ѳедора; но въ ней идетъ рѣчь о передѣлахъ «повытно, по купчинѣ», т.-е. между собственниками-совладѣльцами одной деревни.

Авторъ отмѣчаетъ и мнѣніе цѣлаго ряда другихъ лицъ, съ которыми онъ обыкновенно полемизируетъ и очень рѣдко соглашается. Было бы утомительно перечислять здѣсь всѣ спорные вопросы какъ болѣе важные, такъ и детальные. Можно лишь отмѣтить, что болѣе подробно формулированы возраженія и замѣчанія касательно положенія служилыхъ людей, крѣпостного права, закладничества, верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, отдѣльныхъ вопросовъ наслѣдованія, вотчиннаго и помѣстнаго права. Не подлежитъ сомнѣнію, что возраженія автора не даютъ окончательныхъ рѣшеній, не устраняютъ спорныхъ вопросовъ и вызовутъ, въ свою очередь, возраженія съ другой стороны. Однако, важное ихъ значеніе заключается, какъ сказане, въ томъ, что, благодаря имъ, лучше могутъ быть выяснены собственные взгляды автора, для подкрѣпленія которыхъ, вопреки заявленію предисловія, приводится и новый матеріалъ изъ вновь изданныхъ актовъ.

Въ заключеніе съ сожалѣніемъ отмѣтимъ, что новое изданіе содержитъ еще больше опечатокъ, чѣмъ предшествующее, изъ которыхъ добрая половина не оговорена. *М. Дьяконовъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

И. Озеровъ. «Общество потребителей».—«Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи».

И. Озеровъ. Общество потребителей. 2-е изданіе С. Дароватовскаго и А. Чарушникова съ предисл. акад. И. И. Янжула. Спб. 1900. Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи по даннымъ 1897 г. Изданіе постоянной коммиссіи по дѣламъ потребительныхъ обществъ. Сост. Н. А. Рейтлингеръ. Спб. 1899. Потребительныя общества въ Западной Европѣ, если и не выполнили тѣхъ неумѣренныхъ ожиданій, которыя нѣкогда возлагались на нихъ, то во всякомъ случаѣ, при существующихъ тамъ широкихъ размѣрахъ распространенія играютъ значительную роль въ улучшеніи матеріальнаго быта наиболѣе нуждающихся классовъ. Немаловажно также значеніе ихъ въ смыслѣ развитія среди трудящихся массъ того духа солидарности и коопераціи, который является необходимымъ условіемъ ихъ соціальнаго возвышенія. У насъ стремленіе къ объединенію дѣятельности потребительныхъ обществъ выразилась только въ самое послѣднее време въ видѣ Нижегородскаго съѣзда представителей потребительныхъ обществъ и образованія нѣкоторыхъ центровъ совмѣстной работы, что же касается соотвѣтетвенной литературы, то она столь же слаба, какъ слабо самое движеніе. Трудъ И. Озерова, первое изданіе котораго относится къ 1894 г., занимаетъ въ ней видное мѣсто: онъ не только даетъ историческій очеркъ развитія потребительныхъ обществъ въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи, но и устанавливаетъ правильные принципы веденія самого дѣла, насколько выяснены они опытомъ

передовыхъ въ данномъ отношеніи странъ. Для того, чтобы служить «*краткимъ руководствомъ* къ основанію и веденію потребительныхъ обществъ», какъ говорится въ заголовкѣ, книга И. Озерова слишкомъ громоздка и научно написана, тѣмъ не менѣе, она пока незамѣнима по цѣнности указаній, богатству матеріала и новизнѣ данныхъ. Со времени перваго ея изданія, движеніе русскихъ потребительныхъ обществъ сдѣлало существенные шаги впередъ, которые и отмѣчены въ работѣ, но, хотя авторъ и аттестуетъ второе изданіе, какъ «значительно дополненное и исправленное», мы не находимъ въ немъ ни одного значительнаго дополненія, что же касается исправленій, то они мѣстами сдѣланы небрежно. Такъ, въ первомъ изданіи въ концѣ книги была приложена сводная таблица русскихъ потребительныхъ обществъ, на которую авторъ ссылается и во второмъ изданіи (стр. 162), но сама она въ послѣднемъ изданіи опущена, такъ какъ къ этому времени вышли уже позднѣйшія данныя, опубликованныя постоянной коммиссіей по дѣламъ потребительныхъ обществъ. Этими данными авторъ пользовался въ видѣ корректурнаго оттиска (стр. 182), но привести ихъ въ извлеченіи не нашелъ возможнымъ, благодаря чему книга лишена необходимаго дополненія, и должна быть разсматриваема совмѣстно съ вышеупомянутымъ изданіемъ «Постоянной Коммиссіи», «Обзоромъ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи по даннымъ 1897 года», сост. Н. А. Рейтлингеромъ. Во второмъ изданіи оставлены также частью намѣренно, частью по недосмотру нѣкоторыя мѣста перваго изданія, потерявшія свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ съѣздъ представителей русскихъ потребительныхъ обществъ сталъ осуществившимся фактомъ (стр. 182, 247). Тѣмъ не менѣе, второе изданіе заключаетъ въ себѣ существенныя дополненія въ отдѣлѣ иностраннаго движенія потребительныхъ обществъ («Послѣднія теченія въ области кооперація», «Женская консервативная гильдія» въ Англіи, Международный кооперативный союзъ, свѣдѣнія о ходѣ движенія въ Италіи), а также русскаго—въ видѣ изложенія существующихъ попытокъ объединенія нашихъ потребительныхъ обществъ и описанія обществъ потребителей Пермской губерніи, на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстахъ самимъ авторомъ лѣтомъ 1895 года.

Идея потребительныхъ обществъ или товариществъ крайне проста и несложна: она сводится къ оптовой закупкѣ необходимыхъ для потребленія предметовъ и къ продажѣ ихъ членамъ товарищества или всѣмъ желающимъ по пониженной цѣнѣ или по рыночной, но съ возвращеніемъ большей части полученнаго отъ торговой операціи барыша. Этимъ достигается сразу нѣсколько полезныхъ результатовъ: выгода потребителей, устраненіе излишнихъ посредниковъ, уничтоженіе фальсификаціи товаровъ, косвенное понижающее вліяніе на общій уровень цѣнъ. Достигнувъ болѣе высокаго развитія и прочности, потребительныя общества не ограничиваются указанными результатами, они переходятъ къ собственному производству, выработкѣ главнѣйшихъ изъ потребляемыхъ товаровъ за счетъ общества, или обращаютъ значительную часть получаемой отъ операціи чистой прибыли на иныя цѣли, чѣмъ простое сбереженіе: на постройку домовъ для членовъ, страхованіе членовъ, наконецъ на поднятіе умственнаго уровня среды, ихъ выдѣлившей, путемъ устройства библіотекъ, школъ, чтеній и т. д. Такимъ образомъ потребительныя общества становятся центрами, которые на матеріальной основѣ выгодъ доставляемыхъ ихъ коммерческими операціями удовлетворяютъ многимъ существеннымъ потребностямъ нуждающагося населенія. Конечно, значеніе ихъ въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе велико, чѣмъ болѣе онѣ обязаны своимъ возникновеніемъ дѣятельности самихъ трудящихся классовъ. Ихъ настоящая среда—это рабочій людъ и вообще классы небогатые, живущіе трудомъ, гдѣ дорожатъ копѣйками, гдѣ важную роль имѣетъ самое небольшое сбереженіе, ничтожная на первый взглядъ экономія.

Переходя къ современному состоянію потребительныхъ обществъ въ Россіи, приходится признать, что, не смотря на 35-ти-лѣтній періодъ ихъ исторіи, оно ничтожно не только абсолютными числами, но и относительными. Всего дѣйствуетъ у насъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ 307 обществъ, такъ что въ общемъ для всей Россія одно потребительное общество приходится, приблизительно, на 417.271 жителя. Для того, чтобы поравняться, напр., съ Швейцаріей, число потребительныхъ обществъ въ Россіи должно было бы возрасти въ 30 разъ, чтобы сравняться съ Германіей—въ 12 разъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія, имѣющіяся о 100 потребительныхъ обществахъ, показываютъ, что какъ по самому числу обществъ, такъ равно и по количеству членовъ, первое мѣсто у насъ занимаютъ потребительныя общества среди рабочихъ и мастеровыхъ при фабрикахъ и заводахъ: 40% числа обществъ и 35% всего числа членовъ упомянутыхъ 100 обществъ. Затѣмъ слѣдуютъ потребительныя общества желѣзнодорожныхъ служащихъ, дающія 23,7% и такъ называемыя экономическія общества военнаго и морского вѣдомства, дающія 18,6% всего числа членовъ. Сельское населеніе пока принимаетъ весьма незначительное участіе въ организаціи потребительныхъ союзовъ. И тамъ, и здѣсь потребительныя общества являются результатомъ иниціативы и дѣятельности не самого рабочаго населенія, а лицъ, болѣе или менѣе начальствующихъ, выше поставленныхъ, и это составляетъ характерную черту нашего движенія въ отличіе отъ западно-европейскаго, гдѣ оно, дѣйствительно, есть результатъ самодѣятельности трудящихся классовъ. «Общества у насъ, — пишетъ И. Озеровъ, — возникаютъ въ фабричной, заводской и желѣзнодорожной средѣ или по иниціативѣ гуманнаго фабриканта, правленія желѣзной дороги или, наконецъ, служащихъ высшихъ категорій, и лишь затѣмъ уже втягиваются мало-по-малу рядовые рабочіе, и имъ передается все дѣло, но все-таки и тогда многія наши потребительныя общества ярко окрашены филантропическимъ характеромъ: рабочіе сами не могутъ вести дѣла, за нихъ завѣдуютъ дѣлами общества другіе служащіе,—болѣе интеллигентныя и болѣе знающія лица, а рабочіе въ большинствѣ случаевъ лишь пользуются болѣе дешевыми продуктами, получаютъ дивидендъ и... только» (стр. 181). Правда, стадію филантропической постановки дѣла переживало движеніе потребительныхъ обществъ на первыхъ порахъ и на Западѣ, но у насъ, въ виду особенностей русской жизни, она остается существенной чертою движенія и до сихъ поръ. И это становится вполнѣ понятнымъ, если вникнуть въ тѣ условія, которыя встрѣчало до послѣдняго времени движеніе, принять во вниманіе тѣ препятствія, которыя всякое общество находило у насъ при своемъ возникновеніи и дѣятельности. Говоря о враждебномъ отношеніи торговцевъ къ потребительнымъ обществамъ, И. Озеровъ отмѣчаетъ, что тогда какъ въ Англіи и другихъ странахъ обычные способы борьбы, употребляемые торговцами — бойкоттъ, конкуренція, у насъ это ходатайства по начальству и разные темные способы (стр. 149). Естественно, что въ подобной борьбѣ остаются всего болѣе неуязвимыми именно тѣ общества, которыя сами состоятъ подъ спасительной эгидой начальства. Средняя продолжительность существованія у насъ потребительныхъ обществъ очень невелика: 60% изъ числа обществъ, время утвержденія уставовъ которыхъ извѣстно, не насчитываютъ и 5 лѣтъ существованія, а изъ потребительныхъ обществъ, учрежденныхъ въ первые 4 года со времени возникновенія перваго потребительнаго общества (1865 — 1868), не осталось въ настоящее время, повидимому, ни одного («Обзоръ», стр. 12).

Въ послѣднее время, однако, устранено важное препятствіе если не развитію, то возникновенію новыхъ потребительныхъ обществъ: введенъ одновременно съ изданіемъ нормальнаго устава потребительныхъ обществъ 13 мая 1897 г. новый порядокъ ихъ утвержденія: властью мѣстнаго губернатора, который только доводитъ post factum до свѣдѣнія мин. вн. дѣлъ, а не этимъ

послѣднимъ, что очень тормозило открытіе новыхъ обществъ. Благодаря этому, со времени изданія нормальнаго устава по іюнь 1898 г. разрѣшено было открыть 65 новыхъ потребительныхъ обществъ, тогда какъ въ 1896 г. было разрѣшено 40, а въ 1897 г. только 26.

Сильный толчекъ развитію потребительныхъ обществъ у насъ дало созваніе перваго съѣзда представителей потребительныхъ обществъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 г. во время происходившей тамъ всероссійской выставки.

Обсужденію съѣзда подвергся важный вопросъ объ объединеніи кооперативныхъ обществъ, было выработано «положеніе о союзахъ», которое, однако, до сихъ поръ не получило еще санкціи. Разработка основныхъ вопросовъ кооперативнаго движенія и собираніе данныхъ о положеніи потребительныхъ обществъ было возложено на «постоянную коммиссію» при означенномъ с.-петербургскомъ отдѣленіи комитета имп. моск. общества сельскаго хозяйства. Первымъ изданіемъ этой Постоянной коммиссіи и является разсматриваемый нами «Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи по даннымъ 1897 г.». Что касается вопроса о матеріальномъ объединеніи русскихъ потребительныхъ обществъ, объ организаціи оптовыхъ закупокъ, то вопросъ этотъ, также возбужденный на нижегородскомъ съѣздѣ, въ послѣднее время снова ожилъ. Большія надежды возбудилъ въ этомъ отношеніи учрежденный въ 1898 г. московскій союзъ потребительныхъ обществъ и еще большія возбуждаетъ проектируемое «Россійское кооперативное общество оптовыхъ операцій».

Надо ожидать, что единеніе на почвѣ взаимнаго содѣйствія и опыта привьетъ нашимъ обществамъ болѣе здравые принципы, чѣмъ тѣ, которыми большинство изъ нихъ до сихъ поръ руководится. Такъ, среди нашихъ потребительныхъ обществъ крайне развита продажа товаровъ не по умѣреннымъ рыночнымъ цѣнамъ, а по цѣнамъ закупки, а также продажа въ кредитъ, что одинаково отвергается разумной практикой системы и всегда гибельно отражалось на развитіи движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ условія экономическаго быта нашихъ рабочихъ, пріемы расплаты не позволяютъ вполнѣ отвергнуть продажу товаровъ въ кредитъ, такъ что въ качествѣ компромисса между теоріею и дѣйствительною жизнью приходится прибѣгать къ продажѣ въ кредитъ, но за ручательствомъ фабричной конторы. Указанныя несовершенства въ пріемахъ дѣятельности, полная разрозненность дѣйствій, незначительность оборотовъ все это ведетъ къ тому, что наши потребительныя общества пріобрѣтаютъ товары на маловыгодныхъ условіяхъ и имѣютъ низкій % чистой прибыли (62% изслѣдованныхъ обществъ имѣли всего отъ 1 до 5%). Естественно, что при такомъ низкомъ уровнѣ прибыли наши потребительныя общества не могутъ развивать производительныя операціи за свои счеты. Изъ 100 потр. обществъ только 24 имѣли собственныя мастерскія или иныя заведенія. Большинство этихъ заведеній возникло въ недавнее время, уже въ 90-хъ годахъ. По примѣру Запада, часть прибылей нашихъ потребительныхъ обществъ отпускается на общеполезныя цѣли, нужды образованія: школы, библіотеки и народныя чтенія, волшебные фонари и на дѣла благотворительнаго характера. Но все это касается, конечно, болѣе обширныхъ столичныхъ обществъ, обладающихъ большими капиталами и прочнымъ положеніемъ. Большинству же нашихъ потребительныхъ обществъ далеко и до того, чтобы быть дѣйствительно серьезнымъ экономическимъ подспорьемъ населенію въ опутывающихъ его сѣтяхъ нужды и эксплуатаціи. Со временемъ безспорно, придетъ и это, но много еще предстоитъ движенію пройти ступеней и устранить препятствій, прежде чѣмъ оно станетъ на ту солидную почву, которую находитъ для себя въ Западной Европѣ.

М. П—въ

ФИЛОСОФІЯ и ПСИХОЛОГІЯ.

Ев. Бобровъ. «Философія въ Россіи».— *Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ.* «Физіологія органовъ чувствъ».—*Кимменталь.* «Развитіе памяти и соображенія».

Проф. Евгеній Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. I. Казань 1889 г., стр II+48. Вып. II, VI+255. Вып. III, Казань 1900 г., II+256. Содержаніе соотвѣтствуетъ по заглавію книги. Это, дѣйствительно, только «матеріалы» для исторіи философіи въ Россіи: рядъ отрывочныхъ справокъ, по преимуществу библіографическаго содержанія. Авторъ, большею частью, дословно пересказываетъ философскія произведенія и статьи интересующихъ его авторовъ, дѣлаетъ выписки изъ сочиненій, въ которыхъ говорится о нихъ и объ упоминаемыхъ ими лицахъ, и очень рѣдко прибавляетъ собственное сужденіе. Но кто интересуется исторіей умственныхъ движеній русскаго общества, тотъ долженъ будетъ поневолѣ прибѣгнуть къ пособіямъ г. Боброва, и будетъ ему благодаренъ за его чернорабочій трудъ. Особенный интересъ представляетъ большой очеркъ III выпуска, посвященный знаменитому «А. Н. Радищеву, какъ философу». Радищева знаютъ у насъ, преимущественно, какъ автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»; о его философскихъ взглядахъ ходячіе учебники литературы повторяютъ мнѣніе Пушкина, который считалъ Радищева «истиннымъ представителемъ *полупросвѣщенія*», легкомысленнымъ и поверхностнымъ послѣдователемъ французской «философіи» XVIII вѣка, особенно Гельвеція. Г. Бобровъ совершенно справедливо доказываетъ, что подобное мнѣніе глубоко несправедливо. Путемъ дословной передачи философскаго трактата Радищева «о человѣкѣ, его смертности и безсмертіи», составляющаго теперь библіографическую рѣдкость, путемъ ряда справокъ и сличеній, г. Бобровъ приходитъ къ совершенно иному выводу. Онъ видитъ въ Радищевѣ глубоко образованнаго человѣка, широко знакомаго со всѣми важнѣйшими литературными произведеніями Западной Европы XVIII в. Интересъ къ французскимъ философамъ нисколько не мѣшалъ ему находиться подъ сильнымъ вліяніемъ *нѣмецкой* философіи и науки. Проводникомъ этого вліянія былъ его знаменитый учитель въ Лейпцигѣ, проф. Платеръ. Онъ передалъ Радищеву свои симпатіи къ философіи Лейбница: къ этому направленію, притомъ въ его чистомъ видѣ, не искаженномъ обработкой Вольфа, принадлежитъ и философское произведеніе Радищева, очень продуманное и самостоятельно изложенное. По этимъ качествамъ и «по обилію заключающихся въ немъ свѣдѣній, трактатъ Радищева есть одинъ изъ самыхъ блестящихъ памятниковъ къ исторіи русскаго просвѣщенія XVIII в.».

Менѣе общаго интереса имѣютъ очерки, посвященные г. Бобровымъ московскимъ «натурфилософамъ», послѣдователямъ Шеллинга, Д. М. Велланскому, М. Г. Павлову и Д. В. Веневитинову. Но историкъ русской мысли и съ этимъ матеріаломъ долженъ будетъ считаться. Между прочимъ, автору удалось найти въ числѣ рукописей Публичной библіотеки неизданный трудъ Велланскаго о животномъ магнитизмѣ. *П. Милюковъ.*

Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ. Физіологія органовъ чувствъ. Изд. библ. для самообразованія М. 1900 г. Никто не сомнѣвается въ томъ, что въ настоящее время психологія составляетъ необходимый предметъ самообразованія. Но при этомъ всякій знаетъ, что въ послѣднее время психологія, будь это «физіологическая» или «экспериментальная» или т. н. «общая» психологія, разрабатывается въ самой тѣсной связи съ физіологіей. Психологія очень многимъ обязана физіологіи, въ особенности той части ея, которая изучаетъ функціи органовъ чувствъ и которая извѣстна подъ именемъ «физіологіи органовъ чувствъ». Этотъ отдѣлъ физіологіи составляетъ необходимую составную часть

современной психологіи, и потому всякій, желающій ознакомиться съ психологіей, долженъ предварительно ознакомиться именно съ этимъ отдѣломъ физіологіи. При существующихъ недостаткахъ современнаго средняго образованія именно этотъ отдѣлъ физіологіи большинству читателей приходится пополнять при помощи самообразованія, при отсутствіи же подходящихъ сочиненій ознакомленіе съ нею встрѣчаетъ множество трудностей.

Книга Макъ-Кендрика и Снодграса идетъ именно на встрѣчу этой потребности. Авторы, по ихъ собственному признанію, хотѣли дать такую книгу, «которая была бы изложена въ формѣ, доступной и для читателя, не изучавшаго спеціально физіологіи, и которая могла бы дать надлежащую подготовку и для того, кто впослѣдствіи пожелаетъ перейти къ болѣе отвлеченнымъ вопросамъ физіологической психологіи». Въ виду такой цѣли авторы, по возможности, мало останавливались на психическихъ процессахъ, обращая главное вниманіе на физіологическую сторону явленій. Задачу свою авторы, какъ намъ кажется, выполнили вполнѣ удовлетворительно. Книга написана, дѣйствительно, вполнѣ популярно, доступно. Изложенію функціи того или другого органа предшествуетъ подробное анатомическое описаніе этого органа. Нужно отмѣтить, что въ этой книгѣ впервые появляется изложеніе теоріи цвѣтового ощущенія Геринга на русскомъ языкѣ, что чрезвычайно важно, такъ какъ эта теорія у насъ извѣстна очень мало, вслѣдствіе того, что большой распространенностью у насъ пользуется отличная отъ нея теорія Гельмгольца. Мускульное чувство изложено авторами черезчуръ кратко, и далеко не принято въ соображеніе даже современное состояніе этого вопроса. Такъ, одна изъ самыхъ распространенныхъ теорій, по которой это чувство обязано своимъ происхожденіемъ возбужденію «сочленовныхъ поверхностей», не нашла себѣ мѣста въ этой книгѣ, а между тѣмъ вопросъ о субстратѣ этого чувства есть вопросъ физіологическій. Мускольное чувство занимаетъ такое важное мѣсто въ современной психофизіологіи, что о немъ нужно было бы сказать больше, чѣмъ объ этомъ говорятъ авторы.

Въ концѣ книги прибавлена глава «о физіологическихъ условіяхъ ощущенія», и мы ставимъ въ особую заслугу авторамъ содержаніе этой главы, потому что они съумѣли при разрѣшеніи этого вопроса стать на чисто-научную точку зрѣнія, не пускаясь въ произвольныя построенія, которыя такъ часто можно встрѣтить среди представителей естествознанія, когда имъ приходится высказываться по поводу вопросовъ объ отношеніи между физическими и психическими явленіями.

«Никто не сомнѣвается,—говорятъ авторы,—что сознаніе имѣетъ матеріальный субстратъ, но задача о связи явленій душевныхъ съ молекулярными процессами въ нервной ткани въ настоящее время такъ же далека отъ разрѣшенія, какъ и въ тѣ дни, когда мало знали въ физіологіи нервной системы».

Въ этомъ вопросѣ авторы занимаютъ положеніе, которое можетъ быть признано всѣми. По ихъ мнѣнію, «ученіе, принимающее совмѣстное существованіе обоихъ рядовъ явленій, параллельно идущихъ и строго соподчиненныхъ, признаетъ фактъ, какъ онъ есть, и не обольщаетъ умъ подобіемъ разрѣшенія неразрѣшимаго».

Они рѣшительно противъ матеріалистическаго толкованія. «Утверждая, что цѣпь физическихъ явленій есть причина состояній сознанія, также какъ физическія явленія въ печеночной клѣткѣ есть причина выдѣленія желчи, мы вводимъ въ эту цѣпь нѣчто нематеріальное, и такимъ образомъ разрываемъ физическую связь отдѣльныхъ звеньевъ. Если же мы, наоборотъ, желая избѣжать затрудненія, отвергнемъ физическій субстратъ сознанія, и будемъ разсматривать самыя физическія звенья, какъ нѣкоторыя сознанія, то это будетъ не болѣе, какъ обманъ словъ, а не разъясненіе». Авторы не согласны также и съ тѣмъ взглядомъ, что сознаніе есть особый родъ *энергіи*. Сознаніе не можетъ быть измѣрено, не можетъ произойти изъ различныхъ родовъ физической энергіи и не можетъ

въ нихъ преобразоваться. Движеніе вещества не разрѣшается въ сознаніе, или, другими словами, сознаніе не есть видъ энергіи.

Изданіе и переводъ книги сдѣланы вполнѣ хорошо. Переводчикъ мѣстами дѣлаетъ отъ себя дополненія, вполнѣ идущія къ дѣлу.

Нужно надѣяться, что хорошій переводъ книги и внутреннія достоинства ея будутъ способствовать ея распространенію. *Г. Челпановъ.*

Кименталь. Какъ слѣдуетъ учиться? Развитіе памяти и соображенія. Спб. 1900. Указанная книга не принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ можно писать рецензіи, она принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, отъ которыхъ можно только предостерегать читателя, потому что если эта книга попадетъ въ руки читателя, то тотчасъ увидитъ, что онъ этимъ заманчивымъ заглавіемъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе. Очевидно, сомнительные лавры г. Файнштейна побудили автора составить эту вздорную книжку.

Чтобы читатель могъ видѣть, съ чѣмъ въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ дѣло, я приведу нѣсколько примѣровъ правилъ для укрѣпленія памяти. «Для запоминанія иностранныхъ словъ и ихъ значеній,—по мнѣнію автора,—слѣдуетъ связывать слово, похожее по звукамъ на иностранное, съ значеніемъ иностраннаго или словомъ ему созвучнымъ».

père—отецъ. На *перинѣ* спитъ *отецъ.*
mère—мать. Надо снять *мѣр*ку съ *матери.*
mardi—вторникъ. За*мара*лъ *ди*ванъ *дворникъ.*
jeudi—четвергъ. *Жиды* не имѣютъ *щет*окъ.
vendredi—пятница. *Звонятъ пят*кой.

Для того, чтобы запомнить города, напр., Олонецкой губерніи, слѣдуетъ взять первые слоги этихъ городовъ и составить изъ нихъ фразу, имѣющую какой-нибудь смыслъ. *Пет*розаводскъ, *Выте*гра, *Кар*гополь, *Пудо*жъ, *Повѣ*нецъ, *Ол*онецъ, *Лод*ейное поле. Составляемъ предложеніе. *Пет*ръ *выте*ръ *кар*тину *пуд*рой и *пове*рнулъ *Ол*ину *лод*ку.

Но самыя замѣчательныя правила развитія памяти находятся въ главѣ о гигіенѣ умственнаго труда. Тамъ, между прочимъ, говорится:

«Работать въ сумерки или при слабомъ освѣщеніи вредно». «Стулъ слѣдуетъ ставить такимъ образомъ, чтобы передній край его на полвершка—вершокъ вдавался подъ столъ». «Ноги ставить на полъ, не закладывая одна на другую и не подгибая ихъ подъ стулъ». «На стулѣ слѣдуетъ сидѣть прямо и не горбиться и не прижиматься къ столу». Неужели нужно было писать книгу, чтобы изрекать такія истины. Всѣ правила г. Кименталя въ этомъ родѣ.

Г. Челпановъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

В. Фаусекъ. «Этюды по вопросамъ біологической эволюціи».—*Эрнстъ Геккель.* «Современныя знанія о филогенетическомъ развитіи человѣка.—*Н. Цингеръ.* «Курсъ астрономіи».

В. Фаусекъ. Этюды по вопросамъ біологической эволюціи. Спб. 1899 г. Ц. 60 коп. Этюды г. Фаусека представляютъ удачную попытку извлечь изъ спеціальныхъ изслѣдованій, недоступныхъ «широкому кругу читателей», множество интересныхъ наблюденій и изложить ихъ въ популярной формѣ, связавъ и освѣживъ какой-нибудь одной общей мыслью. Эта общая мысль служитъ чита-

телю руководящей нитью, безъ которой онъ запутался бы въ дебряхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Если и не всегда можно согласиться съ толкованіями автора, то все же нельзя отказать ему въ удачномъ сопоставленіи и умѣломъ изложеніи опытовъ и наблюденій разныхъ ученыхъ, благодаря чему очерки читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Первый изъ этюдовъ, «Живорожденіе и паразитизмъ» появился впервые въ «Русскомъ Богатствѣ», если не ошибаемся, въ 1892 году. Что произведеніе на свѣтъ живыхъ дѣтенышей или вивипарія, принявшая столь опредѣленный характеръ у млекопитающихъ, встрѣчается и въ другихъ группахъ животнаго міра, было извѣстно давно. Открытіе, сдѣланное Гааке и Кольдуэлемъ въ 1884 году, показало, что между двумя формами произведенія дѣтенышей—между снесеніемъ яицъ съ одной и живорожденіемъ съ другой стороны существуютъ переходныя ступени. Что живорожденіе представляетъ собою приспособленіе, независимо возникшее во многихъ порядкахъ животнаго царства, это доказывается его спорадическимъ распространеніемъ. Прослѣдить путь этого приспособленія, т. е. показать, какія отношенія между материнскимъ организмомъ и снесеными яйцами обусловливаютъ возникновеніе и развитіе живорожденія—вотъ задача, которую поставилъ себѣ авторъ. Но на-ряду съ этимъ авторъ задается вопросомъ: каковъ характеръ отношеній, возникающихъ между матерью и зародышемъ при живорожденіи? И на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: живорожденіе есть только частный случай паразитизма, такъ какъ дѣтеныши развиваются на счетъ соковъ, отторгнутыхъ ими отъ организма матери; они паразиты своей собственной матери. Паразитизмъ этотъ выгоденъ для существованія вида и поэтому поощряется естественнымъ подборомъ. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что морфологическія и физіологическія измѣненія въ организмѣ матери, сопровождающія живорожденіе, являются результатомъ раздраженій, исходящихъ изъ развивающейся яйцевой клѣтки, мы, однако, позволимъ себѣ задать вопросъ: примѣнимо ли названіе «паразитизмъ» къ случаю временнаго сожительства особей одного и того-же вида, хотя и ведущаго къ питанію одной изъ нихъ за счетъ другой, но не ослабляющей ни питающей особи, ни вида, а наоборотъ, дающей виду лишь новые шансы въ борьбѣ за существованіе? Или авторъ иначе опредѣляетъ паразитизмъ?—тогда жаль, что онъ не приводитъ своего болѣе расширеннаго опредѣленія. Во всякомъ случаѣ, нужно остерегаться доводить аналогію до степени тожества, особенно въ виду недоказанности нѣкоторыхъ допущеній.

Второй очеркъ: «Раздражительность низшихъ организмовъ и органы чувствъ животныхъ» заключаетъ много фактовъ, освѣщающихъ генезисъ нашихъ органовъ чувствъ. Изложеніе опытовъ и наблюденій такъ интересно и связь ихъ съ руководящей идеей, положенной въ основу этюда, такъ очевидна, что читатель незамѣтно вводится въ кругъ спеціальныхъ изслѣдованій, безъ знакомства съ которыми невозможно понимать трактуемаго вопроса, но которые, однако, такъ тщательно избѣгаются широкою публикой.

Третій очеркъ: «Автотомія и болевая чувствительность у животныхъ» былъ напечатанъ въ «Мірѣ Божьемъ» въ 1898 году и, вѣроятно, знакомъ большинству читателей нашего журнала.

Г. Фаусекъ является популяризаторомъ науки въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не открещиваясь отъ всего «популярнаго», подобно многимъ спеціалистамъ, онъ въ то же время время не впадаетъ въ излишнее стремленіе схематизировать явленія до неузнаваемости, ведущее скорѣе къ «вульгаризаціи», чѣмъ къ популяризаціи знанія. Истинная задача популярной литературы—поднять читателя—неспеціалиста до пониманія явленій, а не низводить научныя положенія до степени ничѣмъ не доказываемыхъ догматовъ, лишь бы они сдѣлались «понятны». Разбираемая книга вполнѣ удовлетворяетъ этой задачѣ и мы смѣло рекомендуемъ ее читателямъ. *С. Ч.*

Эрнстъ Геккель. Современныя знанія о филогенетическомъ развитіи человѣка. Переводъ съ нѣмецкаго В. Вихерскаго. Спб. 1899 г. Ц. 60 коп. Вопросъ о происхожденіи человѣка и о мѣстѣ его въ органической природѣ по справедливости можетъ претендовать на всеобщій интересъ. Это «вопросъ всѣхъ вопросовъ», и отъ того или иного рѣшенія его зависитъ весь характеръ и складъ нашего міросозерцанія. Авторъ лежащей предъ нами брошюры—извѣстный ученый и блестящій популяризаторъ дарвинизма. Настоящая брошюра его представляетъ собою докладъ, читанный авторомъ на 4-мъ международномъ конгрессѣ зоологовъ въ Кембриджѣ—слѣдовательно, исключительно передъ спеціалистами. И если тамъ такой бѣглый обзоръ нѣсколькихъ отраслей естествознанія въ наиболѣе трудныхъ и важныхъ точкахъ ихъ соприкосновенія могъ быть оправдываемъ наличностью спеціальной подготовки у слушателей, то, вынесенная изъ собранія ученыхъ спеціалистовъ «въ широкій кругъ образованныхъ людей», эта брошюра сразу теряетъ значительную часть своего значенія. Читателю мало такихъ краткихъ и бѣглыхъ указаній, какія даетъ брошюра, чтобы достигнуть той «непоколебимой увѣренности» въ вопросѣ о происхожденіи человѣка, которую хочетъ передать ему авторъ. Бороться съ антидарвинистскими предразсудками нужно путемъ систематическаго изложенія и освѣщенія фактовъ и выводовъ современнаго естествознанія, а не путемъ короткихъ положеній и формулъ, затрагивающихъ часто самые важные вопросы лишь мимоходомъ и принимающими слишкомъ часто догматическій характеръ.

Можно было бы многое возразить почтенному автору и по существу. Излюбленный имъ способъ построенія схематическихъ родословныхъ деревъ не всегда является результатомъ индуктивныхъ изслѣдованій, а содержитъ довольно крупную долю фантазіи. Далеко не всѣ согласятся съ тѣмъ, что «весь классъ млекопитающихъ, начиная съ древнѣйшихъ однопроходныхъ и кончая человѣкомъ,—монофилетическій, что всѣ члены его могутъ быть выведены изъ одной общей первоначальной формы» (стр. 34). Именно въ послѣднее время палеонтологія пытается доказать полифилетическое происхожденіе класса млекопитающихъ—и не безъ успѣха, такъ что въ настоящее время далеко не «всѣ компетентные зоологи раздѣляютъ взглядъ о происхожденіи млекопитающихъ изъ одной только вымершей группы» (стр. 34).

Мы, однако, рекомендуемъ читателямъ прочесть эту брошюру, такъ какъ она несомнѣнно способна пробудить интересъ къ дальнѣйшему изученію этого вопроса.

Переводъ сдѣланъ очень старательно, но не свободенъ отъ погрѣшностей. Жаль также, что названія всѣхъ сочиненій и статей, на которыя ссылается авторъ, переведены на русскій языкъ, между тѣмъ какъ большинства этихъ сочиненій нѣтъ въ русскомъ переводѣ. Переводчикъ гораздо лучше бы поступилъ, если бы оставилъ всѣ названія цитируемыхъ книгъ не переведенными и лишь относительно тѣхъ, которыя существуютъ въ русскомъ переводѣ, дѣлалъ всякій разъ соотвѣтствующее указаніе. *С. Ч.*

Курсъ астрономіи Н. Цингера, генералъ-лейтенанта, заслуженнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. I. Часть теоретическая. II. Часть практическая. С.-Петербургъ. 1899 г. Курсъ проф. Цингера предназначенъ для офицеровъ геодезическаго отдѣленія Николаевской академіи генеральнаго штаба и гидрографическаго отдѣленія Николаевской морской академіи, но онъ можетъ быть рекомендованъ вниманію и университетскихъ слушателей, равно какъ и лицъ, занимающихся самостоятельно. Онъ полезенъ для всякаго, кто интересуется астрономіей по существу. Многіе изъ курсовъ не только у насъ въ Россіи, но и заграницей,—такого рода, что, проштудировавъ ихъ, добросовѣстно разобравъ всѣ формулы, читатель тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ все-таки чувствуетъ себя безпомощнымъ, когда ему приходится при-

мѣнить эти формулы на практикѣ. Помимо тѣхъ внѣшнихъ техническихъ затрудненій, которыя можетъ испытывать человѣкъ, мало знакомый съ числовыми вычисленіями, самое значеніе величинъ, входящихъ въ формулы, часто окажется для него неяснымъ: онъ остановится въ недоумѣніи передъ вопросомъ, въ какихъ единицахъ должна быть выражена та или другая величина, откуда взять ея числовое значеніе, годное для даннаго момента, какъ комбинировать ее съ другими величинами, нужны ли какія-либо поправки, встрѣчающіяся въ другихъ случаяхъ и пр.

Наоборотъ, курсъ проф. Цингера практическій. Его основная задача—подготовить читателя къ практическимъ занятіямъ тѣми астрономическими наблюденіями, которыя входятъ въ сферу дѣятельности геодезиста и гидрографа. Вотъ почему проф. Цингеръ никогда не ограничивается математическимъ выводомъ формулы—онъ переводитъ ее на числовой языкъ, разъясняетъ ея примѣненіе, рѣшаетъ для примѣра и задачку и рѣшаетъ со всею строгостью, со всѣми подробностями, расположивъ свои вычисленія въ образцовой учебной схемѣ. Во всемъ видна та строгая практическая школа, которую прошелъ авторъ. Нельзя не отмѣтить и его остроумія, обнаруживающагося то тутъ, то тамъ, въ изящныхъ простыхъ рѣшеніяхъ, цѣнныхъ замѣчаніяхъ и пр. По преимуществу авторъ пользуется геометрическими пріемами, какъ болѣе естественными, наглядными, болѣе простыми, чѣмъ пріемы аналитическіе.

Что касается самого содержанія курса, то въ первой части его (теоретической) мы имѣемъ послѣ введенія: выводъ основныхъ формулъ сферической тригонометріи съ цѣнными замѣчаніями относительно числовыхъ рѣшеній и развитіемъ дифференціальныхъ соотношеній, интерполированіе, начала теоріи вѣроятности, способъ наименьшихъ квадратовъ, рядъ задачъ, такъ называемой сферической астрономіи, основныя начала астрономіи теоретической и небесной механики, очень краткія свѣдѣнія о физической природѣ небесныхъ свѣтилъ, а во второй части (практической): изложеніе различныхъ способовъ опредѣленія времени, широты и долготы мѣста, которому предшествуетъ описаніе астрономической трубы, уровня, часовъ, хронометровъ пассажнаго инструмента, зенитъ-телескопа, переноснаго вертикальнаго круга универсальнаго инструмента и отражательныхъ угломѣрныхъ инструментовъ (секстанта, круга Пистора, отражательнаго инструмента Рапсольда).

Кромѣ многочисленныхъ пояснительныхъ примѣровъ, рѣшаемыхъ самимъ авторомъ со всѣми подробностями, въ различныхъ главахъ первой части дано по нѣскольку чрезвычайно полезныхъ задачъ съ указаніями на ихъ рѣшенія.

Изложеніе всегда точное и сжатое. Громадный матеріалъ напечатанъ на сравнительно небольшомъ числѣ страницъ (I—360 стр.; II—280). Большого вниманія заслуживаютъ числовыя таблицы, приложенныя въ концѣ первой части.

Можно настоятельно рекомендовать читателямъ это почтенное руководство.

К. Покровскій.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Е. Водовозова. «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ».—*Е. П—ва.* «Гарибальдійцы».

Е. Водовозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Французы Спб. 1899 г. Съ 10 рис. Стр. 227. Цѣна 40 к. Подъ общимъ заглавіемъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ» г-жа Водовозова выпустила въ свѣтъ 8 книжекъ, въ которыхъ описывается жизнь народовъ различныхъ европейскихъ странъ. Книжки эти въ свое время завоевали себѣ общее вниманіе, а изданная недавно книга г-жи Водовозовой «Французы» (8-я въ серіи) является тѣмъ болѣе кстати, что въ нашей популярной литературѣ не имѣется ни одной удовлетворительной книжки на эту тему; какъ это ни странно, но въ то время, какъ о жизни японцевъ мы имѣемъ, кромѣ другихъ, три хорошихъ популярныхъ сочиненія, о болѣе близкомъ намъ европейскомъ народѣ, къ тому же нашемъ «союзникѣ», имя котораго не сходитъ со страницъ русскихъ газетъ за послѣднія 5—6 лѣтъ, до сихъ поръ не было издано ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго популярнаго сочиненія. Книга г-жи Водовозовой, въ общемъ, удачно заполняетъ этотъ пробѣлъ, давая читателю, при вполнѣ доступномъ изложеніи, массу новаго и интереснаго матеріала.

Охарактеризовавъ вначалѣ Парижъ, какъ центръ культуры не только Франціи, но и всего міра, авторъ въ легкихъ и интересныхъ описаніяхъ знакомитъ читателя съ внѣшнимъ видомъ Парижа, съ его замѣчательными постройками и кипучей уличной жизнью, съ его большими магазинами-базарами и центральнымъ рынкомъ, съ увеселительными заведеніями, наконецъ съ рѣкой Сеной, подземнымъ городомъ и съ предмѣстьемъ бѣдняковъ, гдѣ находятъ себѣ пріютъ парижскіе нищіе и бродяги. Затѣмъ въ четырехъ главахъ авторъ даетъ характеристики французскаго дворянства, буржуазіи, крестьянъ и рабочихъ, и еще въ одной отдѣльной главѣ характеристику всего французскаго народа и французовъ юга и сѣвера въ частности. Въ двухъ главахъ: Бретань и Нормандія—разсказывается о своеобразной жизни населенія этихъ провинціальныхъ угловъ Франціи, о занятіяхъ и промыслахъ его. Наконецъ, въ главѣ—«Образованіе» сообщается о постановкѣ дѣла народнаго образованія во Франціи, о преобладающемъ вліяніи духовенства и особенно подробно описываются средне-учебныя заведенія. Въ послѣдней главѣ г-жа Водовозова даетъ обстоятельный очеркъ государственнаго устройства Франціи. Такимъ образомъ книга какъ бы распадается на три отдѣла: 1) описаніе Парижа и двухъ характерныхъ провинцій Франціи, 2) характеристики населенія Франціи, какъ вообще, такъ и по отдѣльнымъ сословіямъ и классамъ и 3) описаніе государственнаго устройства страны и постановки народнаго образованія. Наиболѣе удавшимися автору нужно признать описанія Парижа и его особенностей, очеркъ государственнаго устройства, гдѣ въ краткихъ, но ясныхъ словахъ разсказано о системѣ выборовъ, значеніи тайнаго и общаго голосованія, о власти исполнительной и законодательной въ лицѣ президента, парламента и сената, сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о группировкѣ партій, хотя и слишкомъ краткія, такъ какъ не лишнее было бы привести тутъ данныя о количествѣ депутатовъ каждой партіи по цифрамъ послѣднихъ выборовъ; очень кстати въ этой главѣ введены характерные панамскій и дрейфусовскій эпизоды. Глава объ образованіи тоже удачно составлена, но очень жаль только, что ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ книги авторъ не остановился на значеніи свободы манифестацій и въ особенности свободы печати, въ виду той огромной роли, какую въ жизни всей страны, а особенно въ жизни Парижа играетъ ежедневная пресса. Описаніе Бретани и Нормандіи въ общемъ интересное, заставляетъ однако пожалѣть, что

авторъ не удѣлилъ мѣста описанію какого-нибудь другого провинціальнаго центра, стоящаго гораздо выше въ культурномъ и промышленномъ отношеніяхъ, а потому играющаго болѣе важную роль въ общемъ развитіи страны, какъ напримѣръ, Ліонъ, Марсель и др.

Въ главахъ, посвященныхъ характеристикѣ отдѣльныхъ классовъ и сословій, на-ряду съ сообщеніемъ интересныхъ фактовъ и наблюденій, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ огульныхъ характеристикъ, бездоказательно приписывающихъ тому или другому классу или даже всему народу въ его цѣломъ тѣ или иныя, дурныя или хорошія качества. Авторъ, который, вмѣсто того, чтобы въ живыхъ сценахъ или на яркихъ примѣрахъ показать наиболѣе рельефныя черты характера данной группы населенія, стремится лишь дать во что бы то ни стало общія характеристики,—вступаетъ обыкновенно на путь голословныхъ утвержденій и даже противорѣчій съ самимъ собою. И дѣйствительно, въ характеристикахъ г-жи Водовозовой мы видимъ и то, и другое. Уже въ оглавленіи мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ рубрикъ, указывающихъ на подобное стремленіе, какъ, напримѣръ: «Буржуазія. Характеристика людей этого класса общества. Ихъ взгляды, стремленія и желанія. Ихъ хорошія и дурныя стороны... Характеръ французскаго народа. Его хорошія и дурныя стороны» и т. п. Дальше же на страницахъ самой книги подъ этими рубриками мы видимъ цѣлый рядъ утвержденій, вродѣ слѣдующихъ: «Болѣзненная страсть *каждаго* француза быть во что бы то ни стало дворяниномъ, пользоваться громкимъ титуломъ графа»... и т. д. (стр. 51). «Другою характерною чертою, общею *всей* буржуазіи, оказывается враждебное отношеніе къ народу» (стр. 59). «*Вся* французская буржуазія заражена страстью къ наживѣ, *всѣ*, составляющіе это сословіе, поклоняются золотому тельцу. Даже самые образованные изъ ея среды не брезгаютъ никакими спекуляціями, играютъ на биржѣ и мало-по-малу заглушаютъ въ своей душѣ честные природные инстинкты» (стр. 60). «Хотя *всѣ французы одинаково* любятъ деньги...» (стр. 61) И дальше, въ томъ же родѣ: «Что касается титуловъ, привилегій, орденовъ и всякихъ отличій, французы всегда обнаруживали какую-то двойственность: съ одной стороны они издавна добивались водворить на своей родинѣ братство и равенство, съ другой—страстно стремились получить высокій титулъ или какой-нибудь орденъ» (стр. 49). «*Каждый* французъ спитъ и видитъ, какъ бы получить какой-нибудь орденокъ; точно также каждый изъ нихъ, сдѣлавшись богатымъ человѣкомъ, мечтаетъ о громкомъ титулѣ графа или барона. Конечно, это очень мало вяжется съ братствомъ и равенствомъ, которыхъ всегда такъ добивались французы, но такія противоположныя, противорѣчивыя чувства прекрасно уживаются вмѣстѣ въ ихъ душѣ» (стр. 49 и 50). Та же мысль повторяется еще разъ на стр. 175, начиная со словъ: «Болѣе всего въ характерѣ француза поражаютъ контрасты...» и т. д. Однако, если бы авторъ отвлекся отъ своего стремленія видѣть во что бы то ни стало одну общую черту въ характерѣ всего народа и всей буржуазіи, то онъ не нашелъ бы никакого контраста въ этомъ двоякомъ стремленіи французовъ и къ равенству, и къ отличіямъ; эта загадочная двойственность на самомъ дѣлѣ объясняется очень просто: не одни и тѣ же люди стремятся и къ равенству и къ неравенству, а въ то время, какъ одни стремятся къ равенству и братству, другіе жаждутъ титуловъ и привилегій; въ одни историческіе моменты число стремящихся къ равенству увеличивается въ зависимости отъ разныхъ матеріальныхъ и психическихъ условій, этимъ людямъ или этимъ группамъ людей удается восторжествовать на время надъ другими и тогда они добиваются хотя бы формальнаго признанія началъ братства и равенства; въ другое время на первый планъ выдвигаются другіе люди и другія общественныя группы, которыя стремятся къ возстановленію всѣхъ сословныхъ и иныхъ привилегій. Все это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что не весь французскій народъ и

даже не вся буржуазія стремится къ одному и тому же, и что контрасты наблюдаются болѣе въ историческомъ развитіи Франціи, чѣмъ въ душѣ отдѣльнаго француза, а тѣмъ болѣе въ душѣ всѣхъ французовъ.

Разсматривая дальнѣйшія характеристики книги о французахъ, мы наталкиваемся на такое утвержденіе въ главѣ о рабочихъ, которое лучше всего показываетъ, къ какимъ противорѣчіямъ можетъ привести манера, усвоенная г-жею Водовозовой. Перечисливъ нѣсколько характерныхъ особенностей всѣхъ французскихъ рабочихъ, авторъ говоритъ: «Характерная черта рабочаго—нѣжная, горячая любовь къ своимъ дѣтямъ. Но эта страсть къ дѣтямъ не привела къ хорошимъ результатамъ... Избалованныя дѣти рабочихъ не выходятъ ни особенно великодушными, ни людьми съ твердыми принципами и взглядами, ни трудолюбивыми работниками, какъ о томъ мечтали ихъ родители, а людьми съ слабою волею, которыхъ всего болѣе привлекаютъ соблазны столицы и пьянство» (стр. 148—149). Такъ ли это? Только что передъ тѣмъ мы читали, что французскіе рабочіе и трудолюбивы, и даровиты, и умѣютъ стойко переносить самыя тяжелыя испытанія; дальше, (на той же страницѣ) мы узнаемъ, что замѣчательной чертой характера французскихъ рабочихъ является добродушіе и необыкновенное сочувствіе къ своему товарищу. «Въ горѣ онъ отдаетъ ему послѣднюю копѣйку, будетъ для него работать, сколько хватитъ силъ, и въ то же время ему никогда не придетъ въ голову придать этому какое-нибудь значеніе: онъ думаетъ, что поступить иначе—величайшая подлость, и вовсе не считаетъ, что поступать такъ въ его положеніи—величайшій подвигъ» (стр. 149). Жена рабочаго въ большинствѣ случаевъ его истинная подруга: «она въ высшей степени трудолюбива, настойчива, энергична и также, какъ и мужчина, если не болѣе его, находчива, остроумна и одарена природнымъ чувствомъ изящнаго» (стр. 150). Итакъ, все хорошее, что авторъ говоритъ о рабочихъ, относится только къ родителямъ, которые балуютъ своихъ дѣтей и дѣти выходятъ уже плохими, слабыми людьми. Но кто же эти родители, а кто дѣти? Вѣдь всѣ родители были когда-то дѣтьми и, въ свою очередь, дѣти въ свое время становятся родителями. Одно изъ двухъ: или всѣ вообще рабочіе слабовольны, не великодушны, безпринципны и т. п., или всѣ они великодушны, даровиты, настойчивы и т. п. Чтобы выпутаться изъ этого противорѣчія, оставалось только указать съ точностью время, съ котораго всѣ рабочіе начали плохо воспитывать своихъ дѣтей; авторъ этого не сдѣлалъ, по весьма понятнымъ причинамъ.

Рядомъ съ этими неудачными попытками огульныхъ характеристикъ стоятъ также не всегда удачныя объясненія нѣкоторыхъ соціальныхъ явленій, даваемыя г-жей Водовозовой въ примѣненіи къ французской жизни. Такъ, описавъ на стр. 22—26 грандіозный парижскій магазинъ «Дешевая продажа» со всѣми его приспособленіями для удешевленія товаровъ и продажи ихъ въ небывало широкихъ размѣрахъ, коснувшись далѣе вопроса о положеніи служащихъ этого предпріятія, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Вообще гигантскіе магазины-базары въ родѣ только что описаннаго, а также «Лувра», «Самаритянки», «Прекрасной садовницы», когда къ нимъ поближе присмотришься, оказываются далеко не благодѣтелями человѣческаго рода, а просто-на-просто колоссальными спекуляторами и эксплоататорами: они умѣютъ чрезвычайно умно употреблять все въ свою пользу, ловко эксплоатируютъ рабочій людъ, подавляютъ и вытѣсняютъ многія отрасли промышленности и совершенно убиваютъ не только мелкіе магазины и мастерскія, но и весьма солидныя фирмы» (стр. 26). Дальше авторъ говоритъ объ эксплоатаціи магазинами мелкихъ домашнихъ рабочихъ, преимущественно портныхъ и портнихъ. Авторъ совершенно правъ, говоря о вытѣсненіи такими колоссальными предпріятіями болѣе мелкихъ конкурентовъ, т. е. производителей: для нихъ ростъ и развитіе подоб-

ныхъ магизиновъ-базаровъ грозитъ полной гибелью. Но авторъ совершенно напрасно упускаетъ изъ виду интересы потребителей, которые,—и въ ихъ числѣ также рабочій людъ—получаютъ возможность дешево пріобрѣтать хорошія вещи. Что же касается эксплоатаціи занятыхъ при магазинахъ рабочихъ, въ частности портныхъ и портнихъ, то тяжесть ея слѣдуетъ относить не на счетъ большихъ дешевыхъ базаровъ, а на счетъ развивающагося капитализма, захватывающаго въ свои желѣзныя лапы все новые и новые ряды домашнихъ рабочихъ и вообще ремесленниковъ. Говоря дальше о стачкахъ (въ главѣ «Рабочіе») авторъ описываетъ всѣ бѣдствія, какія выпадаютъ на долю забастовавшихъ и заканчиваетъ слѣдующимъ утвержденіемъ: «Во всякомъ случаѣ, рабочіе знаютъ, чего имъ ждать отъ стачки, если она состоится, и сами до смерти боятся ея» (стр. 139). Если такъ, то естественно было бы ждать, что при улучшеніи условій труда, сокращеніи рабочаго времени, организаціи синдикатовъ, о чемъ намъ разсказываетъ самъ авторъ, количество стачекъ во Франціи все уменьшается. Однако, на той же страницѣ мы видимъ рядъ цифръ, краснорѣчиво доказывающихъ, что растетъ не только число стачекъ, но и число стачечниковъ. Очевидно, французскіе рабочіе не такъ ужъ боятся стачекъ, какъ думаетъ авторъ. Въ противоположность слишкомъ большому пессимизму по отношенію къ стачкамъ, г-жа Водовозова черезчуръ оптимистично смотритъ на значеніе синдикатовъ, привѣтствуя въ интересахъ рабочихъ не только ихъ синдикаты труда, но и синдикаты предпринимателей, являющихся, какъ извѣстно, гораздо болѣе страшнымъ врагомъ рабочихъ, чѣмъ отдѣльные хозяева (стр. 143—145). Также оптимистично относится г-жа Водовозова и къ устройству колоній для рабочихъ при возможности для нихъ покупать жилища въ собственность (стр. 134).

Мы остановились такъ подробно на разборѣ книги г-жи Водовозовой, главнымъ образомъ потому что и слабыя, и сильныя стороны разбираемаго труда характерны въ большей или меньшей степени и для остальныхъ книгъ изъ серіи подъ заглавіемъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ». Но мы отнюдь не желали бы умалять достоинствъ этого единственнаго серьезнаго и въ то же время популярнаго сочиненія о Франціи и французахъ, знакомство съ которымъ, безъ сомнѣнія, расширяетъ кругозоръ читателя, а потому не можетъ не быть полезно. Книга «Французы» даетъ очень много интересныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній и притомъ въ образцовой по легкости и ясности формѣ, дѣлающей ее доступной и для читателя изъ народной среды, и для учащагося юношества нашихъ среднихъ школъ. *М. Б.*

«Гарибальдійцы». Историческая повѣсть изъ временъ борьбы Италіи за свое освобожденіе. Передѣлано съ итальянскаго Е. П—вой. Изданіе Алексѣева. Спб. 1900. Цѣна 15 к. Стр. 80. Повѣсть «Гарибальдійцы», какъ можно видѣть изъ заглавія ея, посвящена разсказу о подвигахъ Гарибальди и его соратниковъ. Въ доступной русской литературѣ не имѣется произведеній, которыя знакомили бы читателей съ эпохой освобожденія Италіи, поэтому повѣсть «Гарибальдійцы» появилась весьма кстати, тѣмъ болѣе, что по содержанію своему она и заинтересуетъ читателя, и окажетъ на него извѣстное воспитательное вліяніе. Безпредѣльная любовь къ родинѣ, мужество и самопожертвованіе въ борьбѣ за ея освобожденіе, беззавѣтная преданность долгу,—таковы черты, характеризующія героевъ повѣсти, начиная съ самого Гарибальди и кончая дѣвушкой,—воиномъ Марціей. Въ повѣсти кратко очерчена исторія экспедиціи гарибальдійцевъ въ Сицилію и Неаполь; по пути разсказаны и козни враговъ свободы и приключенія отдѣльныхъ членовъ экспедиціи, совѣщанія королевскаго совѣта и воззванія Гарибальди, наконецъ, приведены выдержки изъ его дневника. Такимъ образомъ, несмотря на свои небольшіе размѣры, книжка «Гарибальдійцы» можетъ дать довольно богатую пищу для души

и ума читателя. Однако серьезнымъ упущеніемъ со стороны лица, передѣлывавшаго повѣсть для русскихъ читателей, слѣдуетъ признать отсутствіе какого бы то ни было предисловія или введенія, объясняющаго ту историческую обстановку, въ которой происходитъ дѣйствіе разсказа, и сообщающаго о тѣхъ измѣненіяхъ въ дальнѣйшей жизни страны, къ которымъ привело это движеніе. Снабженная такимъ предисловіемъ, повѣсть «Гарибальдійцы» замѣтно выиграла бы въ своемъ значеніи и доступности для читателя безъ спеціальной подготовки.

Изложена повѣсть простымъ и понятнымъ языкомъ, но художественными достоинствами изложеніе г-жи П—ой не отличается; особенно неудаченъ пріемъ, часто практикующійся г-жей П—ой, при переходѣ отъ одной темы разсказа къ другой: «Воспользуемся этимъ промежуткомъ времени, чтобы сказать два слова объ этихъ людяхъ», «вспомнимъ нашихъ старыхъ знакомыхъ», и т. п. (стр. 8, 9, 30, 74 и т. п.). Въ общемъ же, несмотря на указанныя упущенія, книжка «Гарибальдійцы» представляетъ собою очень полезный вкладъ въ народную литературу. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го февраля по 15-е марта 1900 года).

К. Каутскій. Аграрный вопросъ. Харьковъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. П. Литвиковъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. Спб. 1900 г. Ц. 3 руб.

А. Сутерланда. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Переводъ съ англ. Н. Канчевской. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Михаилъ Москаль. Возрожденіе или упадокъ. Критическій этюдъ по поводу романа «Воскресенье». М. 1900 г. Ц. 60 к.

Уставъ Об-ва вспомоществованія нуждающимся воспитанникамъ Симферопольскаго Императора Николая II-го реальнаго училища. Симферополь. 1900 г.

Графа А. К. Толстого. Упырь, разсказъ съ предисловіемъ Владиміра Соловьева. Спб. Изд. книжнаго склада М. Залшупина. 1900 г. Ц. 1 руб.

Его-же. Проектъ постановки на сцену трагедіи: «Смерть Іоанна Грознаго». Изд. М. Залшупина. Спб. 1900 г. Ц. 50 коп.

Р. С. Бергъ. Курсъ общей эмбріологіи. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 коп.

Вольфъ. Космогоническія гипотезы. Перев. подъ редакціей Филиппова. Спб. Изд. Сойкина. 1900 г. Ц. 60 коп.

Буддійскія сутты. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Л. М. Шахрай. Русское слово еврейскимъ дѣтямъ. Часть I и II-ая. 2-й, 3-й и 4-й годъ обученія. Одесса. 1900 г. Ц. 90 к., съ перес. 1 р. 5 коп.

В. Лункевичъ. Обезьяны. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 15 коп.

Его-же. Общественная жизнь животныхъ. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 12 к.

— Семейная жизнь животныхъ. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 15 коп.

— Жилища и постройки животныхъ. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 16 коп.

— Землетрясенія и огнедышащія горы. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 16 коп.

— Бичи земли и чудеса природы. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 16 коп.

Калифъ на день. Арабская сказка. Перев. В. Д. Поровозской. Изд. Павленкова. Ц. 15 коп.

Аладдинъ и Волшебная лампа. Арабская сказка перев. Б. Д. Поровозской. Изд. Павленкова. Ц. 20 коп.

Проф. А. Р. Уоллеса. Чудесный вѣкъ. Перев. Л. Лакіера. Спб. Изд. Ф. Павленкова. 1900 г. Ц. 1 р. 25 коп.

В. Лункевичъ. Среди животныхъ и растеній. Спб. Изд. Павленкова. 1900 г. Ц. 75 к.

М. А. Энгельгардта. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Этьенъ Гюйаръ. Исторія міра. Перев. съ франц. Л. Шейниса. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

С. и Б. Уеббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Перев. съ англ. Г. А. Паперна. Изд. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сильванусъ Томпсонъ. Свѣтъ видимый и невидимый. Перев. съ англ. В. Чепинскаго. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Г. Ахелиса. Современное народовѣдѣніе. Перев. съ нѣмецк. Ѳ. Капемоша. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Брандесъ. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Нѣмецкая литература. Перев. съ нѣмецк. Б. Д. Поровозской и В. И. Писаревой. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

В. Лункевичъ. Вода. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 28 коп.

Его-же. Пчелы, осы и термиты. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 18 к.

— Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Изд. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 24 к.

— Подводное царство. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 20 к.

— Тайга и тундра. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 14 к.

— Степь и пустыня. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 18 к.

— Воздухъ. Изд. Павленкова. 1899. Спб. Ц. 15 к.

И. И. Ивановъ. А. Н. Островскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Я. В. Абрамовъ. Бракъ и семья. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

А. Лейрица. Противныя животныя. Перев. съ франц. И. Я. Шевырева. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Э. П. Эванса. Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Переводъ съ англ

Е. Орлова. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Р. Вирховъ, его жизнь и научно-общественная дѣятельность. Біографич. очеркъ Ю. Г. Малиса. Изд. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Исторія Али-Бабы и сорока разбойниковъ. Арабская сказка. Перев. Б. Д. Порозовской. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 15 к.

Путешествія Синдбада мореплавателя. Арабская сказка. Перев. Б. Д. Порозовской. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 20 к.

Японскія сказки. Перев. Б. Д. Порозовской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Ц. 15 к.

Польскія сказки. Перев. Т. С. Якубовскаго. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 15 к.

Я. В. Абрамовъ. Личный наемъ и служба. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Артуръ Графъ. Софизмы Льва Толстого по отношенію къ искусству и критикѣ. Перев. съ итальян. И. Гливенко. Кіевъ. 1900 г. Ц. 20 к.

Л. Гаттермана. Практическое руководство къ изученію органической химіи. Перев. съ нѣмецк. В. А. Смирнова. Москва. 1900 г. Ц. 2 руб.

А. Г. Степовичъ. Изд. Пушкинской юбилейной литературы и славянъ. Кіевъ 1900 г.

Н. И. Каниевецкой. Изъ былого Черноморія. Екатеринодаръ. 1900 г. Ц. 1 руб.

К. Р. Качоровскій. Русская община. Т. 1-й. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

А Д. Педашенко. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1897 г. Спб. 1900 г.

С. А. Золотаревъ. Голосъ семьи о школѣ. Изд. Бр. Башмаковыхъ. Рига. 1900 г. Ц. 30 коп.

А. И. Введенскаго. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Спб. Изд. М. П. Мельникова. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. А. Пальчевскаго. Докладъ: Потребность учрежденія во Владивостокѣ морской біологической станціи. Владивостокъ. 1899 г.

Программы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса. Москва. 1900 г.

А. И. Фаресовъ. Тертій Ивановичъ Филипповъ. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.

Отчетъ Об-ва попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1898 г. сост. Р. Л. Вейсманъ. Томскъ. 1899 г.,

Ф. Тома. Нравственность и воспитаніе. Перев. съ франц. Е. Леонтьевой. Спб. 1900 г. Ц. 30 коп.

Л. Шепелевича. «Фаустъ» Гёте. Опытъ характеристики. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.

Поль Аппель. Сборникъ задачъ по раціональной механикѣ. Перев. А. П. Ненашева. Москва. 1900 г. Ц. 75 коп.

Весь Саратовъ. На 1900 г. Адресъ-календарь. Изд. Фридрихсонъ въ Саратовѣ. Ц. 75 к.

У. Ранке. Человѣкъ. Перев. съ нѣмецк. Изд. М. Е. Ліона подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Спб. 1900 г. Вып. 11—13. Ц. отд. выпуска 50 к.

Годовой отчетъ за 1-й годъ дѣятельности Об-ва ревнителей военныхъ знаній.

С. Введенскаго. Религіозные идеалы А. С. Пушкина. Казань. 1899 г. Ц. 30 к.

Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. Т-ва «Знаніе» Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.

А. М Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.

Н. В. Кириловъ. Морскіе промыслы южнаго Сахалина.

Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1898 г.

Клавдія Лукашевичъ. На жизненномъ пути. Повѣсти и разсказы съ рисунками. М. 1900 г. Ц. 1 руб.

В. И. Немировичъ-Данченко. Мысейкина Хурда-Мурда. Повѣсть съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 1 руб.

Кн. Ф. Н. Касаткина-Ростовскаго. Стихотворенія (Эфкаеръ). Спб. 1900.

Сводъ данныхъ о торговыхъ сборахъ въ Россіи за 1897 и 1898 гг. Изд. Департамента торговли и мануфактуръ. Спб. 1900 г.

У. М. Левитъ. Деньги, деньги—въ нихъ вся суть. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Бендеры. 1900 г. Ц. 40 к.

Генрикъ Ибсенъ. Когда мы мертвые проснемся. Перев. съ норвежск. Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. Изд. «Скорпіонъ». Москва. 1900 г. Ц. 50 к.

Н. А. Сахаровъ. О химической основѣ жизненныхъ явленій. Тифлисъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Д. Нефедовъ. Т. IV. Изд. С. Дароватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Г. Дюкудрэ. Исторія цивилизаціи. Т. II-й. Перев. съ франц. А. А. Повенъ подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Изд. «Дѣтское Чтеніе» съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Вып. IV. Изд. Об-ва. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Матеріалы для оцѣнки земель въ Екатеринославской губ. Т. I-й. Изд. губ. земск. управы. Екатеринославъ. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Преосвященный Григорій, епископъ Омскій и Семипалатинскій. Біограф. очеркъ. Омскъ. 1900 г.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Спб. 1900 г. Ц. 3 руб.

А. А. Федорова-Давыдова. Сказки съ рисунками. Изд. библ. «Дѣтское Чтеніе». М. 1900 г. по 3 коп.

Е. Н. Тихомировой. Сказки съ рисунками. Изд. библ. «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1900 г. по 3 к.

Танъ. Чукотскіе разсказы съ 12-ю рисун-

ками. Изд. С. Дороватовскаго и Чарушникова. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

В. И. Немировича-Данченко. Ѳедька-Рудокопъ. Повѣсть съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.

Д. А. Коропчевскаго. Наши тайные друзья и враги. П. Фарадея Франклянда. Перев. съ англійск. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». Москва. 1900 г. Ц. 30 к.

А. Н. Рождественской. Маленькіе герои. Очерки и разсказы въ перев. съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 35 к.

В. А. Гольцева. Основныя понятія о правовѣдѣніи. Изд. «Дѣтское Чтеніе» и «Педаг. Листка». Москва. 1900 г. Ц. 15 к.

М. Н. Ремезова. Разсказы изъ русской исторіи съ рисунками. Изд. библ. «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1900 г. Ц. 10 к. за каждый.

К. Д. Носилова. На охотѣ. Очерки и разсказы съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 30 к.

Его-же. Въ снѣгахъ. Разсказы и очерки изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ. М. 1900 г. Ц. 50 к.

А. К. Сизовой. Дочь Солнца. Тысячу лѣтъ назадъ. Истор. повѣсть съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 25 к.

Л. Списыной. Зеленый охотникъ Робинъ Гудъ съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 20 к.

Отчетъ о дѣятельности библіотекъ Юго-Зап. ж. д. за 1897 и 1898 гг. Кіевъ. 1900 г.

Денежный отчетъ Невскаго Об-ва устройства народныхъ развлеченій, за 1898 и 1899 гг. Спб. 1900 г.

Отчетъ Невскаго Об-ва о постройкѣ каменнаго театра. Спб. 1900 г.

Отчетъ Об-ва Вологодской безплатной библіотеки. Вологда. 1900 г.

Д. Тихомировъ. Объ основахъ и организаціи средней школы. Изд. М. Залшупина. Спб. 1900 г. Ц. 85 к.

Матеріалы для торгово-промышл. статистики. Спб. 1900 г.

Отчетъ Якутской безплатной народной библіотеки за 1899 г. Якутскъ. 1900 г.

Plato v. Renssner. Morceax choisis de lecture pour apprendre à lire écrire et parler français avec un. Vocabulaire en 4 langues. Manuel 1-й Edition Varsovie. 1899 г. Prix. 15 cop. chag.

Хвольсонъ. Краткій курсъ физики. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1900 г. Ц. каждой части 2 р. 50 к.

Проф. Д. И. Менделѣевъ. Библ. промышл. знаній. XX томовъ. Изд. Об-ва Издательское дѣло Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1900 г.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. На границѣ. Повѣсти и разсказы. Москва. 1900 г. Ц. 1 руб.

Отчетъ библіотеки Об-ва взаимнаго вспомоществованія приказч. евреевъ г. Одессы за 1900 г. Одесса 1900 г.

Докладъ С. Ю. Соттюри. Экономическая программа тульскаго губернскаго земства. Тула. 1900 г.

Макса Планка. Лекціи по термодинамикѣ. Пер. съ нѣм. В. А. Кашерининиповой подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 40 к.

Отчетъ Аккерманской обществен. библіотеки. Аккерманъ. 1900 г.

И. И. Янжулъ. Милліоны и что съ ними надо дѣлать. Москва. 1899 г. Ц. 20 к.

Проф. М. Н. Петровъ. Евангеліе въ исторіи. Москва. 1900 г. Ц. 15 к.

Н. Н. Златовратскій. Надо торопиться. Разсказъ. Москва. 1900 г. Ц. 15 к.

Ф. Готтенротъ. Исторія внѣшней культуры съ рисунками. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Вып. 1-й.

Л. Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ. Перев. А. Серебряковой. Ред. Д. Протопопова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Н. Поповъ. Краткій курсъ сельскаго хозяйства. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.

Воложане писатели. Матеріалъ для словаря писателей уроженцевъ Вологодской губ. Вологда. 1900 г.

Отчетъ Обществен. библіот. имени М. Ю. Лермонтова. Пенза. 1900 г.

А. Алферовъ и А. Грузинскій. Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы. Изд. Думнова. Москва. 1900 г. Ц. 25 к.

С. И. Архиповъ. Общественныя бесѣды по лѣсоводству. Бесѣда II-я и III-я. Изд. Тихомирова.

Дм. Ивановъ. О посѣвахъ льна. Изд. Тихомирова. Москва. 1900 г. Ц. 10 к.

Д. И. Карамзинъ. Почвознаніе для крестьянъ. Изд. Тихомирова. Москва. 1900 г. Ц. 15 к.

В. Вересаевъ. Конецъ Андрея Ивановича. Повѣсть. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Ренэ Базенъ. Умирающая земля. Романъ. Перев. съ франц. подъ редакц. У. Смирнова. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Переводъ съ франц. подъ редакц. Э. Л. Радлова. Т. II-й. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 75 к.

Проф. Максъ Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы. Перев. съ нѣмецк. Спб. Изд. Пантелѣева. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ Бюро Московскаго союза Потребительныхъ Об-въ за 1899 г. Москва 1900 г.

Брэма. Жизнь животныхъ. Перев. съ нѣм. подъ редакціей проф. П. Ф. Лесгафта. Т. I-й. Вып. I-й. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900 г.

Проф. Фридриха Ращеля. Народовѣдѣніе. Перев. съ нѣм. Д. А. Коройчевскаго. Т. I-й. Вып. I-й. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900 г.

Вильгельма Мейера. Мірозданіе. Перев. подъ редакціей проф. Глазенапа. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Т. и Вып. 1-й. Спб. 1898 г.

Вильге Гааке. Происхожденіе животнаго міра. Перев. съ нѣмецк. Ю. Н. Вагнера. Вып. I-й. Изд. Т-ва. «Просвѣщеніе». Спб. 1898 г.

Проф. Фридр. Фогта и Макса Коха. Исторія нѣмецкой литературы. Перев. А. Л. Погодина. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. I—V. Спб. 1899 г.

Большая энциклопедія. Подъ ред. С. Н. Южакова. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1899 г. Т. 1. Вып. 1—2.

Ивъ Делажъ. Наслѣдственность. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности союза взаимопомощи русскихъ писателей за 1899 г. Спб. 1900 г.

Отчетъ семейно-педагогическаго кружка въ г. Казани. Казань. 1900 г.

Жанъ де-ла-Пулэнь. Колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Перев. съ франц. В. Кустерскаго. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Проф. Н. И. Стороженко. Теодоръ Паркеръ, апостолъ гуманности и свободы. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Москва. 1900 г. Ц. 20 к.

Альфредъ Фулье. Свобода и необходимость. Перев. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900 г. Ц. 2 руб.

Обзоръ дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ.

Н. Г. Бунинъ. Разсказы охотника. Изд. его дочерью М. И. Буниной. Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.

А. О. Гурвича. Бугорчатка, какъ народная болѣзнь и общественная борьба съ ней. Изд. Медиц. департ. Мин. Внутр. Дѣлъ. Спб. 1900 г.

Отчетъ по устройству народныхъ чтеній и литературныхъ утръ въ г. Самарѣ за 1899 г. Самара. 1900 г.

Отчетъ по Красноярской городской общественной библіотекѣ за 1899 г. Красноярскъ. 1900 г.

Книжки хозяина **Докторъ А. Франкъ.** Болѣзни растеній. Перев. съ нѣмец. подъ ред. М. А. Энгельгардта. Вып. 1-й и 2-й. Изд. журн. «Хозяинъ». 1899 г. Спб.

А. А. Радцигъ. Сахарная промышленность всего свѣта. Изд. журн. «Хозяинъ». Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Г. Гауптманъ. Ганнеле, Извозчикъ Геншель, Одинокіе, Праздникъ, Примиреніе, Потонувшій колоколъ. Изд. книжнаго магазина «Трудъ». Ц. 1 р. 80 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Studien und Beobachtungen aus der Südsee» von Ioachim Graf Pfeil. Mit beigegebenen Tafeln und Zeichnungen. (*Изслѣдованія и наблюденія въ Южномъ океанѣ*). Описанія бисмарковскаго архипелага занимаютъ большую часть книги. Авторъ, изучившій эту область, приходитъ къ заключенію, что это лучшая и наиболѣе здоровая часть изъ германскихъ владѣній. Онъ собралъ обширный матеріалъ, относящійся къ природѣ и населенію этой мѣстности. Въ заключительныхъ главахъ онъ описываетъ Новую Гвинею и Соломоновы острова.

(Frankfurter Zeitung).

«Geschichte des deutschen Zeitung wesens» von Ludwig Salomon. (*Исторія нѣмецкаго газетнаго дѣла*). Вышелъ только первый томъ этого подробнаго изслѣдованія исторіи нѣмецкой печати, охватывающій періодъ XVI, XVII и XVIII столѣтій и обрисовывающій постепенное развитіе журналистики и ея борьбу съ тѣми путами, которые связывали ея дѣятельность. Картина журналистики XVIII вѣка представляетъ мало утѣшительнаго; журналистика прозябала, не имѣя возможности вздохнуть свободно. Дальнѣйшее развитіе журналистики и ея освобожденіе будутъ разсказаны авторомъ во второмъ томѣ. (Frankfurter Zeitung).

«London Souvenirs» by Charlie William Heckethorn (*Chatto and Windus*). (*Лондонскія воспоминанія*). Авторъ знакомитъ читателей съ жизнью и физіономіей стараго Лондона, съ его исчезнувшими уже учрежденіями, клубами, общественными обычаями и т. д. и сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ. Книга написана очень живо и читается съ интересомъ.

(Daily News).

«Patriotism and Empire» by John M. Robertson (*Grant Richards*). (*Патріотизмъ и имперія*). Авторъ доказываетъ въ своей книгѣ, что патріотизмъ и имперіализмъ тѣсно связаны съ милитаризмомъ, а этотъ послѣдній ведетъ за собою деградацію страны въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Лучшимъ примѣромъ этого, по мнѣнію автора, можетъ служить Германія, не давшая міру ничего за послѣднее время и потерявшая всякій престижъ въ этическомъ отношеніи, вслѣдствіе узкопатріотическихъ идеаловъ и подчиненій милитаристскимъ тенденціямъ.

(Frankfurter Zeitung).

«A Life for Liberty. Antislavery and Other Letters of Sallee Holley» by Iohn White Chodwick. With illustrations. (*Жизнь за свободу противъ рабства и др. Письма*). Имена Ллойда Гаррисона, Гольмса, Лонгфелло, Эмерсона, Лоуэлля и многихъ другихъ борцовъ за свободу и за уничтоженіе рабства знакомы каждому образованному читателю, но авторъ все-таки находитъ нужнымъ оживить въ памяти своихъ читателей образы этихъ великихъ дѣятелей. Кромѣ этихъ извѣстныхъ дѣятелей, авторъ отводитъ почетное мѣсто въ своей книгѣ и другимъ скромнымъ труженикамъ, которые, однако, принесли большую пользу движенію въ пользу свободы и отмѣны рабства.

(Literary World).

«A Prisoner of the Khaleefa: Twelve Years Captivity at Omdurman» by Charles Neufeld. (*Chapman and Hall*). (*Плѣнникъ халифа*). Карлъ Нейфельдтъ, нѣмецкій купецъ, попалъ въ плѣнъ къ халифу и пробылъ въ плѣну двѣнадцать лѣтъ, вплоть до освобожденія Омдурмана и паденія могущества Махди. Освободившись изъ плѣна, Карлъ Нейфельдтъ рѣшился описать его, такъ какъ за время своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ Омдурманѣ, онъ имѣлъ возможность изучить какъ личность халифа, такъ и всѣ окружающіе его условія. Разсказъ автора очень интересенъ и заключаетъ въ себѣ много драматическихъ эпизодовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ описаніе суданскаго возстанія и смерти Гордона.

(Literary World).

«The Custom of the Country». Tales of New Iapan. By M-r Hugh Fraser. (*Hutchinson and C°*). (*Обычай страны*). Въ послѣднее время читающая публика особенно

интересуется восточною жизнью и это отражается въ литературѣ, изобилующей всякаго рода описаніями, очерками и разсказами изъ жизни восточныхъ народовъ. Названная книга также посвящена востоку и заключаетъ въ себѣ очерки и разсказы изъ японской жизни, очень живо написанные и знакомящіе читателя со всѣми особенностями этой любопытной страны и ея обитателей.

(Literary World).

«Darwinism and Lamarckism; Old and New» by Frederick Wollaston Hutton (Duckworth). (Дарвинизмъ и Ламаркизмъ; старый и новый). Въ книгѣ заключаются четыре лекціи, прочитанныя авторомъ въ Новой Зеландіи и носящія слѣдующія названія: «Дарвинизмъ; новый дарвинизмъ; дарвинизмъ въ человѣческихъ дѣлахъ; новый ламаркизмъ». Авторъ былъ молодымъ восторженнымъ натуралистомъ, когда теорія Дарвина прогремѣла на весь міръ. Конечно, онъ тотчасъ же сдѣлался горячимъ послѣдователемъ Дарвина. Въ своей лекціи авторъ излагаетъ всѣ новѣйшія изслѣдованія въ области теоріи Дарвина, а въ главѣ «Дарвинизмъ въ человѣческихъ дѣлахъ» авторъ защищаетъ біологическій методъ изученія исторіи.

(Literary World).

«Man and his Work» by A. I. Herbertson and T. D. Herbertson. (A. Black). (Человѣкъ и его дѣятельность). Прекрасная маленькая книга, представляющая первую попытку изложенія въ популярной формѣ принциповъ человѣческой географіи. Въ началѣ авторъ говоритъ объ обществѣ въ самомъ первобытномъ состояніи и изслѣдуетъ дѣйствіе климата и окружающихъ условій въ связи съ различными другими условіями, которыя содѣйствуютъ развитію человѣческихъ расъ. Книга написана очень простымъ и яснымъ языкомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ научный характеръ. Она можетъ служить хорошимъ введеніемъ къ болѣе серьезному изученію предмета.

(Literary World).

«African Incidents» Personal Experiences in Egypt and Unyoro. By A. B Thruston. (John Murray). (Африканскія приключенія). Авторъ этой книги былъ убитъ въ Угандѣ во время возмущенія въ 1897 г. Братъ его издалъ оставшіяся послѣ него записки, снабдивъ ихъ предисловіемъ, въ которомъ разсказана трагическая судьба автора, молодого англійскаго офицера, прикомандированнаго съ 1890 г. къ египетской арміи. Жизнь автора въ Угандѣ, его участіе въ донгольской экспедиціи и странствованія по Египту изобиловали разнаго рода драматическими инцидентами. Авторъ очень талантливо описываетъ ихъ, также какъ и ту обстановку, среди которой ему приходилось жить и дѣйствовать.

(Daily News).

«How Women may Earn a Living» by Helen Churchill Candee. (Macmillan C°). (Какимъ образомъ женщина можетъ заработать средства къ жизни). Женщины, стремящіяся къ самостоятельному образу жизни, найдутъ въ этой книгѣ много полезныхъ для себя указаній и совѣтовъ, хотя книга написана съ американской точки зрѣнія. Авторъ подвергаетъ пересмотру всѣ професcіи, доступныя женщинамъ, и сообщаетъ о нихъ полезныя свѣдѣнія.

(Daily News).

«From Sea to Sea, and other Sketches» Letters of Travel. By Rudyard Kipling. (Macmillan). (Отъ моря къ морю и другіе очерки). Въ первой части книги извѣстный англійскій писатель со свойственною ему художественностью описываетъ свою поѣздку въ романтическую провинцію Индіи Раджпутану. Остальная часть посвящена описанію предпринятаго имъ путешествія вокругъ свѣта въ мартѣ 1889 г. Очень хороши описанія Гонконга и Санъ-Франциско и жизни въ этихъ городахъ. Всѣ эти описанія раньше помѣщались авторомъ въ видѣ корреспонденцій въ разныхъ газетахъ и въ первый разъ теперь появляются въ отдѣльномъ изданіи.

(Literary World).

«Police et criminalité» par Louis Hamon. (Flammarion). Prix: 3 fr. 50. (Полиція и преступность). Авторъ долго служилъ въ должности полицейскаго комиссара въ Парижѣ и хорошо знакомъ съ дѣятельностью парижской полиціи. Въ бытность свою на службѣ онъ собралъ большой матеріалъ и имѣетъ громадный запасъ наблюденій, какъ это можно судить изъ его разсказа о нѣкоторыхъ крупныхъ дѣлахъ административнаго и уголовнаго характера, съ которыми ему пришлось сталкиваться во время своей службы. Онъ знакомитъ читателя съ парижскою жизнью временъ второй имперіи, въ первые годы ея существованія и въ особенности съ театральными нравами той эпохи.

(Journal des Débats).

«Die Physikalischen Erscheinungen und Kräfte, ihre Erkentniss und Verwerthung im praktischen Leben» von prof. Leo Grummach. Leipzig. (Физическія явленія и силы, ихъ распознаваніе и примѣненіе въ практической жизни). Авторъ въ популярной формѣ разъясняетъ принципы различныхъ новѣйшихъ изобрѣтеній и дѣйствующихъ аппаратовъ и объясняетъ физическіе законы, на которыхъ они основаны.

(Frankfurter Zeitung).

«Daniel O'Connell. Sa vie, son oeuvre» (2-e édition) par M. L. Nemours Godré. (V. Lecoffre). 3 fr. 50. (Даніель О'Коннелль; его жизнь и дѣятельность). Авторъ разсказываетъ жизнь ирландскаго дѣятеля, причемъ старается выяснить многіе не совсѣмъ ясные пункты исторіи страны. Воспользовавшись превосходными источниками и, главнымъ образомъ, перепиской самого

О'Коннелля, авторъ представилъ въ яркомъ свѣтѣ благородный образъ героя и всѣ перепетіи великой драмы, сопровождавшей освобожденіе ирландскаго народа. Новое изданіе этой книги пересмотрѣно и дополнено авторомъ. (Journal des Débats).

«Alpine Memories» by Emile Javelle. (Fischer Unwin). (Альпійскіе мемуары). Авторъ этихъ мемуаровъ былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и смѣлыхъ современныхъ альпинистовъ. Его излюбленными прогулками было лазаніе по горамъ, и нѣтъ ни одной вершины въ Швейцаріи, которую онъ бы не посѣтилъ нѣсколько разъ. Описаніе его горныхъ экскурсій, изданныя послѣ его смерти его друзьями, могутъ заинтересовать не только горныхъ туристовъ, а также и обыкновенныхъ читателей, интересующихся Альпами и альпійскою природой. (Daily News).

«Malay Magic» by W. Skeat. (Macmillan and C⁰). (Малайская магія). Книга представляетъ тщательное изслѣдованіе вѣрованій малайцевъ въ чудесное, ихъ обрядовъ и суевѣрій. Жизнь малайца во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ подчинена извѣстнымъ обрядамъ и преисполнена вѣчнаго страха предъ таинственными силами. Малаецъ старается задобрить злыхъ духовъ, предотвратить несчастія, угрожающія ему, прибѣгая для этого къ различнымъ заклинаніямъ и посредничеству людей, имѣющихъ сношенія съ таинственными силами, маговъ, колдуновъ. Авторъ описываетъ дѣятельность этихъ послѣднихъ и знакомитъ читателя съ наиболѣе интересными повѣрьями малайцевъ. Особенно интересна глава, посвященная отгадыванію мыслей и разнымъ фокусамъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ. Вообще въ книгѣ заключается очень обильный матеріалъ, съ большимъ тщаніемъ собранный авторомъ во время его пребыванія среди малайцевъ. (Daily News).

«In the Land of the Boers» by Olevis Osborne. Illustrated. (Everett and C⁰). London. (Въ странѣ буровъ). Приключенія, которыя описываетъ авторъ, не имѣютъ отношенія къ нынѣшней войнѣ, но они обрисовываютъ условія жизни въ южной Африкѣ и характеръ ея населенія. (Daily News).

«Studies in Religious Fallacy» by I. M. Robertson. (Watts and C⁰). (Изслѣдованіе религіозныхъ заблужденій). Въ книгѣ заключается рядъ статей, посвященныхъ разбору идей, проповѣдуемыхъ нѣкоторыми изъ современныхъ авторовъ, писавшихъ о вѣрѣ и религіи. Между прочимъ, двѣ главы посвящены Толстому. Философскіе взгляды автора заслуживаютъ вниманія. (Daily News).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

описанія нѣкоторыхъ реальныхъ предметовъ, можно было бы требовать болѣе ясности, болѣе точности.

Далѣе, что сказать про удивительную поэму въ прозѣ, подъ заглавіемъ «Нэмійскій жрецъ?» Когда она вспоминала объ этой дивной поэмѣ, она чувствовала, какъ по тѣлу ея пробѣгала дрожь. Она видѣла предъ собой чудное, синее озеро Кампаньи, его берега, а тамъ, недалеко отъ берега, развалины старинныхъ зàмковъ, она вспоминала ходившія про эти зàмки легенды. О, сколько счастливыхъ часовъ провели они тамъ съ Мэнистеемъ.

Ея воображеніе рисовало ей чудный храмъ, большія земляничныя поля, высокія скалы около Неми и Джензано, черноглазыхъ, круглолицыхъ крестьянъ. Она ясно помнила ихъ интересныя, классическія имена: Аристодемо, Орестэ, Эвандро и др.

О, эта удивительная легенда объ убитомъ жрецѣ! Начало ея ясно осталось у нея въ памяти:

«Жрецъ, убившій убійцу,
Онъ долженъ быть самъ убитъ».

Какъ живо была описана каждая сцена, какое богатство фантазіи заключалось въ каждой строкѣ, но... но...

Она припоминала каждую страницу, начала критически разбирать мельчайшія подробности литературнаго произведенія, но незамѣтно для нея самой, мысли ея приняли совершенно иное направленіе: она думала о томъ, какъ она случайно попала въ этотъ тихій уголокъ, какъ завоевала расположеніе Мэнистея, какъ они вмѣстѣ принялись работать, какъ онъ, одинъ изъ самыхъ отъявленныхъ скептиковъ, и она, одно время потерявшая даже вѣру въ Бога, сидѣли надъ книгой, въ которой главной темой служилъ религіозный вопросъ и гдѣ рѣчь шла о католицизмѣ и о папскомъ достоинствѣ. Тамъ сказано было: «сколько бы ни старались бороться противъ него, оно все-таки не исчезнетъ, сколько бы ни старались его подавить—оно будетъ существовать».

Элеонора знала, что если теперь она начала снова вѣровать въ Бога, если въ душѣ ея зарождались счастливыя чувства, если въ сердцѣ ея проснулась надежда, то только потому... потому что...

Ахъ! Она съ легкимъ содроганіемъ отозвала свою мысль, какъ сокольничій отзываетъ сокола передъ тѣмъ, какъ тотъ нанесетъ ударъ. О, это старая, старая Европа, со своей сложной жизнью, со своими разнообразными теченіями и настроеніями, всякое человѣческое существо въ ней полно противорѣчій, ни въ чемъ нѣтъ простоты, нѣтъ цѣльности.

Она медленно подняла вѣки и взглянула на сидѣвшую неподалеку отъ нея миссъ Фостеръ. Глядя на эту молоденькую, хорошенькую дѣвушку, читавшую какую-то книгу, миссисъ Бергойнъ почувствовала къ ней нѣчто въ родѣ жалости. Она такъ мало знала, почти ничему не училась, она была довѣрчива, какъ дитя, готова была плакать и волноваться изъ-за пустяковъ; она не понимала даже, какая нелѣпость заключается въ раздѣленіи вѣрующихъ на секты методистовъ, универсалистовъ и проч. Эта американская дѣвушка твердо вѣрила въ предразсудки и, принимая папу за антихриста, не рѣшалась даже идти на церемонію въ церковь св. Петра, боясь, что ей придется преклонить предъ нимъ колѣни.

Миссисъ Бергойнъ, какъ болѣе опытная женщина, удивлялась этой наивности и, мысленно представляя себѣ взволнованное лицо миссъ Фостеръ, когда ей придется стать на колѣни предъ папой, невольно улыбнулась.

— Элеонора! Я передѣлалъ это, послушайте, какъ вамъ понравится.

Люси Фостеръ взглянула и увидѣла мистера Мэнистея, вошедшаго въ комнату и державшаго въ рукахъ бюваръ, наполненный бумагами. Онъ усѣлся въ кресло, рядомъ съ миссисъ Бергойнъ. У него было взволнованное и озабоченное лицо, черные волосы его въ поэтическомъ безпорядкѣ падали на лобъ. Онъ говорилъ низкимъ, повелительнымъ голосомъ, какъ человѣкъ, привыкшій давать приказанія и не желающій тратить времени на лишнія слова.

— Читайте,—сказала миссисъ Бергойнъ и повернулась такъ, чтобы удобнѣе видѣть и слышать, какъ онъ читаетъ.

Онъ принялся читать дрожащимъ и сильнымъ голосомъ. Казалось, онъ не замѣчалъ, что въ комнатѣ присутствовалъ кто-либо, кромѣ миссисъ Бергойнъ. Люси, сидѣвшая нѣсколько поодаль отъ него, боясь, что ея присутствіе его стѣсняетъ, закрыла книгу и хотѣла было встать, но миссъ Мэнистей потихоньку взяла ее за руку и снова усадила.

— Не двигайтесь съ мѣста, онъ этого не любитъ,—сказала шепотомъ и улыбаясь маленькая старушка, приложивъ палецъ къ губамъ.

Въ то же время Мэнистей бросилъ на нее такой строгій угрожающій взглядъ, что молодая дѣвушка поспѣшила сѣсть и, устроившись поудобнѣе въ креслѣ, опустила голову, между тѣмъ какъ веселая улыбка заиграла на ея губахъ. Она съ трудомъ удерживалась отъ смѣха—такъ странно ей показалось грозное предостереженіе, которое она прочла во взглядѣ мистера Мэнистея. Его нелюбезное обращеніе съ ней, во время обѣда, ее нисколько не удивило,—она пріѣхала въ гости къ его тетушкѣ и не имѣла права требовать съ его стороны какого-либо вниманія, но что онъ, въ первый же вечеръ ихъ знакомства, обошелся съ ней какъ съ непослушнымъ ребенкомъ, ее въ высшей степени удивило. Она нисколько не обидѣлась на него; напротивъ, гнѣвъ его разсмѣшилъ ее. Она со смѣхомъ думала о томъ, какое веселое письмо она напишетъ дядѣ Бэну и какъ она охарактеризуетъ ему всѣхъ этихъ странныхъ людей.

Она принялась нехотя слушать, что Мэнистей читалъ. Ей не нравилось его чтеніе. Голосъ его дрожалъ и эта вибрація тѣмъ болѣе непріятно дѣйствовала на слушателей, что онъ читалъ съ большимъ паѳосомъ.

«Онъ могъ бы читать гораздо проще», подумала Люси.

Но вскорѣ первое непріятное впечатлѣніе прошло и молодая дѣвушка, сама того не замѣчая, окончательно увлеклась интереснымъ чтеніемъ: улыбка съ ея лица исчезла и она съ полуоткрытыми губами, не спуская глазъ съ Мэнистея, слушала съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто она боялась пропустить одно слово.

То, что низкимъ, громкимъ голосомъ читалъ Мэнистей, была утренняя сценка, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются у Вергилія, происходившая въ хижинѣ одного латинскаго крестьянина въ царствованіе Тиверія.

Въ самомъ началѣ авторъ вводитъ читателя въ хижину, крытую соломой. Хижина эта стоитъ на краю Ариціи, у подножія Албанскихъ горъ. Въ ней живетъ пастухъ Цекулусъ съ своимъ маленькимъ сыномъ. Цекулусъ просыпается, встаетъ съ постели и въ потьмахъ, ощупью добирается до очага, вынимаетъ уголекъ и зажигаетъ лампу. Затѣмъ онъ будитъ сына, крѣпко спящаго на своей постели изъ листьевъ, и рабу-негритянку съ широкимъ ртомъ и черными курчавыми волосами. Одна за другой чередуются картины деревенской жизни, старыя и вѣчно новыя,—Цекулусъ молотитъ зерно и поетъ пѣсни; готовится обѣдъ, пекутя на угольяхъ безвкусныя пшеничныя лепешки, срывается растущій въ саду салатъ и приправляется масломъ и сыромъ; затѣмъ во дворъ приводятъ большихъ бѣлыхъ воловъ и запрягаютъ ихъ въ плугъ; землепашецъ отправляется пахать, одѣтый въ простой костюмъ: на немъ куртка изъ козлиной шкуры, а на головѣ кожаная шляпа; маленькій сынъ Цекулуса, съ заспаннымъ лицомъ, выходитъ изъ хижины, отвязываетъ козъ отъ столба, къ которому онѣ привязаны, и гонитъ ихъ внизъ, подъ гору, по тому направленію, гдѣ, какъ онъ знаетъ, находится его отецъ, и исчезаетъ съ ними въ лѣсу.

И пока Мэнистей читаетъ, древній Римъ, какимъ онъ былъ въ царствованіе Тиверія, живо представляется его слушательницамъ. Онѣ слѣдуютъ за нимъ шагъ за шагомъ, по холмамъ, по долинамъ, освѣщеннымъ яркимъ солнцемъ; онѣ увлекаются его чтеніемъ и съ увлеченіемъ слушаютъ разсказъ о мальчикѣ, пасущемъ козъ, и о немійскомъ жрецѣ.

Итакъ, Меналькасъ — такъ звали маленькаго пастуха—миновавъ пашни, поднялся на вершину холма, на которомъ стоялъ городъ, гдѣ люди еще спали. Дойдя до самой вершины, онъ остановился и устремилъ взоръ свой на западъ.

Находившаяся подъ холмами равнина была залита яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; тамъ, гдѣ она кончалась, виднѣлось озеро, а на немъ безчисленныя лодки рыбаковъ. Отъ холма, на которомъ стоялъ мальчикъ, къ другому, западному холму вела прямая дорога. Онъ видѣлъ, какъ на другомъ холмѣ расхаживали люди, какъ одни изъ нихъ вели нагруженныхъ кладью муловъ, а другіе—нагруженныхъ ословъ, и какъ они направлялись все дальше и дальше, на сѣверъ, по тому направленію, гдѣ находился Римъ. Когда они исчезали въ долинѣ, подъ холмомъ, пастухъ не могъ уже слѣдить за ними, вершины холмовъ скрывали ихъ отъ него. Его воображеніе живо рисовало ему, какъ эти люди съ своими мулами и ослами двигаются впередъ по Аппіевой дорогѣ. «Когда-то,—подумалъ мальчикъ,—отецъ возьметъ меня съ собой въ Римъ, и я увижу снова чудныя лавки, форумъ, новые, бѣлые храмы и большой дворецъ цезаря, стоящій на холмѣ?»

Онъ устремляетъ взоръ свой на югъ. Вдали, внизу въ ложбинѣ, находится синее озеро, круглое синее озеро, которое любитъ Діана; тамъ въ тѣни вѣтвей скрывается ея храмъ. Утренній туманъ окутываетъ его густой пеленой; сквозь эту пелену виднѣется лишь часть крыши храма и его колонны.

Мальчикъ собирается идти дальше. Онъ кончилъ ѣсть свою пшеничную лепешку, вынимаетъ изъ кушака рожокъ и принимается играть.

Босыми ногами онъ ступаетъ по сырой травѣ Вокругъ него пасутся козы. Вдругъ онъ бросаетъ въ сторону рожекъ, поспѣшно подбѣгаетъ къ одной изъ козъ, подставляетъ подъ нее деревянную чашку, которую взялъ съ собой, и принимается ее доить. Чашка очень быстро наполняется пѣнящимся молокомъ: мальчикъ подноситъ ее къ губамъ и пьетъ, и длинныя черныя кудри его, падая внизъ, окунаются въ чашку; затѣмъ онъ поднимаетъ рожекъ и, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, въ тактъ пѣсни, которую играетъ, съ гордымъ выраженіемъ лица, отправляется дальше въ путь; козы слѣдуютъ за нимъ по пятамъ. Звукъ рожка оглашаетъ воздухъ, эхо его раздается далеко, надъ самымъ озеромъ, и долетаетъ до храма Діаны.

Мальчикъ медленно спускается съ холма, задѣвая своими загорѣлыми плечами за вѣтви деревьевъ, растущихъ по сторонамъ; одна сторона холма, болѣе крутая, какъ бы унизана шильной травой, тогда какъ другая—вся покрыта кустами цистуса. Кусты эти распространяютъ удивительный ароматъ, а козы ощипываютъ ихъ молодые побѣги.

Но вотъ маленькій пастухъ выходитъ изъ чащи лѣса и по тропинкѣ, ведущей къ озеру, спускается все ниже и ниже; наконецъ, желая отдохнуть, онъ останавливается на маленькомъ пригоркѣ.

О, съ какимъ блескомъ, съ какимъ великолѣпіемъ восходитъ солнце! Какъ красиво оно освѣщаетъ храмъ Діаны и деревья, окружающія этотъ храмъ. Оно освѣщаетъ бѣлыя колонны, бронзовую крышу храма и его высокія, бѣлыя стѣны. Храмъ этотъ, словно большое, бѣлое пятно ярко выдѣляется среди окружающихъ его деревьевъ; Фебъ здоровается съ своей великой сестрой и ярко освѣщаетъ бѣлыя мраморныя стѣны ея храма. Въ прозрачномъ озерѣ отражаются бѣлыя колонны; синія волны какъ бы кружатся вокругъ блестящихъ солнечныхъ лучей, отражающихся въ озерѣ, туманъ мало-по-малу разсѣевается, надъ озеромъ уже его нѣтъ; лишь надъ верхушками деревьевъ еще виднѣется тонкая полоса.

Мальчикъ прикрываетъ глаза рукой, чтобы защитить ихъ отъ солнца, и устремляетъ пристальный взглядъ на храмъ. Ни въ храмѣ, ни въ тѣнистой аллеѣ, окружающей его, не видно ни одной живой души.

Отецъ Мэналькаса много разъ говорилъ ему, чтобы онъ никогда не ходилъ одинъ въ рощу, близъ храма богини. Дважды, впрочемъ, онъ уже былъ

*

тамъ, но не одинъ. Это было въ какой-то праздникъ въ честь Юноны. Мальчикъ присутствовалъ во время жертвоприношеній, видѣлъ всю торжественную церемонію, жрецовъ и жрицъ, и всю толпу молящихся съ факелами въ рукахъ, отражавшимися въ озерѣ. Но безъ отца онъ еще ни разу не рѣшался подойти къ храму.

Теперь же, когда солнце свѣтитъ такъ ярко и свѣжій вѣтерокъ дуетъ съ озера, въ его крови закипаетъ юношеская отвага. Онъ вмѣстѣ съ своими козами очутился въ маслиничной рощѣ, среди которой стоялъ храмъ. Рыжевато-коричневая земля была, повидимому, недавно вспахана; козы принялись скакать по ней и искать, не осталось ли для нихъ въ бороздахъ немного травы. Чувствуя себя виноватымъ, мальчикъ робко осмотрѣлся кругомъ: онъ поднялъ голову и устремилъ взоръ на высокія маслины, но въ это время на него посыпался цѣлый дождь серебристыхъ свѣжихъ листьевъ. Мальчикъ опустилъ голову и, подобно своимъ козамъ, отъ времени до времени подпрыгивая, бросился бѣжать впередъ. Онъ оставилъ стадо подъ маслиничными деревьями, а самъ зашелъ въ темную, густую чащу лѣса. Въ тѣнистомъ лѣсочкѣ было довольно свѣжо; мальчикъ пробирался все дальше и дальше, и увидѣвъ старый высокій дубъ, вѣтви котораго разрослись такъ широко, что задѣвали даже стѣны храма, вскарабкался на него, выбралъ толстый сукъ и усѣлся на немъ.

Онъ снялъ шляпу и принялся осматривать мѣстность.

Какъ разъ предъ нимъ стоитъ бѣлый храмъ Діаны и тянется священная роща.

Онъ видитъ большую террасу, спускающуюся къ озеру, и слышитъ, какъ волны его тихо плещутъ, разбиваясь о каменную стѣну.

Съ дерева, на которомъ онъ сидитъ, онъ видитъ длинную стѣну, съ устроенными въ ней нишами и въ каждой нишѣ бѣлую фигуру.

Въ одной изъ нихъ онъ узнаетъ Аполлона, съ колчаномъ и стрѣлами въ рукахъ, въ другой—Минерву, держащую въ рукѣ копье, а посреди нихъ золотую статую Цезаря, который пожертвовалъ большія суммы денегъ на устройство этого храма,—онъ и его внукъ Гай.

Мэналькасъ устремляетъ взоръ на ниши и вдругъ начинаетъ дрожать отъ страха, какъ въ лихорадкѣ. Онъ замѣчаетъ, что подъ лучами солнца броня и руки статуй горятъ огнемъ. Онъ быстро поворачиваетъ голову и смотритъ, не выходятъ ли изъ храма жрицы, но нѣтъ, все спитъ. Онъ смотритъ на ряды колоннъ, на густую рощу между храмомъ и озеромъ.

Но вотъ раздается скрипъ металлическихъ дверей. Дверь храма отворяется и изъ алтаря богини выходитъ человѣкъ. На лбу у него повязка, на головѣ остроконечная шапка, а въ рукѣ мечъ.

Между храмомъ и озеромъ находится открытая площадка, ярко освѣщенная солнцемъ. Человѣкъ проходитъ на площадку, оборачивается лицомъ на востокъ, поднимаетъ руку, покрываетъ голову своей одеждой и бросается на землю, чтобы привѣтствовать бога солнца.

Молитва его продолжается не долго. Окончивъ ее, онъ поспѣшно встаетъ и, держа мечъ въ рукѣ, озирается вокругъ. Онъ еще очень молодъ; ростъ его выше обыкновеннаго мужского роста, станъ его тонкій и гибкій. Судя по его одеждѣ, надо думать, что онъ или царь, или жрецъ.

Но вдругъ мальчикомъ, сидящимъ на деревѣ, снова овладѣваетъ страхъ, и онъ, словно ящерица, которая, боясь, чтобы на нее не наступили, прячется, заслышавъ шаги,—скрывается въ вѣтвяхъ большого дуба. Лицо стоящаго внизу человѣка ужасно, на немъ боги начертали страшныя вещи: его глаза, глубоко лежащіе въ орбитахъ, постоянно бѣгаютъ; а растрепавшіеся волосы падаютъ на лобъ и торчатъ по сторонамъ. Онъ кажется человѣкомъ, одержимымъ бѣсомъ, обреченнымъ на ужасъ.

Посреди открытой площадки въ рощѣ стоитъ старый высокій дубъ, дерево деревьевъ, посвященное Тривіи. Тутъ, на этой открытой площадкѣ освѣщенный утреннимъ солнцемъ и стоитъ жрецъ.

Но по всему видно, что онъ пришелъ сюда не для того, чтобы мечтать: го-

лова его откинута назадъ, вниманіе на чемъ-то сосредоточено, а блестящій на солнцѣ мечъ вынутъ изъ ноженъ и наготовѣ.

И вотъ, въ вѣтвяхъ стоящихъ вдали деревьевъ раздается шелестъ. Мэналькасъ вытягиваетъ свою загорѣлую шею, чтобы видѣть, что происходитъ внизу.

Какъ только шелестъ раздается, жрецъ напрягаетъ слухъ и, засучивъ рукавъ, поднимаетъ мечъ, какъ бы приготовляясь имъ ударить. Свѣтъ падаетъ на его блѣдное лицо, на сморщенный лобъ и на крѣпко сжатыя губы. Въ то время, какъ вокругъ него царитъ миръ и спокойствіе, онъ олицетворяетъ собой одинъ ужасъ.

Тишина снова воцаряется, лишь въ вѣтвяхъ маслинъ весело чирикаютъ птицы. Въ смертельномъ трепетѣ, жрецъ дѣлаетъ движеніе и бросается впередъ.

Въ эту минуту раздается сначала одинъ крикъ, затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ — другой: темная фигура бросается изъ рощи и начинается борьба подъ священными деревьями. Маленькій пастухъ, въ ужасѣ выпучивъ глаза, ползетъ на самый конецъ вѣтви.

И вотъ, со всѣхъ сторонъ сбѣгается народъ. Изъ храма, изъ подъ деревьевъ, изъ-за колоннъ и съ холмовъ сбѣгаются жрецы, въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ, женщины, мужчины и дѣти. Но вся эта толпа останавливается поодаль отъ борющихся. Никто не подходитъ и не подаетъ помощи. Маленькій пастухъ съ высоты слѣдитъ за выраженіемъ лицъ дѣвственницъ. Онѣ очень блѣдны, но выраженіе у нихъ, совершенно спокойное. Ни одного звука жалости не срывается съ ихъ блѣдныхъ губъ: онѣ равнодушно слѣдятъ за исходомъ борьбы.

А вдали отъ борющихся фигуръ, въ концѣ рощи стоитъ толпа крестьянъ, въ такихъ же курткахъ изъ козьей шерсти и кожаныхъ шляпахъ, какія носитъ отецъ Мэналькаса. Маленькій мальчикъ, не думая о томъ, что онъ дѣлаетъ, принимается кричать и своимъ звонкимъ голоскомъ призываетъ крестьянъ на помощь. Но никто его не слышитъ.

Жрецъ никого не зоветъ. Ахъ, онъ шатается и падаетъ. Бѣлое одѣяніе его разстилается по землѣ, мечъ выпадаетъ изъ его руки, еще одинъ послѣдній вздохъ—и все кончено.

Убивъ жреца, побѣдитель сначала нагнулся надъ убитымъ, а затѣмъ поднялъ свое запыленное, обрызганное кровью лицо. Маленькій пастухъ, въ удивленіи взглянулъ на него. Это былъ не грубый солдатъ, не кулачный боецъ, а красивый бѣлокурый юноша; фигура у него была стройная и цвѣтъ лица нѣжный. Онъ носилъ одежду раба. Лицо у него было блѣдное, а тѣло худое; видъ былъ изнуренный—ясно было, что его дурно кормили и давали работу не подъ силу; глаза же его налились кровью, и въ ту минуту у него былъ такой взглядъ, какой бываетъ у звѣря, когда онъ защищаетъ свою шкуру.

Убійца снова устремилъ взоръ на убитаго, плававшаго въ крови, и долго-долго смотрѣлъ на него, какъ будто онъ видѣлъ его въ первый разъ. По его тѣлу пробѣжала дрожь. Мэналькасъ думалъ, что онъ начнетъ плакать или стонать. Но онъ ошибся: юноша поднялъ голову, выпрямился и, сдѣлавъ рѣшительное движеніе, съ спокойнымъ и даже свирѣпымъ выраженіемъ отвернулся. Онъ имѣлъ видъ человѣка, заранѣе обдумавшаго, на что онъ рѣшается, и нисколько не жалѣвшаго о томъ, что онъ совершилъ. Затѣмъ, онъ сдѣлалъ знакъ толпѣ. Съ шумомъ и криками толпа бросилась къ нему: она стащила съ убитаго жреца его бѣлый плащъ съ пурпуровой каймой и надѣла его на убійцу. Затѣмъ ему надѣли на лобъ повязку, на голову шапку убитаго, надѣли на шею гирлянду и съ радостными криками, низко ему кланяясь, повели его въ храмъ.

Маленькій пастухъ, чувствуя, что отъ испытаннаго имъ страха онъ не въ силахъ двинуться съ мѣста, остался сидѣть на деревѣ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. Онъ видѣлъ, какъ младшіе жрецы подошли къ трупу, лежавшему подъ деревомъ, подняли его и унесли въ рощу. Впродолженіи всего дня народъ толпился въ храмѣ и вокругъ храма и тамъ происходили торжества.

Но когда вечернія тѣни, падая съ вершины холма Ариціи и разстилаясь по озеру, начали спускаться на землю, когда молодой жрецъ принесъ въ жертву Тривіи бѣлаго быка, пасшагося на Албанскихъ пастбишахъ, когда онъ зажегъ огонь Весты, когда онъ принесъ жертвы безсмертному Вирбіусу, котораго Діана нѣкогда спасла отъ гнѣва боговъ и скрыла въ своей рощѣ—когда все это кончилось, народная толпа разсѣялась и главный жрецъ, оставшись одинъ, вышелъ изъ храма.

Маленькій пастухъ навострилъ глаза и уши, чтобы видѣть и слышать, что онъ будетъ дѣлать. Главный жрецъ, держа въ рукѣ мечъ, который онъ во время восхода солнца вынулъ изъ руки убитаго, вышелъ на открытую площадку, и наподобіе своего предшественника, озираясь по сторонамъ, принялся шагать вокругъ священнаго дерева. Но когда онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ остались слѣды запекшейся крови убитаго, мечъ съ шумомъ выпалъ изъ его руки и, поднявъ руки къ небу, онъ испустилъ раздирающій душу крикъ, въ которомъ выразилась его жалоба и его сѣтованіе на боговъ.

И Мэналькасъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, поспѣшно спустился съ дерева и бросился искать своихъ козъ. Какъ только онъ ихъ отыскалъ, онъ немедленно погналъ ихъ домой. Онъ такъ торопился, что ни разу не отдохнулъ и не остановился даже, чтобы подоить козъ и подкрѣпиться молокомъ. Крикъ главнаго жреца звучалъ въ его ушахъ и онъ не зналъ, какъ ему отъ него избавиться.

Цекулусъ былъ уже дома, когда Мэналькасъ вернулся, и, увидѣвъ отца, маленькій пастухъ бросился предъ нимъ на колѣни и, плача и рыдая, разсказалъ ему, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ и слышалъ.

Цекулусъ долго думалъ, раньше чѣмъ отвѣтить. Затѣмъ, онъ положилъ руку на голову сына и, нисколько не сердясь на него, принялся его успокаивать.

Онъ началъ говорить какъ бы про себя: «Что дѣлать,—сказалъ онъ,—такова воля богини. Съ древнѣйшихъ временъ, раньше чѣмъ наши предки основали городъ на семи холмахъ, раньше чѣмъ Ромулъ началъ издавать законы, раньше чѣмъ какой-либо жрецъ въ своемъ бѣломъ одѣяніи поднимался въ Капитолій—происходило то же самое. Никто изъ главныхъ жрецовъ храма Діаны не умираетъ естественною смертью. Чтобы сдѣлаться главнымъ жрецомъ этого храма, надо убить своего предшественника. Земля вокругъ священнаго дуба Тривіи пропитана кровью, но, не смотря на это, она постоянно жаждетъ ея. Только при этомъ условіи деревья приносятъ плоды, а поля жатвы».

Маленькій пастухъ съ удивленіемъ взглянулъ на своего отца. Старикъ смотрѣлъ куда-то вдаль, на виднѣвшіеся подъ холмомъ поля и виноградники, и мальчику показалось, что на лицѣ его выражалась какая-то скрытая, дикая радость. И сердце маленькаго пастуха сжалось отъ ужаса; отецъ ему ничего больше не сказалъ объ этой тайнѣ. Но когда онъ легъ на свою постель изъ сухихъ листьевъ, и луна, свѣтившая надъ озеромъ, бросала на него свѣтъ, а вѣтви деревьевъ шумѣли подъ холмомъ, онъ безпокойно ворочался съ боку на бокъ. Ему представлялся образъ молодого жреца; онъ видѣлъ его худощавую фигуру, отчаянное выраженіе его глазъ и слышалъ ужасный крикъ, вырвавшійся изъ его груди, и мальчикъ хотѣлъ думать, что его еще можно спасти. Но и во снѣ его преслѣдовали тѣ же самые образы. Онъ видѣлъ священную рощу Діаны, видѣлъ толпу, слѣдившую за исходомъ борьбы, видѣлъ холодное и равнодушное выраженіе лицъ людей, смотрѣвшихъ на кровавое зрѣлище. И ему казалось, будто чья-то мощная рука сжала его сердце. И онъ впервые отступился отъ боговъ и отъ своего отца и почувствовалъ, что радость его юной жизни померкла.

Прочитавъ послѣднее слово, Мэнистей швырнулъ рукопись на столъ, всталъ и, заложивъ руки за спину, большими шагами принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ миссисъ Бергойнъ, и остановился возлѣ нея.

— Мнѣ кажется, не стоитъ продолжать этотъ разсказъ,—сказалъ онъ отрывистымъ и раздраженнымъ голосомъ.—это просто потерянное время. Я выброшу эту главу.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—сказала Элеонора, улыбаясь, глядя на него, между тѣмъ какъ въ голосѣ ея звучала какая-то нерѣшительная нотка.

Мэнистей замѣтилъ это и сдѣлался еще раздражительнѣе.

— Я разорву эти листы,—сказалъ онъ съ энергіей.—Ничего не можетъ быть хуже, какъ если какая-нибудь отдѣльная глава не подходитъ ко всему сочиненію.

— О, нѣтъ, не трогайте, не трогайте эти листы, — послышался мягкій, умоляющій голосъ.

Мэнистей съ удивленіемъ обернулся. Люси Фостеръ напряженнымъ взглядомъ смотрѣла на него. На ея щекахъ горѣлъ яркій румянецъ, а въ большихъ, красивыхъ глазахъ выражался восторгъ. Въ первый разъ впродолженіи всего этого вечера Мэнистей взглянулъ на нее внимательно. Онъ замѣтилъ ея распущенные волосы и мантилью, закрывавшую ея платье.

— Вамъ понравился этотъ разсказъ?—спросилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Онъ совершенно забылъ о томъ, что она была въ комнатѣ.

Она глубоко вздохнула.

— Да,—сказала она мягкимъ голосомъ, опустивъ вѣки.

Онъ понялъ, что она черезчуръ робка, чтобы объяснить то, что она чувствовала. На самомъ же дѣлѣ она въ точности не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что она испытывала. Частью ей нравился этотъ разсказъ, а частью нѣтъ. Она хотѣла-было сказать Мэнистею, что своимъ чтеніемъ онъ затронулъ ея душу, что мѣстами онъ напомнилъ ей тѣ счастливыя минуты, которыя она провела за чтеніемъ его книги, которую она такъ любила, но у нея на это не хватило рѣшимости: своею суровостью онъ наводилъ на нее страхъ. Она сожалѣла даже, что вообще что-нибудь сказала. Ей казалось это излишней смѣлостью.

— Благодарю васъ, вы чрезвычайно любезны, — сказалъ онъ съ холодной учтивостью,—но, къ сожалѣнію, мнѣ все-таки придется выкинуть эту главу. Вонъ, спросите-ка эту лэди, что она вамъ скажетъ?

— Что я сказала?—воскликнула миссисъ Бергойнъ съ упрекомъ.

Мэнистей засмѣялся.

— Ничего. Вотъ въ этомъ-то и бѣда, вотъ изъ этого-то я и заключаю, что вы со мной согласны.

Онъ подошелъ къ столу, собралъ въ кучу лежавшіе въ безпорядкѣ листы и, небрежно засунувъ ихъ въ бюваръ, вышелъ изъ комнаты.

Послѣ его ухода всѣ три женщины, оставшіяся въ комнатѣ, почувствовали нѣкоторую неловкость. Миссисъ Бергойнъ, блѣдная и утомленная, сидѣла молча. Она сама была бы чрезвычайно рада, если бы могла хвалить разсказъ. Она отлично понимала, что молодая дѣвушка, почти ребенокъ, могла придти въ восторгъ отъ этого чтенія: авторъ читалъ такъ увлекательно, съ такимъ чувствомъ. О, какого труда ей стоило, чтобы не увлечься этимъ чуднымъ, восхитительнымъ чтеніемъ! А между тѣмъ, она должна была критиковать каждую мысль, каждое слово, она должна была помогать ему, она не смѣла увлекаться!

Въ этотъ же вечеръ, когда миссъ Фостеръ ушла, Мэнистей и Элеонора вышли на каменный балконъ, находившійся по другую сторону виллы и окружавшій ту часть фасада, которая выходила на востокъ. Кампанья и озеро были въ противоположной сторонѣ. Съ этого балкона былъ виденъ довольно большой садъ, огороженный стѣной; въ саду стояли статуи и билъ фонтанъ, слабоосвѣщенный луннымъ свѣтомъ, за стѣной виднѣлось маленькое озеро, въ которомъ вода блестѣла словно серебро; далѣе за озеромъ поднималась гора Monte Cavo, покрытая темнымъ, густымъ лѣсомъ.

Когда луна освѣщала эту темную гору, на самой верхушкѣ которой бѣлѣло большое свѣтлое пятно, она имѣла видъ башни. Это свѣтлое пятно было некогда храмомъ латинскаго Юпитера, а теперь—

увы!—оно служило лишь памятникомъ преступленія одного англичанина противъ исторіи, противъ искусства и Рима. Воздухъ былъ мягкій; въ саду, подъ балкономъ расли чудныя розы; розы эти распространяли удивительный ароматъ; гдѣ-то въ лѣсу раздавался монотонный крикъ совы, наводившій уныніе и напоминавшій собою звукъ похороннаго колокола. Мэнистей и Элеонора называли этотъ крикъ голосомъ римской ночи.

Вдругъ миссисъ Бергойнъ сказала:

— Въ моемъ умѣ все время вертится вашъ «Немійскій жрецъ», но я бы нѣсколько иначе написала этотъ разсказъ, быть можетъ, съ большимъ драматизмомъ. Мой жрецъ не убійца; онъ нашелъ своего предшественника уже убитымъ подъ деревомъ. Онъ не избѣжитъ своей судьбы, но онъ не заслужилъ ея. Его руки не запятнаны кровью; сердце его чисто. Вотъ это моя идея, я написала бы такъ.

Въ то время, когда она говорила, ея голосъ какъ-то особенно дрожалъ. Но Мэнистей, занятый собственными мыслями, этого не замѣтилъ. Онъ улыбнулся.

— Ага! Вы, стало быть, сходитесь въ вашихъ мысляхъ съ Ренаномъ. Онъ также писалъ разсказъ на эту тему, но сдѣлалъ изъ него сатиру. Его жрецъ, высоко-нравственный человѣкъ, джентльмэнъ, не позволяющій себѣ убить кого бы то ни было. Но народъ узнаетъ объ этомъ и въ наказаніе за то, что онъ нарушаетъ законъ, убиваетъ его.

— Я объ этомъ совершенно забыла,—сказала миссисъ Бергойнъ разсѣянно.

— Вамъ не нравится мой разсказъ, Элеонора? — спросилъ Мэнистей послѣ нѣкотораго молчанія.—Сознайтесь откровенно.

Она какъ бы пробудилась отъ сна. Съ обычной энергіей и краснорѣчіемъ она принялась убѣждать его, что восторгается его талантомъ, что ему предстоитъ блестящая будущность и проч. Это было повтореніе той же сцены, которая происходила до обѣда. Но въ этотъ разъ старанія ея не увѣнчались успѣхомъ: дурное расположеніе духа Мэнистея не исчезло, онъ оставался все такимъ же подавленнымъ.

Пока Элеонора говорила, Мэнистей смотрѣлъ на нее. При лунномъ свѣтѣ она казалась еще граціознѣе и очаровательнѣе. Глядя на нее, Мэнистей невольно почувствовалъ нѣжность.

— Элеонора, вы простудитесь,—сказалъ онъ,—воздухъ дѣлается свѣжѣе, а вы такъ легко одѣты. Подумайте о моей музѣ.

И, подойдя къ ней, онъ взялъ мантилью, которую она держала въ рукѣ, и накинулъ ей ее на плечи.

— Вы одолжили эту чудную мантилью миссъ Фостеръ,—сказалъ онъ,—она къ ней очень шла, но далеко не такъ, какъ къ вамъ.

Румянецъ на секунду показался на ея щекахъ. Она отошла отъ него и сказала:

— Ага, и вы наконецъ замѣтили, какъ эта дѣвушка красива.

— О да,—сказалъ онъ небрежно,—но эта красота меня не трогаетъ.

Она засмѣялась.

— Подождите только. Вотъ мы съ тетей Петти одѣнемъ ее какъ слѣдуетъ, тогда мы увидимъ, что вы скажете.

— О! въ вашемъ искусствѣ я увѣренъ. Вы отлично умѣете поправлять дурно написанныя книги; отчего же вамъ не съумѣть цивилизовать неотесанную дѣвушку?—сказалъ Мэнистей, пожавъ плечами и взглянувъ на нее.

Они пожелали другъ другу спокойной ночи и миссисъ Бергойнъ, отворивъ стеклянную дверь балкона, которая находилась за ея спиной, исчезла.

Луна стояла высоко на небѣ и освѣщала растущія въ саду сосны. Миссисъ Бергойнъ, наполовину раздѣтая, сидѣла и мечтала въ своей угловой комнатѣ съ высокимъ раскрашеннымъ потолкомъ и широко отворенными окнами.

Когда она вошла въ комнату, сердце ея было полно радостныхъ, но вмѣстѣ и мучительныхъ чувствъ. Она долго мечтала, а потомъ, закрывъ лицо руками, принялась сильно рыдать. Она старалась плакать тихо, боясь, чтобы миссъ

Мэнистей, находившаяся рядомъ въ комнатѣ, не услышала ея рыданій.

«Нѣтъ, я ни кому не дѣлаю вреда...—думала она,—это мѣсто никѣмъ не было занято. Когда наступитъ конецъ, я пойду ему навстрѣчу; и это не будетъ для меня неожиданно. И не нужно борьбы! Съ чѣмъ тутъ бороться?»

Она приподнялась и, раздвинувъ рукой густыя волны волосъ, падавшія ей на лицо, взглянула на нѣжныя утомленныя черты, отражавшіяся въ зеркалѣ, и все время ее не покидала смутная и тоскливая мысль о нетронутой свѣжести Люси Фостеръ.

Затѣмъ взоръ ея упалъ на двѣ фотографическія карточки, стоявшія на столѣ. Одна изъ нихъ изображала мужчину въ военной гвардейской формѣ, другая—маленькаго, слабенькаго ребенка, которому на видъ было лѣтъ около двухъ.

Она взяла въ руки портретъ ребенка и, задыхаясь отъ волненія и душевныхъ мукъ, принялась цѣловать его, безъ конца. Затѣмъ она стала спокойнѣе, но не рѣшилась разстаться съ портретомъ. Она взяла его съ собой въ постель и, прижавъ его къ сердцу, заснула.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Куда это вы отправляетесь, Элеонора?

— Въ Риммонъ, къ обѣднѣ,—отвѣтила миссисъ Бергойнъ, улыбаясь.

Она стояла на балконѣ, выходившемъ на востокъ, и застегивала свою красивую, сѣрую перчатку. Мэнистей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, полулежа въ креслѣ, читалъ англійскую газету.

— Къ обѣднѣ?—спросилъ Мэнистей.—Я сегодня положительно протестую. Взгляните, какое ясное небо, какъ солнце освѣщаетъ озеро и его берега. Совершимте лучше до завтрака прогулку вокругъ озера.

Миссисъ Бергойнъ покачала головой.

— Нѣтъ,—сказала она рѣшительно.—Я люблю соблюдать маленькія обрядности.

Это было утромъ въ воскресенье. Изъ Маринаты доносился веселый звонъ церковныхъ колоколовъ. По дорогѣ, между виллой и озеромъ, проходили женщины и дѣвушки въ накинутыхъ на голову, черныхъ, кружевныхъ шарфахъ, и молодые, красивые парни, въ короткихъ курткахъ и мягкихъ, остроконечныхъ шляпахъ. Всѣ они шли къ обѣднѣ. Былъ теплый, апрѣльскій день. Желтыя банксіи, обвивавшіяся вокругъ мраморнаго бассейна, въ которомъ билъ фонтанъ, были въ полномъ цвѣту, а соловьи, которые, кажется, нигдѣ не водятся въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ на албанскихъ холмахъ, оглашали воздухъ чуднымъ пѣніемъ и старались превзойти самихъ себя. Ихъ звучное пѣніе придавало еще больше поэзіи и безъ того въ высшей степени поэтической мѣстности. Слушать пѣніе соловья на албанскихъ холмахъ и не восторгаться имъ то же самое, что совершить преступленіе въ оскорбленіи величества.

Туалетъ миссисъ Бергойнъ вполнѣ соотвѣтствовалъ чудному апрѣльскому утру. На ней было сѣрое платье, свѣжее и изящное, и большая черная шляпа. Букетики живыхъ фіалокъ украшали ея тонкую талію и воротъ ея платья,—все это вмѣстѣ было само совершенство, что не могло ускользнуть отъ критическаго взгляда Эдуарда Мэнистея.

Именно это совершенство составляло характерную черту миссисъ Бергойнъ. Характеренъ былъ также матовый цвѣтъ ея волосъ и кожи и робкій, но полный достоинства взглядъ. Характерна была и противоположность между видимой заботливостью о своемъ туалетѣ съ одной стороны и грустнымъ выраженіемъ глазъ, окруженныхъ темными тѣнями—съ другой. Онъ смотрѣлъ на нее сквозь легкій дымъ своей папироски, спокойно любуясь

ея прелестью и самой этой противоположностью.

— Не возьмете ли вы съ собой миссъ Фостеръ? — спросилъ онъ.

Миссисъ Бергойнъ засмѣялась.

— О, я пыталась было предложить ей пойти со мной, но она только съ изумленіемъ взглянула на меня, густо покраснѣла и вышла изъ комнаты. Я окончательно упала въ ея мнѣніи.

— Въ такомъ случаѣ она неблагодарная дѣвочка,—сказалъ Мэнистей, понизивъ голосъ и оглядываясь на домъ.— Столько вамъ съ ней заботъ...

— Кто-нибудь изъ насъ долженъ же о ней позаботиться,—замѣтила выразительно она.

— Кто-нибудь долженъ — это вѣрно,— сказалъ онъ, смѣясь.—Остальные этимъ пользуются. Нѣкоторые преклоняются передъ естественностью, но когда она является передъ ними... Нѣтъ. Невозможно быть настолько типичной, какъ миссъ Фостеръ.

— Типичной, въ чемъ?

— Она изъ диссидентовъ диссидентка, изъ протестантовъ протестантка. А вѣдь сознайтесь, странный капризъ со стороны Юпитера прислать ее именно сюда?

— Мнѣ все-таки кажется, что у нея благородный характеръ и выдающійся умъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Ея дѣдъ, — продолжала миссисъ Бергойнъ,—былъ профессоръ богословія, онъ написалъ книгу объ инквизиціи.

Мэнистей снова пожалъ плечами.

— Какъ я вамъ сказала въ ту ночь, она очень красива и какъ двѣ капли воды похожа на греческую головку, которая стоитъ на каминѣ.

— Моя дорогая лэди, у васъ необыкновенно живое воображеніе.

Миссисъ Бергойнъ взяла въ руки зонтикъ и отвѣтила:

— Весьма возможно. Ваша тетушка сказала мнѣ, что ее, бѣдняжку, очень огорчила невозможность попасть сегодня въ свою церковь.

— Какъ!—воскликнулъ Мэнистей.— Она надѣялась, что въ собственныхъ владѣніяхъ папы бываютъ диссидентскія сборища?

Марината принадлежала къ числу папскихъ владѣній и была нѣкогда любимой лѣтней резиденціей папъ.

— Нѣтъ, но она думала, что можно поѣхать въ Римъ и опоздала на поѣздъ. Я нашла ее въ сильномъ волненіи ходящей взадъ и впередъ по гостиной.

— Ничего, это скоро преходящій голодъ! Мое сердце это не трогаетъ. Однако колоколъ, призывающій васъ въ церковь умолкъ. Элеонора, я удивляюсь, зачѣмъ вамъ идти на эту службу.

Онъ повернулся къ ней; его выразительные глаза смотрѣли немного насмѣшливо.

— Потому что я люблю ее.

— Вы не самую службу любите, а ея идею. Когда вы придете туда, дѣйствительность не можетъ вамъ понравиться. Вы увидите грязный полъ и услышите плохую музыку. Маленькій патеръ будетъ говорить въ носъ, а маленькіе мальчики будутъ ссориться. Вы увидите плохо написанные образа и изукрашенный мишурой алтарь. Останьтесь лучше со мной дома и давайте славить святую римскую церковь на почтительномъ разстояніи.

— Какимъ лицемѣромъ сочли бы васъ люди, если бы слышали, что вы говорите,—сказала она, краснѣя.

— И были бы совершенно неправы. Я не желаю себя обманывать—вотъ и все.

— Счастливъ тотъ, кто самъ себя обманываетъ,—сказала она тихимъ голосомъ.—По моему мнѣнію, это гораздо лучше, чѣмъ... Ахъ, да что объ этомъ говорить!

Она стояла нѣсколько времени молча, положивъ руки на каменныя перила балкона, и смотрѣла вдаль на озеро. Мэнистей, покуривая сигару, слѣдилъ за ней. Затѣмъ она взяла въ руки молитвенникъ и зонтикъ и сказала:

— Я скоро возвращусь. Какъ вы думаете, не слѣдуетъ ли намъ, когда я приду, взять миссъ Фостеръ погулять?

— А почему не предоставить это тетѣ Петти?

Она ничего не отвѣтила, а только кивнула ему головой и ушла.

Съ балкона, на которомъ сидѣлъ Мэнистей, онъ отлично могъ видѣть,

какъ она шла по холмистой, деревенской дорогѣ, слегка приподнявъ платье и показывая свою изящно обутую ножку. За нею бѣжала толпа дѣтей, просившихъ милостыню. Онъ увидѣлъ, какъ она въ нерѣшительности остановилась, открыла маленькій, бархатный ридикюль, висѣвшій у нея на кушакѣ и бросила маленькимъ попрошайкамъ цѣлую горсть мелкихъ монетъ. Дѣти бросились ихъ поднимать съ крикомъ и бранью.

Миссисъ Бергойнъ укоризненно покачала головой и, улыбаясь, продолжала свой путь.

— Какое малодушіе, Элеонора,—пробормоталъ про себя Мэнистей и, тихо засмѣявшись, прислонился къ спинкѣ своего кресла.

Когда миссисъ Бергойнъ выходила съ нимъ или съ его теткой, у нея хватало мужества отказывать нищимъ, даже безрукимъ и безногимъ. Она вполнѣ одобряла строгіе, чисто шотландскіе взгляды на нищенство, которыхъ придерживалась миссъ Мэнистей. Но выходя одна, она не рѣшалась отказывать. Ее пугали сердитые взгляды. Она не могла не подавать—она должна была позволить себѣ роскошь — быть любимой. Точно также она поступала въ отношеніи слугъ, носильщиковъ и швейцаровъ, раздавая имъ щедрой рукой подарки. Такого же сорта доброту проявляла она въ послѣдніе три дня по отношенію къ молодой американкѣ. Это была излишняя доброта. Какая-то неразумная.

Мэнистей снова принялся за газеты. Когда онъ кончилъ читать, онъ всталъ, и сталъ ходить взадъ и впередъ по балкону, опустивъ голову, точно плечи его не въ силахъ были вынести тяжести наполнявшихъ ее мыслей. Чтеніе газетъ разстроило его, испортило хорошее расположеніе духа, въ которомъ онъ находился съ утра и въ которое привело его чудное, теплое, апрѣльское утро.

— Я бездѣльничаю тутъ въ обществѣ двухъ женщинъ,—пробормоталъ онъ съ горечью,—въ то время, какъ въ Лондонѣ совершаются такія событія.

Газеты были переполнены важными извѣстіями о парламентской борьбѣ, о побѣдахъ и пораженіяхъ его партіи. Ему вспомнилось, какъ недавно, совсѣмъ еще недавно, онъ самъ принималъ живѣйшее участіе въ разработкѣ того вопроса, о которомъ шла теперь рѣчь.

Раза два на столбцахъ этой газеты онъ встрѣтилъ свое собственное имя, но о немъ говорилось исключительно, какъ о человѣкѣ, оставившемъ поле сраженія, человѣкѣ прошлаго, политически мертвомъ. Въ то время, какъ онъ, заложивъ руки за спину, стоялъ и смотрѣлъ на албанское озеро и на его цвѣтущіе берега, имъ овладѣло страстное желаніе увидѣть снова Лондонъ. Ему хотѣлось дышать лондонскимъ воздухомъ, видѣть лондонскія улицы, англійскую толпу, лавки, клубы и парки Лондона. И вотъ онъ мысленно представляетъ себѣ читальню клуба, знакомыхъ ему людей, входящихъ и выходящихъ изъ нея, слышитъ, какъ они обсуждаютъ новости дня, толкуютъ о парламентѣ, видитъ, какъ самъ онъ находится въ этой комнатѣ, какъ съ нимъ заговариваютъ, какъ за нимъ ухаживаютъ; онъ переживалъ въ душѣ быстро промелькнувшее удовольствіе отъ сознанія своей силы и значенія. Нельзя сказать, чтобы онъ очень цѣнилъ это удовольствіе, пока пользовался имъ наравнѣ съ другими. Напротивъ, его обуревали сомнѣнія. Его характеръ былъ полонъ противорѣчій. Теперь, когда все это осталось позади, когда онъ стоялъ здѣсь одинокій и забытый, прошлое стало казаться ему иногда невыразимо привлекательнымъ.

Что наполняло для него долгіе дни на этой виллѣ? Онъ работалъ съ Элеонорой, гулялъ съ Элеонорой, обѣдалъ съ тетушкой и Элеонорой, а тутъ, вдобавокъ, по всей вѣроятности для перемѣны, пріѣхала еще миссъ Фостеръ. Его мужское достоинство было оскорблено. Онъ досадовалъ, что уѣхалъ изъ Рима сюда на виллу въ эту тихую холмистую мѣстность, надѣясь окончить здѣсь свою книгу, а между тѣмъ, вдали отъ Рима и его развлеченій, изо-дня въ день возникали тысячи другихъ препятствій, мѣшавшихъ ему. Въ Римѣ онъ пользовался вліяніемъ. Не смотря на его неопредѣленное положеніе, онъ пользовался извѣстностью, какъ поборникъ

римской системы, защитникъ католичества и папства, какъ панегиристъ Льва XIII и какъ защитникъ роли папства въ Италіи. Этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ передъ нимъ открылась самая сокровенная сущность католичества. Его квартира въ улицѣ Via Sistina, служила центромъ, куда собиралось все католическое духовенство, возмущая шотландскіе инстинкты миссъ Мэнистей. Итальянскіе и иностранные кардиналы очень часто получали послѣобѣденный чай изъ рукъ миссъ Бергойнъ. Бѣлые и черные доминиканцы, коричневые францисканцы и черные іезуиты то и дѣло поднимались по широкой лѣстницѣ Via Sistina и всѣ встрѣчали дружескій пріемъ; тайны, которыя мало кому были извѣстны, охотно открывались ему. Онъ слышалъ біеніе пульса великаго католическаго организма, чувствовалъ, какъ по его нервамъ жизненныя силы стремятся къ своему центру—Ватикану. Два раза онъ даже имѣлъ возможность свободно поговорить съ самимъ Львомъ XIII. И все это онъ съ нетерпѣніемъ отбросилъ въ сторону ради того, чтобы окончить свою книгу, довершить ударъ. А здѣсь въ тиши холмовъ онъ начиналъ терять вѣру въ свою книгу, онъ сомнѣвался, принесетъ ли она ему удовлетвореніе. Временами имъ овладѣвали самыя странныя фантазіи, порой безграничное недовѣріе къ своей дѣятельности и къ своимъ идеямъ. Такое недовѣріе поднималось теперь со дна его души, лишая радости и жизнь, и работу. Безъ сомнѣнія, и на этотъ разъ конецъ будетъ тотъ же—политическій дѣятель убьетъ въ немъ литератора, также какъ литераторъ всегда мѣшалъ и подрывалъ энергію политическаго дѣятеля. Что же касается его книги, то и она казалась ему въ концѣ-концовъ, какъ и ея авторъ,—ни то, ни се.

Когда онъ думалъ о книгѣ, онъ тотчасъ вспоминалъ о той молодой женщинѣ, которая вдохновляла его и помогала ему писать. Элеонора! Да, она много, много помогала ему! Если его произведеніе не будетъ имѣть успѣха, она будетъ страдать не меньше его. Бѣдная, бѣдная, преданная Элеонора!

А что, если она, изъ расположенія къ нему, обманывала его? Что, если она своими нѣжными ручками нарочно завязывала ему глаза, чтобы онъ не могъ видѣть того, что на самомъ дѣлѣ было?

Онъ обсуждалъ этотъ вопросъ совершенно спокойно безъ всякаго чувства ложнаго стыда. На-ряду съ эгоизмомъ въ этомъ сложномъ характерѣ уживались черты благороднаго великодушія. Ничто не должно было затемнять воспоминанія объ этой нѣжной самоотверженной преданности, которая такъ щедро изливалась на него и на его работу въ теченіе всей зимы. Но какое право онъ имѣлъ принимать ее? Куда это вело? Чѣмъ могло все это кончиться?

Онъ прекрасно понималъ, какія предположенія строили его знакомые и друзья, видѣвшіе его и Элеонору вмѣстѣ. Ей было всего тридцать лѣтъ, она была очень привлекательна и, къ тому же, она считалась его дальней родственницей, чего же лучше? Онъ отлично зналъ, что начиная съ его тетушки и кончая его знакомыми, всѣ были того мнѣнія, что онъ непремѣнно долженъ жениться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Онъ былъ въ цвѣтѣ молодости и владѣлъ огромнымъ состояніемъ. У него былъ великолѣпный домъ и громадный капиталъ. Отъ него требовалось, чтобы онъ въ этотъ домъ привелъ хозяйку, а для того, чтобы не отдать въ чужія руки капиталъ — позаботился о наслѣдникѣ. Онъ былъ почти убѣжденъ, что его тетушка пригласила Элеонору пріѣхать къ нимъ на зиму именно съ цѣлью женить его.

Но въ этотъ разъ тетя Петти, не смотря на свою проницательность, ошиблась. Жениться! Надѣть на себя эти оковы, взять на себя всѣ эти обязанности, которыя налагаетъ бракъ! Нѣтъ, мысль о женитьбѣ настолько же была ему противна теперь, какъ когда ему было двадцать лѣтъ. Что ему дѣлать съ женой, а еще болѣе съ сыномъ? Ему было непріятно думать, что отъ него можетъ родиться существо, въ жилахъ котораго будетъ течь его кровь, и что такимъ образомъ его жизнь, какъ бы продолжится въ другомъ существѣ. Ка-

кой имѣетъ смыслъ перелить изъ своего организма въ другой ядовитую каплю, которая отравила его организмъ? Имѣть дочь съ такими же глазами, какъ у его безумной сестры Алисы? Имѣть хилаго, слабохарактернаго сына, не одареннаго талантомъ отца? Мужчины имѣютъ много способовъ вліять на будущность. Но въ частности этотъ—черезъ дѣтей—никогда не прельщалъ Манистея, даже въ самые оптимистическіе моменты.

И Элеонора понимала его. Онъ не былъ неблагодаренъ. О, нѣтъ! Онъ зналъ, что онъ обладалъ способностью не давать скучать женщинамъ. Эта зима прошла счастливо для Элеоноры. Она воскресла душой и тѣломъ. Между ними возникла рѣдкая и прекрасная дружба. Конечно, когда книга окончится, отношенія ихъ должны будутъ измѣниться. Но друзьями, вѣрными, любящими друзьями они останутся навсегда.

Теперь въ его жизни было довольно досуга для такой нѣжной дружбы. Время сильныхъ страстей миновало. Въ дни его ранней молодости у него было нѣсколько романическихъ приключеній, о которыхъ онъ вспоминалъ съ горделивымъ сознаніемъ, что немногимъ удалось пить такими полными глотками изъ чаши жизни. Все это происходило между двадцатью и тридцатью годами, когда онъ и писалъ, и охотился, и много путешествовалъ, стремясь все видѣть и все испытать.

Теперь все это миновало.

Миновало? Да! но въ то время, какъ онъ, стоя на балконѣ, смотрѣлъ на озеро, онъ видѣлъ предъ собой чудный паркъ въ Гранадѣ, цвѣтущіе апельсиновые деревья, дивный дворецъ «Альгамбра», какъ будто весь сплетенный изъ кружевъ, видѣлъ легкое, бѣлое платье, передъ нимъ мелькали нѣжные, страстные глазки.

«Скорѣе другія картины, память!»

И вотъ передъ нимъ венеціанскій дворецъ, у высокаго окна стоитъ женская фигура съ бѣлымъ, какъ мраморъ, лбомъ, съ полу-презрительнымъ выраженіемъ губъ, съ золотымъ ореоломъ надъ маленькой головкой. А потомъ та же самая высокая, стройная, женская фигура рядомъ съ нимъ на террасѣ стараго бургундскаго замка Она ломаетъ руки, слезы, текутъ по щекамъ, къ которымъ никогда больше не прикоснутся его губы.

Ахъ! Онъ глубоко вздохнулъ и принялся снова ходить взадъ и впередъ по балкону. Да, да, все это давно прошло, все это происходило съ другимъ человѣкомъ, въ другомъ мірѣ.

Съ тѣхъ поръ политика и честолюбіе овладѣли имъ, и женщины говорили теперь другимъ инстинктамъ въ немъ, скорѣе инстинктамъ дипломата и политика, чѣмъ влюбленнаго. Въ послѣдніе годы онѣ были его друзьями и его орудіями. И онъ властвовалъ надъ ними безъ помощи какого-нибудь недостойнаго искусства. Онъ находилъ ихъ прелестными. Его власть надъ ними основывалась на естественной симпатіи, на глубокомъ знаніи ихъ, которое было у него наслѣдственнымъ. Его отецъ обладалъ тѣмъ же ядомъ. Можно ли было отрицать, что и его отецъ, и онъ во многомъ были обязаны женщинамъ. Въ этомъ не было ничего постыднаго. Его отецъ былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей своего времени. И, поскольку это касалось англійскаго общества, на чести его сына тоже не было ни одного пятна.

Насколько Элеонора понимаетъ его? Онъ съ улыбкой пожалъ плечами. По всей вѣроятности, она знаетъ его лучше, чѣмъ онъ самъ себя знаетъ. Кромѣ того, вѣдь онъ не дѣвочка, отуманенная мечтаньями, грезящая о любви.

Что за исторія! Боже мой! Жаль, что онъ не встрѣтился съ ней въ то время, когда она была еще во власти своего тирана мужа. Онъ постарался бы ее утѣшить... защитилъ бы ее на правахъ родственника... Впрочемъ, нѣтъ! Лучше такъ. Они оба въ то время были моложе...

Теперь ему, главнымъ образомъ, нужно было выйти изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ онъ находился: вернуться къ своей прежней дѣятельности и занять то положеніе, на которое онъ имѣлъ право. Тогда все само собой устроится. Быть можетъ,—

кто знаетъ? когда-нибудь, когда молодость невозвратно пройдетъ, они съ Элеонорой подадутъ другъ другу руку и станутъ рядомъ въ жизни. Ихъ дружба приметъ тогда иной характеръ.

Все это возможно, только...

Внезапный шумъ захлопнувшейся стеклянной двери заставилъ его обернуться. Миссъ Фостеръ поспѣшно шла къ лѣстницѣ. Она не разсчитала силы вѣтра, дувшаго съ сѣверной стороны дома, и стеклянная дверь, ведшая въ библіотеку, вырвалась изъ ея рукъ. Она прошла мимо Мэнистея съ смущеннымъ, испуганнымъ взглядомъ, быстро отворила противоположную дверь и бѣгомъ спустилась по лѣстницѣ.

Вскорѣ Мэнистей увидѣлъ, какъ она прошла въ садъ. Она шла по дубовой аллеѣ, тѣни деревьевъ скользили по ея соломенной шляпѣ, по черной накидкѣ, по бѣлому платью. Ея черные волосы, были тщательно приглажены. И гладкая прическа, и черныя лайковыя перчатки, все это было очень мило, даже полно изящества, своеобразнаго воскреснаго буржуазнаго изящества.

Мэнистей съ улыбкой вспомнилъ свои мысли за послѣдніе полчаса. Онъ размышлялъ о женщинахъ, о прелести женщинъ, о своей склонности къ женскому обществу. Но какъ ограниченъ міръ каждаго человѣка!

Его представленіе о женщинѣ охватывало тотъ небольшой высшій классъ космополитическаго общества, типичной представительницей котораго служила Элеонора Бергойнъ. И вдругъ его мечты прервала эта дѣвушка, напомнивъ ему, что существуютъ другого рода женщины, добродѣтельныя женщины Стараго и Новаго Свѣта.

Однако, надо было отдать справедливость, — походка у нея была чрезвычайно легкая и голову она держала замѣчательно красиво. Вся она дышала свѣжестью молодости, и это придавало ей особенную прелесть. Мэнистей слѣдилъ за ней взглядомъ, пока она, пройдя мимо греческихъ и римскихъ памятниковъ, не исчезла въ чащѣ дубовой рощи.

Въ этотъ же день, послѣ завтрака, Люси Фостеръ сидѣла въ саду виллы совершенно одна. Въ рукахъ у нея была книга съ проповѣдями одного извѣстнаго бостонскаго проповѣдника. Она то читала, то смотрѣла въ пространство. Миссъ Мэнистей сказала ей, что къ нимъ между четырьмя и пятью часами дня изъ Рима пріѣдутъ гости.

Дѣйствительно, за нѣсколько часовъ до того времени, когда гости должны были пріѣхать, въ домѣ уже началась суета: маленькій дворецкій съ необыкновенной торопливостью бѣгалъ то туда, то сюда, накрывалъ на столъ чайную скатерть, ставилъ вокругъ стола стулья, вынималъ изъ буфета чайники, чашки и стаканы и другія принадлежности чайнаго прибора; при этомъ онъ находился въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ такомъ волненіи, какое никогда бы не счелъ нужнымъ показать лакей-англичанинъ.

Въ то время, какъ молодая дѣвушка молча сидѣла подъ деревомъ, къ ней на цыпочкахъ подошелъ дворецкій.

Альфредо—такъ звали дворецкаго—попросилъ синьорину, чтобы она была такъ любезна и посмотрѣла, все ли на столѣ? Синьора — такъ онъ называлъ миссъ Мэнистей—уходя изъ дому, велѣла ему накрыть на столъ, и онъ былъ бы крайне опечаленъ, если бы вернувшись домой, она нашла, что на столѣ чего-нибудь не достаетъ и осталась чѣмъ-нибудь недовольна.

Люси встала и исполнила просьбу дворецкаго. Она взглянула на убранство стола и замѣтила, что щипчики для сахару не были положены.

Альфредо, словно вихрь, бросился бѣжать по аллеѣ, причемъ фалды его фрака развѣвались во всѣ стороны. Человѣкъ этотъ вѣчно оставался ребенкомъ. Онъ впродолженіи пяти лѣтъ служилъ въ кавалеріи, получилъ довольно порядочное образованіе, писалъ очень хорошо,— почеркъ его былъ гораздо красивѣе почерка Мэнистея. Благодаря своимъ разнообразнымъ познаніямъ, онъ былъ приглашенъ, когда окончится срокъ его службы на виллѣ, на мѣсто управляющаго на фейерверчномъ заводѣ.

Люси съ добродушной улыбкой слѣдила за удалявшейся фигура дворецкаго.

«Какой симпатичный и умный народъ эти итальянцы!» подумала она. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ ею на этой виллѣ, она уже успѣла познакомиться съ нѣкоторыми изъ служащихъ тамъ. Она даже отчасти подружилась съ ними, разумѣется, насколько позволяла ея природная робость и плохое знаніе итальянскаго языка. Она свела дружбу съ высокой, статной горничной, прислуживавшей ей, державшей себя чрезвычайно важно и имѣвшей очень гордый видъ; съ женщиной, приходившей по утрамъ помогать убирать виллу, съ такъ называемой «donna di servizio». Имя ея было «Maddalena» и не смотря на то, что ей было пятьдесятъ лѣтъ, ее все-таки называли «una ragazza». Она очень любила болтать, говорила, что любитъ молодую синьорину, ходила за ней по слѣдамъ, убирала ея платья, поднимала вещи, которыя она роняла, отворяла и затворяла окна въ ея комнатѣ. Когда она находила Люси одну, она опускалась къ ея ногамъ и спрашивала, не знаетъ ли она, довольна ли синьора ею и всѣми остальными слугами. Кромѣ того, Люси чувствовала большую симпатію къ старому, семидесятипятилѣтнему сторожу, стоявшему у воротъ и служившему въ теченіе пятидесяти лѣтъ роду Маластрини; каждый разъ, когда Люси Фостеръ проходила мимо него, онъ раскланивался такъ низко и съ такимъ радостнымъ выраженіемъ лица, будто онъ зналъ ее не три дня, а впродолженіи всей своей жизни. Какой привѣтливый человѣкъ былъ итальянецъ, привезшій ее со станціи желѣзной дороги, съ какимъ добродушнымъ видомъ исправлялъ онъ ея ошибки въ итальянскомъ языкѣ. Какъ ей понравился очаровательный, большеглазый мальчикъ, служившій ей проводникомъ, въ то время, когда она вздумала совершить прогулку по берегу озера, и проведшій ее до самаго монастыря, находившагося по ту сторону озера; какое хорошее впечатлѣніе произвели на нее встрѣчавшіеся ей по дорогѣ угольщики, да и многіе другіе.

Что было такого дурного въ этомъ народѣ, почему мистеръ Мэнистей не находилъ добраго слова ни для его учрежденій, ни для его исторіи, ни для государственныхъ дѣятелей этой страны? Это несправедливо! Но онъ и не отличался послѣдовательностью въ своихъ поступкахъ. Онъ, который былъ по большей части необыкновенно молчаливъ, въ обществѣ миссисъ Бергойнъ и миссъ Мэнистей, былъ необыкновенно разговорчивъ и любезенъ съ уроженцами страны и съ своей итальянской прислугой. Прислуга положительно обожала его, а крестьяне, встрѣчавшіеся съ нимъ во время прогулокъ, радостно привѣтствовали его. Великолѣпный итальянскій языкъ, ласковый взглядъ, быть можетъ, отчасти повелительныя манеры возбуждали преклоненіе передъ нимъ среди этого впечатлительнаго народа.

Но жить и смѣяться съ людьми, надъ которыми онъ постоянно насмѣхался, называлъ илотами среди другихъ націй— это казалось Люси предательствомъ!

Она вспомнила, какъ въ то время, когда она была въ Америкѣ, она слышала различные толки, насчетъ Мэнистея.

Въ Англіи послѣ его путешествія былъ прочитанъ рядъ лекцій непріязненныхъ къ Америкѣ.

Она соглашалась съ мнѣніемъ людей, осуждавшихъ его; она также находила, что онъ неправъ. Всѣ ея симпатіи были на сторонѣ Италіи. Кто былъ этотъ критикъ, такъ много осуждавшій и находившій такъ мало достойнаго похвалы?

Ей, лично, онъ не высказывалъ своихъ сужденій. Съ того дня, когда она пріѣхала и когда она разговаривала съ нимъ во время обѣда, онъ не сказалъ ей двухъ словъ. Она слышала кое-какіе отрывки изъ его сочиненія, но то, что она слышала, не давало ей никакого понятія о книгѣ въ цѣломъ. Она знала только, что всѣ живущіе въ домѣ были заняты вопросомъ, что выйдетъ изъ этой книги: миссисъ Бергойнъ не могла спокойно говорить о ней, она тотчасъ блѣднѣла и мѣнялась въ лицѣ, когда рѣчь шла о произведеніи Мэнистея.

Да, миссисъ Бергойнъ! Дѣвушка задумалась. Она была съ Мэнистеемъ въ дальнемъ родствѣ—его троюродная сестра,—во время какой-то ужасной катастрофы потеряла мужа и ребенка и

гостила у миссъ Мэнистей. Выходить замужъ за своего кузена она, кажется, не собиралась, по крайней мѣрѣ объ этомъ никто ничего не говорилъ. Люси знала только, что она шотландка, и не смотря на то, что посѣщала католическую церковь, была не католичка, а пресвитеріанка, что отецъ ея, шотландскій лордъ, важный генералъ, нѣкій Делафіельдъ Мюръ...

«Она очень добра ко мнѣ», подумала молодая дѣвушка съ благодарностью, къ которой примѣшивалось чувство какой-то неопредѣленной неловкости. «Я не могу понять, почему она обращаетъ на меня такое вниманіе? Она такъ не похожа на меня, она такая... такая аристократка, такая опытная. Она не можетъ находить ни малѣйшаго удовольствія въ моемъ обществѣ. Да, она очень ко мнѣ добра, да и ко всѣмъ, впрочемъ, но...»

Мысли ея внезапно приняли совершенно иное направленіе. Ее очень интересовалъ вопросъ, какія отношенія существовали между Мэнистеемъ и ег кузиной. Она никогда ничего подобнаг не видѣла. Что-то въ ихъ отношеніяхъ возмущало ее, она сама не могла бы сказать, что именно. Быть можетъ, ихъ близость—близость душевная и умственная. Они были точно мужъ и жена. Но нѣтъ, женатые люди обыкновенно гораздо болѣе сдержаны; вѣроятно, это просто дружба. По крайней мѣрѣ, миссъ Мэнистей говорила ей, что ея племянникъ и миссисъ Бергойнъ «большіе друзья». Въ книжкахъ, быть можетъ, и пишутъ о такихъ отношеніяхъ; но въ жизни Люси первый разъ пришлось видѣть нѣчто подобное.

Звукъ приближающихся шаговъ заставилъ ее поднять глаза.

Она увидѣла не Альфредо, а какого-то молодого человѣка, по виду англичанина. Онъ, улыбаясь, подходилъ къ ней. Онъ былъ во фракѣ, въ петлицѣ фрака у него была роза, а въ рукахъ—шляпа. Волосы у него были бѣлокурые, а лицо—веселое; вотъ единственно, что Люси успѣла замѣтить въ то время, какъ онъ подходилъ къ ней.

— Позвольте мнѣ представиться...—сказалъ онъ.—Миссъ Мэнистей поручила мнѣ васъ отыскать. Имя мое Реджи Бруклинъ—я другъ миссисъ Бергойнъ. Вы обо мнѣ ничего не слыхали? Нѣтъ? Я сопровождаю миссисъ Бергойнъ, когда Мэнистею некогда. На слѣдующей недѣлѣ я буду имѣть удовольствіе проводить всѣхъ васъ въ церковь св. Петра.

Люси взглянула вверхъ и увидѣла открытое привлекательное лицо, чудные голубые глаза и свѣтлые усы. Во всей наружности его было что-то располагающее, внушающее довѣріе.

Вѣроятно, это тотъ «прелестный мальчикъ», служащій при посольствѣ, о которомъ ей надняхъ говорила миссисъ Бергойнъ? Да, онъ, навѣрно онъ. Нѣжный румянецъ выступилъ на ея щекахъ: она не привыкла разговаривать съ молодыми людьми, а тѣмъ болѣе еще съ такими свѣтскими.

— Присядьте, пожалуйста,—сказала она, указывая на скамейку и отодвигаясь, чтобы дать ему мѣсто.

Онъ сѣлъ и, обмахиваясь шляпой, словно вѣеромъ, издали посматривалъ на нее.

— Вы американка, не правдали?—спросилъ онъ.—Надѣюсь, вы не въ претензіи на меня за мой вопросъ?

— О нѣтъ, нисколько. Да, я въ первый разъ въ Европѣ.

— Вотъ какъ! А вѣдь, согласитесь, Италія хорошая страна. А Римъ? Какой это чудный городъ.—Вы, вѣроятно, уже успѣли побывать въ Римѣ? Какъ только я пріѣхалъ сюда, я первымъ дѣломъ отправился туда.

— Я всего четыре дня, какъ пріѣхала.

— Ага! И никто, разумѣется, не имѣетъ времени васъ проводить? Я понимаю. Ну, а какъ книга Мэнистея? Двигается впередъ?

— Я не знаю,—сказала она, широко открывъ глаза, причемъ невольная улыбка скользнула по ея серьезном улицу и оживила его.

Молодой человѣкъ одобрительно взглянулъ на нее.

«Честное слово, она одѣта, какъ школьная учительница,—подумалъ онъ.—Но какъ она красива!» По правдѣ сказать,

молодой человѣкъ пришелъ занимать миссъ Фостеръ только потому, что его прислала къ ней миссисъ Бергойнъ, а желаніе миссисъ Бергойнъ было для него законъ.

— Развѣ мистеръ Мэнистей не читаетъ вамъ свое сочиненіе день и ночь?— спросилъ онъ. — Вѣдь онъ это любитъ.

— Я слышала кое какіе отрывки,— сказала она. — Книга эта очень интересная.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Нелѣпая затѣя—эта книга. Моему начальнику она страшно надоѣла. Да и многимъ англичанамъ, тоже. Согласитесь сами, ну. какой имѣетъ смыслъ, что англичанинъ пріѣхалъ сюда изъ Англіи и ни съ того, ни съ сего начинаетъ бранить Италію. Да, еще англичанинъ,— бывшій членъ парламента, слово котораго, стало быть, имѣетъ значеніе. Съ какой стати? Мы съ Италіей въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ,—ради чего намъ ее бранить? Когда я представляю себѣ, *что* Мэнистей пишетъ и сколько шуму надѣлаетъ эта книга въ Италіи, я положительно удивляюсь, какъ у него хватаетъ духу глядѣть въ лицо итальянцамъ и вести дружбу съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ! И нападать на нихъ именно теперь, когда они и безъ того находятся въ критическомъ положеніи.

Это было какъ разъ въ тотъ годъ, когда въ Абиссиніи происходили безпорядки. Послѣ ужасной рѣзни въ Адовѣ прошло всего два мѣсяца.

По выраженію лица Люси было видно, что она вполнѣ соглашалась съ мнѣніемъ Реджи Бруклина. Она спросила:

— Но почему же это онъ...

— Почему онъ задался цѣлью очернить Италію? О, боги! Кто можетъ знать, почему Мэнистей поступаетъ такъ или иначе? Во всякомъ случаѣ, я вамъ это объяснить не съумѣю. Что я могу сказать? Я въ сравненіи съ нимъ нуль, а онъ геній. Мы всѣ признаемъ, что онъ геній. Ну, скажите на милость, *что* заставило его поступить такимъ образомъ, какъ онъ поступилъ въ прошедшемъ году? Зачѣмъ онъ вышелъ изъ парламента? Положимъ, либералы на него дѣйствительно нападали, а консерваторы имѣли противъ него зубъ. Но онъ самъ виноватъ: это человѣкъ совершенно не практическій, человѣкъ, который никого не слушается и дѣлаетъ все по своему. Онъ положительно упрямъ, какъ чортъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ однажды сказалъ одному изъ моихъ друзей, что онъ никогда и никого въ жизни не слушался, что даже не имѣетъ понятія о томъ, что значитъ слово «слушаться». Все это происходитъ отъ того, что онъ не былъ ни въ какой общественной школѣ Мать его находила, что онъ слишкомъ уменъ и что его нельзя отдавать въ обыкновенную школу; она желала дать ему какое-то особенное образованіе. Вы не находите, что это большая ошибка?

— Какая ошибка?

— Предпочитать тропинки большимъ дорогамъ.

Молодая дѣвушка на секунду задумалась, потомъ покраснѣла и улыбнулась.

— Я, пожалуй, тоже предпочла бы тропинку.

— Ну да, вы разсуждаете такимъ образомъ, потому что вы американка. Я долженъ былъ раньше знать, что вы такъ отвѣтите. Американцы всегда любятъ ходить въ одиночку, но, скажу вамъ, это не для англичанъ. Они любятъ всѣхъ вводить въ рамки. А что касается до Мэнистея, то, по моему, ему совсѣмъ не слѣдовало поступать въ парламентъ Какой онъ политическій дѣятель, когда провелъ лѣтъ семь или восемь за границей, въ обществѣ людей, проповѣдующихъ самыя отсталыя теоріи? Меньше всего онъ знакомъ съ англійской политикой. Но видите ли, отецъ Мэнистея, либералъ, былъ долгое время министромъ. Когда Мэнистей пріѣхалъ изъ-за границы и членъ парламента, принадлежавшій къ фракціи его отца, умеръ, онъ естественнымъ образомъ занялъ освободившуюся вакансію. Что его выбрали въ члены, весьма естественно: это было сдѣлано въ память отца, котораго любили. А онъ какой-то чудакъ, онъ совершенно не понялъ своего положенія. Я долженъ вамъ сказать вотъ что...

Онъ покачалъ головой съ видомъ тонкаго дипломата и продолжалъ:

— Когда вы принадлежите къ извѣстной партіи, вы уже должны держаться ея; всякій долженъ такъ поступать. Мэнистей же, наоборотъ, держалъ всегда сторону противной партіи. Это большая ошибка. Онъ принадлежалъ къ партіи либераловъ, а между тѣмъ нѣкія прелестныя леди, весьма ярыя приверженницы консервативной партіи, и нѣкоторые члены англиканской церкви, положимъ, весьма почтенные люди... окончательно захватили его въ свои руки. И вотъ, когда поднялся вопросъ объ этихъ проклятыхъ школахъ — чортъ бы ихъ побралъ—впрочемъ, виноватъ, вы, вѣроятно, ничего объ этомъ не слыхали, онъ опять-таки сталъ на сторону противной партіи и хотя друзья его и старались его уговорить... онъ все-таки... А, да вотъ и они!

И молодой человѣкъ принялся махать шляпой мисиссъ Бергойнъ, показавшейся въ эту минуту въ самомъ концѣ дубовой аллеи въ сопровожденіи Мэнистея и нѣсколькихъ постороннихъ мужчинъ.

— О-о! да кого я вижу? Мой начальникъ тоже здѣсь? Вотъ ужъ никакъ не разсчитывалъ встрѣтить его здѣсь сегодня. Вы не знакомы съ моимъ начальникомъ?

Онъ пододвинулся къ ней поближе и говорилъ такимъ непринужденнымъ тономъ, будто былъ знакомъ съ ней чуть ли не съ колыбели.

— Вотъ этотъ высокій, сѣдой старикъ вашъ начальникъ?—спросила Люси, совсѣмъ смущенная.

— Да, да, это онъ, самъ посланникъ. Я очень радъ, что вы съ нимъ познакомитесь. Онъ прекрасный человѣкъ. А вотъ это—его дочь... она у него хозяйничаетъ. Если вы умѣете хранить тайны... я вамъ разскажу секретъ,—онъ нагнулся къ ней.—Ему очень нравится миссисъ Бергойнъ, да и не мудрено, кому она не нравится! Мэнистея онъ не долюбливаетъ, но онъ ему этого не показываетъ, онъ даже разговариваетъ съ нимъ чрезвычайно любезно... онъ замѣчательно умѣетъ владѣть собой... Но позвольте... кто тамъ еще?

Онъ приложилъ руку къ глазамъ, чтобы лучше видѣть, и разразился громкимъ смѣхомъ.

— Богъ мой! Еще литераторъ. Это — Беллазисъ. Вы вѣроятно читали его поэмы или его пьесы? Въ прошломъ году зимой въ Римѣ давали двѣ пьесы Беллазиса; это было что-то ужасное! Хуже археологіи! Миссисъ Бергойнъ всегда старается быть съ нимъ любезной, но это только для того, чтобы онъ не слишкомъ нападалъ на Мэнистея... Посмотрите-ка, неправда ли она очаровательна?

Онъ понизилъ при этомъ голосъ, а глаза его, которые онъ устремилъ на Люси, такъ и блестѣли.

— Миссисъ Бергойнъ,—сказала молодая дѣвушка,—да. она... она, дѣйствительно, очень мила.

— О, она прелесть. Я имѣю полное право говорить такъ, потому что она мнѣ родственница. Я ея троюродный братъ, также какъ и Мэнистей. Когда я прошедшей зимой былъ ея кавалеромъ и часто выѣзжалъ съ ней, мнѣ приходилось постоянно заботиться о томъ, чтобы она не простудилась... она очень неосторожна и никогда не думаетъ о себѣ. Но она на меня нисколько не сердилась... она совсѣмъ не капризна... Вамъ, вѣроятно, извѣстна ея печальная исторія?

Люси покачала головой.

Онъ еще понизилъ голосъ, боясь чтобы общество, подходившее все ближе къ нимъ, не услышало, что онъ говорилъ, и съ важнымъ видомъ принялся шептать:

— О, это ужасная исторія, я разскажу вамъ объ этомъ вкратцѣ, такъ какъ у насъ только нѣсколько минутъ времени. Видите ли, у ея мужа была чахотка, и Элеонора жила съ нимъ въ Швейцаріи. Одинъ разъ во время прогулки онъ простудился и схватилъ сильнѣйшую горячку. Знаете, такую страшную горячку съ припадками безумія. Элеонора, ухаживавшая за нимъ, такъ устала, что сама была совсѣмъ больна; ее увели въ другую комнату и уложили спать. У мужа ея осталась дежурить сидѣлка. Но, къ несчастію, сидѣлка напилась и

крѣпко заснула. И вотъ... нѣтъ это ужасно, я даже не могу разсказывать... представьте себѣ, ночью больной мистеръ Бергойнъ просыпается, но совершенно ничего не сознавая, въ полномъ бреду... отправляется рядомъ въ комнату, гдѣ спитъ его ребенокъ, и потихоньку, чтобы никого не разбудить, подходитъ къ малюткѣ, беретъ его на руки и, войдя обратно въ свою комнату, въ которой окна отворены, выбрасывается вмѣстѣ съ нимъ изъ окна. Гостинница стояла высоко, на скалѣ, а подъ нею текла рѣка. Раньше впродолженіи многихъ дней шелъ непрерывный дождь и вода въ рѣкѣ была очень высока. Тѣла пришлось очень долго искать, пока, наконецъ, ихъ нашли. Когда Элеонора проснулась, у нея уже не было ни мужа, ни ребенка. О мужѣ она не особенно грустила, она не была съ нимъ счастлива, но о ребенкѣ, о ребенкѣ...

Онъ замолчалъ, такъ какъ въ эту минуту послышался вблизи веселый голосъ миссисъ Бергойнъ. Теперь можно было вполнѣ оцѣнить все изящество ея туалета. На шея у нея сверкали бриліанты, а къ корсажу платья были приколоты цвѣты. Глаза Люси, полные слезъ, словно приковались къ стройной, граціозной фигурѣ, приближавшейся къ ней молодой женщины.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Все общество расположилось вокругъ чайныхъ столиковъ. Миссисъ Бергойнъ положила свою нѣжную руку на плечо Люси и представила ей нѣкоторыхъ изъ гостей. Миссъ Мэнистей любезно прислушивалась къ мягкимъ рѣчамъ посланника, сидѣвшаго рядомъ съ ней. Опираясь на большую палку съ золотымъ набалдашникомъ, онъ показывалъ свои хотя и старыя, но необыкновенно бѣлыя руки. Мисиссъ Бергойнъ уединилась съ мистеромъ Беллазисомъ и предложила ему чаю. Онъ боялся опоздать на поѣздъ и очень спѣшилъ. Это былъ высокій, нескладный человѣкъ съ блѣднымъ соннымъ лицомъ и густыми черными волосами, торчащими кверху щеткой. Вниманіе мисиссъ Бергойнъ онъ принималъ съ снисходительной важностью. Мистеръ Мэнистей сидѣлъ поодаль, откинувшись въ креслѣ въ лѣнивой позѣ. Его окружало нѣсколько молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ римской аристократіи. У иныхъ изъ нихъ въ жилахъ текла также и англійская кровь, такъ какъ ихъ матери были англичанки. Они весело смѣялись и болтали между собой, стараясь вовлечь въ разговоръ и хозяина дома, но тотъ былъ необыкновенно угрюмъ и какъ бы нехотя отвѣчалъ на вопросы, которые они ему предлагали. Казалось, онъ каждую минуту готовъ былъ убѣжать отъ нихъ. Отъ скуки онъ занимался тѣмъ, что срывалъ одну травку за другой и разрывалъ ихъ на мелкіе кусочки. Это онъ дѣлалъ всегда, когда бывалъ въ дурномъ расположеніи духа.

— Значитъ, вы читали мою книгу?— съ видимымъ удовольствіемъ, обратился къ миссисъ Бергойнъ мистеръ Беллазисъ, когда послѣдняя подавала ему чашку чаю.—Да-съ, книжечка эта объемистая и написана такими же стихами и въ той же повѣствовательной формѣ, какую избирали наши прадѣды. Но странно, что, несмотря на все мое стараніе заинтересовать этимъ произведеніемъ публику, она относится къ нему довольно равнодушно.

— Не знаю, нѣтъ... мнѣ эта книга очень нравится. Мнѣ кажется, я писала вамъ о томъ, какое впечатлѣніе она на насъ произвела.

При этихъ словахъ миссисъ Бергойнъ многозначительно взглянула на Мэнистея, желая, чтобы онъ ее поддержалъ, но тотъ сдѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ и не видитъ. Мистеръ Беллазисъ также взглянулъ на него, но также напрасно. Лицо поэта нахмурилось.

*

— А могу я спросить, какъ вы читали мою книгу?—спросилъ Беллазисъ, обращаясь къ миссисъ Бергойнъ и мѣшая чай.

— Какъ читала?—смущенно переспросила миссисъ Бергойнъ.

— Ну да, читали-ли вы ее одинъ разъ, или больше?

Миссисъ Бергойнъ покраснѣла.

— Къ сожалѣнію... я должна признаться вамъ,—пробормотала она.

— Видите ли, всѣ мои друзья находятъ, что книгу эту можно вполнѣ оцѣнить только въ томъ случаѣ, если ее прочтешь раза два, три и даже больше...

Онъ собирался сказать что-то еще, но въ эту минуту на столъ, за которымъ онъ сидѣлъ, налетѣла масса песку. Оказалось, что сидѣвшій поодаль Мэнистей подманилъ къ себѣ лежавшую спокойно на дорожкѣ ньюфаундлендскую собаку и та, бросившись къ своему хозяину, подняла цѣлое облако песку.

Мистеръ Беллазисъ нетерпѣливо смахнулъ песокъ, налетѣвшій на его платье, и продолжалъ:

— Мнѣ недавно прислали цѣлую массу журналовъ. Критика очень упала въ послѣднее время. Вы не читали журналъ «Sentinel»?

Миссисъ Бергойнъ нѣсколько смутилась.

— Да, я читала... тамъ говорилось что-то такое насчетъ стиля...

Мистеръ Беллазисъ откинулся къ спинкѣ стула и громко разсмѣялся.

— Да, да, стиль! Я съ микроскопомъ работалъ надъ своимъ стилемъ. Я не измѣню ни одной фразы, ни одного слова, ни одной буквы...

— Мистеръ Беллазисъ, — обратился къ нему въ эту минуту любезнымъ тономъ, посланникъ:—Съ какимъ поѣздомъ вы собираетесь ѣхать?Со слѣдующимъ?

Великій человѣкъ взглянулъ на часы.

— Да, да, я долженъ поторопиться, чтобы не опоздать,—воскликнулъ онъ и, обратившись къ миссисъ Бергойнъ, нарочно, чтобы всѣ слышали, громко прибавилъ:

— Я читаю сегодня вечеромъ свою пьесу, которую только что окончилъ, у мадамъ Сальви.

Элеонора улыбнулась и поздравила его, послѣ чего онъ простился и поспѣшилъ уйти.

Мэнистей, молча, проводилъ его нѣсколько шаговъ по аллеѣ. Вернувшись, онъ сѣлъ на стулъ, стоявшій между миссъ Фостеръ и Бруклиномъ и, какъ бы освободившись отъ тяжелой обязанности, глубоко вздохнулъ.

— Несносный оселъ!—пробормоталъ онъ сквозь зубы, повидимому, совершенно забывъ, что вокругъ него сидятъ посторонніе люди.

Мистеръ Бруклинъ взглянулъ на Люси веселымъ и насмѣшливымъ взглядомъ.

— Кто эта молодая особа, которая сидитъ за столомъ?—спросилъ посланникъ.

Миссъ Мэнистей объяснила ему.

— А? Она американка! Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнулъ посланникъ.—Представьте себѣ, я сразу не догадался, тогда какъ мнѣ очень знакомъ этотъ типъ. Позвольте... позвольте... я вамъ даже сейчасъ скажу откуда она. Она, должно быть, изъ Новой Англіи, но не изъ Бостона, а изъ его ближайшихъ окрестностей. Когда я былъ въ Вашингтонѣ, я, чтобы подкрѣпить здоровье, провелъ одно лѣто въ деревнѣ,—деревня эта находилась на Мэнскихъ холмахъ,—и тамъ я видѣлъ массу такихъ типовъ. Женщины въ Мэнской провинціи отличаются своеобразной красотой. Познакомьте меня, пожалуйста съ молодой американкой.

Миссъ Мэнистей подвела его къ Люси и познакомила его съ ней.

— Не будете ли вы такъ любезны провести меня на ту террасу, съ которой виденъ соборъ св. Петра? Я знаю, что съ одной изъ террасъ отлично можно видѣть его—сказалъ посланникъ своимъ тихимъ, вѣжливымъ голосомъ.

Люси встала и покраснѣла отъ удовольствія. Это смущеніе очень шло къ ней. Когда она шла рядомъ со старикомъ, у нея промелькнула мысль о томъ,

какъ пріятно будетъ узнать про это дядѣ Бену. Она питала нѣкоторое почтеніе къ высокопоставленнымъ людямъ, проистекавшее не изъ тщеславія, а изъ ея живого воображенія и изъ уваженія къ занимаемымъ имъ должностямъ. На нее дѣйствовалъ не титулъ человѣка, а сознаніе важности его дѣятельности.

Посланникъ внимательно взглянулъ на молодую дѣвушку, видимо, желая составить себѣ представленіе о ея характерѣ. Потомъ онъ началъ говорить съ такой изысканной любезностью, къ какой не прибѣгалъ даже въ разговорѣ съ принцессой, завтракавшей у него въ это утро. Въ свое время онъ пользовался репутаціей неотразимости при многихъ дворахъ обѣихъ частей свѣта, и эта прогулка не могла не доставить большого удовольствія Люси Фостеръ. Тутъ было только одно затрудненіе. Она слышала, какъ другіе называли его «ваше превосходительство», а ея губы ни какъ не могли произнести этихъ словъ, между тѣмъ онъ былъ такъ милъ и любезенъ, что она готова была оказать ему всякій знакъ почтенія, еслибъ знала, какъ это сдѣлать.

Наконецъ, они дошли до конца аллеи и поднялись на каменную террасу, съ съ которой видна была Кампанья.

— А! вотъ и соборъ!—сказалъ посланникъ, указывая рукой на сѣверъ, по тому направленію, гдѣ вдали, въ голубомъ туманѣ, поднимался соборъ св. Петра.

— Вы не чувствуете волненія, когда видите предъ собой этотъ удивительный соборъ?—спросилъ посланникъ, улыбаясь и глядя на нее.

— Когда я съ этого холма въ первый разъ увидѣлъ его, я пришелъ въ такой восторгъ, что написалъ даже по этому поводу поэму, признаться—очень плохую поэму. Въ немъ есть что-то чудесное. Куда вы не идете, онъ слѣдуетъ за вами. Когда туманъ густой пеленой окутываетъ все вокругъ, онъ все-таки бываетъ видѣнъ. У здѣшнихъ крестьянъ существуетъ такая примѣта: если они не могутъ видѣть собора, значитъ, ихъ ожидаетъ какое-нибудь бѣдствіе. Онъ является какъ бы символомъ, воплощеніемъ идеи.

— А знаете,—сказалъ онъ съ улыбкой, я предчувствую, что онъ попадетъ въ книгу Мэнистея.

Взгляды ихъ встрѣтились и онъ прочелъ въ ея глазахъ, что она раздѣляетъ его мнѣніе.

— Да, есть разнаго рода символы. Когда я вижу этотъ соборъ, мое старое сердце бьется, потому что онъ напоминаетъ мнѣ многое... почти всю исторію нашей расы. Но оглядываясь назадъ, я вспоминаю другой символъ. Въ 74 году я былъ въ Гарвардѣ и помню, увидѣлъ первый разъ доски,—вы помните, въ Memorial Hall,—на которыхъ красовались имена героевъ, падшихъ во время войны.

Она сильно покраснѣла, а на ея глазахъ выступили слезы.

— Да,—да, сказала она съ волненіемъ въ голосѣ,—я отлично знаю эту залу. Мой отецъ потерялъ во время этой войны двухъ братьевъ. Имена обоихъ обозначены на доскахъ.

Посланникъ ласково взглянулъ на нее.

— Честь имъ и слава!—сказалъ онъ.—Честь имъ слава! Эти доски, эти имена служатъ символомъ другой міровой силы! Одна изъ нихъ, — онъ указалъ рукой на соборъ — религія. Другая — родина. Вотъ о родинѣ-то и забываетъ серъ Мэнистей, неправда ли?

Старикъ покачалъ головой и замолчалъ, устремивъ взоръ на Кампанью, надъ которой собирались темныя тучи.

— Итакъ,—сказалъ онъ, пробуждаясь отъ задумчивости,—мнѣ пора идти. Пріѣзжайте навѣстить меня. Моя дочь пришлетъ вамъ приглашеніе.

И чрезъ какихъ-нибудь пять минутъ посланникъ уже быстро мчался въ Римъ. Онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и крайне доволенъ проведеннымъ имъ днемъ: утромъ ему удалось, какъ онъ выражался, «мастерски» устроить одно дѣло, а послѣ обѣда онъ познакомился съ необыкновенно симпатичной молодой дѣвушкой и пріятно провелъ съ ней время.

Мэнистей не могъ проводить послан-

ника до его кареты, такъ какъ былъ занятъ съ другими гостями. Миссисъ Бергойнъ, Бруклинъ и Люси сдѣлали это вмѣсто него.

Когда они вернулись, они нашли на террасѣ виллы новую группу гостей. Два лица составляли центръ этой группы, Мэнистей и старый сѣдой кардиналъ.

Люси съ удивленіемъ взглянула на хозяина. Какая перемѣна! Человѣкъ, который часъ тому назадъ вяло, съ скучающимъ видомъ, принуждалъ себя быть вѣжливымъ съ гостями, теперь совсѣмъ переродился. Часъ тому назадъ это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ; теперь это былъ юноша, красивый, любезный, оживленный и краснорѣчивый.

Кто былъ причиной этой внезапной перемѣны? Кардиналъ?

Кардиналъ сидѣлъ съ правой стороны Мэнистея, положивъ свою морщинистую руку на голову ньюфаундлендской собаки. У него было типическое итальянское лицо, съ широкими скулами, съ добрыми глазами, нѣсколько сонными, но далеко не глупыми. Изъ-подъ его рясы, окаймленной красной полосой, чуть-чуть виднѣлись его красные чулки, а тонкой работы крестъ и цѣпь, красный кушакъ и широкая лента вокругъ его шляпы съ большими полями, играли яркими цвѣтами, когда на нихъ, сквозь тѣнистые деревья падалъ свѣтъ.

Кардиналъ этотъ былъ членомъ куріи и членомъ совѣта, занимавшагося разборомъ духовныхъ книгъ.

Не посвященные въ тайну его внезапнаго появленія на албанскихъ холмахъ думали, что онъ пріѣхалъ въ окрестности Рима провести лѣто, чтобы поправить свое разстроенное здоровье, близкіе же къ нему лица отлично знали, что онъ поселился подальше отъ Рима только ради того, чтобы вдали отъ городского шума, въ деревенской тиши, на свободѣ, заняться чтеніемъ книги, написанной однимъ германскимъ профессоромъ-католикомъ. Книга эта требовала глубокаго вниманія и серьезнаго обсужденія. Въ то время какъ кардиналъ съ удовольствіемъ попивалъ чай, у миссъ Мэнистей, никто не догадался бы о тѣхъ зловредныхъ латинскихъ брошюрахъ, за писаніемъ которыхъ онъ оставилъ своего секретаря. Онъ имѣлъ видъ самаго миролюбиваго человѣка, никому въ мірѣ не желающаго зла.

— Опять Италія, — сказалъ Рэджи Бруклинъ вполголоса Люси.

— Бѣдная старая Италія. Когда я вижу предъ собой черную кардинальскую рясу, я могу сказать съ полной увѣренностью, что разговоръ идетъ объ Италіи.

Дѣйствительно, кардиналъ далъ Мэнистею тему для разговора, за которую тотъ съ жадностью ухватился: онъ сообщилъ ему о новомъ вандализмѣ правительства. Какой-то монастырь въ Умбріи былъ отнятъ отъ духовенства и обращенъ для цѣлей правительства, а чудная живопись этого монастыря, по случаю непростительной небрежности, перешла въ руки какого-то парижскаго торговца.

Разсказъ этотъ затронулъ Мэнистея за живое. Онъ могъ говорить безъ умолку, когда слышалъ о подобномъ отношеніи къ священнымъ зданіямъ и къ ихъ сокровищамъ. Поощрительная улыбка кардинала и одобрительные возгласы окружавшихъ его молодыхъ людей все сильнѣе и сильнѣе воодушевляли его и онъ, въ свою очередь, принялся разсказывать объ одномъ возмутительномъ фактѣ, происшедшемъ, въ горахъ Орвіетто съ однимъ изъ монастырей. Онъ говорилъ такъ умно, такъ ѣдко, съ такимъ жаромъ и сарказмомъ, что Люси, сидѣвшая возлѣ миссъ Мэнистей и въ глубинѣ души не соглашавшаяся съ нимъ, поняла тайну обаянія и власти этого человѣка.

Разсказывая исторію этого монастыря и притѣсненій его со стороны чиновниковъ,—онъ рисовалъ одинъ за другимъ яркіе характерные типы представителей Новой Италіи, ничтожныхъ, дерзкихъ, продажныхъ, угнетающихъ Старую Италію, достойную, прекрасную и безпомощную. Естественный переходъ мысли или какое-то замѣчаніе одного изъ слушателей заставило его обратиться къ злоупотребленіямъ во время абисинской компаніи, къ подкупности и неподго-

товленности правящихъ лицъ, въ которой радикалы обвиняли министерство Криспи. Онъ передавалъ послѣднія извѣстія, служившія, по его мнѣнію ,симптомомъ органическаго разстройства всей страны. Онъ сравнивалъ людей прошлаго съ людьми настоящаго и все новое забрызгивалъ грязью, лишая весь итальянскій либерализмъ, начиная съ Кавура и кончая Криспи, того ореола, которымъ онъ былъ окруженъ въ исторіи.

Въ концѣ, съ искусствомъ опытнаго оратора, онъ снова вернулся къ началу разговора. Онъ заговорилъ о монахахъ, живущихъ въ своихъ обителяхъ, на вершинахъ горъ, восторгался ихъ скромной, благочестивой жизнью; монахи, вотъ кто, по его мнѣнію, дожны были пережить новую Италію, такъ же точно, какъ они пережили старый Римъ; они, живя въ горахъ, среди лѣсовъ, терпѣливо ждутъ, когда настанетъ ихъ время, между тѣмъ какъ люди долинъ, новые люди суетятся и хлопочутъ безъ всякой пользы, совершаютъ всевозможныя преступленія и, несмотря на всѣ свои тщетныя усилія, кончатъ тѣмъ, что погибнутъ.

И это была не гладкая ораторская рѣчь, а рядъ блестящихъ сентенцій и парадоксовъ то трогательныхъ и полныхъ страсти, то дышащихъ юморомъ и сарказмомъ. Отъ времени до времени онъ обращался съ вопросами къ молодымъ людямъ, сидѣвшимъ неподалеку отъ него, спрашивалъ ихъ мнѣнія по поводу интересовавшаго его вопроса и очень внимательно выслушивалъ сужденія кардинала, которыя тотъ высказывалъ, тихимъ и спокойнымъ голосомъ. Цѣль, которую Мэнистей преслѣдовалъ, во всякомъ случаѣ, была достигнута: передъ его слушателями всталъ призракъ жалкой, гибнущей страны, надъ которымъ вѣяло духомъ ненависти и злобы.

Кардиналъ говорилъ очень мало. Отъ времени до времени онъ вставлялъ словечко, разсказывалъ какой-нибудь ничтожный эпизодъ изъ своей жизни или же въ краткихъ словахъ высказывалъ соболѣзнованіе по поводу тѣхъ печальныхъ событій, о которыхъ упоминалъ Мэнистей. Но въ этомъ соболѣзнованіи, въ его улыбкѣ или въ движеніи головы, было больше затаенной злобы, чѣмъ въ самыхъ рѣзкихъ словахъ Мэнистея. Порою, когда молодой хозяинъ дома разговаривалъ съ окружавшими его молодыми людьми, кардиналъ устремлялъ на англичанина настойчивый пытливый взглядъ, какъ будто желая проникнуть насквозь всѣ его мысли. Въ этомъ взглядѣ чувствовалась накопленная вѣками недовѣрчивая подозрительность римскаго духовенства.

Взгляда этого никто не замѣтилъ, за исключеніемъ одной пожилой темноволосой лэди, сидѣвшей рядомъ съ миссъ Мэнистей и съ нетерпѣніемъ ожидавшей конца бесѣды. Она пріѣхала позже другихъ гостей и Люси, которой ее представили, показалось, что ее назвали мадамъ Варіани.

Миссисъ Бергойнъ сидѣла по лѣвую сторону Мэнистея—интересно, что это мѣсто всегда оставлялось за ней. Голова ея была приподнята, а глаза, устремленные на него, блестѣли. Сила, исходившая изъ этого человѣка, проникала все ея слабое существо. Она не могла ни спорить, ни соглашаться съ тѣмъ, что онъ говорилъ. Но жизненная энергія этого человѣка покоряла ее.

Теперь она одна знала то, чего никто не подозрѣвалъ. Въ началѣ разговора Мэнистей сталъ за высокій каменный столъ, продолговатой формы, какихъ было много на террасѣ. Вокругъ него между камнями террасы поднимались высокіе стебли журавлинаго гороха и росла густая трава. Онъ стоялъ словно въ рамкѣ и за исключеніемъ его красивой головы и широкихъ плечъ ничего не было видно.

Всѣ окружавшіе думали, что это была счастливая случайность. Одна Элеонора знала, что это было сдѣлано сознательно. Она слишкомъ часто видѣла эту самую позу, чтобы вѣрить въ ея случайность. Но это нисколько не нарушало испытываемаго ею очарованія. Тщеславіе Мэнистея, всѣ мелкіе недостатки его характера были ей хорошо извѣстны и, увы, она даже не желала бы измѣнить ихъ.

Когда кардиналъ всталъ, чтобы уйти, двѣ молодыя итальянки, пришедшія къ Мэнистрю вмѣстѣ съ ихъ братомъ графомъ Цезалески, вскочили и, присѣвъ предъ нимъ, поцѣловали его кольцо, а когда онъ, въ сопровожденіи хозяина дома, проходилъ по дубовой аллеѣ, ведшей къ выходу, садовникъ, шедшій имъ навстрѣчу, бросился предъ нимъ на колѣни и также приложился губами къ его рукѣ. Кардиналъ, кивнувъ ему слегка головой, милостиво улыбнулся и прошелъ дальше.

— Фу, я задыхаюсь,—воскликнула мадамъ Варіани, пододвинувшись поближе къ миссъ Мэнистей.—Дайте мнѣ, пожалуйста, еще чашечку чаю, дорогая моя. Вашъ племянникъ положительно невозможенъ. Пусть онъ укажетъ намъ другую націю, начавшую жить всего сорокъ лѣтъ назадъ, которая въ теченіе одного поколѣнія сдѣлала бы столько, сколько Италія. А вы англичане со всѣми вашими преимуществами, съ вашими гордыми сердцами, развѣ у васъ нѣтъ своихъ слабыхъ сторонъ

Она взяла вѣеръ и съ досадой принялась имъ обмахиваться. Молодые люди окружили ее болтая и смѣясь. Она пользовалась большой любовью въ различныхъ слояхъ римскаго общества. Какъ француженка и вдова флорентійскаго писателя, она пользовалась независимымъ положеніемъ и была въ дружескихъ отношеніяхъ съ различными группами.

— Ну, а вы, молодая дѣвица, какого вы мнѣнія по поводу того, что вы только что слышали?—спросила внезапно веселая француженка, положивъ руку на колѣни Люси.

Люси въ изумленіи взглянула на мадамъ Варіани, смотрѣвшую на нее своими черными, блестящими глазами, и, вздохнувъ глубоко, сказала:

— Я бы очень хотѣла услышать и другую сторону.

— Вы услышите ее, моя дорогая, услышите,—воскликнула мадамъ Варіани.—Неправда ли мадамъ?—обратилась она къ миссъ Мэнистей.—Мы сначала избавимся отъ всѣхъ этихъ патеровъ и кардиналовъ, а затѣмъ ужъ и мы заговоримъ. И вы туда же?—обратилась она, съ материнской рѣзкостью къ молодымъ людямъ.—Ну, что вы понимаете во всемъ этомъ, маркизъ! Еслибъ не было папской гвардіи, вамъ нельзя было бы носить этого красиваго мундира. Вотъ и вся причина, почему вы стоите за папу.

Маркизъ Виталони, красивый, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, съ тонкими чертами лица и томнымъ выраженіемъ глазъ, засмѣялся и, низко поклонившись, сказалъ:

— Папѣ слѣдовало бы установить чинъ придворныхъ дамъ, тогда всѣ лэди были бы на его сторонѣ.

— Oh mon Dieu! Онъ и безъ того не знаетъ, куда ему дѣваться отъ дамъ!—воскликнула мадамъ Варіани.—Но вотъ идетъ мистеръ Мэнистей. Теперь я молчу и пью чай. А то, если я начну спорить, я непремѣнно покраснѣю и разгорячусь и испорчу себѣ цвѣтъ лица. Мнѣ же сегодня не хочется его портить, такъ какъ я отправлюсь въ гости на обѣдъ.

Мэнистей подходилъ своимъ привычнымъ быстрымъ шагомъ, держа голову еще ниже, чѣмъ обыкновенно.

Молодой маркизъ Виталони пошелъ ему навстрѣчу.

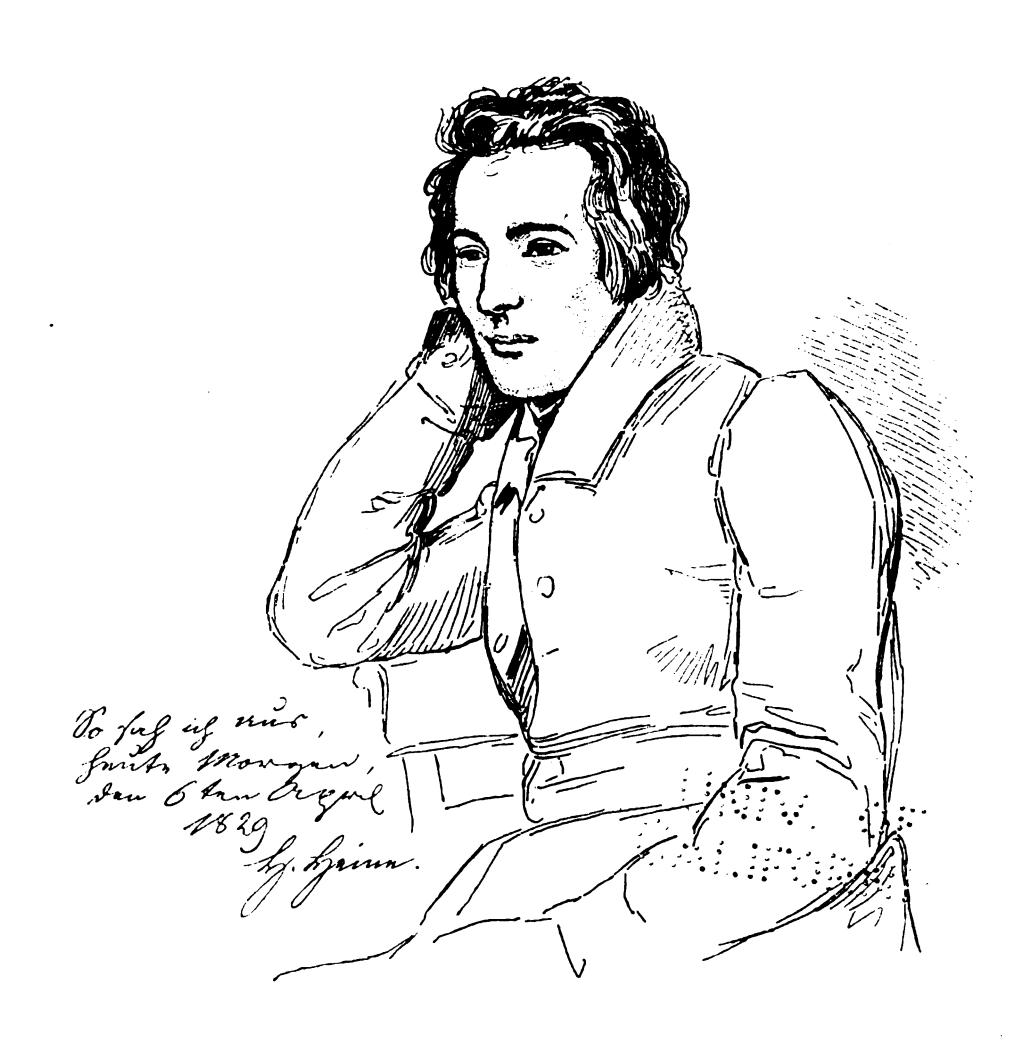
— А, Карло, другъ милѣйшій! сказалъ Мэнистей, ласково глядя на молодаго человѣка.—Пойдемте, пройдемтесь вмѣстѣ.

И взявъ подъ руку молодого человѣка, онъ увелъ его съ собой. Веселый звукъ ихъ голосовъ и громкій смѣхъ отъ времени до времени доносился изъ дубовой аллеи, по которой они гуляли.

Мадамъ Варіани нѣсколько отодвинула назадъ свой стулъ и посмотрѣла вслѣдъ уходившимъ. Потомъ, обратившись къ миссъ Мэнистей, она сказала:

— Я и не знала, что вашъ племянникъ можетъ быть такимъ «bon enfant», когда захочетъ. Но ужъ когда онъ бранитъ несчастную Италію, тогда онъ злой, очень злой.

Когда Мэнистей ушелъ, Люси почувствовала въ своей душѣ что-то въ родѣ ненависти, но, не смотря на это, вмѣстѣ съ его уходомъ, исчезло и то чувство

Генрихъ Гейне.

1830 года: «въ настоящее время одинъ огромный политическій интересъ поглотилъ всѣ остальные; въ этомъ кризисѣ все, что до сихъ поръ считалось общепринятымъ, поставлено подъ вопросъ». Еще мрачнѣе смотритъ на вещи Нибуръ: «я глубоко убѣжденъ въ томъ, что мы въ Германіи стремимся навстрѣчу варварству, и что во Франціи дѣло обстоитъ немногимъ лучше. Что намъ угрожаетъ такое же опустошеніе, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, это для меня, къ сожалѣнію, не повержено сомнѣнію,—и концомъ пѣсни будетъ деспотизмъ на развалинахъ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ, а вѣроятно и гораздо ранѣе, во всей Европѣ, по крайней мѣрѣ на континентѣ, не останется и слѣда отъ свободныхъ учрежденій и свободы печати.

Фактически, правда, дѣло свелось, на первыхъ порахъ, къ изгнанію злополучнаго «герцога» брауншвейскаго и къ волненіямъ въ Саксоніи, Гессенъ-Касселѣ и Альтенбургѣ. Для духовной жизни гораздо больше значенія, чѣмъ эти революціи въ миніатюрѣ, имѣли революціонныя рѣчи на гамбахскомъ празднествѣ два года спустя, 27 мая 1832 года,—въ которыхъ вылилось наружу броженіе и радикализмъ южной Германіи, а затѣмъ въ слѣдующемъ году—не меньше значенія имѣлъ тотъ безтолковый франкфуртскій мятежъ, который лишилъ многихъ нѣмецкихъ студентовъ свободы, убилъ ихъ энергію — стоитъ вспомнить Фрица Рейтера и его «Festungstid»—и далъ поводъ реакціи къ преслѣдованію демагоговъ и полицейскимъ мѣропріятіямъ. Реакція получила теперь болѣе грубый и опредѣленный характеръ: свобода прессы и собраній ограничивается или устраняется, и многимъ подъ ея крѣпкими когтями остается только одинъ выборъ—между тюрьмой и эмиграціей. Другіе, извѣрившись во всякой политической дѣятельности, махнули на все рукой; такъ поступилъ въ 1839 году самъ Уландъ, которому вюртембергское правительство въ 1833 году запретило вступленіе въ ландтагъ и затѣмъ «очень охотно» дало просимую отставку отъ профессуры.

Но это все-таки не помогло, духъ не далъ себя связать, все измѣнилось въ странѣ послѣ іюльской революціи. Атмосфера становится свѣтлѣе и свободнѣе, жизнь принимаетъ болѣе современный характеръ. На вартбургскомъ праздникѣ въ 1817 г. все звучало такъ еще чуждо общему движенію міровой исторіи, что можно было придти въ умиленіе отъ этой наивности. Тогда романтически мечтали о голубомъ цвѣткѣ единенія и свободы, тогда ходили въ церковь и къ причастію, тогда еще юношески развѣвались бѣлокурые локоны, и большіе бѣлые воротники дѣвически цѣломудренно ложились на черный бархатъ старонѣмецкихъ сюртуковъ. Словомъ, тогда еще всецѣло господствовала христіанско-германская романтика. Напротивъ, на гамбахскомъ празднествѣ преобладалъ демократическій либерализмъ, все болѣе ожесточавшійся радикализмъ и реалистическое міровоззрѣніе, хотя съ Гардтскихъ горъ оно все еще обращало свои взоры за Рейнъ, къ романтической руинѣ стараго Гейдельберга. И теперь снова мысль о возрожденіи отечества, освобожденіи и возсоединеніи Германіи наполняла сердца празднующихъ. Но дико звучали слова Зибенпфейфера о нѣмецкомъ народѣ, который гнѣвно потрясаетъ локонами и угрожаетъ своимъ князьямъ за нарушеніе ими присяги; злобно звучало и возваніе къ народу о томъ, чтобъ не допускать аристократовъ задушить свободу. Злобенъ былъ призывъ къ осуществленію священнаго дѣла безъ князей — послѣ того, какъ они привели народъ къ пропасти. Достаточно космополитично закончилась рѣчь этого либеральнаго вождя тостомъ за

поляковъ, какъ германскихъ союзниковъ, и за французовъ, какъ германскихъ братьевъ, рядомъ съ тостомъ за свободную, объединенную Германію. Однако онъ все-таки осторожно прибавилъ къ своему тосту: «за тѣхъ (французовъ), которые чтятъ нашу національность и самостоятельность». Виртъ объясняетъ еще опредѣленнѣе: «самую свободу не должно пріобрѣтать на счетъ цѣльности нашихъ областей; борьба за наше отечество и нашу свободу должна вестись изнутри нашими собственными силами, и патріоты должны въ моментъ иноземнаго вмѣшательства прекратить борьбу съ внутренними измѣнниками и призвать весь народъ къ оружію противъ внѣшняго врага. Такимъ образомъ космополитизмъ былъ, даже у этихъ наиболѣе радикальныхъ южныхъ либераловъ, только украшеніемъ, орнаментомъ; ихъ сердца бились прежде всего «по-нѣмецки». Они и теперь хотѣли того же, къ чему стремились прежде, только нетерпѣніе и раздраженіе на вѣчные отказы сдѣлали ихъ нервными и придали движенію революціонный характеръ.

Однако же, революціонное настроеніе не шло пока дальше рѣчей; что особенно характерно для германцевъ, это то, что дѣло началось движеніемъ чисто литературнымъ и философскимъ. Только въ 1848 г. оно стало политическимъ и привело къ революціи. Такимъ образомъ періодъ критики предшествовалъ попыткѣ претворить мысль въ дѣло. Итакъ, этотъ отдѣлъ исторіи совершенно естественно расчленяется на три части: періодъ молодой Германіи, періодъ религіознаго движенія, въ лицѣ гегелевской лѣвой, и періодъ подготовленія къ революціи при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV, чтобы не сказать—при его посредствѣ. При этомъ, первенство фактически и хронологически принадлежитъ молодой Германіи.

Литература до смерти Гёте.

Въ поэтической литературѣ Германіи въ первое десятилѣтіе этого столѣтія господствовала романтика; въ это же время Гёте — всегда sui generis—занималъ скорѣе европейское и даже «западно-восточное» положеніе. Представители романтизма смѣнялись одинъ другимъ; видоизмѣнялись и его проявленія. Послѣ распаденія іенскаго кружка образовался новый центръ въ Гейдельбергѣ, откуда началось возрожденіе нашей средневѣковой поэзіи. Въ 1806 году Арнимъ и Брентано начали это движеніе своимъ сборникомъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ, въ 1807 г. фонъ-деръ-Гагенъ занялся изданіемъ «пѣсни о Нибелунгахъ», въ 1808 году они пытаются создать новый органъ школы. Затѣмъ являются пѣвцы свободы, между которыми еще до начала войны Генрихъ фонъ-Клейстъ занимаетъ первое мѣсто своими драмами, воспѣвающими месть и ненависть. Далѣе слѣдуютъ Теодоръ Кернеръ — популярнѣйшій «пѣвецъ и герой» и наиболѣе умный и вліятельный— Эрнстъ-Морицъ Арндтъ. Этотъ послѣдній имѣлъ сильное и продолжительное вліяніе, прежде всего, благодаря своимъ прозаическимъ произведеніямъ, въ которыхъ Фрейтагъ справедливо восхваляетъ «могучую силу, высокую правдивость, беззавѣтную смѣлость и, на-ряду съ упорною ненавистью ко всякому злу, теплую, животворную любовь къ отечеству, ко всему доброму и великому». Его «Духъ времени» по своему значенію и силѣ можетъ сравняться съ рѣчами Фихте къ нѣмецкому народу; это произведеніе получило тѣмъ большую популярность, что оно было не такъ глубоко и болѣе общедоступно.

Затѣмъ слѣдуютъ швабы, поэзія которыхъ, далекая отъ партій-

ной борьбы между школами, далекая и отъ всякаго соревнованія съ берлинскими остроумцами, представляетъ собой самую здоровую и устойчивую форму романтики. Они составляютъ одно цѣлое, не образуя въ то же время школы; личная дружба, сходное общественное положеніе, земляческія чувства образуютъ ту связь, которая, не смотря на разнообразіе въ частностяхъ, соединяетъ ихъ и сообщаетъ имъ общія черты. Всѣмъ имъ одинаково свойственна какая-то непритязательность и простота, нѣкоторая узость и ограниченность, своеобразное простодушіе и наивность, что-то сердечное и открытое. Въ нихъ отразилась природа ихъ родины: ничего великаго и возвышеннаго, но много симпатичнаго и красиваго; ничего дикаго и возбуждающаго, но много тихой задушевности и милой прелести; никакой пышности и богатства, но много разнообразія; ничего бьющаго на эффектъ, но много такого, чѣмъ красна жизнь. Иногда эти поэты грустны и задумчивы. иногда поучительны, но всегда богаты той согрѣтой чувствомъ и живущей образами фантазіей, которая создаетъ поэта. Никогда у нихъ не чувствуется недостатка въ юморѣ—,способнаго расхолодить читателя. Ихъ смѣхъ—добродушенъ; только у Юстина Кернера онъ принимаетъ оттѣнокъ лукавства, когда тотъ начинаетъ шутить надъ собственной вѣрой въ духовъ, подтрунивая въ то же время и надъ единомыслящими съ нимъ читателями. Всѣ эти поэты—прежде всего лирики; баллады и романсы удаются имъ превосходно, но лучше всего все-таки у нихъ выходитъ, когда они подлаживаются подъ тонъ народныхъ пѣсенъ, доказывая этимъ, какъ мало они аристократичны и какъ близко стоятъ къ народу.

Первыми идутъ въ этой группѣ Уландъ и Мерике. Уландъ—человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, вдумчивый и солидный изслѣдователь, ни по своему нравственному складу, ни по своей серьезной натурѣ ученаго не имѣетъ ничего общаго съ шлегелевскою фривольностью и ироніей; точно также и его швабская односложность и скупость на слова не имѣетъ ничего общаго съ скороспѣлымъ и рѣшительнымъ тономъ сѣверно-нѣмецкихъ романтиковъ. Его усердныя старанія добиться правильности формы предохраняютъ его и отъ романтической безпорядочности и безформенности. Рядомъ съ Уландомъ стоитъ Мерике, который слишкомъ по-гётевски чувствуетъ природу, чтобы погрузиться совершенно въ романтическій міръ грёзъ. Правда, онъ довольно долго виталъ въ сказочной странѣ Orplid. и своимъ романомъ «Художникъ Нольтенъ» съ его чертовщиной отдалъ-таки въ концѣ концовъ болѣе чѣмъ достаточную дань романтикѣ. Это былъ чистый лирикъ, тонко чувствующая, но спокойная натура, характеръ не выработанный и не закаленный въ главномъ руслѣ жизненнаго потока. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти швабы становятся политиками (стоитъ вспомнить, рядомъ съ Уландомъ, Карла Мейера и Павла Пфицера), они оказываются либералами, въ то самое время, какъ Фуке и А. Арнимъ слишкомъ легко поддаются реакціоннымъ теченіямъ своего времени. Но, при всемъ томъ, всѣ они все-таки были романтиками. Мерике и Юстинъ Кернеръ имѣли даже склонность примѣшивать не только къ изображенію реальнаго міра, но даже и къ собственнымъ житейскимъ отношеніямъ міръ фантазіи и призраковъ, и такимъ образомъ, «поэтизировать» жизнь. Если однако же сравнить ихъ съ Т. А. Гофманомъ и его манерой вводить въ самую будничную жизнь всѣ страхи привидѣній, дѣлая при этомъ видъ, какъ будто это нѣчто совершенно естественное и само собою разумѣющееся, то при такомъ сравненіи мы почувствуемъ, насколько были сдержанны.

*

швабы. Зато имъ недостаетъ, правда, и демоническаго полета, и геніальной силы изображенія всей этой романтической чертовщины.

Нѣчто въ родѣ литературной борьбы вызвали тогдашніе представители «трагедіи судьбы». Въ Вернеровскомъ «24 февраля», въ Мюльнеровскихъ «29 февраля» и въ «Грѣхѣ» («Schuld»)—и вслѣдъ за ними въ цѣломъ рядѣ однородныхъ пьесъ искажалась этими романтическими ужасами та самая идея рока, которая такъ напоминаетъ античную идею «фатума» въ «Мессинской невѣстѣ». Надъ этимъ безобразіемъ, царившимъ нѣкоторое время на нѣмецкой сценѣ, Платенъ произнесъ суровый приговоръ. Онъ стоялъ слишкомъ твердо на почвѣ античныхъ представленій, чтобы оставить безъ протеста это смѣшеніе античной «судьбы» съ романтическимъ суевѣріемъ. Въ своей «Роковой вилкѣ» (verhängnisvolle Gabel) онъ высмѣялъ самымъ рѣшительнымъ образомъ эти фаталистическія трагедіи. Правда, въ то же время въ своемъ «Романтическомъ Эдипѣ», направленномъ противъ Иммермана, онъ далеко хватилъ черезъ край, совершенно былъ неправъ и несправедливъ.

Если Грилльпарцеръ былъ такъ мало извѣстенъ и такъ плохо оцѣненъ при жизни, то причина этого какъ разъ кроется въ томъ, что его первой пьесой «Прародительница» («Ahnfrau») была именно такая фаталистическая трагедія; за образецъ—даже во внѣшней формѣ коротких риѳмованныхъ строчекъ, писанныхъ трохеемъ — онъ взялъ «Мюльнеровскій Грѣхъ». А между тѣмъ «Прародительница» была несравненно выше всякихъ Мюльнеровъ и Вернеровъ; а за ней слѣдовали сейчасъ же «Сафо» и «Золотое руно»; античные и современные элементы сливались здѣсь воедино. Эти вещи скорѣе можно было бы сравнивать съ Шиллеромъ и Гёте. Разница—не по достоинству, конечно, а по способу обработки сюжета и по настроенію—оказывается при такомъ сравненіи немалой: въ грилльпарцеровскихъ пьесахъ скрывается гораздо болѣе «чертовски-человѣчнаго» и современнаго, чѣмъ въ гетевской Ифигеніи. Но все это нисколько не помогло Грилльпарцеру. Благодаря своему литературному первенцу, онъ прослылъ сторонникомъ «трагедіи судьбы»; за это его сразу осудили и прокляли. Конечно, въ этомъ непризнаніи, да и во всей судьбѣ Грилльпарцера сказалась также въ значительной дозѣ австрійская исторія. Въ этой странѣ, подавленной безпримѣрнымъ полицейскимъ гнетомъ, даже и великое явленіе съ трудомъ могло пробиться на свѣтъ и свободу. Воздухъ здѣсь былъ слишкомъ спертъ, дышалось слишкомъ тяжело и удушливо. Народъ палъ духовно и нравственно и предпочиталъ развлекаться фарсами Нестроя, чѣмъ истинной поэзіей Грилькарцера и облагороженными народными пьесами Раймунда. А цензура еще и тутъ помогла, наложивъ запретъ, по непонятному капризу и произволу, даже на такія пьесы, которыя могли бы служить къ прославленію Габсбургской династіи. Такимъ образомъ Грилльпарцеръ ожесточился и замолкъ, а Раймундъ лишилъ себя жизни.

Романтизму такъ хорошо удалось оттѣснить на задній планъ только-что умершаго Шиллера, что нѣмецкая драма цѣлыя десятилѣтія развивалась почти внѣ его вліянія. Это сильно повредило нѣмецкой сценѣ; для нея теперь писалъ и ставилъ свои пьесы, въ качествѣ преемника Коцебу, такой ремесленникъ какъ Раупахъ, угождая вкусамъ широкой посредственности. Не такъ легко было оттѣснить жившаго еще Гёте; притомъ же онъ ближе стоялъ къ романтикамъ, которые прямо считали его «Вильгельма Мейстера» своимъ образцомъ. Даже вторая часть Фауста, несмотря на классическую Вальпургіеву ночь и трагедію Елены,

отзываетъ романтизмомъ. Средневѣковый католическій конецъ стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ протестантскимъ свѣтлымъ вступленіемъ первой части: этого контраста нельзя уничтожить никакими комментаріями. Не даромъ братья Буассере посвятили Гёте въ тайны старонѣмецкаго прирейнскаго искусства, вернувъ его этимъ къ старой юношеской привязанности, вспыхнувшей у него когда-то при изученіи страсбургскаго собора.

Однако въ «Пропилеяхъ» старый «язычникъ» рѣшительно повернулся спиной къ среднимъ вѣкамъ и вновь указалъ на классическіе образцы для ваянія. И во второй части «Фауста», въ самые свѣтлые моменты, въ качествѣ послѣдняго слова мудрости, мы слышимъ рѣчи, звучащія совершенно не романтически, а, напротивъ, вполнѣ современно:

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss;

и совсѣмъ не въ реакціонномъ духѣ, а скорѣе въ духѣ либеральной программы—Гёте присоединяетъ къ этому желаніе: жить на свободной землѣ среди свободнаго народа.

Такимъ же образомъ, въ «Западно-восточномъ диванѣ» Гёте дѣлаетъ широкія уступки универсализму въ духѣ Гердера и даже «романтическому культу Востока», лучшимъ плодомъ котораго были «Языкъ и мудрость индусовъ» Фридриха Шлегеля и санскритскія изслѣдованія его брата. Но содержаніемъ, которое Гёте облекъ въ эти формы, была зеркальная и все же безконечно глубокая жизненная мудрость и жизнерадостное, гуманное и терпимое міровоззрѣніе такого свободнаго ума, что здѣсь не могло быть и рѣчи о романтическомъ полумракѣ и средневѣковой узости. Гёте былъ слишкомъ здоровъ, чтобы быть романтикомъ, какъ онъ это самъ объясняетъ въ своемъ язвительномъ отзывѣ въ 1829 г. «Классическимъ я называю здоровое, а романтическимъ больное. Новое по большей части романтично не потому, что ново, а потому, что оно слабо, болѣзненно и нездорово, а старое классично не потому, что старо, а потому, что оно сильно, свѣже, радостно и здорово». Такъ давно формулирована была теорія «декадентства». Но Гёте декадентомъ не былъ.

Вольфгангъ Менцель.

По этой именно причинѣ Гёте и подвергся нападкамъ. Еще при его жизни съ двухъ различныхъ сторонъ начали противъ него борьбу: съ одной стороны Вольфгангъ Менцель, съ другой Людвигъ Бёрне. На первый взглядъ кажется, что Менцеля можно было бы причислить къ либеральной партіи: такъ рѣшительно говорилъ онъ ея языкомъ въ первое время; тогда относительно послѣдующаго времени пришлось бы упрекнуть его въ отпаденіи отъ нея. Однако фактически Менцель никогда не принадлежалъ къ современнымъ борцамъ за свободу, къ либераламъ въ смыслѣ партійно-шаблонномъ; онъ просто держался идеаловъ своей юности; а это были идеалы христіанско-германскаго студенчества. Онъ исходилъ изъ тенденцій «буршеншафта»; а тотъ христіанско-германскій элементъ, который въ немъ скрывался, былъ по самому существу своему романтиченъ и антилибераленъ. Никто такъ ясно не отмѣтилъ той двойственности, которая при посредствѣ движенія студенчества проникала въ нѣмецкій либерализмъ, какъ Гейне: «это были двѣ совершенно различныя партіи, неспособныя ни къ ка-

кой сдѣлкѣ, и втайнѣ пылавшія кровавымъ раздоромъ». Менцель принадлежалъ къ людямъ Вартбургскаго праздника «къ темнымъ туракамъ, вновь возродившимся германофиламъ», какъ ихъ называетъ Гейне. Одно время онъ могъ поэтому идти вмѣстѣ съ либерализмомъ, но затѣмъ долженъ былъ отдѣлиться отъ него. Націоналистическій элементъ его воззрѣній отразился прежде всего въ его сужденіи о Гете. Ему не только не нравилась «гетевская способность увлекаться внѣшней обстановкой жизни, его искусство приспособляться, его легкое отношеніе къ чувству, смакованіе тонкихъ ощущеній, словомъ, его виртуозность въ искусствѣ наслажденія»,—все, что составляло эстетическій элементъ міровоззрѣнія Гёте,—но онъ видѣлъ во всемъ этомъ даже опасность для нѣмецкаго народа, «современнѣйшимъ» представителемъ котораго для него являлся Гёте. Въ этой манерѣ прилагать къ поэту всевозможныя мѣрки, кромѣ только эстетической, заключается родство Менцеля съ образомъ мыслей молодой Германіи. Періодъ эстетики прошелъ, на первый планъ рѣшительно выдвинулся теперь нравственный и національный, либеральный и политическій критерій.

Съ этой точки зрѣнія и Менцель боролся противъ универсализма и язычества Гете, потому что хотѣлъ, чтобы нѣмцы были германцами и христіанами. Какъ ловкій журнальный спорщикъ, онъ съумѣлъ перенести споръ съ поэтической и національной точки зрѣнія на моральную, гдѣ былъ увѣренъ, что привлечетъ на свою сторону всѣхъ чадолюбивыхъ маменекъ и всѣхъ стыдливыхъ старыхъ дѣвъ обоего пола, всѣхъ филистеровъ и морализирующихъ поповъ. Это не мѣшало ему, впрочемъ, самому обвинять Гёте въ филистерствѣ и мелкой буржуазности.

Самый удобный поводъ къ этому дали «Wahlverwandschaften» Гёте, которыми мы теперь наслаждаемся просто съ эстетической точки зрѣнія, не видя въ этомъ романѣ ничего неприличнаго въ нравственномъ отношеніи и не приходя въ ужасъ по поводу его сюжета. Менцелемъ же пущена въ ходъ басня о гётевскомъ высокомѣріи, эгоизмѣ и безсердечіи; въ свои обличенія по этому поводу онъ внесъ тонъ глубочайшаго нравственнаго негодованія. Эту борьбу Менцель велъ цѣлыми годами, съ свойственной ему грубостью; а тутъ выступилъ съ правой стороны Генгстенбергъ и не уставалъ изобличать великаго поэта передъ богобоязненной толпой мирныхъ обывателей, какъ нехристя и язычника. Это многимъ помѣшало наслаждаться Гете и поставило преграду между нимъ и читателями. Еще и теперь кое-гдѣ въ піэтистическихъ кругахъ сохраняется это нелѣпое отношеніе къ Гёте со стороны многихъ ограниченныхъ людей.

Берне.

Гораздо опаснѣе Менцеля, обезсиленнаго внутреннимъ противорѣчіемъ, былъ представитель взглядовъ лѣвой стороны, Берне. Берне и Гейне были отцами и родоначальниками молодой Германіи и потому намъ нужно познакомиться съ ними подробнѣе. Оба были евреи; поэтому враги движенія получили возможность утверждать, будто молодая Германія представляла въ сущности еврейское направленіе мысли и что этимъ объясняется отрицательный, разлагающій и космополитическій характеръ всего движенія. Уже Менцель, бывшій вначалѣ другомъ обоихъ и боровшійся за еврейскую эмансипацію, издѣвался послѣ своего разрыва съ ними надъ «молодой Палестиной». Но, во-первыхъ, до 1835 года рядомъ съ Берне и Гейне стоялъ третій союзникъ—

этотъ самый христіанско-германскій буршъ—Менцель; его литературнымъ адъютантомъ былъ довольно долгое время Гуцковъ, съ самаго начала противодѣйствовавшій специфически-еврейскому вліянію. Во-вторыхъ же, вожди школы, Гуцковъ и Лаубе, Винбаргъ и Мундтъ—вовсе не были евреями. Такимъ образомъ, вмѣшательствомъ еврейской расы нельзя объяснить литературнаго движенія 30-хъ годовъ. Правда, конечно, то, что она здѣсь, какъ и въ древнемъ мірѣ, послужила «активнымъ ферментомъ космополитизма и національнаго разложенія»; такимъ ферментомъ она являлась всюду, гдѣ былъ подготовленъ для этого матеріалъ.

Такимъ образомъ, насъ интересуетъ не еврей, но писатель Берне. Журналистомъ и либераломъ его сдѣлала, правда, именно, озлобленность за то пренебреженіе, которое онъ долженъ былъ выносить, какъ еврей, въ свободномъ нѣмецкомъ имперскомъ городѣ Франкфуртѣ и которое находилось въ связи съ антисемитическимъ направленіемъ христіанско-германскаго движенія. Но общеніе съ Генріэттой Герцъ и Рахелью скоро вывело его за предѣлы узко-еврейскаго кругозора на высоту умственнаго образованія того времени; литературнымъ образцомъ для него послужилъ стоявшій выше всякаго подозрѣнія въ юдаизмѣ—Жанъ Поль. И идеи, за которыя боролся Берне,—тоже, въ сущности, были тѣми же патріотическими и національными идеями, какія проводило бурщество; это были идеи единства и свободы родины. И самъ Гейне, въ своемъ ядовитомъ памфлетѣ противъ Берне, съ проницательностью ненависти выразился: «Берне былъ патріотъ съ головы до пятъ, и родина была его единственной любовью». Всю жизнь онъ самоотверженно боролся за свободу, какъ за «здоровье и достоинство народовъ»; при этомъ онъ надѣялся сперва на Пруссію, пока она не совратилась съ праваго пути подъ предводительствомъ Меттерниха и не разбила позорно всѣхъ надеждъ либераловъ.

Нервомъ и пружиной его писательской дѣятельности была, такимъ образомъ, политика, причемъ въ отличіе отъ Генца, «онъ подступалъ къ государству снизу». Поэтому Трейчке не правъ, называя его просто «кропателемъ» въ политикѣ. Но при тяжелыхъ и стѣснительныхъ цензурныхъ условіяхъ того времени никто не могъ свободно писать о политикѣ; потому Берне сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ и не хотѣлъ быть—литературнымъ критикомъ,—конечно, съ исключительной цѣлью превратить «критику искусства въ органъ критики времени», и такимъ путемъ вліять на политическую жизнь, на обще-національное чувство нѣмецкаго народа, или, какъ онъ самъ выражался, «связать литературу съ жизнью». Чтобы имѣть возможность добиться этого, онъ прибѣгнулъ къ ироніи (въ обыкновенномъ, не спеціально-романтическомъ смыслѣ слова), какъ къ литературному пріему, и пытался косвенно высказать то, что запрещено было говорить прямо—ему, какъ и его современникамъ. Въ этой игрѣ въ прятки онъ достигъ настоящей виртуозности, которая сдѣлала его первоклассным стилистомъ и блестящимъ журналистомъ. Однако, увлекшись этимъ литературнымъ ремесломъ, противорѣчившимъ его натурѣ, онъ сталъ одностороненъ до крайности и на все смотрѣлъ съ точки зрѣнія этической или, точнѣе говоря, политической. Никакого другого критерія, кромѣ политическаго, даже для художниковъ и произведеній искусства, онъ не хотѣлъ знать.

Такимъ образомъ и отъ него пришлось плохо неполитически настроенному Гейне. Великій поэтъ кажется холоднымъ и безсердечнымъ человѣку, сердце котораго билось для одной свободы. Такъ какъ нѣ-

мецкій народъ слишкомъ терпѣливо сносилъ свое иго, то Берне критикуетъ шиллеровскаго Телля за его медлительность, съ которой онъ приступаетъ къ дѣлу, за то, что онъ не идетъ дальше трусливаго убійства. Считая нерѣшительность главнымъ грѣхомъ въ жизни народа, онъ не можетъ симпатизировать шекспировскому Гамлету, который «бродитъ, какъ «Иванушка-дурачокъ». «Срисуйте съ натуры нѣмца—и вы получите Гамлета». Еще характернѣе для Берне его пристрастіе къ Жанъ Полю, нехудожественная безформенность котораго не мѣшала ему приходить въ восторгъ отъ него.

Но именно благодаря этой рѣзко выраженной политической тенденціи своей литературной критики. Берне сдѣлался духовнымъ вождемъ молодой Германіи; благодаря этой же тенденціи все движеніе пріобрѣло гораздо большее значеніе для политической исторіи Германіи,—какъ подготовка революціи 1848 года,—чѣмъ оно могло имѣть для литературы: поэтическія произведенія этой школы обладали лишь очень условными достоинствами.

Естественно, что такой человѣкъ, какъ Берне, который, какъ защитникъ свободы, какъ неустрашимый и мужественный борецъ противъ меттерниховскаго абсолютизма, такъ властно вліялъ на свою эпоху и былъ въ высшей степени непріятенъ власть имущимъ и ихъ орудіямъ,—что такой человѣкъ нажилъ себѣ массу враговъ. Первымъ дѣломъ, конечно, эти враги ухватились за антисемитическое оружіе. Антисемитическая тенденція, какъ мы говорили, лежала въ основѣ христіанско-германскаго бурщества; вспышки ненависти противъ евреевъ проявлялись во многихъ нѣмецкихъ городахъ уже послѣ низверженія Наполеона. Теперь (1831) противъ Берне выступилъ нѣкій надворный совѣтникъ Ярке, креатура Меттерниха: онъ обвинялъ «этихъ евреевъ» въ томъ, что «они изъ хитраго разсчета занимаются пропагандой, чтобы въ великій историческій моментъ отомстить за весь тотъ гнетъ и позоръ, которые ихъ единоплеменники терпѣли впродолженіе столѣтій отъ нашего народа». Правда, эти нападки подали Берне поводъ къ прекрасному отвѣту: «какъ! да если бы мы ненавидѣли нѣмецкій народъ, стали ли бы мы бороться всѣми силами, чтобы помочь ему освободиться отъ позорнѣйшаго униженія, въ которомъ онъ погрязъ, отъ желѣзной тираніи, которая надъ нимъ тяготѣетъ, отъ надменности его аристократовъ, высокомѣрія его князей, насмѣшекъ всевозможныхъ придворныхъ шутовъ, оскорбленій продажныхъ писателей,—съ тѣмъ, чтобы подвергнуть его небольшимъ, скоропреходящимъ, но столь славнымъ опасностямъ свободы? Если бы мы ненавидѣли нѣмцевъ, то писали бы такъ, какъ вы, господинъ Ярке. Но мы бы не стали за это получать деньги, такъ какъ и въ грѣховной мести есть еще нѣчто священное, чего не слѣдуетъ осквернять».

Гейне.

Подобныя антисемитическія нападки направлены были не только противъ Берне, но и противъ Гейне. Говорить объ этомъ послѣднемъ гораздо труднѣе. Берне въ теченіе всей своей жизни оставался самимъ собой. Вѣрность себѣ и своимъ убѣжденіямъ—это лучшее, что въ немъ есть. Въ литературномъ отношеніи, конечно, это дѣлаетъ его однообразнымъ и въ концѣ концовъ надоѣдаетъ. Гейне, напротивъ, обладаетъ натурой Протея, «хамелеона»; онъ отливаетъ всевозможными красками; типичной фигурой онъ никогда не былъ. Уже поэтому онъ пред-

ставляетъ собой такую личность, которая не можетъ не вызывать на противорѣчіе. Въ настоящее время вопросъ осложнился еще дряннымъ споромъ о томъ, ставить или не ставить ему памятникъ. Этотъ споръ волнуетъ умы, но не способствуетъ проясненію сужденій о Гейне. Будетъ ли Гейне поставленъ памятникъ или не будетъ, это безразлично для его оцѣнки, подобно тому какъ безразлично для сужденія о свободомыслящихъ людяхъ, получать ли они орденъ или нѣтъ. Городскіе гласные и общинные совѣтники, которые подъ вліяніемъ шума прессы обсудятъ и рѣшатъ это дѣло, не установятъ, конечно, этимъ оцѣнки значенія Гейне для духовной жизни Германіи. Итакъ разсмотримъ сами этотъ вопросъ.

Что Гейне рядомъ съ Гёте,—но, конечно, въ почтительномъ разстояніи отъ него,—является величайшимъ лирикомъ Германіи въ нашемъ столѣтіи (за исключеніемъ развѣ только Мерике) объ этомъ собственно не можетъ быть и спору. Нельзя согласиться съ сужденіемъ Карла Буссе, который не совсѣмъ справедливо называетъ Гейне «могущественнѣйшимъ подражательнымъ талантомъ всемірной литературы», а называть его вмѣстѣ съ Трейчке просто «подражателемъ» (Anempfinder) была бы совершенно не вѣрно. Такія пѣсни, какъ гейневскія,—пѣсни, которыя разносятся повсюду—и въ мелодіяхъ Мендельсона, Шумана и Метфесселя проникаютъ въ сердце народа,—такія пѣсни нельзя считать поддѣльными; онѣ вполнѣ оригинальны и сами по себѣ полны души и мелодіи. И эти лирика, да и вся поэзія Гейне коренится въ романтизмѣ.

Въ «Wallfahrt nach Kevlaar» это, пожалуй, всего виднѣе. Если романтическое настроеніе часто принимаетъ у Гейне специфическую форму міровой скорби, то это уже—вліяніе времени и знаменіе упадка романтизма. Мечта о гармоніи условнаго съ безусловнымъ, о примиреніи поэзіи съ жизнію, оказалась несуществимой; а всякая реакція противъ нея была-бы непоэтична и расплодила бы филистеровъ. Лордъ Байронъ, который въ этомъ отношеніи является предшественникомъ Гейне и вообще характеризуетъ настроеніе времени, тоже полонъ внутренняго разлада и міровой скорби. Но и здѣсь, и тамъ мы имѣемъ дѣло не столько со скорбью о мірѣ, сколько съ тоской о своемъ собственномъ, чувствительномъ и податливомъ «Я»; а такая черта—безусловно и вполнѣ романтична. Какъ и всѣ романтики, эти пѣвцы міровой скорби никакъ не могли освободиться отъ самихъ себя.

Романтизму свойственна также и иронія. Но если она у родоначальниковъ и старѣйшихъ представителей школы служила ихъ направленію и изрекала безусловное осужденіе надъ всѣмъ тѣмъ, что носило филистерскій и непоэтическій характеръ, то у Гейне иронія обратилась противъ самого романтизма, т.-е. противъ самой себя. Въ концѣ «Seegespenst»» есть характерное выраженіе: «Doctor, sind Sie des Teufels?» *). Это, такъ сказать, лозунгъ для задачи, выпавшей на долю Гейне въ исторіи нѣмецкой духовной жизни и характеризующей занятое имъ положеніе. Прежде всего онъ побѣждаетъ романтизмъ въ себѣ самомъ и такимъ путемъ изъ романтика становится врагомъ романтизма, побѣдившимъ цѣлое направленіе. Мы всѣ испытали до извѣстной степени этотъ переломъ на самихъ себѣ; каждый изъ насъ переживалъ свой романтическій періодъ; до недавняго времени міровая скорбь входила въ

---

*) Вы—докторъ чертовщины?

инвентарь каждаго нормально развивавшагося молодого человѣка. Въ этотъ періодъ Гейне со своимъ цвѣткомъ лотоса, своей сосной, своими потоками слезъ и любовной тоской былъ нашимъ любимымъ поэтомъ; насъ тогда чрезвычайно сердили ироническіе заключительные аккорды и рѣзко обрываемыя струны его лиры, намъ ужасно не нравилось это: «Doctor sind sie des Teufels». И мы становились въ оборонительную позу противъ этого, оскорблявшаго самыя священныя наши чувства антиромантика. Но довольно скоро насъ побѣждала эта иронія и высмѣиваніе самого себя, такъ какъ въ ней мы находили освобожденіе; она выводила насъ на свѣтъ и свободу, въ міръ дѣйствительной жизни изъ узкихъ предѣловъ сентиментальной міровой скорби. И, въ концѣ концовъ, мы были благодарны Гейне за оказанную намъ услугу—освобожденія и оздоровленія.

Лирика Гейне—это ядъ, который вмѣстѣ съ собой несетъ противоядіе. Это настоящая предохранительная прививка, которая дѣлаетъ насъ невоспріимчивыми къ романтической заразѣ. Потому-то и его сочиненіе о «романтической школѣ» (1833) оказалось такой хорошей, умной и бьющей прямо въ цѣль книгой, какую могъ написать только романтикъ, ставшій антиромантикомъ. Вотъ почему тѣ, кто особенно возстаетъ противъ Гейне, всегда кажутся мнѣ сознательными или безсознательными приверженцами нездоровыхъ элементовъ романтизма. Если смотрѣть на Гейне съ этой точки зрѣнія, то въ концѣ концовъ и то, что въ немъ есть циничнаго и фривольнаго, легче будетъ понять и простить; эта фривольность часто—хотя, конечно, не всегда—направлялась только противъ того, что составляетъ святыню для одного романтизма и романтиковъ. Стоитъ принять во вниманіе, что Гейне постоянно цѣлитъ въ романтизмъ,—и его фривольности перестанутъ оскорблять нашъ слухъ.

Съ этой точки зрѣнія и антинаціональная черта въ характерѣ Гейне, которая въ настоящее время многимъ особенно непріятна, будетъ для насъ совершенно ясна. И здѣсь опять мы видимъ желаніе противорѣчить христіанско-германской тенденціи буршескаго романтизма. Съ другой стороны, правда, здѣсь обнаруживается—и получаетъ дальнѣйшее развитіе—свойственный самому романтизму универсализмъ. И въ этомъ случаѣ—тотчасъ же приходитъ на помощь Гейне все разлагающая и разрушающая иронія. Когда нѣмцы, въ 1831 году, водушевились по поводу погибшихъ въ возстаніи противъ Россіи поляковъ,—какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ они ратовали за побѣдоносныхъ грековъ,—Гейне писалъ свою пѣсню о двухъ рыцаряхъ-полякахъ изъ «Полякіи»:

Ни одинъ не предалъ друга;
Вѣрны были, какъ собаки,—
Хоть и были оба пана
Благородные поляки.
И бѣлье у нихъ водилось,
—По двѣ грязныя рубахи,—
Хоть и были оба пана
Благородные поляки.
Наша Польша не погибла,
Наши женщины—рожаютъ
Наши дѣвушки имъ въ этомъ
Преусердно подражаютъ.
Намъ дарятъ онѣ героевъ
Какъ Собѣсскій и Уминскій
Шулеркевичъ, Свинтусевичъ
И великій нашъ Ослинскій».

Надо прибавить къ сказанному еще одно объясненіе. Берне остается и въ Парижѣ, откуда онъ пишетъ для Котты свои «Письма изъ Парижа», пламеннымъ патріотомъ. Напротивъ, Гейне,—воспріимчивый и уже поэтому болѣе родственный французскому духу, чѣмъ менѣе подвижный и болѣе основательный Берне,—съ французами самъ становится французомъ и старается сравняться съ ними въ остроуміи и фривольности. Однако, въ глубинѣ души и онъ тоже остается нѣмцемъ. И именно тамъ, гдѣ Гейне всего рѣзче осыпаетъ Германію своими насмѣшками, онъ всего больше проникается чисто нѣмецкими чувствами. Дѣло въ томъ, что эти насмѣшки относятся къ меттерниховской, несвободной Германіи, вольготно и по-филистерски потягивающейся и позѣвывающей въ своей неволѣ; изъ этой «зимней спячки» онъ хотѣлъ бы пробудить нѣмецкаго Михеля хотя бы цѣной самыхъ грубыхъ пинковъ и толчковъ, безперемонныхъ ударовъ дубинки и отравленныхъ ядомъ стрѣлъ. Плечомъ къ плечу онъ борется рядомъ съ Берне, о которомъ впослѣдствіи онъ судилъ такъ несправедливо и недружелюбно. Когда нѣмецкій союзный совѣтъ 1835 г. запретилъ его уже написанныя и впредь имѣющія быть написанными сочиненія, то этотъ указъ предназначался не для друга французовъ, а для нѣмецкаго либерала, который былъ особенно непріятенъ для союзнаго совѣта и для нѣмецкаго правительства. Но запрещеніе только обострило недовольство Гейне; злая насмѣшка превращается теперь въ кровавую сатиру. Такъ возникъ въ 1842 г. «Сонъ въ лѣтнюю ночь» «Атта-Тролля», а въ 1844 г. «Германія—зимняя сказка». О первомъ произведеніи самъ Гейне писалъ въ 1846 г. Варнгагену фонъ-Энзе слѣдующее: «Тысячелѣтнее царство романтики пришло къ концу; я самъ былъ его послѣднимъ сказочнымъ королемъ и подалъ въ отставку. Еслибъ я не сбросилъ корону съ головы и не надѣлъ блузу, они бы меня навѣрное казнили. Четыре года тому назадъ, прежде чѣмъ я отрекся отъ самого себя, у меня была еще охота покружиться при лунномъ свѣтѣ со старыми товарищами и я написалъ Атта-Тролля—лебединую пѣсню отживающаго періода, и посвятилъ ее вамъ. Вы имѣете на нее всѣ права, потому что вы были самымъ близкимъ моимъ собратомъ по оружію?» Вы мнѣ помогли похоронить старое время и принимали у меня новое при самомъ его зарожденіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы помогли ему явиться на свѣтъ, а теперь струсили: что, если съ нами случится то же, что съ бѣдной курицей, которая высидѣла утиное яйцо и съ ужасомъ видитъ, какъ утенокъ бросается въ воду и наслаждается ныряньемъ?» Въ этомъ письмѣ Гейне совершенно вѣрно характеризуетъ свое положеніе въ тогдашней умственной жизни, хотя, конечно, къ «правдѣ» примѣшивается тутъ и немножко «поэзіи».

Въ общемъ я совсѣмъ не хочу защищать Гейне: легко подвижный и въ то же время совершенно безхарактерный, это дѣйствительно «ein Talent, doch kein Character» *). Но здѣсь намъ нужно не судить человѣка, а составить себѣ понятіе о значеніи писателя для духовной жизни Германіи, и въ этомъ отношеніи мы должны поставить Гейне весьма высоко. Только романтикъ могъ убить романтизмъ, только такой въ высшей степени фривольный человѣкъ могъ безжалостно обнажить скрытую во всякомъ романтизмѣ фривольность и тѣмъ освободить насъ отъ нея. А то, что онъ это сдѣлалъ такимъ граціознымъ и остроумнымъ обра-

*) Талантъ, но не характеръ—эпитафія «Атта-Тролля».

зомъ и привлекъ на свою сторону такое могущественное орудіе, какъ смѣхъ,—это только могло дать его полемикѣ наибольшее вліяніе и силу.

Тенденціи и судьбы молодой Германіи.

Около этихъ двухъ личностей, Берне и Гейне, сгруппировалась молодая Германія. Если романтизмъ хотѣлъ поэтизировать жизнь, обращалъ ее въ шутку и ко всему относился иронически, то молодая Германія дѣлаетъ изъ поэзіи серьезное дѣло, обращаетъ ее на службу жизни и злобамъ дня, задаетъ ей самыя серьезныя цѣли. Такимъ образомъ, эта молодежь, выросшая подъ вліяніемъ Гегеля, выдвигаетъ изъ своей среды тенденціозныхъ писателей и журналистовъ, драматизирующихъ свои передовыя статьи, или облекающихъ ихъ въ форму романовъ,—согласно настроенію читающей публики, все еще живущей литературными вкусами. Мало-по-малу, слѣдуя тому же духу времени, они трезвѣютъ, освобождаются отъ иллюзій и подъ сильнымъ вліяніемъ Гейне становятся антиромантиками. Они даже восприняли кое-что буржуазное и филистерское и, какъ поэты, становятся довольно непоэтичными: въ поэзіи—романтики были гораздо выше ихъ. Но зато они сдѣлались реалистами, изъ голубой романтической дали вернулись къ дѣйствительной жизни и прониклись ненавистью ко всему неестественному. Они стали также и сенсуалистами, выступивъ не только за эмансипацію дѣтей и женщинъ, а прямо за эмансипацію плоти и чувственности; такимъ образомъ они возбудили противъ себя протестъ, въ общемъ справедливый, но сильно преувеличенный и незаслуженный въ такой мѣрѣ. Они были правы, возставая противъ аскетизма въ искусствѣ, противъ безплотныхъ и безкровныхъ образовъ, напр., назарейской школы художниковъ,—и при этомъ они были «лучше» репутаціи своихъ произведеній. Имъ недоставало фантазіи и умѣнья, силы изображенія и наглядности и, конечно, ни одно изъ ихъ произведеній не могло подѣйствовать развращающе или возбудить чувственность. По своей тенденціи они были либеральны, боролись противъ союзнаго совѣта во Франкфуртѣ и меттерниховской системы; ихъ идеаломъ была оппозиція парижской палаты противъ буржуазнаго режима Луи-Филиппа, съ которою они чувствовали себя солидарными въ дѣлѣ служенія политической свободѣ. На Гамбахскомъ праздникѣ эта всемірная солидарность нашла себѣ и внѣшнее выраженіе. Здѣсь говорили французъ изъ Страсбурга и нѣсколько поляковъ; то были религіозные вольнодумцы, которые боролись противъ религіи паѳосомъ или ироніей, остроуміемъ или ненавистью, такъ какъ видѣли въ религіи лишь могущественное средство реакціи. Особенно ярко выступили всѣ эти характерныя черты у Гуцкова послѣ того, какъ онъ отказался служить Менцелю и взялъ на себя руководительство молодымъ либеральнымъ поколѣніемъ поэтовъ; надо прибавить, что въ этихъ своихъ начинаніяхъ онъ самымъ своеобразнымъ образомъ соприкасается съ Фридрихомъ Шлегелемъ. Гуцковъ издалъ «Интимныя письма о шлегелевской Люциндѣ» Шлейермахера съ своимъ собственнымъ предисловіемъ, въ которомъ сильно настаивалъ на эмансипаціи брака. Памяти Шлейермахера онъ оказалъ этимъ лучшую услугу, чѣмъ казалось съ перваго взгляда. Конечно, это былъ довольно коварный поступокъ по отношенію къ только что умершему мыслителю, позировавшему на овоемъ смертномъ одрѣ въ качествѣ христіанина. Въ то же время это была смѣлая попытка—разрѣдить удушливую атмо-

сферу того времени. Это было, вмѣстѣ съ тѣмъ и оправданіемъ его романа, появившагося въ 1835 г. «Wally die Zweiflerin». Подобно шлегелевской Люциндѣ, это былъ плохой романъ, но зато съ рѣзко выраженнымъ направленіемъ, какъ и Люцинда. Читая теперь это произведеніе, мы ставимъ въ вину автору только то одно, что въ эстетическомъ отношеніи романъ совершенно неудаченъ; что сомнѣніе, подъ тяжестью котораго падаетъ героиня, недостаточно глубоко, щекотливое положеніе, въ которомъ должна восторжествовать чувственность, слишкомъ неясно и блѣдно обрисовано и, благодаря обилію разсужденій, оставляетъ насъ холодными или даже отталкиваетъ. Но катастрофа была всетаки правдива, самоубійство списано съ натуры, какъ въ гетевскомъ Вертерѣ; Гуцковъ дѣйствительно хотѣлъ подражать Вертеру, хотя и безуспѣшно; сантиментальному роману онъ хотѣлъ противопоставить изображеніе пресыщеннаго и безнадежнаго скептицизма. Совершенно какъ Валли, героиня романа, покончила съ собой Шарлотта Штиглицъ 29 декабря 1834 г. Ея мужъ,—также поэтъ, принадлежавшій молодой Германіи,—не оправдалъ надеждъ, которыя подавалъ, будучи юношей, и обманулъ ожиданія мечтательно влюбленной въ него дѣвушки. Вину въ томъ, что у него такъ быстро опустились крылья, она приписывала себѣ и оковамъ брака. Чтобы помочь ему, она рѣшила уйти и тѣмъ уничтожить связывавшія его путы: большое горе—это знали очень хорошо по Гейне—могло развязать ему языкъ, чтобы повѣдать міру свои страданія и чувства. Такъ она мечтала о значеніи своей жертвы, ошибаясь, конечно, при этомъ, насчетъ истинныхъ ея мотивовъ: безсознательными мотивами были тутъ, несомнѣнно, собственное разочарованіе и отрезвленіе, сомнѣніе въ талантѣ мужа, лишавшее, въ ея глазахъ, всякаго смысла ея существованіе. Она-то и была живымъ образцомъ для романа Гуцкова, который выражался тогда же объ этомъ событіи такъ: «послѣ смерти молодого Іерузалема и убійства Занда, въ Германіи не случилось ничего болѣе ужаснаго, какъ смерть жены поэта Генриха Штиглица. Кто обладалъ бы геніемъ Гёте и не остановился бы передъ рискомъ быть обвиненнымъ въ подражательности, тотъ могъ бы по этому поводу создать двойника Вертеру» Валли была этимъ двойникомъ,—конечно, безъ геніальности Гёте. А право самоубійства съ тѣхъ поръ вошло въ составъ тенденцій этихъ поэтовъ, — претендовавшихъ на всевозможныя права.

Однако же вѣру въ Гёте, которую Берне и Менцель отняли у этихъ юношей и либераловъ, вернули имъ двѣ женщины—Рахель и Беттина. Рахель, которая такъ долго «тихо и оживленно» стояла въ центрѣ умственнаго Берлина и литературное наслѣдство которой черезъ годъ послѣ ея смерти (въ 1834 г.) издалъ ея супругъ, Варнгагенъ фонъ-Энзе, на память ея друзьямъ, заставила эту не признававшую авторитетовъ молодежь понять, что можно быть очень критически настроеннымъ и стремиться ко всякаго рода свободѣ—и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть снизу вверхъ на Гёте, какъ поэта и какъ человѣка. Она даже думала, что *необходимо* на него такъ смотрѣть, если кто хочетъ рядомъ съ дѣйствительностью сохранить поэтическій элементъ и выработать въ себѣ прекрасную индивидуальность. Другая женщина, которая расположила молодежь въ пользу Гёте, была Беттина съ своей книгой, появившейся въ 1835 г., «Переписка Гете съ ребенкомъ». Можно было бы спросить: что же могла сдѣлать эта женщина-романтикъ среди противниковъ романтизма? Вѣдь Берне совершенно справедливо писалъ о ней: «черезъ

40 лѣтъ явилась опять Миньона и назвалась Беттиной»? И какъ членъ семьи Брентано и какъ супруга Акима фонъ-Арнима она двойными узами родства и собственнаго выбора была связана съ романтическимъ кружкомъ и сама насквозь была проникнута романтикой. И все таки эта замѣчательная женщина не была романтической окаменѣлостью; тонкая и отзывчивая, съ горячимъ сердцемъ и способностью къ воодушевленію, она жила интересами своей эпохи и умѣла воодушевляться новѣйшими и современнѣйшими тенденціями ея, въ томъ числѣ и политическими. Потому она и вліяла такъ сильно и такъ глубоко на юношество своего времени. Въ то время, какъ Берне находилъ въ ея книгѣ лишь новое доказательство въ пользу своей узкой и ограниченной враждебности къ Гете, молодежь въ изображеніи Беттины внезапно увидѣла предъ собою Гете, уже умершаго, опять живымъ и полнымъ неизсякаемой жизненной силы; тогда она предоставила ненавистникамъ браниться, сколько угодно, и вновь обратилась къ нему. Насколько въ этой книгѣ было правды, насколько къ ней примѣшивалась поэзія, объ этомъ молодежь не заботилась; рѣшить это выпало на долю позднѣйшаго ученаго изслѣдованія. Но Беттина, сердце которой было полно любви не только къ одному Гете, и которая храбро заступалась за всѣхъ обиженныхъ и преслѣдуемыхъ, оказалась теперь въ союзѣ съ опальной въ глазахъ союзнаго совѣта молодой Германіей. Другой вождь этой послѣдней, Лаубе, свидѣтельствуетъ о томъ, какой свѣжестью повѣяла на литературу «смѣлость Беттины». Благодаря ей, постепенно появилась въ школѣ настоящая поэзія, хотя они при этомъ и не перестали быть тенденціонными поэтами. Для того, что имѣли сказать представители молодой Германіи,—наиболѣе подходящую форму представлялъ романъ. Прозаическая форма была имъ и больше по силамъ; хотя, конечно, самымъ подходящимъ мѣстомъ для ихъ проповѣди была бы сцена. Такимъ образомъ Гуцковъ защищалъ то мнѣніе, что романъ можетъ и долженъ сдѣлать своею темой «исторію недавняго прошлаго и настоящаго»; самъ онъ, правда, только двадцать лѣтъ спустя осуществилъ въ широкихъ размѣрахъ это свое требованіе. Въ то время этой задачей задался Лаубе, который въ противовѣсъ историческимъ романамъ отживавшаго романтическаго періода, подражавшимъ В. Скотту,—принялся за созданіе романа изъ современной жизни. Руководившія имъ при этомъ побужденія съ юношеской смѣлостью формулировалъ Винбаргъ, давшій имя школѣ. «Вліяйте на современность, держитесь жизни. Я знаю напередъ ваши возраженія. Не правда ли, ужасно мало поэзіи въ наше время, въ нашей жизни, которою мы живемъ теперь въ Германіи? Откуда взять сюжетъ на современную тему романа? Я же спрашиваю: откуда взялъ его Гете для своего Вильгельма Мейстера? Поймите меня хорошенько. Ради Бога, не надо намъ другого Вильгельма, съ нимъ уже покончено, онъ принадлежитъ Гете и его времени. Что и кто принадлежитъ вамъ? Какой идеѣ *вы* могли бы дать плоть и кровь? Что *вы* пережили, къ чему *вы* стремились? Какія знанія, взгляды, житейскія отношенія вы могли бы опоэтизировать? Сознаюсь, у меня сердце обливается кровью при этомъ: да, мы живемъ въ такое время, когда слабый остатокъ поэзіи едва выносится за предѣлы первыхъ 10 лѣтъ нашей жизни. Хорошо, пусть такъ. Сведите всѣ эти счеты съ временемъ, рѣшитесь снять съ современной нѣмецкой литературы обманчивый ореолъ поэтической лжи, откройте то, что вы видите, отвѣйте мякину и сосчитайте колосья, растущіе въ зеленѣющихъ тамъ и сямъ оазисахъ жизни, покажите намъ небо такимъ, какимъ оно

виситъ надъ нами—сѣрымъ и грязнымъ, соберите солнечные лучи, которые падаютъ украдкой на ваши головы, сорвите съ современности маску лицемѣрія, эгоизма, трусости, покройте поцѣлуями и покажите тѣмъ всему свѣту то мѣсто, гдѣ еще тянется настоящая нить, красная нить поэзіи, бейте по всѣмъ нѣмымъ камнямъ, разбивайте ихъ молотомъ, чтобы найти хоть малѣйшую жилу, какъ бы глубоко и скрыто она ни залегала. Повторяю, сведите счеты съ временемъ, съ вашей собственной жизнью! Покажите хоть чуточку поэзіи, собравъ ее по крупицамъ, — и вы пристыдите современность, вы получите право на уваженіе. А теперь самимъ вамъ да будетъ стыдно! Переверните листъ! Филистеры называютъ васъ лжецами, болтунами, кукольными комедіантами, кропателями романовъ, и ей-Богу, филистеры правы!»

Романъ самого Лаубе, въ которомъ онъ пытался осуществить эту программу,—«Молодая Европа», съ своими 3 частями: поэты, воины и граждане—дѣйствительно даетъ прекрасную картину всего движенія, именно потому, что это—романъ. Онъ еще разъ оправдываетъ поговорку, что поэзія оказывается часто болѣе правдива, чѣмъ сама исторія. Въ то же время онъ, особенно во второй своей части, представляетъ собой лучшій образчикъ искусства и умѣнья новыхъ реалистовъ. Намъ онъ покажется часто довольно не реалистичнымъ, фразистымъ и ходульнымъ: но таковъ именно былъ и самый реализмъ того времени: фраза нерѣдко и въ жизни брала перевѣсъ надъ дѣломъ, а поза замѣняла серьезный поступокъ.

Въ той же, если не въ еще большей степени, приложимъ этотъ приговоръ и къ театральнымъ пьесамъ молодой Германіи. Это были тенденціозныя произведенія съ громкими фразами, съ героями, которые больше декламировали, чѣмъ чувствовали и дѣйствовали. Наиболѣе ярко и, несмотря на всю реторику, наиболѣе поэтично выразились тенденціи школы въ «Уріэль Акостѣ» Гуцкова. Призывъ того поколѣнія къ свободѣ выражается здѣсь замѣчательно сильно, съ паѳосомъ, вовсе не дѣланнымъ и не дутымъ. Трагизмъ мученичества за убѣжденіе, противорѣчащее вѣрѣ и обычаямъ среды, особенно подчеркивается здѣсь тѣмъ, что Уріэль сперва отрекается отъ своихъ убѣжденій и только потомъ, послѣ борьбы, становится на высоту открытаго протеста. Это гораздо реальнѣе и правдивѣе, чѣмъ была бы непоколебимая геройская поза. Впрочемъ, и эта пьеса, и безобидная народная комедія «Zopf und Schwert» относятся—въ жизни самого Гуцкова такъ же какъ и въ духовной жизни нѣмецкаго народа—уже къ болѣе позднему времени съ другими идеями и другимъ историческимъ фономъ.

Благодаря тому же роману «Wally, die Zweiflerin» разразилась и первая внѣшняя катастрофа надъ молодой литературной школой. Франкфуртскій союзный совѣтъ снова наморщилъ брови, объявилъ эту «скверную литературу антихристіанской, богохульственной и умышленно попирающей ногами всякій стыдъ, нравственность и благопристойность» и запретилъ всѣ даже «еще имѣющія появиться произведенія» Гуцкова, Винбарга, Лаубе и Мундта, къ которымъ присоединили кстати, или, скорѣе, предпослали имъ и Гейне. Гуцковъ былъ посаженъ хотя и на короткое время, въ тюрьму, Лаубе подвергнулся легкому аресту. Можно, сколько угодно, смѣяться надъ такимъ мученичествомъ, но не надо забывать, что впечатлѣніе, произведенное этой насильственной и произвольной мѣрой на молодыхъ писателей было гораздо сильнѣе самой мѣры. Неувѣренность, которая съ этихъ поръ тяготѣла надъ ихъ творчествомъ, являлась дѣйствительно суровымъ наказаніемъ. Если вспом-

нить при этомъ, что подобной мѣрой они обязаны были, прежде всего, доносу стараго товарища и теперешняго конкурента—Менцеля, то можно судить о той горечи, которая должна была ими овладѣть. Можно было обвинять Гейне въ «претенціозности», когда онъ въ своемъ открытомъ письмѣ къ высокому союзному собранію сравнивалъ себя съ Мартиномъ Лютеромъ. Но эдиктъ сейма дѣйствительно невольно напоминаетъ намъ эдиктъ Карла V, написанный Алеандеромъ, въ которомъ запрещалось читать какія-либо произведенія Лютера «даже тѣ, которыя онъ напишетъ въ будущемъ».

Мы не исчерпали бы литературнаго движенія молодой Германіи, если бы не приняли во вниманіе совершавшагося одновременно съ нимъ броженія въ области религіи. Роковой романъ Гуцкова только въ связи съ этимъ движеніемъ можетъ быть объясненъ вполнѣ; мнѣнія этого романа о религіи и о христіанствѣ всецѣло опираются на это движеніе.

Побочныя теченія съ подобными же тенденціями.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому, надо указать на два обстоятельства. Во-первыхъ, и внѣ школы существовала связь между поэзіей и современной политикой; этимъ подтверждается, что такого рода направленіе тогда, такъ сказать носилось, въ воздухѣ. Анастасій Грюнъ, или какъ онъ собственно назывался, графъ Антонъ-Александръ фонъ-Ауерспергъ, въ посвященныхъ Людвигу Уланду «прогулкахъ вѣнскаго поэта» смѣло и открыто выступилъ за свободу слова и мысли, боролся въ «Schutt» противъ меттерниховскаго духа рабства и лжи и изображалъ широкимъ размахомъ весенній расцвѣтъ народностей и политическій праздникъ воскресенія свободы и свѣта. Этотъ манифестъ произвелъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что онъ исходилъ изъ страны гнета и страха, изъ меттерниховской Австро-Венгріи: и тамъ стало быть, среди могильной тишины, не совсѣмъ отсутствовала жизнь и движеніе, и тамъ пробуждались умы: даже въ камень проникало одушевленіе. И именно для Австро-Венгріи имѣло не мало значенія то, что заговорилъ съ такимъ политическимъ задоромъ и свободолюбивымъ настроеніемъ не какой-нибудь простой смертный, а высокородный графъ. Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть о разсказахъ изъ деревенскаго быта (Dorfgeschichten), которые въ то время нашли себѣ выдающихся представителей въ швейцарцѣ Іереміи Готтгельфѣ (Альбертѣ Виціусѣ), въ Иммерманѣ и Ауербахѣ. Этотъ походъ «въ народъ», «на землю» стоялъ до извѣстной степени въ прямомъ противорѣчіи съ образованной и критической литературной дѣятельностью молодой Германіи, а также съ пресыщенной безпочвенностью много путешествовавшаго князя Пюклера—своеобразнаго героя тогдашней моды, импонировавшаго своимъ барскимъ ломаньемъ даже самому Гейне. Готтгельфъ и Иммерманъ меньше всего были либералами. И однако, ихъ литературная дѣятельность является еще однимъ лишнимъ симптомомъ того же общаго недовольства условіями, въ которыхъ приходилось жить. Не только въ «Befehlerles» либеральнаго Ауербаха, но и въ «Мюнхгаузенѣ» консервативнаго Иммермана мы встрѣчаемъ отголосокъ раздраженія этимъ режимомъ всемогущей бюрократіи, безцеремонно нарушавшей старые порядки и освященные древностью обычаи. Всѣ эти писатели были, такимъ образомъ, одинаково тенденціозны въ томъ же смыслѣ, какъ и молодая Германія. Реалистическому направленію эта новая литературная форма также вполнѣ соотвѣтствовала. Но насколько

Ф. Гегель.

трудно было найти для новой формы подходящій тонъ, видно на примѣрѣ тѣхъ же трехъ, только что названныхъ писателей. Иммерманъ прочно стоитъ на почвѣ дѣйствительности и создаетъ личности, полныя индивидуальности и силы. Но связывая ихъ съ сатирой «Мюнхгаузена», онъ придаетъ имъ въ то же время фальшивый въ художественномъ отношеніи фонъ. Готтгельфу вообще недоставало искусства и поэзіи, поэтому онъ производитъ впечатлѣніе грубости, отсутствія художественности, безформенности и уродливости. Тенденція у него получаетъ самое широкое развитіе и, наконецъ, начинаетъ раздражать читателя своею навязчивостью. Наконецъ, Ауербахъ только въ первыхъ маленькихъ разсказахъ находитъ надлежащій тонъ, въ большинствѣ же случаевъ, или лучше сказать, по мѣрѣ того, какъ онъ изъ Швабіи передвигается къ западу и изъ деревни переходитъ въ городскую обстановку,—онъ все больше и больше идеализируетъ своихъ героевъ. Благодаря этому они становятся ненатуральными и ходульными. При этомъ онъ всегда сентенціозенъ и въ сентенціозности своей—напыщенъ и полонъ претензій. Онъ постоянно желаетъ сказать что-нибудь значительное и потому даже самыя мелочныя и тривіальныя замѣчанія преподноситъ въ высокомъ стилѣ пророка. Такъ трудно было всѣмъ этимъ реалистамъ быть реальными, т.-е. правдивыми и естественными, и въ это же время все-таки не забывать обязанностей художника.

Ауербахъ, ученость котораго носила философскій характеръ и опиралась на пантеизмъ Спинозы, который называлъ себя ученикомъ и другомъ Штрауса, напоминаетъ намъ, что пора покинуть литературу и обратиться къ движенію 30-хъ годовъ, примыкавшему къ имени Штрауса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Религіозное движеніе до Штраусса и Фейербаха.

Унія.

Придворный проповѣдникъ Рогге разсказываетъ о своемъ отцѣ, родившемся въ 1790 г., что онъ въ своей внутренней религіозной жизни прошелъ нѣсколько ступеней развитія, приведшихъ его отъ раціонализма, усвоеннаго въ родительскомъ домѣ и въ университетѣ, къ піэтизму, а отъ піэтизма къ самому опредѣленному конфессіональному лютеранству.

Это типическій примѣръ нѣмецкаго религіознаго развитія вообще въ первой трети XIX столѣтія.

Мы уже говорили о томъ, что старый раціонализмъ продолжалъ сохранять свою силу. Затѣмъ наступило обновленіе религіи и религіозности, благодаря могущественному вліянію Шлейермахера; во время освободительныхъ войнъ религіозное движеніе охватило молодежь еще болѣе, чѣмъ стариковъ, принадлежавшихъ еще къ раціоналистическому періоду. И вернувшись домой изъ этихъ войнъ, бурши не перестали быть настроенными въ германскомъ и христіанскомъ духѣ, поэтому и антисемитизмъ того времени былъ заразъ и національнымъ и религіознымъ движеніемъ. Въ романтизмѣ всѣ эти религіозныя эле-

менты слились воедино, — даже тѣ, которые не коренились въ немъ и не изъ него произошли.

1817 годъ, юбилей реформаціи, осуществилъ затѣмъ излюбленную мысль Шлейермахера—унію, т.-е. соединеніе лютеранской и реформатской церкви, сначала въ Нассау, потомъ въ Пруссіи. Это совершилось, конечно, не безъ затрудненій и разногласій, такъ какъ то, что намъ, образованнымъ индифферентамъ, въ настоящее время представляется непонятнымъ или само собой разумѣющимся, тогда считалось достаточной причиной разъединенія; отжившее теперь было тогда еще живо и считалось достойнымъ жизни.

Къ этому присоединилось еще личное вмѣшательство въ религіозные споры короля Фридриха Вильгельма III, вызвавшее, въ свою очередь, особое оппозиціонное движеніе.

Во главѣ этой оппозиціи стоялъ Шлейермахеръ, который тогда и въ политическомъ отношеніи считался неблагонадежнымъ.

Когда такое положеніе ему надоѣло и онъ уступилъ, отказавшись отъ мысли выдти изъ числа членовъ господствующей церкви, съ которой онъ носился нѣкоторое время,—то это отступленіе навлекло на него страшную ненависть молодой Германіи; она потомъ еще болѣе возрасла, благодаря очень, конечно, назидательной, но уже совсѣмъ непослѣдовательной кончинѣ этого многоопытнаго господина. Какъ отомстилъ ему за это Гуцковъ, мы уже видѣли. Трудно было устоять отъ соблазна сопоставить съ этимъ жизненнымъ финаломъ молодость Шлейермахера. Конечно, было гораздо легче вывести на свѣжую воду его внутреннія противорѣчія, чѣмъ понять то искусство, съ которымъ великій діалектикъ и догматикъ примирялъ ихъ въ жизни и въ системѣ. Тѣмъ меньше было охотниковъ любоваться этимъ искусствомъ.

Генгстенбергъ.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что идея уніи предполагаетъ извѣстное ослабленіе догматически-конфессіональныхъ противорѣчій, извѣстную индиферентность и либеральное отношеніе къ религіи,—словомъ, нѣкоторый раціоналистическій элементъ. Ея осуществленіе дѣйствительно возможно было только на почвѣ предварительнаго торжества просвѣщенія. Въ 20-хъ годахъ этого никто, можетъ быть, не чувствовалъ такъ сильно, во всякомъ случаѣ никто не ухватился за это такъ крѣпко, какъ Эрнстъ Вильгельмъ Генгстенбергъ. Свое направленіе онъ выразилъ, во-первыхъ, въ рѣзкой критикѣ циркуляра, изданнаго министромъ Альтенштейномъ противъ «мистическихъ, піэтическихъ и сепаратическихъ заблужденій», а во-вторыхъ, въ 1827 году въ созданной имъ «Евангелической церковной газетѣ». Больше чѣмъ когда-либо въ Германіи, религія была сдѣлана здѣсь орудіемъ партіи; это ее принизило, для многихъ сдѣлало вновь подозрительной и рѣшительно оттолкнуло отъ нея. Генгстенбергъ безъ разбора возставалъ въ своемъ органѣ противъ всего «раціоналистическаго», злоупотребляя этимъ именемъ съ полнымъ произволомъ и подводя подъ него не только пережитки раціонализма изъ прошлаго столѣтія, но также и все то, что выступало подъ флагомъ Шлейермахера или Гегеля, а позднѣе и молодой Германіи.

Страстно, ненавистнически, предательски затрогивались при этомъ самыя личности,—благородный органъ не отступалъ даже передъ па-

сквилями и доносами. Особенно извѣстна та травля, которую началъ Людовикъ фонъ-Герлахъ въ церковной газетѣ противъ богослововъ Гезеніуса и Вегшейдера изъ Галле. Министръ лишь съ трудомъ могъ спасти ихъ отъ отставки. Однимъ изъ самыхъ нехорошихъ историческихъ заблужденій Трейчке, которое можно объяснить и извинить развѣ только осадкомъ его юношескихъ впечатлѣній, было то, что въ своей нѣмецкой исторіи онъ поставилъ Генгстенберга въ связь со Штраусомъ и такимъ образомъ вызвалъ въ своихъ читателяхъ такое представленіе, будто эти воинственные клики и весь этотъ походъ Генгстенберга и ортодоксально-піэтическаго клуба на Вильгемштрассе въ Берлинѣ—вызваны «Жизнью Іисуса». Генгстенбергъ мобилизировалъ свои силы въ 1827 г.; «Жизнь Іисуса»—появилась въ свѣтъ въ 1835 г. Уже въ 1825 г., въ своей диссертаціи, Генстенбергъ возобновилъ старый тертулліановскій принципъ: Credo quia absurdum est*). А нападки «разума» на «вѣру» послѣдовали лишь 10 лѣтъ спустя. Генгстенбергъ уже давно свирѣпствовалъ и вопіялъ противъ примирительнаго богословія Шлейермахера и примиренія вѣры и знанія у Гегеля, прежде чѣмъ онъ усмотрѣлъ въ штрауссовской «Жизни Іисуса», къ своему большому удовольствію, плоды обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія. Этой простой хронологической справкой доказывается, что изображеніе дѣла у Трейчке есть, выражаясь словами Нитче, «ошибка смѣшенія причины съ слѣдствіемъ. Какъ бы то ни было, полемика Генгстенберга относилась, конечно, не только къ Шлейермахеру или Гегелю, или Штруссу, но вообще ко всей богословской наукѣ, которой этотъ человѣкъ, со свойственнымъ ему преобладаніемъ воли надъ умозрѣніемъ, никогда не могъ понять.

По отношенію къ уніи Генстенбергъ обнаружилъ характерное для него колебаніе. Сначала онъ протежировалъ уніи, «чтобы сохранить для многочисленныхъ душъ благословеніе господствующей церкви». Такимъ образомъ, передъ любимымъ созданіемъ короля этотъ ревностный къ вѣрѣ и безпощадный критикъ остановился въ осторожной позѣ. Только когда Фридрихъ Вильгельмъ IV хотя и не вполнѣ уничтожилъ дѣло отца, но все-таки высказалъ свое несочувствіе и сталъ противодѣйствовать ему, какъ досадной ошибкѣ, а конфессіонализмъ, напротивъ, усилилъ и сталъ ему покровительствовать,—тогда, т.-е. только въ 40-хъ годахъ, и Генгстенбергъ пошелъ обратнымъ путемъ—отъ уніи къ подчеркиванію строго-лютеранскаго конфессіонализма. Въ этомъ обнаружилось также и роковое вліяніе Священнаго союза, съ его вѣрой въ непоколебимую связь трона съ алтаремъ. На эту связь, а въ противоположность ей, на связь невѣрія съ революціей Генгстенбергъ постоянно и настойчиво старался указывать правящимъ лицамъ въ этомъ отношеніи, онъ явился достойнымъ сподвижникомъ Генца. Такимъ образомъ Генгстенбергъ содѣйствовалъ тому, что церковь пошла на службу къ реакціи; онъ долженъ нести и свою долю вины въ томъ, что всѣ политическія оппозиціонныя партіи стояли въ оппозиціи также и съ церковью, и такъ это осталось и до настоящаго времени.

Гегелевская философія религіи.

Въ то время, какъ Генгстенбергъ работалъ надъ отдѣленіемъ вѣры отъ знанія, Гегель отыскалъ формулу для окончательнаго примиренія

*) Вѣрю, потому что это нелѣпо.

ихъ между собой. Для него религія есть «такая область, гдѣ разрѣшаются всѣ міровыя загадки, гдѣ раскрываются, путемъ болѣе глубокаго проникновенія, всѣ противорѣчія мысли, утихаютъ всѣ боли чувства; это область вѣчной правды, вѣчнаго покоя». Поэтому, народы справедливо «считали религіозное сознаніе своимъ главнымъ достоинствомъ, просвѣтленіемъ жизни; всякое горе, всѣ заботы,—эти подводные камни временнаго существованія, распускаются въ этомъ эѳирѣ; здѣсь, въ этой области духа, текутъ волны Леты, изъ которыхъ пьетъ душа, въ которыхъ она топитъ всѣ свои горести, превращая въ сонъ всѣ тяжелыя и темныя стороны жизни и просвѣтляя ихъ свѣтомъ вѣчности»! Въ такомъ восторженномъ тонѣ Гегель доказываетъ значеніе религіи для человѣческой жизни. О значеніи чувства для религіи онъ также при этомъ не забываетъ. Съ другой стороны, однако, онъ энергично защищаетъ право разума въ дѣлахъ религіи и богословія: такъ какъ и религія является у него продуктомъ божественнаго духа, она, поэтому, тоже «разумна». Такимъ образомъ, онъ ведетъ полемику на два фронта: съ одной стороны противъ раціонализма, который отстраняетъ все догматическое и сводитъ его къ минимуму; съ другой — противъ общепринятой теологіи, которая отрицаетъ философское мышленіе въ религіозныхъ вопросахъ и ограничивается ученой регистраціей, какъ будто бы дѣло шло о томъ, чтобы привести въ ясность чужое убѣжденіе, установить историческій фактъ, а не о томъ, что происходятъ въ нашемъ собственномъ умѣ, что составляетъ потребность нашего духа. Гегель сравниваетъ съ конторщиками торговаго дома такихъ теологовъ, «которые ведутъ книги и счета только чужому богатству, и работаютъ только для другихъ, не имѣя собственнаго капитала; они, правда, получаютъ свое жалованье; но заслуга ихъ ограничивается службой и регистраціей того, что составляетъ или составляло чужую собственность». Онъ протестуетъ также и противъ Шлейермахера и его религіи чувства: то обстоятельство, что нѣкоторыя вещи составляютъ предметъ чувства, вовсе не есть для нихъ какая-нибудь особенная рекомендація. На одной и той же почвѣ выростаетъ и царственный цвѣтокъ, и сорная трава. И также ложно—заключать о вещи, что она существуетъ, на томъ только основаніи, что она чувствуется. Мы чувствуемъ много воображаемаго, чего никогда не существовало и не будетъ существовать. Наконецъ, апеллируя къ личному чувству, мы разрываемъ ту общую связь, которая соединяетъ людей; только при помощи мысли и понятій мы становимся на почву общаго и разумнаго, переходя же къ чувству, мы покидаемъ эту почву и возвращаемся въ сферу личнаго и случайнаго. Но Гегель идетъ дальше; онъ объявляетъ чувство «животно-чувственной формой», и, слѣдовательно, самымъ жалкимъ сосудомъ, въ какой только можетъ быть вылито содержаніе религіи. Въ противоположность Шлейермахеру онъ думаетъ, что если бы религія была простымъ чувствомъ зависимости, тогда собаку пришлось бы считать самымъ религіознымъ существомъ. Этой шуткой онъ переходитъ въ крайность и бьетъ мимо цѣли, забывая собственныя болѣе тонкія представленія объ участіи «сердца» въ существѣ религіи. Въ этомъ выражается извѣстное намъ уже недовѣріе Гегеля ко всему чисто-субъективному и индивидуальному, какъ въ морали, такъ и въ философіи и религіи. На первый планъ выдвигается панлогизмъ съ его предпочтеніемъ мышленія и пониманія; какъ разъ по отношенію къ религіи, съ ея ирраціональными элементами чувства, такая точка зрѣнія оказывается особенно недостаточной. За то при-

миреніе между вѣрой и знаніемъ представляется на этой почвѣ вполнѣ возможнымъ. Религія сама есть знаніе, знаніе абсолютнаго духа о проявленіи самого себя въ конечномъ духѣ. Такимъ образомъ, мы получаемъ два фактора. Одинъ объективный—Богъ, котораго надо разсматривать какъ духъ, потому что только какъ таковой онъ существуетъ для воспринимающаго его духа, и въ то же время этотъ объективный духъ есть абсолютная дѣятельность, проявленіе себя во внѣ или творчество другаго, субъективнаго духа, для котораго оно существуетъ. Въ творчествѣ и состоитъ проявленіе Божествомъ самого себя. Такимъ образомъ, рядомъ съ объективнымъ началомъ выступаетъ сейчасъ же и субъективно-человѣческое, рядомъ съ Богомъ—религія, которая есть не что иное, какъ сознаніе Бога человѣкомъ. Но это сознаніе не является готовымъ; оно есть опять-таки нѣчто развивающееся; изъ внѣшняго и ничтожнаго оно постепенно поднимается до самого себя въ своей полной истинѣ. Результатъ этого развитія есть религія», какъ свобода духа въ его истинной сущности; истинное сознаніе есть сознаніе духа въ его свободѣ. Въ этомъ необходимомъ ходѣ развитія сознанія лежитъ доказательство того, что религія есть нѣчто истинное; самый этотъ процессъ развитія и создаетъ непосредственно понятіе религіи. Въ своемъ развитіи указанный процессъ проходитъ три фазиса: чувство, представленіе и мысль. Чувство, какъ мы уже знаемъ, разсматривается Гегелемъ какъ нѣчто вполнѣ индивидуальное и случайное,—такое, что надо побороть; такимъ образомъ, для религіи остается, собственно, только вторая ступень, форма представленія. Размышленіе философа надъ доказательствомъ существованія Бога приводитъ затѣмъ отъ этой ступени въ царство знанія. У религіознаго человѣка—то же содержаніе, что у философа, лишь въ другой, по преимуществу чувственной, формѣ или оболочкѣ, въ формѣ образа или историческаго факта.

Казалось, такимъ путемъ миръ, дѣйствительно, установленъ; вѣра и знаніе примирены. Признавая христіанство высшей точкой развитія, завершеніемъ историческаго процесса, всемірной религіей, удерживая не только основныя мысли его о раздвоеніи и примиреніи человѣка съ Богомъ, но даже и ученіе о Святой Троицѣ, давая всѣмъ этимъ истинамъ вѣры глубокомысленно-спекулятивное обоснованіе,—Гегель самъ могъ вѣрить, что примирилъ разумъ съ религіей и возстановилъ съ помощью философіи истинное ученіе церкви. Но оставалось еще рѣшить два вопроса. Было ли содержаніе и тутъ и тамъ одинаково? Неопредѣленность выраженія Гегеля о личности Бога, игнорированіе вѣры въ безсмертіе и спиритуализація библейскихъ историческихъ разсказовъ—все это не могло быть объясняемо простой разницей формы. А какъ обстояло дѣло съ упрекомъ въ томъ, что философія ставитъ себя выше религіи? Попытка Гегеля отстранить этотъ упрекъ на томъ основаніи, что та и другая заключаетъ въ себѣ одно и то же содержаніе—оказывается неудачной, такъ самъ же онъ принужденъ прибавить: «такимъ образомъ, философія возвышается только надъ формой вѣры, а содержаніе ея остается то же». Это была опять та же гордость образованнаго мыслителя, оттѣснявшаго хоть по формѣ положительную религію на низшую ступень и подвергавшаго ее серьезной опасности своими разсужденіями о несообразности образныхъ библейскихъ выраженій и историческихъ разсказовъ. Сорвите пурпуръ; за нимъ погибнетъ и герцогъ. Если многіе этого не понимали и рады были укрыть въ надежной гавани Гегеля свой кораблікъ вѣры, то это объяснялось

отчасти и тѣмъ, что относительно порядка трехъ ступеней и формъ откровенія абсолютнаго духа—искусства, религіи и философіи,—въ средѣ самой школы существовали разногласія. Изъ шести возможныхъ перестановокъ, по крайней мѣрѣ, четыре были въ употребленіи. Такимъ образомъ, все еще казалось возможнымъ, что религія займетъ по рангу первое мѣсто.

«Жизнь Христа» Штраусса.

«Форма представленія» должна была дать ту волшебную формулу, посредствомъ которой будетъ навсегда прекращенъ споръ между вѣрой и знаніемъ. Но довольно скоро она оказалась самымъ острымъ оружіемъ для нападокъ знанія на старую вѣру. Стоитъ заподозрить «форму представленія»—и предъ нами будетъ Давидъ-Фридрихъ Штрауссъ и его «жизнь Іисуса».

Существовало для этого только два способа. Наиболѣе радикальный былъ—заподозрить вѣрность фактовъ; такъ поступилъ анонимъ Лессинга, вольфенбюттельскій фрагментистъ Реймарусъ. Болѣе умѣренные, напротивъ, старались чудеса и повѣствованія о нихъ объяснить естественнымъ образомъ и дѣлали это часто очень искусственно и произвольно, чѣмъ нерѣдко вызывали насмѣшки. Тотъ и другой методъ одинаково противорѣчили исторіи и психологіи.

Тутъ явился Штрауссъ, который самъ прошелъ черезъ вѣру въ чудеса, но при этомъ именно научился на примѣрѣ Юстинѣ Кернера критически относиться къ ясновидѣнію и къ вѣрѣ въ демоновъ. Онъ также ставитъ вопросъ на чисто естественно-человѣческую почву и при этомъ орудуетъ спекулятивными доказательствами, заимствованными изъ гегелевской философіи. Идея не любитъ воплощать все свое содержимое въ одной личности, а воплощаетъ ихъ въ цѣломъ человѣчествѣ. Такимъ образомъ, истины вѣры остаются вѣчными истинами, какъ бы ни подвергалась сомнѣнію ихъ дѣйствительность въ качествѣ историческихъ фактовъ. Но и въ послѣднемъ смыслѣ они не есть обманъ или поддѣлка, а продуктъ творчества той же вѣры,—выраженіе понятій и чувствъ вѣрующей общины. Конечно, такое отношеніе къ христіанскому преданію было не ново, какъ это прямо заявляетъ и самъ Штрауссъ; ново было пониманіе сущности духовнаго творчества въ томъ метафизическомъ смыслѣ, какъ его установилъ Гегель, совершенно неслыханно было и послѣдовательное примѣненіе этого взгляда по отношенію къ Новому Завѣту. Основанная на такомъ взглядѣ критика была сильна заразъ и единствомъ своей исходной точки, и широтой ея приложенія.

Слабость позиціи Штраусса заключалась въ томъ, что у него не было твердой опоры въ детальномъ изслѣдованіи источниковъ. Такимъ образомъ его отдѣльные выводы могли быть опровергнуты его противниками, какъ произвольные и насильственные. Этотъ пробѣлъ пополнила впослѣдствіи тюбингенская школа подъ руководствомъ Баура и, — прибавимъ тутъ же, — она примыкала при этомъ, главнымъ образомъ, къ Штраусcу, поставившему ей ея задачу. Въ главномъ она совершенно подтвердила его выводы (см. классическое произведеніе Баура «Критическія изслѣдованія о каноническихъ евангеліяхъ»). Въ различеніи іудейско-христіанскихъ и языческо-христіанскихъ элементовъ старѣйшей христіанской общины найденъ былъ ключъ къ пониманію древнѣйшихъ документовъ исторіи христіанства. И если

теперь многіе изъ этихъ выводовъ устарѣли или подверглись измѣненіямъ, то, въ цѣломъ, научное богословіе до настоящаго момента все еще возводитъ свои построенія съ помощью того же строительнаго матеріала и на томъ же фундаментѣ. Но въ то время интересъ къ повѣствованію былъ больше, чѣмъ къ повѣствователямъ,—къ «Жизни Іисуса» больше, чѣмъ къ источникамъ нашихъ свѣдѣній о ней; притомъ же, чтобы возникло сомнѣніе въ источникахъ, необходимо было раньше явиться сомнѣнію въ преданіи. Этотъ путь не былъ методологически правиленъ, но былъ исторически необходимъ и психологически естественевъ. Штрауссъ самъ однажды выразился по этому поводу скромно, но съ сознаніемъ своего достоинства: «мои пріемы для начала были самыми подходящими и естественными; безъ такого начала и тюбингенцы не дошли бы до такихъ результатовъ, которыхъ они достигли теперь (1846).» Едва ли какая другая книга въ нашемъ столѣтіи такъ подѣйствовала, какъ «Жизнь Іисуса» Штраусса. Это было впечатлѣніе чего-то ужаснаго. Подъ этимъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ на первыхъ порахъ совершенно проглядѣли великую услугу, которую оказалъ Штрауссъ самому богословію тѣмъ, что освободилъ его отъ мелко-раціоналистическихъ объясненій, отъ попытокъ примирить противорѣчія или затушевать трудности, и положилъ начало серьезному историческому изслѣдованію основъ христіанства по источникамъ. Это было то «благодѣяніе», которое такъ мѣтко формулировалъ Гольцманъ. «Мутная, мелкая водица тогдашняго романтически-настроеннаго, но творчески-безсильнаго времени, разомъ была сметена этимъ суровымъ, но освѣжительнымъ весеннимъ ураганомъ Штрауссовской критики. Она напомнила о томъ, что существуетъ моральная и научная обязанность—не отвѣчать на все безъ разбора, не долго думая, «да», что о нѣкоторыхъ вещахъ надо прямо говорить—«нѣтъ». Ничего этого не замѣчали въ началѣ; въ Штрауссѣ видѣли скорѣе только врага и святотатца, нечестиво коснувшагося святыни—и спѣшили дать ему страстный и потому, по существу, большею частью не совсѣмъ удачный отпоръ. Что онъ былъ отрѣшенъ отъ должности репетитора въ Тюбингенскомъ институтѣ, это само собой разумѣлось при тогдашнихъ порядкахъ. Затѣмъ появились печатныя опроверженія старовѣровъ и піэтистовъ, полувѣрующихъ и мистиковъ, раціоналистовъ и праваго крыла гегельянцевъ, все еще грезившихъ о примиреніи и такъ грубо пробужденныхъ теперь отъ своего сладкаго сна. Они должны были поспѣшить—доказать свою невинность въ этомъ нарушеніи мира. Только одинъ Генгстенбергъ торжествовалъ. И совершенно естественно. Это вѣдь были плоды нѣмецкой философіи и богословія, именовавшаго себя научнымъ. Вотъ почему онъ, Генгстенбергъ, привѣтствовалъ книгу Штрауса какъ «одно изъ отраднѣйшихъ явленій въ области новѣйшей богословской литературы!» Такъ дружелюбна была первая встрѣча обоихъ, благодаря той парадоксальной причинѣ, что по мѣткому выраженію Штраусса «эта встрѣча была абсолютно враждебна». Однако враги свели свои счеты со Штраусомъ какъ говорится, безъ хозяина. Кто въ 27 лѣтъ такъ геніально выступилъ, такъ остроумно и проницательно потребовалъ къ отвѣту традицію, тому, конечно, уже не приходилось бояться современныхъ богослововъ. слабыя стороны и недостатки которыхъ онъ самъ только что такъ безпощадно разоблачилъ. Доказательство замѣчательной для его возраста богословской учености онъ далъ въ своей книгѣ. У него была притомъ и лессинговская жилка,—безусловная правдивость и блестящій стиль, сдѣлавшій его (только зависть Нитше могла ему отказать и въ

этомъ) однимъ изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ писателей и поставившій его этимъ тоже близко къ Лессингу. Въ его полемическихъ сочиненіяхъ удары противъ Штейделя и Паулуса, Генгстенберга и Эшенмейера, Менцеля и Розенкранца, сыпались такимъ градомъ, что въ самомъ дѣлѣ казалось, будто мы перенеслись во времена Геце*) и Антигеце.

Эта книга послужила также и водораздѣломъ для умственныхъ теченій. Гегелевская школа, которой съ 1831 г. недоставало объединяющей главы и учителя—Штраусъ пріѣхалъ въ Берлинъ какъ разъ къ похоронамъ Гегеля—распалась на лѣвую и правую. Это было вполнѣ возможно въ философіи Гегеля, смотря по тому, что выдвигали на первый планъ: существующее или разумное, дѣйствительное или долженствующее быть. Болѣе осторожные старались держаться середины между двумя крайними направленіями; все, что было молодо, смѣло и критически настроено, обратилось къ лѣвой. Руге и Эхтермейеръ создали для нея и органъ въ «Hallesche Jahrbücher», кипѣвшій и искрившійся умомъ. Самъ Штраусъ и его другъ Фишеръ, Бруно Бауеръ, Рейнгольдъ Кёстлинъ и всѣ прочіе сотрудники, какъ бы они тамъ ни назывались, сгруппировались для борьбы и защиты. Въ статьяхъ Фишера «Д-ръ Штраусъ и вюртембержцы» отразились всѣ противорѣчія времени со всей ихъ рѣзкостью и страстностью; это былъ пламенный манифестъ противъ всего піэтическаго и реакціоннаго, противъ всего устарѣвшаго и узкаго. Полемика не ограничивалась областью религіи, и на другія области жизни перескакивали искры. Свободолюбивый реализмъ пошелъ на приступъ противъ всего устарѣлаго и прикрывавшагося авторитетомъ—въ наукѣ и литературѣ, въ искусствѣ и жизни. Молодая Германія—въ литературѣ, либеральныя стремленія къ свободѣ—въ политикѣ—шли объ руку съ лѣвымъ гегельянствомъ въ философіи и религіи и находили въ «Галлевскомъ ежегодникѣ» свой пріютъ и органъ. Кверху обращена была въ этотъ моментъ революціонная спица гегелевскаго философскаго колеса, т. е. тотъ тезисъ, что лишь разумное имѣетъ право на существованіе и, слѣдовательно, все неразумное заслуживаетъ отрицанія и должно быть разбито вдребезги. Натискъ не ограничился на этотъ разъ литературными кругами, а проникъ и въ народные слои, широко кругомъ подкапывая почву. Лучше всего это доказывается, вмѣстѣ съ воплями мелкой церковной печати и боязливыми упреками въ томъ, что Штраусъ не написалъ свою книгу хотя бы по-латыни, исторіей приглашенія Штрауса въ Цюрихъ. Штраусъ былъ богословомъ. Это было его призваніе, не навязанное ему только извнѣ, но избранное имъ по внутреннему влеченію. Поэтому онъ съ полнымъ правомъ и вполнѣ естественно могъ принять предложенную ему каѳедру богословія въ Цюрихѣ. Однако, крестьянское населеніе кантона Цюриха, подстрекаемое консервативными попами противъ либеральнаго правительства того времени, вышло съ палками и дрекольями, свергло правительство и вынудило взять назадъ приглашеніе, а вмѣстѣ лишить Штрауса и пенсіи. Стало яснымъ, что и всякое другое приглашеніе на университетскую каѳедру въ Германіи для Штрауса невозможно. При этихъ обстоятельствахъ Штраусъ, только что передъ тѣмъ признававшій въ своихъ «Zwei friedliche Blätter», рядомъ съ преходящимъ, и постоянное въ религіи, провозглашавшій рядомъ съ своимъ «нѣтъ» также и «да», теперь написалъ, подъ

*) Имя богослова, съ которымъ полемизировалъ Лессингъ. *Ред.*

ствія; во-первыхъ, благодаря своему послѣдовательному проведенію, и во-вторыхъ, благодаря своему крайне важному способу обозначенія естественныхъ тѣлъ; на послѣднемъ мы необходимо должны остановиться. Послѣ того какъ до Линнея тщетно старались путемъ удобнаго наименованія и группировки внести свѣтъ въ безконечный хаосъ извѣстныхъ тогда уже различныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, Линней счастливо разрѣшилъ эту важную и трудную задачу, предложивъ двойное наименованіе, или такъ называемую «бинарную номенклатуру». Послѣдняя въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально представилъ ее Линней, примѣняется вообще всѣми зоологами и ботаниками въ настоящее время и безъ сомнѣнія еще долго будетъ сохраняться, не теряя своего значенія. Она состоитъ въ томъ, что каждая животная и растительная форма обозначается двумя названіями, которыя относятся другъ къ другу такъ, какъ имя и фамилія человѣческихъ индивидовъ. Особое названіе, соотвѣтствующее человѣческому имени, выражаетъ понятіе вида (species); оно служитъ къ общему обозначенію всѣхъ животныхъ и растительныхъ формъ, которыя въ существенныхъ своихъ особенностяхъ одинаковы и отличаются только второстепенными признаками. Болѣе общее названіе, соотвѣтствующее человѣческой фамиліи, выражаетъ понятіе *рода* (genus); оно служитъ къ общему обозначенію всѣхъ близко похожихъ видовъ. Болѣе общее, объемлющее родовое названіе, согласно съ общепризнаннымъ линнеевскимъ способомъ обозначенія ставится впереди, за нимъ слѣдуетъ особое, подчиненное ему видовое названіе. Такъ, напр., домашняя кошка называется Felis domestica, дикая кошка Felis catus, леопардъ Felis pardus, ягуаръ Felis onca, тигръ Felis tigris, левъ Felis leo; всѣ шесть хищныхъ породъ суть различные виды species, одного и того же рода *genus*—Felis. Или возьмемъ примѣръ изъ растительнаго царства,—по линнеевскому обозначенію пихта называется Pinus abies, ель Pinus picea, лиственница Pinus larix, пинія Pinus pinea, сибирскій кедръ Pinus cembra, кедръ Pinus cedrus, обыкновенная сосна Pinus silvestris, всѣ семь хвойныхъ древесныхъ породъ суть различные виды одного и того же рода: Pinus.

Быть можетъ, вамъ покажется, что достигнутый Линнеемъ успѣхъ въ практическомъ различеніи и наименованіи разнообразныхъ организмовъ представляетъ второстепенную важность. Въ дѣйствительности, однако, онъ имѣетъ величайшее значеніе, притомъ какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Только теперь явилась возможность связать это неисчислимое множество разнообразныхъ организмовъ по степени большаго или меньшаго ихъ сходства и наглядно расположить въ особые отдѣлы системы. Регистратура этихъ отдѣловъ весьма наглядна, такъ какъ близко сходные роды Линней соединилъ въ такъ называемые порядки и классы (classes). Каждое изъ обоихъ органическихъ царствъ распадается, такимъ образомъ, по Линнею на небольшое число классовъ; растительное царство на 34 класса, животное царство на 6 классовъ. Каждый классъ, въ свою очередь, содержитъ нѣсколько порядковъ. Каждый порядокъ можетъ содержать нѣсколько родовъ, каждый родъ нѣсколько видовъ.

Практическая польза линнеевской бинарной номенклатуры для нагляднаго различенія, наименованія, расположенія и раздѣленія органическихъ формъ, была неоцѣнима, не менѣе, однако, важно было ея неизмѣримое *теоретическое* вліяніе на все общее созерцаніе органическихъ формъ и особенно исторію ихъ созданія. Еще понынѣ всѣ важ-

ные основные вопросы, коротко затронутые нами передъ этимъ, вращаются въ концѣ-концовъ около рѣшенія, повидимому, отдаленнаго и неважнаго вопроса о томъ, *что же собственно этотъ видъ или species.* Еще теперь *понятіе органическаго вида* можетъ быть названо полярной точкой всего вопроса о происхожденіи, тѣмъ спорнымъ центромъ, изъ-за различнаго пониманія котораго борются всѣ дарвинисты и антидарвинисты.

По мнѣнію Дарвина и его приверженцевъ, различные виды одного и того же рода растеній и животныхъ суть не что иное, какъ различнымъ образомъ развитые потомки одной и той же первоначальной формы. Различныя выше приведенныя хвойныя древесныя породы, произошли, поэтому, отъ одной единственной первоначальной формы pinus. Точно также всѣ выше названныя кошачьи породы ведутъ свое происхожденіе отъ одной единственной общей формы felis, родоначальника всего рода. Затѣмъ, далѣе соотвѣтственно ученію о происхожденіи всѣ различные роды одного и того же порядка должны происходить отъ одной единственной первичной формы и, наконецъ, всѣ порядки одного и того же класса отъ—одной единственной исходной формы.

Наоборотъ, согласно съ противоположными представленіями противниковъ Дарвина, всѣ животные и растительные виды независимы другъ отъ друга и только отдѣльныя существа или индивиды каждаго вида происходятъ отъ одной общей первоначальной формы. Но если мы спросимъ, какъ же произошли эти первоначальныя формы опредѣленныхъ видовъ, то они отвѣчаютъ намъ прыжкомъ въ область непостижимаго: «онѣ созданы, какъ таковыя».

Въ такомъ же смыслѣ самъ Линней опредѣляетъ понятіе вида: «существуетъ столько видовъ, сколько въ началѣ создано было различныхъ формъ безконечнымъ существомъ» (species tot sunt diversae, quot diversas formas ab initio creavit infinitum ens»). Разсматривая ближе происхожденіе видовъ, Линней полагалъ, что первоначально было создано по одному индивиду или по одной парѣ ихъ; и именно по одной парѣ для тѣхъ видовъ, у которыхъ полы раздѣлены, напротивъ, для тѣхъ видовъ, у которыхъ каждый видъ соединяетъ въ себѣ двоякаго рода половые органы, какъ, напримѣръ, дождевые черви, піавки, садовыя и виноградныя улитки и громадное большинство растеній, Линней считалъ достаточнымъ, если было создано по одному только индивиду; затѣмъ, далѣе, склоняясь къ древнѣйшимъ сказаніямъ о потопѣ, Линней полагалъ, что при этомъ великомъ и всеобщемъ наводненіи погибли всѣ организмы, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ индивидовъ отъ каждаго вида (по семи паръ отъ птицъ и чистыхъ животныхъ), которые были спасены во время потопа и высажены на горѣ Араратѣ по окончаніи его. Географическую трудность совмѣстной жизни разнообразныхъ животныхъ и растеній онъ пытался объяснить слѣдующимъ образомъ: Араратъ въ Арменіи лежитъ въ тепломъ климатѣ и достигаетъ 16.000 футовъ высоты, соединяя, такимъ образомъ, въ себѣ условія для одновременнаго совмѣстнаго пребыванія животныхъ, живущихъ въ различныхъ зонахъ. Поэтому, животныя, привыкшія къ полярному климату, взлѣзали на холодные горные хребты, привыкшія къ теплому климату спускались къ подошвѣ, а обитатели умѣренныхъ поясовъ оставались въ среднихъ горныхъ высотахъ. Отсюда получилась возможность распространенія ихъ по землѣ къ сѣверу и югу.

Едва ли надо говорить, что эта гипотеза Линнея, очевидно, имѣла

цѣлью наивозможно болѣе тѣсно приблизиться къ древнѣйшимъ преданіямъ. Если принять во вниманіе прежнюю ясность остроумнаго Линнея, то можно усомниться, что онъ самъ вѣрилъ этому. Что касается одновременнаго происхожденія всѣхъ индивидовъ каждаго вида отъ каждой отдѣльной пары родителей (или у гермофродитныхъ видовъ отъ каждаго обоеполаго родоначальника), то вполнѣ очевидно,—оно не выдерживаетъ никакой критики; помимо другихъ причинъ, это невозможно, такъ какъ въ первые же дни по окончаніи творческаго акта немногіе хищные легко истребили бы всѣхъ травоядныхъ животныхъ, а травоядныя животныя должны были бы уничтожить немногихъ индивидовъ различныхъ растительныхъ видовъ. То равновѣсіе въ экономіи природы, какое существуетъ въ настоящее время, не могло бы имѣть мѣста, если бы первоначально было создано одновременно отъ каждаго вида только по одному индивиду или по одной парѣ ихъ.

Впрочемъ, насколько мало значенія придавалъ Линней этой шаткой гипотезѣ созданія, видно также изъ того, что *образованіе помѣсей* (гибридизмъ) онъ признавалъ за источникъ происхожденія новыхъ видовъ. Онъ принималъ, что громадное число самостоятельныхъ новыхъ видовъ возникло этимъ путемъ, благодаря половому смѣшенію двухъ различныхъ видовъ. Дѣйствительно, такія помѣси нерѣдко встрѣчаются въ природѣ; въ настоящее время доказано, что значительное число видовъ изъ рода ежевики (rubus), коровяка (verbascum), ивы (salix), чертополоха (cirsium) представляетъ помѣси различныхъ видовъ этихъ родовъ. Теперь мы знаемъ помѣси зайцевъ и кроликовъ (двухъ видовъ изъ рода lepus), затѣмъ помѣси различныхъ видовъ рода собакъ (canis), мышей (mus), оленей (cervus) и т. д., которыя могутъ размножаться, какъ самостоятельные виды. На основаніи многихъ важныхъ причинъ, мы даже въ правѣ заключить, что *образованіе помѣсей представляетъ* весьма обширный источникъ происхожденія новыхъ видовъ; и этотъ источникъ совершенно независимъ отъ естественнаго размноженія, благодаря которому, по ученію Дарвина, возникаютъ новые виды. Весьма вѣроятно, что многочисленныя растительныя и животныя формы, которыя мы теперь вносимъ въ нашъ систематическій регистръ, какъ *«хорошіе виды»*, суть не что иное, какъ *плодовитыя помѣси*, совершенно случайно возникшія вслѣдствіе смѣшенія половыхъ продуктовъ двухъ различныхъ, близко родственныхъ видовъ. Это именно допущеніе подтверждено по отношенію къ водянымъ животнымъ и водянымъ растеніямъ. Если вспомнить, какія массы разнородныхъ сѣмянныхъ и яйцевыхъ клѣтокъ постоянно встрѣчаются въ водѣ, то сдѣлается понятнымъ, какой широчайшій просторъ благодаря этому открывается образованію помѣсей.

Впрочемъ, этотъ важный вопросъ образованія помѣсей еще въ другомъ отношеніи представляетъ высокій интересъ для ученія о происхожденіи. Если послѣднее ложно и если всѣ виды возникли независимо другъ отъ друга, то надо ожидать, что невозможно также никакое половое смѣшеніе между родственными видами, ибо прямыя физіологическія отношенія совершенно отсутствуютъ между ними. Однако, въ дѣйствительности наблюдается противоположный случай, не только многіе родственные виды обнаруживаютъ большую склонность къ половому сединенію, но во многихъ случаяхъ полученныя отъ нихъ помѣси плодоносны и размножаются, какъ таковыя.

Несомнѣнно, весьма замѣчательно то обстоятельство, что Линней уже этимъ путемъ образованія помѣсей доказывалъ физіологическое

*

(поэтому, механическое) происхожденіе новыхъ видовъ. Судя по этому, одна часть видовъ должна была возникнуть при помощи дуалистическаго (телеологическаго) творческаго акта, другая благодаря монистическому (механическому) развитію.

Великій и заслуженный авторитетъ Линнея, благодаря его систематической классификаціи и другимъ заслугамъ, несомнѣнно былъ причиной того, что и его воззрѣнія о созданіи оставались неприкосновенными въ ихъ полномъ и общемъ значеніи въ теченіе всего прошедшаго столѣтія. Если бы вся систематическая зоологія и ботаника не сохранила болѣе или менѣе неизмѣнно введенныхъ имъ раздѣленій, классификаціи и наименованія видовъ и связаннаго съ этимъ догматическаго понятія вида, то нельзя было бы понять, какъ могли его представленія о самостоятельномъ созданіи отдѣльныхъ видовъ сохранить свое господство до Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе расширяются наши знанія о строеніи и развитіи организмовъ, тѣмъ болѣе становится шаткимъ это представленіе. Только огромный авторитетъ Линнея могъ поддерживать его до послѣдняго времени.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦІЯ.

Исторія созданія по Кювье и Агассизу.

Общее теоретическое значеніе понятія о видѣ. — Различіе теоретическаго и практическаго опредѣленія видового понятія.—Опредѣленіе вида по Кювье.—Заслуги Кювье, какъ основателя сравнительной анатоміи.—Раздѣленіе животного царства на четыре главныхъ формы (типы или отрасли) по Кювье и Бэру.—Заслуги Кювье въ палеонтологіи.—Его гипотеза о переворотахъ земного шара и обусловленныхъ ими періодахъ созданія.—Неизвѣстная сверхъестественная причина этихъ переворотовъ и слѣдующихъ за ними новыхъ творческихъ актовъ.—Телеологическая система природы Агассиза.—Его представленія о планѣ созданія и шести категоріяхъ его (групповыхъ ступеняхъ системы).—Взглядъ Агассиза на созданіе вида.—Грубое очеловѣченіе (антропоморфизмъ) творческой силы въ гипотезѣ созданія Агассиза.—Внутренняя несостоятельность ея и противорѣчія съ открытыми Агассизомъ важными палеонтологическими законами.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что центръ тяжести въ борьбѣ естественно-научныхъ мнѣній о происхожденіи организмовъ, о ихъ созданіи или развитіи лежитъ въ различныхъ представленіяхъ о сущности *вида*, или *species*. Одни считаютъ вмѣстѣ съ Линнеемъ различные виды за самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга формы созданія, другіе признаютъ вмѣстѣ съ Дарвиномъ ихъ кровное родство. Раздѣляя взглядъ Линнея и допуская независимое происхожденіе, различныхъ органическихъ видовъ, необходимо разсматривать послѣднее, какъ сверхъестественный творческій актъ. Притомъ надо или допускать его для каждаго органическаго индивида (съ чѣмъ, конечно, не согласится ни одинъ натуралистъ), или выводить всѣхъ индивидовъ каждаго вида отъ одного единственнаго индивида или одной пары ихъ, которая возникла не единственнымъ путемъ, но благодаря какимъ-то сверхъестественнымъ силамъ. Оставивъ же твердую почву разумнаго познанія природы, мы неизбѣжно перейдемъ въ миѳологическое царство суевѣрій.

Если же, напротивъ, мы вмѣстѣ съ Дарвиномъ будемъ объяснять сходство формъ различныхъ видовъ кровнымъ родствомъ ихъ, то мы должны разсматривать всѣ различные виды животнаго и растительнаго вида, какъ измѣненныхъ потомковъ одной или нѣсколькихъ немногихъ простѣйшихъ первоначальныхъ формъ.

При такомъ воззрѣніи естественная система организмовъ (древовидно развѣтвленное расположеніе и раздѣленіе ихъ на классы, порядки, семейства, роды и виды) пріобрѣтаетъ значеніе дѣйствительнаго родословнаго дерева, корень котораго образованъ древними, давно исчезнувшими формами. Этотъ послѣдовательный, согласный съ природой взглядъ на организмы также по отношенію къ простѣйшимъ первоначальнымъ формамъ исключаетъ возможность сверхъестественнаго творческаго акта, допуская лишь происхожденіе ихъ путемъ первичнаго зарожденія (архигонія или самопроизвольное зарожденіе). Такимъ образомъ, съ помощью воззрѣнія Дарвина на сущность *вида* мы приходимъ къ *естественной теоріи развитія*; съ помощью же линнеевскаго пониманія вида, напротивъ, къ *сверхъестественной творческой догмѣ*.

Послѣ Линнея, великія заслуги котораго въ систематическомъ и описательномъ естествознаніи доставили ему высокій авторитетъ, большинство натуралистовъ шло по его стопамъ. Не задумываясь долго о происхожденіи организмовъ, они принимали самостоятельное созданіе отдѣльныхъ видовъ въ смыслѣ Линнея.

Основу ихъ пониманія вида составляло линневское изреченіе: «существуетъ столько видовъ, сколько первоначально было создано формъ». Однако, не входя въ болѣе подробное опредѣленіе понятія вида, мы должны замѣтить здѣсь, что всѣ ботаники и зоологи въ систематической практикѣ, въ практическомъ распознаваніи и наименованіи животныхъ и растительныхъ видовъ нисколько не озабочены мыслью о созданіи изъ прародительскихъ формъ, и на самомъ дѣлѣ они могутъ не заботиться объ этомъ. Въ этомъ отношеніи одинъ изъ первыхъ нашихъ зоологовъ, остроумный Фрицъ Мюллеръ, дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: «подобно тому, какъ въ христіанскихъ странахъ каждый повторяетъ моральный кодексъ, нисколько не считая себя обязаннымъ слѣдовать ему и ожидая видѣть исполненіе его со стороны другихъ, такъ и зоологія, вполнѣ признавая свои догмы въ теоріи, совершенно отрицаетъ ихъ на практикѣ». Такой противорѣчащей здравому разсудку, но могущественной благодаря этому, и даже самой могущественной изъ всѣхъ была до послѣдняго времени видовая догма Линнея. Хотя большинство натуралистовъ слѣпо подчинились ей, однако, понятно, они никогда не достигали возможности доказать общее происхожденіе всѣхъ индивидовъ отдѣльнаго вида отъ ихъ общей первоначально созданной видовой формы. Наоборотъ, какъ ботаники, такъ зоологи въ своей систематической практикѣ исключительно пользовались *сходствомъ формъ* съ цѣлью отличить и назвать различные виды. Они подводили подъ отдѣльный видъ или species всѣ органическія существа, которыя подобны другъ другу въ образованіи формъ или даже почти тожественны, и которыя позволяютъ раздѣлять ихъ на основаніи лишь незначительныхъ отличій. Напротивъ, они считали различными видами тѣхъ индивидовъ, которые представляли существенныя или рѣзко замѣтныя различія въ строеніи ихъ тѣла. Разумѣется, при этомъ открывается полный просторъ величайшему произволу въ систематическомъ различеніи видовъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда индивиды одного вида не бываютъ вполнѣ сходны до мелчайшихъ подробностей; напротивъ, каждый видъ измѣняется (варіируетъ), такъ что никто не въ силахъ сказать, какая степень различія обозначаетъ дѣйствительно «хорошій видъ», какая степень его опредѣляетъ *разновидность*, или расу (varietas).

Это догматическое пониманіе вида и связанный съ нимъ произволъ

необходимо должны привести къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ и положеніямъ, не выдерживающимъ никакой критики. Это ясно обнаружилось уже у того натуралиста, который послѣ Линнея оказалъ наибольшее вліяніе на развитіе зоологіи, именно у знаменитаго Жоржа Кювье (род. 1769 г.). Онъ въ общемъ примыкалъ къ Линнею въ своемъ пониманіи и опредѣленіи понятія вида и раздѣлялъ его представленія о независимомъ образованіи отдѣльныхъ видовъ. Неизмѣнность послѣднихъ Кювье признавалъ столь важной, что относительно ея могъ высказать слѣд. нелѣпое изреченіе: «постоянство вида есть необходимое условіе научной естественной исторіи». Такъ какъ опредѣленіе вида Линнея его не удовлетворяло, то онъ попытался сдѣлать болѣе точное и для систематической практики болѣе приложимое опредѣленіе вида, именно въ слѣдующей формѣ: «къ одному виду принадлежатъ всѣ тѣ индивиды изъ животныхъ и растеній, которые болѣе или менѣе несомнѣнно происходятъ или другъ отъ друга, или отъ общихъ родоначальныхъ формъ, или настолько же сходныхъ съ этими формами, настолько послѣднія сходны между собой».

Кювье думалъ въ этомъ отношеніи, приблизительно, слѣдующее: «относительно тѣхъ органическихъ индивидовъ, которые, какъ мы знаемъ, происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей и общее происхожденіе которыхъ можетъ быть такимъ образомъ эмпирически доказано, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ принадлежности ихъ одному виду, все равно, сильно или слабо различаются они между собой, почти ли тожественны они, или весьма несходны между собой. Но затѣмъ къ этому же виду принадлежатъ всѣ тѣ индивиды, которые отъ послѣднихъ (т. е. эмпирически выводимыхъ отъ общей формы) не болѣе отличаются, чѣмъ эти послѣдніе другъ отъ друга». При болѣе близкомъ разсмотрѣніи видового опредѣленія Кювье оказывается, что оно теоретически неудовлетворительно, практически же непримѣнимо. Съ этимъ же опредѣленіемъ Кювье вступаетъ въ тотъ кругъ, въ которомъ вращаются почти всѣ слѣдующія опредѣленія вида въ смыслѣ его неизмѣнности.

Въ виду чрезвычайнаго значенія, которое пріобрѣлъ Кювье для органическаго естествознанія, въ виду того почти безграничнаго господства, котораго достигли въ первой половинѣ настоящаго столѣтія его взгляды въ зоологіи, является весьма умѣстнымъ ближе освѣтить его вліяніе. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ лицѣ Кювье мы должны одолѣть сильнѣйшаго противника ученія о происхожденіи и монистическаго міросозерцанія.

Въ числѣ многихъ великихъ заслугъ Кювье на первомъ планѣ стоятъ его заслуги, какъ основателя *сравнительной анатоміи*. Въ то время, какъ Линней основалъ различеніе видовъ, родовъ, порядковъ и классовъ большею частью на внѣшнихъ чертахъ, на отдѣльныхъ, легко находимыхъ признакахъ, — числѣ, величинѣ, длинѣ и формѣ отдѣльныхъ частей тѣла, Кювье гораздо глубже проникъ въ сущность организаціи. Онъ указалъ великія и рѣшающія различія во внутреннемъ строеніи животныхъ, какъ существенныя основы научнаго распознаванія и классификаціи ихъ. Онъ различалъ естественныя семейства въ животныхъ классахъ и на сравнительной анатоміи ихъ основалъ свою естественную систему царства животныхъ.

Замѣна искусственной системы Линнея естественной системой Кювье представляетъ чрезвычайно важный успѣхъ. Линней привелъ къ одному ряду всѣхъ животныхъ, которыхъ онъ раздѣлилъ на шесть классовъ,

два безпозвоночныхъ и четыре позвоночныхъ. Онъ искуственно раздѣлилъ ихъ на основанiи свойства крови и сердца. Кювье, напротивъ, показалъ, что въ животномъ классѣ надо различать четыре великихъ естественныхъ отдѣла, которые онъ назвалъ главными формами, общими планами или вѣтвями животнаго царства. Эти отдѣлы слѣдующiе: 1) позвоночныя (vertebrata), 2) членистыя (articulata), 3) мягкотѣлыя (mollusca) и 4) лучеобразныя (radiata). Кювье далѣе показалъ, что въ каждой изъ этихъ четырехъ вѣтвей ясно замѣтенъ особый планъ строенiя или типъ, который отличаетъ эти вѣтви другъ отъ друга. У позвоночныхъ животныхъ онъ опредѣленно выраженъ, кромѣ многихъ другихъ особенностей, свойствами внутренняго скелета или костной опоры, равно какъ строенiемъ и положенiемъ спинного мозга. Членистыя животныя характеризуются брюшнымъ положенiемъ мозга и спиннымъ положенiемъ сердца. Мягкотѣлыхъ животныхъ опредѣляетъ мѣшкообразное, нерасчлененное тѣло, спинная сторона котораго большею частью покрыта известковой скорлупой. Наконецъ, лучеобразныя животныя отличаются отъ трехъ остальныхъ главныхъ формъ сложенiемъ своего тѣла изъ четырехъ или болѣе лучеобразно соединенныхъ частей (лучей или порамеръ).

Обыкновенно приписываютъ Кювье различенiе этихъ главныхъ животныхъ формъ, которое было весьма плодотворно для дальнѣйшаго развитiя зоологiи. Между тѣмъ, почти одновременно и независимо отъ Кювье та же мысль была высказана однимъ изъ величайшихъ нѣмецкихъ естествоиспытателей, Бэромъ, который оказалъ выдающiяся услуги исторiи развитiя животныхъ. Бэръ показалъ, что также въ способѣ развитiя животныхъ должно различать четыре главныхъ формы или типа. Онѣ соотвѣтствуютъ четыремъ животнымъ планамъ строенiя, которые Кювье различилъ на основанiи сравнительной анатомiи. Такъ, напр., индивидуальное развитiе всѣхъ позвоночныхъ животныхъ изъ яйца въ существенныхъ чертахъ въ началѣ столь сходно, что строенiе зародыша или эмбрiона различныхъ позвоночныхъ (напр., рептилiй, птицъ и млекопитающихъ) въ прежнее время совершенно не могли различать. Только въ дальнѣйшемъ теченiи развитiя постепенно наступаютъ болѣе глубокiя различiя, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга классы и ихъ порядки. Такъ же точно закладка тѣла въ индивидуальномъ развитiи членистыхъ животныхъ (насѣкомыхъ, пауковъ, раковъ) въ началѣ у всѣхъ ихъ въ главнѣйшихъ чертахъ одинаковы, но отличается отъ закладки тѣла всѣхъ позвоночныхъ животныхъ.

Однако, никто, ни Кювье, пришедшiй къ различенiю четырехъ животныхъ типовъ или главныхъ формъ путемъ сравнительной анатомiи, ни Бэръ, достигшiй тѣхъ же результатовъ путемъ исторiи индивидуальнаго развитiя (или онтогенiи), не зналъ истинной причины этого типическаго различiя. Послѣдняя была раскрыта только ученiемъ о происхожденiи. Удивительное и просто поражающее свойство во внутренней организацiи, въ анатомическихъ структурныхъ отношенiяхъ и еще болѣе замѣчательное согласiе въ индивидуальномъ развитiи всѣхъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному и тому же типу, напр., къ типу позвоночныхъ, объясняется наипростѣйшимъ образомъ, если допустить общее происхожденiе ихъ отъ одной единственной родословной формы. Отвергая же это допущенiе, мы оставляемъ совершенно непонятнымъ это поразительное сходство разнообразныхъ позвоночныхъ животныхъ во внутреннемъ строенiи и въ способѣ развитiя. Оно можетъ быть выяснено только *наслѣдственностью*.

Послѣ сравнительной анатоміи животныхъ и основанной, благодаря ей, за-ново систематической зоологіи, Кювье оказалъ наибольшія услуги ученію объ окаменѣлостяхъ или палеонтологіи. Мы тѣмъ болѣе должны это помнить, что палеонтологическія и связанныя съ ними геологическія воззрѣнія Кювье въ первой половинѣ нашего столѣтія были общепризнанными и въ то же время послужили величайшимъ препятствіемъ къ развитію естественной исторіи созданія.

Окаменѣлости (petrefacta), научное изученіе которыхъ сильнѣйшимъ образомъ подвинулъ впередъ Кювье въ началѣ нашего вѣка, а для позвоночныхъ совершенно за-ново основалъ, играютъ выдающуюся роль въ «естественной исторіи созданія». Эти сохранившіеся въ окаменѣломъ состояніи остатки и отпечатки вымершихъ животныхъ и растеній— истинныя *«медали творенія»*, неоспоримыя и существенныя *свидѣтельства*, которыя составляютъ несокрушимое основаніе для истинной *исторіи* организмовъ. Всѣ окаменѣлые или ископаемые остатки и отпечатки сообщаютъ намъ о формѣ и строеніи тѣхъ животныхъ и растеній, которыя являются или древними предками и прародителями теперь живущихъ организмовъ, или вымершими боковыми линіями, которыя раньше или позже отдѣлились отъ одного отпрыска, общаго съ нынѣ живущими организмами.

Эти неоцѣнимо важныя свидѣтельства исторіи созданія въ теченіе долгаго времени играли второстепенную роль въ наукѣ. Однако, истинная природа ихъ была правильно понята уже болѣе чѣмъ за 500 лѣтъ до Р. Х. великимъ греческимъ философомъ, Ксенофаномъ Колофонскимъ, тѣмъ самымъ, который основалъ такъ называемую элеатскую философію и впервые съ убѣдительною рѣзкостью доказалъ, что всѣ представленія о личныхъ богахъ въ концѣ концовъ приводятъ къ болѣе или менѣе грубому антропоморфизму. Ксенофанъ въ первый разъ утверждалъ, что ископаемые отпечатки животныхъ и растеній суть дѣйствительные остатки нѣкогда жившихъ организмовъ, и что горы, въ породахъ которыхъ они находятся, должны были прежде стоять подъ водой. Хотя уже и другіе великіе философы древнихъ вѣковъ, и въ числѣ ихъ Аристотель, раздѣляли это воззрѣніе однако въ продолженіи грубаго средневѣковья, а у многихъ естество-испытателей даже еще въ прошломъ столѣтіи господствовалъ тотъ взглядъ, что эти окаменѣлости представляютъ такъ называемую игру природы (lusus naturae) или продукты неизвѣстной образовательной силы природы (nisus formativus, vis plastica). О сущности и дѣятельности этой загадочной и мистической образовательной силы существовали курьезнѣйшія представленія. Одни думали, что эта образовательная творческая сила, которой они приписывали также происхожденіе животныхъ и растительныхъ видовъ, дѣлала безчисленное множество попытокъ создать организмы различной формы; эти попытки были только отчасти удачныя, но большею частью не удавались, и вотъ эти неудачные опыты и представляютъ окаменѣлости. По мнѣнію другихъ, онѣ возникли внутри земли подъ вліяніемъ звѣздъ. Другіе дѣлали еще болѣе грубое представленіе, именно, что Создатель сперва сдѣлалъ изъ минеральныхъ веществъ, напр., извести или глины, предварительныя модели тѣхъ растительныхъ и животныхъ формъ, которыхъ онъ потомъ сдѣлалъ изъ органическаго вещества, и въ которыхъ онъ затѣмъ вдохнулъ свою собственную жизнь; окаменѣлости, поэтому, только грубыя, неорганическія модели. Даже въ прошломъ столѣтіи были распространены подобные мистическіе взгляды, прини-

мали, напр., особенный «сѣменной воздухъ» (aura seminalis), который вмѣстѣ съ водой проникалъ въ землю и при помощи оплодотворенія горныхъ породъ давалъ окаменѣлости или каменное мясо (caro fossilis).

Какъ видимъ, прошло чрезвычайно много времени, прежде чѣмъ получило признаніе простое и естественное представленіе, что окаменѣлости ничто иное, какъ то, что объясняетъ уже ихъ наружный видъ: нетлѣнные остатки вымершихъ организмовъ. Уже въ пятнадцатомъ столѣтіи знаменитый живописецъ, Леонардо Да Винчи, осмѣлился утверждать, что постоянно отлагающійся изъ воды илъ есть дѣйствительная причина окаменѣлостей, а именно, онъ обволакиваетъ лежащія на днѣ водъ нетлѣнныя известковыя скорлупы раковинокъ и улитокъ и постепенно достигаетъ твердости горной породы. Тоже самое утверждалъ также въ шестнадцатомъ столѣтіи парижскій гончаръ Палисси, который прославился своимъ изобрѣтеніемъ фарфора. Однако, такъ называемые «ученые спеціалисты» были слишкомъ далеки отъ того, чтобы оцѣнить эти вѣрные взгляды простого и здраваго человѣческаго ума, и только въ концѣ прошлаго столѣтія, когда Вернеръ возводилъ основанія нептунической геологіи, они получили всеобщее признаніе.

Однако, основаніе болѣе строгой научной палеонтологіи восходитъ только къ началу нашего столѣтія, когда опубликовали Кювье—свои классическія изслѣдованія объ окаменѣлыхъ позвоночныхъ, и его великій противникъ Ламаркъ—свои бросающія свѣтъ изслѣдованія окаменѣлыхъ безпозвоночныхъ животныхъ, именно окаменѣлыхъ раковыхъ и улитокъ. Въ своемъ знаменитомъ произведеніи «объ окаменѣлыхъ костяхъ» позвоночныхъ, особенно млекопитающихъ и рептилій, Кювье дошелъ уже до познанія нѣкоторыхъ, чрезвычайно важныхъ, общихъ палэонтологическихъ законовъ, которые пріобрѣли глубокое значеніе для исторіи созданія. Сюда относится прежде всего то положеніе, что вымершіе животные виды, окаменѣлые остатки которыхъ находятся въ различныхъ, другъ на другѣ лежащихъ слояхъ земной коры, тѣмъ сильнѣе отличаются отъ еще живущихъ родственныхъ имъ животныхъ видовъ, чѣмъ глубже залегаютъ эти слои земли, т.-е., чѣмъ раньше жили они, въ отдаленныя времена. Дѣйствительно, въ каждомъ вертикальномъ разрѣзѣ наслоеній земли мы находимъ, что осаждающіеся изъ воды въ опредѣленной исторической послѣдовательности различные слои характеризуются различными окаменѣлостями, и даже мы находимъ, что эти вымершіе организмы тѣмъ болѣе приближаются къ организмамъ настоящаго времени, чѣмъ выше мы поднимаемся въ послѣдовательно расположенныхъ слояхъ, т.-е. чѣмъ позднѣе тѣ періоды исторіи земли, въ теченіе которыхъ они жили, умерли и покрылись отложившимися и отвердѣвшими слоями ила.

Насколько, съ одной стороны, было важно это воззрѣніе Кювье, на столько, съ другой стороны, оно послужило для него источникомъ глубокаго заблужденія. Принимая, что характерныя окаменѣлости каждой отдѣльной, болѣе значительной группы слоевъ, отложившихся въ одинъ изъ главныхъ періодовъ исторіи земли, совершенно отличны отъ окаменѣлостей выше или ниже лежащей группы слоевъ, онъ ошибочно думалъ, что одинъ и тотъ же животный видъ никогда не встрѣчается въ двухъ сосѣднихъ группахъ. Такимъ путемъ онъ пришелъ къ ложному, однако руководившему большинствомъ слѣдующихъ натуралистовъ представленій о послѣдовательномъ рядѣ совершенно различныхъ періодовъ созданія. Каждый періодъ долженъ былъ имѣть свой совер-

шенно особенный міръ растеній и животныхъ, свою собственную специфическую флору и фауну. Кювье представлялъ себѣ, что вся исторія земли, начиная съ той поры, когда появились на земной корѣ вообще живыя существа, распадается на опредѣленное число совершенно раздѣльныхъ періодовъ или главныхъ отдѣловъ, и что эти періоды отдѣлены другъ отъ друга особенными, неизвѣстными переворотами, такъ называемыми революціями (катаклизмами или катастрофами). Каждая революція прежде всего имѣла своимъ послѣдствіемъ полное уничтоженіе жившаго тогда животнаго и растительнаго міра, по окончаніи же ея наступало совершенно новое твореніе органическихъ формъ. Новый міръ растеній и животныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ различный отъ предшествовавшаго историческаго періода, былъ за-разъ призванъ къ жизни. Онъ снова населялъ земной шаръ въ теченіе ряда тысячелѣтій, пока внезапно не погибалъ при наступленіи новой революціи.

О сущности и причинахъ этихъ революцій Кювье выражался такимъ образомъ, что объ этомъ нельзя составить себѣ никакого представленія и что дѣйствующія теперь силы природы недостаточны для объясненія ихъ. Въ качествѣ естественныхъ силъ или механическихъ агентовъ, которые въ настоящее время безпрерывно, хотя и медленно, работаютъ, преобразуя земную поверхность, Кювье приводитъ четыре дѣйствующихъ причины: во-первыхъ, *дождь*, который размываетъ крутые склоны горъ и сноситъ щебень къ ихъ подошвѣ; во-вторыхъ, текучія воды, которыя уносятъ этотъ щебень и въ видѣ ила отлагаютъ его въ стоячихъ водахъ; въ-третьихъ, море, прибой волнъ котораго разрываетъ крутыя края береговъ и на плоскомъ прибрежьи насыпаетъ дюны, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, *вулканы*, которые промываютъ наслоенія отвердѣвшей земной кары, поднимаютъ ихъ вверхъ, нагромождаютъ и кругомъ разбрасываютъ продукты своего изверженія. Признавая безпрерывное, медленное преобразованіе настоящей поверхности земли этими четырьмя могущественными причинами, Кювье въ то же время утверждалъ, что послѣднія были бы недостаточны для того, чтобы произвести земныя революціи доисторическихъ временъ, и что анатомическое строеніе всей земной кары не можетъ быть объяснено необходимымъ дѣйствіемъ этихъ агентовъ: напротивъ, эти удивительные великіе перевороты всей земной поверхности должны были возникнуть, благодаря особеннымъ, намъ совершенно неизвѣстнымъ причинамъ; обычная нить развитія вполнѣ разрывается этими революціями, ходъ природы измѣняется.

Этивзгляды Кювье изложилъ въ отдѣльной книгѣ, «О революціяхъ земной поверхности и объ измѣненіяхъ, которыя онѣ вызываютъ въ царствѣ животныхъ». Эти воззрѣнія сохраняли долгое время свою полную силу и поставили величайшія препятствія развитію естественной исторіи созданія. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно существовали такія общія, все уничтожающія катастрофы, то, разумѣется, при этомъ никакъ нельзя принимать безпрерывность развитія видовъ, связную нить органической исторіи земли, и тогда надо прибѣгнуть къ дѣйствію сверхъестественныхъ силъ, къ вмѣшательству чудесъ въ естественный ходъ вещей. Только *чудомъ* могли быть вызваны эти революціи земли, и по окончаніи ихъ только чудомъ могли быть созданы въ началѣ каждаго новаго періода новый міръ животныхъ и растеній. Но для чуда естественная наука нигдѣ не имѣетъ мѣста, если только подъ чудомъ разумѣть вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ въ естественный ходъ развитія матеріи.

Высокій авторитетъ Линнея, благодаря его систематическому распредѣленію и наименованію органическихъ видовъ, привелъ его послѣдователей къ мертвой неподвижности догматическаго понятія о видѣ и къ истинному злоупотребленію систематическаго различенія видовъ; такъ же точно великіе заслуги Кювье въ познаніи и раздѣленіи вымершихъ видовъ сдѣлались причиной общаго признанія его ученія о революціяхъ и катастрофахъ и связанныхъ съ нимъ глубоко ошибочныхъ взглядовъ на твореніе. Вслѣдствіе этого большинство зоологовъ и ботаниковъ въ первой половинѣ нашего столѣтія твердо признавали тотъ взглядъ, что существуетъ рядъ независимыхъ періодовъ органической исторіи земли; каждый періодъ отличается опредѣленнымъ, ему свойственнымъ населеніемъ животныхъ и растительныхъ видовъ; послѣдніе въ концѣ періода уничтожаются общей революціей и послѣ прекращенія ея снова создается новый, специфически отличный міръ растеній и животныхъ. Правда, вскорѣ уже отдѣльные самостоятельные умы, и прежде всего великій натурфилософъ Ламаркъ, приводили важные аргументы, которые опровергали эту теорію катастрофъ Кювье, и которые, наоборотъ, указывали на связную и безпрерывную исторію развитія всего органическаго земного населенія всѣхъ временъ. Доводы его приводили къ утвержденію, что животные и растительные виды отдѣльныхъ періодовъ происходятъ отъ видовъ ближайшихъ предшествовавшихъ періодовъ и являются только ихъ измѣненными потомками. Однако, этотъ правильный взглядъ еще не могъ бороться съ великимъ авторитетомъ Кювье. Даже послѣ того, какъ появившіеся въ 1830 году классическіе «принципы геологіи» Ляйеля совершенно вытѣснили изъ области геологіи ученіе Кювье о катастрофахъ, его воззрѣніе о специфическомъ отличіи различныхъ органическихъ твореній сохраняло тѣмъ не менѣе свое полное значеніе въ области палеонтологіи.

По странному стеченію обстоятельствъ случилось сорокъ лѣтъ тому назадъ, что въ то же самое время, когда исторія творенія Кювье получила смертельный ударъ со стороны произведенія Дарвина, другой знаменитый натуралистъ предпринялъ попытку съизнова построить ее и въ рѣзкой формѣ изложить, какъ часть телеологическо-теологической естественной системы. Именно, швейцарскій геологъ Луи Агассизъ, который достигъ громкаго имени благодаря позаимствованной имъ у Шимпера и Карпентера теоріи ледниковъ и ледниковаго періода, и который нѣсколько лѣтъ провелъ въ С. Америкѣ (умеръ въ 1873 году), началъ въ 1859 году печатать обширно задуманное произведеніе, которое носило заглавіе «Къ естественной исторіи Соединенныхъ Штатовъ С. Америки». Первый томъ этой естественной исторіи, которая, благодаря патріотизму сѣверо-американцевъ, получила распространеніе неслыханное для такого объемистаго и дорого стоющаго произведенія, носитъ заглавіе «Опыты классификаціи». Въ этомъ опытѣ Агассизъ излагаетъ нетолько естественную систему организмовъ и различныя относящіяся сюда попытки классификаціи, но также всѣ общія біологическія отношенія, болѣе или менѣе близкія къ этому предмету. Развитіе организмовъ и именно, какъ эмбріологическое, такъ и палеонтологическое, факты сравнительной анатоміи, затѣмъ общая экономія природы, географическое и топографическое распространеніе животныхъ и растеній, короче, почти весь общій родъ явленій органической природы былъ затронутъ опытомъ классификаціи Агассиза.

Все изложеніе ведется съ точки зрѣнія, діаметрально противоположной дарвиновской.

Главная заслуга Дарвина заключается въ томъ, что онъ указалъ *естественныя* причины происхожденія растительныхъ и животныхъ видовъ и такимъ образомъ подтвердилъ правильность механическаго или монистическаго міровоззрѣнія также въ этой труднѣйшей области исторіи творенія. Агассизъ же, напротивъ, вездѣ старался исключить этотъ механическій процессъ изъ всей этой области и вмѣсто естественныхъ силъ матеріи ставилъ повсюду сверхъестественное вмѣшательство личнаго создателя, желая такимъ образомъ доставить полный перевѣсъ телеологическому или дуалистическому міровоззрѣнію. Уже по одной этой причинѣ стоило бы ближе разсмотрѣть здѣсь біологическіе взгляды Агассиза и особенно его представленія о твореніи. Это тѣмъ болѣе умѣстно, что никакое другое произведеніе нашихъ противниковъ не разбираетъ съ такой подробностью эти важные общіе основные вопросы и не раскрываетъ въ то же время столь очевидно для всякаго непредубѣжденнаго полной несостоятельности дуалистическаго міровоззрѣнія. *Органическій* видъ или species, разнородное пониманіе котораго мы уже выше отмѣтили, какъ особую полярную точку противоположныхъ воззрѣній на твореніе, разсматривается Агассизомъ точно такъ же, какъ Кювье и Линнемъ, какъ образъ, не измѣняемый въ своихъ существенныхъ признакахъ; правда, онъ можетъ измѣняться или варіировать въ узкихъ предѣлахъ, однако только въ не существенныхъ, но никакъ не въ существенныхъ своихъ особенностяхъ. Измѣненія или разновидности вида никогда не могутъ дать новаго вида. Такимъ образомъ, ни одинъ изъ всѣхъ органическихъ видовъ не происходитъ отъ другого; напротивъ, каждый отдѣльный видъ созданъ самъ по себѣ. Каждый отдѣльный животный видъ, по выраженію Агассиза, воплощенная творческая мысль личнаго создателя.

Палеонтологія учитъ насъ, что продолжительность существованія отдѣльныхъ органическихъ видовъ крайне неодинакова, многіе виды неизмѣнно проходятъ черезъ нѣсколько другъ за другомъ слѣдующихъ періодовъ исторіи земли, другіе же жили только въ теченіе небольшой доли одного изъ такихъ періодовъ. Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ этимъ фактомъ Агассизъ утверждаетъ, что одинъ и тотъ же видъ никогда не встрѣчается въ двухъ различныхъ періодахъ, что, наоборотъ, каждый отдѣльный періодъ характеризуется совершенно особеннымъ, исключительно ему только свойственнымъ населеніемъ животныхъ и растительныхъ видовъ. Онъ раздѣляетъ далѣе взглядъ Кювье, что, благодаря великимъ и общимъ революціямъ земной поверхности, въ концѣ каждаго періода погибало все его населеніе, а послѣ его гибели создавалось новое, специфически отличное отъ него. Это твореніе съизнова происходило по Агассизу такимъ образомъ, что каждый разъ все земное населеніе, въ среднемъ числѣ его индивидовъ и въ соотвѣтствующихъ экономіи природы взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ видовъ ставилось въ этотъ міръ за-разъ, въ видѣ одного цѣлаго. Этимъ онъ вступаетъ въ противорѣчіе съ однимъ изъ наилучше обоснованныхъ и важнѣйшихъ законовъ животной и растительной географіи, по которому каждый видъ обладаетъ однимъ единственнымъ первоначальнымъ мѣстомъ происхожденія или такъ называемой срединной точкой творенія, откуда онъ постепенно распространяется за предѣлы своего участка. Но по Агассизу всѣ виды какимъ-то чудомъ были созданы въ различ-

ныхъ мѣстахъ земной поверхности и сразу въ огромномъ числѣ индивидовъ.

Естественная система организмовъ,—различныя другъ надъ другомъ расположенныя грунтовыя ступени которой или категоріи—типы, классы, порядки, семейства, роды и виды—мы разсматриваемъ согласно ученію о происхожденіи, какъ различныя развѣтвленія общаго органическаго *родословнаго дерева,*—представляетъ по Агассизу непосредственное выраженіе творческаго плана.

Различныя групповыя ступени или категоріи естественной системы соотвѣтствуютъ различнымъ ступенямъ развитія, которыхъ достигалъ творческій планъ. При начертаніи и развитіи этого плана создатель, исходя изъ наиболѣе общихъ творческихъ идей, все болѣе и болѣе, по понятіямъ Агассиза, углублялся въ отдѣльныя подробности. Такимъ образомъ, по отношенію къ царству животныхъ, создатель при ихъ твореніи сперва остановился на четырехъ глубоко различныхъ идеяхъ о животномъ тѣлѣ, которыя затѣмъ воплотилъ въ различные творческіе планы четырехъ большихъ и главныхъ формъ, типовъ или вѣтвей животнаго царства, а именно позвоночныхъ, членистыхъ, мягкотѣлыхъ и лучеобразныхъ животныхъ. Задумываясь далѣе надъ тѣмъ, какъ бы разнообразить эти творческіе планы, онъ прежде всего создалъ внутри каждой изъ этихъ четырехъ главныхъ формъ нѣсколько различныхъ классовъ, напр., въ формѣ позвоночныхъ животныхъ—классы млекопитающихъ, птицъ, рептилій, амфибій и рыбъ. Затѣмъ создатель углубился въ отдѣльные классы и, внеся нѣкоторое различіе въ строеніе каждаго класса, вызвалъ образованіе порядковъ. Дальнѣйшими варіаціями формы порядковъ онъ создалъ естественныя семейства. Варіируя далѣе структурныя особенности каждаго семейства, онъ создалъ роды или genera. Наконецъ, онъ въ дальнѣйшемъ расширеніи своего творческаго плана дошелъ до тѣхъ подробностей строенія, при которыхъ возникли виды или species. Такимъ образомъ, послѣдніе представляютъ воплощенную творческую идею въ ея наиболѣе развитой формѣ. При этомъ можно только пожалѣть, что эта наиболѣе развитая и продуманная творческая идея выражена столь неясно и неопредѣленно, и допускаетъ столь широкія варіаціи, что ни одинъ естествоиспытатель не въ силахъ рѣзко отличать «хорошіе» отъ «дурныхъ видовъ», настоящіе «species» отъ подвидовъ, разновидностей, расъ и т. д. Вы видите, что, по представленію Агассиза, создатель, производя органическія формы, поступаетъ совершенно такъ, какъ человѣкъ-строитель, который поставилъ себѣ задачей придумать и сдѣлать наивозможно болѣе разнообразныхъ построекъ для самыхъ различныхъ цѣлей въ наивозможно болѣе разнохарактерномъ стилѣ, въ различныхъ степеняхъ простоты, великолѣпія, грандіозности и совершенства. Этотъ архитекторъ для всѣхъ зданій долженъ былъ бы примѣнить четыре различныхъ стиля, готическій, византійскій, мавританскій и китайскій. Въ каждомъ изъ этихъ стилей онъ построилъ бы извѣстное число церквей, дворцовъ, казармъ, темницъ и жилыхъ домовъ. Каждое изъ этихъ различныхъ зданій было бы возведено въ болѣе грубомъ или совершенномъ, большемъ или меньшемъ, въ простомъ или великолѣпномъ видѣ. Но человѣческій архитекторъ былъ бы лучше поставленъ, чѣмъ создатель міра, такъ какъ ему предоставлена полная свобода въ числѣ этихъ категоріи. Напротивъ того, создатель, по Агассизу, всегда остается въ предѣлахъ

названныхъ шести категорій: вида, рода, семейства, порядка, класса и типа. Болѣе шести этихъ категорій для него не существуетъ.

Если вы сами будете читать произведеніе Агассиза о классификаціи, то, слѣдя за развитіемъ и обоснованіемъ его странныхъ взглядовъ, вы едва въ состояніи будете понять, какъ можно съ полнымъ видомъ научной серьезности пойти такъ далеко въ очеловѣченіи (*антропоморфизмъ*) творческой силы и достигнуть въ изложеніи деталей такой поразительной нелѣпости. Во всемъ этомъ рядѣ представленій создатель является не болѣе, какъ могущественнымъ человѣкомъ, который, изнывая отъ скуки и желая разсѣять ее, придумалъ и устроилъ разнообразныя игрушки, органическіе виды. Эта забава продолжается въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, наконецъ надоѣдаетъ ему; онъ уничтожаетъ при помощи общей революціи земной поверхности всѣ эти безполезныя игрушки, предварительно собравъ ихъ въ одну кучу; затѣмъ, желая развлечь себя чѣмъ-нибудь новымъ и лучшимъ, онъ призываетъ къ жизни новый и болѣе совершенный животный и растительный міръ. Однако, чтобы не начинать сначала всей этой нелегкой творческой работы, онъ точно сохраняетъ однажды придуманный творческій планъ и создаетъ только новые виды, или въ крайнемъ случаѣ новые роды, гораздо рѣже новыя семейства, порядки или даже классы. Къ новому типу или стилю онъ никогда не приходитъ. Все время онъ строго остается внутри шести категорій.

Послѣ того, какъ создатель, по взглядамъ Агассиза, въ теченіе милліоновъ тысячъ лѣтъ забавляясь твореніемъ и разрушеніемъ ряда различныхъ существъ, наконецъ, пришелъ—хотя весьма поздно!—къ благой мысли создать себѣ подобнаго,—онъ создаетъ человѣка. Этимъ достигается конечная цѣль всей исторіи созданія и замыкается рядъ земныхъ революцій. Человѣкъ, дитя и образъ своего создателя, потребовалъ отъ послѣдняго такъ много труда и доставилъ ему такъ много заботъ и удовольствія, что онъ теперь ужъ никогда не испытываетъ скуки и не имѣетъ нужды начинать какое-нибудь новое твореніе. Если, такимъ образомъ, только однажды присвоить создателю человѣческіе аттрибуты и свойства и его творческій актъ разсматривать аналогично человѣческой дѣятельности, то неизбѣжно придется признать и эти слѣдствія.

Многочисленныя внутреннія противорѣчія и поразительныя нелѣпости въ воззрѣніяхъ Агассиза, приведшія его къ рѣшительной борьбѣ съ ученіемъ о происхожденіи, должны тѣмъ болѣе возбудить наше удивленіе, что онъ своими прежними естественно-научными работами во многихъ отношеніяхъ подготовилъ появленіе Дарвина, особенно своей дѣятельностью въ области палеонтологіи.

Среди многочисленныхъ изслѣдователей, которые скоро доставили юной палентологіи общее значеніе, работы Агассиза, именно его знаменитое произведеніе «объ ископаемыхъ рыбахъ», не уступаютъ въ своей научной важности основнымъ работамъ Кювье. Окаменѣлыя рыбы, съ которыми познакомилъ насъ Агассизъ, пріобрѣли чрезвычайно высокое значеніе не только потому, что онѣ освѣтили намъ всю группу позвоночныхъ животныхъ и историческое развитіе ихъ, но еще и потому, что, благодаря имъ, мы достигли познанія важныхъ общихъ законовъ развитія. Съ особенною же силой Агассизъ настаивалъ на замѣчательномъ параллелизмѣ между эмбріональнымъ развитіемъ индивидовъ и палеонтологическимъ развитіемъ видовъ. Это важное согласіе,

которое было извѣстно уже древней натурфилософіи, я принялъ передъ этимъ, какъ одну изъ сильнѣйшихъ опоръ ученія о происхожденіи. Никто раньше не утверждалъ такъ опредѣленно какъ это сдѣлалъ Агассизъ, что изъ позвоночныхъ животныхъ сперва существовали только рыбы, что только позже явились амфибіи, и еще въ гораздо болѣе позднѣйшее время возникли птицы и млекопитающія; что затѣмъ порядки млекопатающихъ, такъ же какъ рыбъ, сперва были несовершенные, низшіе, и только позже явились болѣе совершенные и высшіе. Слѣдовательно, Агассизъ показалъ, что палэонтологическое развитіе всей группы позвоночныхъ параллельно не только эмбріологическому, но и систематическому развитію, т.-е. той лѣстницѣ ступеней, которую мы видимъ въ системѣ, поднимаясь отъ болѣе низкихъ къ болѣе высокимъ классамъ, порядкамъ и т. д. Въ исторіи земли сперва явились низшія и только позже высшія формы. Этотъ важный фактъ такъ же, какъ согласіе эмбріональнаго и палеонтологическаго развитія, совершенно просто и естественно объясняется ученіемъ о происхожденіи, между тѣмъ какъ безъ него онъ совершенно непонятенъ. То же самое относится далѣе къ великому закону *прогрессивнаго развитія*, къ историческому успѣху организмовъ, который проявляется какъ въ исторической послѣдовательнасти всѣхъ организмовъ, такъ и въ особенномъ совершенствованіи отдѣльныхъ частей животнаго тѣла. Такъ, напр.: скелетъ позвоночныхъ животныхъ, ихъ костная опора, медленно, послѣдовательно и постепенно получилъ ту степень совершенства, которой онъ обладаетъ у человѣка и другихъ позвоночныхъ животныхъ. Но этотъ открытый и фактически доказанный Агассизомъ законъ неизбѣжно вытекаетъ изъ основаннаго Дарвиномъ ученія объ отборѣ, которое указываетъ для этого дѣйствующія причины. Если это ученіе правильно, то совершенство и разнообразіе животныхъ и растительныхъ видовъ должно было послѣдовательно возрастать въ продолженіи органической исторіи земли и своего высшаго развитія могло достигнуть только въ новѣйшее время.

Только что приведенные и еще нѣкоторые другіе общіе законы развитія, которые Агассизъ такъ рѣшительно призналъ и такъ сильно подчеркнулъ, частью же самъ лично открылъ, объясняются, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, только ученіемъ о происхожденіи, безъ него они остаются совершенно непонятными. Только раскрытое Дарвиномъ взаимодѣйствіе наслѣдственности и приспособленія можетъ быть истинной причиной ихъ. Напротивъ, всѣ они стоятъ въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ вышеприведенной исторіей созданія Агассиза и со всѣми представленіями о цѣлесообразной личной дѣятельности создателя. Если же серьезно объясняютъ послѣднею эти замѣчательныя явленія и всю внутреннюю связь ихъ, то неизбѣжно приходятъ къ тому признанію, что создатель самъ развивался вмѣсту съ органической природой, которую онъ создалъ и преобразовалъ. Тогда уже нельзя отвязаться отъ того представленія, что самъ создатель по примѣру человѣка составилъ свои планы, улучшивъ ихъ, и наконецъ провелъ со многими измѣненіями. «Человѣкъ растетъ по мѣрѣ развитія его цѣлей». Если то крайнее почтеніе, съ которымъ Агассизъ на каждой страницѣ говоритъ о создателѣ, повидимому, возвышаетъ наше представленіе о его дѣяніяхъ, то въ дѣйствительности происходитъ обратное,—униженіе его до степени идеализированнаго человѣка, организма, совершенствующагося въ своемъ развитіи.

Въ виду широкаго распространенія и высокаго уваженія, которыя пріобрѣло произведеніе Агассиза и которыя были вызваны его прежними научными заслугами, я считалъ себя обязаннымъ вкратцѣ представить здѣсь всю несостоятельность его общихъ воззрѣній. Если это произведеніе имѣетъ претензіею быть естественно-научной исторіей созданія, то, безъ сомнѣнія, это глубокое заблужденіе. Но оно имѣетъ цѣну, какъ единственная въ послѣднее время обстоятельная, уснащенная научными доводами, попытка выдающагося натуралиста обосновать телеологическую или дуалистическую исторію созданія. Внутренняя невозможность таковой представляется очевидной въ глазахъ каждаго. Никакой противникъ Агассиза не въ силахъ былъ бы такъ рѣшительно разбить развитое имъ дуалистическое воззрѣніе на органическую природу и ея происхожденіе, какъ это удалось ему самому, благодаря всюду разсѣяннымъ внутреннимъ противорѣчіямъ.

Значеніе Агассиза въ великой борьбѣ изъ-за вопроса о твореніи не можетъ быть сравниваемо съ значеніемъ знаменитаго берлинскаго патолога, Рудольфа Вирхова. Этотъ послѣдній въ настоящее время слыветъ, какъ выдающійся противникъ нашего современнаго ученія о развитіи. Но только его богатая послѣдствіями оппозиція противъ этого ученія ограничивается простымъ упорнымъ отрицаніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Вирховъ (1877) отрекся на собраніи естествоиспытателей въ Мюнхенѣ отъ своихъ прежнихъ монистическихъ убѣжденій и при одобреніяхъ обскурантовъ отвергнулъ свободу научнаго изслѣдованія и ученія, нападки его на трансформизмъ и дарвинизмъ повторялись весьма часто; однако, онъ ни разу не сдѣлалъ попытки поставить другое позитивное воззрѣніе на мѣсто опровергаемаго. Въ то же время онъ слишкомъ далеко стоитъ по отношенію къ важнѣйшимъ вспомогательнымъ средствамъ нашего современнаго ученія о развитіи для того, чтобы понять и оцѣнить его значеніе. Полновѣсныя свидѣтельства сравнительной анатоміи и онтогеніи, палеонтологіи, систематической зоологіи и ботаники для Вирхова не существуютъ, между тѣмъ богатый эрудиціей Агассизъ глубоко, хотя и превратно оцѣнилъ ихъ съ цѣлью оправдать свое дуалистическое и теистическое пониманіе природы.

Противники монистическаго или механическаго міровоззрѣнія съ восторгомъ привѣтствовали произведеніе Агассиза и усматриваютъ въ немъ полное доказательство непосредственной творческой дѣятельности личнаго создателя. Но они при этомъ недосмотрѣли, что этотъ личный создатель—только надѣленный человѣческими аттрибутами идеализированный организмъ. Выше развитой человѣкъ настоящаго времени способенъ и можетъ составить себѣ безконечно болѣе благородное и возвышенное представленіе о Создателѣ, единственно совмѣстимое съ монистическимъ міровоззрѣніемъ,—представленіе, по которому духъ и сила Создателя обнаруживаются во всѣхъ явленіяхъ, безъ исключенія. Эту монистическую идею Творца, которой принадлежитъ будущее, уже Джіордано Бруно однажды выразилъ въ словахъ: «Духъ существуетъ во всѣхъ предметахъ, и нѣтъ ни одного столь малаго тѣла, гдѣ бы не было части той духовной субстанціи, которая его одухотворяетъ».

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦІЯ

Теорія развитія по Гете и Окену.

Научная несостоятельность всѣхъ представленій о твореніи отдѣльныхъ видовъ.—Необходимость противоположныхъ теорій развитія.—Историческій взглядъ на важнѣйшія теоріи развитія.—Греческая философія.—Значеніе натуръ-философіи Гёте.—Заслуги его, какъ естествоиспытателя.—Его метаморфозъ у растеній.—Его позвоночная теорія черепа.—Его открытіе промежуточной челюсти у человѣка.—Участіе Гете въ спорѣ между Кювье и Жофруа Сентъ-Илеромъ.—Открытіе Гете обѣихъ образовательныхъ силъ, консервативной силы сохраненія (наслѣдственности) и прогрессивной преобразовательной силы (приспособленія).—Взглядъ Гете на общее происхожденіе всѣхъ позвоночныхъ со включеніемъ человѣка.—Теорія развитія Готфрида Рейнгольда Тревирануса.—Его монистическое пониманіе природы.—Окенъ.—Его натуръ-философія.—Представленіе Окена о первичной слизи (теорія протоплазмы) и объ инфузоріяхъ (клѣточная теорія).

Всѣ различныя представленія, которыя мы могли бы составить себѣ о самостоятельномъ, независимомъ созданіи отдѣльныхъ органическихъ видовъ путемъ творческаго акта, въ концѣ концовъ приходятъ, если послѣдовательно разсуждать, къ *антропоморфизму*. Они необходимо должны привести *къ очеловѣченію* создателя, какъ мы это уже показали въ послѣдней лекціи. Онъ самъ становится при этомъ организмомъ, который составляетъ планъ, обдумываетъ, измѣняетъ его и, наконецъ, выводитъ по этому плану свои созданія, какъ человѣческій архитекторъ свою постройку. То обстоятельство, что столь выдающіеся естествоиспытатели, какъ Линней, Кювье и Агассизъ, главные защитники дуалистической гипотезы созданія, не могли придти къ удовлетворительному воззрѣнію, какъ нельзя лучше показываетъ несостоятельность всѣхъ тѣхъ представленій, которыя должны были бы объяснить разнообразіе органической природы подобнымъ созданіемъ отдѣльныхъ видовъ. Правда, нѣкоторые естествоиспытатели, убѣдившись въ научной неудовлетворительности этихъ представленій, сдѣлали попытку замѣнить понятіе о личномъ создателѣ понятіемъ непостижимо дѣйствующей творческой силы; однако это выраженіе остается одной лишь красивой фразой до тѣхъ поръ, пока намъ не показали ближе, въ чемъ состоитъ и какъ дѣйствуетъ эта естественная сила. Въ виду этого, послѣднія попытки не имѣли въ наукѣ рѣшительно никакого значенія. Напротивъ, признавая самостоятельное происхожденіе различныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, они видятъ себя въ необходимости прибѣгать ко многимъ творческимъ актамъ, т. е. къ чуду, къ сверхъестественному вмѣшательству создателя въ естественный ходъ вещей, который во всемъ остальномъ совершается безъ его содѣйствія.

Однако различные телеологическіе натуралисты, чувствовавшіе научную несамостоятельность сверхъестественнаго «*созданія*», пытались спасти его еще тѣмъ, что подъ созданіемъ они не желали подразумѣвать «ничего болѣе, какъ неизвѣстный намъ, непостижимый способъ происхожденія». Эту софистическую уловку Фрицъ Мюллеръ мастерски раскрываетъ слѣдующимъ убѣдительнымъ замѣчаніемъ, уничтожающимъ всякій путь къ спасенію: такимъ образомъ они высказываютъ въ намекахъ то послѣднее признаніе, что о происхожденіи видовъ они «*ровно никакого мнѣнія не имѣютъ*» и имѣть не желаютъ. Слѣдуя этому словесному объясненію, можно съ такимъ же успѣхомъ говорить о происхожденіи холеры и сифилиса, пожара и желѣзнодорожнаго несчастія,

какъ и о происхожденіи человѣка («Ienaische Zeitschrift f. M. и N.», Bd. V, Z. 272).

Въ виду полной несостоятельности всѣхъ гипотезъ созданія мы принуждены обратиться, если только желаемъ получить разумное представленіе о происхожденіи организмовъ, къ противоположнымъ *теоріямъ развитія*. Мы принуждены и обязаны сдѣлать это, хотя бы это ученіе о развитіи бросало только слабый свѣтъ вѣроятности на механическое естественное происхожденіе животныхъ и растительныхъ видовъ, и тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, если они, какъ это увидимъ впослѣдствіи, столь просто и ясно, столь полно и всеобъемлюще объясняютъ всѣ факты. Эта теорія развитія ни въ какомъ случаѣ не произвольный вымыселъ, какъ часто несправедливо указывали на это, не выдуманныя орудія образовательной силы, которыя призваны, приблизительно, объяснить происхожденіе только того или другого отдѣльнаго организма; напротивъ, онѣ представляютъ строго научно обоснованныя теоріи, которыя, исходя изъ твердой и ясной основной точки, простѣйшимъ образомъ объясняютъ всю совокупность явленій органической природы, особенно же происхожденіе органическихъ видовъ, и разсматриваютъ ее, какъ необходимое слѣдствіе механическихъ процессовъ природы.

Какъ я уже показалъ вамъ во второй лекціи, эти теоріи развитія естественно совпадаютъ съ тѣмъ общимъ міровоззрѣніемъ, которое мы привыкли обозначать, какъ единое или *монистическое*, часто также какъ *механическое* или причинное, такъ какъ оно для объясненія явленій природы принимаетъ только механическія или *необходимо дѣйствующія причины* (causae efficientes). Съ другой стороны, разсмотрѣнныя уже нами сверхъестественныя гипотезы созданія совпадаютъ съ тѣмъ прямо противоположнымъ міровоззрѣніемъ, которое называютъ, наоборотъ, двойственнымъ или *дуалистическимъ*, часто также *телеологическимъ* или виталистическимъ, такъ какъ оно производитъ всѣ явленія органической природы изъ дѣятельности цѣлесообразно дѣйствующихъ причинъ (causae finales). Въ этой глубокой внутренней связи различныхъ теорій созданія съ высочайшими вопросами философіи лежитъ поводъ, побуждающій насъ къ тщательному разсмотрѣнію ихъ.

Основная мысль всѣхъ естественныхъ теорій развитія—*постепенное развитіе всѣхъ (также самыхъ совершенныхъ) организмовъ* изъ одной единственной или весьма немногихъ, крайне простыхъ и несовершенныхъ первичныхъ существъ, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны не сверхъестественному творенію, но первичному зарожденію или архегоніи (generatio spontanea) изъ неорганической матеріи. Собственно, эта основная мысль соединяетъ два различныхъ представленія, которыя однако имѣютъ глубокую внутреннюю связь, именно, во-первыхъ, представленіе о первичномъ зарожденіи или архегоніи первоначальной исходной формы и, во-вторыхъ, представленіе о прогрессивномъ развитіи различныхъ видовъ организма изъ этой простѣйшей формы. Эти оба важныя механическія представленія суть нераздѣльныя основныя положенія всякой строго-научно проведенной теоріи развитія. Такъ какъ послѣдняя принимаетъ происхожденіе различныхъ животныхъ и растительныхъ видовъ отъ простѣйшихъ общихъ видовъ, то мы можемъ назвать ее *ученіемъ о происхожденіи* и такъ какъ въ то же время съ этимъ связано преобразованіе видовъ, то также *ученіемъ о преобразованіи* (теоріей трансмутаціи) или, короче, *трансформизмомъ*.

Въ то время, какъ сверхъестественныя исторіи созданія возникли въ незапамятныя времена, много тысячъ лѣтъ тому назадъ, когда человѣкъ, только что вышедшій изъ первобытнаго состоянія впервые началъ глубже задумываться о себѣ и о происхожденіи окружающаго его міра, естественныя теоріи развитія, напротивъ, гораздо болѣе поздняго происхожденія. Мы встрѣчаемъ ихъ только у культурно созрѣвшихъ народовъ, которые, благодаря философскому образованію, сознали необходимость естественнаго познанія причинъ, и среди нихъ мы можемъ ожидать прежде всего отъ отдѣльныхъ выдающихся натуръ познанія происхожденія явленій и естественнаго хода развитія ихъ, какъ необходимаго слѣдствія механическихъ, естественныхъ причинъ. Ни у одного народа никогда не было такихъ условій, необходимыхъ для возникновенія естественной теоріи развитія, какъ у грековъ въ періодъ классической древности. Однако, съ другой стороны, у нихъ слишкомъ недоставало болѣе близкаго знакомства съ фактами процессовъ природы и ихъ формами, а поэтому, недостатокъ также опытныхъ основаній для дальнѣйшей разразработки ученія о развитіи Точное изслѣдованіе природы и поставленное вездѣ на эмперическомъ основаніи познаніе ея было почти совершенно неизвѣстно какъ древности, такъ и средневѣковью; оно составляетъ пріобрѣтеніе только новѣйшаго времени. Поэтому, нѣтъ нужды подробно разсматривать естественныя теоріи развитія различныхъ греческихъ философовъ, лишенныхъ опытнаго знанія, какъ органической, такъ и неорганической природы.

Мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что уже въ седмомъ столѣтіи до Р. Х. три милезскихъ основателя іонической натуръ-философіи, Фалесъ, Анаксименъ и Анаксимандръ, особенно же послѣдній высказали важныя основныя положенія нашего современнаго монизма. Они уже учили о единомъ естественномъ законѣ, какъ первой причинѣ разнобразныхъ явленій, о единствѣ всей природы, и о постоянной смѣнѣ формъ. Анаксимандръ принималъ, что живыя существа возникли въ водѣ подъ вліяніемъ солнечной теплоты, что человѣкъ развился изъ рыбообразныхъ животныхъ. Также въ болѣе позднее время мы находимъ въ натуръ-философіи Гераклита и Эмпедокла и въ естественнонаучныхъ сочиненіяхъ Демокрита и Аристотеля весьма частое совпаденіе съ тѣми представленіями, которыя составляютъ фундаментъ настоящаго ученія о развитіи. Эмпедоклъ показалъ, какъ возникаетъ цѣлесообразное изъ нецѣлесообразнаго. Аристотель принималъ первичное зарожденіе, какъ естественный способъ происхожденія низшихъ органическихъ существъ. Онъ допускалъ, что моль происходитъ изъ шерсти, блохи изъ гнилого навоза, клещи изъ сырого дерева и т. д.

Основное положеніе теоріи развитія, что различные животные и растительные виды развились путемъ преобразованія изъ общихъ исходныхъ видовъ, могло быть ясно высказано, разумѣется, только послѣ того, какъ ближе стали извѣстными сами виды или species и также послѣ того, какъ уже вымершіе виды совмѣстно съ живущими обратили на себя вниманіе и сдѣлались предметомъ тщательнаго сравненія. Это случилось только къ концу прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Только въ 1801 году великій Ламаркъ высказалъ принципы ученія о развитіи, которые онъ подробнѣе изложилъ въ 1809 г. въ своей классической «философіи зоологіи». Въ то время, какъ во Франціи Ламаркъ и его соотечественникъ Жофруа Сентъ-Илеръ выступили противъ воззрѣнія Кювье, объясняя естественное развитіе органическихъ видовъ путемъ преобразованія и потомственнаго разви-

тія, въ Германіи Гёте и Океnъ защищали ту же мысль и самостоятельно положили первые зачатки теоріи развитія. Такъ какъ обыкновенно привыкли называть этихъ естествоиспытателей «натуръ-философами», и такъ какъ это названіе въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ правильно, то будетъ кстати предпослать здѣсь нѣсколько словъ о правильной оцѣнкѣ натуръ-философіи.

Въ Англіи уже много лѣтъ науку о природѣ и философію ставятъ въ тѣснѣйшую связь и всякаго натуралиста, стоящаго на общей точкѣ зрѣнія, называютъ «натуръ-философомъ»; въ Германіи, напротивъ, уже болѣе половины столѣтія наука о природѣ строго отдѣлилась отъ философіи, и естественное сліяніе обѣихъ въ истинную «натуръ-философію» признается только немногими. Причиной этому служили фантастическія выходки прежнихъ нѣмецкихъ натуръ-философовъ, Окена, Шеллинга и др., которые считали возможнымъ изъ своей головы выводить законы природы, отвергая необходимость опираться на почву фактическаго опыта. Когда эти претензіи выступили во всей своей пустотѣ, то натуралисты, именуемые «мыслящимъ народомъ», обратились въ нѣчто прямо противоположное, думая, что высшая цѣль науки, познаніе истины, можетъ быть достигнуто исключительно путемъ голаго чувственнаго опыта безъ малѣйшей работы философской мысли. И вотъ, съ того времени, особенно уже съ 1830 года, большинство натуралистовъ получило сильное отвращеніе ко всякому болѣе общему созерцанію природы. Собственно же цѣлью науки о природѣ было познаніе частностей; въ біологіи эта цѣль, казалось, достигалась, если съ помощью тончайшихъ инструментовъ и средствъ наблюденія получалось точное знаніе формъ и жизненныхъ явленій всѣхъ отдѣльныхъ организмовъ. Правда, среди этихъ строго эмпирическихъ и такъ называемыхъ точныхъ естествоиспытателей находились отдѣльныя личности, которыя возвышались надъ этой ограниченной точкой зрѣнія и старались найти высшую цѣль въ познаніи общихъ законовъ организаціи. Однако, огромное большинство ботаниковъ и зоологовъ въ послѣднюю половину вѣка ничего не хотѣли знать о такихъ общихъ законахъ, въ лучшемъ случаѣ они соглашались, что такіе законы могутъ быть открыты, быть можетъ, въ очень отдаленномъ будущемъ, когда будетъ достигнутъ предѣлъ всякаго эмпирическаго знанія, когда вполнѣ будутъ изслѣдованы отдѣльныя животныя и растенія.

Этотъ контрастъ современнаго эмпирическаго изслѣдованія природы съ обобщающимъ философскимъ міровоззрѣніемъ въ послѣднее время получилъ весьма характерное выраженіе въ академической рѣчи (1893 г.) Рудольфа Вирхова о «переходѣ философскаго вѣка въ естественно-научный». Аналитическое изслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ путемъ наблюденія и опыта выставлялось здѣсь, какъ единственная задача науки; наоборотъ, вполнѣ отвергалось причинное соединеніе ихъ и выработка философской системы, какъ таковой. Мы думаемъ, что чистое стремленіе къ познанію у человѣка будетъ тѣмъ сильнѣе обращаться къ синтетической спекуляціи и къ опытамъ философской системы, чѣмъ сильнѣе будетъ накопляться подавляющій хаосъ безчисленныхъ отдѣльныхъ эмпирическихъ знаній.

Если сравнить совокупно важнѣйшіе успѣхи человѣческаго ума въ познаніи истины, то тотчасъ окажется, что каждый разъ совершалась работа философской мысли, благодаря которой достигнуты эти успѣхи. Предшествовавшій чувственный опытъ и пріобрѣтенное благодаря ему знаніе частностей могли доставить только твердое основаніе для этихъ

общихъ законовъ. Поэтому эмпирическія знанія и философія ни въ какомъ случаѣ не составляютъ такой исключающей другъ друга противоположности, какъ принимало до сихъ поръ большинство; напротивъ, они взаимно дополняютъ другъ друга. Философъ, лишенный незыблемаго основанія чувственнаго опыта, эмпирическаго знанія, въ своемъ общемъ умозрѣніи легко впадаетъ въ ошибку, которую легко можетъ обнаружить даже среднеобразованный натуралистъ. Съ другой стороны, чистые эмпирическіе натуралисты, не заботясь о философскомъ объединеніи своихъ чувственныхъ наблюденій и не стремясь къ общему познанію, лишь въ ничтожной мѣрѣ содѣйствуютъ успѣхамъ науки, главная стоимость кропотливо собранныхъ частныхъ свѣдѣній заключается въ общихъ результатахъ, которые позже изъ нихъ будутъ выведены выдающимися умами. Бросая общій взглядъ на ходъ развитія біологіи со времени Линнея, мы легко находимъ, какъ это сдѣлалъ Бэръ, постоянное колебаніе между этими обоими направленіями, то перевѣсъ эмпирическаго (такъ называемаго точнаго), то философскаго (спекулятивнаго) направленія. Такъ, въ концѣ прошлаго вѣка, въ противоположность линеевской чисто эмпирической школѣ, наступила натуръ-философская реакція, передовые умы которой, Кантъ, Ламаркъ, Жофруа Сентъ-Илеръ, Гёте и Окенъ, старались работой мысли внести свѣтъ и стройность въ хаосъ накопившагося сырого эмпирическаго матеріала. Но затѣмъ, въ противовѣсъ весьма частымъ заблужденіямъ и черезчуръ далеко зашедшимъ спекуляціямъ этихъ натуръ-философовъ, выступилъ Кювье, который вызвалъ второй, чисто эмпирическій періодъ. Послѣдній привелъ къ господству односторонняго развитія въ теченіе 1830—1860 г., но послѣ этого наступилъ второй философскій поворотъ, вызванный произведеніемъ Дарвина. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ снова возникаетъ стремленіе къ познанію общихъ законовъ природы, для которыхъ всѣ опытныя знанія служатъ лишь основаніемъ и при помощи которыхъ эти послѣднія получаютъ свое истинное значеніе. Благодаря только работѣ философской мысли, наши знанія о природѣ обращаются въ истинную науку, въ «натуръ-философію».

Въ числѣ великихъ натуръ-философовъ, которые положили первое основаніе органическаго развитія, и которые рядомъ съ Дарвиномъ окружены лучами славы провозвѣстниковъ эволюціоннаго ученія, первое мѣсто занимаютъ Жанъ Ламаркъ и Вольфгангъ Гёте. Я обращаюсь сперва къ нашему несравненному Гёте, который изъ всѣхъ наиболѣе близокъ къ намъ, нѣмцамъ. Однако, прежде чѣмъ излагать его особенныя заслуги въ теоріи развитія, мнѣ кажется умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи его, какъ естествоиспытателя вообще, такъ какъ оно обыкновенно весьма неправильно опредѣляется.

Конечно, весьма многіе среди насъ чтутъ Гёте, какъ поэта и человѣка; однако, только очень немногіе могутъ составить себѣ вѣрное представленіе о высокой цѣнѣ его естественно-научныхъ трудовъ, о томъ исполинскомъ шагѣ, которымъ онъ далеко опередилъ свой вѣкъ, настолько опередилъ, что большинство натуралистовъ того времени не могли слѣдовать за нимъ. Печальная участь его—оставаться непонятымъ своими современниками, нерѣдко съ болью довала чувствовать себя. Въ различныхъ мѣстахъ его естественно-научныхъ сочиненій онъ горько жалуется на ограниченность спеціалистовъ, которые не съумѣли оцѣнить его труда, не видятъ лѣса изъ-за деревьевъ и не способны вывести общіе естественные законы изъ груды отдѣльныхъ фактовъ. Весьма справедливъ его упрекъ: «философъ скоро придетъ къ убѣж-

денію, что наблюдатели рѣдко возвышаются до той точки зрѣнія, которая могла бы открыть имъ столь много относительно важныхъ предметовъ». Это игнорированіе его трудовъ въ значительной степени обусловливается ложнымъ путемъ, приведшимъ Гёте къ его ученію о цвѣтахъ. Это ученіе о цвѣтахъ, любимое дитя его досуга, какъ онъ самъ его называетъ, совершенно ложно въ своемъ основаніи, хотя и прекрасно въ деталяхъ. Точный математическій методъ, съ помощью котораго въ неорганическомъ естествознаніи, прежде всего въ физикѣ, единственно только можно было шагъ за шагомъ возводить построеніе на твердомъ несокрушимомъ основаніи, былъ совершенно чуждъ Гёте. Отвергая его, онъ не только впалъ въ несправедливыя увлеченія противъ знаменитѣйшихъ физиковъ, но и вступилъ на ложный путь, сильно повредившій остальнымъ весьма цѣннымъ его работамъ. Совсѣмъ другое въ органическомъ естествознаніи, въ которомъ мы только рѣдко бываемъ въ состояніи сразу стать на непоколебимо-твердый математическій фундаментъ; въ этомъ случаѣ мы по большей части принуждены, вслѣдствіе безконечной трудности и сложности проблемъ, выводить прежде индуктивныя заключенія; иными словами, изъ многочисленныхъ, хотя, однако, не полныхъ, отдѣльныхъ наблюденій мы должны пытаться вывести общій законъ. Разумное *сравненіе* ряда родственныхъ явленій, *комбинаціи*— важнѣйшій инструментъ при изслѣдованіи, этотъ послѣдній, вѣрно оцѣненный, послужилъ въ рукахъ Гёте къ столь великимъ успѣхамъ его въ естественно-научныхъ работахъ.

Среди сочиненій Гёте, именно относящихся къ органической природѣ, наибольшей извѣстностью пользуются *метаморфозы растеній*, появившіяся въ 1790; году въ этомъ произведеніи онъ уже достаточно ясно проводитъ основныя мысли теоріи развитія. А именно, онъ старался указать единственный основной органъ, безконечно разнообразнымъ развитіемъ и преобразованіемъ котораго можно было бы объяснить все богатство формъ растительнаго міра, этотъ основной органъ онъ нашелъ въ *листѣ*. Если бы тогда болѣе было распространено примѣненіе микроскопа если бы Гёте изслѣдовалъ организмъ съ помощью микроскопа, то онъ пошелъ бы еще дальше и самый листъ считалъ бы совокупностью индивидуальныхъ частей низшаго порядка, клѣтокъ. Тогда бы онъ призналъ такимъ основнымъ органомъ не листъ, а *клѣтку*, при размноженіи, преобразованіи и соединеніи (синтезѣ) которыхъ происходитъ листъ, и затѣмъ дальше, благодаря преобразованію, видоизмѣненію и соединенію листьевъ возникаютъ разнообразныя красоты формъ и красокъ, которымъ мы одинаково удивляемся, принадлежатъ ли они къ настоящимъ питающимъ листьямъ или къ видоизмѣненнымъ листьямъ, вѣтковымъ частямъ растеній, служащимъ для размноженія растеній. Однако, его мысль была безусловно правильна. Онъ этимъ показалъ, что для объединеннаго пониманія явленія необходимо сперва сравнивать, а затѣмъ отыскивать простой типъ, простую основную форму, нѣкоторымъ образомъ тему, по отношенію къ которой всѣ остальные образы были бы только безконечными варіаціями.

Нѣчто подобное метаморфозамъ растеній онъ высказалъ относительно позвоночныхъ животныхъ въ своей знаменитой *позвоночной теоріи черепа*. Гёте прежде всего показалъ, независимо отъ Окена, который одновременно съ нимъ пришелъ къ той же мысли, что черепъ человѣка и всѣхъ другихъ позвоночныхъ животныхъ, главнымъ образомъ млекопитающихъ, не что иное, какъ видоизмѣненный передній позвонокъ позвоночнаго столба или хребта. Костная черепная крышка

составлена, поэтому, изъ нѣсколькихъ костныхъ колецъ, которыя *первоначально* были равноцѣнны позвонкамъ хребта. Однако, позже эта идея подверглась значительнымъ измѣненіямъ, благодаря остроумнымъ изслѣдованіямъ Гегенбауера. Тѣмъ не менѣе, въ свое время она принадлежала къ величайшимъ успѣхамъ сравнительной анатоміи и сдѣлалась однимъ изъ первыхъ основаній въ пониманіи постройки позвоночнаго животнаго. Если двѣ части тѣла, столь различныя на первый взглядъ, какъ черепъ и позвоночный столбъ, оказываются первоначально однородными, развившимися изъ одной и той же закладки, то этимъ уже разрѣшается чрезвычайно трудная задача. Здѣсь снова встрѣчается мысль о единомъ типѣ, мысль о единой темѣ, безконечно варіирующей въ различныхъ видахъ и въ отдѣльныхъ частяхъ каждаго изъ нихъ.

Но Гёте стремился не только къ познанію такихъ обобщающихъ законовъ; въ теченіе долгаго времени онъ занимался отдѣльными, многочисленными, именно сравнительно анатомическими изслѣдованіями. Въ числѣ послѣднихъ, быть можетъ, наиболѣе интересными является открытіе *промежуточной челюсти у человѣка*. Такъ какъ значеніе ея распространяется на многія области теоріи развитія, то я позволю себѣ кратко описать ее. У всѣхъ млекопитающихъ въ верхней челюсти находятся двѣ косточки, расположенныя по срединной линіи, ниже носа; онѣ поэтому занимаютъ средину между обѣими половинами собственно верхней челюсти. Эти двѣ косточки, несущія четыре верхнихъ рѣзца, безъ труда могутъ быть найдены у большинства млекопитающихъ, у человѣка, напротивъ, въ то время, онѣ еще не были извѣстны, и знаменитые сравнительные анатомы придавали даже этому недостатку промежуточной челюсти весьма важное значеніе, усматривая въ немъ одно изъ главныхъ отличій человѣка отъ обезьяны; невѣроятнымъ образомъ этотъ недостатокъ промежуточной челюсти былъ возведенъ на степень наиболѣе характернаго человѣческаго отличія. Гёте, разумѣется, не приходило въ голову, что человѣкъ, столь очевидно являющійся во всѣхъ другихъ отношеніяхъ строенія своего тѣла только высоко развитымъ млекопитающимъ, долженъ былъ лишиться этой косточки. Напротивъ, изъ факта общаго распространенія промежуточной челюсти у всѣхъ млекопитающихъ онъ вывелъ заключеніе, что она должна находиться и у человѣка, и до тѣхъ поръ онъ не успокоился, пока дѣйствительно не нашелъ ея при сравненіи большого количества череповъ. У нѣкоторыхъ индивидовъ она сохраняется въ теченіе всей жизни, но обыкновенно она рано сростается съ сосѣдней верхней челюстью и можетъ быть обнаружена въ видѣ самостоятельной кости только у весьма молодыхъ человѣческихъ череповъ. Также и у нѣкоторыхъ обезьянъ рано происходитъ сростаніе. У человѣческихъ эмбріоновъ весьма не трудно показать промежуточную челюсть.

Такимъ образомъ у человѣка на самомъ дѣлѣ существуетъ промежуточная челюсть, и Гёте принадлежитъ слава перваго открытія этого важнаго во многихъ отношеніяхъ факта, столь краснорѣчиво говорящаго противъ вѣскихъ авторитетовъ, какъ, напр., знаменитаго анатома Петера Камнера. Особенно при этомъ интересенъ тотъ путь, которымъ онъ шелъ къ этому открытію; существуютъ два пути, которыми мы постоянно идемъ въ органическомъ естествознаніи, путь индукціи и дедукціи. *Индукція* есть выводъ общаго закона изъ многочисленныхъ отдѣльно необходимыхъ случаевъ; *дедукція*, напротивъ, представляетъ обратный выводъ изъ этого общаго закона отдѣльныхъ, въ дѣйствительности еще не наблюдаемыхъ случаевъ. Изъ собранныхъ въ то

время эмпирическихъ свѣдѣній вытекаетъ индуктивное заключеніе, что всѣ млекопитающія обладаютъ промежуточной челюстью. Отсюда Гёте сдѣлалъ дедуктивное заключеніе, что человѣкъ, существенно не отличающійся во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ въ своей организаціи отъ млекопитающихъ, долженъ обладать и этой промежуточной челюстью; и дѣйствительно, она обнаружена при болѣе подробномъ изслѣдованіи. Дедуктивный выводъ такимъ образомъ при послѣдующемъ опытномъ изысканіи подтвержденъ и отожествленъ съ истиной (верифицированъ).

Быть можетъ, уже эти немногія черты опредѣляютъ въ нашихъ глазахъ высокое значеніе біологическихъ изслѣдованій Гёте. Къ сожалѣнію, большинство сюда относящихся его работъ такъ размѣщено во всѣхъ его произведеніяхъ и важнѣйшія наблюденія и замѣчанія такъ разсѣяны въ многочисленныхъ отдѣльныхъ статьяхъ по поводу другихъ вопросовъ, что не легко ихъ разъискать. Вмѣстѣ съ тѣмъ иногда превосходныя, по истинѣ, научныя замѣчанія столь неразрывно связаны съ грудой негодныхъ спекуляцій, что послѣднія причиняютъ значительный ущербъ первымъ.

Чрезвычайный интересъ Гёте къ изслѣдованіямъ органической природы особеннно сказывается въ томъ живомъ участіи, съ которымъ онъ еще въ послѣдніе годы своей жизни слѣдилъ за возникшимъ во Франціи споромъ между Кювье и Жофруа Сентъ-Илеромъ. Самъ Гёте въ отдѣльномъ очеркѣ, законченномъ имъ за нѣсколько дней до смерти, въ мартѣ 1832 года интересно изложилъ этотъ замѣчательный споръ и его общее значеніе вмѣстѣ съ превосходной характеристикой обоихъ великихъ противниковъ. Этотъ очеркъ носилъ заглавіе: «Principes de philosophie zoologique par. Mr. Geoffroy de Saint-Hilaire», онъ явился послѣдней работой Гёте, и въ изданіи собранія его произведеній составляетъ заключеніе. Этотъ споръ во многихъ отношеніяхъ представляетъ высокій интересъ. Онъ вращался въ сущности около значенія и смысла теоріи развитія. При этомъ въ споръ, происходившій во французской академіи, оба противника вносили личную страстность, которая была до того времени неслыханной въ засѣданіяхъ почтенной ученой корпораціи, и которая доказывала, что оба естествоиспытателя боролись за свои наиболѣе глубокія и святыя убѣжденія. 22-го февраля 1830 года состоялся первый конфликтъ, за нимъ слѣдовало нѣсколько другихъ, наиболѣе же ожесточенный 30 іюля 1830 г. Жофруа въ качествѣ славы французскихъ натуралистовъ защищалъ естественную исторію развитія и единое (монистическое) міропониманіе. Онъ доказывалъ измѣняемость органическихъ видовъ, общее происхожденіе отдѣльныхъ видовъ отъ общихъ первоначальныхъ формъ, и единство организаціи, или единство плана строенія, какъ тогда выражались. Кювье былъ рѣшительнымъ противникомъ воззрѣній, какъ это и не могло быть иначе послѣ того, что вы уже знаете. Онъ пытался доказать, что натуръфилософы не имѣли никакого права выводить столь широкія заключенія на основаніи имѣвшагося тогда эмпирическаго матеріала, и что утверждаемое единство организаціи или плана строенія организмовъ въ дѣйствительности не существуетъ. Онъ отстаивалъ телеологическое (дуалистическое) міропониманіе и утверждалъ, что «неизмѣняемость видовъ—необходимое условіе существованія научной естественной исторіи». Кювье передъ своимъ противникомъ имѣлъ великое преимущество, пользуясь возможностью приводить въ защиту своихъ утвержденій лежащіе непосредственно передъ его глазами аргументы, составлявшіе только отдѣльныя звенья изъ связной цѣпи фактовъ.

Напротивъ, Жофруа не былъ въ состоянiи подкрѣпить защищаемую имъ общую связь отдѣльныхъ явленiй столь наглядными примѣрами. Поэтому Кювье въ глазахъ большинства одержалъ побѣду, имѣвшую своимъ исходомъ для трехъ слѣдующихъ десятилѣтiй паденiе натуръ-философiи и господство строго эмпирическаго направленiя. Напротивъ, Гёте, разумѣется, рѣшительно сталъ на сторону Жофруа. Насколько живо занимала его на 81-мъ году жизни эта важная борьба, показываетъ слѣдующiй, приводимый Сорелемъ, анекдотъ.

«Понедѣльникъ, 2 августа 1830. Извѣстiе о начинавшейся iюльской революцiя достигло сегодня Веймара и возбудило повсюду оживленiе. Я пошелъ въ послѣобѣденное время къ Гёте. «Ну?—воскликнулъ онъ при встрѣчѣ,—что вы думаете объ этомъ великомъ событiи? Вулканъ близокъ къ изверженiю; все охвачено пламенемъ, быть можетъ, и не далеко обсужденiе при незакрытыхъ дверяхъ!»—«Страшная исторiя, отвѣтилъ я.—Въ такомъ состоянiи и при такомъ министерствѣ ничего другого нельзя ждать, кромѣ изгнанiя нынѣшней королевской фамилiи».—«Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга, мой милый,—возрозилъ Гете.—Я совсѣмъ не говорю объ этихъ людяхъ; рѣчь идетъ о совсѣмъ другихъ вещахъ. Я говорю о возникшемъ въ Академiи открытомъ спорѣ, чрезвычайно важномъ для науки, между Кювье и Жофруа де-Сентъ-Илеромъ». Это мнѣнiе Гёте было для меня столь неожиданно, что я не зналъ, что ему сказать, и въ теченiе нѣсколькихъ минутъ ощущалъ полный перерывъ въ моихъ мысляхъ. «Дѣло чрезвычайной важности,—продолжалъ Гете,—и вы себѣ представить не можете, какое ощущенiе вызвало во мнѣ извѣстiе о засѣданiи 19-го iюля. Теперь мы прiобрѣли на долгое время могущественнаго союзника въ лицѣ Жофруа де-Сентъ-Илера. Я отсюда вижу, какъ велико участiе французскаго ученаго мiра въ этомъ дѣлѣ, не смотря на страшное политическое возбужденiе, засѣданiе 19-го iюля привлекло полную аудиторiю. Но самое лучшее то, что проводимый Жофруа во Францiи синтетическiй способъ созерцанiя природы теперь уже никогда не будетъ оставленъ. Это событiе, благодаря открытымъ дебатамъ въ Академiи многочисленной публики, сдѣлалось общенароднымъ, и теперь оно уже не подвергнется тайному изъятiю и подавленiю при закрытыхъ дверяхъ».

Изъ многочисленныхъ интересныхъ и важныхъ положенiй, въ которыхъ Гёте ясно проводитъ свое воззрѣнiе на ограническую природу и постоянное развитiе ея, я привелъ въ моей морфологiи организмовъ нѣсколько замѣчанiй въ видѣ вступительныхъ словъ въ началѣ отдѣльныхъ книгъ и главъ. Здѣсь я приведу Вамъ одно мѣсто изъ стихотворенiя съ заглавiемъ: «Метаморфозы животныхъ» (1819).

«Всякiй членъ образованъ по вѣчнымъ законамъ,
«Даже рѣдкая форма таинственно свой первообразъ хранитъ.
«Такимъ образомъ внѣшняя форма опредѣляетъ жизненный способъ животныхъ
«И для храненiя послѣдняго служитъ взаимное мощное ихъ дѣйствiе.
«Столь устойчивъ порядокъ въ стройномъ развитiи,
«Разнообразье котораго вызвано внѣшнимъ дѣйствiемъ животныхъ».

И уже здѣсь проводится *противопоставленiе двухъ различныхъ органическихъ образовательныхъ силъ*, взаимодѣйствiе которыхъ опредѣляетъ форму организма; съ одной стороны, общiй внутреннiй, твердо сохраняемый первообразъ, лежащiй въ основѣ разнообразнѣйшихъ формъ; съ другой стороны внѣшнее влiянiе окружающихъ условiй и образа жизни приводитъ къ преобразованiю этого прототипа. Еще опредѣленнѣе это противопоставленiе выражено въ слѣдующихъ словахъ:

«Внутренняя первоначальная общность лежитъ въ основаніи всѣхъ организмовъ; разнообразіе же формъ вызывается необходимыми отношеніями къ внѣшнему міру, и поэтому съ полнымъ основаніемъ можно принимать первоначальное одновременное различіе и безпрерывно совершающееся преобразованіе, чтобы понять какъ постоянныя, такъ и измѣняющіяся явленія. «Первообразъ» или «типъ», который въ качествѣ «внутренней первоначальной общности» лежитъ въ основаніи всѣхъ органическихъ формъ, представляетъ *внутреннюю образовательную силу*; послѣдняя сохраняетъ первоначальное направленіе развитія и передаетъ по наслѣдству. Напротивъ, «безпрерывно совершающееся преобразованіе, которое «вызвано необходимыми отношеніями къ внѣшнему, міру» дѣйствуетъ въ качествѣ внѣшней *образовательной силы*, обусловливая, благодаря приспособленію къ окружающимъ условіямъ жизни, безконечное «разнообразіе формъ». Внутренее стремленіе къ развитію, передающееся по наслѣдству и сохраняющее единство первообраза, Гёте называлъ въ другомъ мѣстѣ *центростремительной силой организма*, специфическимъ стремленіемъ его; въ противоположность этому, внѣшнее образовательное стремленіе, вызываемое *приспособленіемъ* и обусловливающее разнообразіе органическихъ формъ, онъ называетъ *центробѣжной* силой организма, стремленіемъ его къ разнообразію. Соотвѣтствующее мѣсто. въ которомъ онъ ясно выражаетъ «противовѣсъ» этихъ двухъ крайне важныхъ образовательныхъ органическихъ силъ, гласитъ слѣдующимъ образомъ: «Идея *метаморфозы* аналогична понятію центробѣжной силы; она перешла бы въ безконечность, если бы не имѣла для себя противовѣса: я считаю его за *специфическое стремленіе*, неподвижное состояніе устойчивости, только однажды возникшее, центростремительную силу, въ глубочайшихъ основаніяхъ которой никакія окружающія условія не могутъ вызвать перемѣны».

Подъ *метаморфозомъ* Гёте понимаетъ, какъ обыкновенно теперь думаютъ, не только измѣненія формы, которымъ подверженъ органическій индивидъ въ теченіе своего индивидуальнаго развитія, но и въ болѣе обширномъ смыслѣ вообще *преобразованіе органическихъ формъ*. «Идея матамарфозъ» почти равнозначущая съ нашей «теоріей развитія». Это вытекаетъ, между прочимъ, и изъ слѣдующаго выраженія: «Тріумфъ физіологическаго метамарфоза проявляется тамъ, гдѣ цѣлое преобразуется, обособляется и распадается на семейства, семейства на колѣна, колѣна на подколѣна и эти, въ свою очередь на другія развѣтвленія, до индивидуальности включительно. Дѣло природы переходить въ безконечность; она не можетъ, успокоиться, не можетъ неподвижно остановиться; однако не все то, что произвела, она удерживаетъ и сохраняетъ. Изъ сѣмянъ развиваются всегда различныя, съ различнымъ отношеніемъ своихъ частей растенія».

Въ обоихъ органическихъ стремленіяхъ, въ консервативномъ центростремительномъ, внутреннемъ образовательномъ стремленіи наслѣдственности или специфичности съ одной стороны, въ прогрессивномъ, центробѣжномъ, внѣшнемъ образовательномъ стремленіи приспособленія или метаморфоза, съ другой стороны, Гёте открылъ двѣ великихъ механическихъ силы природы, которыя являются дѣйствующими причинами происхожденія органическихъ формъ. Это глубокое біологическое познаніе, разумѣется, должно было привести его къ основнымъ положеніямъ ученія о происхожденіи, къ представленію о кровномъ родствѣ сходныхъ по формѣ органическихъ видовъ, и о происхожденіи ихъ отъ общихъ

первоначальныхъ формъ. По отношенію къ важной темѣ изъ всѣхъ животныхъ группъ главному отдѣлу позвоночныхъ, Гёте выражаетъ эту мысль въ слѣдующемъ замѣчательномъ положеніи (1796 г.): «Такимъ образомъ мы смѣло можемъ утверждать, что всѣ болѣе совершенныя созданія органической природы—рыбы, амфибіи птицы, млекопитающія и человѣкъ во главѣ послѣднихъ—построены по одному первообразу, который подвергается измѣненію только въ опредѣленныхъ, весьма постоянныхъ частяхъ и преобразуется ежедневно благодаря размноженію».

Это положеніе во многихъ отношеніяхъ представляетъ интересъ. Теорія, что «всѣ болѣе совершенныя созданія органической природы», т. е. всѣ позвоночныя происходятъ отъ одного общаго первообраза, что они произошли отъ него при посредствѣ размноженія (наслѣдственности) и преобразованія (приспособленія) ясно вытекаетѣ изъ этого положенія. Но особенно интересно, что Гёте здѣсь не сдѣлалъ никакого исключенія для человѣка; напротивъ, онъ весьма рѣшительно поставилъ его въ одну группу съ остальными позвоночными. Важнѣйшее спеціальное слѣдствіе ученія о происхожденіи, что человѣкъ происходитъ отъ другихъ позвоночныхъ, содержится здѣсь какъ бы въ зародышѣ.

Еще яснѣе Гете высказываетъ ту же чрезвычайно важную основную идею въ другомъ мѣстѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Разсматривая растенія и животныя въ ихъ несовершенномъ состояніи, едва можно отличать ихъ другъ отъ друга. Можно только сказать, что возникающія изъ этого едва уловимаго родства созданія, какъ растенія, такъ и животныя, совершенствуются затѣмъ въ направленіи двухъ противоположныхъ сторонъ, такъ что растенія достигаютъ въ концѣ-концовъ въ деревѣ полной неподвижности и огромной продолжительности жизни, животное же въ лицѣ человѣка прославлено въ его крайней подвижности и свободѣ». Въ этомъ замѣчательномъ положеніи не только мѣтко оцѣнено генеалогическое отношеніе родства растительнаго царства къ царству животныхъ, но и уже содержится зерно единой или монофилетической гипотезы измѣняемости вида, значеніе которой я изложу впослѣдствіи.

Въ то самое время, какъ Гёте начертывалъ такимъ образомъ основанія теоріи происхожденія вида, тѣмъ же вопросомъ усердно занимался другой нѣмецкій натуръ-философъ Готфридъ-Рейнгольдъ Тревиранусъ изъ Бремена (род. 1776 г.. † 1837 г.). Какъ показалъ впервые Вильгельмъ Фоке въ Бременѣ, Тревиранусъ уже въ началѣ нашего столѣтія изложилъ въ раннемъ изъ своихъ обширныхъ произведеній въ «Біологіи или философіи живой природы» монистическіе взгляды, вполнѣ согласующіеся съ нашей теперешней исходной точкой, на единство природы и генеалогическую связь органическихъ видовъ. Въ трехъ первыхъ томахъ біологіи, которые появились въ 1802, 1803 и 1805 гг., за много лѣтъ поэтому до появленія главнѣйшихъ произведеній Окена и Ламарка, содержится много весьма интересныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ. Я приведу здѣсь только нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ.

Относительно главнаго положенія нашей теоріи, о происхожденіи органическихъ видовъ Тревиранусъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Каждая форма жизни можетъ быть двояко создана физическими силами: или изъ безформенной матеріи, или путемъ измѣненія формы, благодаря продолжительному преобразованію. Въ послѣднемъ случаѣ причиной этого измѣненія можетъ быть или дѣйствіе неоднороднаго мужского образовательнаго вещества на женскій зародышъ, или дѣй-

ствіе другихъ силъ послѣ рожденія. Каждое живое существо обладаетъ способностью безконечнаго видоизмѣненія формы; каждое изъ нихъ можетъ приспособить свою организацію къ измѣненіямъ внѣшняго міра, и эта способность, постоянно дѣятельная, благодаря непрестаннымъ примѣненіямъ внѣшняго міра, и было причиной того, что зоофиты первобытнаго міра достигали все болѣе и болѣе высокихъ ступеней организаціи и живая природа развернула безчисленную свою многосторонность.

Подъ *зоофитами* Тревиранусъ понимаетъ организмы низшаго порядка и простѣйшаго свойства, въ особенности тѣ нейтральныя первичныя существа, стоящія въ срединѣ между животными и растеніями, которыя въ общемъ соотвѣтствуютъ нашимъ протистамъ. «Эти зоофиты—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, суть—тѣ первичныя формы, изъ которыхъ произошли путемъ постепеннаго развитія всѣ организмы высшихъ классовъ. Далѣе, мы придерживаемся того мнѣнія, что всякій видъ, подобно всякому индивиду, проходитъ извѣстные періоды роста, зрѣлости и вымиранія, причемъ послѣднее представляетъ не прекращеніе существованія, какъ у индивидовъ, а *дегенерацію*. Намъ кажется, отсюда слѣдуетъ, въ противоположность общепринятому мнѣнію, что не могло быть тѣхъ великихъ катастрофъ, которыя уничтожили бы животныхъ первобытнаго міра, многія изъ нихъ пережили эти катастрофы и, напротивъ, благодаря этому, они исчезли изъ настоящей природы, какъ какъ тѣ виды, къ которымъ они принадлежали, совершали кругъ своего существованія и перешли въ другіе роды».

Если Тревиранусъ въ этомъ и въ другихъ мѣстахъ разсматриваетъ *дегенерацію*, какъ важнѣйшую причину преобразованія растительныхъ и животныхъ видовъ, то при этомъ онъ понимаетъ не «вырожденіе» или дегенерацію въ современномъ смыслѣ этого слова. Наоборотъ, его «дегенерація» совершенно то же, что мы теперь называемъ *приспособленіемъ* или измѣненіемъ, благодаря внѣшней образовательной силѣ. Что Тревиранусъ объяснялъ это преобразованіе органическихъ видовъ приспособленіемъ и сохраненіе ихъ наслѣдственностью, а все разнообразіе органическихъ формъ взаимодѣйствіемъ приспособленія и наслѣдственности, ясно слѣдуетъ изъ многихъ другихъ его мѣстъ. Насколько же глубоко онъ понималъ взаимную зависимость живыхъ существъ другъ отъ друга, и вообще *универсальную причинную цѣпь*, т. е. общую причинную связь между всѣми членами и частями вселенной, показываетъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто въ біологіи: «Живой индивидъ зависитъ отъ вида, видъ отъ рода, родъ отъ всей живой природы, и послѣдняя отъ организма земли. Индивидъ проявляетъ особую жизнь и въ соотвѣтственной мѣрѣ составляетъ особый міръ. Но такъ какъ его жизнь ограничена, то онъ въ то же время составляетъ органъ этого общаго организма. Всякое живое тѣло существуетъ при посредствѣ вселенной; а вселенная, съ своей стороны, при посредствѣ этого живого тѣла».

Столь глубоко и ясно мыслящій натуралистъ, само собою разумѣется, въ своемъ величественномъ міровоззрѣніи не сдѣлалъ ни малѣйшаго исключенія въ пользу привилегированнаго положенія въ природѣ человѣка; напротивъ, онъ принималъ постепенное развитіе его изъ низшихъ животныхъ формъ. И столь очевидно, съ другой стороны, онъ не видѣлъ никакой пропасти между неорганической и органической природой; напротивъ того, онъ признавалъ абсолютное единство всего мірового зданія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующее мѣсто: «вся-

---

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ:** въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

